

Мюррей Ротбард

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

ОТ АНТИЧНОСТИ
ДО АДАМА СМИТА

1

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Комитет
гражданских
инициатив

Murray N. Rothbard

ECONOMIC THOUGHT BEFORE ADAM SMITH

AN AUSTRIAN PERSPECTIVE ON THE
HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT
VOLUME I

Edward Elgar Publishing Ltd.

Мюррей Ротбард

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Том 1
От Античности до Адама Смита

Электронное издание

Москва • Челябинск
2020

УДК330.8
ББК 65.02
Р79

Murray N. Rothbard
CLASSICAL ECONOMICS
An Austrian Perspective on the History of Economic Thought
Volume II

© Edward Elgar, 1995

Перевод с английского:

Ю. Кузнецов — Введение, Благодарности, гл. 1, Библиографический очерк (9–12);
А. Столяров — гл. 2, 8, 9, 11, 12, 13, 14; В. Зеленев — гл. 3, 10;
А. Куряев — гл. 4, Библиографический очерк (1–8); Гр. Сапов — гл. 5, 6, 7

Ротбард, Мюррей.

Р79 Экономическая мысль : в 2 т. Т. 1. От Античности до Адама Смита / М. Ротбард ; пер. с англ. — Эл. изд. — 1 файл pdf : 615 с. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-91603-710-4

ISBN 978-5-91603-727-2 (Т. 1)

В двухтомной истории экономической мысли от Античности до середины XIX в., преддверия маржиналистской революции, Мюррей Ротбард описывает развитие представлений о ключевых экономических понятиях — редкости благ, обмене, торговле, полезности, ценности, издержках, цене, деньгах, проценте — и связывающих их экономических законах, а также об экономической политике, постепенно эволюционировавшей от всеохватного государственного регулирования и мелочной регламентации до относительного невмешательства и экономической свободы (*laissez faire*).

Автор не ограничивается, как это часто бывает, пунктирным изложением идей Великих Экономистов, а, восстанавливая живую ткань истории, знакомит читателей с «второстепенными» фигурами, чей вклад в развитие экономической науки иногда более весом, чем у многих знаменитостей.

Ротбард показывает, что экономическая теория — это не постоянно прогрессирующая система взглядов, что она может двигаться и порой движется по зигзагообразной и даже попятной траектории, когда более поздние систематические заблуждения вытесняют более ранние, но правильные парадигмы, тем самым направляя экономическую мысль по ошибочному пути.

УДК 330.8

ББК 65.02

Электронное издание на основе печатного издания: Экономическая мысль : в 2 т. Т. 1. От Античности до Адама Смита / М. Ротбард ; пер. с англ. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. — 613 с. — ISBN 978-5-906401-90-8 ; 978-5-906401-92-2 (Т. 1). — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-91603-710-4

ISBN 978-5-91603-727-2 (Т. 1)

© ООО «ИД «Социум», 2019

© Комитет гражданских инициатив, 2020

*Моим наставникам,
Людвигу фон Мизесу и Джозефу Дорфману*

ВВЕДЕНИЕ

Как гласит подзаголовок этой книги, история экономической мысли рассматривается в ней с откровенно «австрийских» позиций, т.е. с точки зрения приверженца «австрийской школы» в экономической теории. Это единственная такого рода работа, написанная современным австрийцем; более того, за последние десятилетия на эту тему австрийцами опубликовано лишь несколько монографий, посвященных специальным областям истории идей¹. Кроме того, взгляд, представленный в этой книге, основан на наименее модном в настоящий момент, но при этом далеко не самом малораспространенном варианте австрийской школы — «мизесианском», или «праксеологическом»².

При этом австрийский характер этой работы — не единственная ее особенность. Когда автор в 1940-х гг. начинал изучать экономическую теорию, в исследовании истории экономической мысли полностью господствовала та же парадигма, которая преобладает и сегодня, хотя и не так явно, как тогда. Фактически она описывает суть истории экономической мысли как список «великих людей», среди которых выделяется почти что основатель этой науки, почти сверхчеловек Адам Смит. Но если Смит был творцом как экономического анализа, так и доктрины свободной торговли, т.е. традиции поддержки свободного рынка в политической экономии, то из этого следует, что ставить под сомнение его предполагаемые достижения есть мелочность и пошлость. Любая жесткая критика Смита как экономиста и как поборника свободного рынка представлялась анахронизмом: глядя на первооткрывателя и основателя с высоты сегодняшнего уровня знаний жалкие последователи несправедливо порицают гиганта, на плечах которого все мы стоим.

Если Адам Смит создал экономическую теорию, подобно тому как Зевс создал Афины, вышедшую из его головы сразу взрослой и в полном вооружении, то его предшественники были просто фоном — мелкими и ничего не значащими персонажами. Поэтому в классических изложениях истории экономической мысли уделялось очень мало внимания тем, кому не повезло быть предшественником Смита. Как правило, их относили к одной из двух категорий, а затем объявляли не имеющими никакого значения. Непосредственными предшественниками Смита были меркантилисты, которых он резко критиковал. Меркантилисты были просто дурачками, убеждавшими людей накапливать деньги, а не тратить их, или настаивавшими на том, что торговля с каждой страной должна быть

---

1 На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. указатель.

Вставки в квадратных скобках принадлежат М. Ротбарду, вставки в угловых скобках — переводчикам и издательству.

«сбалансированной». От схоластов отмахивались еще более бесцеремонно, объявляя их невежественными средневековыми моралистами, неизменно настаивавшими на том, что «справедливая» цена должна покрывать купцу издержки производства с добавлением разумной прибыли.

Затем классические работы 1930—1940-х гг. по истории экономической мысли переходили к изложению и преимущественно прославлению достижений нескольких выдающихся фигур после Смита. Рикардо систематизировал Смита и был доминирующей фигурой в экономической теории до 1870-х гг.; затем «маржиналисты» Джевонс, Менгер и Вальрас слегка подкорректировали «классическую экономическую теорию» Смита—Рикардо, подчеркнув важность отдельной дополнительной единицы блага в отличие от целых классов благ. Затем рассказ переходил к Альфреду Маршаллу, мудро интегрировавшему рикардианскую теорию издержек в якобы односторонний подход австрийцев и Джевонса, делавших упор на спрос и полезность, что привело к созданию современной неоклассической экономической теории. Невозможно было проигнорировать и Карла Маркса, который трактовался в соответствующей главе как путаный последователь Рикардо. В результате историк мог состряпать свой рассказ, ограничившись четырьмя-пятью «крупными фигурами», каждая из которых, за исключением Маркса, добавила несколько новых строительных блоков в здание непрерывного прогресса экономической науки, история которого, по существу, представлялась как движение вперед и вверх, к свету³.

Разумеется, после Второй мировой войны в пантеон был включен Кейнс, составивший новую кульминационную главу в развитии и прогрессе науки. Кейнс, любимый ученик великого Маршалла, понял, что старик упустил из виду то, что позднее было названо «макроэкономикой», так как делал упор исключительно на микроэкономике. И Кейнс добавил макроэкономике, сосредоточившись на изучении и объяснении безработицы — феномена, который все его предшественники почему-то не включали в общую экономическую картину или отметали, легкомысленно вводя для своего удобства «предположение о полной занятости».

С тех пор господствующая парадигма оставалась в основном неизменной, хотя в последнее время небо на горизонте стало заволакиваться тучами. Прежде всего такого рода история непрерывного движения вверх благодаря «великим людям» требует периодического добавления новых последних глав. «Общая теория занятости, процента и денег» Кейнса была опубликована в 1936 г., т.е. сегодня это работа уже почти шестидесятилетней давности. За это время не мог не появиться новый «великий человек», вписавший последнюю главу. Но кто это? Какое-то время на эту роль претендовал Шумпетер с его современным и вроде бы реалистическим акцентом на «инновациях». Но это направление с треском провалилось — возможно, из-за понимания того простого факта, что фундаментальная работа Шумпетера (или «видение», как он сам ее пронципально назвал) была написана за два десятилетия до «Общей теории». С 1950-х гг.

наступил темный период; возвращение же к некогда забытому Вальрасу трудно впихнуть в прокрустово ложе непрерывного прогресса.

Моя собственная точка зрения о глубокой порочности подхода, основанного на концепции «нескольких великих людей», сформировалась во многом под влиянием работ двух блестящих исследователей интеллектуальной истории. Один из них — Джозеф Дорфман, мой научный руководитель во время написания докторской диссертации, чей уникальный многолетний труд по истории американской экономической мысли убедительно продемонстрировал, насколько важную роль в развитии идей играют «менее значительные» фигуры. Во-первых, не учитывать эти фигуры — значит упускать из виду саму ткань истории, и если отобрать несколько разрозненных текстов, из которых состоит История Идей (с большой буквы), и трястись над ними, то история таким образом оказывается сфальсифицированной. Во-вторых, многие якобы второстепенные лица внесли значительный вклад в развитие идей, причем в ряде случаев больший, чем вклад горстки выдающихся мыслителей. Таким образом, важные аспекты экономической мысли оказываются опущены, и получающаяся в конце концов теория оказывается мелкотравчатой, выхолощенной и безжизненной.

Более того, при подходе, основанном на выделении «немногих великих людей», игнорируется диалогичность самой истории, контекст идей и движений, то, как люди влияли и реагировали друг на друга. Самой наглядной демонстрацией этого аспекта работы историка для меня стал двухтомный труд Квентина Скиннера «Истоки современной политической мысли», значение которого можно по достоинству оценить и не разделяя бихевиористской методологии автора⁴.

Для меня — как, вероятно, и для всех — идея непрерывного прогресса науки, ее движения «вперед и вверх» была полностью опровергнута знаменитой книгой Томаса Куна «Структура научных революций»⁵. Ее автор уделил ноль внимания экономической науке, вместо этого сосредоточившись на таких неизменно «точных» науках, как физика, химия и астрономия, что является стандартной практикой у философов и историков науки. Введя в интеллектуальный дискурс слово «парадигма», Кун разрушил то, что я предпочитаю называть «виговской теорией истории науки». Эта теория, которую разделяют почти все историки науки, в том числе экономической, состоит в том, что научная мысль развивается постепенно, год за годом, путем разработки, тщательного анализа и проверки теорий, и таким образом наука движется вперед и вверх, с каждым годом, десятилетием и поколением узнавая больше и получая все более правильные научные теории. Подобно стороннику виговской теории истории, придуманной в Англии в XIX в., согласно которой положение дел постоянно улучшается (и поэтому не может не улучшаться), адепт виговской теории истории науки явно или неявно утверждает (на первый взгляд с большим основанием, чем обычный виг-историк), что в любой отдельной научной дисциплине «более позднее, всегда лучше

более раннего». Независимо от того, занимается ли он историей науки или историей вообще, он, по сути, утверждает, что в любой момент исторического времени «то, что фактически имело место, и было правильным» или, по крайней мере, оно было лучше, чем «то, что было раньше». Неизбежным результатом становится самодовольный оптимизм в духе доктора Панглосса, который не может не вызывать острого раздражения. В историографии экономической мысли следствием такой позиции становится твердая, хотя и не выраженная явно точка зрения, что каждый отдельный экономист или по крайней мере каждая экономическая школа внесла свою важную лепту в неизбежное движение вверх. Поэтому неоткуда взяться крупной системной ошибке, которая сделала бы глубоко ущербной или даже несостоятельной целую школу экономической мысли, не говоря уж о том, чтобы завести в тупик всю экономическую науку в целом.

Однако Кун потряс мир философии, продемонстрировав, что наука развивается совсем не так. После того как центральная парадигма выбрана, никто не занимается ни проверкой, ни отсеиванием, а попытки проверить базовые послышки предпринимаются лишь тогда, когда серия провалов и аномалий в господствующей парадигме ввергает науку в «стояние кризиса». Совершенно не нужно принимать нигилистический философский подход Куна — подразумевающий, что ни одна парадигма не является и не может быть лучшей, чем другая, — чтобы понять, что его не столь прекраснородушный взгляд на науку выглядит правдоподобным и с исторической, и с социологической точки зрения.

Но если стандартное романтическое, или оптимистическое, представление не работает в случае строгих наук, то тем более оно не может не быть полностью неадекватным применительно к таким «нестрогим наукам», как экономика — дисциплина, в которой невозможна лабораторная экспериментальная проверка и где на экономические представления человека оказывают влияние многочисленные еще менее строгие дисциплины, такие как политика, религия и этика.

Поэтому для экономической науки не может быть действительной никакая презумпция о том, что более поздние идеи лучше, чем более ранние, или что все знаменитые экономисты внесли заметную лепту в развитие этой дисциплины. Нельзя ведь утверждать, что каждый из них поучаствовал в возведении некоего постоянно растущего здания, — представляется более вероятным, что экономическая теория развивалась конфликтным, зигзагообразным образом, когда более поздняя системная ошибка порой вытесняла прежние, но более адекватные парадигмы, направляя тем самым экономическую мысль по совершенно ошибочному, а возможно, и трагическому пути.

В последние годы экономическая теория, находящаяся под доминирующим влиянием формализма, позитивизма и эконометрики и выставяющая себя в качестве строгой науки, не проявляет особого интереса к своему прошлому. Она сосредоточена, как и всякая «настоящая» наука,

на только что вышедшей журнальной статье или новейшем учебнике, а не на исследовании собственной истории. Ведь не тратят же современные физики много времени на обдумывание оптики XVIII века!

Однако в последние одно-два десятилетия доминирующая парадигма вальрасианско-кейнсианского неоклассического формализма все больше ставится под сомнение, и в различных отраслях экономической теории складывается действительно «кризисное состояние» в куновском смысле, включающее озабоченность по поводу ее методологии. В этой ситуации изучение истории экономической мысли вновь серьезно заявляет о себе, и мы надеемся и ожидаем, что в ближайшие годы оно будет расширяться⁶. Ибо если знание, похороненное вместе с утерянными парадигмами, может исчезнуть и быть забыто с течением времени, то из этого следует, что можно заниматься изучением экономистов и теоретических школ прошлого не только из интереса к старине и не только для того чтобы узнать, как протекала интеллектуальная жизнь в прежние времена. Старых экономистов можно изучать ради их важного вклада в то знание, которое сегодня забыто и уже в силу этого является новым. Важные истины, относящиеся к содержанию экономической теории, могут быть извлечены не только из новейших журнальных выпусков, но и из текстов давно умерших экономических мыслителей.

Но все это лишь методологические обобщения. Конкретное понимание того, что важное экономическое знание с течением времени было утеряно, пришло ко мне в результате освоения того великого пересмотра трактовки схоластики, который произошел в 1950—1960-х гг. Кардинальным прорывом в этом ревизионистском направлении стала великая работа Шумпетера «История экономического анализа», а развитие он получил в трудах Раймонда де Рувера, Марджори Грайс-Хатчинсон и Джона Нунана. Оказалось, что схоласты были не просто «средневековыми» — это направление, зародившееся в XIII в., развивалось и процветало вплоть до XVI—XVII вв. Схоласты вовсе не были моралистами, объяснявшими цену издержками производства, а считали, что справедливая цена — это та цена, которая установилась на основе «общей оценки» свободного рынка. Но и это не всё: они не только не были сторонниками наивной теории ценности, объясняющей последнюю затратами труда или издержками производства, но их можно рассматривать как «протоавстрийцев», создавших тщательно разработанную теорию ценности и цен, основанную на субъективной полезности. Кроме того, некоторые из схоластов намного превосходили современную формалистическую микроэкономику тем, что развили «протоавстрийскую» динамическую теорию предпринимательства. Наконец, в сфере «макроэкономики» схоласты, начиная с Буридана и заканчивая кульминацией развития этого направления, которой стали испанские схоластические авторы XVI в., построили «австрийскую», а не монетаристскую теорию денег и цен, основанную на понятиях спроса и предложения и включающую в себя такие разделы,

как межрегиональные денежные потоки и даже теория паритета покупательной способности, объясняющая обменные курсы валют.

По-видимому, не случайно, что толчком к этому коренному пересмотру представлений о схоластике для американских экономистов (к числу достоинств которых обычно не относится владение латинским языком) стали работы экономистов, получивших образование в Европе и поднаторевших в латыни — языке, на котором писали схоласты. Этот простой факт обращает наше внимание еще на одну причину утери знания в современном мире: изолированность в рамках собственного языка (особенно остро дающая о себе знать в англоязычных странах), которая со времен Реформации разорвала на части некогда единое общеевропейское сообщество ученых. Одно из объяснений того, почему континентальная экономическая мысль зачастую оказывала лишь минимальное влияние на Англию и США или, в лучшем случае, оказывала его с большим опозданием, заключается просто-напросто в том, что европейские работы не переводились на английский язык⁷.

Для меня воздействие исторического ревизионизма в отношении схоластики дополнялось и усиливалось создававшимися в те же десятилетия работами Эмиля Каудера, «австрийского» историка экономических идей, родившегося в Германии. Он обнаружил, что доминировавшая в XVII и особенно в XVIII в. во Франции и Италии экономическая мысль тоже была «протоавстрийской», делавшей упор на субъективную полезность и относительную редкость как на детерминанты ценности. Отталкиваясь от этой подготовительной работы, Каудер пришел к удивительному прозрению в отношении Адама Смита, которое тем не менее прямо вытекало из его собственных результатов и из трудов ревизионистских историков схоластики: Адам Смит не только не был основателем экономической теории, но и сыграл фактически противоположную роль. В действительности он получил от предшественников почти полностью разработанную, протоавстрийскую традицию теории субъективной ценности и, к величайшему прискорбию, направил экономическую теорию по ложному пути, заведшему ее в тупик, из которого австрийцам пришлось ее вытаскивать столетие спустя. Смит отбросил субъективную ценность, предпринимательство и акцент на рыночной активности и реальном формировании рыночных цен и заменил все это трудовой теорией ценности, а основное внимание сосредоточил на неизменном долгосрочном равновесии при «естественной цене», т.е. на мире, в котором предпринимательство отсутствует по определению. Усилиями Рикардо это трагическое смещение фокуса было усилено и приобрело форму законченной системы.

Смит не был не только создателем экономической теории, но и основателем традиции *laissez faire* в политической экономии. Не только схоласты анализировали свободный рынок, верили в него и критиковали государственное вмешательство; французские и итальянские экономисты XVIII в. были более ориентированы на *laissez faire*, чем Смит, разбавив-

ший многочисленными увертками и оговорками то, что в устах Тюрго и других авторов было практически беспримесной защитой *laissez faire*. Адам Смит оказался вовсе не той фигурой, которую следует почитать как основателя современной экономической науки и доктрины невмешательства государства в экономическую жизнь; ему в большей степени подходит та характеристика, которую ему дал Пол Дуглас на юбилейных торжествах в Чикаго в 1926 г.: необходимый предшественник Карла Маркса.

Вклад Эмиля Каудера не ограничивается характеристикой Адама Смита как разрушителя существовавшей до него здоровой традиции экономической теории, как человека, положившего начало гигантскому «скачку вбок», если придерживаться зигзагообразной, в духе концепции Куна, картины истории экономической мысли. Не менее захватывающим, хотя и более спекулятивным является описание Каудером существенной причины загадочной асимметрии в развитии экономической мысли в разных странах. Например, почему традиция субъективной полезности процветала на континенте, особенно во Франции и Италии, а затем возродилась в Австрии, в то время как трудовая теория ценности и теория детерминации ценности издержками производства развивались в основном именно в Великобритании? Каудер объясняет это различие глубоким влиянием религии: схоласты были католиками, Франция, Италия и Австрия были католическими странами, а католицизм делал акцент на потреблении как цели производства и считал полезность для потребителя и получение удовольствия от потребления, по крайней мере если оно остается в рамках умеренности, активностью, которая обладает ценностью. Напротив, британская традиция, начиная с самого Смита, была кальвинистской и отражала тот факт, что кальвинизм делал упор на усердную работу и трудовые усилия не только как на единственное благо, но и как на величайшее благо по самой своей сущности, и воспринимал потребительское удовлетворение как в лучшем случае необходимое зло, как всего лишь необходимое условие для продолжения труда и производства.

Когда я читал Каудера, этот его взгляд поначалу показался мне весьма нетривиальной, но все же недоказанной спекуляцией. Однако по мере дальнейшего изучения экономических идей и в ходе написания томов этой книги я пришел к выводу, что его идея многократно подтверждается. Хотя Смит и был «умеренным» кальвинистом, тем не менее он был твердым приверженцем этого учения, и я был вынужден заключить, что его кальвинистская тенденция может служить объяснением, например, поддержки им законов о ростовщичестве, в противном случае представляющейся совершенно загадочной, а также смещения им акцента при объяснении ценности с капризного, любящего роскошь потребителя на добродетельного работника, закладывающего часы своего тяжелого труда в ценность произведенного им материального продукта.

Но если феномен Смита можно объяснить кальвинизмом, то как насчет Давида Рикардо, испано-португальского еврея, обратившегося

в квакерство, который определенно не был кальвинистом? Здесь, как мне кажется, существенной частью объяснения может служить доминирующая роль Джеймса Милля, учителя Рикардо и главного основателя «рикардианской системы». Ведь Милль был шотландцем, рукоположенным в пресвитерианские пасторы и насквозь пропитанным кальвинизмом; то, что Милль переехал в Лондон и стал агностиком, не оказало никакого влияния на кальвинистский характер его глубинного отношения к жизни и миру. Огромная проповедническая энергия Милля, его пламенная борьба за социальные улучшения и приверженность к упорному труду (а также к родственной ему кальвинистской добродетели бережливости) отражали его кальвинистское мироощущение, которому он оставался верен на протяжении всей жизни. Возрождение рикардизма в трудах Джона Стюарта Милля можно интерпретировать как проявление преданности и почтения по отношению к доминирующему отцу. Осуществленная Альфредом Маршаллом тривиализация открытий австрийской школы в рамках неорикардизанской схемы тоже является продуктом мысли неокальвиниста, склонного к проповедничеству и к крайней степени морализаторства.

И наоборот, совершенно не случайным было то, что австрийская школа, ставшая главным вызовом представлениям Смита и Рикардо, появилась в стране, которая была преимущественно католической, ценности и менталитет которой все еще находились под сильным влиянием идей аристотелизма и томизма. Немецкие предшественники австрийской школы жили и работали не в протестантской и антикатолической Пруссии, а в тех германских государствах, которые были либо католическими, либо союзными Австрии, а не Пруссии.

Результатом всех этих исследований для меня стало растущее убеждение в том, что пренебрежение религиозными взглядами, а также социальной и политической философией катастрофически искажает картину истории экономических идей. Это совершенно очевидно применительно к периоду до XIX в., но верно и для нашего столетия, несмотря на то что технический аппарат науки к этому времени уже во многом зажил своей жизнью.

Вследствие этих соображений тома данной книги сильно отличаются от стандартных сочинений такого рода не только тем, что представляют австрийскую, а не неоклассическую или институционалистскую точку зрения. Вся работа в целом намного длиннее, чем большинство аналогичных, так как она неизменно уделяет внимание «менее значительным» фигурам и их взаимодействию друг с другом, а также делает упор на важность их религиозной и социальной философии, а не только «экономических» взглядов в узком смысле. Однако я надеюсь, что объем и включение в рассмотрение всех этих элементов не делают эту работу менее удобочитаемой. Напротив, история с необходимостью предполагает нарратив, обсуждение не только абстрактных теорий, но и реальных личностей; она включает в себя триумфы, трагедии и конфликты,

причем последние зачастую имеют не только чисто теоретический, но и этический характер. Поэтому я надеюсь, что нетипично большой объем книги будет компенсирован для читателя тем, что драма человеческой жизни будет отражена в ней гораздо больше, чем это обычно бывает в трудах по истории экономической мысли.

Мюррей Ротбард
Лас-Вегас, Невада

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Капитальный и весьма ценный труд Йозефа Шумпетера «История экономического анализа» (Joseph Schumpeter, *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press, 1954 <Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1—3. СПб.: Экономическая школа, 2001>) порой называют «австрийским». Но хотя Шумпетер вырос в Австрии и обучался под руководством великого австрийца Бём-Баверка, он был убежденным последователем Вальраса, и вдобавок его работа эклектична и не может быть отнесена ни к какой школе.
2. Характеристику трех ведущих в настоящее время парадигм в рамках австрийской школы см. в: Murray N. Rothbard, *The Present State of Austrian Economics* (Auburn, Ala: Ludwig von Mises Institute, 1992).
3. Когда автор этих строк готовился к устным экзаменам на докторскую степень в Колумбийском университете, его экзаменатором по истории экономической мысли был почтенный Джон Морис Кларк. Когда он спросил Кларка, читал ли тот Джевонса, Кларк ответил довольно неожиданным образом: «А зачем? Все, что есть хорошего у Джевонса, есть и у Маршалла».
4. Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization* (5 vols, New York: Viking Press, 1946–1959); Quentin Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought* (2 vols, Cambridge: Cambridge University Press, 1978) <Скиннер К. Истоки современной политической мысли. М.: Дело, 2018>.
5. Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions* (1962, 2nd ed., Chicago: University of Chicago Press, 1970) <Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003>.
6. Благоприятным знаком этой недавней смены подходов может служить то внимание, которое в последние годы уделяется критике неоклассического формализма как полностью зависящего от устаревшей механики XIX в. Блестящий пример см. в: Philip Mirowski, *More Heat than Light* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989).
7. Сегодня, когда английский язык стал европейским lingua franca, и большинство европейских журналов публикуют англоязычные статьи, этот барьер снизился до минимума.

БЛАГОДАРНОСТИ

Непосредственным вдохновителем создания этих томов стал Марк Скоузен из Роллинз-Колледжа, штат Флорида, который настоятельно советовал мне написать историю экономической мысли с точки зрения австрийской школы. Он же убедил Институт политической экономии поддержать мое исследование в течение первого академического года работы над ним. Первоначально Марк представлял себе этот текст как стандартную книгу среднего размера, посвященную периоду от Адама Смита до настоящего времени, т.е. как своего рода «анти-Хейлбронер». Однако, поразмыслив над задачей, я сказал ему, что следовало бы начать с Аристотеля, так как Смит являл собой резкое ухудшение по сравнению со многими его предшественниками. Никто из нас тогда не представлял охват и объем предстоящего исследования.

Невозможно перечислить всех людей, у которых я чему-либо научился в ходе преподавания и обсуждения истории экономической мысли и связанных с ней дисциплин на протяжении всей моей жизни. Здесь я вынужден опустить большинство из них и упомянуть лишь нескольких. Посвящением к книге я признаю свой огромный долг перед Людвигом фон Мизесом за созданное им грандиозное здание экономической теории, за все, чему он меня научил, за дружбу и за тот вдохновляющий пример, которым стала его жизнь, а также перед Джозефом Дорфманом за его первопроходческий труд в области истории экономической мысли, за подчеркивание им важности первичной материи истории, а также за сами его теории и за старательное обучение меня историческому методу.

Я в большом долгу перед Луэллином Роквеллом за создание и организацию Института Людвиг фон Мизеса, учрежденного при Университете Оберна, штат Алабама, и за превращение его в течение десятилетия в процветающий и высокопроизводительный центр развития австрийской школы экономической теории и ее преподавания. Для меня не последнюю роль сыграло то, что Институт Мизеса привлек исследователей, у которых я смог многому научиться, и объединил их в сеть. Здесь я должен особо выделить Джозефа Салерно из Университета Пейс, который проделал в высшей степени творческую работу в сфере истории экономической мысли, а также Дэвида Гордона, сотрудника Института Мизеса, человека энциклопедических знаний и «исследователя исследователей», в чьих многочисленных работах по философии, экономической теории и интеллектуальной истории воплотилась лишь малая часть его эрудиции в этих и многих других областях. Благодарю также Гэри Норту, главу Института христианской экономики в Тайлере, штат Техас, за полезные библиографические указания, касающиеся Маркса и социализма в целом, а также за объяснение премудростей,

связанных со всевозможными разновидностями миллениаризма — пре-, пост- и амиллениаризма. Разумеется, никто из названных людей не несет ответственности за какие-либо ошибки, содержащиеся в этой книге.

Большая часть моей исследовательской работы была выполнена благодаря богатейшим ресурсам библиотек Колумбийского и Стэнфордского университетов а также библиотеки Университета штата Невада в Лас-Вегасе — с добавлением моего собственного книжного собрания, накопленного на протяжении многих лет. Я остаюсь одним из немногих ученых, упорно приверженных к низкотехнологичным пишущим машинкам вместо того, чтобы перейти к использованию компьютеров и текстовых редакторов, и это обусловило мою зависимость от машинисток, из которых я особо хотел бы отметить двоих — Жанет Банкер и Донну Эванс из Университета штата Невада в Лас-Вегасе.

ГЛАВА 1

ПЕРВЫЕ ФИЛОСОФЫ-ЭКОНОМИСТЫ: ДРЕВНИЕ ГРЕКИ

Как обычно, все началось с древних греков. Античные греки стали первым цивилизованным народом, применившим свой разум для систематического осмысления окружающего их мира. Греки были первыми философами (*philo sophia* — любители мудрости), первым народом, который стал глубоко задумываться и осмыслять то, каким путем добываются и проверяются знания об окружающем мире. Другие племена и народы, как правило, считали природные явления прихотью богов. Например, сильная гроза могла быть приписана чему-то, что раздражало бога грома. Вызвать дождь или обуздать ужасные грозы означало выяснить, какие действия человека угодны богу дождя или умилостивят бога грома. Такие люди любые попытки обнаружить природные причины дождя или грома сочли бы глупостью. Вместо этого следовало понять, чего хотели соответствующие боги, а затем попытаться удовлетворить их желания.

Грекам, наоборот, хотелось задействовать свой разум — свою способность наблюдать и логически мыслить — с целью исследования и познания мира. Поэтому они постепенно перестали беспокоиться о прихотях богов и занялись изучением окружающих их реальных объектов. Ведомые в частности великим афинским философом Аристотелем (384—322 до н.э.), блестящим и творческим систематизатором, который в более поздние эпохи получил известность как Философ, древние греки развили теорию, метод рассуждения и науку, которые позднее стали называться *природным законом*.

1.1. ПРИРОДНЫЙ ЗАКОН

В основе природного закона лежит фундаментальная идея, гласящая, что для того, чтобы *быть*, нужно быть *чем-то*, т.е. какой-то конкретной вещью или сущностью. Не существует абстрактного бытия. Все, что *есть*, является конкретным предметом, будь то камень, кошка или дерево. Эмпирическим путем был установлен факт, что во Вселенной имеется более чем одна-единственная вещь; в реальности существуют тысячи, если не миллионы видов вещей. Каждая вещь имеет свой собственный набор свойств или атрибутов, свою *природу*, что и отличает ее от вещей других видов. Камень, кошка, вяз; у каждого есть своя особая природа, которую человек может обнаружить, исследовать и определить.

Если возможно обнаружить и исследовать природу сущностей X и Y , то возможно обнаружить, что происходит и при *взаимодействии* этих сущностей. Предположим, например, что когда определенное количество X взаимодействует с данным количеством Y , получается определенное количество еще одной сущности Z . Тогда можно сказать, что *причиной* появившейся Z стало взаимодействие X и Y . Так химики могут обнаружить, что когда две молекулы водорода взаимодействуют с одной молекулой кислорода, то в результате получается одна молекула новой сущности — воды. Все эти сущности — водород, кислород и вода — обладают конкретными, доступными для изучения свойствами, или природой, которую возможно определить.

Тогда очевидно, что понятия *причины* и *следствия* являются неотъемлемой частью анализа природного закона. События в мире можно проследить вплоть до взаимодействия конкретных сущностей. Поскольку их природные свойства даны, и их возможно определить, при аналогичных условиях взаимодействие различных сущностей будет воспроизводимым. Одни и те же причины всегда будут давать один и тот же результат.

Для философов — последователей Аристотеля логика была не отдельной и изолированной дисциплиной, а неотъемлемой частью природного закона. Так, основной процесс определения сущностей «классической», или Аристотелевой, логики приводит к закону тождества: вещь не может быть ничем иным, кроме того, чем она является: a есть a .

Отсюда следует, что сущность не может быть отрицанием себя. Или, иначе говоря, получаем закон непротиворечия: вещь не может быть и a , и не- a ; a не является и не может быть не- a .

Наконец, в нашем мире многочисленных видов сущностей что-то должно или быть a или не должно им быть; иначе говоря, это будет a либо не- a . Ничто не может быть и тем и другим. Это приводит к третьему, хорошо известному закону классической логики — закону исключенного третьего: во Вселенной все либо a , либо не- a .

Но если каждая сущность во Вселенной, если водород, кислород, камень или кошки могут быть определены, а их природа исследована, то, значит, познаваем и человек. У человеческих существ также должна быть своя природа, свои определенные свойства, которые могут быть изучены и из которых возможно извлечь знание. Человеческие существа уникальны во Вселенной, потому что они могут и познают себя и окружающий их мир и пытаются выяснить, какие им следует преследовать цели и какие средства они могут использовать для их достижения.

Понятие «хороший» (и, соответственно, «плохой») имеет отношение только к живым существам. Поскольку камни или молекулы не имеют целей или намерений, всякое представление о том, что может быть «хорошим» для молекулы или камня, справедливо считалось бы странным. Однако то, что может быть «хорошим» для вяза или для собаки, приобретает огромный смысл: в частности, «хорошим» является то, что ве-

дет к выживанию и процветанию живого существа. «Плохим» — все то, что вредит жизни или благополучию живого существа. Таким образом, можно разработать этику «вяза», выяснив, какими должны быть условия для наилучшего роста и поддержания жизни вязов: почва, солнце, климат и т.д.; и избегая условий, которые считаются для вязов «плохими»: болезни, засуха и т.д. Подобный набор этических свойств можно разработать для самых разных видов животных.

Таким образом, с позиций природного закона этика имеет смысл только по отношению к живым существам (или *видам*). То, что хорошо для капусты, будет отличаться от того, что хорошо для кроликов, и, в свою очередь, будет отличаться от того, что хорошо или плохо для человека. Этика каждого вида будет иметь отличия, соответствующие его природе.

Человек — единственный вид, который может — и действительно должен — разработать собственную этику. Растения не обладают сознанием и, следовательно, не могут выбирать или действовать. Сознание животных узко перцептивное, они не способны мыслить концептуально: они не обладают способностью формулировать идеи и высказывать в соответствии с замыслом. Человек, согласно знаменитому высказыванию Аристотеля, это единственное *разумное животное* — вид, который использует разум для восприятия ценностей и этических принципов и который действует с целью достичь эти цели. Человек *действует*; т.е. он принимает ценности и цели и выбирает пути для их достижения.

Поэтому, стремясь к целям и реализуя способы их достижения, человек должен исследовать и работать, оставаясь в рамках природного закона: свойств самого себя и свойств других существ и способов, с которыми ему, возможно, придется взаимодействовать.

Западная цивилизация в огромной степени является древнегреческой; и две великие философские традиции античной Греции, во многом сформировавшие мышление Запада, были традициями Аристотеля и традицией его великого учителя и антагониста Платона (428—347 до н.э.). Как уже было сказано, в глубине души каждый человек относится либо к последователям Платона, либо к последователям Аристотеля, и граница проходит по всей линии соприкосновения этих учений. Платон первым применил подход с позиций естественного права, который Аристотель развил и систематизировал; однако основные направления были совершенно разными. Для Аристотеля и его последователей существование человека, как и всех остальных существ, является «случайным», т.е. не является необходимым и вечным. Только существование Бога необходимо и вне времени. Случайность человеческого существования является просто неотъемлемой частью природного порядка и должна быть принята в качестве таковой.

Однако для платоников, особенно как это сформулировал последователь Платона египтянин Плотин (204—270 н.э.), эти неизбежные ограничения естественного состояния человека неприемлемы и должны быть преодолены. Для платоников действительное, конкретное, фактическое

существование человека во времени было слишком ограниченным. В отличие от этого существование (которое включает в себя всё, что каждый из нас когда-либо видел) они понимали как грехопадение, падение с вершин изначального несуществования, идеального, совершенного, вечного бытия человека, богоподобного совершенства и, следовательно, ничем не ограниченного. Платоники весьма причудливым языком описывали это идеальное и несуществующее существо как *действительно существующее*, истинной сущностью человека, от которой мы все были отчуждены или отрезаны. Природа человека (и всех других сущностей) в нашем мире состоит в том, чтобы быть чем-то и существовать во времени; однако в понимании платоников действительно существующий человек должен жить вечно, жить вне времени и не иметь никаких ограничений. Следовательно, человек пребывает на земле в состоянии деградации и отчуждения, и его предполагаемая цель должна состоять в том, чтобы найти свой собственный путь назад к «истинной» безграничной и совершенной личности, к своему якобы исходному состоянию. Разумеется, все это принимается без каких-бы то ни было доказательств — и в самом деле, ведь сами по себе доказательства есть ограничения и поэтому — в понимании платоников — всё портят.

Как мы убедимся в дальнейшем, взгляды Платона и Плотина на якобы отчужденное состояние человека оказали большое влияние на работы Карла Маркса и его последователей. Другим мыслителем, взгляды которого радикально расходились с аристотелевской традицией, ставшим протечей Гегеля и Маркса, был философ раннего досократовского периода Гераклит Эфесский (ок. 535 — 175 до н.э.).

Он был досократиком в том смысле, что жил до великого учителя Платона Сократа (470—399 до н.э.), ничего не написавшего, но труды которого дошли до нас в интерпретации Платона и некоторых других его последователей. Гераклит, которому греки дали меткое прозвище «Темный», учил, что иногда противоположности — *a* и не-*a* — могут быть тождественны или, другими словами, что *a* может быть не-*a*. Такое пренебрежение элементарной логикой можно было бы, вероятно, простить кому-то вроде Гераклита, который писал еще до того, как Аристотель разработал классическую логику, однако трудно оставаться столь же толерантным к его более поздним последователям.

1.2. ПОЛИТИКА ПОЛИСА

Когда человек, используя свой разум, переносит свое внимание с неживого мира на мир самого человека и на социальную организацию, тогда чистому разуму становится трудно избежать предубеждений и предрассудков, накладываемых политическими рамками эпохи. Это утверждение справедливо по отношению ко всем древним грекам, включая Сократа, Платона и Аристотеля. Греки жили в малых городах-государствах

(полисах), и некоторые из них оказались способны создать собственные заморские империи. Крупнейший город-государство Афины занимал территорию площадью всего около одной тысячи квадратных миль или половину площади современного штата Делавэр. Ключевым аспектом греческой политической жизни было то, что город-государство находился под властью жесткой олигархии привилегированных граждан, главным образом крупных землевладельцев. Большинство населения города-государства составляли рабы или осевшие здесь иностранцы, первые, как правило, занимались ручным трудом, вторые — коммерцией. Гражданство было исключительной привилегией потомков граждан. В то время как греческие города-государства колебались между прямой тиранией и демократией, в почти «демократических» Афинах, например, привилегии демократического правления были актуальны лишь для 7% населения, все остальное были либо рабами, либо иностранцами-поселенцами. (Так, в Афинах V в. до н.э. при населении в 400 тыс. человек число граждан составляло всего около 30 тыс.)

Будучи привилегированными землевладельцами, живущими за счет налогов и продукции, производимой рабами, афинские граждане располагали досугом для проведения голосований, дискуссий, занятий искусством и — для особо умных — философией.

Хотя философ Сократ сам был сыном каменотеса, его политические взгляды отличались сверхэлитарностью. В 404 г. до н.э. деспотическое государство Спарты завоевало Афины и установило господство террора, получившее известность как правление Тридцати тиранов. Когда годом позже афиняне свергли этот недолговечный режим, восстановленная демократия казнила пребывавшего уже в преклонном возрасте Сократа, обвинив его в симпатиях к спартанскому правлению. Этот опыт склонил Платона, блестящего молодого ученика Сократа, отпрыска знатного афинского семейства к, как сегодня это можно было бы определить, «ультраправой» приверженности аристократическому и деспотическому правлению.

Через десять лет на окраине Афин Платон основал собственную академию, мозговой центр, в котором не только учили абстрактной философией и проводили исследования, но и разрабатывали политические программы социального деспотизма. Сам Платон трижды безуспешно пытался установить деспотический режим в городе-государстве Сиракузы, и при этом не менее девяти студентов Платона сумели утвердиться в качестве тиранов в различных городах-государствах по всей Греции.

Хотя Аристотель был политически более умеренным, чем Платон, его аристократическая приверженность полису была вполне очевидна. Аристотель родился в прибрежном македонском городке Стагире, в аристократической семье, и в 367 г. до н.э. в 17-летнем возрасте поступил студентом в Академию Платона. Там он оставался до самой смерти Платона, последовавшей 20 лет спустя, после чего покинул Афины и в конце концов вернулся в Македонию, где был принят ко двору короля Филип-

па и стал наставником молодого Александра Великого, будущего завоевателя мира. В 335 г. до н.э. после восшествия Александра на престол Аристотель вернулся в Афины и основал собственную школу философии в Лицее, откуда его великие произведения и дошли до нас в виде лекций, составленных им самим или записанных его учениками. После смерти Александра в 323 г. до н.э. афиняне почувствовали себя достаточно свободными, чтобы выплеснуть весь свой гнев в адрес македонян и их сторонников. Аристотель был изгнан из города и вскоре после этого умер.

Приверженность сократиков аристократии и сама жизнь в условиях олигархического полиса оказали на них большее влияние, чем разнообразные экскурсы Платона в область теоретических коллективистских утопий правого толка или практические попытки его учеников установить тиранию, поскольку именно социальный статус и политические склонности сократиков обуславливали их этическую и политическую философию и их экономические взгляды. Так, согласно и Платону, и Аристотелю «хорошо» для человека не то, чего человек добивается индивидуально, и не то, что каждый человек наделен правами, которые не должны ущемляться или на которые не должны быть посягательств со стороны ближнего. Для Платона и Аристотеля естественным было считать «хорошим» не то, что совершается индивидом, а что совершается полисом. Понятия добродетели и хорошей жизни были ориентированы скорее на полис, нежели на индивида. Все это означает, что идеи Платона и Аристотеля были насковзь этатистскими и элитарными. К сожалению, этим этатизмом пронизана вся «классическая» (древнегреческая и древнеримская) философия; на христианскую и средневековую мысль он оказал столь же сильное влияние. Поэтому классическая философия, опирающаяся на «природный закон», сначала в Средние века, а затем в XVII—XVIII вв. так и не получила дальнейшего развития на основе «природных прав» личности, на которые не может посягать ни человек, ни государство.

Непосредственно в экономической сфере этатизм греков означал обычное для аристократов превозношение мнимых достоинств военного искусства и сельского хозяйства, а также широко распространенное презрение к труду и торговле и, следовательно, к стремлению зарабатывать деньги и искать возможности для получения прибыли. Так, Сократ, открыто презирая труд как нездоровый и вульгарный, цитирует высказывание царя Персии о том, что на сегодняшний день самые благородные искусства — это сельское хозяйство и война. И Аристотель писал, что никаким достойным гражданам «не должно быть позволено осуществлять никакую низкую механическую работу или перевозку в силу ее подлости и разрушительности для добродетели»⁽¹⁾.

Более того, возвышение греческого полиса над личностью стало причиной смутности представлений греков об экономических инновациях и предпринимательстве. В конце концов, предприниматель, динамичный новатор, есть воплощение индивидуального эго и творчества и, сле-

довательно, предвестник не только экономического роста, но и зачастую доставляющих беспокойство социальных изменений. Этический идеал древних греков и Сократа в отношении индивида состоял не в раскрытии и реализации внутренних возможностей, а в формировании публично-го/политического существа, подогнанного под требования полиса. Этот тип социального идеала создавался в целях пропаганды застывшего общества людей с политически определенным статусом и, безусловно, не общества творческих энергичных людей и новаторов.

1.3. ПЕРВЫЙ «ЭКОНОМИСТ»: ГЕСИОД И ПРОБЛЕМА РЕДКОСТИ БЛАГ

Было бы заблуждением полагать, что древние греки были «экономистами» в современном понимании. Закладывая основы философии, они размышляли о человеке и его мире, и в их философствованиях попадают отдельные элементы политэкономических или даже строго экономических мыслей и идей. Однако трактатов по экономике как таковой никто не писал. Это правда, что термин «экономика» греческого происхождения и является производным от греческого *oikonomia*, однако *oikonomia* означает не «экономика» в нашем понимании, а «искусство ведения домашнего хозяйства», и в трактатах по «экономике» обсуждалось то, что сегодня можно было бы назвать технологией управления домашним хозяйством — дело, наверное, полезное, однако это, безусловно, не то, что мы считаем экономической наукой сегодня. Более того, есть опасность, избежать которой, к сожалению, не удалось многим одаренным историкам экономической мысли, усматривающим в обрывочных фразах древних мудрецов знания, которые сегодня накопила экономическая наука. Разумеется, мы не должны упустить из виду никого из гигантов прошлого, и в то же время также следует избегать «модернизации» — выхватывания нескольких туманных фраз и прославления мнимых, но несуществующих предтеч изощренных современных концепций.

Честь называться первым греческим мыслителем-экономистом принадлежит поэту Гесиоду из Беотии, жившему в очень ранней Древней Греции в середине VIII в. до н.э. Гесиод крестьянствовал в маленькой, самодостаточной сельскохозяйственной общине деревни Аскра, которую описывал как «тягостную летом, зимою плохую, никогда не приятную»⁽²⁾. Поэтому он не понаслышке был знаком с извечной проблемой редкости, скудости ресурсов, которая так контрастирует с многообразием целей и желаний человека. Большая поэма Гесиода «Труды и дни», содержащая сотни стихов, предназначалась для сольной декламации с музыкальным сопровождением. Однако Гесиод не просто развлекал публику, он был дидактическим поэтом и часто прерывал сюжетную линию, обучая свою публику традиционной мудрости или правилам человеческого поведения. Из 828 стихов поэмы первые 383 посвящены фун-

даментальной экономической проблеме редкости ресурсов, необходимых для достижения многочисленных и разнообразных человеческих целей и желаний.

Гесиод тоже разделял широко распространенный религиозный или племенной миф о «золотом веке», о предполагаемом исходном положении человека на земле, которое было подобно эдемскому, о райском безграничном изобилии. В том первоначальном Эдеме, конечно же, не было никаких экономических проблем, никаких проблем редкости, поскольку все желания человека исполнялись мгновенно. Но теперь все стало по-другому, и «людям никогда не отдохнуть от трудов и горестей дневных и от гибели ночной». Причина такого униженного положения — всеохватывающая редкость, результат изгнания человека из рая. Ввиду редкости, отмечает Гесиод, труд, материалы и время должны распределяться эффективно. Более того, редкость может быть частично преодолена только путем энергичного приложения труда и капитала. В частности, решающее значение имеет труд (работа), и Гесиод анализирует жизненные факторы, которые могут побудить человека отказаться от богоподобного состояния праздности. Первая из этих сил — это, конечно, базовые материальные потребности. Однако, к счастью, потребности подкрепляются социальным неодобрением праздности и желанием подражать стандартам потребления, чтобы было «как у людей». По Гесиоду, подражание приводит к развитию здорового духа соперничества, который он называет «хорошим конфликтом», важнейшей силой, помогающей смягчить фундаментальную проблему редкости благ.

Чтобы конкуренция оставалась честной и гармоничной, Гесиод энергично отвергает такие несправедливые методы приобретения богатства, как грабеж, и выступает за верховенство закона и уважение к правосудию, чтобы в обществе установились гармония и порядок и чтобы конкуренция развивалась в согласии и справедливости. Совершенно очевидно, что Гесиод гораздо оптимистичнее смотрел на экономический рост, труд и энергичную конкуренцию, чем это делали три с половиной столетия спустя гораздо более изощренные философы Платон и Аристотель.

1.4. ДОСОКРАТИКИ

Человеку свойственно ошибаться и даже совершать глупости, и, следовательно, история экономической мысли не может ограничиться описанием одного только накопления и развития экономических истин. Она также не должна оставлять без внимания ошибки, повлекшие за собой серьезные последствия, т.е. ошибки мыслителей, к несчастью, оказавших большое влияние на последующее развитие дисциплины. Одним из таких мыслителей был древнегреческий философ Пифагор Самосский (ок. 570 — ок. 495 до н.э.), который спустя два столетия после Геси-

ода основал школу мысли, утверждавшую, что *единственной* значимой реальностью является *число*.

Мир не только *является* числом, но всякое число есть воплощение моральных качеств и других абстракций. Так, справедливость, согласно учению Пифагора и его последователей, *есть* число 4, а другие числа соответствуют различным моральным качествам. Хотя несомненно, что Пифагор способствовал развитию греческой математики, его числовой мистицизм гарвардский социолог XX в. Питирим Сорокин вполне мог бы охарактеризовать как зачаточный пример «квантофрениии» и «метромании»⁽³⁾. Вряд ли будет сильным преувеличением, если мы увидим в учении Пифагора зародыш процветающих сегодня, если мы увидим в учении Пифагора зародыш процветающих сегодня, вероятно высокомерных математической экономики и эконометрики.

Таким образом, вкладом Пифагора в философию и экономическую мысль стал бесплодный тупик, тот самый, который позднее спровоцировал Аристотеля на безнадежные попытки разработать математику справедливости и экономического обмена.

Следующим, кто внес важный положительный вклад, был досократик (на самом деле современник Сократа) Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н.э.). Этот ученый, родом из городка Абдеры, оказал огромное влияние на развитие науки, став основоположником «атомизма» в космологии, т.е. представления о том, что фундаментальная структура реальности состоит из взаимодействующих атомов. Демокрит способствовал развитию экономической теории, обозначив два важнейших направления мысли. Во-первых, он заложил основы субъективной теории ценности. Демокрит учил, что моральные ценности, этика, являются абсолютными, но экономические ценности по необходимости субъективны. «Одна и та же вещь, — писал Демокрит, — может быть “хорошей и правильной для всех людей, однако то, что приятно, — для всех людей разное”». Но не только оценка субъективна, Демокрит также увидел, что полезность блага падает до нуля и становится отрицательной, если его предложение сверхизбыточно.

Демокрит также отметил, что если люди ограничивают свои потребности и сдерживают желания, тогда с тем, чем они сейчас обладают, они могут казаться относительно богаче, а не беднее. И здесь он признает относительность природы субъективной полезности богатства. Кроме того, Демокрит был первым, кто пришел к понятию (еще в зачаточной форме) временного предпочтения: идеи австрийской школы о том, что люди предпочитают благо в настоящем перспективе получения блага в будущем. Как объясняет Демокрит, «нет уверенности в том, что молодой человек когда-то достигнет преклонных годов; следовательно, имеющееся благо превосходит благо, которого еще нет».

В дополнение к сделанным им первым наброскам субъективной теории полезности еще одним крупным вкладом Демокрита в экономическую науку стала его новаторская защита системы частной собственности. В отличие от восточных деспотий, в которых все имущество нахо-

дилось в собственности или под контролем императора и подчиненной ему бюрократии, общество и экономика Древней Греции основывались на частной собственности. Демокрит, видя контраст между экономикой Афин, базирующейся на частной собственности, и олигархическим коллективизмом Спарты, пришел к выводу, что частная собственность является более высокой формой экономической организации. В отличие от общественной собственности частная собственность поощряет труд и усердие, поскольку «доход от общественной собственности доставляет меньше удовольствия и расходы менее болезненны». «Труд, — заключает философ, — слаще безделья, когда люди получают то, ради чего они трудятся или когда знают, что этим будут пользоваться они».

1.5. ПРАВАЯ КОЛЛЕКТИВИСТСКАЯ УТОПИЯ ПЛАТОНА

Поиски Платоном иерархической, коллективистской утопии нашли свое классическое выражение в его самой известной и оказавшей огромное влияние работе «Государство». В ней — а позднее в «Законах» — Платон в общих чертах описал свой идеальный город-государство: государство, в котором олигархическое правление осуществляется царями-философами и их учеными коллегами, тем самым предположительно гарантируя правление лучших и самых мудрых из числа членов сообщества. Уровнем ниже философов в этой иерархии принуждения располагаются «стражи» — солдаты, чья роль состоит в том, чтобы совершать агрессии по отношению к другим городам и землям и защищать свой полис от агрессий извне. Под ними располагается основная масса народа, презренных производителей: рабочих, крестьян и торговцев, всех тех, кто производит материальные блага и благодаря которым как раз и благоденствуют царствующие философы и их стражи. Предполагается, что эти три широкие класса отражают то, каким должен быть шаткий и пагубный переход, если таковой возможен, — к правильному правлению душами людей. Согласно Платону, всякое человеческое существо составляют трое: «Тот, кто испытывает желания, тот, кто борется, и тот, кто думает»; и правильная правящая иерархия в каждой душе должна быть такой: сначала разум, потом борьба и, наконец, в самом низу — грязные желания.

В идеальном государстве Платона два правящих класса — мыслители и стражи — будут жить при самом настоящем коммунизме. У элиты вообще не будет никакой частной собственности; все должно быть в общественной собственности, в том числе женщины и дети. Представители элиты должны будут жить вместе, и у них будет общий стол. Поскольку, согласно аристократу Платону, деньги и частное владение только развращают, в высших классах общества они должны быть исключены. Брачных партнеров в элитарной среде должно определять только го-

сударство, которое, как предполагается, будет действовать в соответствии с принципами научной селекции, уже известными в животноводстве. Если кто-либо из философов или стражей окажется недоволен таким порядком вещей, то ему объяснят, что его личное счастье ничто по сравнению со счастьем полиса в целом, — концепция, согласитесь, в лучшем случае весьма сомнительная. Однако те, кто не соблазнился теорией Платона о сущностной реальности идей, не поверит, что полис действительно *существует* как реальная живая сущность. Наоборот, город-государство или сообщество составляют только живые, осуществляющие выбор *индивиды*.

Чтобы держать элиты и массы подданных в узде, Платон советует правителям-философам распространять «благородную» ложь о том, что сами они — потомки богов, а другие классы — более низкого происхождения. Вполне ожидаемо свободу слова и исследований Платон считал проклятием. На искусство он смотрел косо, а жизнь граждан призывал контролировать, чтобы подавлять опасные мысли и идеи, которые могли выйти в публичное пространство.

Примечательно, что, выстраивая классическую апологию тоталитаризма, Платон поспособствовал развитию настоящей экономической науки, став первым, кто изложил и проанализировал важность общественного разделения труда. Поскольку его социальная философия основывалась на необходимом классовом делении, Платон попытался показать, что в основе такой специализации лежит базовая человеческая природа, в частности ее разнообразие и неравенство. В Платоновом «Государстве» Сократ говорит, что специализация возникает потому, что «сначала люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, да и способности к тому или иному делу также» <370a>.

Поскольку люди производят разные вещи, блага естественным образом меняются друг на друга, и, таким образом, специализация по необходимости ведет к обмену. Платон также отмечает, что разделение труда увеличивает производство всех благ. Однако Платон не видит проблемы в моральном ранжировании профессий, где философия, разумеется, занимает самое высокое место, а труд и торговля считаются уделом грязных и подлых.

С изобретением чеканки монет в Лидии в начале VII в. до н.э. значительно ускоряется использование золота и серебра в качестве денег, и по Греции быстро распространяются отчеканенные монеты. Испытывая отвращение к стяжательству, торговле и частной собственности, Платон стал, пожалуй, первым теоретиком, осудившим использование золота и серебра в качестве денег. Он не любил золото и серебро еще и потому, что они служили в качестве международной валюты, принятой всеми народами. Поскольку эти драгоценные металлы повсеместно принимались и существовали отдельно от того, что было санкционировано правительством, золото и серебро представляли потенциальную угрозу для

экономической и нравственной власти правителей полиса. Платон был сторонником декретных государственных денег, крупных штрафов за импорт золота из-за пределов города-государства и лишения гражданства всех торговцев и работников, имевших дело с деньгами.

Чтобы оставаться упорядоченной и управляемой, взыскуемая Платоном упорядоченная утопия должна поддерживаться относительно статичной. А это означает, что переменам, инновациям и экономическому росту места практически нет. Платон стал предтечей тех современных интеллектуалов, которым не по душе экономический рост, причем по тем же самым причинам: в частности, из опасения краха государства, в котором господствует правящая элита. Особенно трудной проблемой, при такой попытке заморозить общество в статическом состоянии, является рост населения. Поэтому Платон был довольно последователен, когда призвал зафиксировать размер населения города-государства, ограничив количество его граждан числом не более 5 тыс. семей землевладельцев.

1.6. КСЕНОФОНТ О ВЕДЕНИИ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА

Современником и учеником Платона был представитель афинской земельной аристократии и полководец Ксенофонт (430—354 до н.э.). Экономические идеи Ксенофонта разбросаны по всем его произведениям, таким как рассказ о воспитании персидского царя, трактат о том, как увеличить доходы государства, и книга по «экономике», в которой ведется речь о технологии управления домашним хозяйством и поместьем. Идеи Ксенофонта пропитаны обычным для Древней Греции презрением к ремесленному труду и торговле и восхвалением сельского хозяйства и военного искусства, в сочетании с призывом к значительному увеличению роли государства и вмешательству в экономику. Среди них предложения по совершенствованию порта Афин, по строительству рынков и гостиниц, по созданию государственного торгового флота и по значительному расширению числа государственных рабов.

Однако в этом ворохе обычных банальностей содержались некоторые интересные с точки зрения экономической теории идеи. В трактате по управлению домашним хозяйством Ксенофонт отметил, что понятие «богатство» должно определяться как ресурс, который человек может использовать и знает, как использовать. Таким образом, то, что владелец не имеет возможности использовать и не имеет знаний о том, как это использовать, не может считаться частью его богатства.

Еще одним озарением Ксенофонта стало предвосхищение им знаменитого изречения Адама Смита о том, что глубина разделения труда в обществе неизбежно ограничивается размерами рынка продукции. В важном дополнении идеи Платона о разделении труда, написанном че-

рез 20 лет после «Государства», Ксенофонт говорит, что «в небольших городах один и тот же мастер делает ложе, дверь, плуг, стол, а нередко тот же человек сооружает и дом...», тогда как в крупных городах «в каждом предмете нужду испытывают многие» и, следовательно, «каждому мастеру довольно для своего пропитания и одного ремесла. А нередко довольно даже части этого ремесла». В крупных городах «один мастер шьет мужскую обувь, а другой — женскую. <А иногда даже> человек зарабатывает себе на жизнь единственно тем, что шьет заготовки для башмаков, другой <— тем, что вырезает подошвы, третий — только тем, что выкраивает передки, а четвертый — не делая ничего из этого, а> только сшивая все вместе» <Киропедия VIII, 2.5>.

В другом месте Ксенофонт в общем виде вводит важное понятие общего равновесия как динамической тенденции рыночной экономики. Так, он утверждает, что, когда медников становится слишком много, медь становится дешевой и кузнецы разоряются и обращаются к другим видам деятельности, как это происходит в сельском хозяйстве или в любой другой отрасли. Он также вполне понимал, что рост предложения товара ведет к падению его цены.

1.7. АРИСТОТЕЛЬ: ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ДЕНЬГИ

Взгляды великого философа Аристотеля особенно важны, потому что вся структура его мышления оказала огромное и даже определяющее влияние на экономическую и общественную мысль раннего и позднего Средневековья, которое считается эпохой Аристотеля.

Хотя, следуя греческой традиции, Аристотель презирал тех, кто зарабатывает деньги, и едва был сторонником *laissez faire*, он сформулировал четкий и ясный аргумент в пользу частной собственности. Вероятно под влиянием Демокрита и его аргументов в пользу частной собственности, Аристотель выступил с убедительной критикой того коммунизма правящего класса, за который ратовал Платон. Он отверг цель Платона — совершенное коммунистическое единое государство, — указав, что такое крайнее единство идет вразрез с человеческим разнообразием и теми взаимными преимуществами, которые получает каждый при рыночном обмене. Затем Аристотель по пунктам показал различия между частной собственностью и общественной. Во-первых, частная собственность более производительна и, следовательно, ведет к прогрессу. Благам, находящимся в общем владении большого количества людей, уделяется мало внимания, поскольку люди в основном преследуют собственные интересы, избегая ответственности и стараясь переложить ее на других. И наоборот, к своей собственности люди проявляют величайшую заботу и интерес.

Во-вторых, одним из аргументов Платона в защиту общественной собственности было то, что она ведет к социальному миру, поскольку никто не будет завидовать или пытаться захватить имущество другого. Аристотель ответил, что общественная собственность приведет к непрекращающимся и яростным конфликтам, поскольку каждый будет утверждать, что он работал больше и получил меньше, чем другие, которые сделали меньше, зато получили из общественных закров больше. Кроме того, заявил Аристотель, не все преступления или революции обусловлены экономическими мотивами. Как он язвительно выразился, «люди становятся тиранами не для того, чтобы не мерзнуть от холода».

В-третьих, частная собственность очевидно присуща природе человека: его любовь к себе, к деньгам и имуществу связаны воедино в его естественной любви к исключительной собственности. В-четвертых, Аристотель, великий наблюдатель прошлого и настоящего, отметил, что частная собственность существовала всегда и везде. Внедрение общественной собственности в общество игнорировало бы человеческий опыт и стало бы прыжком в новое и неизвестное. Отмена частной собственности, вероятно, породила бы больше проблем, чем сумела бы разрешить.

Наконец, Аристотель, соединив свои экономическую и этическую теории, продемонстрировал блестящее понимание того, что только частная собственность дает людям возможность поступать нравственно, т.е. реализовать на практике ценности благотворительности и любви к ближнему. Принуждение к общественной собственности уничтожает такую возможность.

Хотя Аристотель критикует страсть к наживе, он по-прежнему выступает против каких-либо ограничений — тех самых, за которые ратовал Платон, — на накопление индивидом частной собственности. Вместо этого образование должно научить людей добровольно ограничивать свои необузданные желания и, таким образом, вести их к ограничению накопления богатств.

Несмотря на выдвинутые им неоспоримые аргументы в защиту частной собственности и выступление против принудительного ограничения накопления богатств, аристократ Аристотель относился к труду и торговле столь же пренебрежительно, как и его предшественники. К сожалению, Аристотель стал источником проблемы для последующих веков, провозгласив ложное, протогэлбрейтовское различие между «естественными» нуждами, которые удовлетворять необходимо, и «нестественными» желаниями, которые безграничны и от которых следует отказаться⁽⁴⁾.

Нет аргументов, убедительно показывающих, почему, как полагал Аристотель, желания, которые можно удовлетворить малопродуктивным трудом, обеспечивающим лишь только средства к существованию, или бартером, являются «естественными», в то время как желания, которые могут быть удовлетворены более производительными денеж-

ными обменами, являются искусственными, «неестественными» и поэтому считаются предосудительными. Обмены во имя денежной выгоды просто осуждаются как аморальные и «неестественные», в частности, такие виды деятельности, как розничная торговля, оптовая торговля, транспорт и наем труда. К розничной торговле, которая, разумеется, непосредственно обслуживает потребителя, Аристотель относился особенно неприязненно и с удовольствием избавился бы от нее полностью.

В своих литературных произведениях, касающихся экономики, Аристотель едва ли оставался последовательным. Поскольку, хотя денежный обмен им осуждается как аморальный и противоестественный, он в то же время превозносит сеть объединяющих город взаимных и обоюдных (реципрокных) обменов по типу «даю, чтобы ты дал».

Путаница в мыслях Аристотеля по вопросу разделения аналитического и «морального» проявилась и при обсуждении им денег. С одной стороны, он понимает, что расширение денежной сферы значительно облегчило производство и обмен. Он также понимает, что деньги, средство обмена, представляют общий спрос и «всё связывают вместе». Также деньги устраняют серьезную проблему «двойного совпадения желаний», где каждый продавец должен желать именно те блага, которые предоставляет другой. Теперь каждый может продавать товары за деньги. Более того, деньги позволяют хранить ценность, которая будет использована для осуществления будущих покупок.

Однако Аристотель создал огромные проблемы для будущего, морально осудив как «противоестественную» выдачу денежных ссуд под проценты. Поскольку деньги не могут потребляться непосредственно и используются только для облегчения обмена, значит, они «бесплодны» и не могут сами по себе увеличивать богатство. Поэтому взимание процентов, которое, как ошибочно полагал Аристотель, подразумевает прямую производительность денег, резко осуждается как противное природе.

Было бы лучше, если бы Аристотель избежал такого поспешного морального осуждения и попытался выяснить, почему *по факту* процент платят повсеместно. Нет ли, в конце концов, в процентной ставке чего-то «естественного»? А обнаружив экономическую причину взимания — и выплату — процента, Аристотель, возможно, понял бы, почему его взимание вполне морально, а вовсе не неестественно.

Аристотель, как и Платон, враждебно относился к экономическому росту и выступал за статичное общество, и все это сочетается с их неприятием стяжательства и накоплением богатства. Идея древнего Гесиода о том, что экономическая проблема есть проблема распределения редких средств для удовлетворения альтернативных потребностей, была практически проигнорирована и Платоном, и Аристотелем, который вместо этого рекомендовал добродетель смирения желаний, дабы они соответствовали имеющимся средствам.

1.8. АРИСТОТЕЛЬ: ОБМЕН И ЦЕННОСТЬ

Очень трудное для восприятия, но оказавшее большое влияние обсуждение Аристотелем обмена сильно пострадало от его постоянной склонности мешать анализ с немедленным моральным суждением. Как и в случае взимания процентов, прежде чем высказываться о моральности обменов, Аристотель должен был проявить последовательность и выяснить, почему в реальной жизни совершаются обмены. Этого он не сделал. Анализируя обмены, Аристотель заявляет, что эти взаимовыгодные сделки подразумевают «пропорциональную взаимность», однако у Аристотеля остается характерно неясным, всем ли обменам по природе присуща взаимность или только пропорционально взаимные обмены истине «справедливы». И конечно же, Аристотель никогда не задавался вопросом: почему люди добровольно участвуют в «несправедливых» обменах? И соответственно, почему люди добровольно платят проценты, если в действительности они «несправедливы»?

Все запуталось еще больше, когда под влиянием пифагорейской мистики чисел Аристотель ввел неясные и вводящие в заблуждение математические термины в то, что могло остаться просто анализом. Единственным сомнительным достоинством этого вклада стало то, что он доставил множество счастливых часов историкам экономической мысли, которые всё пытаются впихнуть в труды Аристотеля современный изощренный анализ. Эта проблема усугубляется печальной тенденцией, имеющей место среди историков мысли, рассматривать великих мыслителей прошлого как обязательно цельных и последовательных. Это, конечно, серьезная историографическая ошибка; каким бы великим ни был мыслитель, он может впасть в заблуждение и непоследовательность, и даже иногда бредить. Похоже, что многие историки научной мысли просто не в состоянии признать этот простой факт.

Известные слова Аристотеля о взаимности при обмене в книге V его «Никомаховой этики» являются ярким примером подобной тарабарщины. Аристотель говорит о строителе, который обменивает дом на обувь, сшитую башмачником. Он пишет далее: «...отношения строителя дома к башмачнику должны отвечать отношению определенного количества башмаков к дому или к еде. А если этого нет, не будет ни обмена, ни [общественных] взаимоотношений» <8(V)>. В самом деле? Каким может быть частное от деления «строителя» на «башмачника»? И тем более как можно его приравнять к отношению башмаки/дома? В каких *единицах* могут быть выражены такие люди, как строители и башмачники?

Правильный ответ состоит в том, что никакого смысла в этом нет и что это упражнение должно квалифицироваться в качестве прискорбного случая пифагорейской квантофрени. Однако многие уважаемые историки усматривают в приведенных в данном отрывке надуманных построениях, что Аристотель предвосхитил трудовую теорию ценности, Стэнли Джевонса или Альфреда Маршалла. Трудовую теорию мож-

но распознать, если сделать ничем не подтверждаемое предположение о том, что Аристотель «должно быть имел в виду» часы труда, затраченного строителем или сапожником, а Йозеф Соудек усматривает здесь соответствующие навыки этих производителей, навыки, которые затем измеряются их продукцией⁽⁵⁾.

В конечном итоге Соудек выводит Аристотеля в качестве предшественника Джевонса. На фоне этой погони за призраками не мог не порадовать вердикт о бредовости, вынесенный специалистом по экономической истории Древней Греции Мозесом Финли и уважаемым специалистом по Аристотелю Х. Г. Иоахимом, который имел мужество написать: «Как именно ценности производителей должны быть определены, и что может означать пропорция между ними, до конца, должен признаться, мне непонятно»¹.

Другое серьезное заблуждение в том же абзаце «Никомаховой этики» причинило неисчислимый вред экономической мысли будущих веков. Аристотель говорит, что для того, чтобы обмен (*любой* обмен? или только *справедливый* обмен?) состоялся, различные товары и услуги «должны быть уравнены» <ср. 1133а, 15—20>, эту фразу Аристотель повторяет несколько раз. Именно это необходимое «уравнивание» привело Аристотеля к тому, чтобы ввести математику и знаки равенства. Он рассуждал так: для того чтобы *A* и *B* смогли обменять два продукта, ценности обоих продуктов должны быть равными, в противном случае обмен не будет иметь место. Самые разные блага, обменивающиеся друг на друга, должны быть равны, потому что обмениваются только вещи равной ценности.

Как это было доказано представителями австрийской школы в конце XIX в., аристотелевская идея равной ценности при обмене просто-напросто неверна. Если *A* обменивает обувь на мешки пшеницы, принадлежащие *B*, то *A* делает это потому, что он предпочитает пшеницу обуви, в то время как предпочтения *B* в *точности* обратны. Если обмен происходит, это означает не равенство ценностей, а скорее *обратное неравенство* ценностей для обеих сторон, осуществляющих обмен. Если я покупаю газету за 30 центов, я поступаю так, потому что я предпочитаю приобретение газеты сохранению 30 центов, в то время как продавец газет предпочитает получить деньги сохранению газеты. Это двойное неравенство субъективных оценок является необходимой предпосылкой для любого обмена.

Если уравнивание отношения строителя к работнику лучше забыть, то в остальном анализ Аристотеля, по мнению некоторых историков, отчасти предвосхитил экономическую теорию австрийской школы. Аристотель недвусмысленно заявляет, что деньги представляют человеческую потребность, или спрос, выступающий мотивом для обмена, и они «всё связывают вместе» <1133а, 25>. Спрос определяется потребительной ценностью, или желательностью, блага. Вслед за Демокритом Аристотель указывает, что, после того как количество блага достигает определенного предела, когда его становится «слишком много», потребительная

ценность будет падать и благо обесценится. Но Аристотель идет дальше Демокрита, указывая на другую сторону медали: когда блага становятся все меньше, оно становится субъективно более полезным или ценным. В «Риторике» он утверждает, что «то, что встречается реже, лучше того, что бывает в изобилии, как, например, золото лучше железа, хотя оно и менее полезно» (1364a, 20—25; пер. Н. Платоновой). В этих утверждениях действительно присутствует намек на то, как на самом деле различные уровни предложения влияют на ценность блага, и по крайней мере намеки на теорию предельной полезности, получившую окончательную формулировку в рамках австрийской школы, и на австрийское решение «парадокса» ценности.

Это интересные намеки и предложения; однако несколько отрывочных предложений, разбросанных по разным книгам, вряд ли могут считаться полноценной теорией — предшественницей австрийской школы. Однако имеется более интересный предвестник австрийского подхода, привлечший внимание историков только в последние годы: основа для австрийской теории предельной производительности — процесс, при котором ценность конечных продуктов вменяется средствам, или факторам, производства.

В своей малоизвестной работе «Топика», а также в его более поздней работе «Риторика» Аристотель проводит философский анализ отношений между человеческими целями и средствами, с помощью которых люди преследуют свои цели. Эти средства, или «орудия производства», необходимо получают свою ценность от конечных продуктов, полезных для человека, от «орудий деятельности». Чем больше желательность или субъективная ценность блага, тем более желательны или ценны средства, необходимые для производства данного продукта. Более того, Аристотель вводит предельный элемент в это вменение, утверждая, что если приобретение или добавление блага *A* к уже желаемому благу *C* создает более желаемый результат, чем добавление блага *B*, значит, благо *A* более ценно, чем благо *B*. Или, как выразился Аристотель: «[следует судить о предпочтительности] по прибавлению, а именно если нечто прибавленное к одному и тому же делает целое более предпочтительным, [чем другое прибавленное]» <Топика 118b, 10; пер. М. И. Иткина>. Аристотель также вводит еще более характерную, предавстрийскую, предвосхитившую Бём-Баверка концепцию, подчеркнув дифференциальную ценность *потери*, а не добавления блага. Благо *A* будет более ценным, чем благо *B*, если потеря блага *A* будет считаться большим злом, чем потеря блага *B*. Как ясно выразился Аристотель: «[Большее благо] и то, чему противоположно большее зло, и то, лишение чего чувствуется сильнее» <Риторика 1364a, 30; пер. Н. Платоновой>.

Аристотель также отметил важность взаимодополняемости экономических факторов производства при вменении им ценности. Пила, отметил он, в плотницком деле более ценна, чем серп, но она не является более ценной везде и во всех занятиях. Он также отметил, что благо, ис-

пользуемое для разных нужд, более желательно или более ценно, чем благо, у которого только одно применение. Те, кто критически относятся к важности анализа Аристотеля, утверждают, что за исключением пассажира про пилу и серп Аристотель не сделал никакого экономического приложения для своего широкого философского подхода к вменению.

Однако в этом обвинении упускается из виду один критически важный австрийский момент — разработанный с особой силой и тщательностью австрийским экономистом XX в. Людвигом фон Мизесом — что экономическая теория является лишь частью, подмножеством, более широкого, «праксиологического анализа человеческой деятельности». Блестяще анализируя логические следствия применения средств для достижения целей в любой человеческой деятельности, Аристотель начал закладывать основу для австрийской теории вменения и предельной производительности, которая будет разработана через более чем два тысячелетия спустя.

1.9. КРАХ ПОСЛЕ АРИСТОТЕЛЯ

Примечательно, что всплеск экономического мышления в античности пришелся лишь на два столетия — V и IV вв. до н.э. — и имел место только в одной стране, Греции. Остальная же часть древнего мира и сама Греция до и после этих веков, по существу, оставалась пустыней экономической мысли. Ничего существенного не пришло из великих древних цивилизаций Месопотамии и Индии, и цивилизация Китая за всю свою многовековую историю, за исключением политических идей, тоже дала очень немногое. Примечательно, что эти цивилизации не породили экономической мысли, хотя экономические институты: торговля, кредит, добыча полезных ископаемых, ремесла и т.д. — достигали высокого уровня развития и даже более высокого, чем в Греции. И это является важным показателем того, что, вопреки утверждениям марксистов и прочих экономических детерминистов, экономическая мысль и идеи не возникают автоматически вследствие развития экономических институтов.

Те, кто изучает историю идей, никогда не смогут полностью проникнуть в тайны творчества человеческой души и, таким образом, полностью объяснить тот относительно короткий период расцвета экономической мысли. Однако совершенно неслучайно, что именно древнегреческие философы снабдили нас самыми первыми кирпичиками будущей систематической экономической теории. До этой эпохи в самой Греции и в остальной части древнего мира философия как таковая тоже практически не существовала. Сутью философской мысли является то, что она проникает в ситуативные превратности обыденной жизни, для того чтобы прийти к истинам, которые выше ежедневных случайностей, обусловленных временем или местом. Философия приходит к пониманию истин о мире и о человеческой жизни, которые — по крайней мере до тех

пор, пока существует мир и человечество, — являются абсолютными, всеобщими и вечными. Иначе говоря, она приходит к системе природных законов. И экономический анализ является составной частью такого исследования, поскольку только подлинная экономическая теория позволяет выйти за рамки ежедневной рутины и открыть фундаментальные истины о человеческой деятельности, которые являются абсолютными, неизменными и вечными и на которые не оказывают влияния перемены времени и места. Экономическая мысль, по крайней мере правильная экономическая мысль в ее собственной области исследования, является подмножеством природных законов.

Если вспомнить обрывочные экономические идеи, привнесенные древними греками: размышления Гесиода о редкости; размышления Демокрита о субъективной ценности и полезности, о влиянии спроса и предложения на цену и о временных предпочтениях; размышления Платона и Ксенофонта о разделении труда; идеи Платона относительно функций денег; высказывания Аристотеля по поводу спроса и предложения, о деньгах, об обмене и вменении ценности от целей к средствам, то мы видим, что все эти мыслители были сосредоточены на логических следствиях небольшого числа в широком смысле эмпирических аксиом о человеческой жизни: о существовании человеческой деятельности, о вечном преследовании целей с помощью использования ограниченных средств, о разнообразии и неравенстве людей. Безусловно, эти аксиомы эмпирические, но они настолько всеобъемлющи и широки, что применимы к человеческой жизни в целом, всегда и везде. После того как они были сформулированы и изложены, они побуждают согласиться с их истинностью посредством эффекта узнавания: будучи сформулированными, они становятся *очевидными* для человеческого разума. Эти аксиомы устанавливаются в качестве несомненных и непровержимых, а затем с помощью логических процедур — универсальных и непровержимых самих по себе и лежащих вне времени и места — приводят нас к абсолютно истинным выводам.

Хотя этот метод рассуждения — в философии и экономической теории — является одновременно и эмпирическим, вытекающим из свойств окружающего мира, и истинным, он находится в радикальном противоречии с современной философией науки. Например, в современном позитивизме или неопозитивизме «факты, данные» (evidence) стали значительно уже, скоропреходящи и подвержены изменениям. Во многих современных направлениях экономической науки, которые в основном используют позитивистский метод, «эмпирические данные» — это масса изолированных и узких экономических событий, каждое из которых представляется в виде однородных битов информации, используемых для якобы «поверки», подтверждения или опровержения экономических гипотез. Эти самые биты, в подражание лабораторным экспериментам, должны предоставить «данные», которые позволят проверить теорию. Современный позитивизм не в силах понять или овладеть системой ана-

лиза — будь то классическая греческая философия или экономическая теория, — основанной на дедуктивных выводах из фундаментальных аксиом столь широкого эмпирического свойства, что практически являются самоочевидными (self-evident) — очевидными для *я* (self) — после того, как были сформулированы. Позитивизм не в силах понять, что результаты лабораторных экспериментов остаются лишь «данными» (evidence), поскольку они тоже делают очевидными (make evident) для ученых (или для кого-то, кто следит за экспериментами), т.е. очевидными *для я*, тех фактов или истин, которые ранее очевидными не были. Дедукция в логике и математике делает то же самое: она вынуждает прийти к согласию, демонстрируя людям очевидность вещей, которые ранее не казались очевидными. Правильная экономическая теория, которую мы называли «праксиологической» теорией, — это один из способов, с помощью которых истины становятся очевидными для человеческого разума.

Даже политика, которую некоторые высмеивают за то, что она не является чисто или строго экономической теорией, в значительной степени зависит от экономической мысли. Политика, безусловно, является аспектом человеческой деятельности, и ее влияние на экономическую жизнь порой имеет решающее значение. На экономические аспекты политики оказывают влияние непреложные истины природного закона, они могут быть и однажды были поняты, и потому при изучении развития экономической мысли ими уже невозможно пренебречь. Когда Демокрит и Аристотель защищали режим частной собственности, и Аристотель сокрушал представления Платона об идеальном коммунизме, они тем самым оказались вовлечены в важный экономический анализ природы и последствий альтернативных систем управления и владения собственностью.

Идеи Аристотеля стали вершиной экономической мысли античности, как и его достижения в области классической философии. После смерти Аристотеля разработка экономических теорий сошла на нет, а после эпохи эллинизма и заката Рима экономическая мысль практически исчезла. Опять же, совершенно невозможно дать исчерпывающее объяснение факту исчезновения экономической мысли, хотя очевидно, что одной из причин, по всей вероятности, стал распад некогда гордого греческого полиса, случившийся после эпохи Аристотеля. Греческие города-государства подверглись завоеваниям и разрушениям, начавшимся с возникновением империи Александра Великого еще при жизни его бывшего наставника Аристотеля. В конце концов Греция, значительно менее богатая и не столь экономически процветающая, была поглощена Римской империей.

Неудивительно, что единственным, что можно считать имеющим отношение к экономическим делам, — это советы, которые от отчаяния давали различные древнегреческие философы, тщетно призывавшие своих последователей решить проблему усугубляющейся редкости посредством резкого ограничения потребностей и желаний. Иначе гово-

ря, если ты несчастлив и нищ, смиришься со своей долей, как с неизбежным велением судьбы человеческой, и постарайся не желать больше, чем имеешь. Это учение безнадежности и отчаяния проповедовал основатель школы киников Диоген (412—323 до н.э.) и основоположник эпикурейства Эпикур (343—270 до н.э.). Диоген и киники, исповедуя этот культ бедности, дошли до того, что перешли к образу жизни собак и взяли собачьи клички; сам Диоген поселился в бочке. В соответствии со своими взглядами Диоген осудил героя Прометея, который, согласно греческому мифу, похитил у богов дар огня и, таким образом, сделал возможным инновации, рост человеческого знания и прогресс человечества. Как писал Диоген, Прометей был справедливо наказан богами за свой роковой поступок.

Как подытожил Бертран Рассел:

...Аристотель был последним греческим философом, чье мироощущение было жизнерадостным; после него все философы в той или другой форме проповедовали уход от жизни. Мир плох, давайте научимся быть независимыми от него. Внешние блага непрочны, они — дары судьбы, а не вознаграждение за наши собственные усилия⁽⁶⁾.

21 Наиболее интересной и влиятельной школой древнегреческой философии после Аристотеля была школа стоиков, основанная Зеноном Китионским (336—264 до н.э.), который около 300 г. до н.э. появился в Афинах и начал учить в окрашенном Портике (*stoa poikile*), после чего его самого и его последователей стали называть стоиками.

Поначалу стоики были ветвью школы киников и призывали умерять свои потребности в мирских благах, однако новую и более оптимистическую ноту в стоицизм привнес его второй великий основоположник Хрисипп (281—208 до н.э.).

В то время как Диоген проповедовал, что любовь к деньгам есть корень всех зол, Хрисипп резко возразил, что «мудрый человек за адекватную плату три сальто сделает». Хрисипп также вполне понимал имманентное неравенство и разнообразие людей: «Ничто, — отметил он, — не в силах изменить того обстоятельства, что некоторые места в театре лучше других».

Однако основной вклад стоиков в развитие идей был сделан в области нравственной, политической и правовой философии, поскольку именно стоики впервые разработали и систематизировали, особенно в правовой сфере, концепцию и философию естественного права. Именно в силу того, что Платон и Аристотель политически ограничивались рамками греческого полиса, их нравственная и правовая философия оказалась тесно переплетенной с жизнью греческого города-государства. Для сократиков средоточием человеческой добродетели был город-государство, а не индивид. Однако произошедшее после Аристотеля крушение или подчинение греческого полиса освободило философию стоиков

от ее привязки к политике. И поэтому стоики могли свободно использовать свой разум и разработать доктрину природного закона, сосредоточив внимание не на полисе, а на каждом отдельном человеке и не на конкретном государстве, а на всех государствах всего мира. Иначе говоря, в интерпретации стоиков природный закон стал абсолютным и универсальным, преодолевающим любые политические барьеры или переходящие ограничения времени и места. Право и этика, принципы справедливости стали межкультурными и межнациональными, применимыми ко всем человеческим существам повсеместно. И поскольку каждый человек обладает способностью мыслить, он способен с помощью правильного рассуждения понять истины природного закона. Важным следствием для политики стало то, что природный закон, справедливый и правильный нравственный закон, открытый посредством человеческого разума, может и должен быть использован для критики с нравственных позиций рукотворного позитивного права любого государства или полиса. Впервые позитивное право стало объектом для постоянной сокрушительной критики, базирующейся на всеобщей и вечной природе человека.

Несомненно, что приходу стоиков к их космополитическому пренебрежению узкими интересами полиса способствовало то, что большинство из них были людьми с Востока, прибывшими из-за пределов материковой Греции. Основатель школы Зенон, которого описывали как «высокого, тощего и смуглого», прибыл из кипрского города Китион. Многие, в том числе Хрисипп, прибыли из Тарса, города в Киликии, расположенного в юго-восточной области Малой Азии неподалеку от Сирии. Позже греческие стоики обосновались на острове Родос, находящемся неподалеку от побережья Малой Азии.

Учение стоиков просуществовало 500 лет, и его сильное влияние распространилось из Греции на Рим. Более поздние стоики на протяжении первых двух столетий после рождения Христа уже были скорее римскими, чем греческими. Огромную роль в переносе идей стоиков из Греции в Рим сыграл знаменитый римский государственный деятель, юрист и оратор Марк Туллий Цицерон (106—43 до н.э.).

Вслед за Цицероном стоическая концепция естественного права оказала огромное влияние на римских юристов II—III вв. н.э. и, таким образом, помогла сформировать структуру римского права, ставшего повсеместным в Западной цивилизации. Влияние Цицерона было обусловлено его ясным и ярким стилем, а также тем, что он стал первым стоиком, писавшим на латыни, которая была языком римского права и оставалась языком всех западных мыслителей и писателей вплоть до конца XVII в. Кроме того, сочинения Цицерона и других латинских авторов сохранились гораздо лучше, чем имеющиеся у нас фрагментарные остатки произведений древних греков. Благодаря сочинениям Цицерона мы знаем, какое сильное влияние лидер греческих стоиков аристократический Панетий Родосский (до 185—110 до н.э.) оказал на их автора, который еще молодым человеком отправился на Родос, чтобы обучаться у последо-

вателя Панетия — Посидония Родосского (135—51 до н.э.), величайшего стоика своей эпохи.

Не существует лучшего способа дать краткий очерк стоической философии естественного права Цицерона, кроме как процитировать его «почти божественные слова», по выражению одного из его последователей. Перефразируя и развивая определения и идеи Хрисиппа, Цицерон писал:

Истинный закон — это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая; запрещая, от преступления отпугивает. <...> Предлагать полную или частичную отмену такого закона — кощунство. <...> ...не будет одного закона в Риме, другого в Афинах, одного ныне, другого в будущем; нет, на все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей — бог, создатель, судья, автор закона. Кто не покорится ему, тот будет беглецом от самого себя и, презрев человеческую природу, тем самым понесет величайшую кару, хотя и избегнет других мучений, которые таковыми считаются. <О государстве 3, 22; пер. с лат. В. О. Горенштейна>.

Цицерон также обогатил западную мысль великой антиэтатистской притчей, которая звучит сквозь века и в которой показано, что сущность правителей государства есть не более чем сущность пиратов с большой буквы. Цицерон рассказал историю про пирата, которого приволокли на суд Александра Великого. Когда Александр, осуждая его за пиратство и разбой, спросил пирата, а что его побудило с помощью одного маленького корабля сделать небезопасным море, на что пират язвительно ответил: «То же самое, что побудило тебя [Александр] сделать небезопасным весь мир».

Однако, несмотря на их важный вклад в сфере нравственной и правовой философии, ни стоики, ни другие древние римляне не сделали ничего сколь-нибудь значительного в сфере экономической мысли. Хотя римское право оказало значительное влияние и насквозь пропитало развившееся позднее западное право. Римское частное право выдвинуло, впервые на Западе, идею прав собственности как абсолюта, согласно которому каждый владелец имеет право использовать свою собственность так, как считает нужным. Из этого вытекает право свободно заключать договоры, при этом договоры интерпретируются как передача титулов собственности. Некоторые древнеримские юристы заявляли, что естественное право требует прав собственности. Римляне также создали торговое право, и римское право оказало сильное влияние на общее законодательство англоговорящих стран и на гражданское право континентальной Европы.

1.10. ДАОСИЗМ И ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Еще одним достойным упоминания пластом древней мысли были школы политической философии Древнего Китая. Однако, несмотря на свои замечательные идеи, в последующие века древнекитайская философия практически не оказала большого влияния за пределами изолированной китайской империи, и потому знакомство с ней будет кратким.

Три основные школы политической мысли: легизм, даосизм и конфуцианство были основаны с VI по IV вв. до н.э. Если коротко, то легисты, позднейшая из трех обширных школ, попросту верили в безграничную мощь государства и наставляли правителей в том, как эту мощь увеличить. Даосы стали первыми в мире либералами, они выступали за полное невмешательство государства в экономику и в общество, а конфуцианцы в этом важнейшем вопросе заняли промежуточную позицию. Самой заметной фигурой является Конфуций (551—479 до н.э.), которого в действительности звали Кун Фу-цзы, — весьма эрудированный человек, происходивший из обедневшего знатного рода эпохи заката династии Джоу и служивший чиновником в клане Ци царства Лу. На практике, конфуцианская мысль, хоть и была гораздо более идеалистической, мало отличалась от учения легистов, поскольку конфуцианство в значительной степени было ориентировано на формирование образованной и философски мыслящей бюрократии, правившей в Китае.

Наиболее интересные из китайских политических философов принадлежали к школе даосов. Ее основателем был Лао-Цзы, личность которого имеет чрезвычайную важность, хотя остается во многом загадочной. О его жизни мало что известно, однако, по-видимому, он являлся современником Конфуция и был с ним лично знаком. Как и последний, он родился в царстве Сун, будучи отпрыском аристократического рода при династии Инь. Оба они жили в эпоху потрясений, войн и этатизма, однако воспринимали ее по-разному. Лао-Цзы разработал представление о том, что ключевой общественной единицей является индивид и его счастье. Если общественные институты препятствуют процветанию индивида и его счастью, то соответствующие установления должны быть сокращены или вовсе упразднены. С точки зрения индивидуалиста Лао-Цзы, государство, с его «законами и правилами, которых больше, чем волос на буйволе», было порочным угнетателем личности, и «его следует опасаться больше, чем свирепых тигров». В общем, государство должно быть ограничено до предельно возможного минимума; лозунгом для Лао-Цзы стало «недеяние», так как лишь бездействие государства может позволить человеку развиваться и достичь счастья. Любое вмешательство со стороны правительства, заявлял он, контрпродуктивно и приводит к путанице и смятению. Лао-Цзы, став первым политическим экономистом, распознавшим системные эффекты государственного вмешательства, ссылаясь на весь опыт человечества, проницательно заключил, что «чем больше в мире искусственных запретов и огра-

ничений, тем люди беднее ... Чем сильнее упор на законы и правила, тем больше становится воров и разбойников». Согласно Лао-Цзы, наихудшими видами государственного вмешательства являются неподъемные налоги и война. «От того народ голодает, что слишком велики и тяжелы государственные налоги» и «где войско размещалось, там произрастают лишь шипы да колючки. После большой войны обязательно последуют суровые голодные годы».

Самое мудрое — это удерживать государство простым и неактивным, и тогда мир «стабилизируется сам собой».

Как говорил Лао-Цзы: «Поэтому мудрец говорит: я не стану предпринимать никаких действий, пока люди не изменятся, я предпочитаю покой — и тогда людям хорошо, я не предпринимаю никаких действий — и люди обогащаются...»

Будучи глубоким пессимистом и не питая никаких надежд на массовое движение, способное как-то изменить государство-угнетателя, Лао-Цзы рекомендовал уже знакомый нам даосский путь ухода, отступления и ограничения своих желаний.

Два столетия спустя великий последователь Лао-Цзы Чжуан-Цзы (369—286 до н.э.), развил идею *laissez faire* своего учителя и пришел к логическому выводу: индивидуалистический анархизм. Сочинявший аллегорические притчи Чжуан-Цзы, будучи великолепным стилистом, получил большую известность и может, по-видимому, считаться первым анархистом в истории человеческой мысли. Выделявшийся «широтой познаний», Чжуан-Цзы родился в царстве Мэн (в настоящее время это, вероятно, провинция Хэнань)⁽⁷⁾ и тоже был отпрыском старинного знатного рода. Слава о Чжуан-Цзы, занимавшем незначительную чиновничью должность в своем родном государстве⁽⁸⁾, распространилась по всей территории Китая так далеко, что правитель удельного княжества Вэй царства Чу прислал к Чжуан-Цзы своего эмиссара с богатыми дарами и пригласил занять должность главного министра двора правителя. На это предложение правителя Чжуан-Цзы ответил пренебрежительным отказом, ставшим одной из величайших в истории деклараций о порочности атрибутов государственной власти и о добродетельности частной жизни, противостоящей этому злу:

Тысяча унций золота — действительно большая награда, и должность главного министра — действительно высокий пост. Но разве вы, государь, не наблюдали жертвенного буйвола, ожидающего, что его принесут в жертву в королевском храме государства? О нем хорошо заботятся и откармливают на протяжении нескольких лет, украшают богатой парчой, чтобы он был готов отправиться в Великий Храм. И в тот момент он с удовольствием поменялся бы местами с любой самой одинокой свиньей, но разве он в силах это сделать? Так что, уходи прочь и побыстрее! Не пачкай меня. Я лучше буду бродяжничать и прозябать в грязной канаве, но в свое удовольствие, чем приму ярмо, которое наложит правитель. Я никогда не пойду ни на какую официаль-

ную службу и потому буду [свободно] следовать своим собственным целям.

Чжуан-Цзы подтвердил и развил приверженность своего учителя Лао-Цзы идее *laissez faire* и свою оппозицию государственной власти: «Есть такое, когда людей оставляют в покое; никогда такого не бывало, чтобы людьми понукали [с успехом]». Чжуан-Цзы также стал первым, кто выдвинул идею «стихийного порядка», независимо открытую Прудоном в XIX в. и детально разработанную представителем австрийской школы Фридрихом Хайеком в XX в. Так, Чжуан-Цзы писал: «Хорошие результаты появляются стихийно, когда предоставляешь возможность событиям течь своим чередом».

Однако в то время как люди, пребывая в состоянии «естественной свободы», очень хорошо могут жить своей жизнью, государственные законы и указы стремятся втиснуть человеческую природу в рукотворное прокрустово ложе. Как писал Чжуан-Цзы: «Природа простых людей постоянна; они ткнут и одеты, пахнут и сыты... это то, что можно назвать их “естественной свободой”». В условиях естественной свободы люди сами рождались и умирали, не страдая от каких-либо запретов или ограничений, и не было ни ссор, ни беспорядка. Если правители устанавливают обряды и законы, предназначенные для управления людьми, то «это не сильно отличается от попытки вытянуть короткие ноги утки и укоротить длинные ноги цапли» или «взнуздать лошадь». Такие правила не только не приносят пользы, но причиняют большой вред. Иначе говоря, Чжуан-Цзы пришел к выводу, что мир «просто не нуждается в управлении; на самом деле его не надо регулировать». Более того, Чжуан-Цзы, возможно, был первым теоретиком, разглядевшим в государстве разбойника с большой буквы: «Мелкого воришку сажают в тюрьму. Большой разбойник становится правителем государства». Таким образом, единственное, что отличает правителей государств от живущих вне закона разбойников — масштаб их бесчинств. Как мы видели, тема правителя-разбойника будет подхвачена Цицероном, а позднее христианами средневековыми мыслителями, хотя они, конечно, пришли к ней самостоятельно.

Идеи даосов процветали на протяжении нескольких веков, достигнув апогея в произведениях наиболее решительного анархического мыслителя Пао Цзин-яня, жившего в начале IV в. н.э., о жизни которого ничего не известно. Развивая идеи Чжуан-Цзы, Пао противопоставил идиллический мир древности, когда правителей и государств не существовало, тому горю, которое несут сегодняшние правители. В древнейшие времена, писал Пао, «не существовало ни правителей, ни чиновников. [Люди] копали колодцы и пили, вспахивали поля и ели. Когда вставало солнце, они шли работать; и когда оно садилось, они отдыхали. Спокойно шли своим путем без каких-либо обременений и были довольны своими свершениями». В безгосударственную эпоху не было войн и беспорядка:

Где войны и господа не могли собираться, в том поле не было войн... Идея получения преимущества посредством власти еще не стала всеобщей. Бедствия и разрухи не возникало. Щиты и копья не использовались; городские стены и рвы не строились. Люди были сыты и развлекались; они были беззаботны и довольны.

В эту идиллию мира и довольства, пишет Пао Цзин-янь, пришло насилие и обман, установленные государством. История государства есть история насилия, сильный грабит слабого. Порочные тираны вовлечены в оргии насилия; будучи правителями, они «могут дать волю всем своим желаниям». Более того, институционализация государством насилия означает, что мелкие нарушения повседневной жизни значительно усиливаются и распространяются в гораздо большем масштабе. Как выразился Пао:

Споры среди простых людей — это просто мелочи, ибо что за масштабы последствий могут иметь силовые конфликты между обычными людьми? Они не имеют обширных земель, вызывающих зависть... они не обладают никакой властью, посредством которой они могли бы расширить масштабы своего противостояния. Их власть не столь сильна, чтобы они могли собрать массы сторонников, и они не внушают благоговейного страха, который был бы способен подавить [подобное сборище] их оппонентов. Как можно сравнить их с демонстрацией монаршего гнева, который может разворачивать войско и двигать батальоны, заставляя людей, не испытывающих ни к кому вражды, нападать на государства, не сделавшие ничего плохого?

На привычные обвинения в том, что он упустил из виду хороших и добрых правителей, Пао отвечал, что государство само по себе есть насильственная эксплуатация слабого сильным. Система *сама по себе* является проблемой, и объектом власти есть не благо народа, а контроль над ним и его ограбление. Нет такого правителя, достоинства которого могут сравниться с преимуществами отказа от правления.

Пао Цзин-янь выступил также как автор мастерского исследования в сфере политической психологии, показав, что само существование узаконенного государственного насилия провоцирует людей подражать насилию. В счастливом мире, в котором не будет государства, декларировал Пао, люди естественным образом будут обращаться к мыслям о порядке и не будут заинтересованы в том, чтобы ограбить своего соседа. Однако правители угнетают и грабят людей и «заставляют их трудиться без отдыха и отнимают у них вещи бесконечно». Таким образом, воровство и бандитизм стимулируются среди несчастных людей, а оружие и доспехи, предназначенные для усмирения населения, похищаются бандитами для того, чтобы активизировать свой грабеж. «Все это имеет место, потому что существуют правители». Пао приходит к выводу, что во всеобщей идее о том, что сильное государство необходимо для

наведения порядка среди людей, содержится серьезная ошибка, здесь причина перепутана со следствием.

Единственным известным китайским мыслителем, взгляды которого имели непосредственное отношение к экономической сфере, был знаменитый историк II в. до н.э. Сыма Цянь (145—90 до н.э.). Цянь был сторонником *laissez faire* и указывал на то, что минимальное государство способствует обилию еды и одежды, равно как и воздержание правительства от конкуренции с частным предприятием. Это напоминает даосскую точку зрения, однако Цянь, человек мирской и изощренный, не принял идею о том, что люди могли бы разрешить экономические проблемы за счет сокращения желаний до минимума. Люди, настаивал Цянь, предпочитают более качественные и более доступные товары и услуги, а также легкость и комфорт. Поэтому люди привычно ищут богатства.

Поскольку Цянь мало задумывался о том, чтобы ограничивать свои желания, он был вынужден, в гораздо большей степени, чем даосы, исследовать и анализировать деятельность свободного рынка. Поэтому он понимал, что специализация и разделение труда на рынке производства товаров и услуг упорядочены:

27

Каждому человеку только того и нужно, чтобы ему дали возможность применить свои способности и проявлять свои лучшие качества, дабы получить то, что он хочет... Когда каждый человек работает по своей профессии и радуется своему делу, то и блага, подобно стекающей вниз воде, естественным образом без принуждения текут непрерывно днем и ночью, и люди производят товары, хотя их об этом и не просят.

Для Цяня это было естественным результатом свободного рынка. «Разве это не союз с разумом? Разве это не естественный результат?» Более того, цены на рынке регулируются, так как чрезмерно низкие или высокие цены, как правило, сами корректируются и устанавливаются на должном уровне.

Однако если свободный рынок саморегулируется, проницательно вопрошает Цянь, «какая тогда нужна в правительственных директивах, в мобилизации рабочей силы или в периодических советах?» И действительно, какая в них нужна?

Также Сыма Цянь отметил важность для рынка предпринимательской функции. Предприниматель накапливает богатство и навыки, предвосхищая условия (т.е. прогнозируя) и действует в соответствии с ними. Иначе говоря, он зорко высматривает возможности, которые ему время от времени предоставляются.

Наконец, Цянь был одним из первых в мире теоретиков денежного обращения. Он отмечал, что увеличение количества монет и порча их государством понижает ценность денег и ведет к росту цен. И он понимал, что государству внутренне присуще стремление осуществлять такого рода инфляцию и порчу монеты.

1.11. ПРИМЕЧАНИЯ

- (1). В русском перевод С. А. Жебелева: «...граждане не должны вести жизнь, какую ведут ремесленники или торговцы (такая жизнь неблагородна и идет вразрез с добродетелью)» (Политика VII, VIII, 2). — *Прим. изд.*
- (2). *Гесиод*. Труды и дни; здесь и далее перевод В. Вересаева. — *Прим. перев.*
- (3). Квантофрения (термин П. Сорокина) — псевдонаучное увлечение чрезмерной и неадекватной квантификацией общих положений и данных в социологии; вера в необходимость и возможность измерения, количественной оценки всех социальных явлений при недооценке качественного анализа. Метромафия — страсть к измерению всего и вся. — *Прим. перев.*
- (4). Джон Кеннет Гэлбрейт (1908—2006) — американский экономист, представитель старого институционального и кейнсианского течений. — *Прим. перев.*
- (5). См.: Josef Soudek, “A fifteenth-century humanistic bestseller: the manuscript diffusion of Leonardo Bruni’s annotated latin version of the (pseudo-)aristotelian economics”, in Paul Oskar Kristeller & Edward P. Mahoney (eds.), *Philosophy and Humanism: Renaissance Essays in Honor of Paul Oskar Kristeller* (Columbia University Press, 1976), pp. 129—143. — *Прим. перев.*
1. Н. Н. Joachim, *Aristotle: The Nichomachean Ethics* (Oxford: The Clarendon Press, 1951), p. 50. См. также: Moses I. Finley, “Aristotle and Economic Analysis”, in *Studies in Ancient Society* (London: Routledge and Kegan Paul, 1974), pp. 32—40.
- (6). *Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск: Сибирское университетское издательство. Гл. XXVI: «Киники и скептики».
- (7). Городок Мэн царства Сун. — *Прим. перев.*
- (8). Если верить Сыма Цяню, в молодости Чжуан-Цзы был смотрителем плантации лаковых деревьев. — *Прим. перев.*

ГЛАВА 2

ХРИСТИАНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

2.1. РИМСКОЕ ПРАВО: ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И LAISSEZ FAIRE

Римское право, зародившееся в Римской республике и действовавшее в эпоху Римской империи и в Средние века, оказало сильнейшее влияние на правовую и политическую мысль и институты христианского Запада. Классическое римское право сформировалось в I—III вв. н.э. В рамках частного права была создана теория абсолютного права частной собственности и свободы торговли и договора. Хотя римское публичное право теоретически допускало вмешательство государства в жизнь гражданина, в конце республиканского периода и в эпоху ранней империи подобное вмешательство не носило массового характера. Поэтому для более поздних веков права частной собственности и принцип *laissez faire* стали фундаментальным наследием римского права, и во многом были восприняты странами христианского Запада. Хотя в IV—V вв. произошло крушение Римской империи, ее юридическое наследие сохранилось, воплотившись в двух великих собраниях римского права: Кодексе Феодосия, обнародованном императором Феодосием в 438 г. н.э. и оказавшем огромное влияние на Запад, и великом четырехтомном Корпусе гражданского права (*Corpus Juris Civilis*), обнародованном в 530-х гг. н.э. на Востоке византийским христианским императором Юстинианом.

В обоих кодексах особый акцент делался на том, что «справедливая» цена (*justum pretium*) есть просто любая цена, возникающая в результате свободного и добровольного торга между покупателем и продавцом. Каждый человек имеет право делать со своей собственностью все, что он пожелает, и, следовательно, имеет право заключать договоры с целью передать в дар, купить или продать такую собственность; следовательно, любая свободно устанавливаемая цена является «справедливой». Так, в Корпусе Юстиниана несколько ведущих римских юристов III в. цитируют высказывание юриста начала II в. Помпония, сделанного в духе классического *laissez faire*: «При покупке и продаже естественный закон разрешает одной стороне покупать дешевле, а другой — продавать дороже того, что вещь стоит; таким образом, каждая сторона имеет право перехитрить другую»; и «лицам естественным образом разрешается обманывать друг друга в цене покупки или продажи». Единственная проблема здесь — странная фраза, ставшая предвестником мрачного будущего — фраза о том, что «вещь стоит», в которой предполагается,

что существует некая *иная* цена, отличная от цены свободного торга, выражающая некую «истинную ценность».

В этом отношении Кодекс Феодосия был более определенным, и в нем с предельной ясностью заявлялось: любая цена, которая устанавливается в результате свободных и добровольных торгов, является справедливой, за единственным исключением договора, заключаемого детьми. Насилие или мошенничество, как посягающие на права собственности, конечно, считались незаконными. В Кодексе ясно говорилось, что незнание ценности блага покупателем или продавцом не является достаточным основанием для того, чтобы власти вмешались и отменили добровольно заключенное соглашение. Позднее Кодекс Феодосия был перенесен в Западную Европу, примером чему могут служить Вестготская правда, составленная в VI—VII вв., и Баварская правда начала VIII в. В Баварскую правду было добавлено четкое положение о том, что покупатель не может расторгнуть сделку на основании своего более позднего решения о том, что согласованная цена была слишком высока. Этот аспект кодекса Феодосия, соответствующий принципам *laissez faire*, позже стал частью христианского канонического права, будучи включен в IX в. в собрание «капитуляриев» (декретов) диаконом св. Бенедиктом.

Хотя обнаруженный на Востоке Кодекс Юстиниана в целом был выдержан в духе *laissez faire*, в нем все же присутствовал некоторый элемент, который позднее разросся и стал оправданием нападок на свободный торг. В рамках обсуждения того, как суды могут оценивать имущество с целью возмещения ущерба, в Кодексе Юстиниана отмечалось, что, если продавец продал свою собственность дешевле, чем за половину «справедливой цены», то тогда он терпит «большой убыток» (*laesio enormis*), и в этом случае продавец имеет право либо получить от покупателя разницу между первоначальной ценой и справедливой ценой, либо вернуть свое имущество по той первоначальной цене. По-видимому, это положение должно было применяться только в сфере недвижимости и было призвано компенсировать ущерб в том случае, если власти каким-то образом узнавали «истинную» цену, и оно не оказало никакого влияния на законы нескольких последующих веков, однако имело самые печальные последствия в будущем.

2.2. КАК РАННИЕ ХРИСТИАНЕ ОТНОСИЛИСЬ К ТОРГОВЦАМ

В Средние века не только римское право оказывало влияние на экономические идеи. Очень большое значение также имела двойственная позиция ранней христианской традиции.

И в Ветхом, и в Новом Завете экономические вопросы едва ли находятся в центре внимания. Разбросанные по всему тексту высказывания на экономические темы противоречивы и могут пониматься неоднозначно.

но. Громогласное порицание чрезмерной любви к деньгам не обязательно подразумевает враждебность по отношению к торговле или к богатству. Однако в Ветхом Завете постоянно повторяется один весьма примечательный, почти кальвинистский мотив, восхваляющий труд как таковой. В отличие от древнегреческих философов, презрительно относившихся к труду, Ветхий Завет наполнен проповедями о пользе труда: от «плодитесь и размножайтесь» книги Бытия до «Наслаждайся жизнью в своем труде, которым ты трудишься под солнцем» Екклесиаста. Как ни странно, эти призывы к труду часто сопровождаются предостережениями против накопления богатства. Позже, в II в. до н.э., иудейский автор апокрифической книги «Екклесиастик» заходит так далеко, что превозносит труд в качестве священного призвания⁽¹⁾. Те, кто занят ручным трудом, пишет он, «поддерживают целостность ткани мира, и их молитва содержится в самой практике их торговли». Тем не менее стремление к деньгам им осуждается, и к торговцам он обычно относится с глубоким подозрением: «Купец едва ли удержится от соблазна, и торговец не будет признан свободным от греха». Причем в этой же книге «Премудрости...» читателя учат не стыдиться прибыли или успеха в бизнесе.

Отношение к труду и торговле ранних христиан, в том числе Иисуса и апостолов, было окрашено напряженным ожиданием неминуемого конца света и пришествия Царства Божия. Очевидно, что если человек ожидает приближающегося конца света, то он не склонен проявлять терпение и заниматься такими видами деятельности, как инвестирование или накопление богатства; напротив, проявляется склонность вести себя подобно цветам полевым, последовать за Иисусом и забыть о мирских делах. Именно в этом контексте мы должны понимать знаменитые слова апостола Павла «любовь к деньгам есть корень всех зол».

В книгах Нового Завета, авторство которых приписывается апостолу Иоанну и которые датируются примерно 100 г. н.э., автор ясно дает понять, что христианская церковь отказалась от идеи неминуемого конца света. Однако сплав эллинистического наследия и Евангелий сформировал у ранних отцов церкви эскапистские взгляды на мир и хозяйственную деятельность в сочетании с осуждением богатства и торговцев, стремящихся к накоплению этого богатства. Отцы церкви выступали против коммерческой деятельности, поскольку таковая неизбежно несет на себе печать греха, ибо почти всегда сопровождается обманом и мошенничеством. Возглавил это движение настроенный мистически и апокалиптически Тертуллиан (160—240), выдающийся карфагенский адвокат, в конце жизни обратившийся в христианство и, в конечном итоге, основавший собственную еретическую секту. Для Тертуллиана атака на торговцев и на стяжательство была неотъемлемой частью общей филиппики против светского мира, который, как он ожидал, в любой момент может оказаться на мели ввиду избыточного населения, поэтому скоро на землю обрушатся «эпидемии, голод, войны и разверзшаяся земля станет поглатить целые города», как ужасное решение проблемы перенаселения.

Два столетия спустя яростный св. Иероним (ок. 340 — 420), получивший образование в Риме, однако подпавший под сильное влияние восточных отцов церкви, провозгласил, что торговля порочна, поскольку выгода одного человека всегда достигается за счет потери другого: «Все богатство приходит от неправды, ибо если никто не потерял, другой не сможет найти. Следовательно, как я полагаю, общее мнение право, когда утверждает, что “человек богатый неправеден или является наследником неправедного”».

И все-таки есть еще один звучащий диссонансом мотив, даже у самого Иеронима, который в то же самое время заявил, что «мудрый человек с богатством имеет большую славу, чем тот, кто обладает одной лишь мудростью», поскольку он может совершить больше добрых дел; «богатство не препятствие для богатого человека, который пользуется им правильно».

Из ранних отцов церкви возможно самое разумное отношение к богатству и стремлению делать деньги продемонстрировал уроженец Афин и восточный церковный иерарх Климент Александрийский (ок. 150 — 215).

Климент учил, что имущество должно использоваться для блага общества, и в то же время поддерживал частную собственность и накопление богатства. Он подверг критике аскетический идеал избавления себя от своей собственности, назвав его глупым. Как мудро выразился Климент, затронув тему природного закона:

Мы не должны отвергать богатства, которое может принести пользу нашему соседу. Имущество создавалось для того, чтобы им владели; блага называются благами, потому что они действительно творят благо, и они были посланы Богом во благо людей: они всегда под рукой и служат материалом, инструментом для правильного использования теми, кто знает, как их использовать.

Климент также продемонстрировал трезвое отношение к бездомным беднякам. Если жизнь без имущества столь желанна, отметил он,

тогда вся толпа пролетариев, изгоев и попрошаек, живущих впроголодь, все эти жалкие изгои на улицах, хотя они живут не ведая Бога и Его справедливости, окажутся самыми благословенными и самыми религиозными и единственными кандидатами на жизнь вечную просто потому, что у них нет ни гроша за душой...

Самым значительным из ранних отцов церкви был великий св. Августин (354—430)⁽²⁾, живший во времена разграбления Рима в 410 г. и распада Римской империи, который смотрел в будущее, обзревая постантичный мир, на который ему было суждено оказать значительное влияние.

Аврелий Августин родился в Нумидии в Африке, получил образование в Карфагене и стал профессором риторики в Милане. Приняв крещение в возрасте 32 лет, св. Августин стал епископом в городе Гиппоне,

неподалеку от Карфагена, в своей родной Северной Африке. Римская империя приняла христианство столетием раньше, при <императоре> Константине, и Августин создавал свой великий труд «О граде божьем» в качестве опровержения обвинения в том, что принятие христианства привело к падению Рима.

Высказывания Августина, отражающие его экономические взгляды, разбросаны по всей книге «О граде Божьем» и встречаются в других его произведениях, оказавших огромное влияние. Однако он со всей определенностью и, предположительно, независимо от Аристотеля пришел к пониманию того, что цены, которые люди платят за блага, ценность, которую они придают этим благам, определяется не каким-то объективным критерием или рангом этих благ в природном порядке, но потребностями самих людей. Эту концепцию можно считать по крайней мере базисом теории субъективной ценности, которая в последующем будет разработана австрийской школой. Он также отметил, что желание покупать дешево и продавать дорого является общим для всех людей.

Более того, Августин стал первым из отцов церкви, кто высказал положительное отношение к роли торговца. Отвергая обычные святоотеческие обвинения торговцев, Августин отметил, что купцы оказывают полезную услугу, перевозя блага на большие расстояния и продавая их потребителям. Поскольку в соответствии с христианскими принципами «трудящийся достоин награды своей», то и купец тоже заслуживает компенсации за свою деятельность и за свой труд.

На обычные обвинения в том, что коммерческой торговле неотъемлемо присущи обман и мошенничество, Августин убедительно отвечал, что любые подобные обманы и вероломство оказывались виной не торговли, а самого торговца. Подобные грехи есть следствие порочности самого человека, а не его занятия. В конце концов, указал Августин, сапожники и земледельцы также способны на обман и вероломство, однако отцы церкви не осуждают *их* занятий и не расценивают сами по себе эти занятия как зло.

Эта фраза, снимающая с торговцев пятно имманентного зла, оказала чрезвычайно большое влияние в последующие века и постоянно цитировалась в период расцвета христианской мысли в XII—XIII вв.

Менее значительным, но все же важным вкладом в общественную мысль стала сделанная св. Августином переоценка отношения античного мира к человеческой личности. Согласно представлениям греческих философов индивидуальная личность должна формироваться таким образом, чтобы соответствовать потребностям и желаниям полиса. Диктат полиса с необходимостью означал статичное общество, которое не приемлет никаких предпринимателей-новаторов, пытающихся вырваться за рамки существующего шаблона. Однако св. Августин перенес акцент на личность человека, который стремится раскрыть себя и, следовательно, с течением времени развивается. Таким образом, глубокое внимание Августина к человеку, по крайней мере косвенно, способствовало

установлению такого отношения, которое благоприятствует новаторству, экономическому росту и развитию. Однако развивавшие идеи Августина христианские теологи и философы XIII в. не очень акцентировали этот аспект его размышлений. Какая ирония судьбы, что человек, подготовивший почву для оптимизма и появления теории человеческого прогресса, лежа на своем смертном одре, стал свидетелем того, как орды варваров осаждают его любимый город Гиппон.

Хотя св. Августин положительно оценивал роль торговца, он также приветствовал, хоть и не столь тепло, социальную роль правителей государства. С одной стороны, Августин использовал и расширил притчу Цицерона, в которой показывается, что Александр Великий был просто-напросто пиратом, только с большой буквы, и что государство есть ничто иное, как крупномасштабная и оседлая банда грабителей. В своей знаменитой книге «О граде Божьем» Августин вопрошает:

И поэтому, если правосудие отброшено, какие могут быть царства, помимо огромных банд разбойников? Что есть разбойничья шайка, как не маленькое царство? Шайка тоже является группой людей, которыми посредством своих приказов управляет вожак, которые связаны рамками общественного договора и которые делят свою добычу в соответствии с принятыми законами. Если она постоянно пополняется отчаянными людьми, то эта чума распространяется в такой степени, что занимает территорию и определенное положение, захватывает города и подчиняет себе людей, и тогда она с большим основанием называется царством, и это название теперь принадлежит ей открыто, но не потому, что исключена алчность, но ввиду безнаказанности. Именно таков был элегантный и истинный ответ, данный Александру Великому неким пиратом, которого он захватил. Когда царь спросил его, о чем он думал, когда досаждал тем, кто плавает по морю, он ответил с дерзкой независимостью: «О том же, что и ты, когда ты досаждаешь целому миру! Ибо я делаю это, имея лишь небольшой корабль, и меня называют пиратом. А ты делаешь это, обладая огромным флотом, и тебя называют императором¹.

Тем не менее Августин заканчивает тем, что одобряет роль государства, даже если это разросшаяся до огромных масштабов шайка разбойников. И хотя он делал акцент на роли индивида, в противовес полису, Августин, во вполне прекальвинистском духе, подчеркивал также порочность человека и его развращенность. В этом падшем, порочном и грешном мире государственное правление, хоть оно неприятно и основано на принуждении, становится необходимым. Так, Августин поддерживал насильственное подавление христианской церковью Северной Африки ереси донатистов, по-настоящему веривших, в отличие от Августина, в то, что все цари по необходимости являются злом.

Однако уподобление главы государства атаману разросшейся шайки разбойников в своем исходном антигосударственном контексте в конце XI в. было возрождено великим папой Григорием VII в ходе его борьбы

с королями Европы за проведение его григорианских реформ. Подобные горькие настроения протеста против власти государства время от времени возникали в начале христианской эры и в Средние века.

2.3. КАРОЛИНГИ И КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО

«Каноническое право» — закон, регулировавший деятельность церкви в эпоху раннего христианства. В Средние века взаимопроникновение церкви и государства часто означало, что каноническое право и государственное право были суть одно. Раннее каноническое право составляли папские декреты, указы церковных соборов и труды отцов церкви. Мы уже знаем, что позднее каноническое право многое позаимствовало из римского права. Однако в каноническое право также было включено и нечто принципиально порочное: декреты и нормативные акты («капитулярии») Каролингской империи конца VIII—IX вв.

С V по X в. во всей Европе воцарился средневековый экономический и политический хаос, и, следовательно, для развития политической, правовой или экономической мысли возможностей осталось мало или их не было вовсе. Единственным исключением стала процветающая в Западной Европе Каролингская империя. Самым значительным императором Каролингов был Карл Великий (742—814), наследники которого оставались у власти до конца IX в. В капитулярии за капитулярием Карл и его преемники обстоятельно формулировали нормы для каждого аспекта экономической, политической и религиозной жизни всей империи. Многие из этих норм затем были включены в каноническое право последующих веков, продолжая оказывать ощутимое влияние и после крушения самой империи Каролингов.

Однако Карл Великий выстроил систему своих деспотических регламентаций на шатком основании. Так, первый Вселенский Никейский собор (325) запрещал священнослужителям всякое участие в любой хозяйственной деятельности, ведущей к «постыдной прибыли» (*turpe lucrum*)⁽³⁾. Созванный Карлом собор в Неймегене (806) возродил, значительно расширил и вновь навязал старую доктрину *turpe lucrum*. Однако теперь запрет распространялся уже на всех, а не только на клириков, и границы определения были расширены — от мошенничества до всех видов жадности и алчности, сюда же относилось и любое неповиновение многочисленным нормам регулирования цен Карла Великого. Любые рыночные отклонения от этих фиксированных цен со стороны покупателей или продавцов подпадали под обвинение в стремлении к наживе и, следовательно, *turpe lucrum*. Как следствие, все спекулятивные покупки и продажи продовольственных товаров были запрещены. Кроме того, предвосхищая английское общее право, запретившее «forestalling»⁽⁴⁾, были запрещены любые продажи товаров вне рынков или по ценам, более высоким, чем обычные рыночные цены. Поскольку мотивом для анг-

лийского общего права было вовсе не ложное стремление помочь бедным, а намерение даровать монопольные привилегии местным владельцам рынков, поэтому весьма вероятно, что Карл Великий тоже пытался картелировать рынки, предоставляя привилегии их владельцам.

Разумеется, каждая произвольная цена, установленная указом каролингских чиновников, считалась «справедливой ценой». Вероятно, эта навязанная цена часто была близка к обычной или текущей цене, сложившейся в округе; в противном случае было бы трудно представить себе, как чиновники Каролингов могли выяснить, какой должна быть справедливая цена. То есть предпринимались бесплодные попытки неэкономического характера заморозить все цены на основе некоего прошлого рыночного статус-кво.

Проблема в том, что позднее каноническое право позаимствовало идею о том, что установленная государством цена — это справедливая цена. Запрет любых цен, превышающих текущую рыночную цену, был снова введен в 884 г. последним императором Каролингов Карломаном <II>. А в 900 г. Регино Прюмский включил этот запрет в свой свод канонического права, и более чем столетие спустя в свой свод его включил Бурхард Вормский.

Примечательно, что, как заметил на рубеже XII в. епископ Иво Шартрский, в обширном собрании, ставшем основой средневекового канонического права, нашлось место обеим противоположным тенденциям права — теме *laissez faire* кодекса Феодосия и государственническому мотиву Каролингов. Там, в одном и том же собрании, мы встречаем как мнение, что справедливая цена есть любая цена, к которой покупатель и продавец пришли добровольно, *так и* противоположный взгляд, согласно которому справедливая цена устанавливается государственным декретом, особенно если это общая цена на обычных рынках.

2.4. КАНОНИСТЫ И РОМАНИСТЫ БОЛОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Высокое Средневековье ознаменовалось коммерческой революцией XI—XIII в., на протяжении которых торговля, производство и финансы процветали, уровень жизни заметно вырос, в Западной Европе сформировались институты торгового капитализма. По мере экономического роста и процветания также начали возрождаться каноническое и римское право, научная и общественная мысль.

В эпоху Высокого Средневековья источником и важнейшим центром исследований в сфере как канонического, так и римского права стал Болонский университет в Италии, расцвет которого пришелся на период с начала XII до второй половины XIII в. В течение этих двух столетий и каноническое право, и римское, включая Кодекс Юстиниана, в Боло-

ные были возрождены, взаимно влияли друг на друга и распространились по всей Западной Европе.

Около 1140 г. обширный и наиболее полный свод канонического права «*Decretum*» <или «*Concordia discordantium canonum*»> был опубликован итальянским монахом Йоханнесом Грацианом, ставшим в Болонском университете отцом науки канонического права. С этого момента «Декрет Грациана» стал определяющей работой по каноническому праву, и до конца XII в. ученые Болоньи, известные как декретисты, разрабатывали, обсуждали и писали глоссы по работе Грациана.

Сам Грациан и его ранние глоссаторы⁽⁵⁾ заняли традиционно ревностную антикоммерческую позицию. Спекуляция, скупка задешево, продажа задорого — чисто коммерческая деятельность — считалась *turpe lucrum* и неизбежно увязывалась с мошенничеством.

Первым декретистом, занявшим здравую позицию по отношению к деятельности торговца, был болонский профессор Руфин Ассизский, позже ставший епископом Ассизским, а впоследствии архиепископом Сорренто.

В своей «Сумме» (1157—1159) к «Декрету» Руфин отметил, что ремесленники и умельцы могут покупать материалы дешевле, работать с ними, преобразовывать их, а затем продавать готовый продукт по более высокой цене. Такая форма покупки дешево и продажи дорого оправдывалась расходами ремесленника и его трудом и считалась допустимой не только для мирян, но даже для духовенства. Но другой вид деятельности, практикуемый чистым купцом или спекулянтом, покупающим дешево и продающим дорого, не преобразовывая продукт, был, согласно Руфину, под абсолютным запретом для духовенства. Однако профессиональный купец, не теряя при этом чести, мог участвовать в этих операциях, при условии что он либо понес крупные расходы, либо был изнурен тяжелым трудом. Однако чисто предпринимательское стремление совершать покупку дешево, после чего, когда рыночные цены станут выше, последует продажа, Руфином безоговорочно осуждалось.

Частичная реабилитация купца со стороны декретистов была включена в важную «Сумму» 1188 г. болонского профессора Хугуччио, впоследствии избранного епископом города Феррара. Хугуччио полностью воспроизвел позицию Руфина, однако перенес акцент оправдания купца с труда и издержек на те действия, которые обеспечивают потребности семьи торговца. Хугуччио сделал главный акцент не на объективных издержках, а на субъективных намерениях торговца, полагая, что они могут быть распознаны: является это просто жадностью или желанием удовлетворить потребности своей семьи? Очевидно, что тем самым Хугуччио оставил значительное место для торговой деятельности.

Кроме того, Хугуччио предпринял радикальную реконструкцию святоотеческих учений о частной собственности. С времен Хугуччио частная собственность стала рассматриваться как священное право, вытекающее из природного закона. Собственность индивидов и общин, по

крайней мере в принципе, должна была быть свободной от произвольного посягательства со стороны государства. Как «модератор» и «арбитр» своих собственных благ, индивидуальный владелец может пользоваться и распоряжаться ими по своему усмотрению, при условии что он не нарушил общие правовые нормы. Правитель мог экспроприировать собственность невинного субъекта только в случае «общественной необходимости». Конечно, это положение было явным изъяном в системе прав, поскольку понятие «общественная необходимость» может быть и часто бывало весьма эластичным. Однако в целом эта концепция частной собственности стала огромным шагом вперед по сравнению со святоотеческими учениями.

С конца XII в. движение декретистов в каноническом праве уступило место школе декреталистов конца XII — XIII вв., которая опиралась на поток папских указов или декреталий. Поскольку папа является главой католической церкви, декреталии, исходившие от него или его Римской курии в Ватикане, автоматически включались в свод канонического права. В результате каноническое право стало все сильнее отходить от Грациана и декретистов, которые выстраивали закон, основываясь в основном на древних источниках. Однако и новые декреталии тоже не были произвольными; они основывались на раннем каноническом праве и выводились из него. Непрерывности процесса правотворчества во многом способствовал тот факт, что некоторые из тех пап происходили из Болоньи. Так, папа Александр III (Роланд Бандинелли), который инициировал новый процесс декреталий и долго занимал папский престол (1159—1181), изучал право и теологию в Болонье и, вероятно, был там профессором и непосредственно общался с великим Грацианом. Известный ученый-правовед, автор ранней суммы по Декрету Грациана, до своего избрания на папский престол Александр был избран кардиналом и занимал должность канцлера папского двора. Еще один важный папский декреталист, папа Иннокентий III (Лотарио Конти, граф Сеньи), занимавший престол с 1198 по 1216 г., изучал каноническое право в Болонье под руководством Хугуччио. Наконец, папа Григорий IX (Уголино де Сеньи), понтифик с 1227 по 1241 г., собрал и опубликовал в 1234 г. судьбоносные «Декреталии», в которые, в дополнение к папским декреталиям, вошел и Декрет Грациана, опубликованный столетием ранее. С этого момента «Декреталии» Григория IX стали стандартом работы по каноническому праву.

Декреталисты гораздо благосклоннее относились к купцам и к свободному рынку, чем декретисты до них. Прежде всего декреталисты, вместо отрицательного святоотеческого отношения к купцам и торговле, начиная с папы Александра III и до Григория IX, разделяли отношение римского права к свободному рынку. К сожалению, это отношение не вполне соответствовало принципам *laissez faire* кодексов Феодосия или даже Юстиниана. Поскольку, когда в начале XII в. Кодекс Юстиниана попал в Болонью и в Западную Европу, французский автор «Брахи-

лога <гражданского права>» <«Brachylogus juris civilis»>⁽⁶⁾ значительно искажил смысл принципа *laesio enormis* <чрезмерного ущерба> Кодекса Юстиниана. Вместо применения концепции «справедливой цены», отличной от фактической цены, только при оценке ущерба <при сделках с недвижимостью>, как в Кодексе Юстиниана, автор «Брахилога» распространил эту концепцию с недвижимости на все товары и с оценки ущерба на все фактические продажи. В интерпретации автора «Брахилога» если любая продажа, даже добровольная, были произведена по цене, меньшей половины «справедливой цены», тогда продавец имел право предоставить покупателю выбор: либо оплатить разницу между ценой продажи и справедливой ценой, либо расторгнуть договор; при этом покупатель возвращает товар, а продавец возвращает плату. Отметим, что это не являлось механизмом картелирования, поскольку ни третьи лица, ни государство не имели права вмешиваться, с целью обеспечить соблюдение *laesio enormis*; принуждение должно было производиться только в случае, если обвинение выдвигалось самим продавцом.

Римское право, развивавшееся на протяжении XII—XIII вв., в значительной мере является продуктом Болонского университета, в стенах которого в конце XI в. Ирнерием была основана исследовательская школа римского права. В середине XII в. юристы-романисты из Болоньи приняли расширительную трактовку понятия *laesio enormis*, предложенную автором «Брахилога». Около 1150 г. провансальский кодекс «Lo Codi»⁽⁷⁾, популярная адаптация недавней болонской «Суммы», добавил еще одно, ставшее роковым, расширительное толкование принципу *laesio enormis*. Впервые эта провансальская работа включала *покупателей* наравне с продавцами в число пострадавших от *laesio enormis*, когда цена продажи была значительно выше справедливой цены. В «Lo Codi» если покупатель заплатил вдвое дороже истинной или справедливой цены продукта, то продавец имел возможность либо оплатить покупателю разницу между справедливой и продажной ценой, либо расторгнуть договор. Примечательно, что когда был сделан обратный перевод «Lo Codi» на латынь, эта новая расширенная, ограничивающая *laissez faire* интерпретация была в конце XII в. добавлена в римское право. В частности, профессором римского права в Болонье Альберикусом в его свод канонического права.

Процветающий принцип *laesio enormis* получил свое предельное расширительное толкование в конце XII в. в работе болонского воспитанника Петруса Плацентинуса. Плацентинус снизил максимально допустимую цену в полтора раза по отношению к справедливой цене, и по достижении этой цены вступал в силу принцип *laesio enormis*. Это окончательное расширенное толкование было включено в работы трех великих болонских профессоров римского права XIII в.: Азо (ок. 1210); уроженца Флоренции Аккурзия оказавшего большое влияние, ученика и последователя Азо (ок. 1228 — 1260); и Одофредо, сочинения которого в середине XIII в. стали кульминацией болонской школы.

Хотя в XII—XIII вв. католики действительно приняли тривиальную концепцию *laesio enormis*, значительно ограничив свободу договора и *laissez faire*, однако в конце XII в. они, по крайней мере, столь же отчетливо заявили о том, что *в рамках laesio enormis* свобода переговоров и свобода перехитрить другого должна быть полной. Начиная с папы Александра III, декреталисты многое почерпнули из этой традиции римского права. Это означало, что теперь церковный закон берет на вооружение не только святоотеческие громовые раскаты в адрес купцов как таковых, но и имеющую противоположную направленность традицию полной свободы торгова в рамках *laesio enormis*. Деятельность декреталистов достигла апогея, когда «Декреталии» Григория IX получили новое развитие и трактовку в работах кардинала Генрика Гостезиса де Сегузо в период с конца 1250-х и до 1271 г., года его смерти. Гостензис изучал каноническое и римское право в Болонье, преподавал в Англии и Франции и был кардиналом-архиепископом Остии.

Декреталисты оправдывали спекулятивные покупки и продажи, освобождая их от греха *turpe lucrum*, принимая и расширяя линию Хугуччио, когда спекуляция считается допустимой, если спекулянт действует с целью удовлетворения потребностей своей семьи. В глоссе французского каноника-доминиканца Вильяма Ренского (ок. 1250), эта область свободы была расширена еще больше. Действия купца или спекулянта не считались греховными, если они не были обусловлены «бессмысленной страстью обретения бранных богатств. Если они совершались не для необходимого применения или полезности, но из любопытства, достигающего такой степени, что люди оказываются зачарованными фантазиями, подобно сорокам или воронам, соблазненных монетами, которые они находят и прячут». Безусловно, такого рода ограничения, которые в реальной жизни касаются лишь очень немногих людей, отстоят очень далеко от святоотеческого обличения купцов и торговцев как таковых.

Другое послабление ограничений исходило от Алана Английского, уроженца Англии и профессора канонического права в Болонье, писавшего в первые два десятилетия XIII в. Алан заявил, что *turpe lucrum* (или ростовщичество, если на то пошло) не может существовать, если в уме купца не сформировалась будущая цена блага. Неопределенность присутствует всегда, и не только на рынке. Внешний судья или орган власти тоже не способен доказать, что купец *не* пребывал в *неопределенности*, когда он покупал или продавал. По существу, тем самым снимались все ограничения на торговлю *turpe lucrum* или на спекуляцию.

При анализе прибылей бизнеса более поздние канонисты XIII в. добавили к раннему оправданию прибыли ее понимание как затраченный труд плюс издержки. В любой бизнес-ситуации также присутствует элемент риска. Увеличение цены как следствие риска впервые получило оправдание в известных комментариях канонического права папы Иннокентия IV (Синибальдо Фиески, графа Лаваньи), опубликованных

между 1246 и 1253 г. До того как стать папой, уроженец Генуи Иннокентий изучал римское и каноническое право в Болонье, был профессором римского права в этом университете, и, наконец, стал кардиналом и известным государственным деятелем.

Если цена сделки выходила за пределы определенной зоны значений выше или ниже справедливой цены, и такая сделка признавалась греховной и незаконной, то тогда церковь и власть должны найти способ понять, какой должна быть справедливая цена. До XII—XIII вв. это не было проблемой, поскольку доктрина *laesio enormis* в реальной жизни не применялась. Решение каноников и романистов, схожее с доктриной Каролингов, состояло в том, что справедливая цена была подвижной, текущей, обычной рыночной ценой (*communis aestimatio*). Это означало *либо* конкурентную, обычную рыночную цену в противоположность отдельным изолированным сделкам, *либо* могло относиться к ценам, установленным государством или гильдиями, привилегии которым дарует государство, поскольку такие регламенты, в силу их строгой легальности определяли цену *де-юре*. Вероятно, что санкционировать или даже признать любые цены черного рынка, нарушающие подобные правила, было ниже достоинства этих юристов.

В конце XII в. Плацентин использовал этот критерий в римской юриспруденции, а в начале XIII в. точно так же поступил, в частности, Азо. Он был достаточно либерален, чтобы считать «справедливой ценой» цену продажи, равную цене любой другой сопоставимой продажи, однако Аккурзий, а после него Одофредо явно ссылались на общую или среднюю рыночную цену как на стандарт справедливости. Как выразился Аккурзий, «вещь оценивается по той цене, за которую ее обычно можно продать».

Юристы-канонисты приняли тот же критерий для справедливой цены. Влияние практики Каролингов и намеки на Устав Св. Бенедикта VI в. проявились в работе каноника конца XII в. и ученика Грациана Симона из Бизиньяно, который впервые описал истинную цену благ как цену, по которой они обычно продаются. Той же позиции в XIII в. придерживались и декреталисты. Канонисты и романисты теперь были согласны с тем, что общая цена блага является его справедливой ценой.

Однако все равно перед изощренными канонистами XIII в. стояла проблема. С одной стороны, они приняли позицию римского права, согласно которой всякий свободный торг является законным, за исключением определенной области значений выше или ниже «справедливой цены», в качестве которой они принимали текущую общую рыночную цену. Однако, с другой стороны, они унаследовали от отцов церкви и предшествовавших им декретистов враждебность по отношению к торговым сделкам, в особенности к спекулятивным. Каким образом они могли разрешить это противоречие?

Как мы уже убедились, они могли частично ослабить степень осуждения спекуляции. Кроме того, начиная с XIII в., церковь и ее адвокаты-ка-

нонисты почти разрешили эту проблему посредством весьма разумной доктрины «двух форумов», над которыми церковь осуществляла свою юрисдикцию. «Внешний форум» — *ius fori* — разрешал общественную деятельность христиан в общественных церковных судах. Эти суды судили за преступления против церкви и ее общего права, придерживаясь во многом той же процедуры, какая принята в светских судах. С другой стороны, «внутренний форум» — *ius poli* — был конфессиональным, в нем священник судил отдельных христиан на основе их личного отношения к Богу. Два форума были самостоятельными и отдельными, соответствующие решения выносились на двух разных уровнях. Хотя предполагается, что церковь управляла обоими, один был внешним и общественным, другой частным и личным.

Доктрина двух форумов позволила каноникам разрешить видимое противоречие в каноническом праве. Принцип *laesio enormis*, принцип общего рынка, где ведется свободный торг, относится к сфере действия внешнего права и открытого суда, в которой, иначе говоря, свободный рынок может превалировать. С другой стороны, ограничения на коммерческую прибыль, превышающую трудовые затраты, издержки и риски, не являлись предметом рассмотрения государства и внешнего закона и были вопросом совести на исповеди. Еще более очевидно, что к сфере индивидуальной исповеди относились запреты, налагаемые на торговлю или спекуляцию на основе алчности, как выходящие за рамки почетной необходимости содержания своей семьи. Очевидно, что только сам человек в глубине души мог знать о своих намерениях; едва ли они были наблюдаемы для внешнего закона.

2.5. ЗАПРЕТ КАНОНИКОВ НА РОСТОВЩИЧЕСТВО

Значительное ослабление морально-этических и юридических ограничений и запретов в отношении торговли, на которое пошли канонисты и романисты в Средние века, к сожалению, не распространялось на суровые запреты, наложенные на ростовщичество. Современные люди думают, что «ростовщичество» — это когда запрашивают очень высокие процентные ставки по кредиту, однако смысл этого понятия до недавнего времени был совершенно иным. «Ростовщичество» в классическом понимании означает *любой* процент по кредиту, вне зависимости от того, насколько он может быть мал. Запрет ростовщичества был запретом на взимание любого процента по кредиту.

За одним-единственным исключением в Древнем мире, никто и нигде не запрещал процента — ни в Греции, ни в Китае, ни в Индии, ни в Месопотамии. Этим исключением были евреи, которые разрешали взимать процент с гоев, но запрещали его в еврейской среде, что было проявлением групповой узкоплеменной морали.

Бесспорно, что ожесточенные нападки средневековых христиан на ростовщичество выглядят странными. С одной стороны, в Евангелии или у ранних отцов церкви по этому поводу не говорится ничего, несмотря на всю их враждебность к торговле, которая может быть истолкована как призыв запретить ростовщичество. Однако на самом деле притча о талантах в Евангелии от Матфея (25, 14—30) легко может быть истолкована как одобрение процента по коммерческим кредитам. Кампания против ростовщичества началась с первого Вселенского Никейского собора 325 г., на котором запрещалось начисление процентов по кредиту только духовенству. Однако Никейский собор ухватился за одну фразу из псалма 14 Ветхого Завета: «Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? <...> кто серебра своего не отдает в рост ...», — которому в Средние века было суждено стать любимым — и практически единственным — библейским текстом, направленным против ростовщичества. Никейский запрет был повторен на более поздних соборах IV в. в Эльвире в Испании и в Карфагене, а затем в V в. папа Лев I распространил этот запрет также на мирян, обвинив мирян-ростовщиков в том, что они потворствуют *turpe iurcum*. Несколько поместных советов в Галлии в VII в. подтвердили осуждение, вынесенное папой Львом I, аналогичным образом поступили и папа Адриан, и несколько английских церковных соборов в VIII в.

Однако в светском законодательстве всеобщий запрет на ростовщичество впервые появился только при всеобъемлюще тоталитарном режиме императора Карла Великого. В 789 г. на имперском соборе в Аахене Карл запретил заниматься ростовщичеством в своей империи всем — и мирянам, и клирикам. Действие запрета было продлено и усилено позднее на соборе в Неймегене в 806 г., на котором ростовщичество было впервые определено как обмен, при котором «более востребуется при возврате, чем было дано». Таким образом, начиная со времен Карла, ростовщичество стали усиленно выделять в отдельный и особенно злостный вид *turpe iurcum*, и любые попытки ослабить этот запрет встречали яростное сопротивление. Размашистое определение «более востребуется при возврате, чем было дано» без изменений повторялось всеми канониками, начиная с Регино Прюмского в X в., Иво Шартрского и заканчивая Грацианом.

Но, как ни странно, хотя враждебность по отношению к ростовщичеству оставалась прежней и на самом деле среди каноников значительно укрепилась, явная основа для этой враждебности претерпела значительные изменения. На протяжении первых столетий христианской эры ростовщичество считалось постыдной разновидностью алчности и отсутствия милосердия; однако еще не стало грехом против справедливости. По мере того как в XI в. в Европе торговля стала возрождаться и процветать, в реальной жизни осуждение взимания процента по причине отсутствия милосердия стало считаться неуместным, поскольку благотворительность имела мало общего с коммерческим кредитом. Первым изменил основания, по которым осуществлялась атака на ростовщиче-

ство, итальянский монах св. Ансельм Кентерберийский (1033—1109) — теперь оно стало считаться «кражей». Эту новую доктрину в дальнейшем разрабатывал ученик св. Ансельма Ансельм Луккский, итальянец и уроженец города, в котором процветала текстильная промышленность. В своем каноническом собрании, составленном около 1066 г., Ансельм Луккский явным образом осудил ростовщичество как кражу и грех против седьмой заповеди и потребовал у ростовщиков компенсации заемщикам за «украденные блага».

Такое расширительное толкование понятия «кража» и распространение его на добровольный договор, при котором принуждение не использовалось, выглядело безусловно странным, но тем не менее эта возмутительная новая концепция была подхвачена и повторена Гуго Сен-Викторским (1096—1141), а также в собрании Иво Шартрского.

В 1139 г. второй церковный Латеранский собор наложил явный запрет на ростовщичество для всех — для мирян и для духовенства, и обвинил всех ростовщиков в бесчестии. На соборе было сделано расплывчатое заявление о том, что в Ветхом и Новом Завете имеются все основания для подобного запрета, однако точная ссылка приведена не была. Девять лет спустя папа Евгений III выступил против распространённой практики монастырей взимания процентов по ипотечным кредитам.

Наконец, с появлением «Декрета Грациана» каноническое право достигло своей зрелости. Грациан обрушился на ростовщичество, используя любое доступное ему оружие, начиная с Псалма 14 и заканчивая новой доктриной о том, что ростовщичество есть кража и, следовательно, требует реституции. Еще более расширяя сферу действия строгого запрета на ростовщичество, Грациан распространил его на товарный кредит, не ограничившись денежным, если возвращаемое было больше основного кредита. И прямо заявил, что в таком случае «справедливая цена» будет *не* обычной рыночной ценой, а нулем, т.е. устанавливался точный эквивалент товаров или денег, отданных в займы.

Возможно, великий декреталист папа Александр III и испытывал некоторую благосклонность к свободному рынку в каких-то других вопросах, однако запрет на ростовщичество он еще более углубил и расширил, осудив более высокие цены на товары, покупаемые в кредит, по сравнению с ценами продаж за наличный расчет. Эта практика была признана скрытым ростовщичеством, даже если проценты по кредиту явным образом не взимались. В 1179 г. Третий Латеранский собор под председательством папы Александра III осудил ростовщичество, отлучил от церкви всех выявленных ростовщиков и наложил запрет на их погребение по христианскому обряду.

Следующий папа Урбан III (1185—1187) в своей декреталии «Позаботился» («*Consoluit*») привлек ранее не использованную цитату из Иисуса, «ссужай без платы, ни на что не надеясь тем самым» (Лк 6, 35)⁽⁸⁾, которая с тех пор стала краеугольным камнем теологического осуждения ростовщичества, как смертного греха; и не только: предполагалось,

что даже сама *надежда* получения ростовщического дохода практически должна приравниваться к греху.

Одержимость ростовщичеством у каноников стала столь всеобщей, что Грациан, его предшественники и его последователи разрабатывали свои теории продаж, прибыли и справедливой цены, оставаясь в целом в контексте того, подпадала или нет какая-либо конкретная сделка под грозное определение «ростовщичества». Так, в конце XII в. такие декретисты, как Симон из Бизиньяно в 1179 г. и великий Хугуччио в 1188 г., поддержали строгий запрет на любой процент, начисленный по кредиту, считая его ростовщичеством, и в то же время разрешали аренду блуг или покупку дешево с целью продажи дороже, не относя это к разряду ростовщичества. Хугуччио совершил насилие над моралью, утверждая, что в *commodatum* — договор аренды, при котором передается только право на *пользование* благом, — каким-то образом морально значительно отличается от *mutuum* — чистого кредита, когда на некоторое время передается право *собственности*. С оплатой за аренду, с *commodatum*, все было в порядке, поскольку собственник сохранял право собственности и взимал плату за использование своего блага; однако все каким-то образом становилось греховным, когда кредитор взимал плату за пользование благом, быть собственником которого он (временно) перестал. Торговая прибыль тоже могла признаваться законной и правомерной как награда за риск, однако проценты по кредиту — где риск несет заемщик, а не кредитор — продолжали считаться ростовщичеством.

Более поздние декреталисты, борясь с практикой торговцев, пытавшихся маскировать ростовщичество в различных видах договоров, настаивали на осуждении подобных контрактов как «неявно ростовщических», если, как мы это наблюдали при осуществлении договоров купли-продажи, в сознании покупателя и продавца не имеется никакой неопределенности в отношении будущей цены. Каноник начала XIII в. Алан Английский заявил, что если в таком договоре имеется неопределенность, и у покупателя и продавца равные шансы на то, чтобы выиграть или проиграть, то тогда ростовщичества нет.

Предоставляя первую реальную, пусть и небольшую лазейку во всеобъемлющем запрете на ростовщичество, Алан Английский объяснил, что такая форма неявного ростовщичества может существовать только в уме и не может быть предметом принуждения на основе права. Лазейка, связанная с неопределенностью, была немного расширена в «Декреталиях» папы Григория IX.

С другой стороны, канонисты упорно расправлялись с попытками уклонения от запрета на ростовщичество, которые рынок продолжил творчески изобретать. К договорам, в которых при продаже предусматривался отсроченный платеж, относились с подозрением, и очень высокие цены в таком договоре канонисты считали доказательством того, что здесь без всякого сомнения присутствует намерение совершить ростов-

щическую сделку. В «Декреталях» дело зашло так далеко, что были осуждены кредиторы, взимавшие процент по ссудам, которые выдавались путешествующим купцам, хотя канонисты понимали, что процент был прямой компенсацией рисков. И хотя после Иннокентия IV канонисты начали говорить о рисках, оправдывающих прибыль, прибыль от рискованных инвестиций стала считаться вполне оправданной, любой процент по чистому кредиту (или *mutuum*) по-прежнему осуждался как ростовщичество, несмотря на все смягчающие обстоятельства.

Запрет ростовщичества стал трагическим изъяном в экономических взглядах средневековых юристов и теологов. Запрет был экономически иррационален, он отсекал предельных заемщиков и устанавливал высокие кредитные риски для любого заемного капитала. Для его введения в природном законе не имелось никаких оснований, и их практически нет ни в Ветхом, ни в Новом Завете. И все же за него отчаянно цеплялись на протяжении всех Средних веков. И в результате юристы и теологи оказались вовлеченными в хитроумные и коварные повороты мысли, направленные на то, чтобы обойти этот запрет, идя навстречу распространявшейся практике денежного кредитования и взимания процентов по кредитам. И все же перед людьми того времени, особенно поздними философами и теологами, стояла одна застораживающе важная проблема: в чем *состоит* моральное или экономическое обоснование процента при чистом кредите? Как мы увидим в дальнейшем, средневековые схоласты пришли к достаточно полному пониманию экономических и моральных оправданий почти каждого аспекта процента: как неявной прибыли, обусловленной риском, как упущенной возможности получения прибыли от инвестиций и многое другое. Но почему все-таки процент взимается при простом, безрисковом кредите, когда нет упущенных возможностей? Исчерпывающий ответ на этот вопрос не был получен вплоть до появления австрийской школы в конце XIX в. Роковое упущение схоластов заключалось в непонимании того, если процент выплачивается, а равно и назначается, добровольно, то это само по себе является достаточным моральным оправданием. И соответственно *у этого должно быть* экономическое объяснение, хотя экономическая наука такого объяснения еще не открыла.

Первая систематическая брешь в запрете на ростовщичество появилась у канониста конца XIII в. кардинала Гостензиса. Будучи признанным профессором права, Гостензис был также космополитом, исполняя миссию посла Генриха III, которого тот направил к своему другу папе Иннокентию IV. Во-первых, Гостензис вернулся к более мягкой старинной традиции, согласно которой ростовщичество считалось немилосердным, но не являлось грехом с точки зрения справедливости. Затем он перечислил не менее 13 случаев, в которых запрет на ростовщичество мог быть снят и могли взиматься проценты по кредиту. Один из таких случаев, когда было необходимо поручительство гаранта по кредиту; другой — когда продавец может взимать более высокую цену за товар, продан-

ный в кредит, по сравнению с ценой при расчете наличными, при условии, что существует неопределенность (которая, впрочем, существует всегда) относительно будущей цены товара. Еще одно важное исключение позволило кредитору вписать в договор о займе статью о штрафных санкциях, когда должник должен заплатить штраф, превышающий основную сумму, если он не погасит задолженность к указанной дате. И это, конечно, проложило путь для скрытого соглашения между сторонами о такой задержке оплаты, которая позволила бы выплатить такой «штраф». Еще одно исключение состояло в том, что кредитор мог потребовать плату за труды, которые он предпринял, предоставляя данный кредит.

Все это были некоторые разновидности штрафов или особых компенсаций. Но кроме того Гостензис впервые выдвинул новаторский аргумент в пользу установления процентной ставки по кредиту, с самого начала не связанный с отсрочкой или гарантиями. Это *lucrum cessans* (упущенная выгода), законное взимание процента кредитором с целью компенсировать ему упущенную выгоду в случае, если бы он инвестировал деньги сам. Иначе говоря, *lucrum cessans* превосхитила австрийскую концепцию альтернативных издержек, дохода, от которого пришлось отказаться, и применила к взиманию процента. Однако, к сожалению, использование кардиналом Гостензисом принципа *lucrum cessans* ограничивалось лишь теми кредиторами, которые предоставляли деньги должнику из благотворительности. Таким образом, на деловой основе кредиторы не могли заниматься взиманием процента по кредиту, даже на основании *lucrum cessans*.

Еще одно исключение, сделанное Гостензисом, также открыло путь для взимания процентов по кредитам. Он позволил должнику делать бесплатный подарок кредитору, пока кредитор не требовал этого «подарка». Однако в этом случае должники, в частности флорентийские банкиры, принявшие депозиты, считали себя обязанными делать «подарки» своим вкладчикам, в противном случае вкладчики переведут свои средства тем конкурентам, которые обычно такие «подарки» делают. Изобретение ложного дарения стало важным механизмом легализации фактического взимания начисления процента.

2.6. ТЕОЛОГИ ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В Средние века теология была царицей «наук», т.е. интеллектуальных дисциплин, представляющих истину и мудрость. Однако в темные века для теологии настали тяжелые времена, и этические системы в право и в дела человеческие внедряли юристы — специалисты по римскому и каноническому праву. Новый расцвет теологии начался в начале XII в. в Парижском университете под руководством знаменитого Пьера Абеляра.

С тех пор Париж стал столь же значимыми для средневековой теологии, как Болонья для римского и канонического права. Однако на протяжении оставшейся части XII в. теологи сосредоточились лишь на обдумывании и выработке метафизических и онтологических вопросов, оставив социальную этику юристам. Пьер Пуатье, ставший позднее влиятельным регентом теологии в соборной школе Нотр-Дам в Париже, в стиле, характерном для теологов XII в., заявил, что такие неоднозначные вопросы, как ростовщичество, должны быть оставлены на усмотрение юристов по каноническому праву.

Однако с началом XIII в., когда теории канонического и римского права уже продвинулись далеко вперед, получившие университетское образование философы-теологи нового поколения пожелали обратить свое внимание на проблемы социальной этики. Даже до начала XIII в. такие влиятельные теологи Парижского университета, как Радульфус Арденс и англичанин — позднее кардинал — Стивен Лэнгтон, начали писать о проблемах справедливости. Работая над концепцией «справедливой цены», теологи, к сожалению, не следовали в русле романистов и канонистов, придерживавшихся здравой точки зрения о том, что свободный торг или рыночная цена являются законными до тех пор, пока остаются в широких пределах «справедливой цены». Если рыночная цена хоть немного отличалась от справедливой цены, парижские теологи считали это аморальным, греховным и незаконным. Это, конечно же, означало, что справедливая цена становилась орудием принуждения, призванным заменить широко распространенный стандарт. Арденс установил справедливую цену в качестве важнейшего критерия «справедливой продажи». Еще более решительным был его коллега и автор первой конституции Парижского университета, впоследствии кардинал, англичанин Роберт Керзон (ок. 1160/1170 — 1219), который в работе, написанной около 1204 г., назвал продажу товаров выше справедливой цены незаконной практикой, а выдающийся Стефан Лэнгтон сурово обвинил в смертном грехе любого продавца, взимающего плату выше справедливой цены.

Теологи прекрасно знали о своих глубоких расхождениях с юристами, однако продолжали придерживаться своих новых экстремальных взглядов. Так, профессор теологии в Париже Уильям из Осера (1160—1229) писал в 1220 г., что божественный закон, который повелевает, что никакая продажа не должна быть выше справедливой цены, должен вытеснить человеческий закон, который придерживался принципа *laesio enormis*. А его коллега англичанин Фома из Чобхэма в работе, написанной около 1220 г., столь же фанатично настаивал, что божественный закон требовал от продавца компенсации, даже если продавец просто ошибся, и размер ошибки не превысил одного пенни.

Если теологи настаивали на том, что необходимо неукоснительно придерживаться справедливой цены, то какая цена могла считаться таковой? Хотя в то время лишь очень немногие теологи непосредственно

рассматривали этот критически важный вопрос, очевидно, что они мысленно ориентировались на ту же цену, что и канонисты и романисты, а именно — на текущую цену, сложившуюся в данном месте, либо на среднерыночную цену, либо на цену, зафиксированную государством, если подобное регулирование имело место. Парижский теолог конца XII в. Пьер Кантор (ум. 1197), рассматривая функцию королевских заседателей, утверждал, что справедливой ценой товаров является их текущая цена. Более сжато выразился в первой половине XIII в. великий французский теолог Парижского университета англичанин Александр Гэльский (1168—1245), лаконично заявивший, что «справедливая оценка благ» есть та, «на основании которой в данном городе или месте осуществляются продажи». Известный в XIII в. немецкий профессор Парижского университета доминиканец св. Альберт Великий (1193—1280) выразился еще более определенно: «Та цена справедлива, которая равна ценности товаров, проданных согласно оценке рынка в данный момент времени».

Хотя в своем стремлении насаждать текущую общую цену теологи были более строги, чем юристы-романисты, они проделали конструктивную работу по реабилитации торговцев, подняв их из самых низов морального осуждения, куда те были низвергнуты в сочинениях отцов церкви.

Подобно Петру Ломбардскому (ум. 1160), итальянскому профессору теологии в Парижском университете, а затем епископу Парижскому, теологи придерживались той традиционной точки зрения, что купец не мог выполнять свои обязанности, не совершая при этом греха. Начало полной реабилитации торговца было положено в комментариях к «Сентенциям» Петра Ломбардского (точное название «Сентенции в четырех книгах», 1150—1151).

Комментаторы, особенно на рубеже XIII в., стали все более систематически оправдывать деятельность купцов и сам процесс извлечения прибыли.

В первую очередь ведущие комментаторы «Сентенций», включая таких парижских профессоров, как доминиканцы св. Альберт Великий («Комментарий», 1244—1249), Пьер де Тарантез (1225—1276), позднее ставший папой Иннокентием V («Комментарий», 1253—1257), а также парижский теолог итальянского происхождения св. Бонавентура (1221—1274), ученик Александра Гэльского, генерал ордена францисканцев, впоследствии кардинал («Комментарий», 1250—1251), — все они заявили, что деятельность купцов необходима для общества. Эта концепция подкреплялась заново открытыми в начале XIII в. трудами Аристотеля и включением аристотелевской философии в теологию — сначала Альбертом Великим и особенно его великим учеником Фомой Аквинским. Для этих новообращенных аристотелианцев, а также для английского францисканца Александра Гэльского разделение труда в обществе было столь же необходимым, как и сопутствующий ему взаимный обмен това-

рами и услугами. Таков был путь, каким естественный закон проникал в общественное сознание.

В частности Фома из Чобхэма, несмотря на то что он настаивал на каждом пенни справедливой цены, правильно оценивал роль купцов, состоявшую в перемещении благ из районов, где они имелись в изобилии, в места, где эти блага находились в дефиците. Позднее, в XIII в., эту мысль повторил Альберт Великий.

Если торговля является полезным и даже необходимым видом деятельности, отсюда следует, что прибыль, необходимая для поддержания такой деятельности, является оправданной. Поэтому теологи пересмотрели учение XII в., согласно которому купцу позволялось получать прибыль только с целью необходимого обеспечения его самого и его семьи. В качестве обоснования теологи XII в. признали природу прибыли законной, если она извлекается с тем, чтобы пойти на благотворительность. Первым, кто назвал благотворительность и милосердие справедливым и благочестивым мотивом для торговли, был, вероятно, францисканец Александр Гэльский. Однако — вторя учению Хугуччио — получение прибыли ради сребролюбия или бесконечной и ненасытной алчности по-прежнему считалось недостойным.

Если, в соответствии с христианской традицией, трудящийся был «достоин награды за труды свои» (Лк 10, 7), тогда прибыль от полезной деятельности купца может быть оправдана его «трудом» или его трудом и издержками, которые уже были декларированы юристами. Фома Аквинский считал заработок купца жалованием за труд. Для теологов «труд» подразделялся на несколько видов деятельности: транспортировка грузов; хранение и забота; а также — что было привнесено канонистами XIII в. — принятие на себя риска. Таким образом, коммерческая прибыль являлась платой или наградой за труд купца по транспортировке и хранению и за его принятие на себя риска. Фактор риска особенно подчеркивали Александр Гэльский и св. Фома Аквинский. Следует отметить, в противовес многим более поздним историкам, что целью дискуссий юристов и теологов о труде, издержках и риске было не использование этих факторов для определения справедливой цены (в качестве которой выступала текущая средняя цена), а оправдание прибыли, получаемой купцом.

Роберт Керзон был первым теологом XIII в., который в традиционные, хоть и плохо обоснованные теологические осуждения ростовщичества привнес подход с позиций естественного права. Керзон просто присвоил софистическое моральное различие Хугуччио между арендой и кредитом, при котором первая является законным, а последний незаконным, потому что собственность на деньги временно переходила к заемщику. Более сильное влияние оказал еще один парижский теолог Уильям из Осера, который подбросил порцию новых заблуждений во все сильнее разгоравшийся костер нападок церкви на ростовщичество. Уильям разглагольствовал о том, что ростовщичество есть воплощение зла

и что оно чудовищно, не объясняя при этом почему; он не только традиционно уподобил ростовщичество краже, но даже сравнил его с убийством и даже хуже. Ибо убийство, сказал он, иногда может быть законным, поскольку только некоторые формы убийства являются грехом, но ростовщичество греховно повсеместно и никогда не может быть признано законным. Так как ростовщичество, согласно Уильяму Осере, греховно по своей природе, это делает его нарушением естественного закона, в дополнение к другим приписываемым ему беззакониям.

Уильям не сказал ничего определенного о том, *почему* в соответствии с естественным законом ростовщичество является грехом; одним из его новаторских аргументов в борьбе с ростовщичеством был такой: человек, который взимает процент на кредит, пытается «продать» время, которое является общим свойством всех живых существ. Поскольку предполагается, что время является общим и бесплатным, Уильям из Осера и более поздние теологи смогли использовать этот аргумент, чтобы причислить к «ростовщичеству» не только ссуду, но также назначение более высокой цены при продаже в кредит, чем при сделке с наличными. Привнес аргумент о «бесплатном времени», Уильям невольно коснулся позднейшего австрийского решения проблемы чистого процента при безрисковом кредите: продавалось не «время», если выразаться точнее, а «временное предпочтение», когда кредитор продает заемщику деньги, настоящее благо (благо, полезное сейчас), в обмен на долговое обязательство в будущем, т.е. на «будущее благо» (благо, которое станет доступным только в какой-то момент в будущем). Но поскольку все предпочитают настоящее благо эквивалентному будущему благу (универсальный факт временного предпочтения), кредитор будет взимать, и заемщик будет готов заплатить процент по кредиту. Тогда процент является ценой временного предпочтения. Неспособность схоластов понять или прийти к концепции временного предпочтения в большей степени, чем что-либо иное, дискредитировало их экономические воззрения. И все из-за того, что они неустанно стремились осудить универсальную практику «ростовщичества».

Уильям из Осера пытался также оспорить довод о добровольности: как может ростовщичество считаться злом и несправедливостью, если процент добровольно выплачивается заемщиком? В одном из, безусловно, самых глупых аргументов в истории экономической мысли Уильям из Осера признал, что оплата заемщиком процента является добровольной, однако добавил, что заемщику еще больше понравился бы беспроцентный кредит, так что в «абсолютном», а не в «условном» смысле бремя процента *не является* добровольным. Уильям почему-то не сумел понять, что то же самое можно сказать о покупателе *любого* продукта; поскольку любой покупатель предпочел бы бесплатное благо времени любой цены, и на этом основании мы могли бы заключить, что все свободные обмены являются принудительными и греховными в «абсолютном» смысле.

Несмотря на очевидную абсурдность этого аргумента, «условная» добровольность, а также другие новые аргументы Уильяма из Осера оказали большое влияние и сразу же были включены в число стандартных теологических аргументов против ростовщичества.

Немецкий доминиканец св. Альберт Великий сослужил великую службу философии, вернув Аристотеля и аристотелизм в западную мысль. Родившийся в Баварии в аристократической семье, Альберт некоторое время был руководителем немецкого провинциального ордена доминиканцев и епископом Регенсбурга, однако большую часть своей долгой жизни он посвятил преподаванию в Парижском и Кёльнском университетах.

К сожалению, Альберт, будучи прекрасным философом, был не особо силен в вопросах экономики, и во многих отношениях направил экономическую теорию схоластов по неверному пути. Его заслуга в том, что он научил своего великого ученика Фому Аквинского тому, что «справедливая цена — это обычная рыночная цена» и что выполняемая купцом социальная роль законна. С другой стороны, Альберт, к сожалению, возродил аргумент Аристотеля против ростовщичества, согласно которому оно ведет к неестественному умножению «бесплодного металла», присовокупив его к общей мешанине накопленных к тому времени других аргументов против процента. Св. Альберт не понял, что атака Аристотеля на ростовщичество была лишь частью и этапом последующего осуждения всех видов розничной торговли, поскольку в латинском переводе Аристотеля, доступном Альберту, греческий термин, обозначающий розничную торговлю, соответствовал латинскому слову «меняла». Так что Альберт позаимствовал этот аргумент по ошибке, поскольку он, безусловно, не разделял идею Аристотеля о том, что всякая розничная торговля неестественна и греховна.

Альберт также причинил большой вред научной мысли будущего посредством еще одного неправильного толкования «Никомаховой этики» Аристотеля. Каким-то образом он интерпретировал выделенные Аристотелем факторы, определяющие ценность, не как нужды потребителей или полезность, а как «труд и расходы», отчасти предвосхитив более позднюю трудовую теорию ценности.

2.7. ФИЛОСОФ-ТЕОЛОГ: СВ. ФОМА АКВИНСКИЙ

Св. Фома Аквинский (1225—1274), выдающийся ум Высокого Средневековья, человек, который на основе концепции естественного права и христианской теологии развил философскую систему Аристотеля, создатель могучего синтеза философии, теологии и науки о человеке, получившего название томизма. Это был молодой итальянец аристократического происхождения, сын графа Ландольфа Аквинского, родивший-

ся в замке Рокказекка близ Неаполя. В раннем возрасте Фома обучался у бенедиктинцев, а затем в университете Неаполя. В возрасте 15 лет он попытался вступить в новый орден доминиканцев, лучшее место для церковных ученых и интеллектуалов, однако этому физически воспрепятствовали его родители, два года державшие его взаперти. В конце концов св. Фома сбежал и присоединился к доминиканцам, затем учился в Кёльне и, наконец, в Париже под руководством своего уважаемого учителя Альберта Великого. Фома Аквинский получил докторскую степень в Парижском университете и стал преподавать там, а также в других университетских центрах Европы. Фома Аквинский, как говорили, был настолько тучен, что из круглого обеденного стола была вырезана значительная часть так, чтобы он мог за ним сидеть. Он стал автором многочисленных трудов, начиная с его «Комментария» к «Сентенциям» Петра Ломбардского 1250 г. и заканчивая своим шедевром, оказавшим чрезвычайное влияние, — трехтомной «Суммой теологии», написанной между 1265 и 1273 г. Именно «Сумма теологии» в большей степени, чем любая другая его работа, способствовала тому, что на ближайшие столетия томизм стал мейнстримом католической схоластической теологии.

До недавнего времени исторические исследования, касавшиеся вопроса справедливой цены, начинались, как правило, со св. Фомы, как будто вся дискуссия по справедливой цене возникла вдруг лишь с появлением в XIII в. мощной фигуры Фомы Аквинского. Однако, в чем мы уже убедились, Фома Аквинский работал в рамках традиции канонистов, романистов и теологов, имевшей долгую и богатую историю. Неудивительно, что Фома Аквинский последовал за своим почитаемым учителем св. Альбертом и другими теологами предыдущего века, настаивавших на справедливой цене для всех обменов и, не довольствуясь более либеральным юридическим кредо, предполагающим свободный торг вплоть до предполагаемой точки *laesio enormis*, утверждал, что божественный закон должен иметь приоритет над законом человеческим и требует полной добродетели или точной справедливой цены. К сожалению, обсуждая справедливую цену, св. Фома не определил, какой именно должна быть справедливая цена, и эта неопределенность стала источником проблем в будущем. Как основатель системы, опирающейся на великого Аристотеля, Фома Аквинский, вслед за своим предшественником св. Альбертом, считал себя обязанным включить в свою теорию аристотелевский анализ обмена, со всеми содержащимися в нем двусмысленностями и неясностями. Св. Фома был явным последователем Аристотеля, разделяя ясно выраженное мнение последнего о том, что меновая ценность определяется необходимостью или полезностью для потребителей, выражающихся в спросе на блага. Так этот протоавстрийский аспект ценности на основе спроса и полезности был возрожден и вновь стал частью экономической мысли. С другой стороны, было возрождено и ошибочное представление Аристотеля об обмене, согласно которому ценности «уравниваются», наряду с неподдающимся расшифровке

отношением «строителя к башмачнику». К сожалению, в тексте «Комментария к [Никомаховой] “Этике”» Фома последовал за св. Альбертом в стремлении добавить к полезности, являющейся детерминантом меновой ценности, еще труд и затраты. Это послужило толчком для возникновения более поздней идеи о том, что св. Фома либо добавил к теории <ценности на основе> полезности Аристотеля теорию <ценности на основе> издержек (труд плюс расходы), либо даже заменил полезность теорией издержек. Некоторые комментаторы даже заявляли, что Фома Аквинский принял трудовую теорию ценности, и эти заявления увенчались печально известной и торжествующей сентенцией британского экономиста ХХ в., христианина Ричарда Тоуни: «Истинным потомком доктрины Фомы Аквинского является трудовая теория ценности. Карл Маркс — последний из схоластов»².

Историкам понадобилось несколько десятилетий, чтобы оправиться от катастрофически неверного толкования Тоуни. В действительности схоласты были изощренными мыслителями и социальными экономистами, которые выступали за торговлю и капитализм и защищали среднюю рыночную цену в качестве справедливой цены, исключение составляла лишь проблема ростовщичества. Для Аквината аномалией было даже само обсуждение вопроса о труде плюс расходы в теории ценности. Поскольку труд плюс расходы (*никогда* просто труд) появляются только в «Комментариях» Фомы Аквинского, но не в «Сумме», в его *magnum opus*³.

Более того, как мы видели, формула «труд плюс расходы» обычно использовалась во времена Фомы Аквинского в целях оправдания прибыли купцов, а не как средство определения экономической ценности. Поэтому вполне вероятно, что Фома Аквинский использовал данную концепцию в этом смысле, что делает разумным то соображение, что купец, которому не удалось в конечном счете покрыть свои расходы и получить прибыль, должен будет разориться.

Кроме того, многое указывает на то, что Фома Аквинский разделял общую точку зрения деятелей церкви своего времени и более ранних эпох о том, что справедливая цена есть общая рыночная цена. Если это так, то он едва ли мог *одновременно* считать, что справедливая цена была равна издержкам производства, поскольку они могут и отличаются друг от друга. Так, в заключительной части «Суммы» сказано, что «ценностью экономических благ является то, что приходит в человеческое использование и измеряется денежной ценой, для чего были изобретены деньги. Особенно показательным был ответ Аквината, данный им в начале 1262 г. в письме к Джакомо да Витербо (ум. 1308), причетнику доминиканского монастыря во Флоренции и впоследствии архиепископу Неаполя. В письме Фома Аквинский ссылается на общую рыночную цену как на цену нормативно-справедливую, с которой сравниваются другие контракты. Более того, в «Сумме» Фома Аквинский отмечает то, как влияют на цену спрос и предложение. Более обильное предложе-

ние в данном месте будет способствовать понижению цены в этом месте, и наоборот. К тому же, описывая это, св. Фома нисколько не осуждал деятельность купцов и получение ими прибыли, когда они покупали товары там, где они были в изобилии и дешевы, а затем транспортировали их и продавали там, где они были дороги. Ни одно из этих соображений не соответствует взгляду на справедливую цену как на цену, определяемую издержками.

И, наконец, самое очаровательное и самое главное, Фома Аквинский в своей великой «Сумме» поднял вопрос, обсуждавшийся Цицероном. Купец, перевозящий зерно в голодающие области. Он знает, что скоро за ним последуют другие купцы, последуют новые поставки зерна. *Обязан ли* купец сообщить голодающему населению о скорых поставках в ближайшее время и, таким образом, пострадать от снижения цены, или он имеет полное право молчать и пожинать плоды высоких цен? По Цицерону купец обязан раскрывать свою информацию и продавать по более низкой цене. Однако св. Фома занял другую позицию. Поскольку прибытие последующих купцов является будущим событием и *поэтому* неопределенным, Фома Аквинский объявил справедливым не требовать от него сообщать своим клиентам о предстоящем прибытии его конкурентов. Он мог продавать свое зерно по преобладающей в этой области рыночной цене, даже если она была чрезвычайно высокой. Конечно, продолжал Фома Аквинский дружелюбно, если купец желает так или иначе сказать своим клиентам, то это было бы особенно добродетельным, однако справедливости этого от него не требует. Не существует более разительного примера приверженности Аквината справедливой цене, как текущей цене, определяемой спросом и предложением, а не издержками производства (которые, конечно же, не сильно меняются при перемещении из области изобилия в область, где свирепствует голод).

Косвенным доказательством тому явилось то, что доминиканец Жиль Лессинский (ум. ок. 1304), ученик Альберта и Фомы Аквинского и профессор теологии в Парижском университете, проанализировал справедливую цену аналогичным образом и категорически заявил, что это общая рыночная цена. Более того, Жиль подчеркнул, что благо стоит столько, за сколько оно может быть продано без принуждения или обмана.

Никого не должно удивлять, что Фома Аквинский, в отличие от Аристотеля, весьма благожелательно отзывался о деятельности купца. Он заявил, что коммерческая прибыль является жалованием торговцу за его труд, наградой за принятие им на себя риска по транспортировке. В комментариях к «Политике» Аристотеля (1272) Аквинат проницательно заметил, что высокие риски морских перевозок ведут к высоким прибылям торговцев. В «Комментарии к “Сентенциям”» Петра Ломбардского, написанном в 1250-х гг., Фома следует предшествовавшим ему теологам, ограничиваясь утверждением, что купцы могут заниматься торговлей, не совершая греха. Однако в более поздней работе он оценивал их роль гораздо более позитивно, отмечая, что купцы выполняют важ-

ную функцию, доставляя блага оттуда, где они в изобилии, туда, где они редки.

Особо важным было краткое замечание Аквината о взаимной выгоде, которую каждый человек получает при обмене. Как он выразился в «Сумме», «купля-продажа, как мы полагаем, побуждается по взаимной выгоде обеих сторон, так как одному нужно что-то, что принадлежит другому, и наоборот».

Основываясь на теории Аристотеля о деньгах, Фома Аквинский отметил их незаменимость в качестве средства обмена, «меры» выражения ценности и единицы счета. В отличие от Аристотеля Фома Аквинский не испугался мысли об изменяющейся на рынке ценности денег. Напротив, он осознал, что покупательная способность денег должна колебаться, и был рад, если она колебалась в меньшем диапазоне, чем обычные цены, что обычно и происходило.

По иронии судьбы всякий раз, когда казалось, что запрет на ростовщичество в Средние века вот-вот ослабнет под напором реальности, теоретики только ужесточали его. В то же время, когда кардинал Гостензис, человек изощренного ума и весьма осведомленный, стремится смягчить запрет, Фома Аквинский, к сожалению, снова его ужесточил. Как и его учитель св. Альберт, св. Фома присовокупил возражение Аристотеля к средневековому запрету на ростовщичество, при этом добавив кое-что новое. По средневековой традиции начинать с вывода — сокрушающего ростовщичество — и хвататься за любой невнятный сколь угодно пригодный аргумент, попавшийся под руку, Фома Аквинский по-новому повернул Аристотелеву доктрину. Вместо акцента на бесплодии денег, основного аргумента против ростовщичества, Фома Аквинский воспользовался термином «мера», подчеркнув, что поскольку деньги, в денежном выражении, конечно, имеют фиксированную законную номинальную ценность, это означает, что формальная природа денег должна оставаться фиксированной. Покупательная способность денег может колебаться в зависимости от изменений на стороне товаров; это законно и естественно. Но когда владелец денег, взимая проценты, намеревается вызывать изменения в их ценности, он искажает природу денег, и его действия потому являются греховными и бессмысленными с точки зрения естественного закона.

То, что этот суший вздор быстро занял центральное место во всей последующей схоластической аргументации в пользу запрета ростовщичества, является свидетельством того, что иррациональность способна завладеть мыслями даже такого великого ученого, как Фома Аквинский (и его последователей). Заявления о том, что зафиксированная законом номинальная ценность монеты должна означать, что ее ценность при обмене — по крайней мере со стороны денег — не должна меняться или что взимание процента есть изменение покупательной способности денег, просто свидетельствует о склонности человека к заблуждению, особенно когда запрет ростовщичества уже сделался главной целью.

Однако в аргументе Фомы Аквинского против ростовщичества содержалось и его собственное изобретение. С его точки зрения деньги полностью «потреблялись»; они «исчезали» при обмене. Поэтому использование денег эквивалентно владению ими. Следовательно, когда кто-либо взимает процент по кредиту, он это делает дважды, за сами деньги и за их использование, хотя они являются одним и тем же. Этот странный тезис еще ярче высветило обсуждение Аквином того, почему для владельца денег было законным требовать ренты с того, кто выставлял монету на обозрение⁽⁹⁾.

В этом случае имеет место депонирование, плата за хранение чьих-то денег в доверительном управлении. Однако причина, по которой эта плата является законной, для Фомы Аквинского заключалась в том, что показ денег является лишь «вторичным» использованием, отдельным от владения, поскольку деньги не «потребляются» или не исчезают в процессе. А первичное применение денег — исчезнуть при покупке благ.

В связи с этим новым оружием, изобретенным Аквином, чтобы бить ростовщичество, имеются несколько серьезных проблем. Во-первых, что плохого в том, чтобы брать плату «дважды» — и за владение, и за пользование? Во-вторых, подобная деятельность, даже если она в чем-то неправильная, вряд ли тянет на то, чтобы считаться грехом и влечь за собой отлучение, которому католическая церковь на протяжении веков подвергала незадачливого ростовщика. И в-третьих, если бы Аквинат вышел за рамки правового формализма денег и взглянул на блага, которые заемщик приобрел посредством этого кредита, то он, возможно, увидел бы, что приобретенные блага были в широком смысле «плодотворными» и, таким образом, деньги, «исчезнувшие» при продаже, в экономическом смысле благо-эквивалентны деньгам, хранимым заемщиком.

Акцент св. Фомы на потреблении денег привел к любопытному сдвигу в вопросе о ростовщичестве. В отличие от всех теоретиков начиная с Грациана, теперь греховным стало не взимание процента по кредиту как таковое, а только на то благо — деньги, — которое исчезает. Поэтому, согласно Фоме Аквинскому, взимание процента при товарном кредите в натуральном выражении осуждению в качестве «ростовщичества» не подлежит.

Однако хотя запрет на ростовщичество в отношении денег был подкреплен новыми аргументами, Фома Аквинский при этом продолжил и закрепил предшествующую традицию, оправдывающую инвестиции в партнерство (*societas*). *Societas* считались законными, потому что каждый партнер сохранял право собственности на свои деньги и избегал риска потерь; следовательно, прибыль на такие рискованные инвестиции считалась законной. В конце XI в. Иво Шартрский уже кратко намечил отличие *societas* от ростовщического кредита, и в начале XIII в. оно получило дальнейшее развитие в трудах теологов Роберта Керзона (ок. 1204) и Иоганна Тевтонского в его «Глоссе на Грациана» (1215). Керзон ясно показал, что даже неактивный партнер риску-

ет капиталом в предприятии. Это, конечно же, означало, что неактивные партнерства такого рода, такие как займы на конкретные морские плавания, сливаются с фактическими кредитами, и разделяющая их черта весьма расплывчата. Кроме того, и это стало проблемой, с которой в то время еще никто не сталкивался, не рисковал ли *любой* кредитор капиталом, если заемщик всегда мог оказаться не в состоянии погасить даже основную сумму кредита?

Теперь Аквинат всем своим огромным авторитетом поддержал ту точку зрения, что *societas* были абсолютно законными и не являлись ростовщичеством. Он лаконично заявил, что инвестор денег не передает право собственности работающему партнеру; это право собственности сохраняется за инвестором; так что он рискует своими деньгами и может на законном основании получать прибыль от инвестиций. Однако тут возникает проблема, поскольку Фома Аквинский обходит свой собственный тезис, гласящий, что владение деньгами и право пользования ими есть одно и то же. Раз право пользования деньгами переходит к работающему партнеру, значит, исходя из его собственных принципов, св. Фома должен был осудить все партнерства, включая *societas*, как незаконные и ростовщические. Противостоя миру XIII в., в котором *societas* процветали и имели решающее значение для деловой и экономической жизни, Аквинат не мог даже помыслить о том, что он должен свергнуть экономику в хаос, осудив этот устоявшийся инструмент торговли и финансов.

Вместо собственности, связанной с использованием потребляемого блага, он теперь выдвинул идею о собственности, связанной с риском. Инвестор рискует своим капиталом; поэтому он сохраняет право собственности на свои инвестиции. Казалось бы, разумный выход, но надуманный; не только потому, что тем самым Аквинат противоречит своей собственной странной теории собственности, он также не понял, что, в конце концов, не *всякое владение* является сильно рискованным. Еще одна проблема состояла в том, что тот, кто принимал на себя риски, зарабатывает прибыль на инвестициях денег, которые, как предполагается, должны быть бесплодными. Вместо заявления о том, что вся прибыль должна идти работающему партнеру, св. Фома откровенно говорит, что капиталист справедливо получает «доход, идущий оттуда», т.е. от использования его денег, «как от своего собственного имущества». Похоже, что в данном случае св. Фома считает деньги плодovitыми и продуктивными, способными предоставить капиталисту независимое вознаграждение.

Тем не менее, несмотря на внутренние противоречия, в изобилии присутствующие в отношении св. Фомы к ростовщичеству и к *societas*, его учение в целом продолжало доминировать на протяжении 200 лет.

Наконец, Фома Аквинский был твердо убежден в преимуществе частной собственности на владение ресурсами по сравнению с общественной. Частная собственность становится необходимым элементом земного состояния человека. Она является лучшей гарантией мирного и упорядоченного общества и обеспечивает максимально эффективный сти-

мул для заботы об имуществе и его эффективном использовании. Так, в «Сумме» св. Фома пронизательно замечает: «...каждый человек является более осторожным в том, что приобретает только для себя, чем в том, что является общим для многих или для всех, поскольку каждый стремится уклониться от труда и переложить его на другого, если дело касается общества, как это происходит там, где имеется большое количество слуг».

Более того, развивая теорию приобретения, сложившуюся в рамках римского права, Фома Аквинский, в преддверии знаменитой теории Джона Локка, обосновал право первоначального приобретения собственности на основе двух основных факторов: труда и поселения <гомстединга>. Первоначальное право каждого человека на самого себя у Аквината определялось как «вещное право на себя». Такая индивидуальная самопринадлежность основывается на способностях человека как разумного существа.

Далее, возделывание и использование ранее не используемых земель устанавливает законный титул собственности на землю для одного человека, а не для всех прочих. Теория приобретения св. Фомы получила дальнейшие разъяснение и развитие в трудах его ближайшего ученика и последователя Иоанна Парижского (ок. 1250 — 1306), члена того же сообщества доминиканцев при церкви св. Иакова в Париже, что и Аквинат. Отстаивая абсолютное право частной собственности, Иоанн заявил, что мирская собственность

...приобретается отдельными людьми через их собственное мастерство, труд и усердие, и индивиды, как физические лица, имеют право и власть над нею и законное владение; каждый человек может распоряжаться ею самостоятельно и располагать, управлять ею, держать или отчуждать ее так, как он хочет, если тем самым он не наносит ущерба кому-либо; поскольку он является господином.

Многие историки считают эту теорию собственности на основе гомстединга предшественницей Марксовой трудовой теории ценности. Однако при таком подходе смешиваются две очень разные вещи: определение *экономической ценности* или цены блага и решение о том, каким образом неиспользуемые ресурсы переходят в частные руки. Точка зрения Фомы Аквинского — Иоанна Парижского — Джона Локка — это «трудовая теория» (где «труд» определяется как затрата человеческой энергии, а не работа за зарплату) происхождения имущества, а не трудовая теория ценности.

В отличие от его предшественника Аристотеля для Фомы Аквинского труд едва ли мог быть презираемым. Напротив, труд есть диктат положительного, природного и божественного закона. Фома Аквинский прекрасно знал, что, согласно Библии, Бог дал человеку власть над всей землей в его пользование. Функция человека состоит в том, чтобы брать материалы, предоставленные природой, и, согласно требовательному

естественному закону, преобразовывать эту реальность ради достижения своих практических целей. Хотя Фома Аквинский едва ли имел какое-либо представление об экономическом росте или о накоплении капитала, очевидно, что он утверждал человека как активного преобразователя своей жизни. Вместо ушедшего пассивного древнегреческого идеала, приспособившегося к данным условиям или к требованиям полиса.

Возможно, наиболее значительным вкладом св. Фомы являются не его высказывания по строго экономическим вопросам, а то, что он заложил основу, каркас экономической теории. Возрождая и развивая Аристотеля, Фома ввел в христианский мир и обосновал философию естественного права, философию, согласно которой человеческий разум способен усвоить основные истины Вселенной. В руках Аквината, как ранее в руках Аристотеля, философия, используя разум в качестве инструмента познания, снова стала царицей наук. Человеческий разум доказал реальность Вселенной и естественного закона познаваемых классов сущностей. Человеческий разум способен познать природу этого мира, и поэтому может определить правильную этику для человечества. Таким образом, этика становится поддающейся расшифровке разумом. Это рационалистическая традиция идет вразрез с «фидеизмом» раннехристианской церкви, ослабляя идею о том, что только вера и сверхъестественное откровение есть источник человеческой этики. Ослабляет потому, что если вера утеряна, этика тоже исчезает. Томизм, напротив, показал, что законы природы, в том числе природы человеческой, обеспечивают человеческий разум средствами обнаружения рациональной этики. Безусловно, естественные законы Вселенной создал Бог, однако понимание этих законов природы возможно вне зависимости от того, верит кто-то в Бога-творца или нет. Таким образом, рациональная этика человека стала основываться на действительно научном, а не на сверхъестественном основании.

В том разделе теории естественного права, который касается прав, св. Фома от концепции права XII в., как требования к другим, вернулся к нерушимой сфере прав собственности, где господствует индивид, который должен быть защищен от всех остальных. В своей блестящей работе профессор Ричард Так отмечает, что для раннего римского права был характерен «активный» взгляд на права с точки зрения права собственности/господства, в то время как позднее, в XII в., романисты в Болонье перевели концепцию «права» в пассивный перечень требований к другим людям⁴. «Пассивная» концепция прав, в противоположность «активной», отражала сеть взаимопроникающих традиционных и статусных притязаний, характерных для Средневековья. Она в значительной мере является предком таких современных устоявшихся «прав-требований», как «право на труд», «право на трехразовое питание» и т.д., которые могут быть исполнены, только если принудить других людей их исполнять.

Однако в XIII в. в Болонье Франциск Аккурзий положил начало возвращению к активной теории прав собственности, согласно которой каж-

дый индивид является господином собственности, которая должна быть защищена от всех остальных. Фома Аквинский перенял идею естественного владычества, не пройдя, однако, всего пути к подлинной теории естественного права, согласно которой частная собственность является природной, а не результатом общественного договора или правительственного декрета. Фома Аквинский склонился к принятию теории владычества по причине серьезных идеологических баталий, происходивших конце XIII в. между доминиканским и францисканским орденами. Францисканцы, проповедовавшие полную нищету, утверждали, что использование ими ресурсов ради выживания на самом деле не является частной собственностью; эта приятная для них выдумка позволила им утверждать, что в состоянии добровольной бедности они возвысились над собственностью или обладанием каким-либо имуществом. Они говорили странные вещи, утверждая, что использование ресурсов, как сугубое *потребление*, чем они и занимались, не означает владения имуществом. Как собственность предположительно нужно было квалифицировать продажу или дарение ресурса. Самодостаточность, или изоляция, согласно взглядам францисканцев, не позволяли собственности существовать. Конкурирующие доминиканцы, в том числе Аквинат, понятным образом огорченные подобной претензией, стали настаивать, что *всякое использование* необходимо подразумевает владычество, обладание и контроль над ресурсом и, следовательно, собственность.

2.8. СХОЛАСТЫ КОНЦА XIII В.: ФРАНЦИСКАНЦЫ И ТЕОРИЯ ПОЛЕЗНОСТИ

59

Первая победа в борьбе по вопросу о концепции прав собственности досталась францисканцам, теорию которых поддержал их покровитель папа Николай III в энциклике «Тот, кто сеет» («Eiit qui seminat»), изданной в 1279 г. Эту теорию, взявшую тогда верх, разработал первый великий критик томизма францисканский схоласт британского происхождения Иоанн Дунс Скот (1265—1308), профессор теологии в Оксфордском, а затем в Парижском университете.

Фома Аквинский утверждал, что ни частная, ни общественная собственность не являлись необходимым элементом природного состояния и, таким образом, ни одна из них не могла считаться более естественной, чем другая. Скот, напротив, смело утверждал, что в состоянии естественной невинности и естественный, и божественный закон устанавливают, что все ресурсы являются общими, поэтому никакой частной собственности или владычества существовать не может. В этом предполагаемом идиллическом примитивном коммунизме каждый человек из общих запасов может брать все, в чем он нуждается.

Теория прав была не единственным отклонением францисканцев от основного направления томизма. Будучи фидеистами, францисканцы

вернулись к ранней христианской традиции прежде, чем ее сменил рационализм св. Фомы. Они поэтому выступили с осуждением идеи рациональной этики и, следовательно, естественного права.

Однако в скором времени францисканцы, по крайней мере в вопросе теории прав, потерпели поражение. Папа Иоанн XXII, отвечая францисканцам, издал знаменитую буллу «*Quia vir reprobus*» («*Quia vir reprobus*», 1329). В ней безапелляционно утверждалось, что Божья власть над землей нашла свое отражение во владычестве человека и в его обладании материальными благами. Поэтому права собственности не являлись, во что верил даже Фома Аквинский, продуктом положительного права или общественного договора; они коренятся в природе человека, созданного в соответствии с божественным законом. Поэтому права собственности являются естественными и сосуществующими с деятельностью человека в материальном мире. В данном вопросе францисканцы оказались фактически разгромлены; теперь было установлено, как выразился Ричард Так, что «собственность является главным фактом человеческого существования, на котором основываются социальные и политические концепции»⁵.

Если говорить о более строго экономических вопросах, то францисканцы также могли либо придерживаться, либо допускать отклонения от магистральной томистской концепции справедливой цены. Сам Скот придерживался уклонистских взглядов. В своей комментарии к «Сентенциям» Петра Ломбардского Скот разработал концепцию, которую разделяло меньшинство и которую многие историки ошибочно относят к схоластике в целом: что справедливая цена равна издержкам производства торговца плюс компенсации за усердие, труд и риск, связанный с доставкой его продукта на рынок. Кроме того, предполагалось, что компенсации обеспечат адекватное содержание семьи купца. Таким образом, формула «труд плюс издержки плюс риск», ранее применявшаяся для оправдания любой прибыли, которую купец мог получить, теперь превратилась в определитель справедливой цены. Скот превратил производственные издержки в теорию справедливой цены в противовес устоявшейся магистральной концепции схоластов, согласно которой справедливой ценой была общая рыночная цена.

Даже будучи францисканцем, схоласт британского происхождения из Парижского университета Ричард из Миддлтона (1249—1306) следовал экономическому учению Фомы Аквинского и подчеркивал значение потребностей и полезности в определении экономической ценности. В соответствии с главной линией схоластов справедливая цена была эквивалентна общей рыночной цене, определявшейся этими потребностями. Ричард также отметил принципиально важную мысль Фомы Аквинского о том, что при обмене обе стороны получают выгоду. Выражаясь более точно, чем Аквинат, Ричард отметил, что, скажем, когда лошадь продается за деньги, тогда и покупатель, и продавец выигрывают

от сделки, поскольку покупатель показывает, что он нуждается в лошади больше, чем в деньгах, а продавец предпочитает деньги лошади.

Помимо того что он развил эту важнейшую концепцию взаимной выгоды, Ричард из Миддлтона стал первым, кто применил ее к международной торговле. Международная торговля, так же как и индивидуальный обмен, приносит взаимную выгоду. Ричард проиллюстрировал эту идею, предположив, что имеются две страны: страна *A*, в которой имеется излишек зерна, но не достает вина, и страна *B*, в которой изобилие вина и очень мало зерна. Обе страны выиграют от обмена, обменявшись соответствующими излишками. Купцы тоже получают прибыль, транспортируя зерно из страны *A*, где оно в изобилии и цена на него поэтому низка, в страну *B*, где его не хватает, чем определяется его высокая цена. Торговцы заработают прибыль и на поставках в обратном направлении: перевозки вина из страны *B*, в которой цена на него низкая, в страну *A*, где цена на него высока. Покупая и продавая по текущим рыночным ценам, купцы торгуют по справедливой цене и получают прибыль, никого при этом не эксплуатируя. Купцы получают справедливую компенсацию за то, что оказывают полезные услуги и берут на себя риски и хлопоты. Единственным упущением в изощренном анализе Ричарда из Миддлтона стало отсутствие указания на то, что деятельность многочисленных торговцев будет способствовать выравниванию цен в обеих странах.

Еще более блистательный вклад в экономическую мысль внес провансальский монах-францисканец Пьер де Жан Оливи (1248—1298), на протяжении многих лет читавший лекции во Флоренции.

В двух трактатах о договорах (один был посвящен ростовщичеству, а другой — купле-продаже) он отметил, что экономическая ценность определяется тремя факторами: редкостью (*raritas*); пригодностью (*virtuositas*); и желанностью (*complacibilitas*). То, как влияет редкость, или то, что мы бы сейчас называли «предложением», понятно: чем более редок продукт, тем он более ценен, и поэтому тем выше его цена. С другой стороны, чем более обилён продукт (больше его предложение), тем ниже ценность и цена.

Замечательный вклад Оливи состоит в том, что он исследовал прежде расплывчатое понятие потребности, или полезности. Ученик и последователь Фомы Аквинского, преподававший в Парижском университете доминиканец Жиль Лессинский продвинул концепцию полезности еще на один шаг, заявив, что блага ценятся на рынке больше или меньше, в зависимости от степени их полезности. Однако теперь Оливи подразделил полезность на две части. Одной была *virtuositas*, или объективная полезность блага, — присущая благу объективная сила, способная удовлетворить человеческие потребности. Но, как объясняет Оливи, важным фактором в определении цены является *complacibilitas*, или субъективная полезность, субъективная желательность продукта для индивидуальных потребителей. Более того, Оливи напрямую столкнулся с «па-

парадоксом ценности», который в более позднюю эпоху поставил в тупик Адама Смита и классических экономистов, и предложил гораздо лучшее решение, чем предложили они. «Парадокс ценности» заключается в том, почему такие блага, как вода или хлеб, необходимые для жизни и, следовательно, в соответствии с представлениями классических экономистов имеющие высокую «потребительную ценность», могут быть очень дешевыми и иметь низкую ценность на рынке. В то же время золото или алмазы, наоборот, являются несущественной для жизни роскошью и поэтому имеют гораздо меньшую потребительную ценность, однако обладают гораздо более высокой меновой ценностью на рынке. Экономисты классической школы XVIII—XIX вв. попросту спасовали перед этим парадоксом и совершенно неудовлетворительным образом резко противопоставили друг другу потребительную и меновую ценность. А Оливи указал на решение: вода, хоть она и является необходимой для жизни человека, столь изобильна и легко доступна, что и определяет ее очень низкую цену на рынке, в то время как золото является гораздо более редким и поэтому гораздо более ценным. При определении цены полезность соотносится с предложением и не является абсолютной. Окончательного решения парадокса ценности пришлось ждать до появления в конце XIX в. австрийской школы: по мере увеличения предложения «предельная полезность» — ценность каждой единицы блага — уменьшается. Таким образом, блага, имеющиеся в избытке <по сравнению со спросом>, такие как хлеб или вода, — имеют низкую предельную полезность, в то время как предельная полезность редких благ, таких как золото, будет высокой. Ценность блага на рынке и, следовательно, его цена определяется *предельной* полезностью, а не философской полезностью абстрактного блага во всей его совокупности. Но, конечно, до австрийцев концепции предельности не существовало.

Поэтому для Оливи рынок был ареной, на которой цены на товары формировались в результате взаимодействия индивидов, для которых благо имело различную потребительскую ценность и оценивалось по-разному. Тогда справедливые рыночные цены определяются не в соответствии с объективными качествами блага, а взаимодействием субъективных предпочтений на рынке.

В дополнение к этому монументальному достижению, являясь первооткрывателем субъективной теории полезности, Оливи стал первым, кто привнес в экономическую мысль понятие капитала (*capitale*) как денежного фонда, инвестированного в деловое предприятие. С середины XII столетия термин «капитал» встречается в многочисленных деловых записях, однако здесь он впервые предстал в виде понятия. Понятие капитала было использовано Оливи для того, чтобы показать возможность использования денег плодотворным образом, с целью получения прибыли. Оливи сохранил запрет на ростовщичество, при котором инвестированный капитал не преобразовывался каким-либо образом посредством труда или усердия инвестора. Однако Оливи оказался одним из немно-

гих схоластов, принявших допущение Гостензиса *lucrum cessans* — разрешающего взимание процентов по кредиту там, где приходилось отказываться от прибыли от инвестиций. К сожалению, Оливи последовал за Гостензисом в его строгом ограничении *lucrum cessans* кредитами из милосердия. Таким образом, деятельность профессионального ростовщика по-прежнему никоим образом не оправдывалась.

Какая удивительная ирония истории экономической мысли, что первооткрыватель субъективной теории полезности, автор весьма изощренного анализа того, как работает рыночная экономика, веривший в то, что справедливая цена есть общая рыночная цена, инициатор понятия капитала и сторонник по крайней мере частичного применения *lucrum cessans* как способа, оправдывающего процент, — что этот великий мыслитель, сторонник рынка, оказался лидером ригористского крыла ордена францисканцев, проповедовавших жизнь в условиях крайней нищеты. Одним из возможных объяснений этого может быть то, что Оливи родился в очень важном торговом городе Нарбоне. Он был главным интеллектуальным лидером духовных францисканцев («меньших братьев»), истово веровавших в учение о полной нищете, завещанном основателем ордена св. Франциском Ассизским (1182—1226). Ирония судьбы была еще и в том, что оппоненты Оливи, францисканцы-конвентуалы, исповедовавшие завет в намного более мягкой интерпретации, наложили на Оливи и других спиритуалов анафему и сумели уничтожить множество материальных, а также интеллектуальных следов работы Оливи. В 1304 г., через шесть лет после его смерти, генерал ордена францисканцев повелел уничтожить все работы Оливи, и 14 лет спустя прах несчастного Оливи был эксгумирован, а его кости разбросаны.

Были уничтожены не только многие материальные копии сочинений Оливи, но францисканцам стало опасно даже ссылаться на его работы. В результате, когда спустя почти полтора столетия забытая работа Оливи была вновь открыта великим францисканским святым Бернардино Сиенским, Бернардино счел благоразумным даже не ссылаться на еретику Оливи, хотя в своей работе он буквально слово в слово воспроизводит теорию полезности последнего. Подобное умолчание было необходимо, поскольку Бернардино принадлежал к строгому крылу францисканцев-наблюдателей, являвшихся в чем-то последователями спиритуалов Оливи. Действительно, блестящие экономические труды Оливи и его последователя Сан-Бернардино увидели свет лишь в 1950-х гг.

Вероятно, еще одной причиной той истерии, с какой представители главной ветви францисканцев встретили религиозные взгляды Пьера Оливи, был его продолжительный флирт с иоакимитской ересью. Один из основателей христианского мистического мессианства был калабрийский отшельник и аббат Иоахим Фиорский (Джоаккино да Фьоре, 1145—1202).

В начале 1190-х гг. Иоахим утвердил тезис о том, что в истории было не две эры (дохристианская и постхристианская), а три, и пророком

третьей эры был он сам. Дохристианская эра была эпохой Отца, Ветхого Завета; христианская эра была эпохой Сына, Нового Завета. А теперь наступала новая третья эра, эра исполнения, апокалиптическая эпоха Святого Духа, с которой история вскоре придет к концу. Третья эра, приход которой, как предполагал Иоахим, должна была наступить в течение следующего полувека, в начале или в середине XIII столетия, станет эрой чистой любви и свободы. Божественное знание откроется непосредственно всем людям, не будет ни работы, ни собственности, потому что человеческие существа будут обладать только духовными телами, их материальные тела исчезнут. Не будет ни Библии, ни церкви, ни государств, одно только свободное сообщество совершенных духовных существ, которые будут проводить все время в восхвалении Бога и в мистическом экстазе до тех пор, пока не наступят Последние Дни этого тысячелетнего Царства святых, дни Страшного Суда.

Мельчайшие, казалось бы, различия в послышках часто имеют серьезные социальные и политические последствия. Это верно и в отношении разногласий между христианами по малопонятному вопросу об эсхатологии, о науке или дисциплине о Последних Днях. Со времен св. Августина, ортодоксальная христианская точка зрения была амилленаристской, т.е. особого тысячелетия или Царства Божьего в человеческой истории не существует, кроме жизни Иисуса и установления христианской церкви. Такова точка зрения католиков, лютеран и, вероятно, самого Кальвина. Идеологическое или социальное заключение таково, что Иисус вернется снова, чтобы возвестить о Страшном Суде и конце истории в Свое время, так что люди никак не могут ускорить приход Последних Дней. В одном из вариантов этого учения Иисус после своего Второго пришествия положит начало тысячелетнему Царству Божию на земле до наступления Страшного Суда; в практическом плане, однако, это малосущественное различие, поскольку христианство останется на месте, и человек по-прежнему ничего не сможет сделать, чтобы вступить в это тысячелетие.

Принципиальная разница возникает с появлением хилиастических идей, наподобие идеи Иоахима Фиорского, когда не только мир в ближайшее время приходит к концу, но также человек должен предпринять определенные действия, чтобы вступить в Последние Дни и подготовить путь для Страшного Суда. Все эти постмилленаристские учения говорят о том, что человек должен *сначала* установить Царство Божие на земле, что является необходимым условием или для Второго пришествия Иисуса, или для Страшного Суда. Вообще, как мы убедимся ниже, в эпоху Протестантской Реформации постмилленаристские взгляды привели к некоторой форме теократического принуждения общества с целью проторить пути для наступления кульминации истории. Для Иоахима Фиорского путь к Последним Дням будет освещен новым порядком высокодуховных монахов, от которых произойдут 12 патриархов во главе с верховным учителем, который обратит евреев в христианство, как и предсказано в Откровении, и уведет все человечество от материально-

го и приведет к духовной любви. Затем в течение короткого срока, за три с половиной года, светский царь Антихрист накажет и уничтожит коррумпированную христианскую церковь. Скорое свержение Антихриста затем возвестит о наступлении всеобщей эпохи Духа.

Любопытно, что, несмотря на радикальность и потенциально взрывоопасную природу Иоахимовой ереси, не менее трех пап в наши дни проявили большой интерес к его учению. Однако к середине XIII в. иоахимиты были малоизвестны и их игнорировали. Неудивительно, что иоахимитова ересь была возрождена францисканцами-спиритуалами, которые были склонны видеть в собственном процветающем новом порядке и в своей приверженности бедности тот самый монашеский орден, предсказанный Иоахимом, который и приблизит Последние Дни.

2.9. ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В греческих списках библейского текста (александрийском, синайском, Ефрема Сирина) книга надписывается «Премудрость Иисуса, сына Сирахова», каковое наименование перешло в славянский и русский переводы. В Ватиканском списке — «Премудрость Сираха», в Вульгате — «Liber Iesu filii Sirach, seu Ecclesiasticus» (не путать с «Liber Ecclesiastes»). Наименования: «Премудрость Иисуса, сына Сирахова» и «Премудрость Сираха» указывают на писателя книги (L, 29; LI, 1), а «Екклезиастик» — на ее поучительный характер. — *Прим. перев.*
- (2) Здесь и далее слова «святой» означают почитание в данном качестве католиками. — *Прим. изд.*
1. Saint Augustine, *The City of God* (Cambridge, Mass.: Loeb Classical Library/Harvard University Press, 1963), Vol. II, Book IV, IV, p. 17 <Блаженный Августин. О Граде Божием. Минск; Москва: Харвест, АСТ. 2000>.
- (3) В Первом послании Тимофею апостол Павел рекомендует христианам не назначать епископами людей, жадных до turpe lucrum: ср. 1-е Тим 3, 3, в синодальном переводе «корыстолюбивых», в английском переводе короля Якова «greedy of filthy lucre» (ср. также о диаконах: 1-е Тим 3, 8). — *Прим. изд.*
- (4) Скупка товаров заранее с целью контроля цен. — *Прим. перев.*
- (5) Глоссаторами именовались прежде всего профессора римского права в Болонском университете и их ученики, занимавшиеся изучением этого права в течение XII—XIII вв., названные так по преобладающей форме своих трудов, глоссе. Сочинения глоссаторов, как и их преподавание, имели различный вид. Кроме выяснения смысла отдельных слов и выражений (глосса в прямом значении), они иногда выясняли отдельные места путем примеров, извлекали общие положения из объяснений и т.д. — *Прим. перев.*
- (6) Брахилог (греч.) — краткое изложение. — *Прим. изд.*
- (7) «Lo Codi» — ранняя «сумма» книг Кодекса Юстиниана, написанная на старокоситанском (старопровансальском) языке, позже переведенная на латынь. — *Прим. перев.*

- (8). В Синодальном переводе — «и займы давайте, не ожидая ничего» — нет слова «надежда», важного для дальнейшего обсуждения. — *Прим. перев.*
2. Richard Henry Tawney, *Religion and the Rise of Capitalism* (New York: Harcourt, Brace and World, 1937, orig. 1926), p. 36; *Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), p. 14.
3. По вопросу о том, когда были написаны «Комментарии», у историков имеются разногласия. Согласно более ранней точке зрения они были написаны в 1266 г. или даже раньше, и это говорит о том, что взгляды Фомы Аквинского становились все более зрелыми и он отходил от ранее тесной приверженности своему учителю св. Альберту. Новая точка зрения, согласно которой «Комментарий» был написан в то же время, что и «Сумма», оставляет аномалию в неприкосновенности.
- (9). Имеется в виду тот случай, когда, по словам Фомы Аквинского, «человек, например, может одалживать монеты для выставки». — *Прим. перев.*
4. Richard Tuck, *Natural Rights Theories: Their Origin and Development* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979).
5. *Ibid.*, p. 24.

ГЛАВА 3

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К РЕНЕССАНСУ

3.1. ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ XIV В.

Большинство людей — историки не исключение — склонны считать экономический и культурный прогресс чем-то непрерывным: в каждом столетии люди становятся лучше тех, кто жил в веке предыдущем. Несоостоятельность этого удобного предположения стала очевидной довольно рано, когда за распадом Римской империи последовали темные века. Однако считается общепринятым, что с началом «возрождения» в XI столетии прогресс Западной Европы с той поры и до дня сегодняшнего был почти линейным и непрерывным. Понадобились героические усилия на протяжении многих десятилетий таких историков экономики, как профессора Армандо Сапори и Роберт Сабатино Лопес, чтобы убедить, наконец, историческое сообщество, что большинство стран Западной Европы примерно с 1300 г. и до середины XV в., во времена, которые можно было бы назвать поздним Средневековьем или ранним Возрождением, находилось в состоянии постоянного упадка. Этот постоянный упадок, ошибочно называемый «депрессией», затронул большую часть Западной Европы, за исключением нескольких итальянских городов-государств.

Экономический спад сопровождался резким снижением численности населения. С начала XI столетия экономический рост и процветание способствовали росту народонаселения. Общая численность населения Западной Европы в 1000 г. оценивалась приблизительно в 24 млн человек, а к 1340 г. достигла 54 млн. Однако за период чуть более века, с 1340 по 1450 г., население Западной Европы сократилось с 54 млн до 37 млн человек — на 31% всего за одно столетие.

Однако для выявления причины или причин кризиса успех в борьбе за установление факта великого упадка сам по себе мало что дал. Акцент, который делается на вызванном чумой опустошении в середине XIV в., частично оправдан, однако такой подход поверхностен, поскольку сами вспышки чумы были отчасти обусловлены экономическим крахом и падением уровня жизни в начале столетия. Причины великой депрессии Западной Европы можно выразить одной резкой фразой: недавно установившееся господство государства. Средневековый синтез эпохи Высокого Средневековья существовал, пока сохранялся баланс между

властью церкви и властью государства, с некоторым перевесом церкви. В XIV в. баланс был нарушен, настала пора господства национального государства, которое на протяжении более чем ста лет преодолевало власть церкви, увеличивало налоги, регулировало, контролировало и селяло разруху, ведя практически непрерывные войны («Столетняя война» длилась с 1337 по 1453 г.)¹.

Первым и важнейшим шагом, увеличившим могущество государства за счет паралича экономики, стало уничтожение ярмарок в Шампани. В эпоху Высокого Средневековья шампанские ярмарки были главным центром международной торговли, центром местной и международной коммерции. Будучи свободными зонами, эти ярмарки бережно взращивались, не облагались налогами и не регулировались французскими королями и знатью, а правосудие быстро и эффективно осуществлялось конкурирующими частными и купеческими судами. Ярмарки в Шампани достигли своего расцвета в XIII в., они стали центром сухопутной торговли с Северной Италией, откуда через Альпы доставлялись заморские товары.

Но потом, в начале XIV в., король Франции Филипп IV Красивый (1268—1314) прибег к налогообложению, разграблению и радикальному уничтожению жизненно необходимых шампанских ярмарок. Для финансирования постоянных династических войн Филипп обложил ярмарки в Шампани суровым налогом с продаж. Он также посредством неоднократных конфискационных сборов с различных групп и организаций, располагавших деньгами, уничтожал отечественный капитал и финансы. В 1308 г. он разгромил богатый орден тамплиеров, конфисковав в пользу королевской казны все его имущество. Затем (в 1306, 1311, 1315, 1320 и 1321 гг.) Филипп <и его преемник Людовик X> прибег к целой серии кабальных сборов и конфискаций с евреев и северных итальянцев («ломбардцев»). Кроме того, Филипп, находясь в состоянии войны с фламандцами, нарушил существовавший долгое время обычай, согласно которому на ярмарках приветствовались все купцы, и постановил исключить фламандцев. Результатом этих мер стал быстрый и постоянный упадок торговли на шампанских ярмарках и запустение на торговом маршруте через Альпы. Итальянские города-государства, отчаянно пытаясь восстановить торговые маршруты, стали направлять товары морем вокруг Гибралтарского пролива в Брюгге, к которому пришло процветание, несмотря на то что остальная Фландрия пребывала в упадке.

Особенно роковым оказалось введение Филиппом Красивым системы регулярного налогообложения во Франции. До этого никаких регулярных налогов не существовало. В эпоху Средневековья в своей сфере король был всемогущ, однако сама эта сфера была ограничена неприкосновенностью частной собственности. Королю полагалось быть вооруженным гарантом и поборником закона, а его доходы складывались из ренты от королевских земель, феодальных повинностей и сборов. Ничего такого, что можно было бы назвать регулярным налогообложением,

не существовало. В случае чрезвычайной ситуации, например вторжения или начала крестового похода, государь, в дополнение к призывам исполнить феодальную обязанность сражаться под его знаменем, мог обратиться к своим вассалам за субсидией; однако такая помощь оказывалась по просьбе, а не по приказу и ограничивалась продолжительностью чрезвычайного периода.

Бесконечные войны XIV и первой половины XV столетия начались в 1290-е гг., когда Филипп Красивый, воспользовавшись тем, что король Эдуард I ведет войну Англии с Шотландией и Уэльсом, отхватил у Англии провинцию Гасконь. Это положило начало продолжительной войне между Англией и Фландрией, с одной стороны, и Францией — с другой, и вызвало отчаянную потребность в средствах, как у английской, так и у французской короны.

У купцов и капиталистов на шампанских ярмарках какие-то денежные водиться, конечно, могли, но самой большой и самой заманчивой целью королевского грабежа стала католическая церковь. И английский, и французский монархи приступили к налогообложению Церкви, что привело к столкновению с папой. Папа Бонифаций VIII (1294—1303) отважно сопротивлялся этой новой форме грабежа и запретил монархам облагать налогами клир. В ответ король Эдуард объявил духовенство в королевских судах вне закона, а еще более воинственный Филипп запретил перевозку церковных доходов из Франции в Рим. Бонифацию пришлось отступить и дать согласие на обложение духовенства. Однако в своей энциклике «В одну только Святую <Католическую Церковь>» («Unam Sanctam», 1302) он настаивал, что светская власть обязана подчиняться духовной. Филипп решил, что с него довольно, дерзко захватил папу в Италии и уже был готов подвергнуть его испытанию в ереси, однако смерть престарелого Бонифация оградила его от суда. В тот момент Филипп Красивый покусился на папство как таковое, перенес престол римско-католической церкви из Рима в Авиньон, где сам стал назначать пап. На протяжении практически всего XIV в. папа пребывал в своем «вавилонском плену», оставаясь жалким орудием французского короля; в Италию папа вернулся только в начале XV столетия.

Таким образом, некогда могущественная католическая церковь, верховная власть и духовный авторитет эпохи Высокого Средневековья, была унижена, став, по сути, вассалом французского венценосного правителя.

Упадок церковной власти сопровождался ростом могущества абсолютистского государства. Не ограничиваясь конфискациями, грабежом, налогообложением, уничтожением ярмарок в Шампани и переводом католической церкви на второй план, Филипп Красивый, добывая средства на свои бесконечные войны, не брезговал также и порчей монеты, порождая тем самым долговременную ползучую инфляцию.

Больших *прямых* разрушений войны XIV в. не причиняли: армии были малочисленными, а военные действия нерегулярными. Наибольший

урон и опустошение наносили тяжелые налоги, инфляция денег и постоянные заимствования ради финансирования вечных королевских авантур. Огромный рост налогообложения стал самым разрушительным аспектом войны. Расходы на войну — вербовка скромной по размерам армии; выплата жалования; снабжение и фортификационные сооружения — все это в 2—4 раза превышало обычные расходы короны. Добавьте к этому высокие издержки по оценке налоговых обязательств, сбору налогов и обслуживанию кредитов, и тогда неподъемное бремя военных налогов станет очевидным.

Новые налоги вводились повсеместно. Мы уже знаем, какое удушающее воздействие оказало налогообложение церкви; у крупной монастырской фермы изымали зачастую более 40% чистой прибыли. Единый подушный налог в размере одного шиллинга, взимаемый английской короной в 1380 г., лег тяжким грузом на крестьян и ремесленников. Налог достигал размера месячной заработной платы для сельскохозяйственных рабочих и недельной заработной платы для городских рабочих; более того, поскольку многим бедным рабочим и крестьянам платили натурой, а не деньгами, накопить деньги на уплату налога было особенно трудно.

Другие новые налоги взимались *ad valorem* <в зависимости от ценности> по всем сделкам; налоги на оптовую и розничную торговлю напитками; сборы на соль и на шерсть. Для борьбы с уклонением от уплаты налога правительства учредили монопольные рынки сбыта соли во Франции и «складочные пункты» для английской шерсти. Налоги ограничили предложение и взвинтили цены, нанеся огромный вред английской шерстяной торговле. Производству и торговле препятствовали также массовые королевские поборы, ставшие причиной резкого падения доходов и богатства, а также разорения производителей. Говоря коротко, короли обескровили экономику, от чего страдали и потребители ввиду искусственно завышенных цен, и производители ввиду низкой доходности. Государственные заимствования едва ли были полезнее, их следствием стали повторявшиеся вновь и вновь королевские дефолты, влекшие за собой огромные убытки и банкротства тех частных банкиров, которые оказались достаточно неразумными, чтобы предоставлять займы правительству.

Новые налоги, введенные лишь на «чрезвычайный» период войны, постепенно становились нормой: не только потому, что война шла в течение более ста лет, но и потому, что государство, неизменно стремясь увеличить свои доходы и могущество, ухватилось за прекрасную возможность превратить временные военные налоги в постоянную часть национального наследия.

С середины и до конца XIV столетия Европу поразила разрушительная пандемия бубонной чумы — «Черная смерть», попросту выкосившая за короткий промежуток 1348—1350 гг. целую треть населения. «Черная смерть» стала во многом следствием сильной депрессии и сниже-

ния уровня жизни народа; итог — потеря резистентности к заболеванию. Каждое десятилетие вспышки чумы повторялись, хотя и не в такой вирулентной форме.

Способность человеческого вида к выживанию оказалась столь велика, что на европейское население эта колоссальная трагедия долговременного катастрофического социального или психологического воздействия практически не оказала. Наиболее долговременным осложнением, которое в определенном смысле дала «Черная смерть», стали ответные действия английской короны: введение постоянного регулирования максимальных ставок заработной платы и обязательного нормирования труда в английском обществе. На резкое снижение численности населения и, как следствие, удвоение ставок заработной платы правительство в ордонансе 1349 г. и в статуте о работниках 1351 г. отреагировало введением жесткого контроля максимальных ставок заработной платы. Контроль максимальных ставок заработной платы был установлен по отношению класса нанимателей: крупных, средних и мелких землевладельцев, мастеров-ремесленников, групп фермеров, особенно обеспокоенных ростом ставок заработной платы в сельском хозяйстве. Ордонанс и статут, вопреки законам экономики, пытались обеспечить контроль максимальных ставок заработной платы на уровнях, существовавших до чумы. Однако неизбежным результатом стал серьезный дефицит рабочей силы, поскольку при установленной статутом максимальной ставке заработной платы спрос на труд во много раз превысил его тогдашнее скудное предложение.

В тщетной попытке разрешить старые проблемы очередное правительственное вмешательство создает новые. Правительство всякий раз сталкивается с выбором: насаждать все новые и новые интервенционистские меры для разрешения вновь появляющихся необъяснимых проблем или отменить первоначальное вмешательство. Инстинкт правительства, конечно же, велит максимизировать богатство и власть, осуществляя все новые и новые интервенции. Этому и способствовал английский статут о работниках, который навязывал всем жителям Англии в возрасте до 60 лет принудительный труд по старым ставкам заработной платы; было объявлено, что первым претендентом на труд является лорд <хозяин> той или иной территории. Из-за этого ограничивалась мобильность рабочей силы; для работодателя наем работника, оставившего бывшего хозяина, становился уголовным преступлением. Таким образом, английское правительство прибегло к нормированию труда, намереваясь зафиксировать работников на рабочих местах, на которых они работали до чумы, и сохранить прежние ставки заработной платы.

Такое принудительное нормирование труда не совместимо с естественной склонностью людей к переездам в поисках более высокой заработной платы, и потому неизбежное возникновение черного рынка труда затруднило исполнение данного статута. В кембриджском статуте 1388 г. английская корона снова предприняла отчаянную попытку ужесточить

регламентацию. Любые передвижения рабочей силы без письменного разрешения со стороны местных судей запрещались, а в сельском хозяйстве вводился обязательный детский труд. Однако кто-то постоянно вмешивался в действия этого картеля принуждающих нанимателей, в особенности те крупные работодатели, которые желали и были в состоянии платить по более высоким ставкам. Громоздкий английский судебный аппарат оказался совершенно неэффективен в обеспечении соблюдения законодательства, хотя монопольные городские гильдии (монопольные — благодаря поддержке государства) все-таки сумели обеспечить частичный контроль ставок заработной платы в городах.

3.2. АБСОЛЮТИЗМ И НОМИНАЛИЗМ: КРУШЕНИЕ ТОМИЗМА

Наряду с ростом могущества абсолютистского государства стали появляться и теории абсолютизма, отодвигающие на второй план доктрину естественного права. Принятие теории естественного права предполагает в конечном счете, что государство должно ограничить себя рамками естественного закона или Закона Божьего. Однако появились новые политические теоретики, утверждавшие господство мирского над духовным, а также верховенство позитивного государственного права над естественным правом или божественными установлениями. Первым и самым значительным из таких апологетов абсолютизма в эпоху позднего Средневековья стал Марсилиус Падуанский (1275—1342) со своей знаменитой книгой «Защитник мира» («Defensor Pacis», 1324). Марсилиус, сын адвоката из Падуи, занимал пост ректора Парижского университета. Как полагал Марсилиус, государство превыше всего, и оно должно прислушиваться только к самому себе и во имя самого себя. Такое прославление государства сопровождалось отрицанием способности человеческого разума прийти к познанию какого-либо естественного закона, лежащего за пределами предписывающих государственных указов. Марсилиус полагал, что разум должен быть отделен от справедливости и человеческого общества. Справедливость не имеет рационального основания; она является чисто мистической и представляет собой исключительно вопрос веры. Божьи заповеди абсолютно произвольны и загадочны и не могут быть поняты в терминах рационального или этического содержания.

Вследствие этого позитивное право не имеет ничего общего с доводами разума; оно принимается во имя «жизни и здоровья государства». Согласно Марсилиусу, нация — это организм, а государство — его голова. Как пишет профессор Роткруг, «Марсилиус утверждает, что государство есть живой организм, не подвластный разуму, ибо, подобно растению, оно развивается в соответствии с врожденными импульсами»².

Из политической философии Марсилия делается следующий политический вывод: государство, будь то королевство или итальянский город-республика, в своих пределах должно иметь абсолютную власть и не подлежит ни светскому контролю, ни церковной юрисдикции. Таким образом, религиозный католик Марсилиус, настаивая на том, что церковь не может иметь светской власти над государством, на два столетия предвосхитил *politiques* Франции и других стран. Марсилиус, по сути, стал предвестником и пособником распада средневекового порядка в Европе.

Идейный упадок томизма, случившийся в XIV в., также оказал разрушительное воздействие на достижения Высокого Средневековья. Причиной упадка стал францисканский фидеизм, основоположником которого был английский оппонент св. Фомы великий Иоанн Дунс Скот. Ранее считалось, что разрушение томизма было доведено до логического конца в XIV столетии францисканским философом из Оксфорда Уильямом Оккамом (ок. 1290—1350). Считалось, что номинализм Оккама отрицает способность человеческого разума постигнуть важнейшие истины о человеке и Вселенной и, следовательно, сводит на нет и способность разума создать стройную систему человеческой этики. Только божественное волеизъявление, зримое посредством веры в откровение, может служить источником истины, законов и этики. Совершенно очевидно, что номинализм проложил путь современному скептицизму и позитивизму, ибо если вера в божественную волю оставлена, то разум теряет способность постигать научные или этические истины. В области политики номинализм не сумел достичь стандартов противостояния с государством, установленных естественным правом, и поэтому вполне соответствовал все возрастающему в эпоху Возрождения абсолютизму государства.

Однако недавние исследования ставят под серьезное сомнение, действительно ли Оккам и его последователи были номиналистами, или они все-таки были в достаточной степени эссенциалистами и верили в естественное право. Так, оказалось, что выдающийся современник Оккама итальянский августинец Григорий Риминийский (ум. 1358) в действительности не являлся номиналистом, но был убежденным защитником эссенциализма, разума и естественного права. В отличие от Оккама и его последователей Григорий считал, что естественный закон исходит не из божественного волеизъявления, а диктуется истинным разумением, тем самым сделав еще один шаг в направлении той последовательной рационалистической позиции, которая, по общему признанию, была выдвинута лишь три столетия спустя голландским протестантским философом и правоведом Гуго Гроцием. Согласно этой позиции считалось, что даже в отсутствие Бога система естественного закона дарована нам велением истинного разумения, нарушение которого по-прежнему считается грехом. Таким образом, как выразился Григорий: «Если в силу невозможности божественной причины или несуществования самого Бога, или если эта причина оказалась ошибочной, или если кто-либо

вынужден действовать против истинного разумения, ангельского, человеческого или любого иного, все равно он совершает грех».

3.3. ПОЛЕЗНОСТЬ И ДЕНЬГИ: БУРИДАН И ОРЕМ

Великий французский ученый и философ Жан Буридан де Бетюн (1300—1358), родившийся в Пикардии и ставший ректором Парижского университета, внес важный вклад в экономическую мысль в рамках традиции эссенциалистского томизма, несмотря на то что сам был францисканцем и учеником Уильяма Оккама. В своих «Вопросах» («*Quaestiones*»), представлявших собой подробные комментарии к «Этике» Аристотеля, Буридан в традициях Аристотеля и Фомы продолжил анализ меновой ценности товаров, определяемой нуждами потребителей или полезностью. Однако особый акцент Буридан делал на то, что, к примеру, дом никогда не стал бы обмениваться на какой-то один предмет одежды, поскольку строитель в этом случае отказался бы от блага, равного по ценности годовому запасу пищи, ради гораздо менее ценного блага. Иначе говоря, Буридан уже нащупывал концепцию альтернативных издержек при затратах на производство продукции и их влияния на предложение.

Еще важнее, что Буридан идет дальше Ричарда из Миддлтона в анализе взаимной выгоды, которую каждая из сторон обязательно получает в результате обмена. Обсуждая обмен, Буридан отмечает, что в итоге обе стороны оказываются в выигрыше и что торговля не является, как многие полагают, разновидностью войны, в которой лишь одна сторона извлекает выгоду за счет другой. Более того, Буридан в ходе весьма изощренного анализа наглядно показывает, что при обмене двумя благами обе стороны могут извлекать пользу, даже если такой обмен считается аморальным и должен осуждаться по этическим или теологическим основаниям. Так Буридан высказывает весьма провокационную гипотезу:

Сократ потому охотно и с ее согласия предоставил свою жену Платону для прелюбодеяния, что в обмен получил десяток книг. Кто же тогда понес убытки, а кто оказался в выигрыше? <...> Оба пострадали, в смысле ран душевных... [но] в отношении внешнего блага каждый оказался в выигрыше, поскольку теперь имеет больше того, в чем нуждался.

Для Буридана, как и для большинства других схоластов, справедливой ценой была рыночная цена. Буридан также подробно проанализировал, каким образом общие человеческие потребности и полезность воплощаются в рыночных ценах. Чем больше потребность и, следовательно, чем выше спрос, тем выше цена; и также сокращение предложения продукта ведет к росту его рыночной цены. Кроме того, товар дороже в том месте, где он *не* производится, по сравнению с местом его произ-

водства, поскольку именно там на него имеется большой спрос; не доставало всего лишь необходимой концепции предельной полезности, чтобы анализ спроса, предложения и цены получил законченный вид. У Буридана имеются также намеки на различия в оценках, которые делают участники рынка и которые приводят в результате к единой цене, при этом психологический выигрыш для каждого участника — потребителя и производителя — оказывается различным.

Но главным достижением Жана Буридана в области экономической теории стало создание им теории денег в почти современном ее виде. Аристотель описал преимущества денег и показал, как они решают проблему бартера — двойного совпадения потребностей. Однако его наблюдения были омрачены той неискоренимой ненавистью, которую он испытывал к торговле и зарабатыванию денег. Для Аристотеля, следовательно, деньги не были чем-то естественным, они были результатом соглашения, они, по сути, являлись творением государства, или полиса. Теория денег Аквината в основном ограничивалась рамками-оковами аристотелевской теории. От этих оков сумел избавиться только Жан Буридан, выдвинувший свою «металлическую», или товарную, теорию денег, согласно которой деньги возникают естественным образом как полезный рыночный товар, и рынок сам выберет средство обмена — почти всегда металл, если таковой имеется, обладающий наилучшими качествами, чтобы служить в качестве денег.

Тогда, согласно Буридану, деньги есть рыночный товар, и цена этих денег, как и в случае прочих рыночных товаров, «должна определяться человеческими потребностями». Подобно тому, как цены обмениваемых товаров «пропорциональны человеческим потребностям, они будут пропорциональными и по отношению к деньгам, которые сами пропорциональны человеческой потребности». Так Буридан замечательным образом обозначил метод определения ценности, или цены, денег на тех же принципах полезности, которые определяют рыночные цены и других товаров: метод, разработку которого австрийский экономист Людвиг фон Мизес завершил полностью лишь через шесть столетий, в 1912 г., в сочинении «Теория денег и фидуциарных средств обращения».

Предвосхищая австрийцев Менгера и Мизеса, Буридан настаивает на том, что эффективно функционирующие деньги должны быть выполнены из материала, обладающего ценностью, не зависящей от его денежной функции, т.е. они должны быть рыночным товаром, изначально полезным для немонетарных целей. Затем Буридан перечислил те качества, благодаря которым рынок выбирает тот или иной товар в качестве средства обмена или денег: легкая транспортируемость, высокая ценность на единицу веса, делимость и долговечность — качества, которыми в наибольшей степени обладают драгоценные металлы — золото и серебро. Таким образом, Буридан изложил классификацию денежных качеств товаров, которая стала неотъемлемой частью первой главы

бесчисленных учебников по банковскому делу и денежному обращению вплоть до конца эры золотого стандарта, завершившейся в 1930-е гг.

Буридан не просто стал основателем теории денег как рыночного явления; он тем самым избавил деньги от мистического ореола исключительно государственного творения и поставил их в качестве товара в один ряд с остальными рыночными товарами.

В рамках анализа кривой безразличия в 1930-х гг. появилась не очень удачная современная производная Буридановой теории волеизъявления. Буридан постулировал совершенно рационального осла, оказавшегося между двумя одинаково привлекательными охапками сена и на равном расстоянии от них. Не умея их различить и поэтому не в состоянии сделать выбор, совершенно рациональный осел не смог выбрать ни одну из охапок и, таким образом, умер с голоду. В этом примере упускается из виду, что существует и третий вариант, который предполагаемому ослу понравился бы меньше всего: умереть с голоду. Так что «совершенно рациональный» осел поэтому *не* умер бы с голоду, а, скорее всего, выбрал бы, пусть и в случайном порядке, одну из двух охапок сена (а затем перешел ко второй)³.

До недавнего времени в стандартных учебниках по истории экономической мысли, если в них шла речь о каких-либо предшественниках меркантилистов или Адама Смита, кратко упоминались только два имени: Фома Аквинский и Николай Орем (1325—1382). Хотя Орем, прославленный французский математик, астроном и физик, был одним из самых значительных европейских интеллектуалов XIV столетия, его вклад в экономическую мысль едва ли был достоин столь же исключительного внимания. Орем, ученик и последователь Жана Буридана, был автором схоластических комментариев к Аристотелю. Он преподавал в Парижском университете, а в дальнейшем стал епископом Лизье. В 1350-х гг. Орем пишет свою известную работу «Трактат о происхождении, природе, законе и перечеканке денег» («A Treatise on the Origin, Nature, Law and Alterations of Money»), в которой применяет учение своего наставника о твердых деньгах. К этому Орема подвигла лихорадочная порча монеты, затеянная французскими королями в первой половине XIV в. В прошлые столетия, до появления бумажных денег в конце XVII в. и до возникновения централизованной банковской системы, единственным способом, посредством которого монархи могли получить доход от манипуляций с деньгами, было обесценение монеты — изменение определения денежной единицы путем облегчения ее веса относительно базовых денег — золота или серебра. Если, к примеру, денежная единица определялась равной 10 унциям серебра, то государство могло воспользоваться своей монополией на чекан и переопределить денежную единицу как 9 унций серебра, а затем в процессе перечековки прикарманить разницу. Оставшиеся унции пойдут на чекан новых монет для нужд короля и будут потрачены на войну, строительство дворцов, а также на другие якобы достойные вещи.

Британская денежная единица фунт стерлингов получила свое название много веков назад и первоначально определялась как просто один фунт серебра. Процесс порчи монеты в Великобритании привел к тому, что «фунт» в настоящее время «весит» меньше $\frac{1}{4}$ унции серебра⁽¹⁾.

До появления бумажных денег и центральных банков обесценение было единственным процессом, посредством которого правитель мог изменить ценность своей валюты и тем самым увеличить денежное предложение (в смысле количества денежных единиц), вызывая тем самым ценовую инфляцию. У короля имелись все возможности, чтобы, используя свое монопольное право на чеканку монеты, осуществлять неоднократно обесценения денежной единицы ради собственной выгоды и за счет остальной части народа.

Важнейшим вкладом Орема в денежную теорию стала впервые данная именно им четкая формулировка закона, впоследствии получившего известность как «закон Грэшема», т.е. идеи о том, что если относительная ценность двух или более денежных единиц законодательно устанавливается государством, тогда деньги, переоцененные государством, вытеснят из обращения недооцененные деньги. Таким образом, если правительство постановляет, скажем, что 1 унция золота по закону равна по ценности 10 унциям серебра, при том что на свободном рынке она равняется 15, то люди начнут расплачиваться со своими кредиторами и поставщиками деньгами, переоцененными законом (серебро — это «плохие деньги»). А копить станут недооцененные деньги (золото — это «хорошие» деньги) или будут экспортировать их в другую страну, где смогут продать их по рыночной цене. Закон Грэшема в просторечии часто сводился к тому, что «плохие деньги вытесняют хорошие», однако такая формулировка ведет к парадоксам и неудовлетворительна. Поскольку из нее следовало бы, что тогда как все остальные хорошие рыночные продукты вытесняют плохие, у свободного рынка имеется какой-то глубинный изъян, который вынуждает предпочитать плохие деньги хорошим. Но, как разъяснил в начале XX в. Людвиг фон Мизес, закон Грэшема является продуктом не свободного рынка, а государственного денежно-кредитного регулирования. Фиксация им относительной ценности денег является частным случаем общих последствий любого регулирования цен, т.е. возникает дефицит блага, цена которого контролируется максимально, и «излишек» блага, ценовой контроль которого минимален. В случае денег, как в нашем примере, от максимального ценового контроля страдает золото, и поэтому оно в дефиците, тогда как ценность серебра поддерживается искусственно, и, следовательно, оно по отношению к золоту в избытке.

Самая первая формулировка закона Грэшема была озвучена в сатирической пьесе древнегреческого драматурга Аристофана, который в «Лягушках» делает характерное заявление: «В нашей республике плохих граждан предпочитают хорошим, точно так же как плохие деньги остаются в обращении, а хорошие деньги исчезают»⁴. Однако

Орем сформулировал этот закон убедительно и строго, подчеркнув, что источником денежных нарушений является установление цен государством: «...если юридически зафиксированное соотношение монет отличается от рыночной цены металлов, то недооцененная монета полностью исчезает из обращения, а переоцененная монета остается единственной валютой».

В своем «Трактате» Орем применил металлическую теорию денег своего наставника Буридана и подверг критике политику французских королей по порче монеты. Осуждать *саму* королевскую монополию на чекан Орем не стал, однако то, что всю проблему чеканки монет он перевел из сферы королевского суверенитета, тщательно укутанного покровом мистики, в сферу практического удобства, уже само по себе было подвигом. Ибо король не имеет права укрывать чекан монет под мистическим покровом королевской прерогативы и абсолютной королевской воли, он должен управлять в интересах общества. Поэтому он обязан поддерживать стандарты веса и чеканки; частые изменения таких стандартов «разрушают уважение и порождают «скандалы и ропот среди народа и чреваты неповиновением». Поэтому определение ценности денежной единицы должно быть зафиксировано законом. Частые изменения и обесценения, отмечал Орем, приведут к тому, что деньги и монеты утратят свое свойство служить мерой ценности; это причинит вред и внутренней, и внешней торговле. Это оттолкнет иностранных купцов, поскольку у них не будет хороших, безопасных денег, с которыми можно работать, а у отечественных купцов не останется прочных коммерческих связей. Деньги нельзя будет безопасно ссужать, и не будет никакого способа правильно оценивать денежные доходы.

Более того, поскольку порченные деньги у себя в стране будут цениться ниже, золото или серебро начнут вывозить за границу, где их рыночная ценность выше. Таким образом, Орем первым, пожалуй, обратил внимание на то, что деньги имеют тенденцию перетекать в те районы и страны, где их ценность выше, и утекать из тех стран, где их ценность ниже.

У Николая Орема не было никаких иллюзий в отношении причин постоянно осуществляемой королями порчи монеты. Как выразился Орем, если король «вынужден говорить обычную ложь тирана о том, что прибыль от порчи монеты направляется на нужды народа, то верить ему нельзя, потому что точно так же он мог бы взять мое пальто и сказать, что оно необходимо ему для служения обществу».

В Буриданов анализ возникновения денег из рыночных товаров Орем внес свои дополнения: он сделал акцент на легкости перемещения и на высокой ценности на единицу веса. Он также отметил, что после эпохи, когда точные количества золота или серебра взвешивались при каждой сделке, наступило время, когда, чтобы гарантировать определенное количество золота или серебра в каждой монете, люди стали чеканить из драгоценных металлов монеты с надписями и с изображением голов

(правителей). При этом золото, как более ценные деньги, обычно использовалось для крупных сделок, тогда как для мелких покупок могли использоваться серебро или даже медь.

3.4. НЕ ТАКОЙ КАК ВСЕ: ГЕНРИХ ФОН ЛАНГЕНШТЕЙН

Ученик Буридана и тоже номиналист, Генрих фон Лангенштейн-старший (также известный как Генрих Гессенский) (1325—1397), хоть и не имел большого значения как философ-схоласт в свое время или в последующие века, тем не менее причинил огромный вред современным интерпретациям истории экономической мысли. Лангенштейн, преподававший сначала в Парижском университете, а затем в Венском, начинает анализ справедливой цены в своем «Трактате о договорах» («*Treatise on Contracts*») в обычной для схоластов манере: справедливая цена — это рыночная цена, являющаяся грубым мерилom человеческих нужд потребителей. Эта цена является результатом расчетов индивидов относительно их потребностей и оценок, а эти последние, в свою очередь, зависят от относительного недостатка или избытка предложения, равно как недостатка или избытка покупателей.

Сказав это, Лангенштейн тут же принялся себе противоречить. Лангенштейн призвал местные органы власти вмешаться и заняться регулированием цен, что весьма печальным образом отразилось на истории экономической мысли. Регулирование цен показалось ему почему-то лучшим путем к справедливой цене, чем свободное взаимодействие рыночных сил. Другие схоласты не возражали против регулирования цен; для них рыночная цена была справедливой независимо от того, была она результатом общей оценки рынка или устанавливалась государством. Но в их трудах подразумевалось по крайней мере, что свободный рынок был лучшим (или хотя бы не худшим) средством определения справедливой цены. Лангенштейн оказался единственным, кто прямо высказался в защиту установления цен государством.

Более того, Лангенштейн прославился как автор еще одной экономической ереси. Он советовал властям устанавливать цену таким образом, чтобы каждый продавец, будь то торговец или ремесленник, мог сохранить свой общественный статус или «жизненное состояние». Справедливая цена оказывалась ценой, при которой сохранялось его привычное положение — не больше и не меньше. Если же продавец пытался назначить цену выше цены, отвечающей его положению, то он оказывался виновным в грехе сребролюбия.

Среди схоластов и мыслителей позднего Средневековья Лангенштейн оказался в полной изоляции. Концепции «жизненного состояния» при определении справедливой цены не поддержал никто. А сам св. Фо-

ма Аквинский даже весьма эффектно раскритиковал эту идею, язвительно заявив:

При справедливом обмене средство обмена меняется не в соответствии с социальным положением лиц, участвующих в обмене, а только в соответствии с количеством товара. Например, кто бы ни покупал вещь, он должен заплатить столько, сколько она стоит, вне зависимости от того, покупает он ее у нищего или у богатого человека.

Иначе говоря, на рынке цены одинаковы для всех, богатых или бедных и, более того, рыночное ценообразование — это справедливый метод установления цен. Согласно причудливой идее Лангенштейна богатый продавец одного и того же продукта, конечно же, был вынужден продавать его по гораздо более высокой цене, чем бедный продавец, и маловероятно, чтобы при этом богатый смог долгое время продержаться в бизнесе.

Насколько возможно определить, ни один мыслитель Средневековья или эпохи Возрождения не принял эту теорию «жизненного состояния», и только двое последователей заняли аналогичную позицию относительно ценового регулирования. Одним из них был Матвей Краковский (ок. 1335 — 1410), профессор теологии в Праге, а впоследствии ректор Гейдельбергского университета и архиепископ вормсский. А также и в особенности Жан Жерсон (1363—1429), французский номиналист и мистик, канцлер Парижского университета.

Жерсон, впрочем, проигнорировал понятие «жизненного состояния» и вернулся к взглядам Джона Дунса Скота XIII в., согласно которым справедливая цена равна издержкам производства плюс компенсация поставщику за его труды и взятые на себя риски. Поэтому Жерсон призвал к государственному регулированию цен с целью приведения их в соответствие с якобы справедливой ценой. Жерсон оказался настоящим фанатиком государственного регулирования цен и выступал за расширение сферы его применения, которая традиционно ограничивалась пшеницей, хлебом, мясом, вином и пивом — регулирование должно было распространиться на все товары. К счастью, влияние воззрений Жерсона тоже оказалось незначительным.

Влияние Лангенштейна едва ли было существенным в его время или в последующие времена; значение, которое ему придают, объясняется тем обстоятельством, что из заслуженной безвестности его извлекли позднейшие социалистические и государственно-корпоративистские историки XIX в., которые воспользовались его бессмысленным «жизненным состоянием», пытаясь представить совершенно искаженную картину католического Средневековья. Согласно их мифологии в ту эпоху доминировало представление, будто каждый мог запрашивать только справедливую цену, чтобы удержаться в своем божественно установленном, как предполагалось, «жизненном состоянии». Таким способом эти

историки прославляли несуществующее статусное общество, в котором каждый человек или группа встроены в гармоничную иерархическую структуру, не потревоженную рыночными отношениями или капиталистической алчностью. Впервые подобное бессмысленное представление о Средневековье и о воззрениях схоластов выдвинули в конце XIX в. немецкие социалистические и государственно-корпоративистские историки Вильгельм Рошер и Вернер Зомбарт, и уже потом их подхватили такие влиятельные авторы, как англиканский социалист Ричард Тоуни и католический корпоративист ученый и политик Аминторе Фанфани. И наконец, эта доктрина, выросшая из воззрений одного-единственного малоизвестного схоласта-отщепенца, вошла в стандартные учебники истории экономической мысли, откуда ее и позаимствовал сторонник свободного рынка, но при этом фанатичный противник католической церкви экономист Фрэнк Найт и его последователи из весьма влиятельной в настоящее время Чикагской школы.

Новое понимание, скорректированное относительно прежних воззрений, стало, наконец, доминирующим после Второй мировой войны благодаря огромному авторитету Йозефа Шумпетера и исследованию Рэймонда де Рувера, окончательно расставившему все точки над *i*.

3.5. РОСТОВЩИЧЕСТВО И СДЕЛКИ С ИНОСТРАННОЙ ВАЛЮТОЙ В XIV В.

В большинстве сочинений схоластов взимание процентов по кредиту по-прежнему считалось ростовщичеством и осуждалось: лишь меньшая часть схоластов последовала за кардиналом Гостензисом и Оливи, допустив *lucrum cessans* — доход на упущенные инвестиции — и то лишь в отношении кредитов на благотворительность и не распространялось на профессиональных ростовщиков. Не лучше обстояли дела и с валютным обменом. В сочинениях большей части схоластов, включая труды св. Фомы, такие операции попросту осуждались как ростовщические, как попытка взимания процентов за бесплодные деньги.

Однако к XIII—XIV вв. в качестве кредитных инструментов получили распространение переводные векселя, особенно в сделках с зарубежными деньгами. Разрабатывались все более изощренные формы валютных операций, в которых менялы могли взимать и выплачивать проценты по кредиту, однако такие операции осуществлялись под видом покупки или продажи иностранной валюты. Хотя большинство схоластов, опять-таки, по-прежнему осуждали сделки с иностранной валютой, в XIV столетии, однако, появилось мужественное меньшинство, вставшее на защиту этих широко распространенных теперь операций, которыми на протяжении долгого времени не брезговала и сама Церковь. Все начиналось постепенно, когда главный личный ученик Аквината Жиль Лессинский, хоть и имевший весьма путаные представления о валютном рынке, вдруг за-

говорил о риске как оправдании подобных кредитных операций. Он также показал, что меняла отдаст чуть «больше полезности» своему клиенту, чем получает взамен, что и дает ему право на дополнительную плату. Но главным защитником валютного рынка стал видный францисканец Александр Бонини, также известный как Александр Александрийский или Александр Ломбардский. Бонини делал академическую карьеру в Парижском университете, затем преподавал теологию при папском дворе и, наконец, служил францисканским епископом в своей родной Ломбардии, в которой обитали самые печально известные ростовщики того времени. В своем «Трактате о ростовщичестве», в лекции, прочитанной им в Генуе в 1307 г., Александр бескомпромиссно защищает знакомые ему валютные операции, хотя без традиционных выпадов в адрес ростовщичества не обошлось и тут. Критикуя последователей Аристотеля, Александр заметил, что деньги не могут иметь только одну функцию и выступать лишь в качестве бесплодного средства обмена, поскольку имеется множество разных монет и эти монеты требуется обменивать. Более того, ценность обмениваемых таким образом монет надлежащим образом определяется не законом, а весом монет и их содержанием. Александр также согласился с идеей Жюль Лессинского, что меняла предоставляет большую полезность своему клиенту в денежных операциях, чем получает сам. Что касается кредитных операций в иностранной валюте, то Александр Ломбардский не защищал все их разновидности, но защищал *lucrum cessans*, поскольку в промежуток между началом и концом сделки ценность денег меняется. Александр, по существу, одним из первых заметил, что спрос на деньги может меняться и действительно меняется во времени, что влечет за собой изменение ценности денег. Понятие *lucrum cessans* послужило своего рода раскалывающим клином для обоснования схоластами того основного метода, позволившего в эпоху Высокого Средневековья и в последующие века обходить запрет на ростовщичество.

Показательно, что Александр начал свою защиту с практического соображения: «...Церковь всегда осуждает и преследует ростовщиков, но она не осуждает и не преследует менял, она, скорее, способствует им, как это видно из деятельности Римской Церкви».

Аргументацию Александра Ломбардского в защиту валютного рынка дословно повторил его ученик и преемник францисканский епископ Ломбардии Астезанус (ум. 1330). Астезанус, как и его наставник, был родом из Ломбардии, из Асти <современный Пьемонт>, одного из основных центров тогдашнего международного ростовщичества. Главным трудом Астезануса была «Summa» (1317). Астезанус, как и его предшественника, впечатлил тот факт, что «Римская Церковь способствует менялам». Более того, он не только рассуждал, как Александр, он прямо выступил в защиту *lucrum cessans*, став одним из первых теологов-неканонистов, занявших такую позицию.

Генрих фон Лангенштейн — единственный из всех упомянутых нами выдающихся авторов XIV в., кто осудил, что вполне ожидаемо, всех ме-

нял как ростовщиков *per se*. Даже Николай Орем лишь повторил Аристотелев предвзвездок, что, мол, торговля деньгами за деньги неестественна, поскольку деньги бесплодны. При этом Орем, не квалифицируя обменные операции ростовщическими *per se*, обозвал в приступе ненависти обмен иностранной валюты «мерзким» занятием, пачкающим душу так же, как очистка канализационных стоков пачкает тело.

И наоборот, наставник Орема Буридан выступил в защиту операций по обмену иностранной валюты, выделив два вида обмена: один, при котором меняла «получает столько, сколько отдает» — вполне достойный, в духе традиции Аристотеля—Аквината — и другой, при котором меняла «получает больше, чем отдает». И здесь Буридан делает еще один решительный шаг, сокращая некоторые из тех иррациональных барьеров, которыми схоласты ограничили денежные операции. Ибо законными могут считаться даже сделки, отнесенные Буриданом ко второй категории, сделки, в которых эквивалентности при обмене нет, но при условии, что обмен способствует «общему благу». Новая концепция Буридана, хоть и не распространявшаяся на обычное ростовщичество, посеяла, однако, семена будущего полного оправдания валютных банковров.

На рубеже XV в. искушенным флорентийским светским знатоком канонического права Лоренцо ди Антонио Ридольфи (1360—1442) была создана целостная система радикальных аргументов в защиту биржевых контрактов. Ридольфи преподавал в Атенеуме во Флоренции и одно время был послом Флорентийской республики. Подобно Александру Ломбардскому, не пожелавшему осудить поощряемую Церковью практику, Ридольфи тоже заявил о своем нежелании осуждать занятие, столь широко распространенное в его родной Флоренции. Развивая идеи Александра Ломбардского, Ридольфи в своем трактате о ростовщичестве 1403 г. подчеркнул, что ценность денег может меняться в зависимости от местности, а также с течением времени. Такие различия есть результат изменений в спросе на деньги, колебаний спроса относительно предложения и изменений в металлическом содержании монет. Эти различия, а также кредитные операции, связанные с ними, оправдывают сделки с иностранной валютой. Таким образом, Ридольфи разработал теорию, в которой показал, что ценность денег, как и любого другого товара, определяется игрой спроса и предложения и что она может также варьироваться в зависимости от времени и места.

3.6. МИРСКОЙ АСКЕТ: СВ. БЕРНАРДИН СИЕНСКИЙ

Великий ум и великий систематизатор экономических взглядов схоластов был парадоксом из парадоксов: строгий и аскетичный францисканский святой, который жил и писал в Тоскане, в самой гуще сложного капиталистического мира начала XV столетия. Хотя Фома Аквинский

стремился систематизировать весь спектр интеллектуальных усилий, его экономические идеи были фрагментированы и разбросаны по всем его теологическим сочинениям. Св. Бернардин Сиенский (1380—1444) стал первым после Оливи теологом, создавшим труд, целиком посвященный системному изложению экономических идей схоластов.

Передовые идеи, содержащиеся в этой книге, по большей части принадлежат самому св. Бернардину, а детально разработанная субъективная теория полезности дословно переписана у францисканского еретика, жившего за два века до этого, — Петра Иоанна Оливи.

Книга св. Бернардина была сборником проповедей на латыни под названием «О договорах и ростовщичестве», написанных между 1431 и 1433 г. Трактат вполне логично начинается с установления и обоснования системы частной собственности, далее автор переходит к системе и этике торговли, а затем обсуждает, как на рынке определяются ценность и цена. И в заключение — продолжительное обсуждение запутанного вопроса о ростовщичестве.

В главе о частной собственности у св. Бернардина нет ничего примечательного. Собственность считается искусственной, а не естественной, но все-таки имеющей огромную важность для эффективного экономического порядка. Здесь одним из величайших достижений Бернардина стало первое письменное изложение в наиболее полном виде убедительных рассуждений о функциях предпринимателя. Прежде всего, автор оправдывает деятельность купца еще более последовательно, чем это делал Аквинат. Св. Бернардин вполне разумно замечает, по контрасту с более ранними доктринами, что торговлей, как и любыми другими профессиями, на практике можно заниматься либо законно, либо незаконно. Любые профессии, и профессия епископа в том числе, предоставляют возможности для совершения греха; поэтому вряд ли все подобные возможности сосредоточились в одной только торговле. Точнее говоря, торговцы могут выполнять несколько видов полезных услуг: перемещение товаров из тех регионов, где они в избытке, в те регионы и страны, где они в дефиците; хранение и складирование товаров, которые будут доступны потребителям тогда, когда они понадобятся; и как ремесленники или промышленные предприниматели, перерабатывающие сырье в готовую продукцию. Иными словами, предприниматель может выполнять полезную социальную функцию транспортировки, распределения или производства товаров.

В своем оправдании торговли св. Бернардин реабилитирует, наконец, и мелкого розничного торговца, презираемого еще со времен Древней Греции. Импортёры и оптовые торговцы, отмечает Бернардин, делают закупки большими объемами, а затем, деля всю партию на части, продают товар тюками или возами розничным торговцам, которые, в свою очередь, продают его малыми количествами потребителям.

Бернардин, реалистично смотря на вещи, прибыль не осуждал; наоборот, прибыль является законным вознаграждением предпринимателю за его труд, расходы и взятые на себя риски.

Далее св. Бернардин углубленно анализирует функции предпринимателя. Он понимал, что организаторские способности являются редким сочетанием компетентности и эффективности и поэтому должны достойно вознаграждаться. Св. Бернардин перечисляет четыре необходимых качества успешного предпринимателя: эффективность или трудолюбие (*industria*), ответственность (*solicitudo*), труд (*labores*), принятие на себя рисков (*pericula*). Эффективность, по Бернардину, — это хорошая осведомленность относительно цен, затрат и качества продукта, а также особая «тонкость» при оценке рисков и возможности получения прибыли, на что, как проницательно заметил Бернардин, «на самом деле способны очень немногие». Ответственность означает внимание к деталям, а также содержание в порядке счетов — необходимый элемент в бизнесе. Хлопоты, тяжелый труд и даже личные неприятности тоже часто имеют большое значение. Ввиду всех этих причин, а также принятых на себя рисков коммерсант справедливо зарабатывает достаточно много на успешных инвестициях, что позволяет ему удерживаться в бизнесе и получать компенсацию за все тяготы.

Что касается определения цены, св. Бернардин следовал в русле схоластической традиции, согласно которой цена и справедливая цена определяются общей оценкой рынка. Цена колеблется в зависимости от спроса, растет, если предложение скудное, и падает при изобилии. Бернардин также высказал весьма проницательные суждения относительно влияния издержек. Затраты на труд, мастерство и риск не влияют на цену напрямую, но влияют на предложение товара и *ceteris paribus* (при прочих равных условиях — фраза самого Бернардина) вещи, требующие больших усилий или большей изобретательности при производстве, будут более дорогими, и за них будут запрашивать более высокую цену. Эта идея — предвосхищение анализа спроса и издержек Джевонса и австрийской школы, разработанного лишь пять веков спустя.

Как и другие схоласты, он считал, что общая оценка рынка определяет общую рыночную цену (но не ту цену, которая устанавливается при индивидуальном свободном торге). А государство, поначалу полагал он, имеет право устанавливать общую рыночную цену посредством принудительного регулирования, но такая возможность была им, как и большинством других схоластов, вскоре отвергнута. Как мы уже знаем, замечательную теорию ценности, опубликованную францисканцем Петром Иоанном Оливи, основанную на субъективной полезности (которой ранее пренебрегали), св. Бернардин переписал слово в слово. Значительным вкладом Бернардина в теорию справедливой цены — рыночной цены стало применение ее к «справедливой заработной плате». Заработная плата — это цена трудовых услуг, отмечал Бернардин, и, следовательно, справедливая или рыночная заработная плата будет определять-

ся спросом на рабочую силу и имеющимся на рынке предложением рабочей силы. Неравенство в заработной плате является функцией различий навыков, способностей и обучения. Архитектору платят больше, чем землекопу, объяснял Бернардин, потому что работа первого требует большего интеллекта, способностей и профессиональной подготовки, так что лишь очень немногие окажутся достаточно квалифицированными для выполнения этой задачи. Квалифицированные рабочие более редки, чем неквалифицированные, поэтому первые запросят более высокую заработную плату.

В сделанных им весьма изощренных выкладках, касающихся обмена иностранной валюты, Бернардин *санкционирует* подобные сделки, являющиеся основным способом получения скрытого процента в сделках по кредитованию. Здесь Бернардин следует в русле широких взглядов своего наставника Александра Ломбардского. Обычно обменные операции рассматривались как сделки по обмену валют, а не как кредитование. Более того, ростовщичеством считался лишь определенный и безрисковый процент по кредиту; валютные курсы колебались и поэтому были непредсказуемы. Технически это было верно, однако кредиторы, как правило, при обменных операциях получали процент, поскольку денежный рынок был структурирован в пользу кредитора. Бернардин также отметил, что конвертация валют необходима ввиду огромного их разнообразия, а также потому, что чекан одной страны не принимается в другом месте. Поэтому те, кто занимается обменом валют, выполняют полезную функцию и способствуют внешней торговле, «которая имеет существенное значение для поддержания человеческой жизни», а также осуществляют перевод денежных средств из одной страны в другую, не прибегая к фактической перевозке монет.

В св. Бернардине поразительным и парадоксальным образом сочетались блестящий, знающий, восприимчивый аналитик капиталистического рынка своего времени и изможденный святой аскет, осуждающий мирское зло и деловую деятельность. Бернардин родился в 1380 г. в семье высокопоставленного сиенского чиновника; его отец Альбертолло Альбизески был губернатором города Масса Сиенской республики. Мать Бернардина также принадлежала к видному местному роду. Вступив в строгую аскетическую ветвь обсервантов ордена францисканцев, Бернардин вскоре приобрел известность как очень убедительный и весьма популярный странствующий оратор, проповедовавший по всей Северной и Центральной Италии. В 1430-х гг. Бернардина назначают викарием францисканских обсервантов (миноритов). Трижды в его жизни Бернардину предлагали епископство (в Сиене, в Урбино и в Ферраре), но всякий раз он отказывался от этой чести, поскольку в противном случае ему пришлось бы отказаться от проповедования.

В некоторых из проповедей, обличавших мирские грехи, Бернардин подробно останавливается на проблемах личной нравственности; так, он осудил практику странствующих купцов, слишком долго пребывающих

вдали от дома и потому оскверняющих себя, живя в плотском грехе или даже предаваясь содомии, которую святой обычно называл «мерзостью». И действительно, когда-то в юности Бернардин даже ударил человека, который попытался делать ему гомосексуальные намеки.

Но главное противоречие Бернардина, изощренного аналитика бизнеса и одновременно обличителя деловой практики, выразилось в его страстном протесте против ростовщичества. Живя в Тоскане, окруженный домами ростовщиков, св. Бернардин, как и очень многие схоласты, показал, что его реализм заканчивается у порога дома ростовщика. В вопросе о ростовщичестве блестящие аналитические способности святого отца и доброжелательное отношение к свободному рынку изменяют ему, и он вопиет почти в исступлении: ростовщичество есть отвратительная инфекция, проникшая в деловой мир и в общественную жизнь. При том что другие схоласты всерьез восприняли возражение, что Церковь и общество зависят от ростовщичества, Бернардина это не волновало. Нет: этого не может быть. Все те, кто считает, что ростовщичество является экономически необходимым, совершают грех богохульства, ибо они утверждают, таким образом, что это Бог направил их деяния на несправедливый путь. Бернардин утверждал, что если люди откажутся от взимания процента, то тогда они смогут свободно и безвозмездно брать и предоставлять кредиты; и кроме того, теперь делается слишком много заимствований, направленных на легкомысленные и порочные цели. Ростовщичество, громогласно заявлял святой, разрушает милосердие; это заразное заболевание; оно пачкает души всех в обществе; оно концентрирует все деньги города в руках немногих или изгоняет их из страны; и более того, оно справедливо навлекает на город гнев Божий и призывает Четырех Всадников Апокалипсиса.

Повергает в трепет та безумная ярость, в которую приходил этот действительно великий мыслитель, когда речь заходила о ростовщичестве. Разглагольствуя о ростовщике, дерзающем «продавать время», Бернардин идет дальше своих предшественников, настаивая, что лишь одному Иисусу Христу ведомы время и час. И потому если нам не дано права время знать, то мы в еще меньшей степени обладаем правом его продавать. Следует ли поэтому считать обладание часами и будильниками смертным грехом? Бернардин буквально взвизгивает в порыве почти истерического исступления в адрес незадачливого ростовщика:

Соответственно, все святые и все ангелы рая вопиют против него [ростовщика], говоря: «В ад, в ад, в ад». Также и небеса со своими звездами взывают, говоря: «В огонь, в огонь, в огонь». Планеты также требуют «в бездны, в бездны, в бездны».

И все-таки, несмотря на все это, авторитет св. Бернардина добавил весомости концепции, которая в конечном итоге способствовала отмене запрета на ростовщичество: *lucrum cessans* — концепции упущенной

выгоды. Вслед за Гостензисом и некоторыми схоластами XIV в. Бернардин признает *lucrum cessans*: считается допустимым взимать по кредиту процент, который был бы доходом — упущенной выгодой — от законных инвестиций. Правда, Бернардин, как и его предшественники, строго ограничил *lucrum cessans* рамками благотворительной ссуды и отказался распространить его на профессиональных ростовщиков. Но он сделал важный аналитический шаг вперед, объяснив, что концепция *lucrum cessans* законна, поскольку в этой ситуации деньги являются не бесплодными деньгами, а «капиталом». Как выразился Бернардин, когда бизнесмен выдает заем из средств, которые в противном случае пошли бы на коммерческие инвестиции, он «отдает не просто деньги, но он также отдает свой капитал». Если подробнее, он пишет, что деньги тогда «обладают не только свойствами просто денег или просто вещи, но и сверх того некими плодотворными свойствами чего-то прибыльного, того, что мы обычно называем капиталом. Поэтому должна возвращаться не только их обычная ценность, но также и добавленная ценность».

Иными словами, когда деньги функционируют как капитал, они уже не бесплодны или стерильны; в качестве капитала они заслуживают того, чтобы приносить прибыль.

И еще кое-что. Ведя продолжительную дискуссию против скрытого в различных формах договоров ростовщичества, блестящий ум Бернардина исторически одним из первых наткнулся на то, что позднее получит название «временного предпочтения»: люди предпочитают сегодняшние блага будущим благам (т.е. сегодняшним представлениям о будущих благах). Однако он не осознал всю важность этой идеи и отказался от нее. В таком состоянии она оставалась до тех пор, пока этот принцип не открыли француз Тюрго в конце XVIII в., а затем великий австрийский экономист Ойген фон Бём-Баверк в 1880-х гг., которые решились наконец извечную проблему, объяснив и обосновав существование и величину ставки процента.

3.7. УЧЕНИК: СВ. АНТОНИНО ФЛОРЕНСКИЙ

Главный ученик св. Бернардина влиятельнейший Антонино Флоренский (1389—1459) был не намного моложе своего учителя. Антонино приобрел авторитет в основном благодаря своим многочисленным сочинениям, в особенности огромному «*Thomistic Summa Moralis Theologiae*» (1449), первому трактату новой науки моральной теологии. В моральной теологии, или казуистике, теолог применяет абстрактные принципы теологии и этики к многочисленным эмпирическим данным повседневной жизни: говоря коротко, теология и нравственность выводятся из научных абстракций и применяются к повседневности.

Новаторское сочинение Антонино «Summa» о моральной теологии стало чрезвычайно влиятельным. На нее постоянно ссылались на протяжении следующих 150 лет, за которые она выдержала 24 переиздания. Его более краткая работа «Confessionals» (1440), руководство для исповедников, за те же полтора столетия переиздавалась 30 раз.

В биографиях и в характерах Антонино и его наставника Бернардина наблюдаются поразительные параллели. Антонино был сыном мелкого чиновника, флорентийского нотариуса Никколо де Пьероццо Флорентийского. Его нарекли Антонио, однако со временем повсеместно стали называть уменьшительным Антонино из-за небольшого роста, и это прозвище было официально вписано в церковные святцы. Несмотря на слабое здоровье, Антонино рано присоединился к строгой ветви обсервантов ордена доминиканцев. Его редкий административный талант раскрылся рано, и вскоре Антонино стал настоятелем доминиканского монастыря Куртона, а впоследствии занимал аналогичные должности в Неаполе и Риме. После этого, в 1433 г., Антонино назначается генеральным викарием доминиканских монастырей Ломбардии, а спустя четыре года — всей центральной и Южной Италии. Помимо этой должности Антонино сохранял также пост настоятеля монастыря Сан-Марко во Флоренции.

В 1445 г. папа Евгений IV, вероятно по совету великого художника Ренессанса фра Анжелико, назначил Антонино архиепископом Флоренции. Будучи человеком скромным, Антонино, следуя примеру Бернардина, упорно отказывался от этой должности. Рассказ современника гласит, что папа отдал строгий приказ Антонино вступить в должность, и тот принял ее только под страхом отлучения. Как бы там ни было, св. Антонино до конца своей жизни отказывался надевать епископские одежды и продолжал носить белое одеяние и черный плащ простого доминиканского монаха. По иронии судьбы, когда Антонино умер в 1459 г., его хоронили с огромной помпой и со всеми почестями.

Несмотря на свое нежелание занимать должности, Антонино проявил себя выдающимся администратором и судьей, которому приходилось ежедневно принимать многочисленные экономические решения. Пребывая во Флоренции, он с головой погрузился в финансово-экономическую деятельность этого самого передового центра капитализма того времени.

Святого Антонино и св. Бернардина привычно называют двумя великими схоластическими мыслителями и экономистами. Однако Антонино был лишь популяризатором и казуистом; в своем анализе он только воспроизводил точку зрения поистине великого и оригинального мыслителя св. Бернардина. Оба они были прекрасно знакомы с экономической практикой своего времени, причем Антонино был родом из Флоренции, крупнейшего банковского центра Европы. Хотя при этом оба были строгими аскетами, и эта напряженность и противоречивость аскетизма нашла свое отражение в их произведениях и сказалась на их биографиях.

Антонино, как правило, просто воспроизводил аналитические выкладки Бернардина. Однако в своем изложении теории ценности Анто-

нино сделал особый акцент на важном положении Аквината, что любой обмен на рынке взаимовыгоден для обеих сторон, поскольку каждому в результате обмена становится лучше, чем было до него. Добровольный обмен является справедливым. И все же Антонино, по-видимому, более сочувственно, чем его наставник, относился к государственному регулированию цен, которое повсюду, где оно осуществляется, должно быть морально обязывающим. Всякая цена на черном рынке, превышающая цену, установленную законом, является греховой.

Рассуждая о справедливой заработной плате, Антонино повторяет рассуждения Бернардина, добавляя собственный материал, основанный на обширном знании развитой флорентийской шерстяной промышленности. Заработная плата рабочего правильно определяется общей оценкой рынка, и любая попытка создать профсоюз работников стала бы вредным вмешательством. Такая точка зрения невольно одобряла флорентийскую практику, ставившую вне закона союзы рабочих-шерстянщиков, считая их незаконными и «заговорщицкими». А вот монополия Шерстяная гильдия суконных фабрикантов считалась законной; и это неудивительно, поскольку она находилась под контролем правительства Флоренции. В трудах Антонино при обсуждении условий труда слово «гильдия» не встречается; вероятно, чутье подсказывало ему, что этот спорный вопрос разумнее обходить стороной.

Несмотря на то что Антонино был преданным учеником своего учителя, между этими двумя мирскими святыми имелись все же определенные, хотя и весьма тонкие, различия. Хотя Антонино был лучше знаком с миром бизнеса, он, как это ни парадоксально, в значительной степени был большим моралистом. Так, одним из многочисленных произведений Антонино был памфлет «О женских модах» («De ornate mulierum»), в котором он многословно и громогласно выступил против использования женщинами румян, накладных волос, модных причесок и прочей мишуры. Его склонности к морализаторству способствовала, конечно же, и его новаторская работа в области казуистики. Подобным образом он обрушился и на художников, осуждая все, кроме религиозного искусства, сделав исключение лишь для работ своего друга Фра Анжелико. Антонино особенно расстраивался из-за картин на нерелигиозные темы, дававших художникам возможность изображать обнаженных женщин не ради красоты, но чтобы пробудить чувство либидо. (Однако при этом Антонино все-таки сделал и такое интеллектуальное наблюдение, что цена картин определяется мастерством художника, а не количеством вложенного труда.) Строгие воззрения Антонино распространялись также и на музыку, где он призывал вернуться к суровому григорианскому хоралу, запретив греховное использование контрапункта, а также популярных и даже непристойных баллад.

Что касается сугубо экономических проблем, то и здесь очевиден повышенный морализм Антонино. В отличие от своего наставника, Антонино в целом осуждал операции с иностранной валютой как невольно ро-

стовщические. Как изумленно замечает Раймон де Рувер: «Этот совет, если ему следовать, привел бы к полному упразднению банковского дела. Довольно странное отношение со стороны архиепископа ведущего банковского центра Западной Европы. Большинство теологов были более мягкими, хотя и менее последовательными...»⁵

Филиппики Антонино против ростовщичества были столь же яростными, как и у Бернардина, и то, что он был папским уполномоченным по искоренению ростовщичества в Тоскане, лишь усиливало их. Антонино, непримиримый обличитель ростовщичества, свел воедино все возможные аргументы в их самой суровой интерпретации. Как заявляет профессор Нуан,

..будучи более систематичен, Антонино был гораздо суровее, чем многие его предшественники... Антонино свел все строгие правила ранних учений о ростовщичестве в единый свод. Ни один последующий автор уже не будет столь же суровым, столь же бескомпромиссным, столь же истинно преданным логике ранних концепций, как он⁶.

Более того, Антонино, не отставая от Бернардина, исторически поноси́л ростовщичество. Ростовщичество «дьявольское»; это великая блудница из 17-й главы Апокалипсиса, «которая восседает на многих водах, с которой цари земные любодействовали». Не только сами ростовщики, но все, кто принимает участие в ростовщичестве, «достойны вечной гибели». Ростовщичество, согласно Антонино, это хуже, чем грех прелюбодеяния или убийства, потому что он постоянно повторяется, тогда как те грехи нерегулярны. Ростовщик пребывает в состоянии «вечного греха». И это еще не все: ростовщичество проклинает наследников грешника, ибо грех не искуплен до тех пор, пока ростовщик или его имущество не подвергнутся реституции и не будут возвращены полученные проценты. Ростовщичество, согласно Антонино, присутствует везде, оно всепроникающе.

И все-таки Антонино тоже допускает *lucrum cessans* (упущенная выгода) в качестве законного источника взимания процента. Однако при этом заявляет, будучи предельно обеспокоенным даже малейшим намеком на присутствие ростовщичества, что *lucrum cessans* никогда не следует советовать применять на практике.

Трагично, что субъективная теория полезности, разработанная в XIII в. Петром Иоанном Оливи, вновь открытая св. Бернардином через два столетия и распространявшаяся далеко и широко его учеником св. Антонино, умерла вместе с этим флорентийским святым. Даже испанские схоласты конца XVI в. не поднялись до таких высот, за исключением некоторых моментов, раскрытых в томистской традиции и в традиции полезности. И только австрийская школа конца XIX в. независимо воспроизвела и развила субъективную теорию ценности Оливи, и только в 1950-е гг. данное направление схоластической мысли было открыто заново.

3.8. ШВАБСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И АТАКА НА ЗАПРЕТ РОСТОВЩИЧЕСТВА

Примерно в то же время, когда св. Бернардин создавал свой великий труд, почти безвестный немецкий монах-доминиканец независимо от него разрабатывал сходные идеи. Йоханнес Нидер (1380—1438) был родом из Швабии, преподавал теологию в Венском университете и проводил реформу доминиканского ордена на юге Германии. Краткий трактат Нидера «О договорах купцов» («De Contractibus Mercatorum») был написан около 1430 г., а около 1468 г. был опубликован в Кёльне уже после смерти автора; трактат регулярно переиздавался вплоть до конца XV столетия.

Нидер положил начало оправданию прибылей купцов. Признавая значение предпринимательской роли купца, Нидер подчеркнул, что торговля требует знания рынка, а для получения такого знания требуется трудолюбие, усердие и удача. Предпринимательские доходы оправдываются расходами, хлопотами и риском. При анализе рыночных цен Нидер сделал акцент на субъективной полезности, отдавая ей решающую роль. Подобно Оливи и Бернардино, Нидер провел различие между объективной полезностью, присущей благу, и субъективной полезностью, статусу блага «в ценностной шкале людей». Нидеру было совершенно очевидно, что только вторая играет решающую роль при определении справедливой рыночной цены. Предвосхищая на четыре столетия Джевонса, Нидер предположил, что изменение в предложении блага ведет к изменению цены вследствие изменения его полезности. То, что рыночная цена, как результат общей оценки, определяет справедливую цену, у Нидера излагается совершенно ясно: «Правильная цена вещи зависит от того, что покупатели или продавцы думают о ценах». Тем не менее там, где нет общего рынка, Нидер присоединяется к мнению предшествующих схоластов, что продавцы, при определении запрашиваемой справедливой цены, могут использовать подход «издержки-плюс».

Хотя при определении цены рассматривается только субъективная полезность, в обосновании Нидером предпринимательского дохода присутствуют и тревожные признаки лангенштейновских «статусных» аргументов. Ибо доходы предпринимателей, в дополнение к тому, что они определяются экономическими факторами, указанными выше, должны также быть «пропорциональны рангу» данного занятия — пролог к объяснению Нидера, что ремесло солдата благороднее, чем ремесло торговца и, следовательно, заслуживает более высокой награды. Это возмездие не только к Лангенштейну, но к древнегреческому предпочтению военного искусства искусствам производительным.

При обсуждении денег Нидер твердо выступает в поддержку деятельности менял. Нелепостей в отношении ростовщичества он не высказывает. Нидер отмечает, что обмен валюты является «своего рода продажей и покупкой», и убедительно демонстрирует, что ценность денег,

как и ценность других товаров, тоже варьируется в зависимости от общей оценки рынка. Хотя, тут он следует Аквинату, ценность денег обычно меняется менее радикально, чем ценность конкретного товара, обмен валюты тем не менее меняет ее, а купцы получают законную прибыль или несут убытки от таких изменений.

Нидер решительно утверждает, что «конвертация или обмен денег или других вещей — это своего рода продажа и покупка одной валюты за другую и представляет собой, так сказать, ту же самую нравственную проблему, что и торговля товарами...»

Еще более значительным, чем Нидер, был его земляк великий схоласт XV в. Габриэль Биль (1430—1495), профессор теологии нового Тюбингенского университета, расположенного на юго-западе Германии. Биль был выдающимся номиналистом и последователем Оккама — в XV столетии немецких последователей Оккама так и называли габриэлистами. Тем не менее, как показали недавние исследования, Биль, веря в рациональные и объективные естественные законы морали, был, по сути, томистом. И в самом деле, в его душе, так же как и у его коллеги «оккамиста» прошлого века Григория Риминского, жило глубокое рационалистическое убеждение, что естественный закон вечен, и он будет существовать даже в отсутствие Бога. Более того, человек без посторонней помощи посредством своего разума способен понять этот естественный закон и сделать правильные выводы относительно собственного надлежащего поведения.

Одним из достижений Билиа стало кристально ясное изложение им схоластической концепции, согласно которой каждая из сторон обмена вовлечена в действие, направленное на получение взаимной субъективной выгоды. Вторя Жану Буридану, коллеге-номиналисту предыдущего столетия, Биль дает убедительный и краткий анализ: «Ибо покупатель, который желает благо, не станет покупать, если только он не надеялся на большее удовлетворение от блага, чем от денег, которые он заплатил за него; и продавец не будет продавать, если он не надеется на прибыль от цены». До Билиа никто не демонстрировал с такой ясностью, что каждый обмен предполагает от каждой стороны ожидаемую взаимную выгоду от сделки и что удовлетворение по крайней мере покупателя является чисто субъективным, хотя удовлетворение продавца может быть выражено в виде денежной прибыли. До появления австрийской школы в конце XIX в. этого достижения Билиа так никто и не превзошел.

Последователь коллег-оккамистов Буридана и Орема, Биль в «Трактате о силе и полезности денег» повторил их металлистические идеи о ценности денег и их критику действий по порче монет, осуществляемой государством. Как и Буридан, Биль настаивает, что качественные деньги должны изготавливаться из такого материала, который мог бы использоваться независимо от его использования в качестве денег. Биль считает производимую королем порчу монеты эквивалентной краже: «...если государь изымает качественные деньги для того, чтобы он мог ку-

пить их дешевле, переплавляет их, а затем выдает другой чекан меньшего достоинства, присваивая ему ценность прежней валюты, то он должен быть обвинен в хищении денег и обязан произвести реституцию».

Более того, Биль дал самое изощренное, по сравнению со сделанными до него, объяснение и обоснование валютного рынка. В комментарии к «Сентенциям» (1484) Биль отметил, что банк, принимающий вексель, позволяет векселедателю получить наличные деньги в другом городе, тем самым предоставляя важную услугу «воображаемой транспортировки» денег. Векселедатель освобождается от издержек и рисков, связанных с самостоятельной перевозкой денег. Поэтому для банкира, как для заимодавца, является законным получение прибыли при покупке иностранного векселя. Таким образом, упрочив теоретическое знание, что ценность денег варьируется так же, как и ценность других благ, Биль существенно раздвинул рамки легитимности обменных операций, как для заимодавца, так и для заемщика.

Однако самое большое значение для истории экономической мысли имело то, что Габриэль Биль запустил процесс, приведший к снятию запрета на ростовщичество. Запрета, который, начиная с самых первых столетий христианской эры, сдерживал развитие экономической мысли. В дополнение окончательному освобождению валютного рынка от обвинений в ростовщичестве Биль занялся обоснованием договоров страхования. Ибо если считалось греховным и ростовщическим владеть имуществом или правом, не неся рисков (как лица, предоставляющие гарантии чистого кредита), то как быть, если человек покупал страховую полис и поэтому получал возможность перенести риски на страховщика? Свою апологию страхования Биль позаимствовал у Анджело Карлетти ди Кивассо, генерального викария францисканских обсервантов, выступившего в защиту безрисковых страховых контрактов в своей «Summa Angelica» в то же самое время, когда писал свой трактат Биль.

В качестве генерального викария фра Анджело возглавлял лишь цисмонтанских обсервантов (Италия, Восток, Австрия, Венгрия и Польша), тогда как для ультрамонтанских (все остальные страны) был свой генеральный викарий. Упомянутую в тексте главную книгу Анджело Карлетти, прозванную в честь него самого «Summa Angelica» (авторское название — «Summa de Casibus Conscientiae», что можно перевести как «Сумма о частных случаях, касающихся совести»), Мартин Лютер считал настолько важной, что публично сжег ее вместе с буллой о собственном отлучении, собранием канонов и «Суммой теологии» св. Фомы Аквинского. Признав традицию народного почитания, в 1753 г. папа Бенедикт XIII причислил фра Анджело к лику блаженных.

Главным вкладом Билия в ослабление запрета на ростовщичество стало обоснование им контракта *sensus* — покупки аннуитета — и оправдание такового в его максимально широкой форме. Так, покупка аннуитета считалась столь же законной, как и право на получение денег при страховании или гарантированном аннуитете. Покупателю также раз-

решалось выкупать аннуитет — послабление очень сходное с позволением кредитору истребовать основную сумму выданного им кредита после того, как он получил доход по частям.

Таким образом, Биль очень близко подошел к оправданию кредитных операций со взиманием процентов. Объясняя тот факт, что продавец аннуитета, чтобы получить наличные деньги, будет стремиться осуществлять высокие ежегодные выплаты (т.е. платить проценты по кредиту), Биль весьма убедительно показал, что в этой сделке, как и во всякой другой, обе стороны получают выгоду: «Ни покупатель не станет покупать товар, если он не надеется получить большей выгоды от этого товара, чем от денег, которые он за него должен отдать; ни продавец не станет продавать, если он не надеется на прибыль при данной цене».

Однако наиболее полное и систематическое наступление на запрет ростовщичества предпринял самый выдающийся ученик Габриэля Билля и его преемник по профессорской кафедре теологии Тюбингенского университета Конрад Зумменхарт (1465—1511), обучавшийся также и в Парижском университете. Критика запрета содержится в его огромном «Трактате о контрактах» («Tractatus de Contractibus», 1499).

Вклад Зумменхарта был двояким: во-первых, он чрезвычайно расширил список возможных исключений из запрета ростовщичества в рамках *sensus* и *lucrum cessans*; и во-вторых, он положил начало прямой критике всех остальных извечных аргументов против ростовщических сделок. По первому пункту Зумменхарт разработал гораздо более тонкую и детальную, по сравнению с предшествующей, аргументацию в пользу партнерств страхования или гарантированных партнерств. Он также гораздо шире, чем кто-либо до него, раздвинул пределы применения исключения *lucrum cessans*. Зумменхарт отважно заявил, что деньги являются плодотворными, что это инструмент купца, и купец способен оплодотворить его, приложив к нему свой труд. Следовательно, купец должен получать компенсацию за потерю пользы от своих денег точно так же, как фермер должен получать компенсацию за потерю своих полей. Однако, к сожалению, Зумменхарт, как и предшествующие схоласты, как обычно, ограничил область применения *lucrum cessans* лишь благотворительными займами.

Самым смелым действием Зумменхарта по ослаблению оков ростовщичества стала его радикальная защита максимально широкого толкования договоров *sensus*. Здесь Зумменхарт выступил с оправданием многих видов кредитных операций, осуществлявшихся в то время в Германии. В сочетании с его идеей о переменной ценности денег это означало «лишение запрета на ростовщичество всякого практического значения»⁷. Деньги, заявил Зумменхарт, могут законно быть проданы с целью получения прибыли. Более того, утверждал он, *sensus* не является (греховным) кредитом, поскольку право на деньги является благом другого рода, чем обмененные деньги. Но в таком случае, спрашивает себя Зумменхарт, не может ли ростовщик сказать то же самое и попросту

утверждать, что право на деньги, которые он требует в обмен, тоже есть благо иного рода, чем ссужаемые деньги? Поразительно, отвечает Зумменхарт, все это оказывается правильным при условии, что *в намерения* кредитора *не входило*, чтобы это было ростовщичеством, и сам он действительно был убежден, что покупает право на деньги, которое является благом, отличным от самих денег. Однако если ростовщичество есть лишь субъективное намерение, а *не* объективный факт взимания процентов по кредиту, то тогда не существует и объективного способа идентификации ростовщичества или обеспечения соблюдения запрета на него! Одним этим рассуждением Зумменхарт, по сути, сокрушил запрет ростовщичества.

И это еще не все. Зумменхарт открыто заявил, что приобретение кем-либо долга со скидкой не является ростовщической ссудой, поскольку это всего лишь приобретение права на деньги. Приобретение долга является таким же законным, как и *sensus*. Более того, «покупка долга» может считаться выдачей нового долга, а не просто покупкой старого. Такой вывод тоже фактически ставил крест на запрете ростовщичества.

Более того, одобряя контракты по «покупке долга», Зумменхарт вплотную подошел к пониманию фундаментального факта временного предпочтения, предпочтения сегодняшних денег деньгам будущего. Когда кто-либо платит 100 долларов за право иметь 110 долларов в какой-то определенный момент времени в будущем, при этом обе стороны оценивают деньги в настоящем более высоко, чем деньги, которые будут выплачены в будущем. «Покупатель» (кредитор), кроме того, не получает от кредита ростовщический доход, потому что он оценивает будущие 110 долларов равными 100 долларам в настоящий момент времени, таким образом, «цена и товар равны и по факту, и в оценке покупателя».

Затем, перейдя непосредственно к аргументам в пользу ростовщичества, Зумменхарт перечисляет 23 традиционных аргумента против ростовщичества, базирующихся на естественном праве, и сокрушает их все, за исключением пары шатких формальных доводов; при этом он также выдвигает и собственные сильные возражения против запрета ростовщичества. Как заключает профессор Нуан, «исследование [Зумменхарта] заканчивается отказом от прошлого. От ростовщичества остается только имя, которое подвергается резкой критике. Прежняя схоластическая теория ростовщичества отвергнута»⁸. Аргументация Зумменхарта в пользу ростовщичества является исчерпывающей. В отличие от трактовки св. Фомы ростовщик запрашивает процент не за использование заемщиком своих денег, а за то, что *не пользуется* ими сам. На возражение, что возмещение заемщиком основной суммы кредита возвращает кредитору способность использования (денег), Зумменхарт неоспоримо отвечает, вновь предвосхищая временное предпочтение: «Но он не вернет ему [кредитору] возможность использовать прошедший период времени таким образом, чтобы он мог использовать их [деньги] в этот период...» Таким образом, процент по кредиту становится закон-

ной платой за недоиспользование денег на протяжении всего периода времени займа. Совершенно очевидно, что Конрад Зумменхарт блистательно продемонстрировал, пусть и неявно, всю законность «ростовщичества», т.е. взимания процента по кредиту.

Что касается фиксированной цены денег как аргумента против ростовщичества, Зумменхарт повторяет и развивает аргумент предшествующих критиков, что с течением времени ценность денег меняется. Кроме того, по вопросу о безрисковости денежного кредита Зумменхарт выдвигает аргумент, потенциально смертельный для запрета ростовщичества. Он справедливо замечает, что не бывает не рискующего заемщика; он всегда принимает на себя риск заемщика разориться. Заемщик также имеет возможность получить большую по величине прибыль от займа, чем процент, который он должен заплатить заемодатцу. Кроме того, Зумменхарт аккуратно разбил и аристотелевский аргумент, что деньги по своей природе «предположительно» должны использоваться только в качестве средства обмена, а не для взыскания процента. Зумменхарт смело заявляет, что этот аргумент попросту абсурден. Разве совершает кто-либо грех, используя вино для тушения пожара или храня деньги в башмаке? В естественном праве нет ничего, что указывало бы, что данное материальное благо всегда должно использоваться только для этой конкретной цели, но не для другой.

После Зумменхарта остаются лишь два очень слабых аргумента против ростовщичества: сам факт, что Аристотель сказал, что оно неестественно («аргумент», который Зумменхарт мог только язвительно упомянуть) и божественный запрет. Но поскольку ростовщичество в действительности является естественным, Зумменхарт, как мы уже знаем, готов трактовать божественный запрет настолько узко, что тот практически исчезает; после Зумменхарта с запретом на ростовщичество было покончено.

Однако схоласты XVI в., блестяще проявившие себя во многих областях экономической теории, не приняли смелый вызов Конрада Зумменхарта и не довели до конца процесс разрушения запрета ростовщичества, что отнюдь не способствовало убедительности схоластической экономической мысли.

В некоторых случаях, в частности оправдывая контракты гарантированного партнерства, Зумменхарт воздержался от полного одобрения, разумно предостерегая против контрактов, хоть и легитимных, но могущих шокировать общество. И только выдающемуся ученику Зумменхарта Иоганну Экку <1486—1543> было суждено довести революцию Зумменхарта до полного завершения. Экку, профессору теологии Ингольштадтского университета, расположенного неподалеку от Аугсбурга, баварского финансового центра, будет суждено вскоре обрести самую широкую известность благодаря его выступлению на католическом диспуте против Мартина Лютера. В то время Аугсбург был ведущим финансовым центром Германии и домом великих банкиров Фуггеров, пе-

рехвативших прибыльный папский банковский бизнес у Флоренции. В 1514 г. друг Фуггеров 28-летний Экк подверг критике своих осторожных коллег-теологов за сокрытие истины, что, как бы скандально это ни звучало, договор гарантированного партнерства абсолютно законен. Отстаивая свое дело перед благосклонной аудиторией канонистов Болонского университета, Экк отметил, что купцы, как правило, запрашивают гарантированный инвестиционный контракт и, соответственно, прибыли по нему. Более того, этот контракт широко используется на протяжении 40 лет, так что гарантированный контракт следует считать законным, если не доказано обратное. Также Экк сделал вполне современное тонкое замечание, что большинство капиталистов-инвесторов в этом контракте — это в конечном счете вдовы и сироты.

Стоит отметить, что выдающийся шотландский теолог-номиналист Джон Мейджор (1478—1548), декан факультета теологии Парижского университета, безоговорочно поддержал неоднозначную защиту гарантированного инвестиционного контракта Экка—Зумменхарта.

3.9. НОМИНАЛИСТЫ И АКТИВНЫЕ ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРАВА

Как мы уже знаем, доминиканцы опередили францисканцев в вопросе прав собственности благодаря знаменитой булле Иоанна XXII «*Quia vir reprobus*» (1329). Индивидуальные права собственности теперь официально признаны как естественные, вытекающие из веления Божьего, наделившего человека властью над землей. Несмотря на все попытки Уильяма Оккама опровергнуть Иоанна XXII, его последователи номиналисты инициативно принялись развивать эту теорию активных естественных прав собственности. Разработали эту теорию Петр д'Альи (1350—1420) и, в особенности, его ученик и преемник на посту канцлера Парижского университета Жан Жерсон (1363—1429).

Так, Жерсон в своем сочинении «О духовной жизни души» («*De Vita Spirituali Animae*», 1402) четко заявляет:

Существует естественное суверенное право (владычество), подобное Божьему дару, посредством которого каждое существо имеет *ius* [право] принять непосредственно от Бога нижележащие вещи в собственное пользование во имя самосохранения. Каждый имеет это *ius*, являющееся результатом честной и неизменной справедливости, поддерживаемый в своей изначальной чистоте или естественной целостности. Таким путем Адам получил власть над птицами небесными и рыбами морскими... К этому суверенному праву также может быть добавлено право на свободу, которая есть неудержимый данный Богом дар...⁹

Странно, что этот номиналист и мистик, после такого изложения своих взглядов на права человека как на владычество (суверенное право),

утверждает при этом, как и меньшая часть схоластов, что любая коммерческая прибыль, превышающая затраты и риск, аморальна и что все цены должно устанавливать государство, чтобы гарантировать справедливую цену.

Теорию активных прав отстаивал последователь Жерсона Конрад Зумменхарт, а впоследствии ее развил номиналист Джон Мейджор. Спустя столетие после Жерсона в комментариях к «Сентенциям» Петра Ломбардского (1509) Мейджор делает логический вывод, что не только человеческие права и владычество являются естественными, но и *частная* собственность. Ученик Мейджора Жак Альма («Aurea Opuscula», ок. 1525) выразился ясно: «Естественное владычество, таким образом, есть власть распоряжаться или способность пользоваться вещами, которые люди могут задействовать применительно к внешним объектам, следуя предписаниям закона природы, по которому каждый может заботиться о собственном теле и сохранять себя».

Активная теория естественных прав безраздельно господствовала на протяжении XV столетия и в XVI в.

3.10. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Снижение численности населения по всей Западной Европе было практически равномерным. Население Италии уменьшилось с 10 до 7,5 млн чел., Франции и Нидерландов — с 19 до 12 млн, Германии и Скандинавии — с 11,5 до 7,5 млн, а Испании — с 9 до 7 млн. В процентном отношении максимальное падение было в Британии, где число жителей в этот период сократилось с 5 до 3 млн человек.
2. Lionel Rothkrug, *Opposition to Louis XIV: The Political and Social Origins of the French Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), p. 14.
3. О Бурдигане и современном анализе безразличия см.: Joseph A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954) pp. 94n, 1064 <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1, с. 119сн.17; т. 3, с. 1399—1400>. Критический анализ см. в: Murray N. Rothbard, *Man, Economy and State* (1962, Los Angeles: Nash Publishing Co. 1970), I, pp. 267—268 <Ротбард М. Экономическая теория: человек, экономика и государство. М.; Челябинск: Социум, 2021. Гл. 4, §9>.
- (1). То есть в 45 раз меньше. — *Прим. изд.*
4. Или подробнее:
 Часто кажется, что город граждан и сынов своих,
 И достойных и негодных, ценит совершенно так,
 Как старинную монету и сегодняшний чекан.
 Настоящими деньгами, неподдельными ничуть,
 Лучшими из самых лучших, знаменитыми везде
 Среди эллинов и даже в дальней варварской стране,
 С крепким, правильным чеканом, с пробой верной, золотой

Мы не пользуемся вовсе. Деньги медные в ходу,
Дурно выбитые, наспех, дрянь и порча, без цены.

Аристофан. Лягушки <перевод с древнегреческого А. И. Пиотровского>.

95

Цит. по: Laurence Laughlin, *The Principles of Money* (New York: Charles Scribner's Sons, 1903), p. 420.

5. Raymond de Roover, *San Bernardino of Siena and Sant'Antonino Of Florence* (Boston: Baker Library, 1967), p. 37.
6. John T. Noonan, Jr, *The Scholastic Analysis Of Usury* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957), p. 77.
7. *Ibid.*, p. 233.
8. *Ibid.*, p. 340.
9. Richard Tuck, *Natural Rights Theories* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979), p. 27.

ГЛАВА 4

ПОЗДНИЕ ИСПАНСКИЕ СХОЛАСТЫ

4.1. РАСШИРЕНИЕ ТОРГОВЛИ В XVI В.

Великая депрессия XIV и первой половины XV в. во второй половине XV в. начала сменяться восстановлением экономики. Сухопутная торговля из Средиземноморья в Северную Европу, прерванная разграблением ярмарок в Шампани французским королем, все более замещалась морскими торговыми перевозками вдоль побережья Атлантики. Суда теперь шли через Гибралтарский пролив и огибали материк с севера, все в большей мере направляясь в Антверпен и превращая этот город в крупный торговый центр Северной Европы XVI в. Торговля уходила из-под ограничений и высокого налогообложения фламандского Брюгге и перемещалась в Антверпен с его свободным рынком, на котором и расширялась, — там, где законодательные препятствия, привилегии и высокие налоги не мешали расцвету предпринимательства и торговли. Помимо того, атлантические корабли направлялись к югу и западу, а знаменитые путешествия и открытия конца XV в. изменили ход мировой истории, превратив европейские страны в мировые державы, причем Африка и Новый Свет начали встраиваться в европейскую экономику. Возглавившие исследование новых континентов Испания и Португалия стали ведущими национальными государствами и империями XVI века. Медленно, но верно, по мере наращивания экономической и политической мощи новыми державами, итальянские города-государства, находившиеся в авангарде экономического прогресса и на острие культуры Ренессанса, начали уступать лидерство.

Вместе с расширением торговли пришла инфляция, питаемая колоссальным увеличением объемов золота и серебра, привезенных в Европу испанцами из недавно открытых рудников в Западном полушарии. Возрастание запаса металлических денег в Европе примерно в три раза привело к столетию инфляции: на протяжении XVI в. цены утроились. Новые деньги поступали сначала в Севилью — главный испанский порт, затем в остальную Испанию и наконец — в другие страны Европы. Соответственной была и география роста цен.

Будучи атлантическими державами, Англия и Франция набирали силы наряду с другими атлантическими нациями Западной Европы. Они много выгадали за счет окончания в 1453 г. разорительной Столетней войны между двумя народами. Доктрины абсолютистского государства, ранее ограниченные главным образом, кругом теоретиков и прави-

телей итальянских городов-государств, теперь распространялись во все национальные государства Европы. В конечном счете к началу XVII в. абсолютизм восторжествовал по всей Европе. Эту победу, как мы увидим ниже, питал начавшийся в XVI в. подъем протестантизма и, чуть позже, секуляризма.

4.2. КАРДИНАЛ КАЭТАН: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ТОМИСТ

Поздняя схоластика была продуктом XVI в. — столетия, которое ознаменовали протестантская Реформация и католическая Контрреформация. Если XIII столетие точно описывается как золотой век схоластической философии, то XVI столетие было ее серебряным веком — эпохой блистательного возрождения схоластической мысли перед тем, как на веки сгустилась ночная мгла. Как мы видели выше, в XIV—XV вв. возник номинализм, и произошло, как минимум, ослабление представления о разумном и объективном природном законе, включающем в себя естественно-правовую этику, который можно открыть человеческим разумом. В XVI в. наблюдалось возрождение томизма, которое возглавил один из величайших клириков своего времени — Томас де Вио, кардинал Каэтан (1468—1534).

Кардинал Каэтан был не только виднейшим философом-томистом и теологом своего времени. Он был, кроме того, итальянским доминиканцем и стал генералом своего ордена в 1508 г. Один из кардиналов римской церкви, он был у папы излюбленным защитником веры в спорах со знаменитым основателем протестантизма Мартином Лютером. В своем «Комментарии» к «Сумме теологии» Фомы Аквинского Каэтан, разумеется, подтвердил стандартное схоластическое представление о том, что справедливая цена есть обычная цена рынка, отражающая оценку покупателей, и считал, что цена будет колебаться при изменении спроса и предложения. Пытаясь очистить схоластическую экономическую доктрину от всяческих следов опирающейся на общественное положение теории Лангенштейна, Каэтан пошел дальше и подверг критике Фому Аквинского за то, что тот порицал накопление богатства вне рамок чьего-либо статуса как грех сребролюбия. Напротив, объявил Каэтан, лица больших дарований законным образом могут подниматься по социальной лестнице соответственно своим достижениям. Это открытое подтверждение вертикальной мобильности на свободном рынке было на тот момент самой широкой попыткой освободить схоластику от всех следов древнего пренебрежения к торговле и хозяйственной выгоде.

В своем всеобъемлющем трактате по валютному обмену «О меняльном деле» («De Cambiis», 1499), знаменитый Каэтан изложил свою защиту валютного рынка — самую полную и самую безоговорочную среди всего, что написали на тот момент. Он отбросил в сторону нерешен-

тельность, которую проявлял его товарищ по ордену доминиканцев, Фра Санти Ручеллаи (1437—1497), сам бывший меняла и сын банкира. Кардинал был тверд и настроен решительно. Поскольку деятельность купца уже давно признали законной, такой же должна быть роль менялы, который всего лишь участвует в своего рода товарной операции. Кроме того, современная торговля не могла бы функционировать без валютного рынка, а города не могли бы существовать без торговли. Следовательно, существование валютного рынка необходимо и справедливо. Как и на других рынках, общепринятая рыночная цена — это справедливая цена.

На страницах трактата «О меняльном деле» Каэтан, не ограничившись защитой валютного рынка, пошел далее и внес свой вклад в тогдашнюю теорию денег. Он убедительно показал, что деньги — это товар, особенно когда они перемещаются из одного города в другой, и по этой причине они подчиняются законам спроса и предложения, которые устанавливают цены товаров. По этому вопросу Каэтан внес значительный вклад в разработку теории денег, а на самом деле — в разработку экономической теории вообще. Он указал, что ценность денег зависит не только от *существующих* характеристик спроса и предложения, но и от текущих *ожиданий* будущего состояния рынка. Ожидания войн и массового голода, а также будущего изменения предложения денег будут влиять на их текущую ценность. Таким образом, кардинала Каэтана, князя церкви XVI столетия, можно рассматривать как основателя экономической теории ожиданий.

Кроме того, Каэтан различал два вида «ценности денег»: во-первых, их покупательную способность по отношению к благам, «приравнивающую» золото или серебро тем благам, которые покупаются и продаются; во-вторых, ценность монеты или средства обращения по отношению к другой монете или средству обращения на валютном рынке. И тут каждая разновидность монеты имеет тенденцию перемещаться в тот регион, где ее ценность наиболее высока, и уходить оттуда, где ее ценность минимальна.

Касаясь большого вопроса о ростовщичестве, Каэтан не был столь радикален, как его немецкий современник Зумменгарт, который практически искоренял запрет ростовщичества. Однако он поддержал доктрину Зумменгарта о неявном намерении и был даже более радикален в той одной области, куда побоялся вступить Зумменгарт: речь идет об *lucrum cessans* <упущенной прибыли>. Неявное намерение означало, что если некто действительно считал, что его договор не является займом, то этот договор не был ростовщическим, даже если на практике он оказывался займом. Это, конечно, проложило дорогу к практическому устранению запрета на ростовщичество. Ко всему прочему, Каэтан присоединился к своим единомышленникам-либералам, поддержав гарантированный инвестиционный контракт.

Но прорывное достижение кардинала Каэтана на фронте ростовщичества — это его реабилитация *lucrum cessans*. Защищенный своим

могущественным авторитетом величайшего томиста после самого Фомы Аквинского, Каэтан представил детальную критику своего учителя, отказавшегося рассматривать этот случай как не входящий в запрет на ростовщичество. Затем он реабилитирует фактически не одну лишь упущенную выгоду, а любой заем предпринимателям. Итак, кредитор мог взимать процент на любой заем в качестве компенсации прибыли, не полученной от других инвестиций, — при условии, что заем предоставлялся предпринимателю. Это несостоятельное размежевание между займами предпринимателям и потребителям было сделано впервые — в качестве средства оправдания коммерческих займов. Обоснование состояло в том, что высокую (с учетом упущенной прибыли) ценность деньги сохраняют в руках бизнеса, но не потребительских заемщиков. Итак, впервые в христианскую эпоху кардинал Каэтан оправдал *бизнес* кредитования, при условии что деньги представлялись бизнесу. До него все авторы, даже наиболее либеральные, даже Конрад Зумменгарт, оправдывали процентные платежи за *lucrum cessans* лишь в случае особых благотворительных кредитов; ныне великий Каэтан оправдывал бизнес денежного кредитования под процент.

4.3. САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА: ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Если новый расцвет либерального томизма начался с кардинала Каэтана в Италии, то вскоре факел этого учения перешел к целому ряду теологов XVI в., которые оживили томизм и схоластику и поддерживали их жизнеспособность на протяжении более чем столетия. Речь идет о саламанкской школе в Испании.

Нет ничего удивительного в том, что в XVI в. Испания должна была стать центром изучения схоластики. Этот век был преимущественно веком Испании. Испания возглавила географические исследования и завоевания в Новом Свете; эта страна переместила через Атлантику в Европу запасы золота и серебра; она, наряду с Италией и Португалией, была той европейской страной, которая осталась отчетливо католической, доказав свою невосприимчивость распространению протестантизма.

Признанным основателем саламанкской школы был великий правовед и пионер отрасли международного права Франсиско де Витория (ок. 1485 — 1546). Баск, родившийся в зажиточной семье и выросший в Бургосе на севере Испании, Витория стал доминиканцем и отправился учиться, а затем и преподавать в Париж. Там, по иронии судьбы, он стал учеником одного фламандца, который прежде был учеником одного из последних приверженцев учения Оккама Джона Мейджора. Этот человек, Пьер Крокарт (ок. 1450 — 1514), стал на склоне лет студентом, а затем и преподавателем теологии. Отойдя от своего учителя Мейджо-

ра, Крокарт оставил номинализм и перешел к томизму, вступил в орден доминиканцев и начал преподавать в Париже в доминиканском колледже Св. Иакова (Сен-Жака). Потратив свыше 17 лет на усвоение, а затем преподавание томизма в Париже, Витория вернулся в Испанию читать лекции по теологии в Вальядолиде. И в конце концов он перебрался в Саламанку, которая была тогдашней королевой испанских университетов, где и стал главным профессором теологии в 1526 г.

Блистательный и крайне авторитетный преподаватель и лектор, Витория задал стандарты для саламанкской школы до конца столетия. Хотя он не публиковал никаких сочинений, его лекции дошли до нас, будучи записаны его учениками, — примерно как в случае с Аристотелем. Слава Саламанкского университета во многом была результатом тех реформ, которые начал сам Витория. Как следствие, в университете вскоре было не менее 70 профессорских кафедр, заполненных лучшими учеными своего времени, которые обеспечивали преподавание не только традиционной средневековой программы, но и таких новомодных дисциплин, как навигация и халдейский язык.

Лекции Витории были преимущественно комментариями к нравственной теории Фомы Аквинского. В ходе чтения лекций Витория основал великую традицию испанской схоластики, обличавшую покорение и особенно порабощение индейцев Нового Света испанцами. В тот век, когда в Италии и Франции мыслители проповедовали секулярный абсолютизм и могущество государства, Витория и его последователи оживили идею о том, что естественное право морально превосходит простую мощь государства.

Витория не слишком много разъяснял экономические вопросы, но его интересовала деловая этика, а его взгляды следовали магистральному направлению схоластической традиции: справедливая цена — это общепринятая рыночная цена, хотя если бы имелась цена, фиксированная законодательно, она также считалась бы справедливой. Если говорить кратко, законы, фиксирующие цены, надлежит соблюдать. Однако при рассмотрении тех благ, для которых нет обычного рынка (допустим, при наличии лишь одного или двух продавцов), Витория продвинулся дальше своих предшественников. Отказавшись брать издержки в качестве определяющего фактора, Витория, хотя и заявляет, что их вполне можно было бы рассмотреть, возвращается к старой, почти забытой традиции римского права в духе *laissez faire*, согласно которой свободный торговля вовлеченных в сделку лиц обеспечивает справедливую цену. В этой ситуации, считал Витория, цену должны устанавливать сами стороны сделки. Однако затем Витория добавляет к этому курьезное разграничение между предметами роскоши и повседневными благами. Предметы роскоши можно продавать по «баснословным ценам», поскольку покупатель платит высокую цену без принуждения и по доброй воле. Витория, к сожалению, не объясняет, почему в случае повседневных предметов «добрая воля» должна исчезнуть.

Самым известным учеником Витории и собратом-телогом по Саламанке был доминиканец Доминго де Сото (1494—1560), который родился в Сеговии. Его родители имели достаток, но не были богачами. Он учился в Университете Алькалы недалеко от Мадрида, потом отправился в Париж, где учился под руководством Витории, а затем стал профессором. Вернувшись в Испанию, де Сото стал профессором метафизики в Алькале, а затем вступил в ордер доминиканцев. В 1532 г. он присоединился к своему наставнику и тоже стал профессором теологии в Саламанке. Несмотря на личную скромность, де Сото многократно был вовлечен в руководство университетом и несколько раз возглавлял входящий в его состав колледж Эстабана (Стефана). Работы де Сото по физике также считаются выдающимися.

В 1545 г. император Карл V оказал де Сото честь, назначив его своим представителем на знаменитом Тридентском соборе — важнейшем соборе католической Контрреформации. Скоро де Сото стал духовником императора, но отказался от духовничества через несколько лет, чтобы вернуться к профессорству в Саламанке. Де Сото прославился трактатом «О справедливости и праве» («De justitia et jure»), опубликованном в 1553 г. и основанном на лекциях, первоначально прочитанных в Саламанке в 1540—1541 гг. До конца столетия этот трактат выдержал не менее 27 переизданий, а правоведы и теоретики морали читали этот труд и ссылались на него до середины XVIII в.

К сожалению, по экономическим вопросам де Сото был реакционным мыслителем, отказавшимся от некоторых либеральных достижений предшествующих схоластиков. Так, хотя де Сото признавал, что «цена благ определяется не их природой, а той мерой, в какой они служат потребностям человека», этот анализ полезности ослаблялся туманными оговорками насчет «трудов, хлопот и риска», связанных с продажей. Еще хуже то, что де Сото не соглашался признать неуместность регулирования государством цен товаров и оставить все как есть. Вместо этого он решительно объявлял, что регулируемая цена всегда лучше рыночной цены и что в идеале все цены должны формироваться государством. И даже в отсутствие такого контроля, по мысли де Сото, цены должны устанавливаться «мнением благоразумных и честных людей» (кто бы они ни были!), которые никак не связаны с куплей-продажей. Цены не следует определять свободным торгом вовлеченных покупателей и продавцов. Итак, де Сото более любого другого схоластического мыслителя призывал к государственному регулированию, а не к рыночному установлению цены.

По вопросу меняльного дела влияние де Сото было неоднозначным — и за этот рынок, и против него. В его пользу он представил, возможно, первое убедительное объяснение движения валют и обменных курсов на внешнем валютном рынке — позднее его назовут теорией обменных курсов «на базе паритета покупательной способности».

Экономика XVI в. отличалась инфляцией, которая первым делом ударила по Испании в ответ на открытие золота и серебра в Новом Све-

те и последующий ввоз монеты в Испанию. Инфляция сначала внезапно разразилась в Испании, а затем распространилась на другие регионы Европы, по мере того как испанцы расходовали возросший запас денег. Результатом стала первая в истории масштабная долгосрочная инфляция: за первую половину XVI в. цены в Европе удвоились.

Де Сото стремился объяснить тот любопытный факт, что большее изобилие в Испании золотой и серебряной монеты вызвало в стране неблагоприятный баланс платежей, при котором деньги утекали из Испании в остальные части Европы. Вот как он излагает вопрос:

чем обильнее деньги в Медине, тем менее благоприятны условия торговли и тем выше цена, которую приходится платить всякому, кто пожелает отправить деньги из Испании во Фландрию, поскольку спрос на деньги в Испании меньше, чем во Фландрии. А чем скуднее деньги в Медине, тем меньше ему нужно платить в этом месте, потому что людей, желающих иметь деньги в Медине, больше тех, кто в это же время отправляет их во Фландрию.

Иными словами, большее изобилие денег в некотором месте заставляет деньги перетекать вовне и снижает курсовое соотношение к другим валютам. Большее денежное предложение означает, что там деньги «менее желаемы» — примитивный способ указать на то, что их предложение увеличивается в процессе движения по заданной убывающей кривой спроса на деньги, так что каждая следующая единица, или монета, ценится меньше. Здесь также присутствует зачаточный анализ обменных курсов на основе паритета покупательной способности.

Однако, несмотря на этот тонкий и неочевидный прогресс в области анализа функционирования данного рынка, по вопросу ростовщичества де Сото отступил назад до такой степени, что защищал запрет валютного рынка как ростовщического. Более того, в 1552 г. де Сото удалось убедить суд объявить незаконным весь внутренний валютный обмен по курсу, отличному от узаконенного паритета.

Как можно видеть, относительно запрета ростовщичества де Сото оказал реакционное влияние, сумев заблокировать общее признание революционных достижений Зумменгарта и Каэтана по ростовщическому вопросу. Двигаясь против течения, де Сото дошел до того, что объявил типовой гарантированный, или застрахованный, инвестиционный контракт греховным и ростовщическим на старом и дискредитированном средневековом основании, согласно которому риск и право собственности никогда нельзя разделять. Он пытался отказаться от *lucrum cessan* и вообще был настроен против ростовщичества более сурово, нежели почти любой из средневековых схоластиков, откатываясь назад и настаивая, что деньги бесплодны и не могут по этой причине законным образом приносить процент.

Но вот, однако, парадокс: будучи озабочен тем, чтобы обратить вспять волну либерализации отношения к ростовщичеству, де Сото внес личный

105 вклад в отдаленную кончину его запрета. Мы помним, что ранее, в конце XII в., папа Урбан III, будто фокусник, в своей декреталии «Позабылся <о нас Сын Божий>» («Consuluit») внезапно предъявил забытый отрывок Евангелия от Луки (6, 35): «взаимы давайте, не ожидая ничего», — и воспользовался этим смутным руководством к благотворительности как кнутом, чтобы запретить любой процент по займам. Что еще примечательнее, все прежние схоластики следовали этому сомнительному богоданному запрету на получение процентов; даже радикальный Зумменгарт соглашался с этим богоданным запретом на процент и всего лишь свел его практически до нуля. Парадоксальным образом на долю консервативного де Сото выпало бросить первый камень. Цитата из Луки, пренебрежительно заявил он, не имеет отношения к кредитованию под процент, а Христос совершенно определенно не объявлял ростовщичество греховным. Поэтому, заключил он, если ростовщичество не противоречит природному закону, оно совершенно законно. С точки зрения *теологии* проблем с ростовщичеством нет.

4.4. САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА, АСПИЛЬКУЭТА И МЕДИНА

К счастью, реакционное и этатистское влияние де Сото уравновесил, по крайней мере частично, другой выдающийся ученик Витории, Мартин де Аспилькуэта Наварро (1493—1586). Известный своей праведной жизнью и колоссальной ученостью, костлявый и горбоносый доминиканец Аспилькуэта считался виднейшим специалистом по каноническому <церковному> праву своего времени. После преподавания канонического права во Франции, в Каоре и Тулузе, Аспилькуэта вернулся обратно, заняв профессорскую кафедру в Саламанке. Там его переполненные лекции были отмечены новым методом обучения гражданскому праву, которое сочеталось с каноническим. В 1538 г. Аспилькуэта был назначен императором Карлом V на пост ректора нового Университета Коимбры в Западной Португалии. Там он разрабатывал принципы международного права, первоначально сформулированные его учителем Виторией. Аспилькуэта провел последние годы жизни в Риме, где был доверенным советником трех пап, скончавшись в преклонном возрасте — в 93 года.

Аспилькуэта использовал свое огромное влияние, чтобы усилить экономический либерализм в большей мере, чем это делалось прежде среди схоластиков или где угодно еще. Резко отличаясь от де Сото, которого восхищала всеохватная регламентация цен, Аспилькуэта был первым экономическим мыслителем, который ясно и смело заявил, что регулирование цен государством неосмотрительно и неразумно. Когда блага обильны, рассудительно указывал он, нет нужды регулировать максимальные цены, а когда блага недостает, ограничения принесут обществу больше вреда, чем пользы.

Но выдающимся вкладом Аспилькуэты в экономическую науку стала его теория денег, опубликованная в его работе «Разъяснительные комментарии о ростовщических процентах» («Comentario resolutorio de usuras», 1556) в виде приложения к руководству по нравственной теологии. Это руководство и комментарии в приложении были переведены на латынь и итальянский язык и долгие годы оказывали влияние на католических авторов. Давая первое ясное и недвусмысленное изложение «количественной теории денег», Аспилькуэта опирался на анализ кардинала Каэтана. Или, скорее, он твердо порывал с той традицией, согласно которой деньги в каком-либо смысле могут служить фиксированной мерой ценности других благ. В отличие от прежнего акцента на обмене валюты, или исчислении денег одной страны через деньги других стран, Аспилькуэта четко отождествил ценность денег с их покупательной силой по отношению к товарам. Сразу после того, как Аспилькуэта твердо усвоил эти две идеи, «количественная теория» стала непосредственным следствием. Ибо тогда, подобно случаю других товаров, ценность денег меняется в обратной зависимости от их предложения, или доступного количества. Аспилькуэта так излагает вопрос: «... всё продаваемое становится дороже, когда спрос велик, а предложение малó, и упомянутые ранее деньги (в той мере, в какой их можно продать или обменять путем какого-то иного рода сделки) являются товаром, а поэтому также становятся дороже, когда спрос велик, а предложение малó».

Следует отметить, что этот блестящий и лаконичный анализ факторов, определяющих покупательную способность денег, не впадает в ошибку более поздних «количественных теоретиков», которые подчеркивали роль количества (или предложения) денег, при этом не обращая внимания на спрос. Напротив, анализ спроса и предложения корректно применяется к монетарной сфере.

В XVI в. золото и серебро в изобилии поступали в Испанию и другие европейские страны, приводя к повышению цен сначала в Испании, а потом и в других странах. К середине этого века цены удвоились. Историки экономической мысли до сих пор считали первым представителем количественной теории — первым мыслителем, приписавшим рост цен притоку металлических денег, — французского абсолютиста, политического философа Жана Бодена. Но знаменитое сочинение Бодена «Ответ на парадоксы М. Мальтруа» (1568) было на 12 лет предвосхищено работой Аспилькуэты, и поскольку эрудированный Боден, вероятно, предварительно прочитал труд испанского доминиканца, заявленное им притязание на оригинальность оставляет весьма неприятное впечатление. А так как Испания была первым получателем потока металлической монеты из Нового Света, конечно, неудивительно, что именно испанец должен был стать первым человеком, разобравшимся в новом явлении. Так, Аспилькуэта писал:

...при прочих равных условиях в странах, где наблюдается великая скудость денег, все другие подлежащие продаже блага, и даже руки и труд

людей, уступают за меньшие деньги, чем там, где они в изобилии. Так, мы видим на опыте, что во Франции, где деньги в большей скудости, чем в Испании, хлеб, вино, одежда и труд стоят гораздо меньше. И даже в Испании (во времена, когда деньги были в большей скудости) подлежащие продаже товары и труд уступали за гораздо меньшие суммы, чем после открытия обеих Индий, которые наводнили страну золотом и серебром. Причина этого состоит в том, что деньги больше стоят там и тогда, где и когда они скудны, а не там и тогда, где и когда они обильны.

Мартин де Аспилькуэта (в данном случае под влиянием своего коллеги де Сото) также развивал созданную последним теорию обменных курсов, основанную на паритете покупательной способности. В это же время он разработал «количественную теорию» — анализ ценности денег на основе спроса и предложения. И то и другое, конечно, идет рука об руку.

Одним из наиболее важных достижений Аспилькуэты было то, что он оживил жизненно важное понятие временных предпочтений — возможно, под влиянием работ его открывателя, св. Бернардина Сиенского. Аспилькуэта указывал, и более ясно, чем Бернардин, что настоящее благо, такое как деньги, естественно, будет стоить на рынке больше, чем будущие блага (т.е. те блага, которые в настоящем представляют собой право на истребование денег в будущем). Вот слова Аспилькуэты: «право на истребование чего-либо стоит меньше, чем сама вещь, и... понятно, что то, чем нельзя пользоваться на протяжении года, менее ценно, чем нечто того же качества, которым можно пользоваться сразу».

Но если на рынке будущее благо естественным образом менее ценится, чем благо настоящее, то эта проницательная догадка должна автоматически оправдывать «ростовщичество», поскольку это — взимание процента не за «время», а за обмен настоящих благ (денег) на права истребования этих денег в будущем (на долговую расписку). И все-таки это, казалось бы, простое умозаключение (простое для нас, потомков) Аспилькуэта Наварро не сделал.

Аспилькуэта выступал в защиту экономического либерализма на рынке иностранной валюты, оживив направление мысли Каэтана и отвергнув элатистские инвективы своего коллеги де Сото, который призывал к запрету всех валютнообменных операций как ростовщических. Испанский доминиканец и доверенный советник трех пап не только повторил доводы Каэтана, но и ввел в рассмотрение практические соображения. Аспилькуэта указал на то, что «бесконечное число достойных христианских» купцов, аристократов, вдов и даже клириков повсеместно инвестируют в валютный обмен. Аспилькуэта подчеркивал, что он отказывается «проклипать весь мир», навязывая чрезмерно строгие нормы поведения. Кроме того, предупреждал он, запретить рынки иностранной валюты «означало бы свергнуть королевство в бедность» (на это он, понятно, идти не хотел).

Однако по большинству других аспектов вопроса о ростовщичестве Аспилькуэта был удивительно консервативен, значительно отступив от переломных позиций свободного рынка, отвоеванных Конрадом Зумменгар-

том. Рассматривая *census* (аннуитет, или пожизненную ренту), Аспилькуэта Наварро был куда жестче, чем де Сото, который либерально относился к этому конкретному аспекту «ростовщичества». Напротив, Аспилькуэта был главным авторитетом, повлиявшим на выпуск папой Пием V буллы «С обременением» («*Cum opus*»). В этой булле *census* был объявлен незаконным во всех случаях, кроме случая «плодоносного недвижимого блага», а на этот статус деньги, конечно же, претендовать не могут. К выпуску буллы папу подталкивал кардинал Карл Борромео, будущий католический святой, который сразу после назначения архиепископом Миланским открыто заявлял, что везде в этом греховном городе обнаружил ростовщичество. Борромео был одним из вождей католической Контрреформации, а его подстрекание привело к появлению буллы «*Cum opus*».

Но было слишком поздно; договор аннуитета слишком укоренился в европейской практике, и слишком многие теологи ранее восприняли либеральный подход. Большинство католических теологов отвергли новую попытку осуждения и попросту заявили, что доводы папы были вопросами не естественного, а положительного права и что по этой причине в той или иной конкретной стране, чтобы иметь в этой стране силу закона, папская булла должна быть одобрена правительством или быть устоявшейся практикой. Достаточно интересно, что ни одна страна в Европе не приняла «*Cum opus*»: ни Испания, ни Франция, ни Германия, ни Южная Италия, ни даже сам Рим!

Всё пренебрежение, с которым в Европе повсеместно была принята булла «*Cum opus*», убедительно демонстрируется отношением к ней со стороны недавно образованного ордена иезуитов. «Общество Иисуса» было основано в 1537 г. отставным офицером испанской армии Игнатием Лойолой, родившимся в Стране басков. Быстро расширявшееся общество осознанно строилось на жесткой дисциплине в армейском духе (первоначально Лойола назвал общество «Ротой Иисуса»). Действуя под обетом абсолютного послушания папе и генералу ордена, иезуиты стали «штурмовыми отрядами» католической Контрреформации. Несмотря на обет послушания папе, генеральная конгрегация ордена иезуитов 1573 г., всего лишь через четыре года после выхода буллы «*Cum opus*», одобрила взаимно погашаемый договор аннуитета. А в 1581 г. конгрегация иезуитов довела дело до конца, одобрив все виды договора аннуитета. Когда отдельные немецкие иезуиты воспротивились этой широте взглядов, генерал ордена иезуитов Клавдий Аквива в 1589 г. приказал, чтобы немецкие иезуиты признали правомочность договора аннуитета и прекратили выражать несогласие. Вот вам и папский запрет.

В следующем столетии лазейка аннуитета широко использовалась, чтобы замаскировать процент по кредитным соглашениям, особенно в Германии. Как указывает Нуан, безусловно, знаменателен тот факт, что немецкое слово, обозначающее процент по займу, *zins*, происходит от латинского слова *census*.

Доктрину Зумменгарта—Каэтана о неясном намерении (т.е. если некто *не намеревался*, чтобы договор был займом, то этот договор был законным) еще более углубила знаменитая конгрегация ордена иезуитов 1581 г. Она признала оправданным практически любой договор. Нунак заключает: «На практике это означало, что лишь займы престарелым или немощным лицам, не имеющим собственности, или займы со ставкой процента, превышающей то, что можно получить по “гарантированному инвестиционному контракту или аннуитету”, надлежало рассматривать как подлинно ростовщические займы».

Хотя Аспилькуэта Наварро и был консервативен по большинству аспектов ростовщичества, он, однако, действительно стал первым автором, который признавал справедливым процент, взимаемый за *lucrum cessans* (упущенную прибыль от инвестиций) по *всем* займам, а не только по особым займам из благотворительных соображений (прежние авторы) и не только по займам для бизнеса (Каэтан). Теперь всякая упущенная прибыль могла взиматься в виде процента, даже профессиональными ростовщиками. Единственное ограничение, которое оставалось (на практике незначительное), состояло в том, что кредитор на самом деле ранее использовал свои деньги для инвестирования.

Из этого первого поколения поздних испанских схоластиков (приблизительно речь о тех, кто родился в 1480—1490-х гг.) последний примечательный автор — Хуан де Медина (1490—1546). Однако францисканец Медина преподавал теологию не в Саламанке, а в Коллегиуме Алькалы. Заслуга Медины состоит в том, что он был первым автором в истории, который ясно осознал, что взимание процента по ссуде законно в случае компенсации кредитору за риск неплатежа. Рассуждение Медины было безукоризненно: подверженность чьей-либо собственности «риску утраты можно продавать и покупать по некоторой цене, это вовсе не то, что надлежит делать безвозмездно». Более того, указывал Медина, теологи ныне признают, что некто, кто дает гарантию по кредиту, может законным образом взимать плату за эту услугу. Но в таком случае, если заемщик не может найти поручителя, почему кредитор не может взимать плату с заемщика за принятие *риска неплатежа*? Разве оплата *его* услуг не аналогична оплате услуг поручителя?

Этот довод звучал разумно, но смятение для схоластиков оказалось серьезным, несмотря на то что Медина ослабил свое оправдание риска введением запрета на процент по безрисковым займам и ограничением взимания платы случаями, когда заемщик не способен найти поручителя. Доминго де Сото, ужаснувшись, справедливо указал, что признание возможности взимать плату за риск неплатежа будет означать полное разрушение запрета ростовщичества, поскольку можно будет взимать плату за кредит сверх основной суммы долга. Обычно более либеральный Аспилькуэта оказал Медине даже меньше сочувствия, возразив справедливо (хотя и не по существу), что ни один из теологов, канони-

стов, специалистов по естественному праву не согласен с нововведением Медины. И на этом, считалось, вопрос закрыт.

Однако при обсуждении теории ценности Медина был далеко не столь убедителен. При обсуждении справедливой рыночной цены Медина ввел в рассмотрение беспорядочную мешанину факторов: издержки, труд, отрасль и риски для поставщиков, потребность или полезность потребителя, а также редкость или изобилие конкретного блага. Ясно, что при анализе предложения связности было гораздо меньше, чем у св. Бернардина Сиенского. С другой стороны, в то время как схоластическая традиция считала, что цена, установленная законом, имеет приоритет над рыночной ценой, Медина приводил два примера, когда следует пользоваться рыночной ценой: в случае, когда рыночная цена ниже; а также там, где власти слишком медлят учесть в правовом акте возросшую рыночную цену.

4.5. САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА, ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ

Итак, традиции саламанкской школы и структуру ее мысли заложили в первой половине XVI в. три выдающихся доминиканца — Франциско де Витория и его последователи, Доминго де Сото и Мартин де Аспилькуэта Наварро. Два последних теолога заложили основы экономической составляющей систематической теологии и философии саламанкской школы.

Среднее поколение представителей саламанкской школы составляли те, кто родился в первые десятилетия XVI в. Они писали примерно в середине этого века и позже. Старейшим из указанных представителей второго поколения был знаменитый Диего де Коваррубиас-и-Лейва (1512—1577), чей привлекательный и выразительный облик запечатлен на потрясающем портрете кисти великого испанского живописца Эль-Греко, ныне находящемся в Музее Эль-Греко в Толедо. Признанный как величайший правовед после Витории, Коваррубиас был самым знаменитым учеником Аспилькуэты. После 10-летнего пребывания профессором канонического права в Саламанкском университете Коваррубиас был назначен императором инспектором канцлера Кастилии, а затем он стал епископом Сьюдад-Родриго и епископом Сеговии. В 1572 г. Коваррубиас стал председателем Совета Кастилии. Его сочинения, как и сочинения многих других ученых этого времени, охватывают собой теологию, историю, нумизматику и другие дисциплины, посвященные человеческой деятельности, а также право.

Теория ценности лежала в руинах со времен св. Бернардино и Йоханнеса Нидера, живших в XV в., и теперь, веком позже, ее оживил Коваррубиас. В своем труде «Четыре книги различных постановлений папского, королевского и императорского права» («Variarum resolutionum ex

jure pontificio regio et cæsareo libri IV», 1554) Коваррубиас возвращает теорию ценности на правильные рельсы: ценность благ на рынке определяется полезностью и редкостью соответствующего изделия. В таком случае ценность благ зависит не от свойств, присущих данному благу или его производству, а от оценок потребителей. Например, Коваррубиас пишет: «Ценность некоего предмета зависит не от его сущности, а от оценки людей, даже если эта оценка неразумна. Так, в Индиях пшеница дороже, чем в Испании, потому что люди ценят ее выше, хотя природа пшеницы одинакова в обоих местах». При рассмотрении справедливой цены блага, добавляет Коваррубиас, мы должны рассматривать не первоначальные затраты на его и не связанные с ним трудовые издержки, а лишь его общепринятую рыночную цену. Цены падают, когда покупателей мало, а товаров много, и наоборот.

Следует отметить (как будет дополнительно сказано ниже), что Коваррубиас, которого считают одним из величайших тогдашних специалистов по римскому праву, оказал значительное влияние на знаменитого голландского протестантского правоведа XVII в. Гуго Гроция. Экономические сочинения Коваррубиаса пользовались особым авторитетом в Италии, где на них продолжали ссылаться и в более позднее время благодаря работе знаменитого аббата Фердинандо Галиани, написанной в 1750 г.

Другой важный вклад в теорию полезности сделал не столь знаменитый современник Коваррубиаса — Луис Саравия-де-ла-Калье-Вероньесе. Саравия был одним из нескольких авторитетных авторов справочников по нравственной теологии, в которых брались учения великих теологов и в тезисном виде излагались для духовников и их духовных чад. В сочинении «Наставление купцам» («Instrucción de mercades», Медина-дель-Кампо, 1554) Саравия подверг критике всевозможные теории ценности, основанные на издержках производства, настаивая на том, что лишь полезность и рыночный спрос, взаимодействуя со скудостью предложения, определяют общепринятую рыночную цену — а следовательно, и справедливую цену. Саравия критиковал представления, связанные с издержками производства, четко, убедительно и весьма жестко:

...справедливая цена возникает вследствие изобилия или скудости благ, купцов и денег, как и было сказано, а не вследствие издержек, труда и риска. Если бы нам приходилось рассматривать труд и риск с целью определения справедливой цены, ни один купец никогда не понес бы убытков, а изобилие или скудость благ и денег данного вопроса не касались бы.

Работа Саравии, помимо того что на нее многократно ссылались более поздние испанские авторы, пользовалась авторитетом и в Италии, где ее перевели в 1561 г. Итальянец А. М. Венусти стал учеником Саравии и опубликовал аналогичный трактат.

Следующим важным саламанкским экономистом был колоритный доминиканец Томас де Меркадо (ум. в 1585 г.). Его труд «Сделки и контракты применительно к некоторым купцам и торговцам» («Tratos y contratos de mercaderes y tratantes discidos y determinados», Саламанка, 1569) был следующим по важности, после работы Саравии, справочником по нравственной теологии. Родившись в Севилье, Меркадо вырос в Мексике, где вступил в орден доминиканцев. Оттуда он вернулся в Саламанку и Севилью. Руководство Меркадо опиралось на его глубокое знание деловой практики, которое он приобрел в своих путешествиях, а написано оно было лаконично и даже с иронией.

Меркадо был глубоким теоретиком денежного обращения (хотя иногда и заблуждался). Применяя к деньгам анализ полезности, Меркадо вплотную подошел к маржиналистскому анализу, указав, что покупательная способность выше всего там, где деньги более всего редки и поэтому высоко «почитаемы». Иными словами, Меркадо смутно осознавал, что спрос на деньги является неким графиком, который идет вниз по мере роста предложения денег, и что ценность, или покупательная способность, денег определяется взаимодействием соответствующих спроса и предложения. Например, Меркадо писал:

...деньги гораздо менее почитаемы в Индиях [где их добывают], чем в Испании... Следующее после Индий место, в котором деньги менее всего почитаемы, — это Севилья, тот город, который принимает в себя все благие вещи из Нового Света, а после Севильи следуют остальные части Испании. Деньги высоко ценятся во Фландрии, Риме, Германии и Англии. Это суждение и оценка обуславливаются в первую очередь избытком или скудостью указанных металлов. Поскольку их находят и добывают в Америке, там почтение к ним невелико.

Неудивительно, что Меркадо, в отличие от де Сото, возражал против признания незаконности валютного обмена на внутреннем рынке Испании. С другой стороны, он хотя и провел глубокий анализ ценности денег, заблуждался настолько, что поддерживал признание незаконности экспорта металлов. Но не будет ли «почтение» к оставшимся металлам более высоким? И не будет ли тем самым сдерживаться и сходить на нет отток металлов вовне?

В 1570-х гг. в Валенсии появилась сопутствующая группа теологов-экономистов, которые за основу взяли свои познания, приобретенные в Саламанке. Важнейшим из них был Франсиско Гарсия, который в «Полезнейшем и наиболее общем трактате обо всех сделках» («Tratado utilismo y muy general de todos los contractos», Valencia, 1583) обобщил и развил теорию ценности на основе субъективной полезности. Заметно преуспев в дискуссиях о полезности, Гарсия указывал, что полезность или ценность вещи может быть разной, поскольку одно благо может иметь множество применений и служить большему числу целей, чем другое, и/или может выполнять конкретную работу более эффективно, чем другое.

Гарсия также отмечал, что ценность и цена блага, помимо полезности, определяется его относительным изобилием или скудостью. И здесь Гарсия также вплотную подошел к открытию заключительного, недостающего маржиналистского элемента теории полезности, но не переступил эту грань:

Например, мы уже сказали, что хлеб ценнее, чем мясо, потому что он более необходим для поддержания жизни человека. Но может настать время, когда хлеб в таком изобилии, а мясо в такой скудости, что хлеб дешевле мяса.

Далее Гарсия конкретизирует другие детерминанты ценности, включая число покупателей и продавцов, а также стремление покупать и продавать (т.е. интенсивность потребности покупать или придерживать продукт): «...стремятся ли поставщики продавать свои блага и являются ли покупатели желанными и осаждаемыми <продавцами. — *Перев.*>». Затем он переходит к тому, что встраивает деньги в теорию ценности, причем еще одна детерминанта цен состоит в том «скудны ли или обильны деньги».

В области теории денег Гарсия продолжал и развивал направление Аспилькуэты, Коваррубиаса и Меркадо. В обеих Индиях, где золото и серебро обильны, металлическая монета «не столь высоко почитается», как в Испании, где золота и серебра меньше. Он в своем всестороннем обсуждении аналогичным образом указывает, что в случае изобилия денег в любой конкретной стране почтение к ним, или их ценность, будет низким, в то время как в случае скудости денег они ценятся гораздо выше. Другими словами, как указывает Гарсия, эти степени почтения, или спроса, могут различаться как в пространстве, так и во времени.

Этот сравнительный анализ изменений ценности денег во времени и в пространстве был важным успехом в области теории денег. Но не только: Гарсия впервые положил в основу «макроэкономического» анализа глубокое «микроэкономическое» соображение. Оно состоит в том, что очень богатый человек (человек с обильным «личным денежным предложением») обычно будет ценить каждую единицу средства обращения меньше, чем в то время, когда он был беден, или чем какой-то еще бедный человек. Здесь Гарсия улавливает, хотя лишь в общих чертах, представление об убывающей предельной полезности денег. По крайней мере в данной области дело не ограничилось всего лишь приближением к маржинализму, а он действительно был достигнут.

Наконец, Гарсия добился наибольшей для своего времени целостности теории ценности денег, основанной на полезности. Согласно этой теории ценность денег на рынке определяется имеющимся предложением денег, интенсивностью спроса на деньги и безопасностью самих денег (названною более поздними экономистами «качеством» денег с точки зрения участников рынка).

4.6. ПОЗДНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ САЛАМАНКСКОЙ ШКОЛЫ

Саламанкская школа, основанная Франциско де Витория в 1520-х гг., достигла своего заключительного расцвета в конце XVI в. Одним из светочей той эпохи был доминиканец Доминго де Баньес де Мондрагон (1527—1604), профессор теологии в Саламанкском университете, а также друг и духовник знаменитого мистика св. Терезы Авилейской. Де Банес получил известность знаменитым спором со своим выдающимся коллегой, иезуитом Луисом де Молиной, по принципиальному вопросу предопределения и свободы воли. Де Банес занимал доминиканскую позицию, которая имела «кальвинистский» и детерминистский уклон: спасение происходит исключительно по действию благодати, будучи извечно предписано по непостижимым соображениям самого Бога. Молина отстаивал иезуитский взгляд, который признает свободу воли каждого человека на пути спасения. Согласно последнему взгляду, добровольный выбор человека необходим для того, чтобы сделать действительной благодать Божию, которую ему остается принять. Один историк резюмирует взгляд Молины на свободу воли следующими окрыляющими словами: «Нам присуща свобода выбора, присуща столь бесспорно, что, при помощи даров Божиих, в наших силах избежать смертных грехов и получить жизнь вечную. Свобода принадлежит сынам Божиим»¹.

В ходе систематичного обсуждения денег, их ценности и обмена валюты де Баньес в сочинении «О справедливости и праве» («De Justitia et Jure», 1594) представил убедительное объяснение теории валютных операций, основанной на паритете покупательной способности, — той теории, которая ранее, со времен де Сото и Аспилькуэты, стала магистральным направлением схоластической мысли.

Последний примечательный экономический мыслитель саламанкской школы — знаменитый теолог Луис де Молина (1535—1601). Главенство Молины среди испанских схоластиков было одной из наглядных иллюстраций того, что факел теологической и естественно-правовой мысли перешел от доминиканцев к недавно возникшему воинственному ордену иезуитов. К концу XVI в. влияние этого ордена проникло во все уголки Испании.

Будучи представителем саламанкской школы до мозга костей, Молина, однако, недолго учился и никогда в действительности не преподавал в Саламанкском университете. Родившись в Куэнке в дворянской семье, Молина на недолгое время отправился в Саламанку, а оттуда — в Университет Алькалы, откуда, вступив в недавно созданный орден иезуитов, был отправлен в Португалию, в Университет Коимбры, поскольку орден иезуитов еще не был полностью организован в Кастилии. В Португалии Молине предстояло остаться на 29 лет в качестве студента и преподавателя. После Коимбры Молина, обыкновенно носивший потрепанную одежду, на протяжении 20 лет преподавал теологию и гражданское право в Уни-

верситете Эворы. После отставки вернувшись в Куэнку, просвещенный и умудренный жизнью Молина опубликовал свой объемный шеститомный *magnum opus*, озаглавленный «De Justitia et Jure». Первые три тома были опубликованы в 1593, 1597 и 1600 гг., оставшиеся тома вышли посмертно.

Луис де Молина был убежденным либералом в экономике. Он представил всесторонний анализ (в духе саламанкской школы) спроса и предложения, а также того, как они определяют цену. Справедливая цена, конечно, это общепринятая рыночная цена. Одно важное добавление Молины по сравнению с его предшественниками состояло в указании на то, что товары, поставляемые в розницу в малых количествах, будут продаваться по более высокой цене за единицу, чем при оптовых продажах, прежде чем товары попадают розничному торговцу. Этот довод также служил дополнительным обоснованием существования розничного торговца, которого подвергали многочисленным нападкам.

Но в экономической теории Молина был, главным образом, теоретиком денег. В этой области он одобрил и развил теорию валютных <вексельных> курсов на основе паритета покупательной способности и саламанкский анализ ценности денег, поддерживав, и даже открыто, труд своего теологического оппонента Доминго де Баньеса. Проведенный Молиной анализ того, как определяется и меняется ценность денег, был для своего времени наиболее утонченным: в нем явным образом использовались оговорки «при прочих равных условиях». Кроме того, в нем изучались детерминанты спроса на деньги.

Вот что Молина писал о причинах изменения цен, и в особенности испанской инфляции XVI в.:

Обилие товаров заставляет цены падать (при равном количестве денег и равном числе купцов), и точно так же обилие денег заставляет их расти (при равном количестве денег и равном числе купцов). Причина состоит в том, что деньги сами по себе становятся менее ценными для цели покупки и сопоставления товаров. Так, мы видим, что в Испании ввиду изобилия денег их покупательная способность гораздо ниже, чем 80 лет назад. Та вещь, которую можно было купить за два дуката в то время, сегодня стоит 6, 7 и даже более. Зарплаты поднялись в той же пропорции, и точно так же размеры приданого, цены на недвижимость, доход от бенефиций⁽¹⁾ и другие вещи.

После обычного для испанских схоластиков анализа того, как изобилие денег вызывает падение их ценности прежде всего в Новом Свете, затем в Севилье и в Испании, Молина отмечает важность спроса на деньги: «Везде, где спрос на деньги наибольший, будь то в силу покупки или перевозки товаров, участия в ином бизнесе, ведения войны, содержания королевского двора или иной другой причины, там их ценность будет наивысшей».

Неудивительно, что как либерал в экономике Молина жестко критиковал всякую регламентацию валютных курсов правительством. Цен-

ность одной валюты, исчисленная в другой валюте, всегда меняется в ответ на силы спроса и предложения, а поэтому пристойно и справедливо то, что валютные курсы колеблются соответствующим образом. Молина затем указывает на то, что фиксированные валютные курсы создадут нехватку денег. Однако он не вдается в подробности.

Кроме того, Молина резко критиковал большинство мер государственного регулирования цен, особенно установление потолка цен на сельскохозяйственные товары.

По вопросу о ростовщичестве Молина (хотя все же не доходя, как Конрад Зумменгарт веком ранее, до радикального признания процента) предпринял важные шаги, расширив допустимые пределы взимания процента. Он подкрепил своим огромным авторитетом совершенно новую аргументацию Хуана де Медины в пользу взимания процента за принятие кредитором риска. Более того, он расширил те границы, в которых Медина использовал аргументацию на базе риска. И не только: Молина чрезвычайно расширил пространство упущенной выгоды (*lucrum cessans*) и основательно укрепил допустимость соответствующего права на взимание процента в качестве общего принципа, пронизывающего рыночную экономику. Одним из немногих оставшихся ограничений является намерение: кредит не допустим, если ранее заемщик не собирался инвестировать ссудные средства.

Луис де Молина также сыграл важную роль в возрождении теории активных естественных прав и прав частной собственности, которая с начала XVI в. пребывала в упадке. Гуманисты и протестанты, как мы увидим ниже, мало использовали концепцию естественных прав, в то время как Витория и доминиканцы скатились к детерминистскому, пассивному, или выхолощенному, взгляду на права. Лишь Лувенский⁽²⁾ университет в Бельгии начал выступать как центр мысли, основанной на свободе воли, и где пребывала идея абсолютности естественных личных прав и прав собственности. Йоханес Дридо, теолог из Лувена, акцентировал внимание на свободе воли (в сочинении «О согласии» («*De Concordia*», 1537)) и активных естественных правах («О христианской свободе» («*De Libertate Christiana*», 1548)).

К 1580-м гг. недавно созданный орден иезуитов начал разворачивать свои нападки на доминиканцев, которых они подозревали в тайном кальвинизме. И тот факт, что ранее, в том же XVI в., многие доминиканцы обратились в кальвинизм, лишь усиливал эти подозрения. В процессе отстаивания свободы воли перед лицом де Баньеса и доминиканцев Молина также вернулся к точке зрения о наличии активных естественных прав, которой прежде в течение долгого времени продолжали придерживаться лишь в Лувене. Критикуя пассивную «притязательную» теорию прав, Молина очень четко провел различие:

Когда мы говорим, что некто имеет *ius* (право) на что-нибудь, мы имеем в виду не то, что нечто дано ему в долг, но что он имеет правомочие

(faculty) распоряжаться этим предметом, а противодействие этому правомочию нанесет ему ущерб. Именно таким образом мы говорим, что некто имеет *ius* использовать свои собственные вещи (например, потреблять принадлежащую ему пищу). То есть созданием препятствий ему будут причинены ущерб и несправедливость. Тем же образом, каким нищий имеет *ius* просить подаяние, купец имеет *ius* продавать свои товары, и т.д.

Отметим, что проникательный Молина *не говорит*, что нищий имеет право получать подаяние. С точки зрения Молины, как и с точки зрения всех теоретиков активных прав собственности, «право» было не притязанием на собственность других лиц, а, напротив, четко определенным правом использовать свою собственность в отсутствие притязаний, предъявляемых на нее другими лицами.

Именно Молине принадлежит заслуга обнаружения увязки, как теологической, так и философской, этой активной теории естественных прав с его либеральной приверженностью свободе и доброй воле каждого человека. Профессор Ричард Так кратко излагает эту увязку идей такими воодушевляющими словами: теория Молины была «теорией, которая включала изображение человека в виде свободного и независимого существа, принимающего свои собственные решения и отвечающего за них по вопросам своего благополучия — как физического, так и духовного»².

Саламанкская школа началась с выдающегося правоведа де Витории и поэтому неслучайно, что последний крупный представитель саламанкской школы также должен был оказаться еще одним прославленным правоведом — и, возможно, самым знаменитым мыслителем в истории ордена иезуитов. Это был Франсиско Суарес (1548—1617). Последний из великих томистов, этот прославленный теолог родился в Гранаде в древней дворянской семье. Поступив в Саламанкский университет, Суарес в 1564 г. подал прошение принять его в орден иезуитов и был в том году единственным соискателем среди 50 кандидатов, которого отвергли, — как ментально и физически не соответствующего требованиям. Допущенный в итоге на одну из низших ступеней иерархии, Суарес практически не успевал осваивать учебный материал. Иронически его называли «бессловесным волком» — подобно Фоме Аквинскому в прежние времена⁽³⁾. Вскоре, однако, неприметный и скромный Суарес стал лучшим учеником, а еще немного спустя сами профессора теологии просили у него совета.

В 1571 г. Суарес стал профессором философии в Сеговии, затем он преподавал теологию в Авиле и Вальядолиде. Суарес вскоре сумел получить знаменитую профессорскую кафедру теологии в Иезуитском колледже в Риме. Оттуда, из-за слабого здоровья, Суарес вернулся в Испанию, преподавал в Алькале, где на него практиче-

ски не обращали внимания, а затем в Саламанку, где, как и в Алькале, он проигрывал научные диспуты второсортным соперникам. В 1593 г. император настоял на том, чтобы Суарес занял главную кафедру теологии в Коимбре, где в 1612 г. он опубликовал свой капитальный труд «О законах и Боге-законодателе» («De Legibus ac de Deo Legislatore»).

При жизни Франсиско Суарес так и не получил заслуженной оценки. Из-за неброской, медлительной манеры чтения лекций он уступил научную влияние более привлекательным внешне, хотя и второсортным соперникам. Возможно, самая большая несправедливость, свалившаяся на него, состояла в том, что в 1597 г., в возрасте 49 лет, этот блестящий и глубоко эрудированный правовед и теолог — возможно, величайший ум в истории ордена иезуитов — был вынужден на год покинуть Университет Коимбры, чтобы получить докторскую степень по теологии в Эворе. «Неостепененность» в XVI веке!³

Хотя по чисто экономическим вопросам вклад Суареса невелик, он значительно повысил авторитет заново открытого Лувеном и Молиной представления о частной собственности, основанного на активных естественных правах, и закрепил огромное воздействие молинистской теории свободы воли. Кроме того, Суаресу, если сравнивать с Молиной или другими его предшественниками, было свойственно гораздо более узкое представление о границах правомерной власти короля. Для Суареса власть правителя никоим образом не является божественным установлением, поскольку государственная власть по природному и божественному закону возлагается исключительно на народ как целое. Эта общность как целое передает государственную власть королю или иной группе правителей. И хотя Суарес считал, что природный закон требует *некоторой* разновидности государства, верховная власть любого конкретного государства «должна по необходимости возлагаться на ее носителя общественным соглашением».

Из теории Суареса, конечно же, вытекали поистине радикальные следствия. Ибо если народ или общество передает политическую власть королю или группе правителей, разве нельзя забрать эту власть обратно? Здесь Суарес проявил нерешительность: он явно не был готов пройти до конца весь путь к подлинно радикальной или революционной точке зрения. Нет, непоследовательно заявил он, когда верховная власть передается народом королю, она передается навечно. Народ не может ее отозвать. Но затем Суарес меняет подход еще раз, принимая традиционную томистскую доктрину о праве народа сопротивляться тиранам. Если тот или иной король переходит к тирании, то народ может восстать и воспротивиться — и даже убить короля. Но Суарес, подобно его предшественникам, обнес это полновесное право на тираноубийство частоколом ограничений. В частности, тирания должна быть явной, причем отдельная личность сама по себе восстать и убить коро-

ля не может. Этот акт каким-то образом должен быть предписан ему народом или обществом, действующим как целое.

4.7. УЧЕНЫЙ «ЭКСТРЕМИСТ» ХУАН ДЕ МАРИАНА

Одним из последних испанских схоластиков был иезуит, не связанный с Саламанкой. Речь идет об «экстремистском» современнике Молины и Суареса Хуане де Мариане (1536—1624). Мариана родился вблизи Толедо в бедной и незнатной семье. Он поступил в знаменитый Университет Алькалы в 1553 г., отличился в учебе и годом позже был принят в недавно созданное Общество Иисуса. Завершив обучение в Алькале, в 1561 г. Мариана отправился преподавать философию и теологию в Иезуитском колледже в Риме, а спустя четыре года перебрался на Сицилию, чтобы организовать преподавание теологии в тамошнем колледже иезуитов. В 1569 г. Мариана перебрался преподавать теологию в знаменитом Парижском университете, будучи исключительно молод: ему было лишь 33 года. Спустя четыре года слабое здоровье заставило его уйти в отставку и переехать в Толедо. Слабое здоровье, однако, далеко не всегда означает недолгую жизнь, и Мариана достиг возраста 88 лет, весьма почтенного по тем временам.

К счастью, в «отставке» Мариана был деятельным, а его огромная ученость и эрудиция привлекали большое число людей, искавших его совета и руководства, — от простых граждан до светских правителей и иерархов церкви. Ему удалось оставить след публикацией двух знаменитых книг. Одна из них — история Испании, первоначально написанная на латыни, а затем — на испанском, которая выходила в многочисленных многотомных изданиях на обоих языках. Латинский вариант в итоге был опубликован в 11 томах, а испанский — в 30, причем последний долгое время считался классическим произведением испанской литературы, а выходил он многочисленными изданиями вплоть до середины XIX в.

Другая примечательная работа Марианы, «О королевском сане» («De Rege»), была опубликована в 1599 г. Ее предложил написать испанский король Филипп II, посвящалась она его преемнику Филиппу III. Но монархии сильно досталось от бескомпромиссного Марианы. Горячий противник абсолютизма, набравшего силу в Европе, и доктрины таких, как английский король Яков I, согласно которой власть королей по божественному праву неограниченна, Мариана преобразовал схоластическую доктрину тирании: она из абстрактного понятия стала оружием, поражающим реальных монархов прошлого. Таких древних правителей, как Кир Великий, Александр Македонский и Юлий Цезарь, он осудил как тиранов, приобретших власть несправедливо и разбойно. Предшествующие схоластики, включая Суареса, считали, что народ задним чи-

слов мог утвердить своим согласием такую несправедливую узурпацию и сделать тем самым их правление легитимным. Но Мариана не спешил признать согласие народа. В отличие от других схоластиков, которые видели «обладателя» власти в короле, он подчеркивал, что народ имеет право отозвать свои властные полномочия, если король будет злоупотреблять ими. В самом деле, Мариана считал, что в процессе передачи первоначальных властных полномочий из их естественного состояния королю народ с необходимостью оставлял за собой важные права. Помимо права отозвать верховную власть, за ним оставались такие жизненно важные полномочия, как налогообложение, право налагать вето на законы и право определять преемственность, если у короля нет наследников. Уже должно быть ясно, что именно Мариану, а не Суареса, можно назвать прародителем теории Джона Локка о народном согласии и непрерывном верховенстве народа над правительством. Можно добавить, что Мариана опередил Локка и в другом отношении, считая, что люди выходят из природного состояния, дабы создать правительства с целью сохранения своих прав частной собственности. Мариана, кроме того, намного обошел Суареса, постулируя природное состояние — существование общества до учреждения правительства.

Но самая удивительная черта «экстремизма» политической теории Марианы — его творческое нововведение в схоластическую теорию тираноубийства. То, что тиран может быть по справедливости убит народом, и ранее долгое время было обычным учением. Но Мариана значительно расширил его в двух важных направлениях. Во-первых, он использовал более широкое определение тирании: тиран — всякий правитель, который попирает религиозные законы, вводит налоги без согласия народа и мешает созыву демократически избранного парламента. Все иные схоластики, напротив, ранее считали, что право вводить налоги имеет только правитель. Что еще более примечательно, по мнению Марианы, *любой* отдельно взятый гражданин может по справедливости убить тирана, причем с использованием любых необходимых средств. Такое убийство не требовало какого-либо общенародного решения. Конечно, Мариана не думал, что человек должен с легкостью ввязываться в политическое убийство. Во-первых, он должен попытаться собрать народ для принятия этого принципиального решения. Но если это невозможно, он должен, по крайней мере, посоветоваться со «всесторонне образованными и серьезными людьми», *за исключением тех случаев*, когда народное недовольство тираном проявляется настолько явно, что такой совет становится ненужным.

Помимо того, Мариана добавил (причем формулировки предвосхищают обоснование Локком и Декларацией независимости права на восстание), что нам не нужно беспокоиться насчет существенного нарушения общественного порядка из-за того, что слишком многие люди начнут заниматься тираноубийством. Ибо это опасное занятие, разумно указывал Мариана, и очень немногие вообще готовы рискнуть своей жизнью

таким способом. Напротив, *большинство* тиранов умерли не от насилия, а тираноубийцы почти всегда воспринимались простонародьем как герои. Он заключал, в противовес обычным возражениям против тираноубийства, что правителям было бы полезно бояться народа и осознавать, что переход к тирании может заставить народ призвать их к ответу за их преступления.

Мариана оставил нам красноречивое описание типичного тирана в его губительной деятельности:

Он захватывает собственность частных лиц и проматывает ее, возбуждаемый свойственными ему, но не подобающими королю пороками похоти, алчности, жестокости и расхитительства... Тираны и в самом деле пытаются ущемить и разорить каждого, но особенно они направляют свою агрессию против богатых и честных людей по всему королевству. Они считают добро более подозрительным, чем зло; а добродетель, которой у них нет, страшит их больше всего.. Они изгоняют из государства лучших людей, следуя тому принципу, что все высокое необходимо унижить... Они изнуряют всех прочих, так что те не могут объединиться, ежедневным введением новых податей, разжиганием ссор среди граждан и преумножением числа войн. Они возводят колоссальные сооружения за счет средств и страданий граждан. Вот откуда взялись пирамиды Египта... Тиран неизбежно боится, что те, кого он устрашает и держит за рабов, попытаются свергнуть его... Таким образом, он запрещает гражданам собираться вместе, созывать ассамблеи и обсуждать совместно общее благо, отнимая у них методами тайной полиции возможность свободно говорить и безбоязненно слушать, так что им даже не позволено беспрепятственно подавать жалобы...

Этот «всесторонне образованный и серьезный человек», Хуан де Мариана, не оставляет сомнений, что он думал про самое недавнее знаменитое тираноубийство — французского короля Генриха III. В 1588 г. Генрих III был готов назвать своим преемником Генриха Наваррского — кальвиниста, который правил бы яростно католической страной. Столкнувшись с восстанием католической знати, возглавленным герцогом де Гизом и поддержанным убежденными католиками Парижа, Генрих III пригласил герцога и его брата кардинала в свой лагерь для мирных переговоров, а затем эти двое были убиты. В свою очередь, Генрих III был убит в следующем году, в преддверии покорения Парижа, Жаком Клеманом — молодым доминиканцем и членом Католической лиги. С точки зрения Марианы, «кровь была смыта кровью», а герцог де Гиз был «отмыт кровью короля». «Вот так принял кончину Клеман, — заключает Мариана, — неувядаемая краса Франции». Это убийство ранее подобным образом приветствовали папа Сикст V и яростно католические парижские проповедники.

Понятно, что французские власти были обеспокоены теориями Марианы и его книгой «О королевском сане». Наконец в 1610 г. Генриха IV (бывшего Генриха Наваррского, который ранее обратился из кальви-

низма в католичество, чтобы стать королем Франции) убил католик Равальяк, который презирал навязанные королем религиозный центризм и государственный абсолютизм. В этот момент Франция взорвалась диким выплеском негодования на Мариану, а городской совет Парижа постановил, что книга «О королевском сане» подлежит принародному сожжению палачом. Прежде чем Равальяк был казнен, его тщательно расспросили о том, привело ли его к убийству чтение Марианы, но он заявил, что даже не слышал о нем. В то время как король Испании отказался внять французским призывам запретить это подрывное произведение, генерал ордена иезуитов выпустил приказание по обществу, запрещающее его членам учить, что убивать тиранов — дело законное. Эта сервильность, однако, не помешала провести во Франции против ордена иезуитов кампанию очернения и не предотвратила потерю им политического и теологического влияния.

Хуан де Мариана — одна из самых неотразимых индивидуально-стей в истории политической и экономической мысли. Честный, решительный и бесстрашный, Мариана почти всю свою долгую жизнь провел в тревогах, даже из-за своих экономических сочинений. Обратив внимание на теорию и практику денежного обращения, Мариана в небольшом трактате «О перемене монеты» («De Monetae Mutatione», 1609) обвинил своего государя, Филиппа III, в ограблении народа и подрыве коммерции посредством порчи медной монеты. Он указал на то, что эта порча также усугубила хроническую инфляцию цен в Испании за счет увеличения количества денег в стране. Ранее Филипп обнулil свой долг перед обществом, снизив ценность медной монеты на две трети, т.е. утроив предложение медных денег.

Мариана указывал, что порча монеты и государственные манипуляции рыночной ценностью денег могут вызвать лишь серьезные экономические проблемы:

Лишь глупец попытается разделить между собой эти ценности таким образом, чтобы установленная законом цена отличалась от естественной. Глуп — нет, зол — тот правитель, который приказывает, чтобы вещь, ценимая простым народом, допустим, в пять, продавалась за десять. Люди руководствуются в данном вопросе общепринятой оценкой, основанной на соображениях качества вещей, а также их изобилия или скудости. Напрасно для Государя пытаться подорвать эти принципы коммерции. Лучше всего оставить их нетронутыми, а не силой нападать на них с ущербом для общества.

Мариана начинает свое сочинение с подкупающего своей искренностью объяснения причин написания этой книги, которое заставляет вспомнить жившего спустя два с половиной века знаменитого шведского экономиста Кнута Векселля. Он знает, что его критика короля навлекает большое общественное недовольство, но каждый ныне стонет под тяготами, происходящими от порчи монеты, и все же никто не имел смелости публично критиковать действия короля. По этой причине справедливость требует, что-

бы, как минимум, один человек, Мариана, выразил общее недовольство публично. Когда страх и подкуп, соединившись, сговариваются принудить критиков к молчанию, в стране должен быть, как минимум, один человек, который знает истину и обладает смелостью указать ее всем и каждому.

Затем Мариана переходит к демонстрации того, что порча монеты — крайне тяжелый скрытый налог на частную собственность его подданных, и что, при всем уважении к его политической теории, ни один король не имеет права вводить налоги без согласия народа. Поскольку политическая власть берет начало от народа, король не располагает правами распоряжаться частной собственностью своих подданных и никак не может присваивать их богатство по собственному усмотрению. Мариана напоминает про папскую буллу «За трапезой Господней» («Coena Domini», <1363>), которая предписала отлучать от церкви любого правителя, который вводит новые налоги. Мариана приходит к выводу, что любой король, который практикует порчу монеты, должен понести такое же наказание, причем применительно к любой законодательно утвержденной монополии, вводимой государством без согласия народа. При монополиях такого рода само государство (или некто, получивший на это право) способен продавать некий продукт широкой публике по цене, превышающей рыночную стоимость, а это, конечно же, не что-нибудь, а налог⁴.

Затем Мариана излагает историю порчи монеты и ее неблагоприятные последствия. Он указывает, что правительства должны поддерживать всевозможные стандарты мер и весов, и не только для денег, причем их участие в нарушении упомянутых стандартов наиболее предосудительное. Например, Кастилия ранее поменяла меры объема для масла и вина, чтобы ввести скрытый налог. Это привело к огромной путанице и народным волнениям.

121 Книга Марианы с резкой критикой проведенной королем порчи монеты побудила монарха отправить престарелого (73-летнего) ученого в заключение, обвинив его в особо тяжком преступлении — оскорблении величества (*lese-majeste*). Судьи признали Мариану виновным в этом преступлении против короля, но папа отказался его наказывать, и Мариану в итоге через четыре месяца выпустили из заключения с условием, что он удалит из своего сочинения оскорбительные отрывки и будет более аккуратным в будущем.

Однако король Филипп и его ближайшее окружение не оставили судьбу книги на волю будущего пересмотра убеждений самого Марианы. Король приказал своим чиновникам купить все опубликованные экземпляры «О перемене монеты», которые им удастся найти, и уничтожить их. И не только: после смерти Марианы испанская инквизиция подвергла цензуре оставшиеся экземпляры, удалила многие предложения и вымарала целые страницы чернилами. Все экземпляры без купюр были внесены в испанский «Индекс запрещенных книг» и были запрещены цензурой на протяжении XVII в. В результате описанной дикой цензурной кампании существование латинского варианта этой важной бро-

шюры оставалось неизвестным на протяжении 250 лет. Оно было вновь обнаружено лишь потому, что испанский вариант включили в сборник испанских классических сочинений, относящихся к XIX в. В итоге сохранилось лишь несколько полных экземпляров брошюры, причем на территории США находится лишь один из них — в Бостонской публичной библиотеке.

Достопочтенному Мариане явно не хватало неприятностей: после того как его заключил в тюрьму король, власти конфисковали его заметки и статьи, и там обнаружилась рукопись, резко критикующая тогдашнее руководство Общества Иисуса. Будучи независимой личностью, не боящейся думать самостоятельно, Мариана явно невысоко ценил иезуитский идеал своего ордена как организации военного образца со строгой дисциплиной. В своей брошюре «Слово о недугах Общества» («Discurso de las Enfermedades de la Compania») Молина подверг орден иезуитов сокрушительной критике сверху донизу, от системы руководства до подготовки послушников (новициев), и рассудил, что его вышестоящее руководство не годится для выполнения своей роли. Прежде всего, Мариана критиковал иерархию военного образца: генерал, заключил он, имеет слишком много власти, а провинциалы и прочие иезуиты — слишком мало. Иезуиты, утверждал он, должны, как минимум, иметь право выражать свое мнение в процессе подбора непосредственного начальства.

Когда генерал ордена иезуитов Клавдий Аквавива обнаружил, что экземпляры сочинения Марианы циркулируют в своеобразном подпольном самиздате, как внутри, так и за пределами ордена, он приказал Мариане принести извинения за недостойный поступок. Дерзкий и принципиальный Мариана, однако, отказался, и Аквавива не стал настаивать. Как только Мариана скончался, легион врагов ордена иезуитов опубликовали его труд одновременно на французском, латинском и итальянском языках. Как и во всякой бюрократической организации, внимание иезуитов и тогда, и после того было больше занято скандалом и нежеланием выносить сор из избы, а не содействием свободе исследования, самокритикой и не исправлением тех пороков, которые, возможно, раскрыл Мариана.

В итоге ни орден иезуитов не изгнал своего знаменитого члена, ни тот не покинул орден. И все же на протяжении всей своей жизни он считался дерзким смутьяном, не желающим прогибаться перед приказами и давлением среды. Отец Антонио Астраи в своей истории ордена иезуитов отмечает, что «прежде всего мы должны помнить, что его [Марианы] характер был очень жестким и непокорным»⁵. Что касается его личности, подобно святым итальянским францисканцам XV в. Бернардину и Антонину, Мариана был аскетичен и строг к себе. Он никогда не посещал театра и считал, что священникам и монахам совершенно не подобает, выслушивая актеров, унижать свой священный статус. Он также порицал популярное среди испанцев за-

нятие корридой, явно не рассчитывая заработать популярность себе. Мариана часто меланхолически подчеркивал, что жизнь коротка, не надежна и полна скорбей. И все же, несмотря на свою строгость, отец Хуан де Мариана обладал блистательным, почти как у Менкена, остроумием⁽⁴⁾. Вот, например, его афоризм о браке: «Кто-то мудро сказал, что первый и последний день брака желанны, а все остальные ужасны».

Но, вероятно, его наиболее остроумное замечание касалось корриды. Его резкая критика этого занятия была встречена возражением, что некоторые теологи ранее отстаивали допустимость корриды. Порицая теологов, которые обеляли прегрешения, придумывая для них оправдания, дабы угодить толпе, Мариана, на три с половиной века предвосхитив знаменитое замечание Людвиг фон Мизеса об экономистах, выдал очень похожую фразу: «...нет такой нелепицы, которую не защищал бы какой-нибудь теолог»⁽⁵⁾.

4.8. ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ САЛАМАНКСКОЙ ШКОЛЫ. ЛЕССИУС И ДЕ ЛУГО

Одним из последних знаменитых представителей саламанкской школы был иезуит, но не испанский. Леонард Лессиус (1554—1623) был фламандцем и родился недалеко от Антверпена, в Брехте. В XVI в. Антверпен стал важнейшим торгово-финансовым центром Северной Европы, центром торговли со Средиземноморьем. Родители Лессиуса первоначально хотели, чтобы он стал купцом, но он поступил в Университет Лувена и был в 1572 г. принят в орден иезуитов. На протяжении шести лет он преподавал философию в английском колледже во французском местечке Дуэ, а затем отправился в Рим на два года для обучения у Франсиско Суареса. Именно в Риме Лессиус стал представителем саламанкской школы по духу и с той поры поддерживал дружбу с Луисом де Молиной. Вернувшись во Фландрию, Лессиус занял профессорскую кафедру философии и теологии в Университете Лувена. В области теологии Лессиус поддерживал великие молинистские принципы свободы воли и оппонировал тем теологам Лувена, которые сочувствовали детерминизму. Там он вступил в конфликт с ректором Университета Лувена, тайным кальвинистом доктором Михаилом Баюсом, который ранее воспринял концепцию предопределения и спасения избранных. Лессиус, кроме того, продвигал точку зрения Суареса о том, что первоначально политическая власть была предоставлена Богом народу, и по этой причине критиковал растущую приверженность учению о божественном происхождении королевской власти, особенно в том виде, в каком его излагал английский король Яков I.

Важнейшее сочинение Лессиуса «О справедливости и праве» («De Justitia et Jure», 1605), озаглавлено аналогично трудам Молины и де Баянеса. Книга оказалась чрезвычайно авторитетной и выдержала чуть ли не 40 отдельных изданий в Антверпене, Лувене, Леоне, Париже и Венеции. Лессиус не только всеобъемлюще знал своих предшественников: он прославился своим знанием и анализом современных ему торговых приемов и контрактов, к которым он приложил моральные принципы. По таким вопросам Лессиус часто советовался с государственными мужами и церковными руководителями.

Что касается теории цены, Лессиус, подобно его предшественникам-схоластикам, считал, что справедливая цена определяется общей оценкой рынка. Законодательно фиксированная цена также могла быть справедливой ценой, но в отличие от многих других схоластиков, для которых цена, установленная законом, имела преимущественное значение, Лессиус указывал несколько случаев, когда следовало бы предпочесть рыночную цену законодательно установленной. Согласно Хуану де Медине, они были таковы: во-первых, случай, когда рыночная цена ниже; во-вторых, случай, когда «при изменении обстоятельств в виде увеличения или уменьшения предложения и подобных факторов, власти явно не торопятся изменять законодательно установленную цену...». И даже более того, даже «частное лицо» может потребовать цену выше ценового потолка, когда власти «плохо осведомлены о коммерческих обстоятельствах», а такое бывает, конечно же, на протяжении долгого времени.

Критикуя теорию цены, основанную на издержках производства, Лессиус указывал на рыночный спрос как на фактор, определяющий цены, не связанный с затратами купца:

Но если затраты купца оказались выше, такова его горькая доля, и общепринятая цена по таковой причине может и не увеличиться — и точно так же она может не уменьшиться, даже если он вообще не понес расходов. Таково положение купца. Он может получить прибыль, если понес малые расходы. И точно так же он может понести убытки, если его расходы оказались очень значительными или неподвижными.

Леонард Лессиус постиг суть всеобщей взаимосвязи рынков. Он анализировал и брал поочередно под защиту механизмы валютных <вексельных> курсов, спекуляции, а также ценность денег и цены. В частности, Лессиус был вовлечен в самый изощренный к тому времени анализ механизмов заработной платы и рынка труда. Подобно другим схоластикам, он понимал, что ставки заработной платы определяются теми же самыми принципами спроса и предложения, а поэтому и теми же самыми канонами справедливости, как и любая цена. Ставя вопрос о том, какова «минимально допустимая заработная плата» для всякого конкретного рода деятельности, Лессиус объявил, что наличие других людей, желающих выполнять данную работу при данной ставке заработной

платы, показывает, что она не слишком низкая. Иными словами, если при указанной зарплате имеется предложение труда, каким образом она может быть несправедлива?

Лессиус, кроме того, открыл и изложил понятие психологического дохода (psychic income), поступающего в добавление к денежной зарплате. Работник может получать оплату как деньгами, так и нематериальными приобретениями: «...если выполняемая работа дает положение в обществе и социальные приобретения, оплата может быть ниже, потому что общественное положение и связанные с ним преимущества составляют, так сказать, часть жалования». Лессиус также продвигал точку зрения о том, что работники нанимаются работодателем вследствие выгод, получаемых последним. Указанные выгоды можно оценить производительностью работника. Налицо, конечно, зачатки основанной на предельной производительности теории, объясняющей спрос на труд, а тем самым и зарплату, которая была изложена экономистами австрийской школы и неоклассическими экономистами в конце XIX века. И действительно, проведенный Лессиусом изощренный анализ зарплат и трудового рынка оказался утраченным для магистрального направления экономической теории до того времени, когда его заново открыли в конце XIX в.

Лессиус также подчеркивал важную роль предпринимательства в процессе установления дохода. Такое качество предпринимательской «профессии», как умение удачно соединять между собой рабочие места, встречается редко, и поэтому способный предприниматель может получать гораздо более высокий доход, чем его коллеги. Кроме того, Лессиус представил изощренный анализ денег, демонстрирующий, что ценность денег зависит от их предложения и соответствующего спроса. Большое обилие денег сделает их менее ценными для покупки товаров или иностранной валюты, а большой спрос на деньги вызовет повышение ценности денежной единицы: «Например, если великие государи срочно нуждаются в деньгах для ведения войны или других государственных целей, или если на рынок вышло большое количество благ; ибо всякий раз, когда срочно нужны деньги для насущных нужд, они тем самым выше ценятся в пересчете на товары».

Применяя моральные принципы к торговой практике, Лессиус оказал раскрепощающее воздействие на торговлю. Особенно это касается ростовщичества. В этой сфере Лессиус, внешне державшийся традиционного запрета, фактически внес весьма значительный вклад в продолжение процесса его разрушения. Лессиус представил самую решительную к тому моменту защиту гарантированного инвестиционного контракта и благодушно относился даже к высоким цифрам доходности капитала. Он также устранил все остававшиеся ограничения на *lucrum cessans*. Во-первых, в рамки этой доктрины он включил не только те конкретные займы, которые в ином случае были бы инвестированы, но и *любые* денежные средства, поскольку они суть лик-

видные активы, которые можно было бы инвестировать при всевозможных условиях. Таким образом, общий объем денежных средств, взятый в целом, можно рассматривать в качестве бесприбыльной инвестиции, и поэтому в соответствующей мере можно взимать процент по кредиту.

Вот что пишет Лессиус:

Хотя ни один конкретный кредит, рассмотренный в отдельности, не будет тому причиной, все они, рассмотренные совместно, являются причиной общей *lucrum cessans* <упущенной прибыли>. Ибо для того, чтобы щедро выдавать ссуды всем приходящим, приходится отказываться от коммерческой деятельности и сталкиваться с потерей той прибыли, которая поступила бы от этого. Таким образом, поскольку все они совместно являются указанной причиной, бремя возмещения соответствующей прибыли можно распределить на отдельные кредиты в соответствии с долей каждого из них.

Но это означало, что Леонард Лессиус оправдал не только деловых людей или инвесторов, планирующих вложить свои деньги, но и *любых* обладателей ликвидных средств, включая профессиональных ростовщиков. И вот впервые среди схоластиков *все* кредиты со стороны ростовщиков оказались оправданными. Итак, благодаря Леонарду Лессиусу последние из оставшихся барьеров на пути процента, или ростовщичество, были сокрушены. Осталась лишь пустая оболочка формального запрета.

125

Лессиус добавляет, что кредитор может взимать процент, пусть даже деньги припасены в силу страха, и даже если этот страх необоснован. Заметим, что для Лессиуса важен вопрос о реальности субъективных страхов кредитора, а не объективной обоснованности этих страхов.

Можно добавить, что Лессиус берет у Медины и Молины объяснение процента на основе принятия риска (обычную к тому времени практическую мотивировку) и значительно расширил его рамки. Всем кредитам, указывал он, свойственны риски невыплаты: «...личное право почти всегда соединяется с некоторыми трудностями и опасностями». Тщательно анализируя риск кредитора, Лессиус указывает, что больший риск (и большая плата) будет связан с предоставлением кредита лицу, неизвестному кредитору, или тому, чей кредит сомнителен.

Но это не все. Ибо Леонард Лессиус разработал свое собственное новое и мощное оружие против запрета на ростовщичество — новое «правовое основание» (*title*) или объяснение процента. Это новое обоснование — предвосхищенное лишь полузабытым Зумменгартом — именовалось *carentia pecuniae* <отсутствие денег>: процент взимался за отсутствие денег. Лессиус указывал вполне убедительно, что кредитор страдает от отсутствия денежных средств, отсутствия ликвидно-

сти, а поэтому имеет право взимать процент за этот ущерб. Иными словами, Лессиус пронизательно замечал, что каждый извлекает полезность из ликвидности — из обладания деньгами — и что лишение этой полезности является нехваткой, за которую кредитор может требовать компенсации и действительно потребует ее. Лессиус указывал, что могут возникнуть и действительно возникают неожиданности, с которыми было бы гораздо легче справиться, если бы деньги были в собственном распоряжении, а не отсутствовали какое-то время. По указанной причине, если быть кратким, можно и должно брать плату за время, «ибо не может такого быть, что купцы не ценят долгосрочное пользование выше краткосрочного». А те, кто лишен своих денег, «отсутствие своих денег в течение пяти месяцев ставят в большую сумму, чем их отсутствие в течение четырех, а их отсутствие в течение четырех месяцев ставят выше случая трех месяцев, и происходит это отчасти потому, что у них нет возможности получить эти деньги, отчасти потому, что эти деньги дольше остаются в опасности...»

Кроме того, Лессиус указывает, что векселя, или права на деньги в будущем, всегда реализуются со скидкой относительно наличности. Эта скидка является, конечно же, ставкой процента. Лессиус объясняет: «Общеизвестно, что деньги дают средства получения многих вещей, которых не дают упомянутые права. Поэтому эти права можно купить по более низкой цене». Лессиус также замечает, что купцы и менялы ежедневно определяют «цену нехватки денег» на Антверпенской бирже, в среднем составляющую около 10%; при этом вексельные рынки, значение которых для экономики переоценить невозможно, пришли бы в расстройство, если бы не взимались такие цены.

Таким образом, с точки зрения Лессиуса, цена нехватки денег устанавливается на организованных кредитных рынках. Но постольку, поскольку кредитный рынок существует, нет нужды обосновывать выдачу кредитов каждым купцом на основе альтернативных издержек или отсутствия денег в конкретном случае этого купца. Соответствующая цена, которая становится справедливой ценой, устанавливается на кредитном рынке. Вот как Лессиус излагает этот вопрос:

Более того, всякий купец, видимо, может требовать эту цену... даже если из-за выдачи кредита он не утрачивает никаких собственных выгод. Такова среди купцов справедливая цена лишения денег; ибо справедливая цена предмета или обязательства поставки какого-либо товара есть та, которая накладывается на него данным сообществом, исходя из лучших намерений, во имя общего блага и ввиду всех имеющихся обстоятельств... Поэтому, даже если из-за лишения денег на годовой срок я не утрачиваю никаких собственных выгод и не рискую капиталом, в силу того что такая цена за справедливые основания была назначена на указанное лишение, я могу требовать ее точно так же, как и все прочие.

Таким образом, используя *caentia pecuniae*, Леонард Лессиус внес вклад, завершавший разгром запрета на ростовщичество, хотя, к сожалению, по-прежнему сохранявший этот запрет с формальной точки зрения. Не удивительно, что профессор Нуан, знаменитый исследователь отношения схоластиков к ростовщичеству, считает, что Лессиус — «тот теолог, чьи взгляды на ростовщичество самым решительным образом отмечают наступление новой эпохи. Он более всякого предшественника чувствовал бы себя, вероятно, совершенно непринужденно в современном финансовом мире»⁶.

Последним представителем саламанкской школы был иезуит кардинал Хуан де Луго (1583—1660). Де Луго перенес саламанкскую школу в XVII столетие — век упадка испанского влияния в Европе. После изучения права и теологии в Саламанке де Луго отправился в Рим преподавать в знаменитом Иезуитском колледже. После 22 лет преподавания теологии в Риме де Луго стал кардиналом и вошел в состав множества влиятельных церковных органов. Его, всесторонне эрудированного теоретика, называют величайшим представителем моральной теологии со времен Фомы Аквинского. Он написал книгу по психологии и книгу по физике; его главный труд в области права и экономики — «О справедливости и праве» («*De Justitia et Jure*») увидел свет в 1642 г. Эта работа неоднократно переиздавалась на протяжении XVII—XVIII вв., а последнее издание вышло в 1893 г.

В его теории ценности, этой кульминационной работе саламанкской школы, представлено тонкое и глубокое объяснение на основе субъективной полезности. Цены товаров, указывал де Луго, неодинаковы «по причине их полезности, взятой сравнительно с человеческими нуждами, а в таком случае лишь по причине оценки; ибо драгоценные камни гораздо менее полезны, чем зерно в доме, и все же их цена гораздо выше». Здесь де Луго вновь очень близко подходит к основанному на предельной полезности объяснению ценности конца XIX в. и к разрешению парадокса ценности. Потребительная ценность зерна выше потребительной ценности драгоценных камней, но зерно дешевле. Ответ на этот парадокс состоит в том, что субъективные оценки (*estimates*), или акты определения ценности (*valuations*), отличаются от объективной потребительной ценности, в частности испытывая влияние относительной скудости предложения. И снова для завершения этого объяснения необходима лишь концепция маржинализма.

Субъективность, продолжает де Луго, означает, что «оценка» (*estimation*), или определение ценности (*valuation*), будет производиться как «безрассудными», так и «рассудительными» людьми. (Здесь нет предположений о «рациональности» или об «экономическом человеке»!) Иными словами, справедливая цена — это рыночная цена, определяемая спросом и оценками ценности со стороны потребителей; если же потребители неразумны или судят иначе, чем мы, ситуация не меняется. Рыночная цена — все равно справедливая цена.

Обсуждая различные виды деятельности купцов, де Луго добавляет к ранее сказанному представление о коммерческих расходах, базирующееся на альтернативных издержках. Ибо тот или иной купец будет продолжать поставлять тот или иной продукт, лишь если цена товара покрывает расходы купца и норму прибыли, которую он мог бы получить при других видах деятельности.

В своей теории денег кардинал де Луго следует своим коллегам: ценность или покупательная способность денег определяется добротностью металлического содержания монеты, предложением денег и спросом на них. Де Луго также излагает мысль о том, что деньги перемещаются из той области, где их ценность ниже, в область более высокой ценности.

По вопросам ростовщичества наследие де Луго неоднозначно. С одной стороны, он воздерживается от четких выводов Лессиуса и других о том, что запрет ростовщичества должен стать пустой оболочкой. По этой причине он считает неприемлемой готовность Лессиуса согласиться на выплату кредитору процентов за отсутствие денег в период действия кредита. С другой стороны, де Луго еще более расширил использование мощных орудий защиты «ростовщичества» — риска и *lucrum cessans* (упущенной прибыли). Понятие риска он толкует широко: теперь риск явным образом входит в каждый кредит. Ибо вот что он говорит с примечательной откровенностью: «Где сегодня найдешь долг, столь надежно обеспеченный, что он равняется живым деньгам по своей надежности?» Но это, конечно же, оправдывает взимание процента по каждому кредиту. Де Луго, кроме того, еще более расширил использование упущенной прибыли, ибо он позволяет кредитору включать не только вероятную упущенную прибыль от займа, но и ожидание *сомнительной* упущенной прибыли. Кроме того, взимая процент, кредитор может включать в расчет ту прибыль, которую он получил бы за счет реинвестирования упущенной прибыли по кредиту. В итоге де Луго безоговорочно утверждает, что *lucrum cessans* является «общим правовым основанием для снятия обвинений с ростовщичества».

4.9. УПАДОК СХОЛАСТИКИ

Испанию XVI в. не случайно прозвали эпохой «бабье лето» схоластики, последующий упадок которой, не только в Испании, но и по всей Европе, был быстрым. Одной из причин тому стала упрямая приверженность *внешней стороне* запрета на ростовщичество. Этот запрет показал себя малоосмысленным с точки зрения хоть природного, хоть божественного закона, и вошел он в христианскую мысль чрезвычайно поздно. И все же за него цеплялись и его усиливали с почти непрерывным и безрассудным воодушевлением. Планомерное ослабление запрета на ростовщичество отдельными представителями лучших умов христианства оказало

благотворное воздействие, позволив взимать процент, но в долгосрочном плане сопровождалось утратой доверия к самому схоластическому методу. Внешне поддерживая запрет ростовщичества как смертного греха и одновременно отыскивая все более изощренные приемы дозволения купцам, а в итоге и профессиональным ростовщикам обходить запрет, схоластики подставились под несправедливые обвинения в увертливости и лицемерии.

Убийственная критика схоластики пришла из двух весьма непохожих друг на друга, но объединивших усилия лагерей. Один из них составили набравшие силу протестантские группы (внешние критики) и тайные кальвинисты (критики изнутри), которые порицали католическую церковь за якобы наблюдаемые упадок и нравственную беспринципность. В конечном счете протестантизм в значительной мере был стремлением, отбросив сложную внешнюю атрибутику и тонко проработанное учение католической церкви, вернуться назад к будто бы имевшейся простоте и нравственной чистоте первоначального христианства. Главным объектом этой враждебности стал орден иезуитов, преданный авангард Контрреформации. Тот самый орден, который ранее принял из рук слабеющих доминиканцев факел томизма и схоластики.

Второй лагерь врагов схоластики представлял собой набравшую силу группу сторонников секуляризма и рационализма — людей, которые в принципе могли быть католиками или протестантами в личной жизни, но которые хотели избавиться от таких, как они считали, уродств современной им жизни, как использование религиозных принципов в политике или запрет ростовщичества. В итоге тайные кальвинисты атаковали иезуитов за ослабление запрета на ростовщичество, а секуляристы — за его сохранение.

Ни один из лагерей противников католицизма не был впечатлен ни блистательностью схоластических доводов, направленных на обоснование ростовщичества, ни вообще схоластическим и иезуитским занятием «казуистикой», т.е. приложением нравственных принципов, как природных, так и божественных, к конкретным вопросам повседневной жизни. Можно было бы думать, что задача казуистики должна считаться важной и даже почетной: если общие нравственные принципы существуют, то почему же их *не следует* применять в повседневной жизни? Но обеим группировкам противников быстро удалось превратить само слово «казуистика» в ругательство, для одной из них означавшее метод увиливания от строгих нравственных предписаний, для другой — метод навязывания миру устаревших и реакционных догм.

Почему же, несмотря на огромную работу Зумменгарта и других, католическая церковь продолжала придерживаться формального запрета на ростовщичество на протяжении последующих двух столетий? Вероятно, по той же самой причине, по которой церковь всегда склонна решительно утверждать, что она никогда не меняла своих учений, хотя она занимается этим. На протяжении долгого времени меняющееся со-

держание внутри неизменной внешней оболочки было характерным не только для католической церкви, но и для любого длительно существующего бюрократического института, будь это церковь или конституционные толкования Верховного суда США.

Двойственный союз против схоластики, объединивший силы вне и внутри католической церкви, затрагивал гораздо более глубокие вопросы, чем спор насчет ростовщичества. В основе католичества как религии находится представление, что приблизиться к Богу или понять Бога можно, используя все способности человека — не просто веру, а разум и чувства. Протестантизм, и особенно кальвинизм, непреклонно выводят Бога за рамки способностей человека, рассматривая, например, чувственно воспринимаемые воплощения любви человека к Богу в живописи и скульптуре как кощунственное идолопоклонство, подлежащее уничтожению, дабы расчистить путь единственному должному виду общения с Богом — чистой вере в откровение. Особое внимание томистов к разуму как средству понимания Божьего природного закона и даже проявлений божественного закона выставилось в дурном свете тем, что протестанты подчеркивали важность одной лишь веры в Божье произволение. Хотя некоторые протестанты приняли теории естественного права, в своей основе протестантизм был настроен на противостояние любым естественно-правовым попыткам вывести этику или политическую философию с использованием разума. Для протестантов человек в своей сути был слишком грешен и порочен, чтобы рассчитывать на его разум или чувства: они были всего лишь воплощением растленности; только чистая вера в Божьи самовластные заповеди, явленные миру, была допустима в качестве базовой опоры для человеческой этики. Но это означало, что у протестантов, вдобавок ко всему, почти не было естественно-правовой базы, позволяющей критиковать действия государства. Кальвинизм и даже лютеранство почти или вовсе не предоставили критических возражений против абсолютистского государства, которое на протяжении XVII в. пышно разрасталось по всей Европе и одержало в том веке полную победу.

Если протестантизм открыл дорогу для абсолютизма, то секуляристы XVI—XVII вв. распахнули ему свои объятия. Лишившись естественно-правовых критиков государства, новые секуляристы, такие как француз Жан Боден, с энтузиазмом провозгласили действующее право государства в качестве единственно возможной основы для вынесения суждений о политической жизни. Настроенные против схоластики протестанты превозносили Божье произволение в качестве основания для этики, и точно так же новые секуляристы придавали произволу государства статус неоспоримого и абсолютного «суверена».

На более глубоком уровне, при рассмотрении вопроса о том, откуда мы знаем то, что мы знаем, или «эпистемологии», томизм и схоластика страдали от весьма непохожих, но соединившихся между собой

атак поборников «разума» и «эмпиризма». В томизме разум и эмпиризм не разделены, а переплетены между собой. Истина устанавливается с помощью разума на твердом основании опытно известной реальности. Рациональное и эмпирическое были слиты воедино. Но в первой половине XVII в. два весьма непохожих философа ухитрились провести между ними то роковое разделение рационального и эмпирического, которое и до сего дня продолжает наносить огромный ущерб научному методу. Речь идет об англичанине Фрэнсисе Бэконе (1561—1626) и французе Рене Декарте (1596—1650). Декарт был поборником чисто математического и абсолютно непогрешимого «разума», отделенного от эмпирической реальности, в то время как Бэкон был защитником бесконечного и почти бездумного анализа эмпирических данных. Оба — знаменитый английский юрист, который, возвысившись, стал лордом-канцлером (лордом Веруламским), виконтом и продажным судьей⁽⁶⁾, и застенчивый странствующий французский аристократ — сходились на одной принципиально важной и пагубной идее отделения разума и мысли от эмпирических данных. В результате от Бэкона пошла английская традиция «эмпиризма», бездумно погруженная в разрозненные данные, а от Декарта — чисто дедуктивная и временами математическая традиция континентального «рационализма». Всё указанное было, конечно, атакой на природный закон, который ранее на протяжении долгого времени соединял в себе рациональное и эмпирическое.

Вследствие такого глубокого и системного изменения европейской мысли (и в тесной взаимосвязи с ним) в начале Нового времени (в XVI и особенно в XVII в.) радикально изменилось местоположение очага интеллектуальной деятельности, который покинул университеты. Теологи и философы, которые писали и размышляли об экономике, праве и других дисциплинах в периоды Средних веков и Ренессанса, были университетскими профессорами. На протяжении соответствующих столетий Париж, Болонья, Оксфорд, Саламанка, Рим и многие другие университеты были общественной средой и ареной интеллектуального производства и единоробства. И даже протестантские университеты в начале Нового времени продолжали быть центрами преподавания природного закона.

Но почти никто из крупных теоретиков и писателей XVII, а затем и XVIII в. не входил в число профессоров. Они были памфлетистами, предпринимателями, странствующими аристократами (такими как Декарт), второстепенными государственными чиновниками (такими как Джон Локк), представителями церкви (такими как епископ Джордж Беркли). Такому смещению интеллектуального центра в огромной мере способствовало изобретение книгопечатания, которое сильно удешевило публикацию книг и сочинений, создав гораздо более обширный рынок интеллектуальной продукции. Книгопечатание было изобретено в середине XV в., а к началу XVI в. впервые стало возможным зарабатывать на

жизнь, будучи независимым писателем, продающим свои книги на коммерческом рынке.

Замена университетских профессоров любителями без официальных постов означала (по крайней мере в ту эпоху) переход от традиционных подходов к обучению и мыслительной деятельности к большому разнообразию неординарных личных точек зрения. В каком-то смысле усиление разнообразия шло рука об руку с другим процессом — одним из важнейших последствий протестантской Реформации для общественной и религиозной мысли. Ибо в долгосрочном плане утрата единства христианского мира была гораздо важнее, чем теологические споры, посвященные свободе воли и предопределению, значимости причащения и т.д. Лютер и даже Кальвин не собирались раскалывать христианский мир; напротив, каждый намеревался реформировать единую христианскую церковь. Но их революционные шаги привели к тому, что ящик Пандоры оказался открыт. Прежде трения и ереси искоренялись или улаживались внутри католической церкви, а ныне христианство было расколото на (буквально) сотни различных сект, многие из которых были весьма экстравагантными, и каждая выдвигала свою систему теологии и этики, а также свои предписания в области общественной жизни.

Пестрота направлений общественной мысли, происходивших из этого внутреннего разделения христианства, включала в себя помимо абсолютистов группировки рационалистов и индивидуалистов, таких как «левеллеры» («уравнители»). Однако ценность возникшего разнообразия нивелируется достойным сожаления постепенным исчезновением из западной мысли схоластики и томизма.

Утрата единства европейской мысли усилилась за счет того, что в соответствующие столетия по всем странам изменился язык письменной литературы: латынь сменилась простонародной речью. В Европе на протяжении Средневековья все интеллектуалы, праведы и теологи писали на латыни, хотя, конечно, в устной речи каждой страны звучал язык простонародья. Это означало, что для ученых и интеллектуалов был только один язык, и в некотором смысле — одна страна, так что англичане, французы, немцы и т.д. могли без труда читать статьи и книги друг друга и через них друг на друга влиять. Европа была воистину единым интеллектуальным сообществом.

В Средние века лишь итальянские авторы время от времени писали на итальянском, а не только на латыни. Но протестантская Реформация дала колоссальный импульс к отказу от латыни, поскольку протестанты считали жизненно важным, чтобы христианские массы читали и изучали Библию на понятном им языке. В XVII в. Мартин Лютер перевел Библию на немецкий язык. Этот знаменитый перевод побудил к быстрому переходу на использование национального языка в письменной речи. В результате, начиная с XVI—XVII вв., экономическая, общественная и религиозная мысль повсеместно стала замыкаться

в рамках одного национального языка. Позднее схоластическая экономическая мысль продолжала оказывать влияние лишь на авторов из католических стран.

4.10. ЗАВЕРШАЮЩИЕ РЕМАРКИ: БУРЯ НАД ИЕЗУИТАМИ

Хотя вдохновение к созданию незаурядных образцов схоластической мысли иссякло, XVII век был отмечен продолжающимся влиянием схоластики в Испании и ее распространением в другие страны. Роль поборника и распространителя саламанкской школы в огромной мере принадлежала, конечно, ордену иезуитов. В Испании и других странах иезуиты составили огромное число руководств по нравственной теологии для использования духовниками, где они обсуждали, наряду с прочим, использование теологических и нравственных принципов в деловой этике. Важнейший пример — «Моральная теология» («*Theologiae Moralis*», 1652), работу, которую написал богобоязненный отец Антонио де Эскобар-и-Мендоса (1589—1669). Это чрезвычайно популярное сочинение за короткое время выдержало 37 изданий, а также было переведено на другие языки и опубликовано во Франции, Бельгии, Германии и Италии. Работа Эскобара была, по сути, переложением двух десятков прежних книг по моральной теологии — главным образом таких испанских авторов, как Молина, Суарес и де Луго. Он, как и прежние представители саламанкской школы, в качестве детерминант рыночной цены выделял общую оценку, редкость товара и предложение денег.

Саламанкская школа была особенно авторитетна в Италии. Там в 1618 г. генуэзский философ и правовед Сигизмундо Скаччия (ок. 1568—1618) опубликовал «Трактат о коммерции и векселях» («*Tractatus de Commerciis et Cambiis*»), который до середины XVIII в. часто переиздавался в Италии, Франции и Германии. В «Трактате» воспроизводились теории цены и вексельных курсов представителей саламанкской школы, включая Коваррубиаса, Аспилькуэту и Лессиуса.

Другими видными представителями «неосаламанкской» школы в Италии были иезуит кардинал Джамбаттиста де Лука (1613—1683), который в 1670-х гг. опубликовал в Риме многотомное сочинение «Поприще истины и справедливости» («*Theatrum veritatis et iustitiae*»); Мартино Боначина (ок. 1585—1631) и Антонино Диана (1585—1663).

Однако во Франции авторитетное руководство Эскобара подверглось шквалу нападок за изощренно-попустительское отношение к ростовщичеству. Нападки возглавляла влиятельная группировка тайных кальвинистов внутри католической церкви Франции, которая устроила ожесточенный скандал насчет якобы наблюдаемой нравственной беспринципности иезуитского ордена⁽⁷⁾.

Атака на иезуитов и на их приверженность разуму и свободе воли ранее началась в Бельгии, а к концу XVI в. ее усилил доктор Михаил Байюс, ректор знаменитого Университета Лувена. Байюс и сторонники его учения, байанизма, начали внутри университета яростную «разборку», направленную против Леонарда Лессиуса и в целом против иезуитов в преподавательской среде. Ректор Байюс ухитрился обратиться большинством лувенских преподавателей в свое исповедание, в котором принималось кальвинистское вероучение о предызбрании. Во Франции абсолютистски настроенные сторонники монархии начали резкую агитацию против ордена иезуитов, которую они связывали с членами Католической лиги и политическим убийством обеих Генрихов — центристов с кальвинистскими симпатиями. В частности, адвокат Антуан Арно, бескомпромиссно защищавший неограниченную власть короля, подал прошение с целью изгнать иезуитов из Франции, грозно провозглашая, что они — злейшие враги «священной доктрины о Божественном Происхождении Королевской Власти». Первоначально Арно был нанят вести дело против иезуитов Парижским университетом и его теологическим факультетом, Сорбонной, которые ранее также были захвачены волной тайного кальвинизма.

В начале XVII в. в защиту идей Михаила Байюса (оба ранее учились у иезуитов) выступили два его ученика. Важнейшим из них был Корнелий Янсений, основатель неокальвинистского движения янсенистов, которое стало чрезвычайно влиятельным во Франции. Янсений, подобно многим откровенно протестантским теологам, требовал вернуться к нравственной чистоте Блаженного Августина и христианских учений IV—V вв. Если Янсений был теоретиком, то его друг аббат Сен-Сиран был блистательным тактиком и организатором. При помощи настоятельницы женского монастыря Пор-Рояль матушки Анжелики Сен-Сиран взял под контроль этот важный монастырь. Матушка Анжелика была дочерью Антуана Арно, а из влиятельной семьи Арно происходила целая дюжина монахинь Пор-Рояля.

Одной из монахинь Пор-Рояля была сестра блестящего молодого философа, математика и талантливого писателя Блеза Паскаля. И юный Паскаль воспринял убеждения янсенистов вместе с их остроумной и язвительной критикой иезуитов, особенно Эскобара, за якобы наблюдаемый у него нравственный провал — мягкость к ростовщичеству⁽⁸⁾. Паскаль даже пустил в оборот новое популярное словечко, «эскобарщина» (фр. *escobarterie*), которым он заклеил важную дисциплину, казуистику, как увертливую игру словами. Другой жертвой ядовитого пера Паскаля был аскетичный французский иезуит Этьен Бони. В сочинении «*Somme des Pechez*» (1639) Бони, ослабляя запрет на ростовщичество, зашел столь далеко, что оправдал взимание процентных выплат по ставке, превышающей дозволенный королем максимум. Ибо, в конце концов, «заемщики заключали их <долговые соглашения — *Перев.*> добровольно». К тому же Бони, убедительно ссыла-

ясь на добровольность, защищал ростовщический контракт на основе другого ясно изложенного основания: поскольку кредитор имеет законное право надеяться на то, что заемщик даст ему бесплатный подарок, должно быть законно и заблаговременное заключение тем же кредитором и тем же заемщиком такого недвусмысленного соглашения. Каким образом заключение договоренности о чем-либо может быть злом, если желать итоговый результат дозволяется? Стоит лишь дозволить такие обоснования добровольностью выбора, и тогда, конечно, все атаки на ростовщичество и другие проявления работы свободного рынка должны будут оказаться забытыми.

Хотя янсенисты были в конечном итоге осуждены папой, клеветническое бесчинство Паскаля, направленное против иезуитов, оказало значительное влияние: оно способствовало завершению господства схоластической мысли по крайней мере во Франции.

4.11. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Frank Bartholomew Costello, S. J., *The Political Philosophy of Luis de Molina*, S. J. (Spokane: Gonzaga University Press, 1974), p. 231.
- (1) Имеются в виду церковные должности и связанный с ними доход. — *Прим. перев.*
- (2) В русскоязычных текстах этот бельгийский город может фигурировать не только как Лувён, но и как Лёвен. Первый вариант используется чаще и соответствует валлонскому именованию (Lovin), второй вариант основан на фламандском именовании (Leuven). — *Прим. перев.*
2. Richard Tuck, *Natural Rights Theories* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979), p. 54.
- (3) В университете у Фомы Аквинского было прозвище «Сицилийский вол» (хотя он был родом из Неаполя). Альберту Великому приписывается пророческая реплика, якобы произнесенная, чтобы усмирить дразнивших Фому студентов: «Вы называете его волон? Говорю вам, этот вол взревет так громко, что рев его оглушит мир». — *Прим. изд.*
3. Знаменитый Молина также испытывал затруднения: у него не было степени доктора теологии, которую в конечном итоге ему предоставил орден иезуитов при значительном противодействии.
4. Конкретно порча монеты королем, как указывал Мариана, выражалась двояко: либо удвоением номинальной ценности перечеканенной меди при сохранении прежнего веса, так что увеличение ценности становилось прибылью для королевской казны; либо сохранением номинальной ценности серебряных/медных монет с изъятием серебра и снижением веса меди, что давало казне прибыль в две трети.
5. Цит. по: John Laures, S. J., *The Political Economy of Juan de Mariana* (New York: Fordham University Press, 1928), p. 18.
- (4) Генри Менкен (1880—1956) — знаменитый американский журналист, эссеист, сатирик и др. — *Прим. перев.*

- (5). Мизес просил студентов ни бояться высказываться, потому что «какую бы глупость вы ни сморозили, до вас ее наверняка уже сказал какой-нибудь известный экономист». — *Прим. изд.*
6. John T. Noonan, Jr., *The Scholastic Analysis of Usury* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957), p. 222.
- (6). Бэкон был обвинен во взяточничестве. — *Прим. перев.*
- (7). Эти обвинения были во многом связаны с доктриной пробабиллизма, которой придерживались иезуиты и которая, по мнению критиков, в итоге ведет к нравственному релятивизму. — *Прим. перев.*
- (8). Паскаль критиковал нравственную систему иезуитов в целом, а не одни лишь экономические воззрения. — *Прим. перев.*

ГЛАВА 5

ПРОТЕСТАНТЫ И КАТОЛИКИ

5.1. ЛЮТЕР, КАЛЬВИН И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ

Как мы видели, Контрреформации XVI в. пришлось вести от лица схоластики и природного закона интеллектуальную войну на два фронта: против протестантов и криптопротестантов, а также против апологетов абсолютистского государства. Эти две внешне очень несхожие группы сближал не только общий враг. Во многих отношениях они были близнецами, а не просто случайными союзниками.

Несмотря на многие различия, сын немецкого шахтера Мартин Лютер (1483—1546) и сын французского адвоката и высокопоставленного городского чиновника Жан Кальвин (настоящее имя — Жан Ковен; Кальвин — латинизированная форма) (1509—1564), чьи новые религиозные секты наводняли Северную Европу, сходились в некоторых фундаментальных положениях. В частности, их социальная философия и теология основывалась на принципиальном убеждении, согласно которому человек есть существо совершенно порочное, погрязшее в грехе. Но если так, значит, человек не способен даже отчасти содействовать своему спасению собственными усилиями; поэтому спасение зависит не от несуществующей свободной воли человека, а от произвольного и непостижимо-дарования Божьей благодати, не заслуженного человеком, и этот дар Бог по своему произволению предназначает только для тех, кто предопределен к избранию. Все остальные являются проклятыми. Кроме того, поскольку человек совершенно испорчен и рабствует Сатане, его разум (не говоря уже о его чувстве удовлетворения) в принципе не заслуживает доверия. Ни разум, ни чувства не способны служить основой общественной этики; этические нормы могут задаваться лишь волей Божьей через библейское откровение.

Вплоть до сего дня ортодоксальных кальвинистов учат суммировать основы из веры в акрониме TULIP (возможно, намекающем также на голландскую [tulip — «тюльпан»] твердость кальвинизма):

T — Total damnation (совершенная проклятость)

U — Unconditional election (беспричинное избрание)

L — Limited atonement (ограниченное искупление)

I — Irresistible grace (неодолимая благодать)

P — Perseverance of the saints (непоколебимое благодатное состояние святых).

Кратко говоря, человек решительно осужден, искупление его греховности может быть лишь ограниченным и недостаточным, а то единственное, с помощью чего может произойти и происходит беспричинное спасение избранных среди людей, — это неодолимая божья благодать.

Если разум невозможно использовать для создания этики, это значит, что Лютеру и Кальвину пришлось, по сути дела, отвергнуть понятие природного закона и тем самым отказаться от базовых критериев, выработанных за многие столетия для критики деспотических действий государства. Опираясь не на целостную философскую традицию, а на разрозненные библейские изречения, Лютер и Кальвин считали, что всякая поставленная Богом власть, а потому и королевская власть, сколь бы тиранической она ни была, есть божественное назначение и ей нужно повиноваться.

138 Такое учение, естественно, было на руку нарождавшимся абсолютным монархам и их идеологам. Эти последние, будь они католиками или протестантами, отодвигали свою религию на задний план, а их общественно-политические убеждения, как мы увидим ниже, сводились к тому, что государство и его правитель — это абсолютные величины, что правитель должен всеми силами сохранять и расширять свою власть и что его повеления должны беспрекословно выполняться. Поэтому ранние иезуиты эпохи Контрреформации правильно подметили и поняли принципиальную связь между протестантскими вождями и такими беспринципными идеологами сильной власти, как Никколо Макиавелли. Как отмечает профессор Скиннер,

ранние иезуитские теоретики ясно видели важнейший пункт, в котором, можно сказать, сходились политические теории Лютера и Макиавелли: обе они, каждая по своим причинам, отвергали идею закона природы как морального основания политической жизни. Поэтому в работах ранних иезуитов мы впервые встречаем известное сближение Лютера и Макиавелли как двух отцов-основателей нечестивого современного государства¹.

Кроме того, в распространении своей религии Лютер должен был полагаться на немецких и других европейских монархов, и это практическое соображение побудило его еще энергичнее проповедовать беспрекословную покорность. Если же говорить о самих светских правителях, то у них были свои соблазнительные экономические мотивы для перехода в протестантизм: конфискация имущества богатых монастырей и прочей церковной собственности. Желание поживиться руководило, по крайней мере отчасти, действиями монархов и дворянства новых протестантских государств. Так, например, когда шведский король Густав Ваза в 1524 г. стал лютеранином, он тут же объявил церковную десятину налогом в пользу короны, а через три года конфисковал всю собственность Католической церкви. И в Дании новообращенные короли-лютеране занимали монастырские земли, конфисковывали владения католических епископов и присваивали их светские prerogatives.

В Германии Альберт Гогенцоллерн дополнил свое обращение в лютеранство захватом земель католических тевтонских рыцарей, а Филип Гессенский присвоил все монастырские земли в своем государстве, причем большинство доходов от них поступало в его личную казну.

Во всех странах монархи не только присвоили себе церковные земли и доходы, но и установили контроль над самой церковью, т.е. превратили Лютеранскую церковь в государственную, чем заслужили восторженные похвалы Мартина Лютера и его последователей, пропагандировавших подчинение церкви государству. В Женеве Жан Кальвин и его сторонники на некоторое время установили тоталитарную теократию, но подчинение государства церкви оказалось явным отходом от основного направления кальвинизма, которое восторжествовало в Шотландии, Голландии и Швейцарии и приобрело заметное влияние во Франции и в Англии.

Образцовым примером проведения реформации ради создания государственной церкви стало учреждение Англиканской церкви в Англии. Отречение Генриха VIII от католицизма сопровождалось конфискацией монастырских земель и их раздачей (либо в виде подарка, либо в форме продажи за бесценно) привилегированным группам аристократии и мелкого дворянства. По всей Англии около 2000 монахов и монахинь, а также примерно 8000 монастырских работников были, таким образом, обездолены ради выгоды нового класса крупных землевладельцев, которые испытывали признательность Короне и не желали допускать восстановления гегемонии римского католицизма ни в каком виде.

139

5.2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЛЮТЕРА

Мартин Лютер решительно отвергал тонкости поздней схоластики, да и вообще целостный, систематический образ мышления схоластов как таковой; он стремился к тому, что считал августиновской чистотой, и от него поэтому не следует ожидать благосклонного отношения к коммерции или к позднесхоластическому оправданию ростовщичества. Ничего подобного он и не одобрял. Будучи мыслителем в лучшем случае путаным, противоречивым и несистематичным, Лютер, что для него вполне естественно, проявлял наименьшую последовательность в сфере дел мирских — в экономической теории, которая его мало интересовала.

Так, например, по ключевому вопросу, который столетиями мучил схоластов, — существует ли частная собственность по природе или же по установлению, т.е. является просто продуктом действующего права, — Лютер занимал особенно антирациональную позицию. Такие вопросы его не интересовали; значит, в них не было смысла: «Не стоит рассуждать о подобных вещах; они не поддаются осмыслению...» По этому поводу Гэри Норт заметил: «Вот и весь итог полуторатысячелетних спо-

ров»². В общем и целом, наверное, не будет преувеличением оценка позиции Лютера в подобных вопросах, которую дал Ричард Тауни:

Когда Лютер сталкивался со сложностями заграничной торговли и финансовой организации или с тонкостями экономической теории, он реагировал как дикарь, которому показывают электрический генератор или паровую машину. Он оказывался настолько напуган и разозлен, что не испытывал любопытства. Попытки объяснить действие механизма приводили его в ярость; он мог лишь утверждать, что тут скрывается дьявол и что добрым христианам не следует вникать в тайну греховности³.

В остальном же у Лютера царил путаница. Следование заповеди, запрещающей кражу, подразумевало, что он, по крайней мере в каком-то отношении, должен был признавать права частной собственности. Но для Лютера «воровство» было не только тем, что под ним обычно понимают, но и «получением преимущества перед другими на рынке, на складах, в винных и пивных погребах, в мастерских...» В разных сочинениях, а порой в одном и том же Лютер вполне мог осудить того, кто «использует рынок в своих интересах, надменно и дерзко, словно у него есть полное право продавать по такой высокой цене, как он захочет, и никто не посмеет ему помешать», а в другом месте написать: «Всякий волен продавать то, что у него есть, по наивысшей цене, какую может получить, если при этом он не жульничает», а потом определить жульничество как использование неточных весов и мерных емкостей.

В вопросе справедливой цены Лютер возвратился к средневековому взгляду, которого придерживалось меньшинство: справедливая цена — это не рыночная цена, а себестоимость плюс расходы и прибыль работника, а также компенсация рисков торговца. Что касается ростовщичества, то Лютер склонялся к строгому его запрету, от которого Католическая церковь давно отказалась. *Census contract* <аннуитет, или пожизненная рента> он запретил бы, как и *lucrum cessans* <упущенная выгода>; деньги бесплодны; не должно быть увеличения цены за время при оплате товаров наличными и т.д. В целом и нетронутым виде вернулась вся старинная чепуха, которую схоластика много столетий вычищала и передельвала. Весьма показательно, что, как мы видели, одним из главных теологических оппонентов Лютера в Германии был его прежний друг, Иоганн Экк, католический теолог, близкий к знаменитому банкирскому дому Фуггеров; Экк решительно одобрял ростовщичество и в этом даже опередил свое время.

Несмотря на неприятие ростовщичества, Лютер тем не менее советовал молодому правителю Саксонии не упразднить проценты и не освобождать должников от бремени их выплаты. Ведь, в конце концов, проценты — это «общее бедствие, которое все приняли на себя. Поэтому мы должны смириться с ним и обязать к тому же должников».

Некоторые из противоречий можно примирить, если принять во внимание глубоко пессимистический взгляд Лютера на человека и, соответственно, на человеческие институты. В порочном мире сем, считал он, нельзя ожидать, что люди и институты будут действовать согласно евангельским заповедям. Поэтому в отличие от католичества, пытавшегося с помощью казуистики внедрить нравственные принципы в общественную и политическую жизнь, Лютер предпочел приватизировать христианскую нравственность и позволить светскому миру и его правителям действовать прагматично и, на практике, бесконтрольно.

5.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КАЛЬВИНА И КАЛЬВИНИСТОВ

Социально-экономические взгляды Жана Кальвина близко напоминали лютеровские, и поэтому нет необходимости воспроизводить их здесь. Между Кальвином и Лютером есть лишь два существенных расхождения: отношение к ростовщичеству и понимание «призвания», — хотя различие по второму пункту более заметно у позднейших кальвинистов-пуритан XVII в.

Главный вклад Кальвина в вопрос о ростовщичестве состоял в том, что у него хватило смелости отвергнуть любые запреты. Этот сын важного городского чиновника был решительно не согласен с утверждением Аристотеля о бесплодности денег. Даже ребенку, говорил Кальвин, понятно, что деньги бесплодны только тогда, когда лежат где-нибудь без дела; но кто в здравом уме занимается их для этого? Торговцы занимаются, чтобы получить прибыль на покупках, и в таком случае деньги вполне плодородны. Что касается Библии, то известный запрет Луки требует лишь проявлять щедрость к бедным, а иудейский закон Ветхого Завета не имеет силы в современном обществе. Поэтому, с точки зрения Кальвина, ростовщичество совершенно законно, если только не обвиняется в кредитовании бедняков, для которых такие платежи непосильны. Разумеется, должен соблюдаться установленный законом предельный уровень процента. И наконец, Кальвин утверждал, что никто не должен быть профессиональным займодавцем.

Итог получился довольно странный: снабдив свою апологию ростовщичества оговорками, Кальвин фактически пришел к тому же самому, что считали правильным такие схоласты, как Билль, Зумменхарт, Каэтан и Экк. Кальвин начал со всеобъемлющей теоретической защиты взимания процентов, а затем снабдил ее оговорками; либеральные схоласты начинали с запрета ростовщичества, а затем отменяли его оговорками. Но если на практике обе группы приходили к одному и тому же результату и если схоласты были теоретически искушеннее и плодовитее в своих поисках исключений из запрета ростовщичества, то смелый отказ Кальвина от формального запрета стал настоящим прорывом в западной мыс-

ли и практике, а также переложил на индивидуальную совесть ответственность за следование рекомендациям церкви или государства по поводу ростовщичества. По словам Тауни, «главное значение позиции Кальвина по данному вопросу состоит в признании того обстоятельства, что кредит — это нормальное и неизбежное явление в жизни общества»⁴.

Другой, менее заметной, но в долгосрочной перспективе оказавшей, пожалуй, более значительное влияние на развитие экономической мысли особенностью кальвинизма стала концепция «призвания». Эта новая концепция у самого Кальвина была еще в зачаточном состоянии и получила развитие лишь у более поздних кальвинистов конца XVII в., особенно у пуритан. Такие принадлежавшие к старшему поколению историки экономики, как Макс Вебер, особо выделяли кальвинистскую концепцию «призвания» по сравнению с лютеранской и католической. Все эти религиозные направления подчеркивали важность успеха в труде и занятиях человека, в реализации личного «призвания». Но у позднейших пуритан особенно четко сформировалось убеждение, что успех в личном призвании — это зримый знак принадлежности к числу избранных. Стремиться к успеху нужно, конечно, не для того, чтобы *доказать* принадлежность к кругу избранных и предопределенных для спасения; человек должен трудиться и преуспевать во славу Божию, надеясь попасть в число избранных благодаря исповеданию кальвинистской веры. Убежденность кальвинистов в отсрочке земного вознаграждения придавала особое значение сбережению. Призыв к труду, «прилежанию» и бережливости фактически ради них самих или ради Бога выражен в кальвинизме гораздо более отчетливо, чем в других направлениях христианства⁵.

А в католических странах и в схоластической мысли акценты были расставлены совсем иначе, чем в кальвинизме. Схоластика уделяла главное внимание потреблению, потребителю, и в них видела цель труда и производства. Труд рассматривался не как благо само по себе, а как средство, обеспечивающее потребление на рынке. Аристотелевское равновесие, золотую середину, схоласты считали необходимым условием хорошей жизни, жизни, которая ведет к счастью в согласии с человеческой природой. В этой уравновешенной жизни наряду с продуктивными усилиями видное место занимали радости потребления и радости досуга. В кальвинистской культуре, напротив, становился все более заметным довольно суровый акцент на труде и сбережении. Низложение досуга, естественно, прекрасно гармонировало с отказом от прежних традиций, достигшим апогея в кальвинизме, с осуждением чувственных удовольствий, которое стало выражением религиозного рвения. Одним из предметов конфликта стали религиозные праздники, обильно справлявшиеся в католических странах. Для пуритан они были равносильны идолопоклонству; даже Рождество не считалось подходящим поводом для чувственных удовольствий.

В свое время интенсивно обсуждался «тезис Вебера», выдвинутый в начале XX в. немецким историком экономики и социологом Максом Ве-

бером; подъем капитализма и Промышленную революцию Вебер объяснял влиянием позднекальвинистской концепции призвания и проистекавшего из нее «духа капитализма». Однако при всей соблазнительности этого тезиса его невозможно принять по целому ряду соображений. Прежде всего, современный капитализм в сколько-нибудь осмысленном значении этого понятия начинается не с Промышленной революции XVIII—XIX вв., но, как мы видели, возникает в Средние века и, в частности, в итальянских городах-государствах. Такие примеры капиталистической рациональности, как бухгалтерская система двойной записи и разнообразные финансовые методики тоже впервые засвидетельствованы для этих городов-государств, которые все были католическими. Именно во флорентийской бухгалтерской книге 1253 г. впервые встречается классическая про-капиталистическая формула: «Во имя Бога и прибыли». В XVI в. ни один город не был столь значительным финансовым и коммерческим центром, как полностью католический Антверпен. Ни один человек не проявил себя столь успешным финансистом и банкиром, как добрый католик из Южной Германии Якоб Фуггер. Мало того: Фуггер трудился всю жизнь, отказываясь уйти на покой и объявил, что «будет делать деньги, пока может». Отличный образец веберовской «протестантской этики» в лице убежденного католика! И мы уже видели, как теологи-схоласты стремились понять и использовать рынок и рыночные силы.

С другой стороны, если кальвинистские области в Англии, во Франции, в Голландии и североамериканских колониях действительно процветали, преимущественно кальвинистская Шотландия оставалась отсталой и неразвитой областью и остается такой даже сейчас⁶.

Но даже если концентрация на призвании и труде не стала причиной Промышленной революции, она вполне могла стать причиной другого важнейшего различия между кальвинистскими и католическими странами — принципиального различия в развитии *экономической мысли*. Блестящее наблюдение профессора Эмиля Каудера по этому поводу послужит ориентиром для всего нашего дальнейшего изложения:

Кальвин и его ученики поместили работу в центр своей социальной теологии... Вся работа в этом обществе выполняется с божественного одобрения. Любой социальный мыслитель или экономист, находящийся под влиянием кальвинизма, будет испытывать искушение предложить труду привилегированную позицию в своей социальной или экономической схеме, и нет лучшего способа возвысить труд, чем связать его с теорией ценности, традиционно составляющей основу экономической системы. Таким образом, ценность становится трудовой ценностью, которая представляет собой не только научный инструмент для измерения обменных соотношений, но и духовную скрепу, связывающую волю Божию с повседневной экономической жизнью⁷.

Превознося труд, кальвинисты подчеркивали, что говорят о систематическом, непрерывном усердии, о постоянном занятии определен-

ного рода. Так, английский пуританский теолог Сэмюел Хирон утверждал: «Тот, у кого нет честного дела, которому он обыкновенно предается, нет постоянного занятия, которое он способен выполнять, не может быть угоден Богу». Особенно влиятельным был преподаватель Кембриджского университета в начале XVII в. преподобный Уильям Перкинс, много сделавший для пересадки кальвинистской теологии на английскую почву. Перкинс осуждал четыре группы людей, не имевших «никакого конкретного призвания, которому они могли бы следовать»: нищие и бродяги, монахи всех видов, дворяне, «проводящие дни свои за едой и питьем», и слуги, все время выполняющие чужие приказы. Все они являются источником опасности в силу своей неустойчивости и недисциплинированности. Особенно опасны бродяги, которые «вообще никому не подчиняются». Кроме того, считал Перкинс, «ленивые толпы всегда склонны... к папистским мнениям, всегда готовы больше развлекаться, чем работать; принадлежащие к этим толпам не найдут дорогу на Небеса»⁸.

Аристотелевско-томистская традиция в корне отличалась от кальвинистского превознесения труда:

Согласно аристотелевской и томистской философии суть экономической деятельности составляет не работа как таковая, а стремление получать умеренные удовольствия и быть счастливым. Сбалансированный гедонизм — неотъемлемая часть аристотелевской теории хорошей жизни. Но если целью экономической теории является наслаждение в умеренной форме, тогда, в соответствии с аристотелевским понятием конечной причины, все принципы этой теории, включая оценку ценности, должны выводиться из этой цели. В этой аристотелевско-томистской схеме оценка ценности должна показывать, сколько удовольствия можно извлечь из экономических благ⁹.

Поэтому Великобритания, испытывавшая сильное влияние кальвинистской мысли и культуры, включая восхваление труда как такового, естественным образом пришла к трудовой теории стоимости, тогда как Франция и Италия, где по-прежнему господствовала аристотелевско-томистская традиция, сохраняли схоластический акцент на потребителе и его субъективном суждении как источнике экономической ценности. Хотя гипотезу Каудера невозможно доказать окончательно и бесповоротно, она очень продуктивна при сопоставлении развития экономической мысли в Англии и в католических странах Европы после XVI в.

5.4. КАЛЬВИНИСТЫ О РОСТОВЩИЧЕСТВЕ

Возможно потому, что Шарль Дюмулен (латинизированная форма Карл Молиней, 1500—1566) считался величайшим французским юристом середины XVI в., его достижения оценивались чрезмерно высоко как при его жизни, так и в позднейшие времена. Дюмулен, обратившийся из ка-

толицизма в кальвинизм и вынужденный поэтому переехать в Германию, решительно отвергал схоластику и подверг ее беспощадной критике в своей пользовавшейся популярностью работе «Трактат о контрактах и ростовщичестве» (Париж, 1546). Хотя Дюмулен формально осуждал запрет ростовщичества, в действительности его взгляды мало чем отличались от позиции современных ему схоластов, да и самого Кальвина. Он решительно возражал против того, что деньги бесплодны, и доказывал, что они столь же производительны, как и купленные на них товары, но в то же время снабжал свою защиту ростовщичества таким количеством оговорок, что его позиция мало в чем расходилась с многими другими. Он утверждал, что требовать проценты на ссуду как таковую несправедливо, но тут же находчиво указывал, что работодатель берет проценты не за деньги как таковые, а за их полезность. Вместе с тем Дюмулен осуждал «жестокое ростовщичество», допускаемое упущенной выгодой, и соглашался с Кальвином в том, что не следует требовать проценты по ссудам для бедных. (Тут можно только спросить: если бы такое правило было введено, кто вообще стал бы давать ссуды беднякам, и стало бы беднякам лучше, если бы они лишились всякого кредита?) На самом же деле главным «достижением» Дюмулена стало несправедливое очернение имени несчастного Конрада Зумменхарта, и эта явная несправедливость оставалась в силе четыре столетия. Побуждаемый, несомненно, желанием сделать пакость схоластике, Дюмулен так искажил ясную позицию Зумменхарта против запрета ростовщичества, что немецкий теолог предстал в облике исключительно глупого *сторонника* запрета. Дюмулен взял доводы за запрет, которые Зумменхарт сформулировал лишь для того, чтобы потом их опровергнуть, объявил их подлинным мнением Зумменхарта, а затем позаимствовал у последнего опровержение этих доводов, не указав, кто его автор. В результате этой подлой подтасовки, отмечает профессор Нунан, «известностью пользовалось лишь мнение Дюмулена, а Конрад Зумменхарт воспринимался последующими поколениями лишь как карикатура, которую сделал из него Дюмулен», т.е. «как исключительно упрямый и паразитально недалекий защитник запрета ростовщичества»¹⁰.

Честь нанесения завершающего удара по запрету ростовщичества принадлежит французскому филологу-классику и кальвинисту Клоду де Сомезу (латинизированная форма Клавдий Салмазий, 1588—1653), который долгое время преподавал в Лейденском университете. В нескольких опубликованных там в 1630—1645 гг. работах, начиная с «Трактата о ростовщичестве», де Сомез, наконец, расправился с этим досадным пережитком нагромождения ошибок прошлого. Главная его заслуга состояла не столько в создании новых теоретических доводов, сколько в предельной последовательности. Иными словами, он с полной ясностью показал, что ростовщичество — это такой же бизнес, как и все прочие виды, и, соответственно, имеет полное право требовать рыночную цену. При этом де Сомез сформулировал и важный теоретический

вывод: если, как бывает и в других рыночных сегментах, количество ростовщиков увеличивается, цена денег, или процент, снижается из-за конкуренции. Поэтому если высокие процентные ставки нежелательны, то чем больше ростовщиков, тем лучше!

Де Сомезу хватило решимости заявить, что никаких убедительных доводов против ростовщичества ни с точки зрения божественного, ни с точки зрения естественного права не существует. Евреи запрещали ростовщичество только в отношении самих евреев, и это следует считать национально-политической мерой, а не установлением моральной нормы для экономических взаимоотношений. Иисус вообще ничего не говорил ни об устройстве общества, ни об экономических сделках. Против ростовщичества можно использовать только церковное, папское право. Но почему кальвинист должен повиноваться папе? Де Сомез также бросил несколько заслуженных упреков схоластам за то, что они, оправдывая процент, прибегают к многочисленным, «не относящимся к существу дела», оговоркам. Посмотрим правде в глаза, говорил он: то, что канонисты и схоласты «убирали одной рукой, они возвращали другой». *Sensus* — это на самом деле ростовщичество, вексельный обмен <разных видов денег> — на самом деле ростовщичество, упущенная выгода — тоже на самом деле ростовщичество. Все это — ростовщичество, и пусть все это будет законным. Кроме того, высокий процент обычно служит компенсацией за что-либо — прежде всего за нехватку свободных денег и за риск потерять заем.

Де Сомез имел смелость затронуть и самый трудный вопрос: профессиональное кредитование бедных, — и одобрить эту практику. Продажа использования денег — такой же бизнес, как и любой другой. Если законно делать деньги с помощью вещей, купленных за деньги, то почему нельзя делать это с помощью самих денег? Нуан так пересказывает рассуждение де Сомеза: «Продавец хлеба не интересуется, кому он его продает, бедному или богатому. Почему же кредитор должен делать такое различие? Нет никакого обмана или кражи в том, чтобы просить наивысшую рыночную цену на другие товары. Почему же ростовщик не может просить наивысший процент, который можно получить?»¹¹

Что касается конкретики, то де Сомез привел пример официальных ростовщиков Амстердама (крупнейшего торгового и финансового центра XVII в., сменившего в этом качестве Антверпен XVI в.) и показал, что обычные 16% по мелким ссудам для бедных объясняются тем, что сами ростовщики несут расходы: они занимают деньги для своих операций или вынуждены держать часть денег про запас без дела, должны снимать значительное помещение, учитывать возможные убытки по ссудам, платить за лицензии, нанимать служащих и платить аукционисту. Если вычесть все эти расходы, средняя чистая прибыль кредиторов составит всего 8%, чего едва-едва достаточно для поддержания бизнеса.

Придя к заключению, что ростовщичество — такой же бизнес, как и любой другой, де Сомез в своей обычной остроумной и яркой манере заявил: «Я скорее предпочел бы зваться ростовщиком, чем портным». Приведенные нами высказывания де Сомеза полностью подтверждают справедливость оценки, которую дал ему великий австрийский экономист Бём-Баверк: работы де Сомеза —

это поистине редкие образцы блестящей полемики. Материал для них, правда, в значительной степени дан уже его предшественниками... но де Сомез обрабатывает этот материал так удачно и обогащает его такими убедительными мыслями, что его полемика далеко оставляет за собою все предшествовавшее¹².

В результате сочинения де Сомеза имели большое влияние в Нидерландах и в других странах Европы. Как отметил Бём-Баверк, взгляды де Сомеза на ростовщичество были высшим достижением теории процента и оставались таковым более 100 лет.

146

5.5. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФАНАТИКИ: АНАБАПТИСТЫ

Мартин Лютер порой, должно быть, чувствовал, что выпустил на волю смерч или даже открыл врата ада. Вскоре после того, как он начал Реформацию, появились и заполонили Германию анабаптистские секты. Анабаптисты верили в предопределенность избрания, но в противоположность Лютеру были убеждены, что безошибочно *знают*, кто избран: это они сами. Знаком избранности был эмоциональный, мистический процесс обращения, в котором человек «рождался вновь» и крестился в Духе Святом. Такое крещение могло быть только у взрослых, но не у детей; далее, оно подразумевало, что только избранные могут быть членами секты, повинующимися многочисленным правилам и верованиям новой церкви. А идея секты, в отличие от католицизма, лютеранства и кальвинизма, не допускала принадлежности всего общества к одной церкви. Секта должна быть чем-то совершенно изолированным, предназначенным только для избранных.

При таких убеждениях анабаптисты могли идти и шли двумя путями. Большинство анабаптистов фактически стали анархистами, как менониты или амиши. Они стремились как можно больше отгородиться от неизбежно греховных государств и общества и оказывали ненасильственное сопротивление постановлениям государства.

Второй путь, выбранный другим крылом анабаптистов, состоял в том, чтобы попытаться захватить власть в государстве и подчинить себе большинство силой принуждения, — т.е., кратко говоря, установить ультратеократию. Как справедливо замечает монсеньор Нокс, даже когда Кальвин установил теократию в Женеве, она была бледной тенью того, что мог бы учинить пророк, причастный к постоянному новому мистиче-

скому откровению. Как говорит Нокс в свойственной ему яркой и острой манере,

в Женеве Кальвина... и в пуританских колониях Америки левое крыло Реформации заявило о своих притязаниях: подкрепило свой нравственный ригоризм всеми доступными дисциплинарными средствами — угрозой отлучения или, если этого окажется недостаточно, мирского наказания. При такой дисциплине грех стал преступлением, которое избранные должны карать с несносной уверенностью в своей правоте... Я назвал эту ригористическую позицию бледной тенью теократического принципа, поскольку полноценная теократия требует наличия боговдохновенного лидера или лидеров, которым власть принадлежит по праву мистической просветленности. Следует признать, что великие деятели Реформации не были людьми такого пошиба; они были “учеными мужами”, основателями новой традиции¹³.

Таким образом, одно из важнейших отличий анабаптистов от более консервативных деятелей Реформации состояло в том, что первые объявляли себя причастными к предназначенному для них постоянному мистическому откровению. Это побуждало таких людей, как Лютер и Кальвин, утверждать, что лишь Библия является первым и последним откровением.

Первым лидером ультратеократического крыла анабаптистов был Томас Мюнцер (ок. 1489 — 1525). Он родился в обеспеченной семье в Штольберге, Тюрингия, учился в университетах Лейпцига и Франкфурта, прекрасно знал Писание, классических авторов, теологию и сочинения немецких мистиков. Когда в 1520 г. Лютер начал Реформацию, Мюнцер тут же примкнул к нему и был рекомендован им на место пастора города Цвикау. Цвикау располагался поблизости от границы Богемии, и в этом городе неугомонного Мюнцера обратил в свою веру ткач Никлас Шторх. Шторх бывал в Богемии и там усвоил учение таборитов, распространенное в Богемии столетием раньше. Суть его состояла в том, что избранные, постоянно причастные к мистическому откровению, должны взять власть и силой оружия создать общество теократического коммунизма. Кроме того, это учение отменяло моногамный брак: каждый мужчина мог жить с любой женщиной, с какой захочет.

Пассивное крыло анабаптистов составляли добровольные анархокоммунисты, желавшие жить мирно сами собой; но Мюнцер выбрал предложенный Шторхом путь крови и насилия. Мюнцер быстро отошел от лютеранства и ощутил в себе задатки пророка; теперь он призывал к тому, чтобы избранные вели кровавую войну ради истребления грешников. Мюнцер объявил, что в его душе постоянно присутствует «живой Христос»; будучи, таким образом, наделен совершенным знанием Божественной воли, Мюнцер объявил далее, что лишь он один полностью подходит для выполнения божественной миссии и даже называл себя «богоподобным». Покинув мир знания, Мюнцер был теперь готов к действию.

В 1521 г., всего через год после приезда Мюнцера, городской совет Цвиккау, встревоженный тем, что проповеди Мюнцера привлекали все больше людей, распорядился изгнать его из города. В знак протеста значительная часть населения, среди которого выделялись ткачи под предводительством Никласа Шторха, подняла восстание, но оно было подавлено. Тем временем Мюнцер перебрался в Прагу, думая найти в столице Богемии остатки таборитов. Используя крестьянские метафоры, он объявил, что настало время урожая: «Сам Бог избрал меня для своего урожая. Я наточил мою косу, ибо мысли мои твердо обращены на истину, а мои губы, руки, кожа, волосы, душа, тело и жизнь проклинают неверующих». Никаких таборитов Мюнцер, конечно, не нашел, а убедительность его пророчеств страдала от того, что он не знал чешского языка и вынужден был выступать с помощью переводчика. В итоге его по заслугам изгнали и из Праги.

Некоторое время Мюнцер в нищете скитался по Германии, объявляя себя «посланником Христовым», а в 1523 г. получил место священника в тюрингском городке Алльштедт. Там он снискал известность как проповедник, изъясняющийся на просторечном языке, и привлек к себе значительное число неграмотных шахтеров, которых объединил в революционную организацию под названием «Союз избранных».

Поворотный пункт в бурной карьере Мюнцера наступил годом позже, когда правитель Саксонии герцог Иоганн, до которого дошли тревожные слухи о Мюнцере, прибыл в Алльштедт и повелел Мюнцеру произнести перед ним проповедь. Это был счастливый случай, и Мюнцер его не упустил. Он пошел на риск: призвал саксонских правителей сделать выбор и решить, кто они — слуги Бога или слуги дьявола. Если они на стороне Бога, тогда они «должны взяться за меч». «Нельзя больше оставлять в живых, — увещевал пророк, — тех злодеев, которые отвращают нас от Бога. Безбожный человек не имеет права на жизнь, если препятствует тем, кто предан Богу». К числу «безбожных» Мюнцер, естественно, относил очень многих. «Меч нужен, дабы истребить» попов, монахов и безбожных правителей. Но, предупреждал Мюнцер, если саксонские правители не смогут выполнить эту задачу, если проявят нерешительность, тогда «меч должен быть снят у них... Если же они станут сопротивляться, да будут перебиты без всякой пощады...» Затем Мюнцер вернулся к излюбленной метафоре урожая: «Во время урожая надлежит искоренять сорняки в винограднике Божьем... У безбожных нет права на жизнь, и только избранный решает, что можно им позволить...» Таким образом будет возведено тысячелетнее Царство Божье на земле, миллениум. Однако для успешного осуществления этой задачи правителям нужно соблюсти одно условие: при них должен находиться священник-пророк (нетрудно догадаться, кто!), который будет вдохновлять и направлять их действия.

Как ни удивительно, герцог Иоганн отнесся к неистовому ультиматуму Мюнцера довольно снисходительно, хотя в те времена никакая Пер-

вая поправка <о свободе вероисповедания и свободе слова> не мешала правителям сурово карать ересь. Даже когда Мюнцер в продолжение своей проповеди заявил о неотвратимом низвержении всех тиранов и установлении мессианского царства, герцог никак не отреагировал. Однако в конце концов, помня советы Лютера, который предупреждал, что Мюнцер становится опасным, герцог повелел пророку воздержаться от провокационных проповедей, пока его, герцога, брат, курфюрст, не вынесет решения по данному вопросу.

Однако мягкость реакции саксонских правителей окончательно направила Мюнцера на революционный путь. Правителям доверять нельзя, и бедняцкие массы должны поэтому совершить революцию. Бедняки и есть те самые избранные; они установят власть насильственного эгалитарного коммунизма, создадут мир, где все будет находиться в общем владении, где все будут совершенно равны во всем и каждый получит по своим потребностям. Но не сразу. Даже беднякам нужно сначала отучиться от мирских желаний и пустых развлечений и признать верховенство нового «служителя Божьего», который «должен выступить в духе Илии... и привести все в движение». (Опять же, легко догадаться, кто это!)

Сочтя Саксонию негостеприимной, Мюнцер покинул Алльштедт и в 1524 г. переехал в тюрингский город Мюльхаузен. Будучи умелым ловцом рыбы в мутной воде, Мюнцер нашел приятной обстановку в Мюльхаузене, где уже больше года происходили беспорядки. Он провозгласил скорое истребление безбожников и шествовал по городу во главе вооруженного отряда, впереди несли красное распятие и обнаженный меч. Когда поднятое его сторонниками восстание было подавлено, изгнанный из Мюльхаузена Мюнцер отправился в Нюрнберг, из которого тоже был изгнан после нескольких революционных памфлетов. Некоторое время он скитался по Юго-Западной Германии, а затем, в феврале 1525 г., его вызвали обратно в Мюльхаузен, где взяла верх революционная группа.

Мюнцер и его сподвижники принялись устанавливать коммунистический режим в Мюльхаузене. Они захватили монастыри, объявили всю собственность общей, и в итоге, по словам одного очевидца, Мюнцер «так повлиял на народ, что никто не желал работать». Теория коммунизма и любви на практике быстро превратилась в оправдание грабежа:

Если кто имел нужду в еде или одежде, то шел к богатому и требовал это по Христову праву, ибо Христос велел делиться с нуждающимися. А кто не давал с охотой, у того отнимали силой... Такой разбой разжигал Томас [Мюнцер] и множил ежедневно...¹⁴

К тому времени по всей Германии разгорелась великая Крестьянская война, восстание, поднятое крестьянами в защиту своей независимости и против абсолютистской власти немецких князей, которые стремились к централизации и вводили высокие налоги. Князя безжалостно громи-

ли плохо вооруженные крестьянские отряды и перебили около 100 тыс. человек. В Тюрингии сражение произошло 15 мая; княжеская армия имела значительную артиллерию и 2000 кавалеристов, т.е. располагала средствами, которых у крестьян никогда не было. Командующий княжескими войсками, ландграф Гессенский, предложил крестьянам пощаду, если они выдадут Мюнцера и его ближайших сподвижников. Крестьяне заколебались, но Мюнцер, потрясая обнаженным мечем, произнес последнюю пламенную речь и уверил всех, что сам Бог обещал ему победу, что он будет ловить вражеские ядра своим плащом и что Бог защитит всех. Как раз во время этой речи на небе появилась радуга, — а Мюнцер раньше объявил радугу символом своего движения. Легковерным крестьянам она показалась истинным знаком свыше. К несчастью, знак им не помог: княжеские войска разгромили крестьян и убили 5000 человек, понеся ничтожные потери. Сам Мюнцер бежал и скрылся, но через несколько дней его схватили; под пытками он признал свою вину и был казнен.

Если Томас Мюнцер и его знаки были побеждены, а его тело истлело в могиле, то дух его продолжал жить. Жизнь этого духа поддерживали не только прямые последователи Мюнцера, но и марксистские историки от Энгельса до наших дней, которые видели в этом полусумасшедшем мистике символ социальной революции и классовой борьбы, видели предтечу хилиастических пророчеств о «коммунистической стадии» якобы неизбежного марксистского будущего.

Дело Мюнцера вскоре продолжил его ученик, переплетчик Ганс Хут. Он объявил себя пророком, которого Бог послал объявить, что в 1528 г. после Троицына дня Христос вернется на землю и наделит Хута и его сторонников, новоокрещенных святых, властью установить справедливость. Святые тогда «возьмут обоюдоострые мечи» и учинят месть попам, пасторам, королям и дворянам. Затем Хут и его сторонники «установят правление Хута на земле», а столицей будет Мюльхаузен. Христос же установит свое тысячелетнее царство коммунизма и свободной любви. Хута схватили в 1527 г. (до того, как Иисус мог вернуться), заключили в тюрьму в Аугсбурге и убили при попытке бежать. Еще год или два последователи Хута обнаруживались в Аугсбурге, Нюрнберге и Эсслингене на юге Германии и угрожали силой оружия установить коммунистическое Царство Божье. Но к 1530 г. встревоженные местные власти с ними расправились, и мюнцеровский анабаптизм начал перемещаться на северо-запад Германии.

5.6. ТОТАЛИТАРНЫЙ КОММУНИЗМ В МЮНСТЕРЕ

В то время в Северо-Западной Германии существовал целый ряд маленьких церковных государств, которые возглавлялись князьями-епископами. Таким государством управляло аристократическое духовенство, выбиравшее епископа из своих рядов. Как правило, эти епископы

были светскими сеньорами, не имевшими духовного сана. Заключая соглашение по налогам, столица каждого такого государства обычно выторговывала для себя значительную автономию. Духовенство, составлявшее правящую элиту государства, освобождало себя от налогов, но облагало высокими налогами остальное население. Столичными городами, как правило, управляла их собственная элита, олигархия гильдий, которая использовала властные полномочия для картелирования различных профессий и занятий.

Самым крупным из церковных государств Северо-Западной Германии было епископство Мюнстерское, а его столицей, городом Мюнстером с населением около 10 тысяч человек, управляли городские гильдии. Мюнстерским гильдиям особенно досаждала экономическая конкуренция монахов, которые не были обязаны соблюдать ограничения и уставы гильдий.

Во время Крестьянской войны столицы нескольких таких государств, в том числе и Мюнстер, воспользовались случаем поднять восстание, и епископ Мюнстерский был вынужден пойти на многочисленные уступки. Однако после подавления восстания епископ отменил их и восстановил прежний режим. Однако в 1532 г. гильдии, поддержанные народными массами, сумели вновь взять город под свой контроль и вскоре заставили епископа официально признать Мюнстер лютеранским городом.

Однако Мюнстеру не было суждено остаться таким надолго. Фанатичные анабаптисты со всей Северо-Западной Германии хлынули в город, предвкушая появление Нового Иерусалима. Из Северной Голландии явились сотни мельхиоритов, последователей странствующего визионера Мельхиора Хоффмана. Хоффман, необразованный подмастерье скорняка и уроженец Швабии, многие годы странствовал по Европе, проповедуя скорое Второе Пришествие, которое, по его расчетам, должно было произойти в 1533 г., в 1500-летнюю годовщину смерти Христа. Мельхиоризм был особенно распространен в северной Голландии, и многие его адепты теперь отправились в Мюнстер, где начали быстро обращаться в свою веру городскую бедноту.

Тем временем позиции анабаптистов в Мюнстере укрепились, когда в их ряды вошел красноречивый, хорошо образованный и популярный молодой священник Бернт Ротман, сын городского кузнеца. Сначала он был католическим священником, потом стал другом Лютера и возглавил лютеранское движение в Мюнстере. Обратившись в анабаптизм, Ротман поставил свое красноречие на службу делу коммунизма, который якобы существовал в раннехристианской церкви; он утверждал, что все должно быть общим, что нет «моего» и «твоего» и что каждый должен получать по своим «потребностям». Соблазненные Ротманом, в Мюнстер стеклись тысячи людей: сотни бедняков, бродяг, безнадежных должников и «людей, которые, промотав родительское наследство, ничего не зарабатывали своими руками...» Всех их привлекала перспектива «пограбить попов и богатых бюргеров». Сильно встревоженные бюргеры попробова-

ли изгнать из города Ротмана и других анабаптистских проповедников, но у них ничего не вышло.

В 1533 г. Мельхиор Хоффман, убежденный, что Второе Пришествие может случиться в любой день, вернулся в Страсбург, где объявил себя пророком Илией и имел большой успех. Его тут же бросили в тюрьму, в которой он просидел 10 лет до самой смерти.

От других анабаптистов Хоффман отличался миролюбием и отговаривал своих последователей от насилия. Ведь если Христос вот-вот явится, к чему ополчаться на неверующих? Заключение Хоффмана в тюрьму и, конечно, то обстоятельство, что 1533 год прошел без Второго Пришествия, подорвали доверие к Мельхиору; в результате его бывшие мюнстерские сторонники обратились к более неистовым постмиллениаристским пророкам, которые были убеждены, что должны сами установить тысячелетнее царство огнем и мечом.

Новым лидером жесткого анабаптизма стал пекарь из Харлема, голландец Ян Матис (Матисзон). Возрождая дух Томаса Мюнцера, он рассылал миссионеров, или «апостолов», которые должны были повторно крестить всех, кого смогут, и назначать «епископов», наделенных правом крестить. Когда в начале 1534 г. новые апостолы достигли Мюнстера, их встретили, как и следовало ожидать, с большим энтузиазмом. Даже Ротман, захваченный общим безумием, крестился вторично; за ним последовали многие бывшие монахи и значительная часть жителей города. За неделю апостолы окрестили 1400 человек.

Вскоре появился еще один апостол, молодой человек 25 лет, который был обращен и окрещен Матисом лишь на пару месяцев раньше. Его звали Ян Бокельсон (Бокельсон, Бейкельз), но в песнях и предании он вскоре стал известен как Иоанн Лейденский. Наделенный приятной наружностью и красноречием, Бокельсон был человеком несчастливой судьбы, незаконнорожденным сыном мэра голландской деревни, которого ему родила служанка из Вестфалии. Трудовую жизнь он начал учеником портного, женился на богатой вдове, но разорился, когда попробовал открыть собственное торговое дело.

В феврале 1534 г. Бокельсон заручился поддержкой Бернта Книппердоллинка, богатого торговца полотном и влиятельного предводителя мюнстерских гильдий, и дальновидно женился на его дочери. 8 февраля зять и тесть стремительно побежали по улицам города, призывая всех выйти и покаяться. После большой суматохи, когда люди простерлись на земле в апокалиптических ожиданиях, анабаптисты вскочили и захватили городскую ратушу, узаконив тем самым свое движение.

В ответ на это успешное восстание многие богатые лютеране покинули город, а почувствовавшие свою силу анабаптисты отправили посланников по окрестностям с призывом ко всем сходиться в Мюнстер. Прочий мир, объявили они, через месяц-другой погибнет, и только Мюнстер спасется, чтобы стать Новым Иерусалимом. Тысячи людей потянулись даже из таких удаленных мест, как Фландрия и Фризия в Северной Гол-

ландии. В результате анабаптисты вскоре получили большинство в городском совете, а за этим успехом три дня спустя, 24 февраля, последовала вакханалия расхищения книг, статуй и картин из церквей и городских домов. Вскоре собственной персоной явился Ян Матис, высокий худой человек с длинной черной бородой. При поддержке Бокельсона он быстро стал фактически городским диктатором. Готовые на насилие анабаптисты окончательно захватили город. Теперь можно было начинать Великий коммунистический эксперимент.

Первая великая задача этой жесткой теократии состояла, естественно, в том, чтобы очистить Новый Иерусалим от нечистых и нечестивых, предваряя, таким образом, их конечное уничтожение по всему миру. Матис призвал истребить всех оставшихся католиков и лютеран, но возобладало здравомыслие Книппердоллинка, который предупредил Матиса, что уничтожение всех прочих христиан может настроить весь мир против анабаптистов, что он ополчится на них и погубит Новый Иерусалим в колыбели. Поэтому был избран другой вариант, и 27 февраля католиков и лютеран выгнали из города в разгар ужасной снежной бури. С жестокостью, напоминавшей будущую коммунистическую Камбоджу, всех неанабаптистов, включая стариков, инвалидов, младенцев и беременных женщин, отправили прямо в метель и не позволили взять с собой ничего из денег, утвари, пищи и одежды. Оставшихся лютеран и католиков принудительно крестили еще раз, а тех, кто отказался пройти обряд, казнили.

Изгнание лютеран и католиков переполнило чашу терпения епископа, который на следующий день, 28 февраля, начал долгую осаду города. Призвав всех на защиту города, Матис начал свою тоталитарную коммунистическую социальную революцию.

Первым делом была конфискована собственность изгнанных. Все их пожитки свезли на центральные склады, где бедняки могли брать «по своим потребностям», а «потребности» определяли семь «диаконов», выбранных Матисом. Когда кузнец запротестовал против этих мер, навязанных голландскими чужаками, Матис арестовал храброго кузнеца, собрал все население города, собственноручно убил «безбожного» кузнеца и приказал бросить в тюрьму семерых видных граждан, которые негодовали по поводу этой расправы. Толпе было заявлено, что публичная казнь послужит хорошим уроком, и собравшиеся послушно запели гимн в честь убийства.

Затем обнажилась истинная подоплека анабаптистского царства террора в Мюнстере. Как и камбоджийские коммунисты четыре с половиной столетия спустя, новая правящая элита безошибочно поняла, что отмена частного владения деньгами поставит население в полную рабскую зависимость от тех, кто находится у власти. Матис, Ротман и другие начали пропагандистскую кампанию, уверяя, что иметь деньги в частном владении не по-христиански, что все деньги должны быть «общими»; фактически же это означало, что все деньги должны быть переданы

в распоряжение Матиса и его правящей клики. Те немногие анабаптисты, которые припрятали деньги, были схвачены и подвергнуты унижению: им приказали подползать к Матису на коленях, просить прощения и умолять его замолвить за них слово перед Богом. Затем Матис великодушно «простил» грешников.

После двух месяцев жесткого и непрерывного давления, сочетавшего уверения в том, что настоящее христианство не допускает частных денег, с угрозами и террором в отношении тех, кто пока не сдавался, в Мюнстере было фактически упразднено частное владение деньгами. Все деньги узурпировали правители, используя их на покупку или аренду нужных городу вещей. За работу платил натурой единственный оставшийся работодатель: теократическое анабаптистское государство.

Продовольственные запасы были вывезены из частных домов и централизованно распределялись по решению правительственных диаконов. Чтобы приютить приезжих, все дома были объявлены общественными, и каждый мог селиться в любом месте; в домах теперь запрещалось закрывать и тем более запира́ть двери. Были устроены общественные столовые, где люди ели совместно под чтение Ветхого Завета.

Во имя общности и христианской «любви» были установлены принудительный коммунизм и царство террора. Обобществление рассматривалось как первый гигантский шаг к тотальному эгалитарному коммунизму, при котором, по словам Ротмана, «все является общим, не существует никакой частной собственности; никто не работает, а все просто полагаются на Бога». Однако всеобщее освобождение от работы, конечно, так и не наступило.

Обращение, посланное в октябре 1534 г. другим анабаптистским общинам, превозносило новый принудительный порядок христианской любви:

Мы не только сложили все наше имущество в один общий котел, находящийся под надзором диаконов, и живем от него сообразно нашей потребности. Мы славим Бога через Христа единым сердцем и единым разумом и с охотой помогаем друг другу во всяком деле.

И, соответственно, все, что служило целям наживы и приобретения частной собственности, а именно покупка и продажа, работа за деньги, взимание процента и занятие ростовщичеством... хорошее пропитание за счет бедняков... да и вообще все противоречащее любви, — все такие вещи запрещены среди нас властью любви и общности.

Как люди в высшей степени последовательные, мюнстерские анабаптисты, обобществляя всю материальную собственность, не притворялись, будто сохраняют интеллектуальную свободу. Напротив, они гордились своей необразованностью и заявляли, что настоящие избранные — это неучи и голытьба. Анабаптистская чернь с особенным удовольствием сожгла все книги и рукописи кафедральной библиотеки, и в конце концов, в середине марта 1534 г., Матис объявил вне закона все книги кроме

Великой Книги, Библии. В знак полного разрыва с греховным прошлым все книги, находившиеся в индивидуальном и общем владении, были брошены в большой костер. Все это означало, к тому же, что отныне жители Мюнстера должны довольствоваться только одной теологией или одним толкованием Писания — тем, которое предлагают Матис и другие анабаптистские проповедники.

Однако в конце марта непомерная гордыня Матиса оказалась для него роковой. В пасхальную неделю он решил, что Бог повелел ему и еще некоторым верным прорвать епископскую осаду и освободить город. Матис и несколько его сподвижников выбежали из ворот, бросились на ожидавших и были в буквальном смысле изрублены на куски. В эту эпоху идея полной религиозной свободы была практически не известна, и любых анабаптистов, попавших в руки более ортодоксальных христиан, ожидала, надо полагать, не самая приятная участь.

Смерть Матиса оставила в руках молодого Бокельсона. И если Матис повелевал жителями Мюнстера с помощью кнута, то Бокельсон взялся за бич. Он не стал тратить время на оплакивание своего наставника и тут же заявил сторонникам: «Бог пошлет вам другого пророка, более сильного». Но с помощью чего молодой фанатик смог превзойти учителя? В начале мая Бокельсон привлек внимание всего города тем, что голышом, с безумным видом, пробежал по улицам, а затем впал в трехдневный безмолвный экстаз. Выйдя из него, Бокельсон объявил, что Бог открыл ему свое новое произволение. Во имя Божье Бокельсон упразднил прежний городской совет и должности бургомистров и учредил новый совет из 12 старейшин, среди которых он, Бокельсон, естественно, был самым главным. Старейшины получили полную власть над жизнью и смертью, имуществом и душой каждого обитателя Мюнстера. Была введена жесткая система принудительного труда, все ремесленники были зачислены на военную службу у государства и работали на общественные нужды без денежного вознаграждения. Это, естественно, означало роспуск всех гильдий.

Теперь тоталитаризм в Мюнстере достиг полной завершенности. Любое несогласованное действие, хорошее или плохое, каралось смертью. Смертная казнь полагалась за тяжкие преступления: убийство, воровство, ложь, жадность и ссору (!). Смертью же карался любой мыслимый вид неподчинения: непослушание родителям, неповиновение жен мужьям и, конечно, любое неподчинение избранным представителям Бога на земле, тоталитарным правителям Мюнстера. Бернт Книппердоллинк был назначен главным палачом, выполняющим приговоры.

Единственной пока еще не затронутой сферой жизни оставались интимные отношения, но теперь и они попали под молот тотального деспотизма Бокельсона. Единственным разрешенным видом сожителства был брак между анабаптистами. Любая другая форма, в том числе брак с «безбожником» или «безбожницей», считалась тяжким преступлением. Но эта довольно старомодная схема вскоре перестала удовлет-

ворять Бокельсона, и он решил ввести в Мюнстере принудительное многоженство. Поскольку жены и дочери многих изгнанных остались в городе, женщин брачного возраста там оказалось втрое больше, чем мужчин, и полигамия, таким образом, технически была вполне осуществима. Тех проповедников, которых эта идея несколько смущала, Бокельсон привлек на свою сторону: он указал, что многоженство было обычным делом у патриархов Израиля, и на всякий случай пригрозил инакомыслящим смертью.

Но многие мюнстерцы сочли многоженство чем-то уже совершенно неприемлемым и подняли восстание. Его, впрочем, быстро подавили и большинство участников казнили. Казнь ожидала и любых других инакомыслящих. В итоге в августе 1534 г. многоженство было введено в Мюнстере официально. Как и следовало ожидать, молодой Бокельсон сполна использовал все преимущества нового режима и в скором времени собрал гарем из 15 жен, включая Дивару, красивую молодую вдову Яна Матиса. Прочие представители мужского населения тоже начали чувствовать себя в новых условиях как утки в воде. Однако многие женщины не были довольны, и тогда старейшины приняли закон, обязывающий выходить замуж каждую женщину, не достигшую (и даже уже достигшую) определенного возраста; на практике это означало, что она против своей воли оказывалась третьей или четвертой женой.

Кроме того, поскольку брак между безбожниками был не только недействительным, но и противозаконным, женам изгнанников пришлось теперь играть по правилам и принудительно «выходить замуж» за правоверных анабаптистов. Отказ повиноваться новому закону, естественно, карался смертью, и в результате некоторое количество женщин действительно казнили. «Старых» жен, отказывавшихся признавать появившихся в их доме новых жен, тоже наказывали, а ссоры между женами карались смертью. Многие женщины были казнены именно за ссоры.

Но дальше этого не могла дотянуться даже длинная рука государства; поэтому Бокельсон и его сподвижники пошли на первую уступку и разрешили развод. Поскольку церемония бракосочетания была теперь совсем отменена, развестись стало очень легко. В результате в Мюнстере сложилась практика, равнозначная принудительной свободной любви, и всего за несколько месяцев ханжеское пуританство трансформировалось в узаконенную половую распущенность.

Тем временем Бокельсон проявил себя блестящим организатором в осажденном городе. Принудительный труд, как военный, так и гражданский, был строго обязательным. Епископская армия состояла из наемников, которым платили мало и нерегулярно. Бокельсон уговорил многих из них дезертировать, так как предлагал регулярную плату, причем плату *деньгами*, — т.е. в данном случае отступал от жесткого внутреннего коммунизма, обходившегося без денег. Но если бывших епископских солдат заставляли пьяными, их немедленно казнили. А когда епископ забросил в город листовки, обещающие общую амнистию

в обмен на капитуляцию, Бокельсон запретил их чтение под страхом, естественно, смертной казни.

К концу августа 1534 г. епископское войско пришло в полное расстройство, и осада была временно снята. Ян Бокельсон использовал эту возможность, чтобы продвинуть свою «эгалитарную» коммунистическую революцию еще на шаг вперед: он объявил себя царем и Мессией Последних дней.

Самостоятельное возведение себя в царский сан могло показаться неприличным и даже незаконным. Но у Бокельсона был на примете некто Дузентшур, золотых дел мастер из соседнего города и тоже самопровозглашенный пророк; он и согласился оказать Бокельсону услугу. В начале сентября Дузентшур возвестил всем и каждому новое откровение: Ян Бокельсон станет царем всего мира, преемником Царя Давида, и будет хранителем Престола до тех пор, пока сам Бог не восстановит свое Царство. Бокельсон, естественно, подтвердил, что получил такое же откровение. Затем Дузентшур вручил Бокельсону меч правосудия, совершил помазание и провозгласил его царем всего мира. Бокельсон выказал крайнее смирение: простерся ниц и испросил веление Божье. Как и рассчитывал Бокельсон, Бог ответил тут же, и оказалось, что Дузентшур, как ни удивительно, прав. Бокельсон объявил собравшимся, что Бог только что вручил ему «власть над всеми народами земными» и всякого, кто осмелится перечить воле Божьей, ждет «незамедлительная смерть от меча».

Таким образом Ян Бокельсон, несмотря на несколько невнятных протестов, был провозглашен царем мира и Мессией. Анабаптистские проповедники Мюнстера разъяснили своей пораженной пастве, что Бокельсон — поистине Мессия, что появление его предсказано в Ветхом Завете и он по праву является правителем всего мира, как преходящего, так и духовного.

Как часто бывает, «эгалитарные» вожди оставляют — для самих себя, разумеется, — особый запасной выход из тусклого однообразия жизни. Так поступил и царь Бокельсон. Ведь, помимо всего прочего, важно было всеми средствами подчеркнуть значение пришествия Мессии. Поэтому Бокельсон стал носить самые роскошные одеяния, золотые украшения и драгоценности, назначил себе придворных и почетную стражу, которые тоже щеголяли в пышных нарядах. Главная жена Бокельсона, Дивара, была провозглашена царицей мира, получила роскошные одеяния и свиту. Этот блестящий двор, насчитывавший порядка 200 человек, разместился в красивых домах, реквизированных по этому случаю. Покрытый шитой золотом тканью трон был установлен на главной площади, где царь Бокельсон в короне и со скипетром вершил правосудие в окружении личных телохранителей. Все его верные сторонники были по заслугам вознаграждены чинами и роскошными одеяниями: Книппердоллинк стал первым министром, а Ротман — царским оратором.

Если коммунизм — это совершенное общество, то *хоть кто-то* должен же вкушать его плоды. Но кому это пристало больше, чем Мессии и его придворным? Хотя частная собственность на деньги более не существовала, конфискованное золото и серебро переплавлялось в декоративные монеты во славу нового царя. Все лошади были изъяты для нужд царского вооруженного эскадрона. Изменились в Мюнстере и названия; все улицы были переименованы, воскресные и праздничные дни упразднены, а всех новорожденных нарекал лично царь по специальной схеме.

В полуголодном рабском обществе, каким был коммунистический Мюнстер, мало кто мог позволить себе роскошную жизнь, столь любезную царю и его придворным, а новый правящий класс становился теперь жестко очерченной олигархией, невиданной в прошлом. Поэтому если царь и его приближенные могли жить в роскоши, то всем прочим жителям Мюнстера предписывался строжайший аскетизм. У подданных уже и так отняли дома и значительную часть пропитания; теперь же были запрещены любые излишества. Одежда и спальные принадлежности строго рационировались, а все «излишки» под страхом смерти передавались в распоряжение царя Бокельсона. Каждый дом подвергся тщательному обыску, что позволило набрать 83 повозки «излишней» одежды.

Неудивительно, что обманутые жители Мюнстера начали роптать: ведь их вынудили жить в полной нищете, тогда как царь и его двор жили в вызывающей роскоши на конфискованные средства. Тогда Бокельсон решил провести идеологическую обработку и обосновать существование новой системы. Объяснение было таково. Бокельсон имеет полное право жить в роскоши, поскольку уже совершенно расстался со всем мирским и плотским. А раз это так, то его роскошь по сути дела ничего не значит. В манере всякого гуру, который живал в роскоши среди своих легковых поклонников, он заявил, что материальные объекты не имеют для него никакой ценности. Совершенно непостижимо, как можно дурачить людей с помощью такой «логики». Но Бокельсону удалось добиться даже большего. Он уверил своих подданных, что он и его двор — это всего лишь авангард нового порядка; вскоре и *они*, подданные, тоже будут жить в такой же тысячелетней роскоши. При новом порядке жители Мюнстера продвинулись вонне, вооруженные волей Божьей, завоюют весь мир, истребят нечестивых, после чего Иисус возвратится и все заживут богатой и прекрасной жизнью. Тогда-то и будет установлен настоящий коммунизм с равным богатством для всех.

Расширение недовольства подразумевало, конечно, более суровые репрессии, и царство «любви» еще активнее предалось устрашению и казням. Как только была провозглашена монархия, пророк Дузентшур объявил новое божественное веление: каждый, кто упорствует в несогласии с царем Бокельсоном или в неподчинении ему, будет предан смерти, и сама память о нем будет искоренена. Такие люди исчезнут навсегда. Среди казненных было немало женщин: их предавали смерти

за отказ признавать супружеские права мужей, за оскорбление проповедников или за то, что они осмеливались жить в двоебрачии (многоженство, естественно, оставалось чисто мужской привилегией).

Несмотря на многочисленные заявления о продвижении вперед и грядущем завоевании мира, Бокельсон не был настолько безумен, чтобы реально приступить к этому подвигу, — прежде всего потому, что епископская армия вновь осадила город. Вместо этого он расчетливо использовал значительную часть экспроприированного золота и серебра на отправку посланников и прокламаций в сопредельные области Европы с намерением поднять массы на анабаптистскую революцию. Пропаганда имела успех, и в январе 1535 г. массовые волнения прокатились по всей Голландии и Северо-Западной Германии. Тысяча вооруженных анабаптистов собралась под предводительством человека, который называл себя Христом, Сыном Божьим; серьезные анабаптистские восстания произошли в Западной Фризии, в городе Минден и даже в великом городе Амстердам, где восставшим удалось захватить ратушу. В конечном счете эти восстания были подавлены; немалую помощь властям оказали предатели, сообщавшие имена повстанцев и расположение их складов оружия.

На сей раз чаша терпения правителей Северо-Западной Европы переполнилась; все государства Священной Римской Империи договорились собрать войска и сокрушить чудовищный режим в Мюнстере. В январе 1535 г. город впервые был полностью блокирован и отрезан от внешнего мира. Противник рассчитывал голодом принудить население к сдаче. Пищи тут же перестало хватать, и в этой кризисной обстановке городские власти прибегли к традиционным решительным мерам: все продовольственные запасы были конфискованы, все лошади забиты на пропитание царя, его двора и охраны. Царь и придворные продолжали есть и пить в свое удовольствие, а по всему Мюнстеру воцарились голод и опустошение: массы ели буквально все, что только могли найти, даже несъедобное.

Царь Бокельсон поддерживал свою власть непрерывными пропагандистскими заявлениями и лживыми обещаниями, которые адресовал голодающим людям. К Пасхе, утверждал он, Бог непременно их спасет, а в противном случае пусть его, Бокельсона, публично сожгут на городской площади. Когда Пасха прошла, Бокельсон находчиво объяснил, что имел в виду только «духовное» спасение. Он пообещал, что Бог обратит камни в хлеб, но и это обещание, естественно, тоже не сбылось. В конце концов Бокельсон, давно питавший пристрастие к театральности, повелел голодающим подданным три дня предаваться танцам и играм. Были разыграны разные представления, в том числе Черная месса. Однако голод становился уже неодолимым.

Несчастное население Мюнстера фактически было обречено. Епископ по-прежнему забрасывал в город листовки, обещаая помиловать его жителей, если они низложат царя Бокельсона и выдадут его и его приближенных. Чтобы предохранить себя от такой опасности, Бокельсон пошел еще дальше по пути террора. В начале мая он разделил город на 12 окру-

гов и во главе каждого поставил «герцога» с отрядом из 24 солдат. Герцоги, как и сам Бокельсон, были голландцами; поэтому на их верность можно было положиться. Герцогам строго запрещалось покидать свои округа, а они, в свою очередь, запретили любые скопления народа, хотя бы даже и в несколько человек. Никому не дозволялось покидать город, и всякому, кого уличали в намерении бежать, в помощи беглецам или в поношении царя, тут же отрубали голову; обычно это делал сам Бокельсон. В середине июня казни совершались каждый день, причем тела нередко расчленяли и развешивали по частям в знак предупреждения массам.

Бокельсон, несомненно, скорее позволил бы всему населению умереть с голода, чем сдать. Однако два беглеца выдали слабые места в обороне города, и в ночь на 24 июня 1535 г. кошмарный Новый Иерусалим наконец-то нашел свой кровавый конец. Несколько сотен последних анабаптистов сдались на милость победителя, но тут же были перебиты, а королеве Диваре отрубили голову. Что касается бывшего царя Бокельсона, то его заковали в цепи и в январе следующего года вместе с Книппердоллинком прилюдно подвергли мучительной казни; тела их были вывешены в клетках на церковной башне.

5.7. ИСТОКИ МЕССИАНСКОГО КОММУНИЗМА

Анабаптистский коммунизм возник с приходом Реформации отнюдь не сам собой. Его истоки восходят к чрезвычайно влиятельному итальянскому мистиком Иоахиму Флорскому (1145—1202). Иоахим был аббатом и некоторое время отшельником в Калабрии на юге Италии. Он первым выдвинул идею, что в Библии скрыты пророчества, предсказывающие ход мировой истории и доступные пониманию искушенных толкователей. Основное внимание Иоахим сосредоточил на туманном и мрачном Откровении Иоанна и пришел к выводу, что история должна последовательно пройти три эпохи, каждой из которых правит один из членов Святой Троицы. Первая эпоха, эпоха Ветхого Завета, была эпохой Отца, или Закона, эпохой страха и рабской покорности. Вторая эпоха, эпоха Сына, была эпохой Нового Завета, эпохой веры и подчинения. Мистики обычно мыслят троичными категориями, и Иоахим возвестил наступление третьей и последней эпохи, эпохи Святого Духа, эпохи совершенной радости, любви и свободы, которой и завершится человеческая история. В эту эпоху собственность исчезнет, поскольку все будут жить в добровольной бедности; это будет с легкостью доступно каждому: так как все люди совершенно освободятся от своих физических тел, необходимость в работе исчезнет. Обладая лишь духовными телами, люди не будут испытывать потребность в еде и тому подобном. По выражению Нормана Кона, мир станет «одним обширным монастырем, в котором все лю-

ди будут созерцательными монахами, постоянно пребывающими в мистическом экстазе вплоть до Страшного Суда». Нарисованная Иоахимом картина уже перекликается с позднейшей марксистской диалектикой трех якобы неизбежных стадий истории: стадии первобытного коммунизма, стадии классового общества и, наконец, стадии совершенной свободы, тотального коммунизма, при котором отомрет разделение труда и наступит конец человеческой истории.

Подобно многим хилиастам, Иоахим довольно точно представлял, когда наступит последняя эпоха и, как многие другие, считал, что это будет довольно скоро, — с его точки зрения, где-то в первой половине следующего, XIII столетия.

Причудливая доктрина Иоахима быстро стала очень влиятельной в Италии, в Германии и среди ригористического крыла нового Францисканского ордена.

Новый ингредиент в это зелье немного позже, в самом конце XII в., добавил ученый профессор теологии знаменитого Парижского университета Амальрик из Бена (Амори Шартрский). Его замысловатое учение, одно время очень популярное во французских придворных кругах, было осуждено папой; Амальрик был вынужден публично отречься от своих воззрений и умер вскоре после этого, в 1206 или 1207 г. Однако его учение подхватила небольшая тайная группа последователей; большинство этих клириков-аморитов изучали теологию в Париже. Штаб-квартирой группы стал важный центр производства тканей, город Труа в Шампани; миссионеры-амориты многих обратили в свою веру и распространяли написанные простым языком теологические сочинения. Возглавлял группу священник Вильем Аурифекс; помимо прочего, они занимались то ли ювелирным делом, то ли алхимией и пытались превращать неблагородные металлы в золото. Выслеженные по приказу епископа Парижского, 14 аморитов были схвачены и подвергнуты либо пожизненному заключению, либо публичному сожжению — в зависимости от того, отрекались они от ереси или нет. Большинство из них отказались отречься.

Подобно Иоахиму, амориты тоже выделяли три эпохи человеческой истории, но с определенной особенностью: каждая эпоха имела свое воплощение. Для Ветхозаветной эпохи таким был Авраам и, вероятно, некоторые другие патриархи; Новозаветную эпоху, естественно, воплотил Иисус, а воплощением приближавшейся эпохи Святого Духа должен был стать уже кто-то из живущих людей. Как и следовало ожидать, таким новым воплощением амориты считали самих себя; иными словами, они объявили себя живыми богами, воплощением Святого Духа. При этом они не собирались все время оставаться божественной элитой среди людей; напротив, их предназначение состояло в том, чтобы вести все человечество ко всеобщему воплощению.

В XIV в. в Северной Европе многочисленные группы, известные как «Братья свободного духа», добавили к учению еще один важный элемент: диалектику «повторного слияния с Богом», заимствованную у Плотина,

философа-неоплатоника III в. Плотин выделял три собственные стадии: первоначальное единство с Богом, совпадающую с человеческой историей стадию отпадения, отделения или отчуждения от Бога и конечное «возвращение», или «повторное слияние», когда все люди поглощаются Единым и история заканчивается. Братья свободного духа внесли и новый элитарный акцент: если повторное слияние большинства произойдет лишь в конце истории, и «низкие духом» неизбежно умрут земной смертью, то славное меньшинство, «высокие духом», может еще при жизни достичь слияния и достигнет его, превратившись в живых богов. Этим меньшинством, естественно, были сами Братья; многие годы неустанных духовных трудов, самоизнурения и мистических видений сделали их настоящими богами, более совершенными и богоподобными, чем даже сам Христос. Кроме того, как только эта стадия мистического единства достигнута, она становится постоянной и вечной. Новые боги порой объявляли себя более великими, чем сам Бог. Группа «Сестер свободного духа» в Швайднице заявила, что способна так повелевать Святой Троицей, как если бы «скакала на ней в седле», а одна из этих женщин утверждала: «Когда Бог создавал все вещи, я создавала их вместе с ним... Я больше, чем Бог». Таким образом, даже один человек или, во всяком случае, одаренное меньшинство способны собственными усилиями возвыситься себя до божественного состояния гораздо раньше, чем другие их собратья.

Статус живого бога на земле был сопряжен со многими преимуществами. Прежде всего, он прямо вел к крайней форме антиномистской ереси: если люди богоподобны, они не способны совершить грех, и все, что они делают, по определению нравственно и хорошо. Отсюда следует, что любое действие, обычно считающееся греховным, — от прелюбодеяния до убийства — становится совершенно правомерным, когда его совершают живые боги. И действительно, «свободные духом», как и другие антиномисты, намеренно выставляли напоказ свою свободу от греха, специально совершая все мыслимые грехи.

Однако была и одна существенная оговорка. Среди адептов Свободного духа лишь руководящее меньшинство могло считаться «живыми богами»; для рядовых же служителей культа, стремящихся стать богами, существовал один единственный грех, который нельзя совершать: неповиновение начальству. Каждый ученик приносил конкретному живому богу клятву абсолютного повиновения. Возьмем, например, ведущего гуру Свободного духа Николая Базельского, почитавшегося почти по всему течению Рейна. Объявив себя новым Христом, Николай утверждал, что единственный путь к спасению для каждого — это полное и беспрекословное подчинение ему, Николаю. В награду за верность Николай жаловал своим последователям полное освобождение от всех грехов.

Что же касается всех прочих, не принадлежавших к числу адептов и не заслуживавших спасения и возрождения, то они существуют лишь для того, чтобы выполнять веления избранных. Доктрина тотальной вла-

сти шла рука об руку с социальной доктриной, принятой в XIV в. многими адептами Свободного духа: коммунистическим отрицанием института частной собственности. Однако по сути дела этот философский коммунизм был достаточно прозрачным прикрытием *их*, служителей Свободного духа, самопровозглашенного права на воровство. Кратко говоря, адепты Свободного духа рассматривали все имущество неизбранных как свою собственность. В 1317 г. епископ Страсбургский писал: «Они убеждены, что все вещи общие, и на этом основании заключают, что воровство законно». А вот как изложил ту же мысль адепт Свободного духа из Эрфурта Иоганн Хартман: «Истинно свободный человек есть царь и господин всех созданий. Все принадлежит ему, и он обладает правом брать то, что ему нравится. Если кто-то воспротивится ему, свободный человек волен убить такого и взять его вещи». Одна из любимых поговорок Братьев Свободного духа гласила: «Что видит и чему радуется глаз, то да схватит рука».

Последнюю приправу в революционно-коммунистическое варево Мюнцера—Мюнстера добавили фанатичные табориты начала XV в. Они представляли собой радикальное крыло гуситов, предреформационного революционного движения, в котором смешались несколько компонентов: религиозный (антикатолический), национальный (чехи против немцев, занимавших высокие посты в светской и духовной иерархии) и классовый (стремление объединенных в гильдии ремесленников отнять политическую власть у аристократии).

К уже имевшемуся табориты добавили долг истреблять. Последние дни близко; поэтому избранные обязаны подняться и искоренить грех путем уничтожения всех грешников, т.е., во всяком случае, всех нетаборитов. Все грешники — враги Христа, и «да будет проклят тот, кто удерживает меч свой от пролития крови врагов Христа. Каждый верующий обязан омочить свои руки этой кровью». При таком настрое табориты не останавливались и перед уничтожением интеллектуальных ценностей. Когда они захватывали церкви и монастыри, они с особым удовольствием разоряли библиотеки и сжигали книги: «Ибо все имущество должно быть изъято у врагов Бога и предано огню или уничтожено иным способом». Кроме того, избранным книги не нужны. Когда Царство Божье установится на земле, больше уже не будет нужно, «чтобы один учил другого. Не будет больше нужды в книгах или писаниях, и вся мудрость мирская погибнет». А с нею, надо полагать, и все люди тоже.

Помимо прочего, радикальные табориты заново переосмыслили тему «возвращения» в утраченный Золотой век и провозгласили возврат к тому состоянию, в котором прежде якобы пребывали чехи: возврат к коммунистическому обществу без частной собственности. Чтобы перейти к бесклассовому обществу, следует в первую очередь уничтожить города, эти средоточия роскоши и алчности, а также купцов и земельных магнатов. Когда избранные установят с помощью революционного наси-

лия Царство Божье в Богемии, их задачей будет распространение такого коммунизма на весь мир.

Помимо материальной собственности обобществляться должны и тела верных. Радикальных таборитов можно обвинить в чем угодно, но только не в отсутствии логики. Их проповедники учили: «Все будет общим, включая жен; останутся только свободные сыны и дочери Божьи, и не будет больше брака как союза двоих — мужа и жены».

Гуситская революция разразилась в 1419 г., и в том же году табориты собрались в городе Усти в Северной Богемии близ немецкой границы. Они переименовал Усти в Табор, т.е. в Масличную гору, где Иисус предсказал свое Второе пришествие, вознесся на Небеса и где, как предполагали, должен был явиться вновь. В Таборе начался коммунистический эксперимент, и все было объявлено общим со следующим предупреждением: «Кто сохраняет деньги в частном владении, совершает смертный грех». Женщины тоже стали общими, и если жену и мужа заставляли вместе, их казнили. К несчастью для себя, но тоже вполне логично, табориты были настолько убеждены в своем праве существовать за счет общих запасов, что перестали работать. Запасы вскоре истощились. И что же дальше? А дальше радикальные табориты, естественно, объявили, что нужда дает им право отнимать имущество избранных, и принялись грабить всех подряд. Как с горечью признал сход умеренных таборитов, «многие коммуны никогда не помышляли о том, чтобы зарабатывать на жизнь собственным трудом, желают жить за счет чужого имущества и совершают неправые вылазки с единственной целью пограбить». Таборитское крестьянство, не присоединившееся к коммунам, считало, что радикальный режим начинает восстанавливать феодальные подати и узы всего через полгода после того, как они были отменены.

Радикальный режим в Усти-Таборе дискредитировал себя среди своих, в глазах более умеренных союзников и собственных крестьян, а потому вскоре рухнул. Однако почти тут же факел фанатичного мистического коммунизма был поднят другой сектой, так называемыми Богемскими адамитами. Подобно adeptам Свободного духа прошлого столетия, адамиты считали себя живыми богами, превосходящими Христа хотя бы потому, что Христос умер, а они живут. (Железная логика, но недалекая.) Это убеждение, однако, находилось в странном противоречии с тем фактом, что основатель секты, бывший священник Петер Каниш, был уже схвачен и сожжен Яном Жижкой, главнокомандующим гуситов. Адамиты нарекли погибшего Каниша Иисусом, а своим предводителем выбрали крестьянина, которому дали имя Адам-Моисей.

Адамиты считали все имущество общим, а брак — мерзейшим грехом. Соответственно, в секте предписывалось беспорядочное сожительство, ибо целомудренные не были достойны допуска в мессианское царство. Каждый мужчина мог иметь ту женщину, на которую обращал взгляд, и противиться его воле было нельзя. Значительную часть времени адамиты ходили обнаженными, подражая первоначальному состоя-

нию Адама и Евы. При этом, однако, сожителство было хотя и обязательным, но в то же время не вполне свободным, поскольку могло происходить только с разрешения Адама-Моисея.

Подобно радикальным таборитам, адамиты считали своим священным долгом истребление всех неверующих в мире и не собирались опускать меч до тех пор, пока кровь не зальет мир до высоты конской гривы. Они называли себя косою Божьей, ниспосланной для искоренения нечестивых.

Адамиты укрылись от Жижки на острове на реке Нежарка и, несмотря на свою малочисленность, совершали оттуда вылазки, стремясь наилучшим образом выполнить двойную задачу: установить принудительный коммунизм и истреблять неизбранных. По ночам они устраивали рейды, которые называли «священной войной», с целью что-нибудь захватить и кого-нибудь убить. Верные своим убеждениям, они не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей.

Наконец, Жижка послал отряд из 400 отборных воинов, который осадил остров и в октябре 1421 г., преодолев сопротивление, перебил адамитов всех до единого. Еще одному бесчеловечному «царству Божьему на земле» пришел конец.

Армия таборитов была разбита умеренными гуситами в 1434 г. в битве при Липане. После этого таборизм стал переживать упадок и ушел в подполье. Однако местами он продолжал появляться — не только среди чехов, но и в Баварии и в других немецких землях, граничащих с Богемией. Так была подготовлена сцена для феномена Мюнцера—Мюнстера в следующем столетии.

5.8. КАТОЛИКИ, НЕ ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ К СХОЛАСТИКЕ

Если отвлечься от протестантов и анабаптистских экстремистов, то в XVI в. были католики, которые не принадлежали к схоластике, не принимали участие в перипетиях Реформации, но внесли значительный вклад в развитие экономической мысли.

Одним из них был гений мирового масштаба, чье новое видение мира стало вехой в мировой истории. Поляк Николай Коперник (1473—1543) родился в Торне (Торунь), части Королевской Пруссии, бывшей тогда вассальной территорией Королевства Польского. Он происходил из состоятельного и даже видного семейства: его отец занимался оптовой торговлей, а дядя и наставник занимал пост епископа Эрmlandского. Коперник, долго и упорно учившийся, стал теоретиком во многих областях; он изучал математику в Краковском университете, овладел мастерством художника, изучал каноническое право и астрономию в знаменитом Болонском университете. Приняв духовный сан, он в 24 года стал канони-

ком кафедрального собора во Фрауэнбурге, но затем ушел с этого поста, чтобы читать лекции в Риме и совершенствоваться в нескольких научных областях. В 1503 г. Коперник получил докторскую степень по каноническому праву в университете Феррары, а через два года — степень по медицине в университете Падуи. Он стал личным врачом своего дяди-епископа, а позже служил каноником в кафедральном соборе, посвящая этому все время.

Пребывая в перечисленных выше неустанных трудах, этот замечательный теоретик, так сказать, между делом создал новую астрономическую систему, утверждавшую, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, а не наоборот.

К денежным вопросам Коперник обратился по просьбе польского короля Сигизмунда I, который хотел получить от него предложения по исправлению крайне запутанной денежной ситуации на родине Коперника в польской Пруссии. С 1460-х гг. в польской Пруссии ходили три вида денег: Королевской Пруссии, самого Королевства Польского и прусские деньги Тевтонского ордена. Ни один из эмитентов не поддерживал определенный стандарт веса. Тевтонский орден в особенности сохранял в обращении порченые более дешевые деньги. Коперник завершил работу в 1517 г.; в 1522 г. она была представлена Королевской Прусской ассамблее и через четыре года опубликована.

Предложения Коперника не были приняты, но написанная им брошюра «О чекане монеты» («*Monetae cudendae ratio*») стала важным вкладом в денежную теорию. Коперник конкретизировал положения будущего «закона Грэшема», который на полтора столетия раньше впервые сформулировал Николай Орем. Как и Орем, Коперник начал с того, что деньги являются мерой общерыночной ценности. Затем он высказал мысль, что если ценность денег зафиксирована государством, тогда более дорогие деньги будут вытесняться искусственно недооцененными. В результате Коперник пришел к следующему выводу: совместное хождение хорошей, полновесной, и плохой, порченной, монеты невозможно; хорошая монета будет откладываться про запас, переплавляться или уходить из страны, и в обращении останется только плохая. Он указал также, что теоретически государство может корректировать официальную ценность двух видов денег в соответствии с изменением их рыночной ценности, но на практике сочтет эту задачу слишком сложной.

В ходе своих рассуждений Коперник впервые четко сформулировал «количественную теорию денег», гласящую, что изменение цен напрямую зависит от объема денежной массы в обществе. Он сделал это на 30 лет раньше, чем Аспилькуэта Наварро, и на его мысль еще никак не мог повлиять последующий инфляционный приток драгоценных металлов из Нового Света. В данном вопросе Коперник оставался по преимуществу теоретиком. Причинно-следственная цепочка началась с порчи монеты; порча монеты приводила к росту денежной массы, а это, в свою очередь, вызывало рост цен. Денежная масса, указывал

он, является главным фактором ценообразования. «При нашей косности, — утверждал Коперник, — мы не хотим понять, что всеобщая дороговизна есть результат дешевизны денег. Ведь цены растут и снижаются сообразно состоянию денег». Поэтому, заключал он, «избыточного количества денег допускать не следует».

Другим не принадлежавшим к схоластике католиком, который тоже выдвинул ряд идей в области экономической мысли, был яркий итальянец Джованни Франческо Лоттини да Вольтерра (1512—1572); с него берет начало характерное для итальянцев внимание к анализу ценности и полезности. Во многих отношениях Лоттини был типичным «человеком эпохи Возрождения»: он основательно изучал Аристотеля, был секретарем герцога Флоренции Козимо I Медичи, беспринципным политиком и предводителем венецианских наемных убийц. Под конец жизни он опубликовал «Приемы управления государством» («Avvedimenti civili») по итальянскому обычаю сочинять наставления для правителей (см. ниже, гл. 6). Этот свой труд искусственный политик посвятил великому герцогу Тосканскому Франческо Медичи.

Лоттини исследовал потребительский спрос и пришел к выводу, что оценка потребителей основана на удовольствии, которое они могут извлечь из различных вещей. Анализируя эту новую гедонистическую шкалу ценностей, он отметил, что удовольствие проистекает из удовлетворения человеческих потребностей. Сам Лоттини (в духе Аристотеля) рекомендовал разумную умеренность при удовлетворении желаний и сетовал на то, что желания и потребности некоторых людей, видимо, не имеют предела: «Я знал многих, чьи потребности невозможно удовлетворить». Как и ряд его предшественников, Лоттини выделял факт *временного предпочтения*: люди ценят наличные блага выше будущих благ, т.е. выше существующих в данный момент ожиданий получить эти блага в будущем. К сожалению, Лоттини дал этому совершенно объективному и непреложному природному факту искажающее его моралистическое толкование: в определенном отношении предпочтение настоящего будущему является ошибочной *переоценкой* настоящих и *недооценкой* будущих благ. Эта необоснованная моралистическая критика в будущем негативно сказалась на экономической мысли. По словам Лоттини, «настоящее, которое у нас перед глазами и которое можно, так сказать, схватить руками, побуждало, скорее в большинстве, чем в меньшинстве случаев, даже мудрых людей уделять ближайшему удовольствию больше внимания, чем надежде на отдаленное будущее». Первая причина такого объективного предпочтения кроется в том, что людей больше интересуют те вещи, которые доступны непосредственному чувственному восприятию, а не те, которые можно познать лишь разумом; вторая причина в том, что «лишь немногие упорно доводят долгосрочные и рискованные планы до конца». Что до первой причины, то Лоттини здесь искажает связь посылки с выводом: дело не в различии между ощущениями и разумом, а в различии между тем, что

доступно чувствам в данный момент, и тем, что лишь предполагается доступным в какой-то момент будущего. Вторую причину он формулирует значительно более осмысленно: указание на «долгосрочность» затрагивает очень важную проблему срока ожидания, а указание на «рискованность» — другой и не менее важный фактор, а именно степень вероятности того, что объект *никогда* не станет доступным чувствам.

Работа Лоттини выдержала несколько изданий вскоре после его смерти, и был обнаружен экземпляр, принадлежавший великому английскому поэту и теологу Джону Донну (1573—1631); пометки указывают, что Донн испытал влияние Аристотеля.

Последователем Лоттини был Бернардо Даванцати (1529—1606), флорентийский торговец, эрудированный филолог-классик, известный переводчик Тацита и архикатолический историк Реформации в Англии. В возрасте 17 лет юный Даванцати стал членом Флорентийской академии. В двух работах, написанных в живом итальянском стиле, в 1582 г. и особенно в «Рассуждение о деньгах» («Lezione della moneta») Даванцати применил схоластический метод анализа полезности к теории денег. Сопоставляя спрос и редкость, он сформулировал и решил (за исключением элемента предельности) парадокс ценности. Вслед за Буриданом Даванцати также затронул тему происхождения денег, которая впоследствии стала предметом блестящей теории Карла Менгера, положившего начало австрийской школе в конце XIX в. Для поддержания своей жизни, рассуждал Даванцати, люди нуждаются во множестве вещей; но поскольку окружающие условия и людские умения разнятся, в обществе возникает разделение труда. Поэтому все товары производятся, распределяются и потребляются посредством обмена. Бартер вскоре был признан неудобным, и появились специальные места для обмена — ярмарки и рынки. После этого люди договорились — правда, Даванцати затруднился объяснить, как именно возникла эта «договоренность», — использовать определенный товар в качестве денег, т.е. в качестве универсального средства для любых обменов. Сначала золото и серебро использовали в необработанном виде; затем их стали взвешивать и штамповать в виде монет, на которых указывались вес и чистота металла. К сожалению, в своем позднейшем историческом обзоре теории денег Менгер не оценил по достоинству заслугу Даванцати и безапелляционно отнес его к числу тех, кто «возводит происхождение денег к государственной власти»¹⁵.

5.9. РАДИКАЛЬНЫЕ ГУГЕНОТЫ

Кальвин начал свою собственную Реформацию позже Лютера, но кальвинизм быстро распространился по Западной Европе; он восторжествовал не только в Швейцарии, но и (что гораздо важнее) в голландских Нидерландах, главном торговом и финансовом центре Европы XVII в., а также чуть было не захватил господствующие позиции в Великобри-

тании и во Франции. В Британии кальвинизм в форме Пресвитерианской церкви покорил Шотландию, а кальвинистский пуританизм оказал сильное влияние на Англиканскую церковь и почти завоевал Англию в середине XVII в. Францию в последние четыре десятилетия XVI в. раздирали религиозно-политические войны, и кальвинисты, известные там как гугеноты, были недалеко от победы. Хотя гугеноты составляли не более 5% населения, они были исключительно влиятельны среди знати и в некоторых районах Северной и Юго-Западной Франции.

Как и Лютер, Жан Кальвин проповедовал абсолютное повиновение и непротивление законной власти вне зависимости от того, насколько плохой могла быть эта власть. Но воинствующие последователи Кальвина, воодушевленные подъемом враждебности к некальвинистским правителям, выдвинули доводы в оправдание сопротивления плохим властям. Впервые эти доводы были изложены в 1550-х гг. английскими «изгнанниками Марии» в Швейцарии и Германии в период царствования последнего католического монарха Англии королевы Марии. Эту радикальную традицию, включая право народа на тираноубийство, в последующие десятилетия переняли гугеноты.

168

Под впечатлением ужасной бойни в Варфоломеевскую ночь 1572 г., гугеноты спешно создали либеральные теории решительного сопротивления королевской тираннии. В числе самых значимых работ следует назвать «Франкогаллию» (написана в конце 1560-х гг., но впервые издана в 1573 г.) юриста Франсуа Отмана (1524—1590), анонимные «Политические рассуждения» (1574) и, наконец, венчающее этот ряд сочинение Филиппа Дюплесси-Морне (1540—1623) «Защита свободы против тиранов» («*Vindiciae Contra Tyrannos*», 1573). За тираноубийство особенно ратовал неизвестный автор «Политических рассуждений», яростно критиковавший тех «так называемых теологов и проповедников», которые утверждали, что никто не может правомерно убить тирана «без особого повеления Божьего». Однако другие гугенотские авторы подходили к этому щекотливому вопросу гораздо острее.

Кроме того, за три десятилетия до радикального испанского схоласта Хуана де Марианы гугеноты выдвинули предвосхищавшую Локка теорию народного суверенитета. В частности, Отман утверждал, что передача властных прав народа королю ни в коем случае не является окончательной и неотменяемой. Напротив, народ и его представительные органы имеют право постоянно надзирать за королем и лишить его власти в любой момент. Более того, именно представительные органы должны быть наделены постоянными властными полномочиями. Новая доктрина Отмана получила общую поддержку гугенотов, поскольку он сумел облечь ее в оболочку первоначального, прямо противоположного политического учения Кальвина.

Однако доводы Отмана в пользу изначального народоправия имели чисто исторический характер, и критика со стороны роялистских авторов вскоре выявила в историческом подходе массу натяжек. Гугеноты ощутили необходимость отказаться от кальвинистского принципа пол-

ного гражданского повиновения и разработать естественно-правовую теорию первоначального народного суверенитета, предшествовавшего согласованному переходу к королевскому правлению. Иными словами, гугенотам пришлось воскресить и усвоить схоластическую традицию ненавистных католических оппонентов. Поэтому в отличие от изгнанников Марии, которые уповали на страстность проповеди и на волю богию, Морне и другие гугеноты писали в логическом, схоластическом стиле и открыто ссылались на Аквината и кодификаторов римского права.

Иными словами, как справедливо указывает профессор Скиннер, в XVI в. не было никакой «собственно кальвинистской теории революции». Как ни парадоксально, французские кальвинисты стали развивать революционную теорию народоправия, опираясь на традицию естественного права своих католических противников¹⁶.

Кроме того, парижские схоласты-оккамиты, например Жан Жерсон в начале XV в., а также англичанин Джон Мейджор в начале XVI в. особенно активно продвигали идею суверенитета, который всегда принадлежит народу и может быть отозван у короля в любое время.

Мы уже отмечали ошибочность концепции Макса Вебера, который считал протестантскую (а на самом деле кальвинистскую) этику истоком капитализма: этой концепции противоречит тот факт, что капитализм реально возник в католических регионах — в Италии, Антверпене и Южной Германии. Другая, связанная с первой, ошибка Вебера состоит в расхожей оценке кальвинизма как «новаторского» и революционного течения, как создателя радикальной и демократической политической мысли. Однако мы убедились в том, что кальвинистская и протестантская политическая доктрина изначально была этатистской и абсолютистской. Кальвинизм приобрел революционный и антииранический характер лишь под давлением враждебных ему католических режимов, которое заставило кальвинистов вернуться к идеям естественного права и народного суверенитета, заимствованным у католической схоластики.

Важную версию доктрины народного суверенитета разработал Теодор Беза (1519—1605), ведущий ученик Кальвина и его преемник в Женеве. Незаурядный теоретик, Беза испытал влияние Отмана и в 1574 г. опубликовал работу «Право магистратов». Он утверждал, что естественное право — исходная инстанция: логически и во времени народ предшествует своим правителям, так что политическая власть зарождается в самом народе. «Само собой очевидно, — продолжал Беза, — что народы не происходят от правителей» и не создаются ими. Поэтому сначала сами народы решают передавать властные полномочия правителям. Ход рассуждений Безы был воспроизведен в популярном гугенотском памфлете «Пробудитель» («Le Reveille Matin», 1574). (Возможно, его написал видный французский юрист Юг Донó.) По природе своей человек не может быть существом подчиненным, говорилось в памфлете, ибо «собрания и группы людей существовали повсюду прежде появления королей» и «даже сейчас можно найти людей, над которыми нет власти, но нельзя найти власть,

у которой нет подчиненных». Если человек по природе является не свободным, а рабским существом, то отсюда следует абсурдный вывод, что «народ должен создаваться властями», хотя на самом деле очевидно, напротив, что «во всех случаях власти создаются народом».

Филипп Дюплесси-Морне, как обычно, сформулировал итоговые выводы с предельной ясностью. «Никто, — заявил он, — не является королем по природе», и, кроме того, подчеркнул он, «король не может править, не имея народа, а народ может управлять самим собой без короля». Отсюда следует, что народ должен существовать раньше появления королей и действующих законов права и лишь потом отдает себя в подчинение им. Поэтому естественным состоянием человека должна быть свобода, и мы должны обладать свободой как природным правом, правом, для устранения которого не может быть оправданий. По словам Морне, все мы «свободны по природе, рождены, чтобы ненавидеть рабство, и желаем повелевать, а не повиноваться». Согласно этой предвосхищающей Локка схеме люди решили добровольно подчиниться государственной власти с целью обеспечить свое благополучие.

Вслед за Джоном Мейджором Морне ясно указал, о *какого* рода благополучии идет речь: люди создали государство для защиты своих индивидуальных прав. Как и Мейджор, он считал «правом» на что-то свободу владеть и распоряжаться, т.е. право на предмет как на собственность. Люди сохраняют такие права, когда добровольно создают государственное устройство, чтобы обеспечить большую безопасность своей собственности. В эти права собственности входит природное право каждого на собственную личность и свободы. Государство, по идее, должно защищать эти права, но часто становится главным их нарушителем. Морне специально подчеркнул, что при создании государства люди не могут отчуждать свой суверенитет. Напротив, они всегда «остаются в положении собственника» суверенитета и всего лишь делегируют его правителю. Поэтому народ как «целое» продолжает «значить больше, чем король, и стоит выше него».

Вместе с тем Морне и другие гугеноты были вынуждены умерить свой революционный радикализм. Прежде всего они в полном соответствии со своим тезисом, что народ как целое сохраняет суверенитет, пояснили, что под «народом» в данном случае нужно понимать не совокупность всех людей, а их «представителей» в органах управления и генеральных штатах. Люди по необходимости «передали свой меч» этим институтам; поэтому «когда мы говорим о народе в собирательном смысле, мы имеем в виду тех, кто получил полномочия от народа, т.е. о выборных должностных лицах, стоящих ниже короля... и о представительном собрании». Эти представители на практике обеспечивают выполнение обещаний короля, поскольку такие полномочия являются прерогативой «властей, которые воплощают собой волю народа».

Далее, указывали гугеноты, суверенное право принадлежит всему народу, а не отдельному лицу, и поэтому совершение тиранического от-

дельно взятым человеком недопустимо. Народ как целое стоит выше короля, но король стоит выше любого отдельно взятого человека. И поскольку суверенитет основывается на институтах законно избранных собраний и должностных лиц, только эти институты, воплощающие суверенную власть народа, могут правомерно сопротивляться тирании короля.

Через несколько недолгих лет, в 1580—1581 гг., восстание голландцев против испанского владычества достигло апогея. В 1581 г. в Антверпене вышел анонимный кальвинистский памфлет «Истинное предостережение». В нем утверждалось, что «Бог создал людей свободными» и что единственной властью над людьми является та, которую они сами кому-либо предоставили. Если король нарушает условия правления, тогда народные представители имеют право и обязанность низложить его и «возобновить свои изначальные права». Вождь голландского восстания Вильгельм Молчаливый, принц Оранский, в те годы придерживался таких же взглядов, которые изложил в «Апологии», адресованной генеральным штатам в конце 1580 г., и в официальном «Эдикте генеральных штатов», изданном в июле следующего года. (Следует отметить, что «Апология» в значительной мере была написана Морне и другими гугенотскими советниками.) Эдикт объявлял, что король Испании «утратил свои суверенные права» и Соединенные Нидерланды в результате были обязаны, «в соответствии с природным правом», воспользоваться принадлежащим им безусловным правом на сопротивление тирании и «принять такие меры», какие необходимы для обеспечения их «прав, привилегий и свобод».

171

5.10. ДЖОРДЖ БЬЮКЕНЕН: РАДИКАЛЬНЫЙ КАЛЬВИНИСТ

Самым ярким и самым радикальным из кальвинистских теоретиков конца XVI в. был не французский гугенот, а шотландец, который, правда, провел много лет во Франции. Джордж Бьюкенен (1506—1582) был выдающимся гуманистом, историком и поэтом, он преподавал латынь в колледже Гиень в Бордо. В середине 1520-х гг. Бьюкенен изучал схоластическую философию в университете Сент-Эндрюс, где учился у великого Джона Мейджора. Он рано обратился в кальвинизм, стал другом Безы и Морне, а также состоял членом генеральной ассамблеи Шотландской церкви.

Британские кальвинисты 1550-х гг., бежавшие от католического режима королевы Марии, в изгнании разработали оправдание восстания против тирании и сформулировали его в терминах борьбы дела Божьего с идолопоклонством. Оставалось переформулировать революционную теорию в понятиях светских, природных, прав, дабы она не ограничивалась чисто религиозной сферой богоугодного и еретического. Эту задачу выполнил шотландец Джордж Бьюкенен в самый разгар борьбы кальвинистского большинства Шотландии с королевой-католичкой. Револю-

ция 1560 г. сделала шотландский парламент кальвинистским, сама страна уже почти целиком перешла в кальвинизм, и через 7 лет кальвинисты низложили королеву Марию Стюарт.

Во время этих событий Бьюкенен в 1567 г. начал писать свой самый значительный труд — «О королевских правах у шотландцев», который опубликовал в 1579 г. Некоторые мысли Бьюкенена фигурировали в речах нового регента Шотландии Джеймса Стюарта, графа Морея, в 1568 г., а затем в дискуссиях между шотландским и английским правительствами три года спустя.

Как и гугеноты, Бьюкенен начинал с природного состояния и общественного договора людей со своими правителями, договора, при котором народ сохранял свой суверенитет и свои права. Однако в концепции Бьюкенена было два важных отличия. Беза и Морне говорили о *двух* таких договорах: политическом общественном договоре и о религиозном договоре, который обязывает людей отстаивать дело Божье. У Бьюкенена религиозный договор совершенно отсутствует, и остается только политический. Некоторые историки рассматривают радикальный шаг Бьюкенена как секуляризацию политики в самостоятельную «политическую науку». Но если быть точнее, Бьюкенен освободил политическую теорию от теологической оболочки, которую придали ей основатели протестантизма, вернув этой теории прежнее измерение на основе природного закона и человеческих прав.

Второе, еще более радикальное, отличие состояло в том, что Бьюкенен полностью отказался от совершенно непоследовательной концепции гугенотов, согласно которой народ фактически передает свой суверенитет посредникам-«представителям». С точки зрения Бьюкенена, народ, соглашаясь иметь правителя и заключая с ним договор, сохраняет свои суверенные права без участия каких бы то ни было посредствующих представительных инстанций. Такая схема подразумевает гораздо более революционные выводы применительно к природным правам и народному суверенитету: если король становится тираном и пренебрегает своей обязанностью защищать индивидуальные права, это означает, «что весь народ и даже отдельные граждане полномочны воспротивиться и убить законного правителя ради защиты своих прав». Таким образом, за два с лишним десятилетия до испанского иезуита де Марианы Джордж Бьюкенен впервые пришел к чисто индивидуалистическому пониманию природных прав и суверенитета, а тем самым к оправданию индивидуальных актов тираноубийства. Профессор Скиннер называет эту позицию «в высшей степени индивидуалистическим и даже анархистским взглядом на политическое сопротивление». Как он отмечает, Бьюкенен настаивал на следующем:

Поскольку народ как тело ставит своего правителя, люди могут в любое время «сбросить с себя Imperium», который над собой поставили, исходя из того, что «все, что может быть сделано некоторой данной

властью, может быть отменено подобной ей властью». Больше того, добавляет Бьюкенен, поскольку каждый индивид соглашается на образование государства для собственной большей безопасности и выгоды, из этого следует, что правом на убийство или на смещение тирана всегда должно наделяться «не только все тело народа», но и «каждый индивидуальный гражданин. Таким образом, он сознательно делает почти анархический вывод, что даже когда, как часто бывает, некто «из числа самых низких и захудалых людей» решает «отомстить высокомерному и наглому тирану» и просто присваивает себе право на его убийство», такое действие «считается совершенно правильным»...¹⁷

Как мы уже отмечали, испанский иезуит Хуан де Мариана на двадцать с лишним лет позже разработал похожую и предвосхитившую Локка концепцию народного суверенитета и индивидуального тираноубийства. Как схоласт, он тоже основал ее на договоре природного права и ничего не говорил о религиозном договоре. Как совершенно точно заключает Скиннер,

иезуит Мариана, таким образом, протягивает руку протестанту Бьюкенену, формулируя теорию народного суверенитета, которая, будучи схоластической по происхождению и кальвинистской в своем дальнейшем развитии, существовала, по сути дела, независимо от того и другого вероисповедания и могла использоваться всеми сторонами в надвигавшихся конституционных битвах XVII в.¹⁸

Более типичным представителем основного направления радикального кальвинизма, оформившегося в XVI в., был видный немецкий юрист Иоганн Альтузий (1557—1638). В своем главном труде «Политика в методическом изложении» (1603) Альтузий следует Морне и другим гугенотским теоретикам. Подобно им, он оперирует концепцией народного суверенитета, который с общего согласия делегируется королю и может быть отозван, и тоже включает в схему посредствующих носителей суверенитета представительные собрания и ассоциации. Наконец, индивидуальное тираноубийство считается недопустимым. Однако одно новшество Бьюкенена Альтузий сохраняет: в его обширном трактате отсутствует какой-либо религиозный договор. Более того, он открыто критикует theologов за то, что они наполняют свои политические сочинения «рассуждениями о христианском благочестии и милосердии» и не понимают, насколько эти материи «неуместны и чужеродны в политическом учении».

173

5.11. ЛИГИСТЫ И «ПОЛИТИКИ»

Хотя тираноборцы-гугеноты вызывают у исследователей большой интерес, чем их католические оппоненты конца XVI в., эти последние тоже представляют собой любопытную и незаслуженно обойденную вниманием группу. Когда в 1574 г. на трон взошел Генрих III, стало понятно, что

гугенотам больше не грозит уничтожение и что, напротив, король проявляет мягкость в отношении протестантов. Однако эта мягкость обернулась большой проблемой для французских католиков в 1584 г., когда смерть наследника трона герцога Алансонского сделала первым кандидатом в преемники убежденного кальвиниста Генриха Наваррского. Эта угроза привела к созданию Католической Лиги, особенно сильной в Париже, который был тогда оплотом французского католичества. Лига, которую в масштабах всей Франции возглавлял герцог де Гиз, восстала против Генриха III и вынудила его покинуть Париж. Как мы уже говорили, организованное Генрихом III на мирных переговорах вероломное убийство де Гиза и его брата кардинала вызвало ответный акт тираноборства: 1 августа 1589 г. молодой священник-доминиканец Жак Клеман отомстил за Гизов и убил Генриха.

При Католической Лиге Парижем управлял совет шестнадцати, который пользовался поддержкой средних классов, людей свободных профессий и бизнесменов, а также практически всех парижских священников. Самым радикальным представителем Лиги, особенно активным в 1580—1590-е гг., был видный адвокат Франсуа Лебретон; в своем «Обращении к третьему сословию» (1586) он резко критиковал короля за лицемерие, призывал установить во Франции республику и ради этого решиться на революцию и гражданскую войну. Он был казнен по приговору парламента, высшего судебного органа Франции.

Восстание Католической Лиги, кульминацией которого стали выступления в Париже и других частях Франции, было вызвано не только опасением, что католической Франции навяжут веру гугенотского меньшинства. Помимо религиозных вопросов у сторонников Лиги вызывали большое недовольство политические и экономические проблемы. Генрих III, последний король из династии Валуа, обременил свою страну многочисленными реквизициями, очень тяжелыми налогами и огромными государственными расходами, возникшими из-за его расточительности. Особенно высокие налоги платил город Париж.

Хотя поступок Клемана и был героическим, в итоге он оказался контрпродуктивным: на трон под именем Генриха IV вошел первый Бурбон, Генрих Наваррский. Понимая, что он вряд ли сможет править Францией, оставаясь гугенотом, Генрих после четырехлетней войны перешел в католичество и по легенде оправдал свой шаг тем, что «Париж стоит мессы» (возможно, эта фраза ему приписана). Генрих IV победил. С новым королем к власти пришли центристские, или «умеренные», католики — «политики».

Можно ли назвать Генриха IV и «политиков» «умеренными», зависит от того, на что обращать основное внимание. Будучи сторонниками невмешательства церкви в государственные дела и отнюдь не фанатичными верующими, они, конечно, не имели намерения истреблять гугенотов и, напротив, хотели поскорее положить конец религиозному противостоянию. Генрих решил задачу Нантским эдиктом о веротер-

пимости (1598). В этом отношении «политики» придерживались среднего пути между двумя религиозными крайностями — гугенотами и лигистами; именно с этой точки зрения их, как правило, и рассматривают историки. Однако в другом важном отношении «политики» не проявили никакой умеренности. Больше всего они желали сосредоточить всю власть в руках абсолютистского государства и воплощавшего это государство короля Франции. Восторжествовав над двумя «крайностями», Генрих и «политики» вывели из игры единственные две группы, которые призывали к сопротивлению королевской тирании. Победа Генриха означала также конец французского сопротивления королевскому абсолютизму. Участием Франции на два столетия стало теперь бесконтрольное деспотическое правление Бурбонов, кровавый конец которому положила Французская революция. Поистине, это была высокая цена за религиозный мир, — особенно если учесть, что в 1685 г. «король-Солнце» Людовик XIV отменил Нантский эдикт, вынудив тысячи гугенотов покинуть Францию. В конечном итоге для многих гугенотов религиозный «мир» абсолютистской «умеренности» обернулся вечным сном.

5.12. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Quentin Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought: vol. II, The Age of Reformation* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), p. 143 <Скиннер К. Истоки современной политической мысли : в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 209>. В частности, начало этой критике положили две работы конца XVI в.; одна, «Рассуждение о сочинениях Жана Бодена, Филиппа Морнея и Никколо Макиавелли» (Лион, 1594) принадлежала итальянскому иезуиту Антонио Поссевино (1534—1611), другая, «Религия и добродетели христианского государя против Макиавелли» (Мадрид, 1595; английский перевод: George A. Moore, Maryland, 1949), — испанскому иезуиту Педро де Рибаденейра (1527—1611).
2. Gary North, “The Economic Thought of Luther and Calvin”, *The Journal of Christian Reconstruction*, II (Summer, 1975), p. 77.
3. Richard H. Tawney, *Religion and the Rise of Capitalism* (1927, New York: New American Library, 1954), p. 80.
4. Ibid., p. 95.
5. В отличие от католиков, Лютера и, вероятно, от самого Кальвина (который, впрочем, не имел совершенно определенного мнения по этому вопросу), пуритане были «постмилленаристами», т.е. верили, что люди установят тысячелетнее Царство Божье на земле до пришествия Христа. Другие были либо «предмилленаристами» (Христос придет на землю и *после этого* установит тысячелетнее Царство Божье), либо, как католики, амилленаристами (Христос вернется на какое-то время, а потом наступит конец мира). Постмилленаризм, естественно, внушал своим приверженцам готовность и даже нетерпе-

ние лично и поскорее заняться установлением Царства Божьего на земле, дабы Иисус мог вернуться.

6. То обстоятельство, что лишь поздний кальвинизм выработал такую концепцию призвания, показывает, что причинно-следственная связь в гипотезе Вебера могла бы быть обратной: скорее рост капитализма мог привести к укоренению кальвинистских ценностей, чем наоборот. Теория Вебера больше подходит для объяснения таких обществ, как Китай, где религиозные традиции, насколько можно судить, препятствовали развитию капиталистической экономики. В этой связи показателен анализ взаимоотношения религии и экономического развития в Китае и Японии, предпринятый последователем Вебера Норманном Якобсом: Norman Jacobs, *The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia* (Hong Kong: Hong Kong University Press, 1958).
7. Emil Kauder, *A History of Marginal Utility Theory* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), p. 5.
8. Michael Walzer, *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965), p. 216; см. также pp. 206—226.
9. Kauder, op. cit., note 7, p. 9.
10. John T. Noonan, Jr, *The Scholastic Analysis of Usury* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957), p. 344n.
11. Ibid., p. 371.
12. Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest, Vol. I: History and Critique of Interest Theories* (1921, South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959), p. 24 <Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. I: История и критика теорий процента. М.: Эксмо, 2009. С. 298>.
13. Ronald A. Knox, *Enthusiasm: A Chapter in the History of Religion* (1950, New York: Oxford University Press, 1961), p. 133.
14. Цит. по: Igor Shafarevich, *The Socialist Phenomenon* (New York: Harper & Row, 1980), p. 57 <Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Paris: YMCA-PRESS, 1977. С. 86>.
15. Carl Menger, *Principles of Economics* (New York: New York University Press, 1981), pp. 317—318.
16. Skinner, op. cit., note 1, p. 321 <Скиннер. Указ. соч. С. 477>.
17. Ibid., pp. 343—344 <Там же. С. 511>.
18. Ibid., p. 347 <Там же. С. 516>.

ГЛАВА 6

АБСОЛЮТИСТСКАЯ МЫСЛЬ В ИТАЛИИ И ВО ФРАНЦИИ

6.1. ЗАРОЖДЕНИЕ АБСОЛЮТИСТСКОЙ МЫСЛИ В ИТАЛИИ

В XII в. итальянские города-государства выработали новую форму правления — по крайней мере, новую со времен Древней Греции. Вместо того чтобы иметь традиционного наследственного монарха, который, будучи верховным сеньором, основывал свою власть на системе феодального землевладения, итальянские города-государства стали республиками. Коммерсанты-олигархи, составлявшие правящую элиту города-государства, избирали правителем работавшее за плату должностное лицо — подесту; на своем посту он пребывал сравнительно недолгое время и поэтому действовал исключительно в интересах олигархии. Впервые такая республиканская в масштабах города форма правления появилась в Пизе в 1085 г., а к концу XII в. распространилась по всей Северной Италии.

Со времен Карла Великого, т.е. с IX в., правителями Северной Италии официально считались германские императоры, или императоры «Священной Римской Империи». Однако на протяжении нескольких столетий их власть была чисто формальной, и города-государства фактически оставались независимыми. К середине XII в. они стали самыми процветающими государствами Европы. Итальянские богатства вызывали стойкое искушение их пограбить, и германские императоры, начиная с Фридриха Барбароссы в 1154 г., предприняли растянувшуюся на два столетия серию попыток подчинить города Северной Италии. Вторжения подошли к концу с сокрушительным разгромом экспедиции императора Генриха VII в 1310—1313 гг., а затем, в 1327 г., последовали унижительное изгнание и распад имперской армии Людовика Баварского.

Во время этой длительной борьбы в Италии появились юридические и политические теории, призванные обосновать стремление (в конечном счете успешное) итальянцев противиться посягательствам германских монархов. Авторы этих теорий выдвинули концепцию права наций на сопротивление агрессии других государств, что потом стали называть правом на национальную независимость или на «самоуправление» и «национальное самоопределение».

На протяжении двух столетий главным союзником итальянских городов-государств в борьбе против германских императоров выступали папы; в то время они были способны выставить на поле боя собственную армию. В XIII в., когда папские войска постоянно помогали городам отражать агрессию императоров, города стали, к своему неудовольствию, замечать, что папы начинают устанавливать свою власть в Северной Италии, а папские претензии подкрепляются войсками, занимающими значительную часть Италии.

Одно время некоторые интеллектуалы задумывались о том, чтобы переориентировать итальянскую политику и ради освобождения от папской угрозы перейти под власть императоров. Видным представителем этой группы был великий флорентиец Данте Алигьери; свою проимперскую и антипапскую позицию он изложил в трактате «Монархия», написанном во время подъема надежды на успех похода Генриха VII в 1310 г. Однако последовавшее вскоре исчезновение имперской угрозы сделало переход под покровительство императоров бессмысленным; к тому же такой шаг был неприемлем для большинства итальянцев. Поэтому олигархам итальянских городов-государств потребовалась другая политическая теория. Эта теория должна была обосновать претензии политического государства — не имеет значения, республики или монархии — на совершенно самостоятельное управление, неподвластное традиционным и часто весьма чувствительным запретам Католической церкви, ограничивающим посягательства государства на природное право и человеческие права. Иными словами, итальянским олигархам нужна была теория государственного абсолютизма, ничем не ограниченной светской власти. Церкви они без колебаний оставляли лишь чисто теологическую и собственно «религиозную» сферу, а светские дела передавались в совершенно отделенные от церкви руки государства и его временных правителей. По сути это было равнозначно доктрине «политиков», которая восторжествовала во Франции в конце XVI в.

Как мы уже говорили, итальянские олигархи нашли нужную им теорию в сочинениях политического теоретика и университетского профессора Марсилио Падуанского. Именно его следует считать первым абсолютистом нового Западного мира, а его трактат «Защитник мира» (1324) — первым основательным изложением абсолютистской доктрины. Однако случилось так, что любезная Марсилио форма правления быстро вышла из употребления, — во всяком случае, в Падуе. Марсилио был приверженцем олигархического республиканизма, который оказался недолговечным и прекратился в Падуе вскоре после появления его трактата. Во второй половине XIII в. итальянские города-государства терзали конфликт между традиционными олигархами (*magnati*), которые старались сохранить свою власть, и новой генерацией богатых граждан, не имевших доступа к власти и желавших его получить (*popolani*). В итоге по всей Северной Италии, начиная с Феррары в 1264 г., власть перешла к одному человеку, к одному синьору (*signor*), к одному деспоту, который

устанавливал наследственное правление своего семейства. Фактически была вновь введена наследственная монархия. Эти правители не называли себя «королями» — такой титул звучал бы слишком пышно для одного города; они предпочитали другие титулы: «постоянный синьор», «капитан-генерал», «герцог» и т.д. В числе немногих городов, которым удалось избежать засилья единоличной власти, осталась Флоренция.

В 1328 г., через четыре года после выхода «Защитника мира», семейство делла Скала наконец установило контроль над Падуей. Еще в 1260-х гг. оно подчинило себе Верону, а теперь, после многих лет борьбы, Кангранде делла Скала смог прибрать к рукам и Падую. Видный падуанский литератор Феррето де Феррети (ок. 1296 — 1337) быстро распрощался с республиканскими убеждениями и положил начало новой традиции льстивого превознесения тирании в длинной латинской поэме «Восхождение делла Скала».

По мысли Феррети, герой поэмы Кангранде принес, наконец, мир и покой раздираемой раздорами Падуе. В заключение своего панегирика Феррети выразил страстную надежду на то, что преемники Кангранде делла Скала «продолжат держать свои скипетры многие-многие годы».

6.2. ИТАЛЬЯНСКИЙ ГУМАНИЗМ: РЕСПУБЛИКАНЦЫ

Сторонники прежних олигархических республик ответили на появление «синьоров» собственной идеологией прореспубликанского абсолютизма. Началом стало преподавание риторики. Уже в самом начале XII в. Болонский университет и другие итальянские центры подготовки юристов разработали курсы по риторике; первое время они обучали эпистолярному искусству, а затем было добавлено искусство публичных выступлений. В первой половине XIII в. профессора риторики стали включать в свои лекции и учебники политические комментарии. Большую популярность приобрели пропагандистская история собственных городов, прославление города и его правителей; это делалось с сознательным намерением развивать идеологию лояльности правящей элите города. Самым видным среди ранних представителей данного жанра был болонский ритор Бонкампаньо да Синья (ок. 1165 — 1240), а самое известное его произведение называлось «Осада Анконы» (1201—1202). Другим излюбленным жанром, получившим развитие в итальянской риторике второй половины XIII в., стали сборники наставлений для правителей и городских магистратов, адресованные непосредственно правителям. Самой значительной из таких ранних книг можно считать «Управление городами» Иоанна из Витербо; он написал ее в 1240-х гг., после того как служил судьей при выборном правителе, или подесте, Флоренции. Правда, Иоанн из Витербо не был безоговорочным абсолютистом: он занимал

высоконравственную позицию и советовал правителю всегда оставаться добродетельным и справедливым, избегать пороков и преступлений.

Если в Болонье и в других итальянских городах риторика преподавалась в узкопрактической плоскости, то французские профессора риторики в XIII в. искали образцы стиля у классических греческих и римских авторов. По такой методике велось преподавание в Парижском университете, и особенно в Орлеане. Во второй половине XIII в. итальянские риторы, учившиеся во Франции, перенесли новый подход в Италию; это более широкое гуманистическое мировоззрение быстро возобладало и стало доминирующим даже в Болонском университете. Вскоре ранние гуманисты стали изучать не только стиль классических поэтов, историков и ораторов, но и их идеи, подкрепляя свои политические теории ссылками на классические образцы.

Самым видным из ранних риторов-гуманистов был флорентиец Брунетто Латини (ок. 1220 — 1294). Изгнанный из родной Флоренции, он в 40-летнем возрасте отправился во Францию, где изучал Цицерона и усвоил французскую риторическую методику. В этом изгнании Латини написал свое главное сочинение — «Книги сокровищ», в котором знакомил итальянское риторическое сообщество с Цицероном и другими классическими авторами. После возвращения во Флоренцию в 1266 г. Латини перевел и опубликовал ряд важных сочинений Цицерона.

Особую роль в новом течении играл Падуанский университет, и в частности видный юрист Ловато Ловати (1241—1309), которого не кто иной, как сам Петрарка, называл величайшим итальянским поэтом своего времени. Самым значительным учеником Ловати был разносторонне одаренный Альбертино Муссато (1261—1329). Юрист, политик, историк, драматург и поэт, Муссато возглавлял республиканскую партию в Падуе; эта партия больше всего мешала семейству делла Скала в долгой борьбе за власть над городом. (Как ни странно, Феррето де Феррети, воспевший победу делла Скала, тоже учился у Ловати.) Муссато написал две истории Италии, а самым значительным его художественным произведением стала стихотворная трагедия «Эццелино» (1313—1314), первое такое светское произведение со времен античности. В ней Муссато использует новые риторические приемы как политик и пропагандист. Во введении он сообщает, что главная его цель — «излить горестные протесты против тирании», в частности, конечно, против грозившей тирании делла Скала. Падуанская олигархия быстро оценила пропагандистское значение пьесы, в 1315 г. пожаловала Муссато лавровый венок и постановила ежегодно декламировать пьесу в присутствии городского населения.

Развивавшееся изучение классики способствовало появлению подробных городских хроник, таких как «Хроника» Флоренции, которую в начале XIV в. написал видный флорентийский юрист и политик Дино Компаньи (ок. 1255 — 1324); нужно отметить, что он сам входил в состав местной олигархии. Другим значительным образцом республиканского

риторического гуманизма стала книга Бонвесина делла Ривы «Славные деяния города Милан» (1288); ее автор был ведущим профессором риторики в Милане.

Все эти авторы — Латини, Муссато, Компаньи и другие — стремились разработать политическую теорию, обосновывающую олигархическое республиканское правление. Они заключили, что ненавистные «синьоры» приходят к власти по двум главным причинам: из-за фракционной борьбы внутри городов, а также из-за роста алчности и любви к роскоши. Обе эти причины, естественно, так или иначе связывались с появлением нуворишей, *popolani*, и посягательствами последних на права старых республиканских *magnati*. Не будь этой новой богатой прослойки и организованной ею политических фракций, старая олигархия могла бы жить спокойно и беспрепятственно пользоваться властью. Компаньи сформулировал проблему предельно просто: Флоренция объята раздором потому, что «умы лживых *popolani* порочны и позволяют творить неправые дела ради наживы». Латини видел корень зла в «тех, кто жаждет богатства», а Муссато объяснял гибель Падуанской республики «неистовой жадной денег», которая подрывала чувство гражданской ответственности. Следует отметить, что в жажде наживы обвинялись *новые* богачи; *старые* же, а потому «хорошие», богачи, *magnati*, не могли испытывать такой жажды, поскольку богатство издавна находилось в распоряжении олигархии.

С точки зрения гуманистов, прекратить междоусобицы можно было только одним способом: люди должны отложить в сторону личные интересы и объединиться ради общественного, или гражданского, интереса, ради «общего блага». Задав эту тему, Латини обратился за поддержкой к Платону и Аристотелю. Платон учил, что «общую выгоду следует ставить выше всего прочего», а Аристотель подчеркивал, что «если каждый действует так, как ему вздумается, управление жизнями человеческими нарушается и полностью расстраивается».

Рассуждать о «государственном интересе» и «общем благе» можно, конечно, сколько угодно, но лишь до того момента, когда возникает необходимость дать этим расплывчатым понятиям конкретное определение и, в частности, решить, *кто именно* должен его дать. Для гуманистов ответ был ясен: добродетельный правитель. Выберите достойных правителей, положитесь на их добродетель, и проблема решена.

Но как людям выбирать достойных правителей? Этот неудобный вопрос гуманисты не ставили и не рассматривали, потому что в противном случае перед ними неизбежно встала бы проблема *институциональных механизмов*, которые обеспечивают избрание достойных правителей или, на худой конец, препятствуют избранию недостойных. А любые варианты таких институтов подразумевали бы то или иное ограничение абсолютной власти правителей — чего гуманистические апологеты суверенной власти олигархии никак не хотели.

Однако гуманисты ясно указывали, что добродетель присуща отдаленным людям, но не благородным семействам как таковым. Отрица-

ние присутствия наследственной добродетели в благородных семьях было не только благоразумно, но и подразумевало, что добродетельный правитель может править единолично, не связывая себя никакими традиционными фамильными узами или обещаниями.

Для обеспечения добродетельности правителей и реальной ее проверки гуманисты предложили лишь один критерий: правители должны следовать советам гуманистов, изложенным в книгах наставлений. Установив все необходимые предпосылки самовластного правления, Латини и его последователи-гуманисты, однако, не пошли дальше и не стали одобрять абсолютизм как таковой. Как Иоанн из Витербо до них, они утверждали, что правитель должен быть по-настоящему добродетельным, твердо приверженным честности и справедливости. Подобно Иоанну из Витербо и другим, Латини и его последователи в сочинениях, названных «зерцалом правителей», подчеркивали, что правитель обязан избегать обмана и нечестности, обязан служить образцом нравственного достоинства. С точки зрения Латини и других, истинная добродетель и личный интерес правителя — это одно и то же. Честность не только нравственно-правильна; она, как стали говорить позже, есть «лучшая политика». Справедливость, честность, любовь, а не ненависть, со стороны подданных — все это способствует укреплению власти правителя. Недостаточно, предупреждал Латини, лишь *выглядеть* справедливым и честным; ради самой добродетели и ради сохранения власти «правитель на самом деле должен быть таким, каким хочет выглядеть», ибо он «сильно ошибется», если «попробует снискать славу обманными способами». Кратко говоря, у правителя нет никакого конфликта между нравственностью и пользой; в этой схеме нравственное вполне логично оказывается полезным.

Следующий великий всплеск итальянского гуманизма произошел во Флоренции почти через столетие. Независимости Флоренции почти три четверти столетия, с 1380-х гг. до середины XV в., угрожало миланское семейство Висконти. Джангалеаццо Висконти, синьор и герцог Милана, в 1380-х гг. вознамерился подчинить своей власти всю Северную Италию. К 1402 г. он завоевал все города, кроме Флоренции, которую спасла лишь внезапная смерть герцога. Однако через некоторое время его сын герцог Филиппо Мария Висконти возобновил наступление. Открытые военные действия между Флоренцией и имперским Миланом продолжались с 1423 по 1454 г., когда Флоренция все же заставила Милан признать независимость Флорентийской республики.

Трудное положение Флорентийской республики привело к возрождению республиканского гуманизма. Эти флорентийские гуманисты начала XV в. имели более философские интересы и были более оптимистичны, чем их падуанские и другие итальянские предшественники начала XIV в., но их политические взгляды оставались во многом теми же самыми. Все эти видные флорентийские гуманисты (гораздо лучше известные историкам, чем падуанцы) имели похожие биографии: они из-

учали право и риторику и становились профессорами риторики и /или должностными лицами во Флоренции, в других городах либо при папском дворе в Ватикане. Старейшиной флорентийских гуманистов был Колуччо Салютати (1331—1406); он изучал риторику в Болонье, был канцлером различных итальянских городов, а последние 30 лет жизни — канцлером Флоренции. Если говорить о самых значительных последователях Салютати, то Леонардо Бруни (1369—1444) изучал право и риторику во Флоренции, стал секретарем в папской курии, занимал высокий пост во Флоренции и, наконец, с 1427 г. вплоть до смерти был ее канцлером. Пьеро Паоло Верджерио (1370—1444) изучал право во Флоренции и затем стал секретарем в папской курии; равным образом, Поджо Браччолини (1380—1459) изучал гражданское право в Болонье и Флоренции, а затем стал профессором риторики в папской курии.

Второе поколение последователей Салютати тоже отличалось схожестью карьер и взглядов. Здесь следует отметить выдающегося архитектора Леона Баттисту Альберти (1404—1472), выходца из известного банкирского семейства; он получил в Болонье докторскую степень по каноническому праву, а затем стал папским секретарем. Джанноццо Манетти (1396—1459) изучал право и гуманитарные науки во Флоренции, 20 лет занимал там разные должности, а затем стал секретарем в папской курии и, наконец, секретарем Неаполитанского короля. Маттео Пальмьери (1406—1475) 50 лет занимал высокие должности во Флоренции, в том числе восемь разных посольских должностей.

6.3. ИТАЛЬЯНСКИЙ ГУМАНИЗМ: МОНАРХИСТЫ

После разворота <Европы> к Атлантике в конце XV и в XVI в. итальянские города-государства начали переживать политический и экономический упадок, который сопровождался постоянными вторжениями в Италию набравших силу национальных государств Европы. Начиная с 1490-х гг. французские короли регулярно вторгались и завоевывали ее области, а с начала 1520-х и до середины 1550-х гг. армии Франции и Священной Римской Империи сражались друг с другом за обладание Италией.

Хотя Флоренция и остальная часть Северной Италии подвергались внешней агрессии, республиканизм по всей Италии уступил, наконец, место деспотическому самовластию разных «синьоров». Если в середине XV в. республиканским силам под предводительством семейства Колонна удалось отнять у пап светскую власть, то в конце XV — начале XVI столетия папы Александр VI (1492—1503) и Юлий II (1503—1513) смогли восстановить свою безоговорочную власть над Римом и Папской областью. Во Флоренции могущественное семейство банкиров и политиков, Медичи, начало медленно, но верно наращивать свое политическое вли-

яние до такого уровня, который позволял стать наследственными правителями, «синьорами». Продвижение к этой цели начал в 1430-х гг. великий Козимо де Медичи, а завершилось оно в 1480 г., когда его внук Лоренцо «Великолепный» присвоил себе властные полномочия. Для укрепления своего единоличного правления Лоренцо учредил «совет семидесяти», который состоял из его сторонников и полностью контролировал Флоренцию.

Однако республиканские олигархи сплотились для отпора, и борьба продлилась еще полвека. В 1494 г. олигархи изгнали сына Лоренцо, Пьеро, после того как тот сдал Флоренцию французам. Республиканское правление пало в 1512 г., когда Медичи вновь взяли власть с помощью испанских войск и потом правили еще 15 лет. В 1527 г. очередная республиканская революция вынудила их покинуть город, но через два года Климент VII, папа из рода Медичи, уговорил императора Священной Римской Империи Карла V Габсбурга захватить Флоренцию в интересах Медичи. В 1530 г. Карл сделал это, и Флорентийской республике пришел конец. Папа Климент, которому Карл поручил надзор за Флоренцией, назначил Алессандро де Медичи пожизненным правителем и присвоил ему и его наследникам право именоваться синьорами города. Флоренция вошла в созданное Медичи Великое герцогство Тосканское, которым представители этого семейства правили как монархи более двух столетий.

Окончательный триумф «синьоров» показал беспочвенность политического оптимизма республиканских гуманистов начала XV в.; их преемники стали считать политику делом беспринципным и все больше предпочитали спокойную созерцательную жизнь.

Однако среди гуманистов были и такие, которые, уяснив, на чьей стороне быть выгоднее, быстро перешли от восхваления республиканской олигархии к превознесению самовластной монархии. Мы уже видели, с какой поспешностью Феррето Феррети сочинил панегирик тирании делла Скала в Падуе. Похожим образом ранее настроенный прореспубликански П. П. Верджеро примерно в 1400 г., во время пребывания в монархической Падуе, написал трактат «О монархии», в котором объявил эту систему «наилучшей формой правления». Действительно, монархия прекратила смуту и бесконечный конфликт между фракциями и партиями, принесла мир, «покой, безопасность и защиту невиновным». Когда в Милане возобладал абсолютизм Висконти, миланские гуманисты тоже быстро сообразили, откуда ветер дует, и начали сочинять похвалы единоличному правлению, особенно правлению Висконти. Так, Уберто Дечембрио (ок. 1350 — 1427) в 1420-х гг. посвятил четыре книги о местном правлении Филиппо Марии Висконти, а его сын Пьеро Кандидо Дечембрио (1392—1477), продолжая фамильную традицию, написал «Похвальную речь во славу города Милан» (1436).

Несомненно, самой знаменитой книгой советов для придворных была «Книга придворного» («*Il libro del Cortegiano*»), которую написал

Бальдассаре Кастильоне (1478—1529). Он родился близ Мантуи, учился в Милане и поступил на службу к местному герцогу. В 1504 г. Кастильоне стал придворным герцога Урбинского и более 20 лет верно служил ему как дипломат и военачальник. Затем, в 1524 г., он был назначен папским нунцием при императоре Карле V в Испании; в знак уважения к заслугам Кастильоне император предложил ему место епископа Авильского. «Книгу придворного», построенную в форме серии бесед, Кастильоне написал в 1513—1518 гг.; впервые она была опубликована в Венеции в 1528 г. В XVI в. она стала одним из самых читаемых сочинений (известном у итальянцев как «Золотая книга» («Il libro d'oro»), поскольку точно нащупала животрепещущую культурную тему той эпохи в описании и восхвалении качеств совершенного придворного и человека безупречных манер.

Флорентийские гуманисты начала XV в. с оптимизмом смотрели на человека, на его стремление к добродетели и совершенству, и признавали за ним «честь, хвалу и славу», которую более традиционные христиане считали подобающей только Богу. Поэтому гуманистам XVI в. было нетрудно перенести стремление к совершенству и славе с отдельного человека на правителя и объявить это стремление его единственной целью. Кастильоне утверждает, что главная задача придворного, «цель, к которой он обращен», состоит в том, чтобы давать правителю советы, помогающие последнему достичь «вершины славы», стать «прославленным и знаменитым в мире».

Более ранние гуманисты-республиканцы выдвинули идеал «свободы», под которой понимали не индивидуальные права (как это принято сейчас), а республиканское и преимущественно олигархическое «самоуправление». Кастильоне недвусмысленно отвергает прежние представления и противопоставляет им монархические достоинства: мир, отсутствие раздоров и полное подчинение самовластному правителю. Когда один из персонажей «Книги придворного» замечает, что государи «держат подданных в жестком подчинении» и тем самым отнимают у них свободу, Кастильоне находчиво, в духе традиционных приемов оправдания деспотизма, отвечает, что такая свобода — это всего лишь претензия на право «жить, как нам угодно», а не «согласно хорошим законам». Поскольку свобода фактически тождественна вседозволенности, монарх должен «установить для своего народа такие законы и порядки, чтобы тот мог жить спокойно и мирно».

Первым автором, писавшим наставления и для правителей, и для придворных, был неаполитанский герцог Диомеде Карафа (1407—1487); ему, возможно, принадлежит и сомнительная честь именоваться первым меркантилистом. На службе при дворе Фердинанда, короля Неаполитанского, Карафа в 1480-х гг. написал трактат «Совершенный придворный»; к тому же времени относится и трактат «Обязанности хорошего правителя». В «Совершенном придворном» намечены темы, раскрытые спустя поколение чрезвычайно влиятельным сочинением Кастильоне. В «Обя-

занностях хорошего правителя» Карафа описал методiku предоставления советов экономическими консулантами. Как и многие более поздние работы, трактат начинается с изложения принципов общей политики и обороны, а затем переходит к отправлению правосудия, к государственным финансам и, наконец, к собственно экономической политике.

Конкретные экономические рекомендации Карафы достаточно разумны и далеко не в такой мере апеллируют к властным полномочиям и не отличаются таким элитарным характером, как позднейшие рекомендации меркантилистов, предназначенные для вполне сложившихся национальных государств. Бюджет должен быть сбалансированным, поскольку принудительные займы тождественны грабежу и воровству, налоги должны быть справедливыми и умеренными, дабы не угнетать работников и не выводить капитал из страны. Всю деловую сферу следует предоставить самой себе; однако при этом Карафа предлагает государству субсидировать промышленность, сельское хозяйство и торговлю, а также не скупиться на социальные пособия. В отличие от позднейших меркантилистов Карафа считал, что иностранных торговцев нужно поставить в самое благоприятное положение, поскольку их деятельность чрезвычайно полезна для страны.

Однако в отличие от схоластов Карафа не проявляет никакого желания понять и проанализировать рыночные процессы. Его интересует только один вопрос: как правитель может ими манипулировать. Вот резюмирующая оценка Шумпетера: «Нормальные процессы экономической жизни не представляли для Карафы никакой проблемы. Единственная проблема заключалась в том, как ими управлять и как их совершенствовать».

Шумпетер также приписывает Карафе первую концепцию общегосударственной экономики, оперирующую категорией всего государства как одной большой деловой системы, управляемой монархом. Карафа,

насколько мне известно, был первым, кто предпринял широкое исследование экономических проблем нарождающегося современного государства. ...фундаментальной идеи Карафы, воплощенной в его концепции «добротного князя»... национальной экономики... [которая] не просто сумма всех индивидуальных хозяйств и фирм или всех групп и классов, находящихся в пределах государственных границ. Она понимается как своего рода возвышенная хозяйственная единица, как нечто существующее обособленно и имеет собственные интересы, и должно управляться как одна большая ферма¹.

Возможно, самой значительной работой в новом жанре наставлений правителям был трактат Франческо Патрици (1412—1494) «Королевство и воспитание короля». Написанный в 1470-х гг., был посвящен первому деятельному папе, Сиксту IV, который занялся восстановлением светской папской власти над Римом и Папской областью. Сиенский гуманист Патрици в итоге стал епископом Гаэты.

Подобно прочим авторам-гуманистам, Патрици в своем наставлении называет правителя средоточием добродетели. Но необходимо отметить, что — как это было у других монархически настроенных гуманистов и у более ранних республиканцев — правитель у Патрици является образцом христианской добродетели. Он должен быть верным христианином, должен всегда стремиться к добродетели и не отступать от нее, должен быть безукоризненно честным и достойным всеобщего уважения. Он «никогда не пойдет на обман, никогда не солжет и другим лгать не позволит». Однако в отличие от своих коллег, поздних гуманистов, Патрици утверждал, что правитель обладает иным набором добродетелей, чем его пассивные подданные. Будучи творцом истории и стяжателем славы, правитель не должен проявлять смирение и скромность. Напротив, ему следует быть щедрым, не скупиться на расходы и во всем быть «великолепным».

6.4. «САТАНА»: ПРОПОВЕДНИК ЗЛА ИЛИ ПЕРВЫЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИ НЕ АНГАЖИРОВАННЫЙ ПОЛИТОЛОГ?

Итальянские гуманисты предложили доктрину абсолютной политической власти; эту власть они сначала предназначали для республиканских олигархов, а затем для восславленного деспота, суверенного монарха. Однако для того, чтобы освободить правителя от всех моральных обязательств, допустить и даже превознести совершенно бесконтрольный авторитарный произвол, нужно было сделать еще один принципиально важный шаг. Хотя гуманисты не видели никаких институциональных препятствий для абсолютистского правления, они сохраняли одно чрезвычайно существенное условие: христианскую добродетель. Правитель, твердили они, должен быть добрым христианином, должен всегда соблюдать справедливость, быть честным и достойным уважения.

Чтобы придать абсолютистской концепции полную завершенность, требовался теоретик, способный бесстрашно разбить этические оковы, которые все еще связывали правителя моральными принципами. Такой человек нашелся в лице Никколо Макиавелли (1469—1527), который занимал различные должности во Флоренции и написал одну из самых влиятельных книг по политической философии — «Государь».

Никколо Макиавелли родился близ Флоренции в достаточно состоятельной тосканской дворянской семье. Сам он явно предпочитал «синьорам» старую олигархическую республику и в 1494 г., когда республиканцы изгнали Медичи из Флоренции, поступил на государственную службу. Макиавелли быстро продвигался и стал секретарем Совета десяти, который ведал иностранными и военными делами Флоренции. Этот важный пост он занимал до 1512 г., когда Медичи вернули себе Фло-

ренцию, выполнив множество поручений дипломатического и военного характера.

Макиавелли всегда хватало «гибкости»; этот экстраординарный проповедник оппортунизма приветствовал возвращение ненавистных Медичи и постарался оправдаться в их глазах. В 1513 г. он написал трактат «Государь», который на первый взгляд был лишь очередным сочинением в традиционном жанре наставлений и восхвалений, адресованных правителям. В надежде, что Медичи обратят внимание на трактат и позволят его автору вновь занять высокий пост, Макиавелли с полной беспринципностью посвятил свое сочинение «великолепному Лоренцо де Медичи». Медичи, однако, не клюнули на эту приманку, и для Макиавелли осталась открытой лишь литературная карьера. Он вновь примкнул к республиканцам и участвовал в их тайных собраниях, проходивших на окраине Флоренции, в садах Оричеллари, принадлежавших аристократу Козимо Ручеллаи. Именно в этих садах Макиавелли обсуждал наброски второй своей самой важной книги, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», над которой он работал с 1514 г. по 1519 г.

Вся Европа бранила Никколо Макиавелли в XVI в. и на протяжении еще двух столетий. Его считали уникалом в истории Запада, сознательным проповедником зла, сатанинской личностью, которая разбудила демонов в мире политики. Англичане находили в его имени прозвище сатаны — «Old Nick». По словам Маколея, «из его фамилии они сделали эпитет мошенника, а из христианского имени — прозвище сатаны».

В Новое время репутация Макиавелли как проповедника зла сменилась восхищением политологов, которые видели в нем основателя их дисциплины. Макиавелли действительно отбросил устаревший морализм и взглянул на власть холодно и трезво. Будучи прагматиком и реалистом, он стал первооткрывателем новой, объективной, свободной от ценностных суждений политической науки. Как писал в начале XVII в. меркантилист, сторонник сильной власти и основатель современного «научного» метода сэр Фрэнсис Бэкон, «мы очень многим обязаны Макиавелли и другим, которые говорили о том, что люди делают, а не о том, что они должны делать».

Так кем же был Макиавелли, проповедником зла или свободным от оценочных суждений политологом? Давайте разберемся. «Государь» во многом напоминает сборники наставлений, сочиняемые гуманистами конца XV в. Правитель должен стремиться к добродетели, т.е. к совершенству, и в ходе совершенствования должен добиваться почета, славы и знаменитости. Но в эту традиционную схему Макиавелли внес принципиальное изменение, создавшее новую парадигму для политической теории: он заново переосмыслил первостепенно важное понятие *virtù* <добродетель>. Для гуманистов, которые были христианами и вместе с тем теоретиками-классицистами, *virtù* как совершенство представляла собой полноту традиционных классических и христианских добродетелей: честности, справедливости, доброжелательности и т.д. Напро-

тив, для «сатаны» добродетелью государя (а поздние гуманисты только его и принимали в расчет) было, как просто и лаконично формулирует профессор Скиннер, «любое качество, которое помогает правителю “сохранять свою власть”»². Иными словами, главная (если не единственная) цель правителя — сохранять и расширять свою власть над государством. Сохранение и расширение власти — *подлинная* цель правителя, его добродетель; поэтому оправдано любое средство, необходимое для достижения этой цели.

В своем информативном анализе теории Макиавелли профессор Скиннер стремится защитить его от обвинения в «проповедовании зла». Макиавелли, утверждает Скиннер, отнюдь не одобрял зло как таковое; более того, при прочих равных условиях он, вероятно, предпочитал ортодоксальные христианские добродетели. Просто в тех случаях, когда эти добродетели становятся непригодными, т.е. входят в противоречие с главной целью, сохранением власти, от них следует отказываться. Более наивные гуманисты тоже считали, что правитель должен сохранять власть, добиваться величия и славы, но при этом были убеждены, что этого можно добиться только с помощью христианских добродетелей. А Макиавелли понял, что в некоторых или даже в большинстве случаев верность справедливости, честности и прочим христианским добродетелям может противоречить сохранению и расширению государственной власти. И в таких ситуациях с традиционными добродетелями следует расставаться. Вот как Скиннер резюмирует позицию Макиавелли:

В конечном счете смысл того, что значит быть человеком *virtù*, согласно Макиавелли, и его последний совет государю сводятся к тому, чтобы тот «всегда был готов переменить направление»: он должен уметь изменять свой образ действий в диапазоне от добра ко злу и обратно, «если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны»³.

Однако следует отметить, что у профессора Скиннера довольно странное представление о том, что такое «проповедь зла». Кто хоть когда-нибудь (если не считать персонажа известной книги доктора Фу Манчу) действительно восхвалял зло как таковое и рекомендовал зло и порок в качестве принципа для каждого шага на жизненном пути? Проповедь зла и есть именно то, что советовал Макиавелли: поступай хорошо, пока доброта не препятствует тому, что ты хочешь, — т.е. применительно к правителю, сохранению и расширению власти. И *чем еще* проповеди зла, вообще может быть подобная «гибкость»?

Макиавелли считает власть самоцелью и крайне скептически оценивает возможность совмещения власти и традиционной морали; исходя из этого, он фактически оправдывает вероломство правителя. Правителю рекомендуется всегда *выглядеть* по-христиански нравственным и добродетельным, поскольку это укрепляет его популярность, но на деле поступать иначе, если требуется сохранить власть. Иными слова-

ми, Макиавелли придавал особое значение созданию видимости, тому, что христианские и прочие моралисты называли «лицемерием». Правитель, пишет он, должен сознательно стать «великим лжецом и обманщиком» и пользоваться чужим легковерием; ибо «люди настолько простоваты», что «обманщик всегда найдет кого-нибудь, кто готов быть обманутым». Или, по бессмертным словам П. Т. Барнума, сказанным на несколько столетий позже, «дураки плодятся каждую минуту». Восхваляя ложь и обман, Макиавелли пишет: «Опыт настоящего показывает, что великих достижений добивались те правители, которые не держались за свое слово, умели ловко дурачить людей и в конечном счете брали верх над теми, кто соблюдал честные принципы». Или, как выразился другой острый на язык американский социальный критик, «хорошие парни финишируют последними».

В рекомендациях проповедника обмана, которые выносятся на публику с полной откровенностью (!), есть, конечно, внутренняя неувязка. Ведь если правители начнут следовать «прагматической» философии, к чему, естественно, они в каждом случае склонны, обманутая публика может, в свою очередь, начать присматриваться к истинному состоянию дел («дураки могут поумнеть»), и тогда обман со стороны правящего класса вполне может оказаться контрпродуктивным. «Великие лжецы и обманщики» могут больше не найти столь много «готовых быть обманутыми» подданных.

Итак, Никколо Макиавелли стал, несомненно, совершенно новым явлением в западном мире: проповедником зла, сознательно рекомендовавшего правящему классу. А что можно считать его вкладом в сугубо прагматичную, реалистичную и свободную от оценочных суждений политическую науку?

Прежде всего, одной из главных рекомендаций, которые Макиавелли давал правителям, называли самое решительное применение власти, насилия и принуждения. Макиавелли, конечно, не был первым политическим философом, который понимал, что принуждение и насилие — это суть государственной власти. Но если более ранние авторы считали, что эта власть должна сдерживаться античными или христианскими добродетелями, то Макиавелли проявил новаторский реализм: он совершенно отказался применять категорию традиционной добродетели к политике и рассматривал государство как неприкрашенную грубую силу на службе абсолютной власти.

И еще в одном важном отношении Макиавелли, несомненно, был основателем современной политической науки. Современный «политический консультант» — политолог, экономист, социолог и т.д. — это человек, который вполне комфортно чувствует себя в роли советника правителя или, говоря шире, правящего класса. Будучи чистым технократом, этот консультант дает правящему классу практические рекомендации, позволяющие добиться поставленных целей, — целей, которые, как понимал Макиавелли, в конечном счете сводятся к достижению величия

и славы посредством сохранения и расширения власти. Современные политические специалисты не оперируют понятием моральных принципов, считая, что оно «ненаучно» и, следовательно, не входит в сферу их интересов.

Во всем этом современные общественные науки являются верными последовательницами хитрого флорентийского оппортуниста. Однако между ними есть и важное различие. Никколо Макиавелли никогда не заявлял и не притворялся, что является настоящим ученым, поскольку «свободен от ценностных суждений». Сатана не претендует на идеологическую неангажированность. Макиавелли просто заменил цели христианской добродетели *другим* набором моральных принципов, а именно сохранением и расширением власти правителя. Скиннер пишет:

Часто можно слышать, что оригинальность аргументации Макиавелли... объясняется расторжением связи между моралью и политикой, которое он производит, и соответственно, подчеркнутым вниманием к «автономии политики»... Поэтому различие между Макиавелли и его современниками нельзя адекватно орхарактеризовать, приняв его за различие между моральным взглядом на политику и взглядом на политику, оторванным от морали. Скорее здесь важно различие между двумя несходными моральями — двумя соперничающими и несовместимыми представлениями о том, что следует делать⁴.

Современные специалисты по общественным наукам, напротив, объявляют себя свободными от ценностных суждений реалистами. Но в этом они, следует заметить, гораздо *менее* реалистичны или, во всяком случае, менее откровенны, чем их флорентийский наставник. Ибо, как прекрасно понимал Макиавелли, если «свободный от ценностных суждений специалист» выступает в роли советника правителей государства, он волей-неволей признает конечной целью, а тем самым и господствующей моралью укрепление власти этих правителей. В области политического консультирования, как нигде, свобода от ценностных суждений — это самообман и иллюзия. «Сатана» был либо слишком честен, либо слишком реалистичен для того, чтобы думать иначе.

Таким образом, Никколо Макиавелли был *одновременно* и основателем современной политологии, и проповедником зла. Изгнав из политики христианскую нравственность, или нравственность природного закона, он, в отличие от его современных последователей, не стал притворяться «свободным от ценностных суждений». Он прекрасно понимал, что предлагает новую мораль, мораль подчинения всех прочих соображений целям власти и государственным интересам. Макиавелли был прежде всего теоретиком и апологетом ничем не ограниченной власти абсолютистского государства.

Некоторые историки любят противопоставлять «плохого» Макиавелли в «Государе» «хорошему» Макиавелли в его более поздних, но менее влиятельных «Рассуждениях». Не сумев убедить Медичи

в изменении своей приверженности, Макиавелли в «Рассуждениях» вернулся к прежним республиканским воззрениям. Но это отнюдь не значит, что «сатана» хоть в какой-то мере исправился; он просто приспособил свою доктрину к республиканскому режиму, как раньше к монархическому.

Вновь ощутив себя республиканцем, Макиавелли больше не мог рассуждать о добродетели и величии государя, и поэтому повел речь о своего рода коллективной добродетели всего сообщества. Разумеется, в данном случае добродетель уже не может совершать великие дела и поддерживать единоличную власть. Теперь она направлена исключительно на «общественное благо», или на «общее благо», и всегда подчиняет индивидуальные и групповые частные, «эгоистические», интересы гипотетическому более значительному благу; преследование личных интересов Макиавелли порицает как «порочность». Иными словами, Макиавелли *продолжает* считать сохранение и расширение государственной власти высшим благом — с той лишь разницей, что теперь речь идет об олигархическом и республиканском государстве. То, к чему он призывает, схоже с убеждениями более ранних гуманистов-республиканцев: каждый человек и каждая группа подчиняется приказам олигархического правящего класса республиканского города-государства и беспрекословно их выполняет.

В «Рассуждениях» Никколо Макиавелли выступает точно таким же проповедником зла, каким был в «Государе». Будучи одним из первых авторов-атеистов, Макиавелли в «Рассуждениях» относится к религии сугубо прагматически. Религия, полагает он, полезна для того, чтобы держать подданных в единстве и повиновении государству, а «те правители и те республики, которые желают избежать порчи, должны прежде всего сохранять религиозные церемонии в неискаженном виде». Религия может быть полезна также и в том случае, если она прославляет силу и другие военные доблести, но, к сожалению, христианство ослабило силу человека проповедью смирения и созерцания. Предвосхищая Ницше, Макиавелли утверждал, что христианская мораль «восславляет смиренного и созерцательного человека» и что этот мирный настрой породил существующую испорченность.

Макиавелли во всеуслышание заявил, что граждане могут обрести добродетель лишь при условии, если сочтут своей главной целью сохранение и расширение государства; поэтому они должны подчинить христианскую этику этой цели. В частности, они должны быть готовы отбросить ограничения, наложенные христианской этикой, и «решиться на неправо дело» ради сохранения государства. Государство всегда должно стоять на первом месте в числе приоритетов. Поэтому следует отказаться от любых попыток оценивать политику или правление по шкале христианской этики. В конце заключительного «Рассуждения» Макиавелли с кристальной ясностью и большой торжественностью заявляет: «Когда безопасность родной страны зависит от принятия решения,

не должны приниматься в расчет никакие соображения справедливости или несправедливости, гуманности или жестокости, славы или стыда».

Принципиальное сходство с позицией Макиавелли в «Государе» обнаруживает его взгляд в «Рассуждениях» на Ромула, легендарного основателя Рима. Хотя Ромул убил брата и других, Макиавелли оправдывает его действия, поскольку считает, что установлением республики должен вестись только один человек. Все коварство отождествления «общественного блага» с личными интересами правителя становится очевидным из следующего лицемерного утверждения: «Поэтому прозорливый учредитель республики, чья цель состоит в содействии общественному благу [...]... должен сосредоточить всю власть в своих руках». При такой концентрации власти цель, т.е. создание государства, оправдывает любые средства: «Мудрый человек никогда никого не станет осуждать за любое действие, пусть даже чрезвычайное, если оно полезно для создания королевства или учреждения республики». В заключение Макиавелли высказывает то, что называет «верным правилом»: «Предосудительные действия можно оправдать их результатами, и если результат хорош, как то было в случае Ромула, он всегда оправдывает содеянное».

В «Рассуждениях» Макиавелли неизменно рекомендует правителю прибегать к обману. Кроме того, в отличие от гуманистов он утверждает, что правителю выгоднее вызывать страх, чем любовь, и что в отношениях с подданными наказание гораздо продуктивнее, чем милосердие. Кроме того, если правитель обнаруживает, что весь город восстал против него, то в таком случае самое правильное — «перебить всех до единого».

Поэтому профессор Скиннер вполне точен и корректен, когда выносит о «Государе» и «Рассуждениях» следующее заключение:

Глубинная политическая мораль двух книг одна и та же. Единственная модификация основной позиции Макиавелли состоит в том, что он меняет адресата своих политических наставлений. Если в «Государе» он формирует поведение единоличных правителей, то в «Рассуждениях» обращается ко всем гражданам как к единому целому. Но базовые послышки, из которых вытекают его советы, остаются теми же, что и прежде».

Итак, Макиавелли одновременно является и проповедником зла, и основоположником современной политологии и современного политического консультирования.

6.5. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГУМАНИЗМА В ЕВРОПЕ

Вошедший в моду новый итальянский гуманизм с его филологическим и литературным пристрастием к <античным> классическим текстам, абсолютистскими политическими идеалами и нежеланием признавать схоластические принципы систематического мышления и естественного

права в XV в. стремительно распространился на север — во Францию, в Англию, Германию и Нидерланды. Его торжество над северными учеными и северными университетами в XVI в. способствовало пресечению схоластической мысли и последующему преобладанию государственного абсолютизма почти в такой же мере, как и подъем протестантской Реформации. Однако политическая мысль северных гуманистов отличалась одной важной особенностью: в таких странах, как Франция, Германия и Англия, где короли концентрировали в своих руках все более значительную власть, рассуждения о достоинствах олигархического республиканизма казались нелепым и ненужным пустословием. Северные гуманисты были твердо привержены «государю» (разумеется, государю добродетельному, не такому, как у Макиавелли) и самим себе как мудрым его советникам.

195

Первым итальянским гуманистом, который приехал во Францию и произвел там сенсацию, был неаполитанец Грегорио да Тиферна (ок. 1415 — 1466); в 1458 г. он стал первым преподавателем древнегреческого языка в Парижском университете. Вскоре и другие итальянские гуманисты устремились на штурм этого почтенного оплота средневековой и поздней схоластики и добились успеха. Филиппо Бераальдо (ок. 1440 — 1504) в 1476 г. начал читать лекции по поэзии, философии и гуманитарным наукам. Особым влиянием в Парижском университете пользовался Фаусто Андрелини (ок. 1460 — 1518); он преподавал там 30 лет, начиная с 1489 г., и приобрел большую известность благодаря изучению древнеримских поэтов и писателей.

Гуманизм проник в Англию с Пьетро дель Монте (ум. 1457); в 1435—1440 гг. он был сборщиком папских доходов в Англии и, что важнее, стал литературным консультантом брата короля Генриха V герцога Хэмфри Глостерского, первого английского покровителя гуманизма. Глостер поселил итальянского риторика у себя и с его помощью собрал прекрасную библиотеку, включавшую все основные работы гуманистов; значительную ее часть он потом подарил Оксфордскому университету. В конце XV в. Оксфорд и Кембридж тоже охотно принимали итальянских гуманистов. Миланец Стефано Суригоне (ок. 1430 — 1480) в 1454—1471 гг. преподавал в Оксфорде грамматику и риторике. Корнелио Вителли (ок. 1450 — 1500) стал первым профессором греческого языка в английском университете, начав преподавать в 1470-х гг. в Новом колледже Оксфорда. Лоренцо да Савона в те же годы преподавал в Кембридже, в 1478 г. опубликовал учебник по риторике, который к концу столетия выдержал два издания. Кайо Ауберино (ок. 1450 — 1500) стал штатным профессором риторики в Кембридже и в 1480-х гг. преподавал там древнеримскую литературу.

Гуманизм распространялся в Северной Европе еще и потому, что молодые ученые, вдохновленные итальянскими преподавателями в их странах, отправлялись в Италию, чтобы знакомиться с новым гуманизмом на его родине. Так, Робер Гаген (1435—1501), обращенный в гума-

низ лекциями Грегорио да Тиферны, в конце 1460-х гг. совершил два продолжительных визита в Италию и возвратился, чтобы стать видным французским гуманистом в Сорбонне, где с 1473 г. он читал лекции по риторике и древнеримской литературе, а также переводил Ливия, опубликовал трактат о древнеримской поэзии и первую историю Франции, написанную настоящим риторическим стилем. Англичанин Уильям Гросин (ок. 1449 — 1519), слушавший лекции Вителли в Оксфорде, в конце 1480-х гг. изучал гуманизм во Флоренции и по возвращении стал в 1491 г. первым английским профессором древнегреческого языка в Оксфорде. Другой оксфордский студент, Уильям Латимер (ок. 1460 — 1545), сопровождал своего друга Гросина в поездке в Италию, а затем совершенствовал свое знание древнегреческого языка в Падуанском университете. Вскоре после того, как Гросин занял свой пост в Оксфорде, Латимер получил место преподавателя в оксфордском Колледже Магдалены и превратил его в центр гуманистических исследований.

Самым видным из оксфордских паломников в Италию был Джон Колет (ок. 1467 — 1519), учившийся у Гросина. Он жил в Италии в 1493—1496 гг., по возвращении тоже получил место профессора в Оксфорде и в 1498—1499 г. прочитал общеуниверситетский курс лекций о Посланиях св. Павла.

6.6. БОТЕРО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАКИАВЕЛЛИЗМА

Подобно итальянцам, северные гуманисты были твердо убеждены, что правитель обязан блюсти христианские добродетели честности и справедливости. Примерно в то же самое время, когда Макиавелли излагал в «Государе» доводы в пользу новой прагматической морали, величайший гуманист эпохи сочинял свою знаменитую книгу наставлений правителям в строгом соответствии с христианскими добродетелями. Голландский каноник-августинец Дезидерий Эразм (ок. 1466 — 1536), которого Джон Колет побудил изучать теологию, посвятил свой трактат «Воспитание христианского государя» (1516) будущему императору Карлу V. Если «сатана» утверждал, что никакие соображения не должны препятствовать сохранению власти правителя, то Эразм предупредил принца, что он не должен, какие бы оправдания у него ни были, совершать того, что может повредить делу справедливости.

«Государь» Макиавелли был издан в 1532 г., и после этого, как мы уже говорили, по всей Европе развернулась бурная атака на «макиавеллизм». В Англии Макиавелли чаще всего называли «политическим атеистом». Так, в 1602 г. некто Джеймс Халл опубликовал книгу под названием «Разоблачение политического атеиста». Северные гуманисты, как правило, занимали одинаковую позицию; они защищали традиционную политическую философию, основанную на справедливости и честности.

сти, и отвергали главный довод противников, который один из макиавеллистов удачно назвал «государственными соображениями» (*ragione di stato*). Кардинал Реджинальд Поул (1500—1558), один из главных английских поборников католицизма и противников Реформации, видный гуманист, подверг критике политическую теорию Макиавелли в своей «Апологии к Карлу V» (1539), обвинив Макиавелли в разрушении всех добродетелей. Другой видный гуманист, личный преподаватель королевы Елизаветы по древнегреческому и латыни Роджер Эшем (1515—1568) в сочинении «Доклад и рассуждение о делах и состоянии Германии» с негодованием отметил, что Макиавелли учил одному: каждый волен «думать, говорить и делать все, что приносит наибольшую выгоду и удовольствие».

Для гугенотов Макиавелли тоже оказался подходящей мишенью во время религиозной войны 1570-х гг. Резню в Варфоломеевскую ночь 1572 г. гугеноты приписали злодейским замыслам королевы-матери, Екатерины де Медичи, дочери того самого Лоренцо Великолепного, которому Макиавелли посвятил «Государя», а сами злодейские замыслы объяснили влиянием доктрины Макиавелли. «Пробудитель» постоянно осуждал «губительную ересь» Макиавелли, заявляя, что «именно доктрины Макиавелли побудили короля» истреблять гугенотов. В другом трактате, «Сигнальный колокол» (1577), утверждалось, что Екатерина намеренно внушала своему сыну принципы «атеиста Макиавелли», тем самым воспитывая его «в убеждениях, более всего подходящих для тирана». Для других гугенотов Макиавелли был наставником в «науке обмана», которую такие итальянцы, как Екатерина, занесли во Францию.

Выдающимся образцом трактата в жанре антимаккиавеллизма можно считать сочинение «Анти-Макиавелли» Энносана Жентилле (ок. 1535—1595), опубликованное в 1576 г. Жентилле был французским гугенотом и после Варфоломеевской ночи бежал в Женеву. Макиавелли, утверждал он, это поистине сатанинский сочинитель наставлений о том, как стать законченным тираном.

Однако несмотря на все это, соблазнительная суть новой морали, оправдание любых средств якобы самоценной целью поддержания и усиления государственной власти, начала привлекать и сторонников. В Италии в XVI в. сложилась группа макиавеллистов, в которой главным ориентиром были Джованни Ботеро (1540—1517) и его трактат «Государственные соображения» (1589).

Ботеро, видный гуманист из Пьемонта, вступил в орден иезуитов. В этот период схоластика в Италии переживала упадок, и весьма показательно, что этот пропагандист «государственных соображений» и, следовательно, противник естественно-правовой этики в политической жизни предпочел стать членом могущественного иезуитского ордена. Поскольку Макиавелли не пользовался популярностью в Европе и особенно в католических кругах, Ботеро решил для вида его покритиковать. Этот чисто ритуальный прием маскировал то обстоятельство, что

Ботеро в сущности соглашался с идеями Макиавелли. На словах Ботеро признал, что правителю подобает быть справедливым, но тут же заявил, что главное — это политическое благоразумие, а суть благоразумия в том, что «правители, принимая решения, всегда ставят свои интересы выше любых прочих соображений»; поэтому такие вещи, как дружба, договоры или обязательства, должны решительно отменяться. В общем и целом, считал Ботеро, правитель должен руководствоваться в первую очередь «государственными соображениями», и о совершаемых им действиях «нельзя судить по меркам заурядного ума». Мораль правителя и оправданность его поступков диаметрально противоположны принципам, которым должны следовать рядовые граждане.

Сочинение Ботеро вызвало своего рода цепную реакцию, и за следующие 40 лет в Италии появился целый ряд сочинений с тем же самым названием, «Государственные соображения».

Помимо того что Ботеро был ведущим теоретиком политического прагматизма и государственных соображений, он заслужил примечательную, но сомнительную честь именоваться первым «мальтузианцем», первым, кого серьезно тревожили предполагаемые негативные последствия роста населения. В сочинении «О причине величия городов» (1588), переведенном на английский язык в 1606 г., Ботеро почти в точности изложил основной тезис знаменитой работы Мальтуса о народонаселении, появившейся двумя столетиями позже. Соответственно, аргументация отличалась в высшей степени механистическим характером: населению свойственна тенденция к неограниченному росту, или, вернее, единственным ограничителем является максимально возможный уровень размножения, а средства к существованию, напротив, нарастают гораздо медленнее. Поэтому рост населения всегда — если воспользоваться формулировкой Мальтуса — «оказывает давление на средства к существованию», в результате чего неизбежно наступают повсеместные бедность и голод. Рост населения можно задержать двумя путями. Первый состоит в смерти большого числа людей от голода, болезней или войн за скудные ресурсы («положительный» ограничитель Мальтуса). Второй сопряжен с единственным элементом свободы воли или активной человеческой реакции, который допускает теория Ботеро: голод и нищета могут побудить некоторых людей к воздержанию от брака и произведения потомства («превентивный», или «негативный», ограничитель Мальтуса).

В эпоху, когда рост населения сопровождался повышением жизненного уровня и экономическим ростом, мрачные предсказания Ботеро вряд ли могли найти благосклонный прием. Более того, как мы увидим ниже, те авторы XVII—XVIII вв., которые предвидели бесконтрольный рост населения, считали его фактором, *содействующим* процветанию и экономическому росту⁵.

Какие бы выводы ни делать из посылки неограниченного роста населения — пессимистические, нейтральные или оптимистические, — глав-

ный ее дефект состоит в предположении, что люди с полным безразличием отнесутся к снижению жизненного уровня из-за наличия больших семей. Ботеро (а после него Мальтус) фактически сами в этом признались, когда говорили о «превентивных» ограничителях. Ведь если люди станут иметь меньше детей, когда столкнутся с полнейшей нищетой, то непонятно, почему они не сделали этого гораздо раньше. А если так, то подобную механистическую тенденцию постулировать нельзя.

Как показывает история, факты полностью противоречат мрачным мальтузианским прогнозам. Население обнаруживает тенденцию к росту лишь в ответ на экономический рост и последующее повышение уровня жизни; численность населения и уровень жизни, как правило, идут рука об руку, а не в противоположных направлениях. Рост населения обычно следует за снижением смертности, которая уменьшается благодаря улучшению питания, санитарных условий и медицины при более высоком уровне жизни. Значительное снижение уровня смертности ведет к ускорению роста населения (по приближительной формуле: уровень рождаемости минус уровень смертности). Через несколько поколений уровень рождаемости обычно падает, поскольку люди стремятся сохранить более высокий уровень жизни, и рост населения снижается.

Главный дефект концепции Ботеро—Мальтуса состоит в следующем: она исходит из того, что два фактора — население и средства к существованию (уровень производства или уровень жизни) — подчиняются двум совершенно не зависящим друг от друга законам. Однако, как мы уже говорили, рост населения может быть очень чувствительным к росту производства. Равным образом, возможна и обратная зависимость, а именно рост населения может способствовать росту инвестиций и росту производства, поскольку расширяется рынок сбыта и увеличивается количество рабочих рук⁶. Шумпетер подводит общий итог в своей критике Мальтуса: «...нет никакого смысла в том, чтобы пытаться сформулировать независимые “законы” поведения двух взаимозависимых величин»⁷.

Первым северным гуманистом, который занял макиавеллистскую позицию, стал видный английский гуманист и соратник кардинала Поула в деле защиты Католической церкви от англиканской Реформации епископ Винчестерский Стивен Гардинер (ок. 1483 — 1555). «Рассуждение о приходе англичан и норманнов в Британию» он писал в начале 1550-х гг., в то подходящее время, когда состоял лордом-канцлером при деспотичной королеве Марии Тюдор. В этом трактате, посвященном Филиппу II Испанскому и адресованном ему накануне его женитьбы на королеве Марии, Гардинер объяснял, как следует править Англией. Он открыто согласился с мнением Макиавелли, что правителю гораздо важнее *выглядеть* добродетельным, чем быть им на самом деле. Правителю, объяснял он, выгодно выглядеть «милосердным, щедрым и глубоко верующим», а любому правителю, который действительно стремится обладать такими качествами, они принесут больше вреда, чем пользы.

Верным, хотя и скрытным, последователем Макиавелли был видный фламандский гуманист и знаток античности Жюст Липс (1547—1606). Желая избежать лишений, которые приносила война против испанского владычества, он переехал из Антверпена в Лейден, где в 1589 г. опубликовал «Шесть книг о политике». Правитель, писал он, должен, когда нужно, прибегать к «выгодному обману» и благоразумно «сочетать выгодное с достойным». Государственные соображения вновь восторжествовали.

6.7. ГУМАНИЗМ И АБСОЛЮТИЗМ ВО ФРАНЦИИ

До того как гуманизм пришел во Францию, ее политическая мысль была скорее средневековой, чем абсолютистской. Итог средневековых политических представлений подвел видный приближенный короля, юрист и священник Клод де Сейсель (ок. 1450 — 1520) в трактате о монархии. Он написал «Французскую монархию» после смерти короля Людовика XII в 1515 г. и адресовал ее новому королю, Франциску I. Книга была опубликована четыре года спустя под более пышным названием «Великая Французская монархия» и впоследствии неоднократно переиздавалась.

Де Сейсель был родом из Савойи, получил юридическое образование, служил Карлу VIII и Людовику XII; при последнем он состоял членом Большого совета и выполнял многочисленные дипломатические поручения. Однако, несмотря на долгую придворную карьеру и безусловную преданность Людовику XII, де Сейсель был скорее конституционалистом, чем абсолютистом. Король, утверждал он, обладает абсолютной властью в пределах своих полномочий, но эти полномочия ограничены совокупностью прав, принадлежащих другим согласно обычному, естественному и божественному праву.

А вот на долгое правление Франциска I (1515—1547) пришлось начало торжества абсолютизма во французской политической мысли. Основу этой новой традиции заложил ведущий гуманист Франции Гийом Бюде (1467—1540). Выдающийся филолог-классик и знаток права, Бюде в начале 1500-х гг. посетил Италию, проникся там идеями гуманистов и по возвращении подверг резкой критике схоластическую юриспруденцию в сочинении «Комментарии к Пандектам» (1508). Вступление на трон Франциска I ветеран де Сейсель и его младший коллега Бюде, как и следовало ожидать, использовали совершенно по-разному. Де Сейсель в своем труде убеждал нового короля в достоинствах того, что сам считал традиционным конституционным королевским режимом. А Бюде появление нового монарха вдохновило на «Наставление государю» (1519), в котором он превознес потенциально абсолютные величие и власть короля.

В этом французском образчике наставлений правителям Бюде высказал новую для Франции идею: король — это полный и абсолютный суве-

рен, власть и любое пожелание которого не должны знать никаких ограничений и подвергаться сомнению. Король, утверждал Бюде, является полубожественной фигурой и стоит выше всех прочих. Законы, связывающие подданных, для него не обязательны и к нему не относятся; законы действительны только для людей заурядных и равных, но не для короля, который близок к идеалу человеческого совершенства. Иными словами, король — это бог среди людей и сам для себя закон; монарх — сверхчеловек, он сам является источником и критерием всякой справедливости.

С точки зрения Бюде, король всегда прав, поскольку «сердце короля подвижимо вдохновлением и велением Бога, который руководит им и направляет его, согласно своему желанию, на совершение дел похвальных, достойных и полезных как для народа, так и для самого короля». Король властвует по божественному праву, непосредственно вдохновляется Богом и нуждается лишь в совете философов; не нужно большого воображения, чтобы угадать, *кого именно* Бюде видел на месте советника Франциска I.

В последующие десятилетия традицию, заложенную Бюде, продолжали и развивали гуманисты, и в особенности правоведы. Французские короли были довольны доминированием этих теорий и охотно применяли их на практике. В этом им много помогали абсолютистски настроенные юристы, которые сами занимали высокие посты на королевской службе. В царствование Франциска I особенно выделялись два таких автора. Бартеlemi де Шаснеуз (1480—1541) в 1529 г. опубликовал «Каталог славных деяний мира», а Шарль де Грассайль в 1538 г. написал «Торжество Франции». Де Грассайль утверждал, что король Франции — это божество во плоти, все его действия вдохновляются и направляются Богом, передающим веления через короля. Таким образом, король — это наместник Божий на земле и живой закон. Кратко говоря, де Грассайль сформулировал главную мысль: король есть земной бог.

Кроме того, французские юристы XVI в. систематически уничтожали законные права корпораций и организаций, стоявших в Средние века между индивидом и государством. Никаких посредников и феодальных прерогатив больше не должно было быть. Король обладает абсолютной властью над этими посредниками и волен создавать или устранять их по своему желанию. Вот как современный историк суммирует концепцию де Шаснеуз:

Вся юрисдикция... принадлежит верховной власти короля; никто не может обладать юрисдикцией иначе, как с согласия и разрешения короля. Таким образом, только король имеет право назначать должностных лиц; все должности и ранги происходят из него, как вода из фонтана⁸.

Главную теоретическую роль в уничтожении структур-посредников, препятствовавших абсолютной власти монарха над подданными, сыграл самый значительный юрист той эпохи Шарль Дюмулен. Мы уже говорили о его критике запрета ростовщичества в «Трактате о контрактах и ро-

стовщичество» (1546). Еще более важное значение имел его *magnum opus* «Комментарии о кутюмном праве Парижа» (1539), сборник материалов и комментариев об обычном праве во Франции. Эта книга нанесла смертельный удар средневековым правам и привилегиям структур-посредников и передала практически всю власть в руки короля и его государства.

6.8. СКЕПТИК КАК АБСОЛЮТИСТ: МИШЕЛЬ ДЕ МОНТЕНЬ

Либералы XX в. горячо настаивают на том, что наилучшим основанием индивидуальной свободы является скептицизм, т.е. признание невозможности утверждать что-либо с полной истинностью. Фанатик, убежденный в неопровержимости своих воззрений, растопчет права других; скептик, не убежденный ни в чем, так никогда не поступит. Но в действительности все обстоит ровно наоборот: скептику не на что опереться, чтобы защищать от посягательств свою или чужую свободу. А поскольку всегда найдутся охотники ущемлять чужие права ради власти или ради денег, триумф скептицизма означает, что жертвы агрессии не будут иметь против нее никакой защиты. Кроме того, скептик, будучи не способен обнаружить никакого принципа для прав и любой социальной организации, покорится, хотя и с горестным вздохом, любому тираническому режиму. «*Faute de mieux*⁽¹⁾», — только и останется ему сказать.

Прекрасным тому примером служит один из великих скептиков Нового времени, широко читаемый и почитаемый французский эссеист Мишель Экем де Монтень (1533—1592)⁹. Монтень происходил из знатного семейства в Перигоре близ Бордо на юго-западе Франции. В 1557 г. в возрасте 24 лет он стал судьей парламента Бордо, как раньше и его отец; в парламенте также состояли его дядя (брат отца), двоюродный брат матери и муж сестры. Монтень состоял в парламенте 13 лет, но отказался от повышения и перехода в верхнюю палату этого судебного органа и в 1570 г. удалился в свой замок, чтобы работать над знаменитыми «Опытами». Там он пребывал постоянно за исключением четырехлетнего периода, когда в начале 1580-х гг. занимал пост мэра Бордо. Писать краткие эссе Монтень начал в первой половине 1570-х гг. и в 1580 г. опубликовал первые два тома. Третья книга вышла в 1588 г., а все три тома были посмертно переизданы через семь лет.

Хотя Монтень и соблюдал обряды католической церкви, он был скептиком до мозга костей. Человек не способен ничего познать, его разум слишком слаб, чтобы рациональным путем прийти к этике природного закона или к четкой теологии: «Разум во всем только сбивается с пути, особенно тогда, когда обращается к вещам божественным». На какое-то время Монтень сделал своим девизом вопрос «Что я знаю?».

И если Монтень действительно ничего не знал, то, разумеется, он не имел никаких оснований выступать против нарождавшейся в то время

абсолютистской тирании. Напротив, наилучшим способом противостояния внешнему миру он считал стоическую покорность судьбе, подчинение господствующим тенденциям. По словам Скиннера, квинтэссенция политической позиции Монтеня состояла в том, что «все обязаны подчиняться существующему порядку вещей и никогда не сопротивляться власти, но принимать ее и, если необходимо, переносить со стойкостью»¹⁰.

В частности, при всем своем скептицизме относительно религии как таковой Монтень подчеркивал социальную значимость внешнего соблюдения одинаковых религиозных предписаний. Сверх того, Франция должна «полностью подчиняться велениям наших [католических] церковных властей».

Подчинение существующей власти можно считать ключевым политическим принципом Монтеня. Все должны повиноваться королю вне зависимости от того, как он исполняет свои королевские обязанности. Поскольку разум не способен указать верный путь, Монтень вынужден полагаться на статус-кво, на обычай и традицию. Он неустанно повторяет, что каждый должен «полностью соблюдать принятые манеры и формы», ибо «правило правил и закон законов состоит в том, что каждый обязан следовать обычаям тех мест, где находится». Монтень одобряет Платона, который призывал запретить гражданам «вникать в суть гражданских законов», поскольку эти законы нужно «почитать как божественные веления». Хотя мы, возможно, и хотели бы иметь других правителей, мы «должны повиноваться тем, которые у нас есть». С точки зрения Монтеня, ценнейшее достижение христианской религии заключается в том, что она призывает «к повиновению должностным лицам и поддержанию власти».

При такой общей позиции Монтеня несколько не удивительно, что он охотно соглашается с макиавеллистской концепцией «государственных соображений», т.е., можно сказать, считает *индивидуальные человеческие соображения* ничего не стоящими, а государственные — первостепенными. В типичной своей манере Монтень, заявляя, что лично он предпочитает держаться подальше от политики и дипломатии, поскольку не хочет лгать и обманывать, вместе с тем признает неизбежность «узаконенной порочности» в действиях властей. Для правителя обман может быть необходимостью; более того, такие пороки положительно необходимы «для скрепления нашего общества воедино, как яды для сохранения нашего здоровья». Затем Монтень переходит к соединению права властителя на обман с парадоксальной на первый взгляд апологией государственных соображений, в которых человеческий разум вообще не присутствует. Дело в том, поясняет он, что правитель, следуя государственным соображениям, просто «отказывается от собственного разума ради разума более общего и более сильного», и этот таинственный сверхразум указывает ему, что необходимо совершить поступок, который в обычном представлении является дурным.

Кроме того, Мишель де Монтень внес заметный и очень весомый вклад в меркантилизм — в чисто экономический аспект государственного аб-

солютизма. Хотя он и утверждал, что ничего не знает, в одном случае он решительно претендовал на истину, а его декларированный скептицизм внезапно исчез. А именно, Монтень утверждал, как гласит название его эссе XXII, что «выгода одного — ущерб для другого» (Людвиг фон Мизес впоследствии назовет это «заблуждением Монтеня»⁽¹⁾). Это суть меркантилистской теории — в той мере, в какой меркантилизм вообще имеет теорию. В противоположность той хорошо известной схоластам фундаментальной истине, что от обмена выигрывают обе стороны, Монтень считал, что в сделке один человек может выиграть лишь за счет другого. Соответственно, в международной торговле одна страна неизбежно выигрывает за счет другой. Отсюда вытекает такой вывод: если рынок — это джунгли, где бродят хищники, то почему бы французу не призвать французское государство урвать у других столько, сколько оно сможет?

В эссе XXI <первого тома «Опытов»> Монтень затрагивает эту тему в свойственной ему прагматичной и несколько циничной манере:

Демад, афинянин, осудил одного из своих сограждан, торговавшего всем необходимым для погребения, основываясь на том, что тот стремился к слишком большой выгоде, достигнуть которой можно было бы не иначе, как ценою смерти очень многих людей. Этот приговор кажется мне необоснованным, ибо, вообще говоря, нет такой выгоды, которая не была бы связана с ущербом для других; и потому, если рассуждать как Демад, следовало бы осудить любой заработок⁽²⁾.

Любая работа выполняется за счет других людей, и Монтень справедливо замечает: тогда и врача можно было бы осудить за то, что он лечит, земледельца или торговца за то, что они наживаются на человеческом голоде, портного за то, что он получает выгоду от чужой нужды в одежде и т.д. В более широком плане Монтень приходит к выводу, что выгода для чего-то одного всегда есть «в то же время разрушение и гибель» чего-то другого. Однако, к сожалению, Монтень не учел, что производители услуг *не создают* потребности, а удовлетворяют их и тем самым устраняют нужду и неудобства покупателей, увеличивают их счастье и повышают их уровень жизни. Если бы он задумался об этом, он понял бы всю несостоятельность своего убеждения, что на рынке действует закон джунглей, или, как бы мы сказали сегодня, игра с нулевой суммой.

204

6.9. ЖАН БОДЕН: КУЛЬМИНАЦИЯ АБСОЛЮТИСТСКОЙ МЫСЛИ ВО ФРАНЦИИ

Если Монтень проторил путь для господства абсолютистской мысли во Франции, то основателем или, во всяком случае, классическим образцом идеологии французского абсолютизма XVI в., несомненно, был Жан Боден (1530—1596). Он родился в Анже, учился в университете Тулузы и преподавал там 12 лет. Затем Боден переехал в Париж, где поначалу занимал-

ся адвокатской практикой, но быстро стал фигурой, полезной королю Генриху III в качестве одного из вождей этактической партии «политиков»; эта партия выступала за сильную королевскую власть, способную противостоять как воинствующим гугенотам, так и Католической лиге.

Самая важная работа Бодена — «Шесть книг о государстве» («Les six livres de la République», 1576). В XVI в. эта, вероятно, самая обширная работа по политической философии из когда-либо написанных пользовалась, несомненно, наибольшим влиянием в данной области. Кроме нее Боден опубликовал книги по таким предметам, как деньги, право, исторический метод, естественные науки, религия и оккультизм. Центральным звеном его концепции абсолютизма, разработанной перед лицом угрозы гугенотского восстания, было понятие суверенитета, неоспоримой верховной власти монарха над всем обществом. В частности, Боден определял суверенитет как «наивысшую, абсолютную и бессрочную власть над гражданами и подданными государства». Главным свойством суверенитета Боден считал законодательную функцию монарха, а «суть законодательства заключена в повелении, т.е. в волеизъявлении, подлежащем принудительному исполнению»¹¹.

Поскольку суверен является создателем или творцом закона, сам он должен стоять выше закона, который предназначен только для подданных, но не для самого монарха. Таким образом, суверен — это фигура, чья воля создает порядок из бесформенности и хаоса. Далее, суверен должен быть единственной и нераздельной инстанцией, отдающей повеления в обществе. Как разъяснял Боден, «мы видим суть суверенного величества и абсолютной власти в создании законов для подданных вопреки без всякого согласия последних». Суверен должен стоять выше создаваемых им законов, выше обычного права и любых институтов. Суверенный властитель должен согласовывать свои указы с божественным законом, но (что принципиально важно) никакие человеческие средства или институты не могут быть использованы для того, чтобы проверить, действительно ли монарх прислушивается к божественным советам, или потребовать от него объяснений.

Вместе с тем Боден призывал монарха полагаться на рекомендации небольшого числа мудрых консультантов, которые, не имея, по идее, корыстных мотивов, смогут помогать королю в его законодательной деятельности ради общественного блага всего народа. Иными словами, небольшая элита искушенных людей за сценой получает долю в суверенной власти, а формально указы суверена объявляются так, как если бы они были исключительно его собственными. Как отмечает Кохейн, в системе Бодена «зависимость монарха от его советников замаскирована эффектной и внешне убедительной фикцией, утверждающей, что закон исходит от одной благосклонной, абсолютной, сверхчеловеческой воли»¹².

Вполне естественно заключить, что Боден, придворный политик и юрист, видел себя в числе мудрецов, управляющих государством из-за сцены. Платоновский идеал царя-философа трансформировался в более

реалистичную и больше отвечающую интересам Бодена фигуру философа-консультанта при короле. Вся эта схема основана на иллюзорном предположении, что такой придворный философ благодаря своим личным качествам не будет заинтересован ни в деньгах, ни во власти. В области непосредственного управления государством Боден отводил значительную роль различным группам и предусматривал обширный бюрократический аппарат.

Нередко бывает, что политические теоретики проявляют наибольшую проницательность в обнаружении дефектов тех общественных систем, которые им не нравятся. И один из самых прозорливых выводов Бодена строится на критике народных демократий прошлого. Если, указывает он, «мы снимем оболочку со всех народных государств, какие только существовали» и внимательно присмотримся к реальному их состоянию, мы обнаружим, что так называемое народоправие на деле всегда было правлением небольшой олигархии. Предвосхищая таких видных создателей концепций властной элиты или правящего класса, как работавшие в конце XIX в. Роберт Михельс, Гаэтано Моска и Вилфредо Парето, Боден пришел к выводу, что в действительности всегда правит олигархия, для которой «народ служит всего лишь маской».

В предложенной Боденом схеме абсолютной власти есть, впрочем, одна примечательная лакуна, и относится она к сфере, принципиально важной для практического осуществления государственной власти, — к налогообложению. Как мы уже говорили, до XIV в. считалось, что французские короли должны жить на свои феодальные ренты и подати, а всеобщие налоги вводились неохотно и лишь в случаях крайней необходимости. И хотя в начале XVI в. во Франции уже существовала система постоянных и тяжелых налогов, даже придворные теоретики абсолютизма не решались признать за монархом неограниченное право введения налогов. В конце XVI в. как гугеноты, так и члены Католической лиги решительно осуждали королевский налоговый произвол, считая его преступлением против общества. В результате Боден и его коллеги-«политики» сочли невозможным играть на руку недругам короля. Как и предшествующие французские идеологи абсолютизма, Боден проявил непоследовательность, поддержал права частной собственности и указал, что король не может облагать подданных налогом без их согласия: «Никакой правитель во всем мире не властен обременять народ налогами по своей прихоти или отбирать у людей имущество». Однако «согласие подданных» Боден понимал достаточно расплывчато и считал вполне достаточным формальное одобрение налогов генеральными штатами.

Когда Боден в качестве депутата от Вермандуа участвовал в заседаниях генеральных штатов в Блуа (1576—1577), его позиция со всей наглядностью показала, что по вопросу налогообложения он не был вполне последовательным абсолютистом. Король предложил заменить множество существовавших тогда разных налогов на прогрессивный подоходный на-

лог для всех рядовых людей без исключения (что сейчас назвали бы «плоским налогом с буграми»). Примечательно, что эта схема почти в точности соответствовала той, которую незадолго до этого предложил сам Боден. Однако Боден выступил против королевского проекта, проявив проницательность в отношении намерений власти. По его словам, «королю нельзя верить, когда он говорит, что этот налог заменит все подати, сборы и соляные налоги. Гораздо более вероятно, что король замышляет сделать этот налог дополнительным»¹³. Кроме того, Боден совершенно правильно понял, почему депутаты от Парижа решительно выступили в поддержку нового, более высокого налога. Парижанам, объяснил он, уже долгое время не платят проценты по государственным облигациям, и они рассчитывают, что повышение налогов позволит королю возобновить платежи.

Боден очень хотел, чтобы король не начал полномасштабную войну против гугенотов, и потому призвал генеральные штаты заблокировать не только план единого налога, но и чрезвычайные субсидии королю. Он указал, что «временные» субсидии имеют свойство становиться постоянными, и предостерег короля и соотечественников: «Ничто не приносит столько неудач, бунтов и ущерба для государства, как чрезмерные налоги и пошлины».

В XVII в. последующие идеологи абсолютизма уже не проявляли никаких колебаний и утратили всякое уважение к средневековой традиции строго ограниченного налогообложения. Они превозносили ничем не ограниченную государственную власть.

Как мы видели выше, в узкоэкономической сфере денежной теории историки долгое время считали, что в работе «Ответ на парадоксы месье де Малеструа» (1568) Боден впервые сформулировал количественную теорию денег (точнее, тезис о влиянии денежной массы на цены). Если Малеструа⁽³⁾ считал причиной странных и хронических всплесков цен во Франции порчу монеты, то Боден видел причину в притоке драгоценных металлов из Нового Света. Однако, как мы убедились, количественная теория была известна со времен схоласта Жана Буридана в XIV в. и особенно со времен Николая Коперника в начале XVI в. Приток металлов из Нового Света объявил причиной роста цен видный испанский схоласт Мартин де Аспилькуэта Наварро и сделал он это на десять с лишним лет раньше Бодена, который, будучи человеком высокообразованным, несомненно, должен был знать трактат Наварро — особенно по той причине, что Наварро преподавал в университете Тулузы на поколение раньше Бодена. Поэтому едва ли можно считать, что Боден единолично первенствовал в этой области¹⁴.

Боден также был одним из первых, кто заговорил о влиянии общественных лидеров на спрос на товары, а следовательно, на цены. Люди, отметил он, «особенно ценят и поднимают в цене то, до чего охочи вельможи, — хотя сами по себе эти вещи не заслуживают такой оценки». Затем вступает в силу фактор снобизма: «Вельможи видят, что вещи, которые нравятся им самим, в изобилии имеются у их подданных, и начинают презирать эти вещи»; тогда цены на них падают.

Несмотря на все свои тонкие экономические и политические наблюдения, Боден остался ультраортодоксом в отношении ростовщичества и не обратил никакого внимания на выводы Дюмулена и испанских схоластов. Поскольку, считал Боден, Бог запретил брать проценты, значит, так тому и быть.

6.10. ПОСЛЕ БОДЕНА

Жан Боден превознес суверенитет и тем потряс французскую политическую мысль, как раскат грома; он, наконец, нащупал путь к абсолютизации постоянно растущих прерогатив Короны. В частности, новый взгляд подхватили и искусно дополнили авторы, которые на практике были большими абсолютистами, чем сам Боден. Дело в том, что в схеме Бодена отсутствовало кардинально важное для протестантов понятие божественного одобрения: Боден считал абсолютную власть просто объективным фактом. Однако другие «политики» вскоре добавили недостающий элемент, поскольку уже давно рассматривали власть сквозь призму божественного права. Мысль о том, что королевская власть вручается Богом, была достаточно распространенной в XVI в., но в отличие от Бодена никто не возвышал эту власть до уровня абсолютного суверенитета.

Самой значительной фигурой среди непосредственных последователей Бодена был Пьер Грегуар, автор книги «О государстве» (1578). Король, утверждал Грегуар, это наместник Божий в брэнном мире, и его правление постоянно направляется божественной волей. Поэтому королевские веления равнозначны божественным и должны беспрекословно исполняться подданными. «Король, — писал Грегуар, — в полноте своей власти есть образ Бога».

Боден и другие по-прежнему считали, что истинная справедливость и королевские веления — это вещи разные; действия короля могут быть несправедливыми, но никому не дозволено противиться или не повиноваться им. Однако у офрануженного шотландца Адама Блэквуда в трактате «Против Джорджа Бьюкенена» (1581) эти две вещи почти полностью совпали. Воля монарха справедлива по определению. Король всегда прав; фактически он — сверхчеловек, сам для себя действующий закон. Блэквуд довел до последнего предела прославление санкционированной свыше монархии, поскольку утверждал, что божественна не только королевская власть, но и сама *персона* короля, который, таким образом, в буквальном смысле является земным богом.

Как показывает название трактата Блэквуда, он был направлен против другого офрануженного шотландца, радикального кальвиниста Джорджа Бьюкенена. Либеральная и одобрявшая тираноубийство доктрина Бьюкенена основывалась, как и следовало ожидать, на концепции естественного права. Поэтому Блэквуд отверг естественное право, видя в нем источник анархической свободы, а в его адептах — нежелание под-

чиняться закону и политической власти. Естественному праву Блэквуд противопоставил *jus gentium*, действующее право народов, как объяснение и обоснование политической власти.

После совмещения абсолютной власти и божественного права ограничение налогообложения «согласием», еще действенное в схеме Бодена, должно было, разумеется, тут же отпасть, и пропагандист этого совмещения Пьер Грегуар налоговое ограничение отменил. Если даже Боден признавал, что природное право является основой права частной собственности, то у Грегуара природное право только подтверждает неограниченную власть короля. С точки зрения Грегуара, король обладает неограниченным правом вводить налоги, поскольку благо государства выше индивидуальных прав собственности. Более того, король обладает дарованной свыше абсолютной властью над персонами и имуществом своих подданных. Поэтому во избежание конфликтов, путаницы и любых требований «согласия» на налоги генеральные штаты нужно полностью упразднить.

Однако именно Адам Блэквуд с полной ясностью довел до логического конца концепцию неограниченного права короля вводить налоги. Если, рассуждал он, права собственности имеют значение, а у короля есть абсолютное право устанавливать налоги или иным образом отчуждать частную собственность по своей воле, следовательно, «все земли изначально принадлежали королю и были предоставлены им другим лицам... Но пожалование феодальных владений было лишь частичной передачей; все земли были обязаны платить подати королю и оставались под его верховной властью»¹⁵.

Если в начале 1580-х гг. Адам Блэквуд был одинок в своем абсолютистском экстремизме, то весьма скоро на его позицию встали многие авторы-роялисты. Приблизительно с 1585 г. и вплоть до того, как Генрих IV перешел в католичество, королевская власть фактически находилась в зависимости от могущественной и воинственной Католической лиги. Поэтому роялистские авторы чувствовали себя обязанными довести представление о божественной природе королевской власти до максимума, чтобы ликвидировать любое влияние папы во Франции и обосновать абсолютное повиновение любому законному суверену независимо от его вероисповедания. Во Франции король должен иметь абсолютную власть над Католической церковью, равно как и над другими институтами. Франсуа Леже («О божественности королей», 1589) утверждал, что короли поставлены почитать Бога и служить ему, а подданные должны повиноваться правителям как земным богам. Луи Сервен в своих «Требованиях» (1590) возвещал о Генрихе IV, тогда еще гугеноте: «Бог есть наш король; Им он живет и процветает, Его духом оживляется». Жак де ла Гель, генеральный прокурор Франции, обратился к парламенту с просьбой наказать священника, который признавал верховную светскую власть папы римского:

Достопочтенные господа, власть короля священна и утверждена Богом; это главное дело Его Промысла, лучшее творение Его рук, образ

Его возвышенного величия и отражение Его великолепия в той мере, в какой допускает сравнение творения с Творцом... Ибо точно так же, как Бог есть по природе первый Король и Государь, так и король по своему происхождению и подобию есть бог всех на земле¹⁶.

По мнению апологетов Генриха IV, подданные обязаны беспрекословно подчиняться земному божеству; эти авторы полностью разделяли тезис Блэквуда, утверждавшего, что веления короля по определению правомочны и справедливы. Их мнение наиболее полно изложил Жак Юро в трактате «О государственных должностях» (1588). Юро утверждал, что монарх направляется рукой Господней и поэтому не может совершить ничего неправого. Монарх — не просто человек, но само правосудие, которое он отправляет по воле Бога. Государство строится на двух простых принципах: по определению правильных велений монарха и повиновении подданных. Монарх повелевает, подданные подчиняются. Вот и все. Кроме того, если Лига постоянно ссыалась на народ, роялисты из чувства противоречия советовали королю не давать много воли от природы беспокойным подданным.

Поскольку «политики» и Генрих IV вскоре одержали победу, абсолютистские взгляды апологетов Генриха, прежде не находившие широкой поддержки, были полностью усвоены ведущими теоретиками великой эпохи абсолютизма, Франции XVII в., и послужили для них источником вдохновения.

6.11. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Joseph A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), pp. 163—164 <ср.: Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 208>.
2. Quentin Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought: vol. I, The Renaissance* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), p. 138n <Скиннер К. Истоки современной политической мысли : в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 236сн.>.
3. Ibid., p. 138 <Там же. С. 237>.
4. Ibid., pp. 134—135 <Там же. С. 229, 230>.
5. Как мы увидим в следующем томе, известный левый кейнсианец Элвин Хансен в своей авторитетной «стагнационной» концепции конца 1930-х гг. предсказывал американской экономике постоянную стагнацию в том числе и по причине недавнего *снижения* роста населения. Мы убедимся также, что Хансен разработал эту концепцию как логический вывод из жесткой схемы Вальраса. Это, конечно, резко противоречит истерическим призывам американских левых 1970-х гг. добиться «нулевого прироста населения».
6. Так, анализируя обстановку в XX в., П. Т. Бауэр отмечает: «Действительно, во многих регионах третьего мира недостаток населения создает препятствия для развития экономической деятельности, препятствия гораздо более

- серьезные, чем те, которые якобы могут возникать из-за избытка населения. Разбросанное и редкое население не дает возможности создавать новые пути сообщения и коммуникации, а это замедляет распространение новых идей и методов и тем самым ограничивает возможности предпринимательской деятельности» (Р. Т. Bauer, *Equality, the Third World and Economic Delusion* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981), p. 45).
7. Schumpeter, op. cit., note 1, p. 579 <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 760>.
8. William Farr Church, *Constitutional Thought in Sixteenth-Century France: A Study in the Evolution of Ideas* (1941, New York: Octagon Books, 1969), p. 53.
- (1). За неимением лучшего (фр.). — Прим. перев.
9. Вместо привычного «Монтень» правильнее было бы произносить «Монтан», поскольку он происходил из той области Юго-Западной Франции, где говорили на langue d'oc (окситанском, провансальском языке), а не на северном (особенно в Париже и прилегающих областях) langue d'oïl или d'oui (французском). Эти южные районы были завоеваны Францией в XIII в. в ходе жестокого искоренения местной религии, альбигойства, и местной культуры. Кроме того, район вокруг Бордо был захвачен Англией и три столетия, с середины XII в. до середины XV в. оставался под властью англичан. Когда в 1450-х гг. французы вернули Бордо и окрестности, они начали искоренение использовавшегося в Гаскони (включая Перигор) окситанского диалекта как письменного языка — языка, который англичане не запрещали. В 1539 г., когда Монтень был совсем маленьким, французы эдиктом Виллер-Котре запретили использование окситанского языка в делопроизводстве и преподавании. Поэтому Монтень и другие были вынуждены писать на официальном французском языке, и хотя Монтень всегда хранил верность французской короне, он ощущал себя больше гасконцем, нежели французом.
10. Skinner, op. cit., note 2, p. 279 <Скиннер К. Истоки современной политической мысли : в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 411>.
- (1). Мизес называл это рассуждение «догмой Монтеня». См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 623. — Прим. изд.
- (2). Перевод А. С. Бобовича. — Прим. перев.
11. Nannerl O. Keohane, *Philosophy and the State in France: the Renaissance to the Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), p. 70.
12. Ibid., p. 75.
13. Martin Wolfe, *The Fiscal System of Renaissance France* (New Haven: Yale University Press, 1972), p. 162.
- (3). Жан де Малеструа — французский экономист XVI в. — Прим. перев.
14. В 1907 г. потомок Бодена заявил, что впервые о влиянии притока драгоценных металлов из Нового Света на цены в Европе заговорил в 1548 г. француз Ноель дю Фэй.
15. William Farr Church, *Constitutional Thought in Sixteenth Century France: A Study in the Evolution of Ideas* (1941, New York: Octagon Books, 1969), p. 259.
16. См.: Ibid., pp. 266n—67n.

ГЛАВА 7

МЕРКАНТИЛИЗМ: НА СЛУЖБЕ У АБСОЛЮТИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА

7.1. МЕРКАНТИЛИЗМ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АБСОЛЮТИЗМА

К началу XVII в. королевский абсолютизм восторжествовал по всей Европе. Но короли (или, если говорить об итальянских городах-государствах, правитель меньшего масштаба) не могли во все вникать лично. Они должны были править с помощью бюрократической иерархии. Поэтому абсолютистское правление основывалось на ряде союзов между королем, аристократией (состоявшей главным образом из крупных феодальных или постфеодальных землевладельцев) и различными сегментами обширного торгово-коммерческого сословия. «Меркантилизм» — это термин, которым историки конца XIX в. стали обозначать политико-экономическую систему абсолютистского государства, существовавшую в XVI—XVIII вв. Разные авторы называли меркантилизм «системой власти или построением государства» (Эли Хекшер), устойчивой системой государственных привилегий, особенно по части ограничения импорта и субсидирования экспорта (Адам Смит), или набором ошибочных экономических теорий — таких как протекционизм или предполагаемая необходимость накопления золота и серебра в стране. На самом деле меркантилизм был и тем, и другим, и третьим; он был всеобъемлющей системой построения государства, государственных привилегий и того, что можно назвать «государственно-монополистическим капитализмом».

В качестве экономического аспекта государственного абсолютизма меркантилизм по определению был системой построения государства, включавшей такие составные части, как «большое правительство», большие королевские расходы, высокие налоги, инфляция и бюджетный дефицит (особенно с конца XVII в.), война, империализм и возвышение национального государства. Кратко говоря, это была политико-экономическая система, очень напоминающая нынешнюю, — за тем незначительным исключением, что сейчас основой экономики являются не торговые операции, а крупномасштабное производство. Но государственный абсолютизм вынуждает государство покупать и сохранять союзников среди влиятельных групп в экономике и тем самым создает для таких групп возможность лоббировать их особые привилегии.

Джейкоб Вайнер очень точно изложил суть дела:

Вопреки тому, в чем хотели бы убедить нас современные поклонники достоинств меркантилизма, законы и торжественные заявления отнюдь не были результатом благородного стремления к сильному и славному государству, нацеленному против корыстолюбия ищущих прибыли торговцев. Они были продуктом конфликта интересов разных уровней истеблишмента. Каждая группа, экономическая, социальная, религиозная, оказывала постоянное влияние на законодательство в соответствии с собственными интересами. Фискальные нужды Короны всегда оставались важной и, как правило, главной детерминантой торгового законодательства. Дипломатические соображения тоже оказывали заметное влияние. Следует отметить и желание Короны охотой жаловать специальные привилегии фаворитам, продавать их или предоставлять за взятку тем, кто предлагает больше¹.

При государственном абсолютизме особая привилегия предоставлялась путем пожалования или продажи «монополии», т.е. установленного Короной исключительного права на производство или продажу определенного продукта либо на торговлю в определенном районе. Такие «монопольные патенты» Корона продавала или жаловала своим союзникам, а также тем группам торговцев, которые помогали королю в сборе налогов. Исключительными правами на торговлю в заграничных регионах наделялись, скажем, различные «ост-индские» компании, имевшие в своих странах монополию на торговлю с Дальним Востоком. Существовали и внутренние монополии; например, в Англии один человек получил исключительное право на производство игральных карт. В результате часть бизнесменов занимала привилегированное положение за счет потенциальных конкурентов и массового потребителя. Кроме того, государство могло провести картелизацию ремесленного производства и создать союзы путем принудительного объединения всех производителей и подчинения их привилегированным городским гильдиям.

Следует заметить, что самые важные аспекты меркантилистской политики — налогообложение, ограничение импорта и поощрение экспорта — были неотъемлемой частью этой системы монопольных государственных привилегий. Импорт запрещался или облагался высокими пошлинами, чтобы создать преимущество для внутренних торговцев и ремесленников; экспорт субсидировался по тем же соображениям. При изучении меркантилистских мыслителей и близких к ним авторов главное внимание следует уделять отнюдь не их так называемым экономическим «теориям». Теория интересовала их меньше всего. Они, по точному суждению Шумпетера, были «консультантами-администраторами и памфлетистами», а еще, добавил он, лоббистами. Их «теорию» составляли любые пропагандистские доводы, сколь угодно ошибочные и противоречивые, которые могли принести им кусок пирога от государственного аппарата.

По словам Вайнера,

меркантилистская литература... по преимуществу представляла собой тексты, написанные теми «купцами», или бизнесменами, или от их имени, которые считали себя вправе отождествлять свое личное благополучие с общенациональным... Основную массу этой литературы составляют тексты, являвшиеся, частично или полностью, открытыми или завуалированными просьбами в чьих-то особых экономических интересах. Свобода для авторов, ограничения для всех остальных — такова суть обычных программ законодательства в меркантилистских текстах, сочиненных купцами².

7.2. МЕРКАНТИЛИЗМ В ИСПАНИИ

В XVI в. Испания казалась преуспевающей, блистательной и мощной державой, но со временем стало ясно, что это лишь видимость и иллюзия. Дело в том, что благополучие страны почти полностью зависело от притока серебра и золота из колоний в Новом Свете. В краткосрочной перспективе приток металлов позволил испанцам покупать товары в Европе и Азии, но в долгосрочной перспективе инфляция ликвидировала это временное преимущество. А когда в XVII в. поступление металлов резко снизилось, у Испании почти не осталось денег. Кроме того, искусственное процветание способствовало перемещению людей и ресурсов на юг страны, прежде всего в окрестности портовой Севильи, через которую драгоценные металлы поступали в Европу. Результатом стало непроизводительное инвестирование в Севилью и южные районы Испании, которое негативно сказалось на экономическом развитии севера.

Но и это еще не все. В конце XV в. испанская Корона картелировала развивавшуюся и подававшую большие надежды текстильную отрасль Кастилии; свыше 100 законов законсервировали ее на текущей стадии развития. Протекционистские меры привели кастильское производство тканей и одежды к стагнации, в долгосрочной перспективе сделали его неэффективным и неконкурентоспособным на европейских рынках.

Помимо этого, Корона своей политикой разрушила процветавшее производство шелка, сконцентрированное на юге страны в Гранаде. К несчастью, в Гранаде все еще преобладали мусульмане-мавры, и предпринятая Короной серия карательных мер фактически уничтожила шелковую отрасль. Сначала несколькими эдиктами было резко ограничено внутреннее потребление шелка. Затем, в 1550-х гг., под запрет попал экспорт шелка, а сильное повышение налогов после 1561 г. довершило разгром шелкового производства в Гранаде.

Вмешательство государства привело к тому, что в XVI в. испанское сельское хозяйство переживало упадок. Кастильская Корона долгое время состояла в союзе с Местой, гильдией овцеводов; эта послед-

няя получила особые привилегии в обмен на значительные налоговые взносы в королевскую казну. В 1480—1490-х гг. ограждения, разрешенные ранее производителям зерна, были отменены, а площади для выпаса овец (*cañadas*) существенно увеличены правительственными указами за счет земель производителей зерна. Дополнительные трудности этим производителям принес специальный закон, принятый в интересах гильдии возчиков: во всех странах учитывалась важность использования дорог для военных нужд. Возчики получили право бесплатного проезда по всем местным дорогам, а производители зерна стали платить высокие налоги на строительство и ремонт дорог, обогащавших возчиков.

В начале XVI в. цены на зерно выросли по всей Европе. Опасаясь, что рост зерновых цен может привести к переводу земель от овцеводства на выращивание зерна, испанская Корона установила предельную цену на зерно, а землевладельцы получили разрешение пересматривать арендные договоры в одностороннем порядке и повышать стоимость аренды для производителей зерна. В результате цена на зерно почти сравнялась с его себестоимостью, крестьяне массово разорялись, сельские районы пустели, а бывшие крестьяне уезжали в города или поступали в армию. Из-за этой порочной политики в Кастилии в конце XVI в. периодически наступал голод, поскольку зерно, ввозившееся из прибалтийских регионов, нельзя было быстро доставить в центральную Испанию, при том что треть пахотных земель Кастилии не обрабатывалась.

Между тем овцеводство, получившее большие привилегии от Короны, в первой половине XVI в. процветало, но затем пало жертвой финансовых и рыночных перегибов. В итоге испанское овцеводство тоже пришло в полный упадок.

Большие расходы казны и тяжелые налоги на средний класс подрывали испанскую экономику в целом, а хронический бюджетный дефицит приводил к нерациональному использованию капитала. Три дефолта, объявленные королем Филиппом II в 1557, 1575 и 1596 г., сильно ударили по капиталу, вызвали масштабные банкротства сжатие кредита во Франции и в Антверпене. В 1575 г. испанские имперские войска в Нидерландах не получили жалованья, на следующий год взбунтовались и учинили в Антверпене разнузданный грабеж, названный потом «испанской яростью»; название прижилось, хотя в значительной мере войска состояли из немецких наемников.

В конце XVI в. серией этатистских мер некогда свободный и очень богатый Антверпен был полностью разорен. Помимо отказа Филиппа II от уплаты долгов еще одну большую проблему создавало его твердое намерение удержать Нидерланды и подавить там протестантов и анабаптистов. В 1562 г. король перекрыл доступ в Антверпен главного предмета импорта, английского шерстяного сукна. А затем, в 1567 г., печально известный герцог Альба стал губернатором Нидерландов и учредил карательный орган в виде «Кровавого совета», имевшего право пытаться еретиков, убивать их, конфисковывать их имущество. Кроме того, Альба ввел

тяжелый 10-процентный налог на добавленную стоимость, *alcabala*, который начал душить разветвленные и взаимосвязанные отрасли экономики Нидерландов. Многие квалифицированные портные нашли радужный прием в Англии.

Наконец, отделение Голландии от Испании в 1580-х гг., очередной испанский дефолт 1607 г. и последовавший через два года договор с Голландией окончательно покончили с Антверпеном: он был отрезан от выхода к морю, поскольку устье Шельды осталось в руках голландцев. С тех пор на протяжении XVII в. децентрализованный и свободный рынок Голландии, и в частности город Амстердам, заменяли Фландрию и Антверпен в качестве главного торгового и финансового центра Европы.

7.3. МЕРКАНТИЛИЗМ И КОЛЬБЕРТИЗМ ВО ФРАНЦИИ

В XVII в. Франции предстояло стать образцом деспотического национального государства. Перспективная торговля тканями и другие торгово-промышленные отрасли в Лионе и в Лангедоке на юге страны понесли большой ущерб от разорительных религиозных войн в последние четыре десятилетия XVI в. Многие квалифицированные ремесленники-гугеноты потеряли все, были убиты или эмигрировали в Англию, а высокие налоги, нужные для финансирования войны, не позволяли развиваться французской экономике. Наконец, партия «политиков», пришедшая к власти на обещаниях прекратить религиозный конфликт, возвестила наступление бесконтрольного королевского абсолютизма.

Нездоровое регулирование французского производства началось в конце XV в., когда Корона выпустила множество уставов гильдий; она передала городским гильдиям и их руководству право контролировать различные ремесла, устанавливая для них стандарты качества. Гильдии получили картельные привилегии, но взамен платили высокие налоги. В XVI в. Лион процветал прежде всего потому, что в виде особого исключения был освобожден от власти и контроля гильдий.

В конце XVI в. религиозные войны прекратились, но регулирование сохранилось и активно применялось. Новая абсолютная монархия была готова не только сохранить его, но и усилить. Так, в 1581 г. король Генрих III повелел всем ремесленникам Парижа объединиться в гильдии, постановления которых подлежали исполнению. Всем ремесленникам, кроме парижских и лионских, было предписано оставаться в местах текущего пребывания; тем самым они лишились свободы передвижения. В 1597 г. Генрих IV переиздал эти законы в более строгой форме и потребовал их неукоснительного соблюдения.

Результатом этих ограничений стало полное прекращение экономического и промышленного роста во Франции. Типичная апелляция к сохранению «стандарта качества» приводила к тому, что конкуренция

искусственно сдерживалась, производство и импорт ограничивались, а цены оставались высокими. Иными словами, у потребителей не было возможности платить меньше за товары более низкого качества. Рост числа монополий приводил к тем же результатам, а государство облагало монополии и гильдии все более высокими и удушающими налогами. Рост издержек на контроль за качеством тоже ложился тяжким бременем на французскую экономику. Кроме того, активно субсидировалось производство предметов роскоши, и прибыль развивавшихся отраслей шла на поддержку слабых. Поэтому накопление капитала происходило медленно, а перспективные и сильные отрасли почти не развивались. Субсидирование и привилегированное положение производства предметов роскоши приводило к перетоку ресурсов из новых отраслей массового производства, где применялись снижавшие себестоимость новшества, в такие сферы высокозатратного ремесленного производства, как изготовление дорогих стеклянных изделий и роскошных тканей.

Все более могущественные французская монархия и аристократия были крупными потребителями предметов роскоши; поэтому их особенно заботило поддержание этих производств и принятых там высоких стандартов качества. Цены не имели особого значения, поскольку высшая прослойка в любом случае жила за счет налогов. Так, в мае 1665 г. король установил монопольные привилегии для группы французских производителей кружева под тем откровенно лицемерным предлогом, что это прекратит «отток денег и даст людям работу». На самом же деле король хотел запретить производство кружева всем, кроме привилегированных обладателей разрешения, а от этих последних получить значительные <фискальные> выплаты. Внутренние картели бесполезны, если потребитель может купить аналогичное, но более дешевое заграничное изделие; поэтому импортное кружево было обложено высокими протекционистскими пошлинами. Тогда стала расти контрабанда, и в 1667 г. правительство полностью запретило любое заграничное кружево. Кроме того, для предотвращения недозволенной конкуренции Корона запретила всякую кружевную работу на дому и повелела изготавливать кружева лишь в строго установленных и доступных проверке местах. В частности, министр финансов и торговли, да и вообще повелитель всей французской экономики Жан-Батист Кольбер писал главному государственному инспектору по кружевам: «Прошу особо учесть, что ни одной девушке не разрешается работать на дому у ее родителей и что вы должны обязать всех девушек приходить на работу в здание мануфактуры».

Вероятно, самым важным из меркантилистских ограничений, наложенных на французскую экономику в XVII в., было поддержание стандартов «качества» в промышленности и торговле. Эта мера фактически привела к замораживанию французской экономики на уровне начала — середины XVII в., к замедлению или даже предотвращению инноваций — внедрения новых продуктов, новых технологий, новых методов производства и обмена, столь необходимых для экономического и промышленного

развития. Возьмем такой пример. Изобретенный в начале XVII в. ткацкий станок поначалу использовался для изготовления предмета роскоши, шелковых чулок. Когда такие станки начали применяться для производства предметов достаточно массового спроса — шерстяных и полотняных изделий, ткачи, работавшие вручную, не выдержали конкуренции и в 1680 г. упростили Кольбера запретить производство на этих станках любых изделий, кроме шелковых. По счастью, в данном случае владельцы шерстяных и полотняных мануфактур обладали достаточно политическим влиянием, через четыре года добились отмены запрета и сами включились в протекционистскую картельную систему привилегий.

Все перечисленные тенденции французского меркантилизма достигли апогея в эпоху Жана-Батиста Кольбера (1619—1683), причем до такой степени, что наиболее гипертрофированные проявления меркантилизма были названы кольбертизмом. Сын торговца из Реймса, Кольбер смолоду попал в центральный бюрократический аппарат. В 1651 г. он стал главным королевским чиновником, а с 1661 г. на протяжении 22 лет, вплоть до самой смерти, фактически был полновластным повелителем всей экономики. При короле-солнце, как называли образцового представителя абсолютистского деспотизма Людовика XIV, Кольбер сосредоточил в своих руках должности суперинтенданта финансов и министра коммерции и фактически руководил правительством.

Кольбер развернул бурную деятельность по раздаче монополий, субсидированию производителей предметов роскоши и картелированию привилегий. В результате он создал мощную систему центральной бюрократии, в которую входили так называемые «интенданты»; эта система занималась контролем и регулированием. В дополнение к ней была создана обширная система инспекции, маркировки и измерения; с ее помощью выявляли тех, кто уклонялся от детально разработанных государственных требований. Интенданты использовали сеть шпионов и информаторов, собиравших сведения обо всех нарушениях картельных ограничений и правил. По классическому шпионскому обычаю эти агенты шпионили друг за другом, а также за самими интендантами. Наказания за экономические преступления были разнообразными: конфискация и уничтожение «некачественных» изделий, большие штрафы, публичное предание позору, запрет заниматься бизнесом. По словам видного историка меркантилизма, французская система принуждения строилась на следующем принципе: «Ни одна контрольная мера не считалась слишком суровой, если она способствовала укреплению максимального уважения к предписаниям»³.

Если говорить о борьбе с новшествами, то два самых ярких случая произошли вскоре после смерти Кольбера, но тоже в период долгого царствования Людовика XIV. Во Франции изготовление пуговиц контролировали несколько гильдий — в зависимости от используемого материала. Самое важное место принадлежало гильдии веревочников и пуговичников, которые делали плетеные пуговицы вручную. В 1690-х гг. портные

и торговцы ввели новую моду: пуговицы стали обтягивать той тканью, из которой был сшит предмет одежды. Пуговичники, мастерившие все вручную, выразили крайнее негодование и вынудили государство встать на их защиту. В конце 1690-х гг. за производство, продажу и даже за ношение новых пуговиц были установлены штрафы, которые постоянно повышались. Местные приставы, назначаемые гильдией, даже получили право обыскивать частные дома и задерживать на улице любого, кто носил дурные и недозволенные пуговицы. Однако через несколько лет государство и производители традиционных пуговиц признали свое поражение, поскольку вся Франция перешла на новые пуговицы.

Более существенную роль в замедлении промышленного роста во Франции сыграл губительный запрет набиравшей популярность одежды из набивного ситца. Хлопчатобумажные ткани, конечно, не были на первом месте в ту эпоху, но они послужили искрой Промышленной революции в Англии XVIII в.

Новую ткань, набивной ситец, начали ввозить из Индии в 1660-х гг., и она быстро приобрела популярность как на массовом рынке недорогой одежды, так и на рынке модных изделий. Поэтому набивной ситец стали производить и во Франции. В 1680-х гг. изготовители шерстяных, шелковых, льняных и других традиционных тканей подали жалобу на «нечестную конкуренцию» со стороны необычайно успешной новой отрасли. Набивной ситец действительно выигрывал соревнование с другими тканями. В 1686 г. власти полностью запретили набивной ситец: его нельзя было ни ввозить, ни производить. В 1700 г. французское правительство поставило последнюю точку и запретило любое использование новой материи в потребительских целях. Для правительственных шпионов наступили славные деньки: «Они заглядывали в кареты, в частные дома и сообщали, что гувернантка маркиза де Кормуа замечена сидящей у окна в почти новой одежде из набивного ситца, где на белом фоне изображены большие красные цветы, а жена торговца лимонадом замечена в своем магазине в ситцевом чепчике»⁴. Тысячи французов в буквальном смысле пали жертвами этой ситцевой войны, т.е. либо были казнены за ношение ситца, либо убиты в вооруженных рейдах против ситцепоклонников.

Однако ситец пользовался такой популярностью, особенно у французских дам, что в конечном счете государство проиграло войну, хотя на бумаге запрет сохранялся вплоть до конца XVIII в. Контрабанду ситца пресечь так и не удалось. Принять меры против внутреннего производства ситца было, разумеется, гораздо проще, чем контролировать его потребление в масштабах всей Франции. Поэтому результатом почти векового запрета стала полная ликвидация французского ситцевого производства. Ситцевые фабриканты и квалифицированные мастера, многие из которых были притесняемыми гугенотами, уезжали в Голландию и в Англию, где способствовали развитию местного ситценабивного дела.

К числу прочих негативных факторов относился фиксированный максимум заработной платы на производстве; это ограничение замедляло приток рабочей силы в промышленность и побуждало многих работать в сельском хозяйстве. Минимальный срок ученичества составлял три-четыре года; это сильно снижало мобильность рабочей силы и затрудняло самостоятельную рабочую деятельность. Мастеру разрешалось иметь не больше двух учеников; поэтому мелкие фирмы не могли расти.

Если до Кольбера основную часть государственных доходов приносили налоги, то при его режиме диктовавшаяся крупными расходами продажа монополий достигла таких масштабов, что поступления от нее превысили половину всех государственных доходов.

Самой тяжелой и строго соблюдавшейся была государственная соляная монополия. Производители соли обязывались продавать весь продукт на государственные склады по фиксированным ценам. Потребителям соль продавалась с этих складов по цене вчетверо выше рыночной; таким способом государство думало поднять свой доход и отнять прибыль у контрабандистов.

Несмотря на огромный рост доходов от продажи монополий налоги тоже повышались. Крупнейшим источником налоговых поступлений был поземельный налог, талья (*taille réelle*), и в начальный период своего режима Кольбер попытался сделать этот налог еще более весомым. Дело в том, что земельный налог допускал целый ряд исключений, особенно в отношении дворянства. Кольбер приложил все усилия к тому, чтобы организовать шпионаж за освобожденными от налога, выявлять «лжедворян» и перекрывать поток взяток сборщикам налога. Предпринятые Кольбером меры — некоторое снижение тальи и существенные повышения акцизов (*aides*, косвенных внутренних налогов на оптовые и розничные продажи, особенно на продажу алкогольных напитков) — сильно подорвали порождавшееся откупщиками взяточничество. Затем настала очередь соляного налога (*gabelle, габель*), доходность которого с начала XVI в. до середины XVII в. выросла десятикратно. В эпоху Кольбера доходность этого налога росла не столько за счет повышения налоговых ставок, сколько за счет неукоснительного его взимания по существовавшей высокой ставке.

Налоги на землю и на потребительские товары были тяжелы для бедных и для среднего класса, крайне затрудняли накопление и инвестирование, — особенно, как мы видели, в отраслях массового производства. Об опасном положении французской экономики свидетельствует тот факт, что если в 1640 г. английский король Карл I повышением налогов вызвал революцию, то французская Корона собирала налогов на душу населения в 3—4 раза больше, чем английские короли.

Перечисленные обстоятельства привели к тому, что французский абсолютизм и жестко проводившийся меркантилистский курс не позволили Франции войти в число лидеров по промышленному и экономи-

ческому развитию, несмотря на то что в XVI в. французское население было в шесть раз больше английского, а первые опыты промышленного развития выглядели многообещающими.

7.4. МЕРКАНТИЛИЗМ В АНГИИ: ТЕКСТИЛЬ И МОНОПОЛИИ

Именно в XVI в. Англия начала головокружительный подъем на вершину экономического и промышленного развития. Английская Корона всеми силами старалась замедлить это развитие с помощью меркантилистских законов и ограничений, но потерпела поражение, поскольку интервенционистские меры по многим причинам оказались неэффективными. Несколько столетий необработанная шерсть оставалась самым главным английским продуктом и самой важной статьей экспорта. Основными потребителями были Фландрия и Флоренция, где из шерсти вырабатывали готовую ткань. В начале XIV в. процветавшая торговля шерстью достигла максимума: ежегодный экспорт в среднем составлял 35 тыс. мешков. Естественно, тут на сцену выступило государство со своими налогами, предписаниями и ограничениями. Главным фискальным инструментом построения национального государства в Англии был так называемый «паундаж», налог на экспорт шерсти и импорт шерстяных тканей. Этот налог постоянно рос и шел на оплату многочисленных войн. В 1340-х гг. король Эдуард III пожаловал монополию на экспорт шерсти небольшим группам купцов, которые в обмен обязывались собирать налоги от имени короля. По идее, эта монополия должна была вывести из игры итальянских и других иностранных торговцев, прежде доминировавших в экспорте шерсти.

Однако в 1350-х гг. купцы-монополисты разорились, и король Эдуард решил вопрос по-другому: группу монополистов довел до нескольких сот человек, и она стала называться «Купцы складочного места» («Merchants of the Staple»). Под контролем этой компании вся экспортная шерсть поступала в определенный город и отправлялась в порт назначения континентальной Европы; в конце XIV в. таким портом был Кале, которым тогда владели англичане. Монополия компании не распространялась на Италию, но действовала во Фландрии, где находились главные импортеры английской шерсти.

Вскоре компания начала использовать свои привилегии в типичной манере монополистов всех времен: она навязывала низкие цены английским производителям шерсти и дорого просила в Кале у фламандских импортеров. В краткосрочной перспективе эта схема принесла компании приличные барыши: она с лихвой возместила выплаты королю; однако в долгосрочной перспективе английская торговля шерстью непоправимо пострадала. Искусственный разрыв между внутренними и внешними ценами на шерсть демотивировал английских производителей и сни-

зил заграничный спрос на шерсть. В середине XV в. среднегодовой экспорт упал до 8 тыс. мешков.

Единственным плюсом этой разорительной политики (если не считать краткосрочных выгод короля Эдуарда и торговой компании) стал непредвиденный быстрый рост английского производства шерстяной ткани. Английские производители получили теперь выгоду от искусственно заниженных внутренних и искусственно завышенных заграничных цен на шерсть. В очередной раз рынок вновь сумел обойти государство в нескончаемой борьбе с переменным успехом. В середине XV в. Англия в изобилии производила тонкое, дорогое широкое шерстяное полотно («woollens»); производство концентрировалось на западе, где быстрые реки давали достаточно воды для валяния сотканного сукна, а крупный порт Бристоль хорошо подходил для вывоза и ввоза.

В середине XVI в. в Англии распространился новый способ выработки шерстяного сукна, который вскоре стал доминирующим в текстильной отрасли. Новая камвольная ткань была дешевле; она была легче, а потому могла экспортироваться в страны с более теплым климатом. Кроме того, она позволяла более разнообразную окраску и декор, поскольку каждая нить пряжи теперь была хорошо различима на общем фоне. Поскольку камвольное сукно не нуждалось в валке, отпала необходимость размещать производство рядом с проточной водой; поэтому новые мастерские широко распространялись по сельской местности и появились в таких новых городах, как Норвич и Рай, а также вокруг Лондона. А поскольку главным рынком сукна стал Лондон, транспортировка теперь обходилась дешевле, да и овец с грубой длиноволокнистой шерстью, особенно подходящей для камвольного производства, разводили преимущественно на юго-востоке. Новые сельские фирмы в окрестностях Лондона получили возможность нанимать квалифицированных мастеров-протестантов, которые бежали от религиозного преследования во Франции и в Нидерландах. Самое же главное, перемещение производства в сельскую местность и в новые города означало, что расширяющаяся и технологически развивающаяся текстильная отрасль может освободиться от удушающих предписаний гильдий и отсталой технологии старых городов.

Теперь, когда ежегодный экспорт составлял 100 тыс. штук сукна по сравнению с несколькими тысячами два столетия назад, наступило время производственных и рыночных инноваций. Появилась надомная система организации труда: предприниматель снабжал работника материалами и платил ему сдельно. Развивалось и рыночное посредничество: маклеры по пряже поддерживали связь между прядильщиками и ткачами, а торговцы тканями завершали производственную цепочку.

Когда сукноделы старых городов, работавшие по традиционной технологии, столкнулись с эффективными новыми конкурентами, они обратились за помощью к государству. «Как часто бывает в периоды развития, — пишет профессор Мискимин, — старые корпорации ищут у го-

сударства защиту от новаторских элементов данной отрасли и требуют регулирования, которое сохранит их традиционную монополию»⁵.

Английские власти откликнулись и в 1555 г. приняли закон о ткачах; согласно этому закону в мастерских, расположенных вне городов, могло быть не более двух ткацких станков; однако многочисленные исключения сильно снижали его эффективность. Из-за систематического отсутствия средств контроля не достигли цели и другие законы — например, о максимуме заработной платы или об ограничении конкуренции в пользу традиционных сукноделов. Тогда английское правительство занялось поддержкой и укреплением городской корпоративной структуры с целью оградить ее от конкуренции. Однако эти меры лишь усилили изоляцию и ускорили упадок старых городских фирм, поскольку новые суконные предприятия, располагавшиеся в сельской местности, не подчинялись юрисдикции гильдий. Тогда королева Елизавета в 1563 г. издала закон о ремесленниках; он имел общенациональное действие и продемонстрировал, что гильдии непосредственно опираются на государство. Количество подмастерьев у мастера резко ограничилось; эта мера, по замыслу, должна была сдерживать рост любой фирмы, картелировать шерстяное производство и подавить конкуренцию. Срок ученичества, по истечении которого подмастерье мог сам стать мастером, теперь в обязательном порядке увеличивался до семи лет, и по всей Англии вводился единый максимум заработной платы учеников. От закона выигрывали не только старые и неэффективные городские гильдии, но и крупные землевладельцы, которые теряли работников, переходивших в новую, более высоко оплачиваемую профессию сукноделов. Четко декларированной целью закона была принудительная полная занятость. Он обязывал работников трудиться в соответствии с системой «приоритетов», причем главный приоритет определяло государство; оно было заинтересовано в том, чтобы работники оставались в сельском хозяйстве и не искали более соблазнительных возможностей. Для занятия коммерцией или иным родом деятельности требовалось соблюсти ряд детально перечисленных условий; профессиональные корпорации были довольны тем, что доступ в их ряды ограничен, а землевладельцы — тем, что работники вынуждены трудиться у них за более низкую заработную плату, чем на других производствах.

Если бы закон о ремесленниках строго соблюдался, промышленный рост в Англии, возможно, совсем бы замер. Но, к счастью, Англия была страной гораздо более анархической, чем Франция, и закон работал плохо, особенно там, где его соблюдение было важнее всего, — в новой и быстро растущей камвольной отрасли. Вне досягаемости городских гильдий и их союзника, государства, остались не только расположенные в сельской местности предприятия, но и быстро растущий Лондон, где, по местному обычаю, любой член гильдии мог заниматься любой профессией, а гильдия не имела права устанавливать жесткий контроль ни за каким производством.

Для нового текстильного производства Лондон служил главным центром вывоза (преимущественно в Антверпен); этим в значительной мере объясняется быстрый экономический рост города в XVI в. За столетие его население увеличилось втрое быстрее, чем по стране в целом, а именно с 30—40 тыс. в начале XVI в. до четверти миллиона в начале XVII в.

Однако лондонские коммерсанты не были довольны свободой рыночного развития и начали оказывать давление на рынок. В частности, они стали добиваться экспортной монополии, и в 1486 г. город Лондон учредил Компанию купцов-авантюристов Лондона. Она заявила об исключительных правах его членов на экспорт шерстяного сукна. Провинциальные (не лондонские) торговцы могли вступить в Компанию за большой взнос. Через 11 лет король и Парламент постановили, что любой торговец, вывозящий товар в Нидерланды, должен платить Компании пошлину и выполнять ее предписания.

В середине XVI в. государство укрепило монополию Компании. В 1552 г. у ганзейских торговцев отобрали старинное право экспортировать сукно в Нидерланды. Через пять лет были подняты пошлины на импорт сукна, в результате чего внутренняя торговля сукном получила дополнительные привилегии, а финансовые связи Короны с торговцами сукном расширились. Наконец, в 1564 г., при королеве Елизавете, Компания была преобразована под более жестким и более олигархическим контролем.

Однако в конце XVI в. могущественная Компания начала хиреть. Война с Испанией закрыла для англичан Испанские Нидерланды и город Антверпен, а на рубеже XVII в. Компания была формально выдворена из Германии. После революции 1688 г. английская монополия на экспорт шерсти в Нидерланды и прибрежные районы Германии была окончательно упразднена.

Любопытно также посмотреть, как обстояло дело с ситцем в Англии по сравнению с печальной участью этой отрасли во Франции. В 1700 г., примерно на 10 лет позже, чем во Франции, могущественное шерстяное лобби добилось запрета на импорт ситца, но внутреннее производство при этом было сохранено. В результате английские производители ситца вырвались вперед, и когда шерстяному лобби удалось добиться запрета на использование ситца внутри страны (Ситцевый закон 1720 г.), производители ситца стали уже достаточно влиятельными и выторговали себе право экспортировать свою продукцию. Между тем ни контрабанду ситца, ни его использование для потребительских нужд ликвидировать не удалось, поскольку контроль в Англии даже отдаленно не напоминал то, что было во Франции. Затем, в 1735 г., английская ситцевая отрасль получила разрешение на производство и окраску фланели, сукна из хлопка и льна, которое было, несомненно, наиболее популярным видом ситца в Англии. В результате хлопчатобумажное производство получило возможность процветать в XVIII в.

Для английского меркантилизма особенно характерно повсеместное создание Короной монопольных привилегий — исключительных прав

на производство и продажу на внутреннем рынке, а также на заграничную торговлю. Раздача монополий достигла пика при королеве Елизавете (1558—1603). По словам историка, профессора С. Т. Биндофа, «ограничительный принцип, словно гигантский спрут, охватил своими щупальцами многие отрасли внутренней торговли и производства. В последнее десятилетие правления Елизаветы под монопольные патенты попадали практически все основные товары повседневного обихода — уголь, мыло, крахмал, железо, кожа, книги, вино, фрукты»⁶.

Биндоф красочно описывает, как лоббисты с помощью денежных посулов заручались поддержкой придворных и подавали прошения о пожаловании монополий: «Помощь придворных была рядовым эпизодом в непрерывной погоне за высоким положением и богатством, которая непрерывно и повсеместно сопровождала все действия Короны». Вместе с привилегиями монополисты получали санкционированное государством право выявлять и искоренять любую, теперь уже незаконную, конкуренцию:

Агенты поставщиков селитры, получивших контракт на производство пороха, брали пробы земли на частных дворах в поисках нитратов, которые теперь были их сырьем. Соглядатаи монополистов игральных карт обыскивали лавки на предмет карт, не помеченных специальным штампом, и предлагали лавочникам под угрозой вызова в суд договориться по-хорошему. Ордер на обыск был незаменимой вещью для монополиста, если он хотел искоренить конкуренцию и получить возможность единолично устанавливать цену на свои товары⁷.

Результатом борьбы с конкуренцией, как и следовало ожидать, стало снижение качества и повышение цен, иногда даже на 400%.

Англия была основоположницей компаний заграничной торговли, получивших монополии на операции в определенном регионе. Старейшей такой английской компанией стала учрежденная в 1553 г. Московская компания, получившая монополию на всю английскую торговлю с Россией и Азией через беломорский порт Архангельск. В конце 1570-х — начале 1580-х гг. королева Елизавета пожаловала торговые привилегии целому выводу новых монопольных компаний, в том числе Берберской, Восточной и Левантийской. Во всех этих компаниях последнее слово принадлежало небольшой группе политически влиятельных людей, которая сложилась еще в Московской компании. Эта последняя некоторое время имела монополию на проведение всех изысканий и торговлю в Северной Америке. Позже, когда казаки сильно затруднили торговое сообщение с Азией по Волге, руководство Московской компании в 1581 г. учредило Турецкую и Венецианскую компании для торговли с Индией. В 1592 г. эти две компании слились в Левантийскую компанию, которая имела монополию на торговлю с Индией через Левант и Персию.

Своего рода связующим звеном всех этих переплетенных компаний служили сэр Томас Смит (1558—1625) и его семейство. Дед Смита, Эн-

дрю Джадд, был главным учредителем Московской компании, а отец, юрист сэр Томас Смит-старший (1514—1577), был архитектором системы королевского абсолютизма Тюдоров, высоких налогов и экономических ограничений. В 1590-х гг. Смит-младший управлял практически всеми монопольными компаниями, занимавшимися заграничной торговлей и колонизацией, в том числе Московской компанией, которая имела монополию на колонизацию Вирджинии. Карьера Смита достигла зенита, когда ко всем своим постам он добавил должность управляющего могущественной Ост-Индской компании, созданной в 1600 г. и получившей монополию на торговлю с Индией и Юго-Восточной Азией.

7.5. ЗАКАБАЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

То, что происходило на востоке Европы, было даже хуже, чем меркантилизм. Абсолютизм местных королей и феодальной знати был столь неистов и необуздан, что они вознамерились сокрушить нарождавшийся капитализм. Бывшие крепостные, получившие свободу, уходили из сельской местности в города, где надеялись найти более высокую заработную плату и лучшие возможности в нарождающемся капиталистическом производстве. К началу XV в. на востоке Европы, в частности в Пруссии, Польше и Литве, крестьяне стали свободными. Города и торговля быстро развивались, росло и процветало производство различных товаров. Однако в XVI в. местные государства и знать вновь заявили о своих правах и стали повторно закабалять крестьян. Дело в том, что в начале XVI в. рост цен на зерно (в основном это была рожь) сделал выращивание зерна более прибыльным и увеличил потребность землевладельцев в дешевой рабочей силе. Крестьян силой возвращали на землю и посылали на барщину в крупные поместья, где надзор за подневольным трудом обходился дешевле. Польская знать убедила государство издать дополнительные законы, жестко регламентирующие деятельность городских торговцев. Этим последним пришлось теперь платить за перевоз товаров по Висле больше, чем платили владельцы поместий; кроме того, торговцев лишили права экспортировать внутреннюю продукцию. Наконец, закабаленное крестьянство сильно обеднело и могло покупать гораздо меньше товаров, чем раньше. В результате этих мер начали приходиться в упадок польские города, городская экономика и внутренний рынок для польских товаров. «Побуждаемая корыстными мотивами, — пишет профессор Мискимин, — знать сумела успешно задушить экономическое развитие Польши, чтобы сохранить за собой прибыльную торговлю зерном и обеспечить необходимый для максимального использования поместий приток рабочих рук»⁸.

В Венгрии происходило такое же повторное закабаление, но не ради выращивания зерна, а ради скотоводства и виноградарства. В конце

Средних веков крестьяне стали платить за аренду не натурой, а деньгами. Теперь, в XVI в., знать сильно повысила арендную плату и потребовала вновь выплачивать ее натуральным продуктом. Одновременно сильно повысились налоги на крестьян и увеличилась принудительная барщина — в некоторых районах почти в 9 раз, с 7 до 60 дней в год. Знать присвоила себе монопольное право на торговлю вином и освободила себя от высоких пошлин на экспорт скота, которые платили обычные торговцы. Тем самым знать приобрела монопольные привилегии на куплю-продажу в таких ключевых отраслях, как виноделие и скотоводство.

7.6. МЕРКАНТИЛИЗМ И ИНФЛЯЦИЯ

Постсредневековое государство получало основную часть столь необходимых ему доходов за счет налогообложения. Но государство всегда привлекала идея дополнить прямое изъятие богатства подданных созданием своих собственных денег. До изобретения бумажных денег попытки государства создавать свои деньги сводились к эпизодической порче монеты, на что государство давно присвоило себе монопольное право. Но ухудшение монеты — это однократное действие и не годится (как того хотелось бы государству) для постоянного создания денег, которые государственная казна могла бы тратить на дворцы, пирамиды и предметы потребления, нужные государственному аппарату и властной элите.

Высокоинфляционный инструмент государственных бумажных денег впервые в западном мире создал французский Квебек в 1685 г. Месье Меле, интендант-губернатор Квебека, испытывая хроническую нехватку денег, решил пополнить казну следующим образом: игральные карты разрезались на четыре части, маркировались различными номиналами французской монеты и шли на оплату труда и материалов. Эти карточные деньги, которые потом выкупались за настоящую монету, вскоре превратились в регулярно выпускаемые бумажные билеты.

Первая более известная форма государственных бумажных денег появилась в 1690 г., в английской колонии Массачусетс. Эта колония отправила войска в одну из обычных экспедиций на грабеж зажиточного французского Квебека, но на сей раз французы дали отпор. Раздосадованных солдат больше всего угнетало то обстоятельство, что их жалованье всегда было индивидуальной долей от продажи на аукционе награбленного французского добра, а теперь они остались без денег. Среди солдат царило мятежное настроение; они требовали заплатить им, но власти Массачусетса не смогли занять деньги у бостонских коммерсантов, которые справедливо считали кредитный рейтинг властей недостаточным. Тогда было решено выпустить бумажные билеты

на 7 тыс. фунтов, подлежащие выкупу за монету в течение нескольких лет. Как и следовало ожидать, власти этим не удовлетворились и, получив почти не требующий затрат источник дохода, запустили печатные станки и быстро выпустили еще 40 тыс. бумажных фунтов. Таково было фатальное рождение бумажных денег.

Оставалось всего 20 лет до того, как французское правительство под влиянием фанатичного шотландского инфляциониста Джона Ло открыло краны бумажной инфляции в стране. Английское правительство для достижения той же цели применило более изощренный инструмент: создало центральный банк, первый такой институт в истории.

Ключом к английской истории XVII—XVIII вв. являются нескончаемые войны, которые постоянно вела Англия. Войны требовали огромных денег. До появления центрального банка и государственных ассигнаций любому правительству, не желавшему полностью оплачивать войну за счет налогов, оставалось только нарачивать государственный долг. Но если государственный долг непрерывно растет, а налоги не повышаются, то кому-то все же придется за это заплатить.

До XVII в. займы обычно выдавались банками, а «банки» были институтами, которым капиталисты передавали сбереженные деньги. Депозитного банковского дела тогда не существовало; коммерсанты, желавшие хранить избыток золота в надежном месте, помещали его в Королевский монетный двор в лондонском Тауэре, как раз для этого и предназначенный. Однако эта практика оказалась чрезвычайно убыточной. Король Карл I, сильно нуждавшийся в деньгах накануне гражданской войны 1638 г., просто конфисковал скопившуюся в монетном дворе огромную сумму в 200 тыс. ф. ст. золотом, объявив ее «ссудой» от вкладчиков. Тогда потрясенные этим шагом коммерсанты стали хранить золото в сундуках частных ювелиров, которые тоже оказывали услуги по хранению драгоценных металлов. Вскоре расписки ювелиров стали ходить как частные банкноты, продукт депозитного банковского дела.

Правительству Реставрации вскоре потребовались крупные суммы на войну с голландцами. Налоги были сильно повышены, а Корона сделала значительные займы у ювелиров. В конце 1671 г. Карл II попросил у банкиров дополнительные займы на строительство нового флота. Получив отказ, король 5 января 1672 г. объявил, что «закрывает казначейство», т.е. перестает выплачивать не только проценты, но и основную сумму большинства государственных долгов. Некоторая часть приостановленных платежей причиталась поставщикам и пенсионерам, но главная доля принадлежала обманутым ювелирам: из общей суммы 1,21 млн ф. ст. 1,17 млн приходилось на ювелиров.

В 1677 г. Корона неохотно возобновила выплату процентов по отсроченному долгу, но ко времени свержения Якова II в 1688 г. проценты по 12-летнему долгу были выплачены лишь за шесть с небольшим лет. Кроме того, выплаты производились по произвольно установлен-

ной ставке 6% годовых, тогда как первоначально Корона обязывалась платить 8—10%.

Поставленные Славной революцией 1688 г. новые правители Англии, Вильгельм и Мария, обошлись с ювелирами еще хуже. Новый режим просто отказался выплачивать какие-либо проценты и основную сумму долга. Злополучные ювелиры обратились в суд, который в принципе признал их доводы; однако лорд-хранитель большой государственной печати публично заявил, что финансовые интересы государства должны иметь приоритет перед справедливостью и правом частной собственности.

229

Окончательная развязка наступила в 1701 г., когда Палата Общин постановила списать половину основной суммы долга, а выплату процентов по оставшейся половине начать в конце 1705 г. по «прекрасной» ставке 3% годовых; но даже и эта ставка была потом снижена до 2,5%.

Последствия официально объявленного банкротства Короны были вполне предсказуемыми: доверие к государству сильно упало, а ювелиры, чьи расписки публика перестала принимать, и вкладчики ювелиров понесли огромный финансовый ущерб. В 1680-х гг. большинство крупных ювелиров-кредиторов обанкротились, и многие закончили жизнь в долговой тюрьме. Частному депозитному банковскому делу был нанесен сокрушительный удар, воздействие которого можно было преодолеть только с помощью создания центрального банка. Конфискация золота в монетном дворе и последовавшее прекращение платежей одним махом подорвали и частное депозитное банковское дело, и государственный кредит, а впереди теперь маячили нескончаемые войны с Францией. Где же правительству было взять деньги на эти войны?⁹

Спасение пришло в виде группы инициативных лиц во главе с шотландцем Уильямом Паттерсоном. Патерсон обратился в специальный комитет Палаты общин, созданный в начале 1693 г. для изучения проблемы финансов, и предложил замечательный новый проект: государство предоставляет Патерсону и его группе ряд важных привилегий, а Патерсон со товарищи учреждают Банк Англии. Этот банк будет выпускать новые билеты, предназначенные в основном для финансирования бюджетного дефицита. Патерсон и компания милостиво согласились покупать дающие много специальных привилегий процентные государственные облигации за новые банкноты. Как только Парламент официально основал Банк Англии в 1694 г., сам король Вильгельм и многие члены Парламента поспешили стать акционерами нового доходного предприятия.

Патерсон просил английское правительство наделить Банк Англии правом выпуска билетов, имеющих статус законного средства платежа, но даже для Британской Короны это было уже чересчур. Однако Парламент предоставил банку привилегию хранить средства всех государственных фондов.

Новоучрежденный привилегированный центральный банк вскоре продемонстрировал свою инфляционную мощь: он быстро выпустил огромную сумму в 760 тыс. ф. ст., которая в основном пошла на выкуп государственного долга. Этой эмиссии сопутствовал немедленный и значительный инфляционный эффект, и через какие-нибудь два года Банк Англии после массового изъятия вкладов стал неплатежеспособен; этому со всей охотой способствовали его конкуренты, ювелиры, которые были счастливы вернуть непомерно распухшему Банку Англии его банкноты в обмен на монеты.

В этот момент английское правительство сделало роковой шаг: в мае 1696 г. оно просто разрешило банку «приостановить платежи звонкой монетой». Иными словами, оно разрешило банку неопределенное время не выполнять обязательства по выкупу банкнот за золото и в то же самое время вести операции, выпускать банкноты и требовать выплаты от должников самого банка. Через два года банк возобновил платежи монетой, но уже был создан прецедент, ставший примером для последующей английской и американской банковской практики. Как только банк создавал инфляцию и попадал в трудное финансовое положение, правительство с готовностью разрешало ему приостанавливать выплаты золотом. Во время последних войн с Францией, в конце XVIII — начале XIX в. банку было разрешено приостановить платежи на 20 лет.

В том же 1696 г. Банк Англии столкнулся еще с одной проблемой — с возможностью появления конкуренции. В противовес центральному банку, который контролировали виги, финансовая группа тори попыталась учредить национальный земельный банк. Попытка провалилась, но Банк Англии приложил все силы к тому, чтобы в 1697 г. Парламент принял закон, запрещающий учреждение в Англии новых акционерных банков. Любой новый банк должен быть собственностью либо частного лица, либо партнерства; это существенно затрудняло конкуренцию с центральным банком. Кроме того, подделка банкнот Банка Англии отныне каралась смертью. В 1708 г. Парламент добавил к этому набору привилегий еще одну, и очень важную: теперь ни один акционерный банк, кроме Банка Англии, и ни одно банковское партнерство, превышавшее шесть человек, не имели права выпускать банкноты. Сверх того, акционерные банки партнерства, превышавшие 6 человек, лишались права на краткосрочное кредитование. Таким образом, конкурентами Банка Англии оставались лишь небольшие банки.

Итак, к концу XVII в. государства Западной Европы, особенно Англия и Франция, открыли великий новый способ возвеличивания государственной власти: доход с помощью инфляционного выпуска бумажных денег либо самим государством, либо, более завуалированно, привилегированным монопольным центральным банком. В Англии под этим зонтиком частные депозитные банки (и особенно чековые счета) получили стимул

к размножению, и государство наконец смогло расширить заимствования на нужды нескончаемых войн. В частности, во время французской войны 1702—1713 г. удалось профинансировать за счет государственного долга 31% бюджета.

7.7. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Jacob Viner, *Studies in the Theory of International Trade* (New York: Harper & Bros, 1937), pp. 58—59.
2. Ibid., p. 59.
3. Eli F. Heckscher, *Mercantilism* (1935, 2nd ed., New York: Macmillan, 1955) vol. I, p. 162.
4. Charles Woolsey Cole, *French Mercantilism, 1683—1700* (New York: Columbia University Press, 1943), p. 176.
5. Harry A. Miskimin, *The Economy of Later Renaissance Europe: 1460—1600* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), p. 92.
6. S. T. Bindoff, *Tudor England* (Baltimore: Penguin Books, 1950), p. 228.
7. Ibid., p. 291.
8. Harry A. Miskimin, *The Economy of Later Renaissance Europe: 1460-1600* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), p. 60.
9. Из 68 лет с 1688 по 1756 г. ровно половину, 34 года, заняли войны с Францией. Дальнейшие войны, последовавшие в 1756—1763 гг., в 1777—1783 гг. и в 1794—1814 гг., были еще более впечатляющими; таким образом, из 126 лет с 1688 г. по 1814 г. Англия провела в войнах против «французской угрозы» 67 лет.

ГЛАВА 8

ФРАНЦУЗСКАЯ МЕРКАНТИЛИСТСКАЯ МЫСЛЬ В XVII СТОЛЕТИИ

8.1. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ

Для перехода к системе меркантилизма не требовалось никакой высокой «теории». Эта система естественным образом устраивала правящие сословия нарождавшихся национальных государств. Король, за которым стояла знать, приветствовал большие государственные расходы, военные завоевания и высокие налоги; это позволило укреплять власть короля и элиты и увеличивать их богатство. Королю было выгодно заключать союзы со знатью и с картелированными монопольными гильдиями и компаниями; от этих союзов зависела его политическая власть и его доходы, которые приносили выплаты выгодоприобретателей. Компании не нуждались ни в какой теории, чтобы действовать в своих интересах и получать монопольные привилегии. Не нужна была теория и для того, чтобы субсидировать экспорт, ограничивать импорт, наращивать объем денег и кредита, поступающих в распоряжение королей, знати и привилегированных деловых групп. Не нуждалось в особом обосновании и известное стремление меркантилистов поддерживать приток драгоценных металлов в страну: ведь это означало, что больше драгоценных металлов попадет в сундуки королей, знати и монопольных экспортных компаний. Кто же не хочет, чтобы у него в карманах стало больше денег?

Теория пришла позже. Она пришла для того, чтобы убедить обманутые массы в необходимости и полезности новой системы или внушить королю определенную схему действий, выгодную какому-либо сочинителю памфлетов и его сотоварищам. Меркантилистская «теория» была набором аргументов, призванных поддержать или продвинуть конкретные групповые экономические интересы.

В XX в. многие историки хвалили меркантилистов за протокейнсианскую заботу о «полной занятости» и видели в этой заботе удивительное предвосхищение современных тенденций. Однако следует иметь в виду, что меркантилистская забота о полной занятости не имела никакой гуманистической подоплеки. Напротив, меркантилисты хотели искоренить праздность, заставить работать бездельников, бродяг и «здоровых попрошаек». Кратко говоря, для меркантилистов из «полной занятости» следовал единственный откровенный логический вывод: принудительный труд. Так, в 1545 г. парижских «здоровых попрошаек» отправили на

многочасовые работы, а через два года, «с целью лишить здоровых людей всякой возможности не работать», все женщины, способные, но не желавшие работать, были выпороты и высланы из Парижа, а все мужчины той же категории сосланы на галеры как рабы.

Классовый характер меркантилистской ненависти к праздности совершенно очевиден. Знать и духовенство едва ли заботила *их собственная* праздность; только нижние классы нужно было любыми мерами заставить работать. Не осуждалась и праздность привилегированных коммерсантов из третьего сословия. Прозрачно завуалированным обоснованием служила необходимость повышения «национальной производительности», и для верхних классов, для правящей элиты такое принудительное искоренение праздности — на общественных работах или в частном производстве — было желанным подарком. Ликвидация праздности не только повышала производство на благо элиты; оно также снижало уровень заработной платы благодаря принудительному увеличению числа рабочих рук.

236

В 1576 г. на собрании Генеральных штатов, парламентского органа Франции, представители всех трех сословий единодушно высказались за принудительный труд. Духовенство заявило, что «праздность... нельзя допускать и терпеть». Третье сословие считало, что «здоровые попрошайки» должны работать; в противном случае их следует пороть и высылать. Дворянство целиком и полностью согласилось с этими предложениями.

На том же собрании депутаты с полной ясностью высказались за протекционистские пошлины и призвали запретить любой импорт готовых изделий и экспорт сырья. Эти меры должны были возвести стену монопольной защиты вокруг внутренних производителей товаров и вынудить производителей сырья продавать его производителям товаров по искусственно заниженным ценам. Причиной таких мер называли необходимость «сохранить драгоценные металлы дома», но это объяснение при непредвзятом рассмотрении выглядит явно абсурдным. Если французским потребителям запрещалось покупать импортные товары, чтобы «сохранить деньги», то какой сценарий эта мера должна была предотвратить? Существовала ли реальная опасность того, что французы отправят все свое золото и серебро за границу и ничего не оставят себе? Такой вариант крайне трудно представить, но *даже если бы* это произошло (худший сценарий), в любом случае существует крайний предел оттока денег из страны. Ведь как можно добыть деньги для дальнейшего импорта? Ясно, что только за счет экспорта товаров за границу.

Следовательно, «сохранение денег в стране» — это явно ложный довод, ложный что для Франции в XVII в., что для Соединенных Штатов в XX в. Генеральные штаты стремились защитить определенные французские отрасли. В этом суть дела.

«Сохранение денег в стране» — удобный довод и для того, чтобы отгородиться от иностранных дельцов и финансистов, которые могут обой-

ти французских. Перспективы немецких банкиров и итальянских финансистов, процветавших во Франции, вызывали у французов приступы ярости по поводу «прибылей, нажитых несправедным путем», и вывоза денег из страны; эта ярость, конечно, подпитывалась типично меркантилистским «заблуждением Монтеня», согласно которому выигрыш одного человека (или одной страны) на рынке по определению означает проигрыш другого человека (или другой страны). Негодующие французы не раз призывали изгнать заграничных финансистов из страны, но французские короли обычно настолько увязали в долгах, что не могли себе этого позволить.

8.2. ПЕРВЫЙ КРУПНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ МЕРКАНТИЛИСТ: БАРТЕЛЕМИ ДЕ ЛАФФЕМА

Первым видным французским меркантилистом был Бартеlemi де Лаффема́ (1545—1612), не получивший образования отпрыск очень бедного протестантского семейства из Дофине. Всю жизнь он служил протестантскому претенденту на престол Генриху Наваррскому, и в 1582 г. дослужился до должности смотрителя гардероба и личного камердинера. Когда Генрих Наваррский стал королем Генрихом IV, карьера Лаффема пошла вверх: в 1601 г. он получил пост главного коммерческого контролера и главы Коммерческой комиссии, на котором оставался до смерти короля. Подобно преданному псу, умирающему вслед за хозяином, Лаффема, утративший всякое влияние после смерти Генриха, убитого в 1610 г., вскоре тоже умер. Лаффема заслуживает внимания потому, что ему принадлежат несколько десятков памфлетов, написанных за долгий период пребывания при короле; в них Лаффема пропагандирует меркантилистскую систему, которую он помогал создавать во Франции.

Главный вопрос для Лаффема, критерий, по которому он оценивал варианты экономической политики, сводился к тому, поступают в королевство драгоценные металлы или нет. Следует, однако, заметить, что его позицию не следует понимать как упрямые призывы к накоплению денег ради них самих. Он был совершенно прав, когда писал, что золото и серебро — это «силы и опора королевств и монархий... та истинная материя и субстанция, которая поддерживает государство против... врагов». Чем больше денег короли получают от подданных, тем богаче и могущественнее становятся. На это умозаключение нечего возразить. Ошибка возникает тогда, когда интересы короля начинают отождествляться с интересами всего французского общества.

Несомненный проблеск экономической интуиции Лаффема состоял в том, что он одним из первых меркантилистов дал королю мудрый совет не запрещать напрямую экспорт драгоценных металлов. Лучше, считал он, позволить металлам свободно притекать и вытекать, а затем тонко

настроить торговлю и промышленность таким образом, чтобы металлы притекали в страну.

Если не считать этого совета, все остальные предложения Лаффема были нудным перечнем типичных меркантилистских рецептов: запретить импорт готовых изделий, запретить крупные ярмарки, которые приводят к перемещению денег королевства в руки иностранцев, заставить торговцев покупать за границей только сырье, но не готовые изделия, запретить экспорт сырья. Гильдии нужно возродить и поручить им надзор за всем городским производством и качеством продукции; надзирать за самими гильдиями должны комитеты мастеров, за этими последними — бюро производителей и так далее вверх по цепочке вплоть до королевского двора. В обычной меркантилистской манере Лаффема убеждал производителей сельскохозяйственной продукции, что они не прогадают, а выгадают от протекционистских мер в промышленном производстве, ибо это производство будет внутренним рынком для сельскохозяйственных продуктов. Однако Лаффема не потрудился добавить, что такой внутренний рынок будет неэффективным и дорогим.

Всех, кто не разделял его взгляды, Лаффема объявил эгоистами, невеждами и предателями, заслуживающими соответствующего отношения. Всех, кто не подчиняется предписаниям и запретам, следует лишать имущества и предавать смерти.

К и большинство его меркантилистских собратьев, Лаффема был сторонником полной занятости и призывал к искоренению тунеядства. Полная занятость, естественно, означала принудительное трудоустройство, и Лаффема призывал отправлять бездельников на работы, а особенно злостных «заковывать в кандалы и подвергать заключению». Количество кабаков и увеселительных заведений, считал он, следует резко сократить, а закоренелых пьяниц нужно ставить к позорному столбу.

Протекционизм начинается с попытки обеспечить самодостаточность страны в плане тех товаров, которые традиционно в ней производятся, а затем переходит к расширению списка того, что страна в принципе может производить. Если упраздняется критерий рыночной прибыльности, практически любой товар можно производить дома, — конечно, *при известных издержках*. Если бы американцы захотели, они, без сомнения, могли бы выращивать нужные им бананы в оранжереях Мэйна или Монтаны по астрономическим ценам. Но какой был бы в этом смысл, если не считать субсидий для кучки привилегированных владельцев оранжерей?

Пожалуй, самым нелепым проектом Лаффема, который он на посту генерального контролера всеми силами продвигал, была самодостаточность Франции в производстве одного из самых популярных предметов роскоши — шелка. Многие памфлеты и практические меры Лаффема были посвящены принудительному расширению французской шелководной отрасли, очень маленькой и ограниченной югом Франции. Лаффема утверждал, что французский климат идеально подходит для выращивания шелководных червей, а любые возражения, любые по-

раженческие заявления, что-де на большей части Франции климат неподходящий, — это всего лишь пропаганда, распространяемая «по злому умыслу определенных французских коммерсантов, торгующих заграничным шелком». Лаффема ссылался на собственный успешный опыт выращивания червей, на то, что король Генрих столь же успешно растил тутовые деревья (на которых живут черви). Он предлагал принять закон, обязывающий всех землевладельцев, включая духовенство и монастыри, высаживать 2—3 тутовых дерева на акр, и рисовал соблазнительную перспективу огромных доходов, которые несомненно поступят от тутовых деревьев и выращивания шелковичных червей. Кроме того, утверждал он, тутовник обладает магическими целебными свойствами: он прекращает зубную боль и расстройство желудка, заживляет ожоги, отгоняет вредных насекомых и служит противоядием.

Лаффема убедил короля выделить сотни тысяч ливров на выращивание тутовника и червей. Король повелел высадить в каждом французском департаменте 50 тыс. тутовых деревьев, но великий шелковый эксперимент закончился полным провалом. На большей части Франции климат действительно оказался неподходящим, и это было объективной суровой реальностью, а не вымыслом корыстных и вероломных импортеров. Французское духовенство отнюдь не горело желанием заниматься шелководством. В итоге Франция так и продолжала в основном импортировать шелк.

Главным, если не единственным, учеником Лаффема был его сын Исаак (1587—1657). Уже в возрасте 19 лет Лаффема-сын, желавший во всех отношениях быть верным последователем своего влиятельного отца, опубликовал «Историю коммерции во Франции» (1606). По существу «История» вряд ли достойна внимания и отличается лишь непомерными похвалами, которые автор воздает отцу и королю Генриху, а также рабским повторением отцовских предложений и рецептов. О стиле этой работы можно судить хотя бы по тому, что Исаак превозносит Генриха как творца всего, что есть хорошего во Франции. Обращаясь к Его Величеству, Исаак писал: «Небеса осчастливили моего отца возможностью жить во времена Вашего правления». Когда отец потерял высокий пост и вскоре умер, карьера Исаака как политэконома безвременно оборвалась, и свои дни он закончил незначительным, но преданным сотрудником первого министра, кардинала Ришелье.

8.3. ПЕРВЫЙ «КОЛЬБЕР»: ГЕРЦОГ ДЕ СЮЛЛИ

Тем, чем Жан-Батист Кольбер будет для Людовика XIV во второй половине XVII в., Максимильен де Бетюн, барон де Рони, герцог де Сюлли (1560—1641) был для Генриха IV. Отпрыск гугенотского аристократического семейства, де Рони естественным образом тяготел ко двору Генри-

ха Наваррского, сражался и был ранен в религиозных войнах. Примечательно, что именно он убедил Генриха перейти в католичество, чтобы сохранить трон, но сам так и остался гугенотом.

Самоуверенный и жесткий, де Рони быстро вошел в число ведущих министров Генриха, стал суперинтендантом финансов и за верную службу получил титул герцога де Сюлли. Свои воззрения он изложил в «Мемуарах» (1638), написанных уже в преклонном возрасте; в них превозносятся то время, когда он занимал высокий пост (после убийства Генриха Сюлли был отправлен в отставку). По словам Сюлли, он, как мог, противодействовал наиболее сумасбродным замыслам своего коллеги Лаффема; особое внимание он уделил фиаско в шелком. Шелк, предупреждал Сюлли, практически невозможно производить при французском климате, а если бы и было возможно, тогда французы стали бы жить излишне роскошно.

Это, разумеется, не значит, что Сюлли не был меркантилистом. Разница только в том, что вместо пропаганды принудительного производства предметов роскоши — таких как шелк — он приветствовал бы законы, направленные против избыточного потребления таких предметов. Он охотно запретил бы вывоз золота и серебра и платил бы вознаграждение себе и другим за выявление нарушителей такого закона. Некоторые суждения Сюлли — например, по шелковой проблеме — конечно, могут быть переписыванием истории задним числом из желания хорошо выглядеть в глазах современников; ведь ни Лаффема, ни короля Генриха, которые могли бы оспорить его слова, уже не было в живых. Наконец, кое-какие суждения могли быть навеяны чисто бюрократическими стычками с Лаффема.

Убежденный абсолютист, действительно много сделавший для установления централизованного абсолютизма во Франции, Сюлли был таким же сторонником протекционизма, как Лаффема, — хотя некоторые историки и утверждали, что Сюлли (и его король) в известной мере выступали за свободную торговлю. Одним важным вопросом, по которому Сюлли не соглашался с протекционистской схемой Лаффема, было предложение последнего запретить всякий импорт текстильной продукции. Но и здесь главной причиной послужило желание учесть интересы Лиона, главного оплота протестантизма в Юго-Восточной Франции, которые сильно пострадали бы от запрета такой торговли. На протяжении всей своей карьеры Сюлли защищал доходы и привилегии Лиона.

8.4. ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ ПОЭТ: АНТУАН ДЕ МОНКРЕТЬЕН

Одной из самых необычных фигур в истории экономической мысли был поэт и драматург Антуан де Монкретьен (ок. 1575 — 1621). Родом из нормандского Фалеза, Монкретьен принадлежал к среднему классу; его отец, по-видимому, был аптекарем. Монкретьен закончил светскую шко-

лу в Кане и в возрасте 20 лет начал писать стихи и пьесы; некоторые его пьесы, в частности, «Гектор» и «Шотландец», до сих пор считаются классикой французской литературы. В 30 лет он участвовал в скандальной дуэли и бежал в Англию. Затем он путешествовал по Голландии, примерно в 1610 г. вернулся во Францию, женился на богатой нормандской вдове и с ее помощью открыл торговлю скобяными товарами. Затем он построил мануфактуру в местности Уссон-Сюр-Луар и начал изготавливать ножи и косы.

В 1615 г. Монкретьен опубликовал свою единственную работу по экономической теории — «Трактат по политической экономии». Единственным достоинством этой книги было ее название: впервые в истории в научный обиход был введен термин «политическая экономия». «Трактат» представляет собой хаотичное, лишённое всякой системы описание экономических ресурсов страны и содержит обращение к двум правителям Франции (юному королю Людовику XIII и регентше королеве-матери, Марии де Медичи) с просьбой навести порядок, править железной рукой и возвеличивать свою страну. По словам Чарльза Коула, «книга в значительной мере основана на молчаливом допущении, что контроль над экономической жизнью страны и управление ею является одной из главных функций государства; автор просит правителей проявлять больше активности в экономической сфере»¹. Основную идею книги хорошо передает следующее предложение: «Ваши Величества владеют великим государством. Оно удачно расположено географически, изобилует богатством, имеет многие сильные города, непобедимую армию и овеяно славой». Единственное, чего, по мысли Монкретьена, не хватает Франции, — это «порядок»: «Порядок есть конечная цель всякого государства».

Потребность в государственной регламентации хорошо согласуется с заблуждением Монтеня, которое Монкретьен сознательно воспроизводит: «Говорят, что если один что-то теряет, то другой обязательно что-то приобретает. Это верно, и в сфере коммерции подтверждается больше, чем в какой-либо иной».

С точки зрения Монкретьена, французская Корона должна так регулировать производство и торговлю, особенно мануфактуры, чтобы Франция стала самодостаточной. Заграничные товары и производители не должны допускаться в страну. В то время голландским производителям тканей дозволялось открывать фабрики во Франции; этому следует положить конец. Английский текстиль нужно запретить. Монкретьен считал, что Франция должна сама обеспечивать себя шелком и что провал этого плана при Генрихе IV произошел исключительно по вине некоторых советников короля, которые не верили в успех. Кроме того, поскольку «все заграничное портит нас», следует запретить и иностранные книги, ибо они «отравляют наш дух» и «портят наши нравы».

Не забыл Монкретьен и о своем собственном скобяном производстве. Это просто национальная трагедия, предупреждал он, что немецкие ко-

сы вытесняют французский продукт, хотя французские косы лучше. Трудно понять, почему французские покупатели ведут себя настолько неправильно и предпочитают немецкие изделия, — если, конечно, не считать того, что эти изделия дешевле.

Праздность, считал Монкретьен, есть несомненное зло и подлежит искоренению — если необходимо, с применением силы. Человек рожден для жизни в постоянном труде; поэтому политика государства должна состоять в том, чтобы никто не оставался без работы. Праздные руки — руки дьявола; праздность отнимает силу у мужчин и непорочность у женщин. Кратко говоря, праздность — мать всех грехов. Поэтому преступников и непокорных следует заставлять работать. Как и многие другие меркантилисты, Монкретьен фактически отождествил полную занятость с принудительным трудом.

Самый устойчивый мотив в сочинении Монкретьена — это резкая и неизменная антипатия к иностранцам, к их товарам и вообще ко всему иностранному. Иностранцы, негодовал Монкретьен, «подобны пиявкам, которые присасываются к великому телу Франции, высасывают лучшую кровь, тучнеют, а затем отваливаются». В общем и целом Франция, «некогда столь чистая и непорочная», превратилась в «сточную канаву и выгребную яму для других стран».

Трудно сказать, действительно ли Монкретьен ожидал великих свершений от французского монарха, но в любом случае ничего не произошло, и тогда он решил возвести себя в дворянское достоинство и стал называть себя «сир де Ватвиль». Хотя из нескольких мест «Трактата» следует, что Монкретьен был католиком, да к тому же сам он неоднократно выражал преклонение перед абсолютной монархией, он все же примкнул к гугенотскому восстанию в Нормандии в 1621 г. и погиб в сражении. Четыре дня спустя трибунал вынес Монкретьену смертный приговор; его тело было выкопано и сожжено, а пепел развеян. Так обошлись с Антуаном де Монкретьеном столь почитаемые им абсолютные монархи.

8.5. ГРАНДИОЗНЫЙ ПРОВАЛ ФРАНСУА ДЮНУАЙЕ

У Франсуа Дюнуайе, сира де Сен-Мартен, была мечта, грандиозная картина будущего. В начале XVII в. в его стране, как и во всех главных странах Запада, государство создавало монопольные компании. Почему же, рассуждал Дюнуайе, не пойти до конца? Если монопольные компании по определенным продуктам или торговым регионам — это хорошо, почему нельзя сделать все еще лучше? Почему не создать одну большую компанию, гигантскую монополию, распространяющуюся практически на все?

Король Генрих IV выслушал предложения Дюнуайе с интересом. В конце концов, они лишь доводили до логического конца те доктрины и схемы, которые повсюду носились в воздухе. Однако лишь в 1613 г. Дю-

нуайе смог представить детально разработанный план в государственный совет. Он описал огромную, фактически всеобъемлющую компанию под названием «Французская Королевская Компания Гроба Господня в Иерусалиме». Компания, во главе которой, естественно, стоял сам Дюнуайе, должна была иметь либо привилегированную монополию, либо право регулировать все фирмы во всех мыслимых отраслях. В частности, Королевская компания сама производила ткани и контролировала все остальное текстильное производство; под ее контролем находилось все виноделие, и все торговцы и трактирщики, покупавшие вино, должны были вложить в компанию определенные суммы под фиксированный низкий процент. Компания проводила четыре привилегированные парижские ярмарки в год, ведала всеми государственными перевозками, контролировала все шахты во Франции, бесплатно получала все свободные земли Короны и заброшенные каменоломни, заведовала рытвем каналов, строила мельницы, имела монополию на продажу игральные карты, изготавливала оружие и боеприпасы, занимала и ссужала деньги и выполняла множество других функций. Помимо перечисленного, Дюнуайе хотел, чтобы Корона предоставила компании следующие чрезвычайные полномочия:

- право задерживать попрошаек и бродяг и высылать их во французские колонии, которыми тоже управляет компания;
- все обвиненные преступники должны приговариваться к подневольному труду на компанию в колониях;
- все банкроты, утаившие часть денег, должны принудительно вкладывать эти суммы в компанию;
- все изгнанные из Франции смогут вернуться, если будут работать на компанию или платить ей;
- все, кто ведет торговлю в большем объеме, чем допускается их рангом или привилегиями, должны вступить в компанию;
- для любых деловых документов должна использоваться гербовая бумага, продаваемая компанией.

Государственный совет был впечатлен этим планом и постановил провести экспертизу проекта. В следующем, 1614 г. план получил одобрение Генеральных штатов Франции, а различные генералы, адмиралы и прочие высокопоставленные лица выразили свою поддержку. Дюнуайе стал самой влиятельной персоной и занял пост генерального контролера коммерции, раньше принадлежавший Лаффема. Казалось, грандиозный план начал претворяться в жизнь. Доработанную версию Дюнуайе изложил в памфлете, который представил королю в 1615 г.

У короля или, скорее, у регентши Марии де Медичи сложилось благоприятное впечатление, и в 1616 г. была воссоздана ранее возглавлявшаяся Лаффема Коммерческая комиссия, которой было поручено тщательно изучить проект. На следующий год комиссия одобрила план и постановила, что все, кто занимается какой-либо профессиональной

деятельностью, должны вкладывать деньги исключительно в эту компанию. Кратко говоря, Королевская компания становилась монопольным контролером всех остальных компаний. Тем временем Дюнуайе, предвкушая скорое исполнение дорогого ему плана, опубликовал более пространный памфлет, в котором ставил всю Францию под начало своей большой компании. Подобно королю, компания будет единственной и всевластной инстанцией, а ее капитал сложится как из частных, так и из государственных источников.

Казалось, проект успешно продвигается: в 1618 г. его одобрил государственный совет, а в 1620 г. Людовик XIII выразил свое личное одобрение. В начале 1621 г. королевские глашатаи в Париже объявили благую весть: Королевская компания учреждена и открыта для приема инвестиций.

Однако проблемой стали деньги. Каким бы грандиозным и привилегированным ни казалось новое предприятие, никто не проявлял особого желания вкладывать в него наличные и даже давать ему обещания. Король предложил всем городам войти в компанию, но города воздержались под тем предлогом, что не имеют на это денег. Генеральный контролер коммерции Дюнуайе в отчаянии сократил масштабы деятельности компании до торговли с Индиями и другими заморскими регионами. Наконец, он ограничил сферу ее деятельности только Парижем и Бретанью, но даже бретонцев это не заинтересовало.

Кардинал Ришелье, ставший в 1624 г. первым министром, положил план Дюнуайе под сукно. Правда, через четыре года план получил последний шанс на возрождение: король приказал Коммерческой комиссии действовать, и та весной 1629 г. вновь одобрила план, причем на сей раз к прежним непомерным полномочиям было добавлено право заключать договоры с другими государствами и назначать колониальные острова для транзитной торговли.

После почти 30-летнего планирования и лоббирования для реализации грандиозной схемы Дюнуайе теперь не хватало только подписи Людовика, но по неизвестной причине он так ее и не поставил. Возможно, могущественный Ришелье не желал одобрения чужого плана. Столь же возможно, что король просто устал от стареющего фанатика и его гипертрофированного энтузиазма. Постоянные просьбы и напоминания не достигали цели. Королевская компания скончалась, так и не успев родиться, и потери престарелого Дюнуайе оказались выигрышем для французского общества.

8.6. ПОД ВЛАСТЬЮ КАРДИНАЛОВ, 1624—1661 ГГ.

1620—1650-е гг. во Франции стали эпохой правления двух очень светских кардиналов. Первым был суровый, неумолимый, коварный и харизматичный Арман-Жан дю Плесси, кардинал де Ришелье (1585—1642).

Его отец Франсуа, отпрыск небогатого дворянского семейства из Пуату, пользовался особым покровительством Генриха III и Генриха IV. Благодаря этому в 1606 г. молодой Арман получил от Генриха IV пост епископа Люсона. Через восемь лет Ришелье привлек внимание королевы-матери Марии де Медичи и стал ее главным советником. В 1622 г. он получил сан кардинала, в 1624 г. был назначен первым министром и оставался на этом посту до самой смерти.

Главной заботой Ришелье было участие Франции в Тридцатилетней войне (1618—1648), которая опустошила Германию на многие десятилетия. Эта война ознаменовала фундаментальный переход от чисто религиозных конфликтов предыдущего столетия к войнам, которые в XVII в. велись ради политических интересов национальных государств. Ришелье, по крайней мере формально, католик (хотя и «политик») и кардинал католической страны, оказался в главе преимущественно протестантской европейской коалиции, выступавшей против католиков — австрийских и испанских Габсбургов.

Теоретические взгляды кардинала изложены в двух книгах, написанных под конец жизни: «Мемуары о правлении Людовика XIII» и «Политическое завещание». Хотя внутренние дела и экономика не относились к числу главных интересов Ришелье, он содействовал укреплению абсолютизма во Франции. В его книгах встречаются типичные абсолютистские и меркантилистские идеи. Франция должна быть самодостаточной во всем, ей необходим военный и торговый флот, монополии следует предоставлять, бездельников следует заставлять работать или отправлять в пенитенциарные учреждения, а потребление предметов роскоши ограничить.

Новой особенностью Ришелье было его нескрываемое презрение к простолюдинам, которыми, по его убеждению, следует помыкать, словно скотом, так, как это выгодно французскому государству. Налоги не должны быть слишком высокими, поскольку это вредно для коммерции, но не должны быть и настолько низкими, чтобы массы жили в свое удовольствие. Если народ живет слишком хорошо и припеваючи, его невозможно «заставить выполнять свои обязанности». Ришелье с полной откровенностью добавляет: «Народ правильно сравнить с мулами, которые привыкли к тяжелой работе и которым долгий отдых вредит больше, чем работа».

Понятно, что, защищая интересы государства и монарха, Ришелье не забывал и о себе. Когда он только стал первым министром, он получал весьма скромный оклад — 25 тыс. ливров в год, а к концу карьеры его годовой доход составлял около 3 млн ливров. Кардинал явно не видел проблемы в том, чтобы обогащать монарха и одновременно самого себя.

Преемником Ришелье была тоже весьма незаурядная личность, сицилиец, чей отец занимал важный пост на службе у могущественного семейства Колонна. Джулио Мазарини (1602—1661) обучался в Риме у иезуитов, а затем изучал право в университете Алькала в Испании. По воз-

вращении в Италию он служил у нескольких итальянских кондотьеров, а затем стал секретарем папского нунция. Сан каноника он получил, не будучи даже священником. Когда Мазарини служил папским нунцием во Франции, он заручился покровительством Ришелье, который предложил ему высокий пост, если он перейдет во французское подданство.

Не так уж легко назвать другого человека, который, став гражданином другой страны (как сделал Мазарини в 1639 г.), всего через три года становится ее первым министром. Однако Мазарини это удалось; в 1641 г. он получил сан кардинала и после смерти Ришелье получил его должность. Мазарини предусмотрительно вошел в милость у королевы, и когда вскоре умер Людовик XIII, а королева стала регентшей, смог сохранить свою высокую должность. С перерывом всего на один-два года он оставался первым министром вплоть до смерти в 1661 г.

Мазарини интересовался экономикой еще меньше, чем Ришелье, не имел теоретических взглядов и занимался преимущественно дипломатическими и военными делами. Ему не нужно было никакой теоретической подготовки, чтобы сколотить такое состояние, которому позавидовал бы даже его предшественник: под конец жизни он скопил баснословную сумму — около 50 млн ливров.

При Мазарини во Франции появилась одно достойное упоминания сочинение, принадлежавшее перу монаха-кармелита Жана Эона (в монашестве Матиас де Сен-Жан, ок. 1600—1681). Он родился в Сен-Мало, в Бретани, впоследствии стал другом и советником родственника Ришелье маршала де ла Мельере, а затем получил пост главы кармелитов в Турени и пренебрег возможностью получить должность главного прокурора этой провинции.

Когда Эон жил в Бретани, местные торговцы задумали учредить привилегированную торговую компанию и в 1641 г., заручившись поддержкой де ла Мельере, разработали проект крупной компании со штаб-квартирой в Нанте под названием Общество объединенной биржи Нанта. В 1646 г. проект получил одобрение государственного совета, однако вскоре появился анонимный памфлет, направленный против компании. Город Нант обратился к Эону, и тот по поручению де ла Мельере принял за книгу в защиту компании. Результатом стал обширный труд «Достойная коммерция, или политические соображения» (Нант, 1647). Книга была посвящена де ла Мельере, другу и патрону Эона, которого Эон превознес как человека, унаследовавшего от Ришелье мантию экономического главы всей страны.

По существу же книга Эона представляла собой набор стандартных меркантилистских идей, перечислять которые здесь нет смысла. Эон почти не уступал Монкретьену в неприязни к иностранцам и желании прекратить их коммерческую деятельность во Франции. Эона отличают две особенности: он превозносит море, морские перевозки и профессию моряка, а также восхваляет город Нант, его славные достижения и исключительную пригодность для размещения в нем привилегированной компании.

8.7. КОЛЬБЕР И ЛЮДОВИК XIV

Жан-Батист Кольбер (1619—1683) не был ученым-теоретиком, но зато точно знал, какие идеи ему нравятся, — а это были меркантилистские идеи, уже много поколений носившиеся в воздухе во Франции и во всей Европе. Будучи всемогущим экономическим наместником Короля-Солнца, Кольбер задумал осуществить эти меркантилистские планы в широких масштабах. Он не сомневался в том, что они хороши, справедливы и правильны, и столь же убежденно считал, что всякий, кто думает иначе, ошибается, не понимает сути дела или предвзят по личным мотивам. Его оппоненты, деловые люди, предпочитавшие конкуренцию и свободный обмен, — люди недалекие, близорукие и эгоистичные; только он один, Жан-Батист Кольбер, печется о долгосрочных интересах страны и национального государства. Коммерсанты, постоянно твердил он, — мелкие людишки со столь же «мелочными личными интересами». Скажем, они часто предпочитают свободно конкурировать друг с другом, тогда как «в общественных интересах» и «на благо государства» следить за тем, чтобы все товары были единообразными по составу и качеству. Кольбер, естественно, имел в виду объединенные интересы государства, его правителей и бюрократии, а также членов картелей: все эти частные интересы действительно находились под угрозой. Мифические «общественные интересы» служили, как обычно, прикрытием для определенных индивидов и групп, считавших свои собственные интересы гораздо более важными, чем интересы каких-то там «мелких» предпринимателей.

Меркантилистские принципы Кольбера были традиционными: привлечение и сохранение в стране драгоценных металлов, запрет их вывоза, картелирование при помощи искусственно навязанных стандартов качества, субсидирование экспорта, сокращение импорта вплоть до достижения полной самодостаточности. По поводу налогообложения Кольбер придерживался такого же мнения, как почти все тогдашние европейские министры финансов, — с той лишь разницей, что он выражал это мнение более четко и откровенно: «Искусство налогообложения, — говорил он, — это так ощипывать гуся, чтобы получать как можно больше перьев и как можно меньше шипения». Вряд ли можно более ярко и лаконично выразить суть конфликта интересов народа и государства. С точки зрения государства и его правителей, народ — это огромный гусь, которого нужно ощипывать настолько полно, насколько возможно.

Кроме того, о том, что наполнение королевской и государственной казны было единственным оправданием иначе не объяснимого стремления меркантилистов ввозить драгоценные металлы, свидетельствует следующий совет Кольбера королю: «Универсальное правило финансов состоит в том, чтобы любыми способами, включая власть Вашего Величества, привлекать деньги в королевство и распределять их в провинции, дабы они могли платить налоги».

Подобно прочим меркантилистам, Кольбер полностью разделял «заблуждение Монтеня» относительно торговли. Торговля — это война и конфликт. Совокупный торговый оборот в мире, общее число кораблей и объем продукции — это фиксированные величины. Одна страна может увеличить свою торговлю, перевозки или производство лишь за счет понижения доли другой страны в этом общем объеме. Выигрыш одной страны — это всегда проигрыш другой. Кольбер гордился тем, что французская торговля росла, — как он считал, за счет обеднения других стран. В 1669 г. он писал Людовику XIV: «Это государство процветает не только само по себе, но и за счет нужды, которую навлекает на все сопредельные страны».

На самом деле торговля и война — не только не одно и то же, а вещи диаметрально противоположные. При обмене выигрывают обе стороны вне зависимости от того, кто его совершает, — жители одной страны или разных стран. Политические границы не имеют ничего общего с экономической выгодой от торговли и рынков. При обмене выигрыш одного человека достигается только за счет содействия выигрышу другого; точно так же обе «нации» (т.е. люди, живущие в определенных странах или других географических регионах) взаимно выигрывают от торговли между ними. Однако воззрения Кольбера были пропитаны глубокой неприязнью ко всем иностранным государствам, особенно таким богатым, как Англия и Голландия.

Как и другие меркантилисты, Кольбер осуждал праздность и желал заставить бездельников работать на страну и государство. Все бродяги должны быть выдворены из страны или сосланы на галеры. Кроме того, чтобы люди работали усерднее, следует сократить количество праздников.

Среди меркантилистов Кольбер выделялся стремлением поставить интеллектуальную и культурную жизнь страны под контроль государства. Он хотел, чтобы искусство и интеллект славили короля и его деяния. Огромные суммы Кольбер тратил на королевские дворцы; самым роскошным из них был Версаль, расположенный в прекрасном уединенном месте и обошедшийся примерно в 40 млн ливров. При Кольбере на королевские резиденции в целом ушло около 80 млн ливров. Кольбер создал академии для людей искусства и ученых; эти академии получали пособия и государственные заказы. Французскую академию <наук>, основанную несколько раньше как небольшое полуприватное объединение, Кольбер превратил в национальное заведение и поручил ей следить за чистотой французского языка. Основанную при Мазарини Академию живописи и скульптуры, имевшую монопольное право на обучение этим искусствам, Кольбер реорганизовал по строгим правилам, которые предписывали художникам и скульпторам неизменно иметь в виду интересы короля. Кроме того, Кольбер учредил Академию архитектуры; она должна была заниматься королевским строительством и соблюдать надлежащие стилистические принципы.

Музыка и театр тоже не избежали внимания Кольбера. Поскольку он предпочитал итальянскую оперу французскому балету, последний был

принесен в жертву импортному жанру. В 1659 г. аббат Перрен написал первую французскую оперу, а через 10 лет Кольбер пожаловал аббату монопольные права на организацию музыкальных представлений. Однако Перрен оказался неумелым предпринимателем и разорился. Находясь в долговой тюрьме, он продал монополию Жану-Батисту Люлли, музыканту и композитору итальянского происхождения. Люлли получил право учредить Королевскую академию музыки, и для любого концерта с более чем двумя инструментами теперь требовалось его разрешение.

Также Кольбер создал театральную монополию. В 1673 г. он объединил два существовавших театра, а в 1680 г. присоединил к ним еще одну труппу; так появился театр «Комеди Франсез». Он получил монополию на все спектакли в Париже, строгий устав и государственное финансирование.

Регулированию и монополиям сопутствовали субсидии и дотации. Пенсии, премии, зачисление в слуги короля, пожалование выгодных званий королевских артистов, освобождение от налогов и требований кредиторов — всеми этими милостями щедро осыпались люди искусства, артисты, писатели, ученые, историки, философы, математики и журналисты. Мощный поток вознаграждений изливался из государственных закромов. Эти дотации пропорционально были гораздо обильнее, чем то, что сейчас выделяет государство на поддержку искусства и науки. Деньги отняли у французских интеллектуалов ту внутреннюю независимость, которая у них еще оставалась. Разум всей нации был обращен на службу государству.

Что же за человек был этот великий бюрократ, который презирал мелочные, как он считал, индивидуальные интересы и неизменно заявлял, что действует в «национальных» и даже «общественных» интересах? Жан-Батист Кольбер родился в Реймсе, в семье торговца. Его отец Никола купил небольшую должность в Париже, а более влиятельный дядя, Одар Кольбер, успешно занимался кредитованием торговых операций. Жан-Батист не получил хорошего образования, но дядя был знаком с банкиром кардинала Мазарини. Еще важнее было то, что один из сыновей Одара женился на сестре высокопоставленного чиновника, Мишеля Летелье. Одар устроил Жана-Батиста к Летелье, который только что получил должность военного министра. Так началась растянувшаяся на всю жизнь карьера Кольбера в высших сферах французской бюрократии. Через семь лет службы он женился на Мари Шарон — после того, как выхлопотал для ее отца, состоятельного финансового чиновника, важное налоговое послабление. Вскоре Кольбер стал государственным советником и одним из главных сотрудников кардинала Мазарини, а после смерти Мазарини вознесся на самую вершину и вплоть до смерти оставался полновластным экономическим наместником Людовика XIV.

Холодный, лишенный чувства юмора, непреклонный, «человек из мрамора», как его прозвали современники, Жан-Батист Кольбер был достаточно сообразителен, чтобы не упустить случая польстить свое-

му повелителю. Так, он написал Людовику по случаю военной победы: «Сир, нам подобает оставаться в молчаливом изумлении и каждый день благодарить Бога за то, что нам довелось жить в правление такого короля, как Ваше Величество». Никакую услугу королю Кольбер не считал унижительной. Он разыскивал пропавших лебедей короля, снабжал его любимыми апельсинами, оформлял рождение незаконных детей короля и покупал драгоценности его любовницам от королевского имени. Личное кредо Кольбера наилучшим образом сформулировано в наставлении, которое он дал своему любимому сыну Сеньелэ. Объясняя, как следует выдвигаться в мире сем, Кольбер сказал: «Главная задача — сделать себя угодным королю и на протяжении всей жизни неустанно выяснять, что может быть угодно Его Величеству».

За тяжкие труды и грубую лесть в адрес короля Кольбер получил щедрую награду. Понятно, что узкими и мелочными были только интересы отдельно взятых коммерсантов и граждан. Свою же собственную выгоду Кольбер без стеснения отождествлял с «государственными интересами», национальной славой и общим благосостоянием. Неизменно признательный король осыпал его должностями и всевозможными денежными вознаграждениями. Так, в феврале 1679 г. он получил поощрительную премию ни много ни мало в 400 тыс. ливров. Общее состояние Кольбера было огромным; оно формировалось также и за счет земель, и за счет многочисленных взяток от лоббистов, чьи интересы он продвигал. В целом Кольбер нажил по меньшей мере 10 млн ливров, но до кардинала Мазарини ему, конечно, было далеко.

Не забывал Кольбер и о своем обширном семействе. Братья, кузены, сыновья и дочери Кольбера занимали привилегированное положение и становились епископами, послами, военачальниками, интендантами, аббатами крупных монастырей. Семейство Кольбера процветало, творя «благо» от имени короля и «государственных интересов» Франции.

После смерти Кольбера в 1683 г. его преемники при Людовике XIV развили и укрепили политику «кольбертизма». Протекционистские пошлины значительно выросли, импортные товары допускались лишь в ограниченное число портов, контроль качества усилился, внедрение новшеств затруднялось ради сохранения производственного и профессионального статус-кво. «Кольбертизм» жестко утвердился во французской политической экономии.

8.8. ЛЮДОВИК XIV: АПОГЕЙ АБСОЛЮТИЗМА

Если говорить о самом Людовике XIV, то для него роль абсолютного монарха не составляла никакого труда. Даже в еще большей степени, чем Кольбер, он отождествлял свой личный монарший интерес с интересами государства и «общественным благом». Вне зависимости от того, про-

износил ли Людовик часто приписываемую ему фразу «Государство — это Я», он, несомненно, мыслил и действовал в соответствии с этим кредо, как и его отец, Людовик XIII, который говорил: «Это не мои слова, это слова государства». Этатизм логически подразумевает, что государство владеет всей собственностью на всех землях и тот, кто пользуется такой собственностью, делает это только с согласия «настоящего» владельца. Людовик действительно был убежден, что является настоящим владельцем всей собственности во Франции. Поэтому справедливость для Людовика была «моей справедливостью», и поэтому он считал, что обладает неотъемлемым правом брать с подданных налоги по своему личному усмотрению. Собственно, как могло быть иначе, если все подданные в королевстве существовали лишь для удовольствия верховного владельца?

Кроме того, практически все, включая даже противников короля, были убеждены, что король правит по милости Божьей и по божественному праву. Кардинал Ришелье называл королей образами Божьими. В начале правления Короля-Солнца придворный идеолог Даниэль де Приезак в своих «Политических рассуждениях» (1652, 1666) называл монарший суверенитет «великим светом, который никогда не гаснет». Этот свет — великая божественная Тайна, сокрытая от простых смертных. По словам Приезака,

источник величия королей столь возвышен, его суть столь таинственна, а сила столь божественна, что не должно казаться странным, что люди, не будучи в силах постичь его, испытывают к нему благоговейное почтение, как и ко всему происходящему на небесах².

На преклонявшихся перед алтарем королевской квази-божественности не были похожи скептики типа Монтеня, пессимистически оценивавшие человеческую природу; но и они по-своему вносили вклад в поток панегириков Людовику XIV. В серии из трех «Скептических рассуждений» (1664) Самуэль Сорбьер, почитатель и переводчик Томаса Гоббса, осуждал наклонности порочного человека, который хочет только брать из общественных закромов и не желает думать об общественном благе. Однако, рассуждал Сорбьер, выход есть: это абсолютное подчинение велениям короля, стоящего выше прочих людей; только так из бесконечных раздоров может родиться порядок. В этом полном подчинении люди вновь обретут первоизданную простоту природы, свойственную им до появления гражданского общества. Профессор Кохейн передает мысль Сорбьера так: «Как подданные абсолютного деспота, они станут жить одинаково, в безмятежной простоте, полностью передадут свои жизни и имущество во власть суверена, получают защиту от враждебных поползновений и будут счастливы в своем рабстве»³.

Людовик XIV извлек для себя пользу из обоих направлений абсолютистской мысли. С одной стороны, как со всей очевидностью сле-

дует из его частных «Мемуаров», предназначенных для наставления сына, он пессимистически смотрел на человеческую природу (во всяком случае на природу простых смертных) и в этом отношении напоминал Макиавелли. Люди, считал Людовик, суть существа ограниченные, они всегда преследуют личные цели и не понимают, почему они должны подчиняться чужим приказам. Однако король — это сверхчеловек, он выше всех прочих, все видит и единственный печется об «общественном» благе, тождественном его собственному благу. Король-Солнце объявил себя полубогом: ведь он, Людовик, подобен солнцу,

а солнце обладает наивысшим достоинством и в силу своей исключительности, в силу того, что оно окружено сиянием, сообщает свет другим небесным телам, которые служат солнцу, равно и справедливо распределяет свой свет между всеми частями мира, повсюду сеет благо, неустанно порождая жизнь, радость и деятельность, пребывает в постоянном, но непостижимом движении, никогда не отклоняется от своего неизменного пути; в силу всего перечисленного солнце, несомненно, является самым наглядным и самым прекрасным образом великого монарха». По справедливому замечанию профессора Кохейна, Людовик XIV «не просто сравнивает себя с божеством, но сравнивает так, чтобы недвусмысленно представить божество своим подобием⁴.

Вершиной абсолютистской мысли стал Жак-Бенинь Боссюэ (1627—1704), епископ Мо, придворный теолог и политический теоретик Людовика XIV. Государство, полагал епископ, «воплощено в персоне монарха... Он представляет волю всего народа». Короли отождествляют себя с общим благом, «поскольку Бог возвысил их до такого положения, когда они уже не могут желать чего-либо для себя лично». Абсолютизм необходим по той причине, утверждал Боссюэ, что любые конституционные ограничения монаршей власти создают ужасную угрозу «анархии», а хуже анархии ничего нет. Единственными ограничениями власти суверена могут быть лишь те, которые он накладывает сам на себя в своих интересах, а эти интересы непременно совпадают с общественными интересами, когда монарх «рассматривает государство как свое владение, которое следует содержать в наилучшем виде и передать наследникам». В завершение Боссюэ так отождествляет короля с Богом: «Королевское величество — это образ величия Божьего в монархе. Бог бесконечен, Бог есть все. Монарха как такового нельзя считать отдельно взятым человеком: он — фигура общественная, все государство заключено в нем... И подобно тому, как в Боге сосредоточены все совершенство и вся добродетель, так в лице монарха объединены все полномочия отдельных людей. Как же великолепно, что один человек может вмещать в себя столь многое»⁵. Католическая политическая мысль далеко ушла от испанской схоластики.

8.9. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Charles Woolsey Cole, *Colbert and a Century of French Mercantilism* (1939, Hamden, Conn.: Archon Books, 1964), vol. I, p. 85.
2. Nannerl O. Keohane, *Philosophy and the State in France: The Renaissance to the Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), p. 241.
3. Ibid., p. 244.
4. Отрывок из «Мемуаров» приводится по: Keohane, op. cit, p. 251.
5. Цит. по: Keohane, op. cit, p. 252.

ГЛАВА 9

ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА МЕРКАНТИЛИЗМ ВО ФРАНЦИИ XVII В.

9.1. ВОССТАНИЕ БОСОНОГИХ

Все возраставшее бремя абсолютизма, которое короли и их приспешники возлагали на население, порождало резкую, глубокую и продолжительную оппозицию. Во Франции с 1630-х по 1670-е гг. произошла череда восстаний, организованных группами крестьян и знати. Как правило, к восстаниям приводили недовольство повышением налогов, а также утрата прав и привилегий. Подобные восстания происходили в Испании в середине столетия и в автократической России на протяжении XVII в.

Такой формой крестьянского протеста стало первое крупное французское восстание, так называемое восстание «кроканов» (буквально «босоногих») на юго-западе Франции в 1636 г. Оно было спровоцировано внезапным почти двукратным повышением налогов на крестьян, а дополнительные деньги понадобились на войну с Испанией. Посланный для выяснения обстоятельств интендант Ла Форс сообщил о жалобах и требованиях крестьян. Они говорили, что в правление Генриха IV было собрано больше налогов, чем за все предыдущие правления, вместе взятые, а за два года правления Людовика XIII они выплатили больше, чем за все годы при Генрихе. Крестьяне жаловались, что королевские сборщики налогов забирают у них скот, одежду и орудия труда в счет оплаты своей работы и у них, крестьян, нет надежды выплатить хотя бы часть основной суммы долгов по налогам. В результате наступило разорение. Лишенные орудий труда, крестьяне не могли обрабатывать поля и не имели средств даже на то, чтобы уйти и просить милостыню. В своем послании к начальству Ла Форс сообщил, что, как он считает, жалобы крестьян нужно удовлетворить: «Не могу не сказать, месье, что я испытываю глубокое чувство сострадания, когда вижу исключительную бедность, в которой живут эти люди».

Крестьяне утверждали, что не являются бунтовщиками; они готовы платить обычные прежние налоги, если последние их повышения будут отменены. Новые налоги можно вводить только в чрезвычайных обстоятельствах и непременно решением Генеральных штатов (которые не созывались с 1615 г. и вновь соберутся лишь накануне Французской революции). Подобно всем обманутым подданным во все времена и повсюду,

крестьяне возлагали вину за свои злключения не на самого короля, а на его зловредных и деспотичных министров, которые ввели монарха в заблуждение. Они настаивали, что подняли восстание поневоле, чтобы «их стенания достигли слуха самого короля, а не только тех его министров, которые дают ему столь плохие советы». Кем бы ни был правитель, королем или президентом, ему ради сохранения своей популярности всегда удобнее перенацелить протесты и враждебность на окружающих его советников или премьер-министров.

Однако несмотря на эту прискорбную ограниченность «босоногих», им хватило смекалки подвернуть сомнению миф об «общественных интересах», который пропагандировали королевские министры. «Государственные нужды», заявляли крестьяне, это только «ширма для обогащения немногочисленных частных лиц», ненавистных откупщиков, которые покупают у короля право собирать налоги и отправляют их в собственные карманы, и «креатур человека, который фактически управляет государством», т.е. Ришелье и его окружения. Крестьяне потребовали отмены пенсий придворным и жалованья всем назначенным новым чиновникам.

В следующем, 1637 г., подняли восстание «босоногие» сопредельного региона Перигор. В обращении к королю Людовику XIII коммуна Перигора изложила причины восстания: «Сир, мы избрали необычный способ протеста против чинимых нам обид, но поступили так лишь для того, чтобы быть услышанными Вашим Величеством». Самое большое недовольство вызывали откупщики и налоговые чиновники: они «наслали на нас тысячу грабителей, которые объедают плоть бедных земледельцев до самых костей; они-то и вынудили крестьян взяться за оружие и смелить плуги на мечи, дабы испросить справедливости у Вашего Величества или умереть, как подобает мужчинам».

Крайне озабоченная восстанием, Корона призвала на помощь верных слуг. Королевский печатник Ф. Меттайе опубликовал заявление «жителей города Пуатье», осуждавшее «мятежную» коммуны Перигора. Жители Пуатье объявили: «Как христиане и добрые французы, мы знаем: величие королей состоит в том, чтобы повелевать, а достоинство подданных, кто бы они ни были, — в том, чтобы повинаться и со всем смирением и полной покорностью... исполнять божественное веление». Все французы знают, что король — жизнь и душа государства. Его действия направляются непосредственно Святым Духом, а «сверхчеловеческие решения королевского ума и чудеса, свершенные при его счастливым правлении, ясно показывают, что сердце короля в руке Божьей». Поэтому, заключали жители Пуатье, объяснение восстания может быть только одно: мятежники — орудия сатаны.

Однако с этим были согласны не все католики и даже не все католическое духовенство Франции. В 1639 г. вооруженное восстание разразилось в Нормандии; его участники выдвинули два требования: отменить грабительское налогообложение и предоставить Нормандии

автономию. «Армию страдающих» составили сравнительно бедные представители разных классов; они называли себя «босоногими» — на манер добытчиков соли в Авранше, на юго-западе Нормандии, которые ходили босиком. Главнокомандующим считался мифический персонаж по имени Жан Босоногий; фактически же ею командовали четыре священника из Авранша, а первым среди них был Жан Морель, приходской священник в Сен-Жерве. Морель называл себя «полковником песчаных дюн», но был поэтом-пропагандистом в не меньшей мере, чем военным командиром. В «Манифесте Его Превосходительства Непобедимого Капитана Жана Босоногого, Генерала Армии Страдающих», который был направлен против «тех, кто обогатился на налогах», Морель писал:

Могу ли я оставить людей чахнуть
Под пятой тирании и позволить *своре чужаков* [ненормандцев]
Каждодневно угнетать народ своими полномочиями откупщиков?

257

Упоминание о «чужаках» свидетельствует о неизменной силе партикуляристских или сепаратистских настроений в регионах Франции, в данном случае в Нормандии. Движения нормандских сепаратистов и «босоногих» были направлены против централизованного парижского режима, лишь недавно навязанного имевшим широкую автономию регионом, а также против высоких налогов.

9.2. КЛОД ЖОЛИ И ФРОНДА

Самыми значительными восстаниями во Франции в середине XVII в. стали выступления дворянства и судейских чиновников, известные как Фронда. Ведущим идеологом судейских был Клод Жоли, опубликовавший в 1653 г. сочинение «Собрание истинных положений». Оно представляло собой сборник конституционалистских высказываний, рудиментов доабсолютистской эпохи, и было направлено против тех двух новшеств, которые кардиналы Ришелье и Мазарини внесли в политическую мысль и практику во Франции. Первым новшеством была идея, согласно которой король по праву является распорядителем (а фактически владельцем) персон и имущества всех жителей Франции. Другим был макиавеллистский принцип: для успешной государственной политики регулярно требуются аморальные средства.

Жоли утверждал, что власть короля ограничена и не может автоматически санкционироваться божественным правом. Французы имеют право распоряжаться своими жизнями и своим имуществом; они не являются рабами деспота или тирана. Изначальная божественная власть короля умеряется французским народом, и король не имеет права вводить налоги без согласия Генеральных штатов. Жоли заявил: тот факт,

что королевские приспешники и сам король заклеили его как мятежника и предателя, свидетельствует, что прежнее устройство заменено новым принципом, согласно которому король обладает неограниченной властью, стоящей над законом. Для Жоли это было равнозначно «чистой узурпации», изготовленной в чудовищном котле «макиавеллизма».

9.3. ЕДИНЫЙ НАЛОГ

В конце XVI в. Жан Боден и другие авторы подняли вопрос о частичной или полной отмене негодной запутанной системы налогообложения и введении вместо нее единого всеобщего прямого налога, пропорционального наличной собственности или доходу. В середине XVII в. налоги стали гораздо более высокими, и вновь прозвучал призыв к простому единому прямому налогу. Не только народ, но и сама Корона выиграли бы от ликвидации легиона паразитических откупщиков и прочих налоговых чиновников.

Одним из первых сторонников этой идеи был Исаак Лоппен, опубликовавший в 1638 г. сочинение «Галльские копи». Оно выдержало четыре издания, в том числе в 1648 г. во время Фронды, и оказало непосредственное влияние на позднейших реформаторов. Лоппен объяснял, в какой мере все члены общества, от самых бедных до короля, страдают от злоупотреблений налоговых чиновников: «Нет ни одного жителя этого королевства, включая даже священную персону Его Величества, который... не носил бы одежду и не ел бы пищу, имеющую обременение в виде упомянутых сборов и пошлин». Лоппен призывал упразднить существующие налоги, заменив их невысоким ежегодным налогом на 10% населения с самыми высокими доходами.

Памфлет Лоппена произвел большое впечатление на сира де Брессона, одно время служившего помощником министра иностранных дел. В 1675 г. Брессон направил Людовику XIV сочинение «Предложения для короля». Он с полным основанием осудил «чиновников и вымогателей», которых «заботят исключительно их личные интересы». Затем он указал, что король сам зависит от милости сборщиков налогов, и слово в слово повторил приведенное выше суждение Лоппена. Брессон разделил 10% самых богатых и не имеющих освобождения от налогов на 19 разрядов по доходу, и предложил ввести для них единый прямой налог в соответствии с разрядом.

Тем временем, в 1668 г., Жеро де Кордемуа представил правительству свой план единого налога. В послании под названием «Письмо относительно государственной реформы» он предложил единый подушный налог, который должны платить все. Свой план он облек в форму рассказа об идеальном государстве в далеких краях: в этой счастливой стране существует именно такой единый подушный налог; его платят все без исключения, и он идет «на потребности и нужды государства». Кроме то-

го, Кордемуа довольно непоследовательно добавил, что подушный налог должен быть «добровольным», поскольку каждый должен понимать, что ему выгоднее поддерживать существование такой системы.

Большой популярностью пользовалось написанное примерно в то же время сочинение маркиза Поля де Шателе «Трактат о политике Франции». Трактат был закончен в 1667 г., распространялся во Франции в рукописном виде и был опубликован лишь через два года. Осуждая налоговое бремя, Шателе призывал ввести налог на имущество, распространяющийся на дворянство (которое было от него освобождено), и заменить обременительный соляной налог всеобщим прямым подоходным налогом. Также он предлагал облегчить налоговое бремя крестьян, разрешив им выплачивать налог натурой как законным заменителем денег.

В конце 1650-х гг. маршал Франции и губернатор Седанского княжества Абрам де Фабер замыслил более радикальный план. Фабер умер в 1662 г., но в 1679 г. неизвестный автор представил план Фабера канцлеру Франции. Фабер предлагал заменить соляной налог прогрессивным прямым налогом на непривилегированных членов общества. План не предусматривал единого налога, но допускал отмену «всех новых налогов» и снижение прочих налогов до их первоначальной ставки. Подобно Брессону, Фабер разделил непривилегированных французов на разряды, но не на 19, а на 30; ставка налога устанавливалась соответственно разряду. Расходы на сбор налогов предполагалось свести к минимуму: король освободится от 100 тысяч чиновников-«кровососов». Во втором издании (1684) памфлета, основанного на плане Фабера, содержалась подкреплявшая план значительная статистическая информация.

259

9.4. РОСТ ОППОЗИЦИИ КОЛЛЕКТИВИЗМУ СО СТОРОНЫ КОММЕРСАНТОВ И ДВОРЯНСТВА

Установленный Кольбером режим этатизма, монополии и протекционистских пошлин, сочетавшийся с усилением налогового бремени и централизации при Людовике XIV, привел в конце 1660-х гг. к росту оппозиции со стороны коммерсантов и дворянства. Важным теоретическим выражением этих протестов стал анонимный трактат «Записки, полезные для истории», опубликованный в 1668 г. Трактат представлял собой первый пространственный публичный выпад против Кольбера и кольбертизма. В политическом плане автор трактата порицал Кольбера за то, что тот заменил прежнее устройство жестко централизованной системой. Последовательно критикуя политику Кольбера, особенно таможенные пошлины и монополии, автор трактата указал, что отказ Франции покупать голландские товары вынудил голландцев отказаться от покупки французских. Что касается торговли вообще, то пропагандировавший-ся Кольбером идеал самодостаточности противоречит природному зако-

ну, поскольку во всем мире провидением создано великое разнообразие природных ресурсов, дабы человечество было объединено узами взаимозависимости посредством международной торговли.

После всплеска критики в отношении Кольбера в конце 1660-х гг. генеральный контролер постарался заткнуть рты всем несогласным. Неудивительно, что когда Кольбер умер 6 сентября 1683 г., его смерть была встречена ликованием по всей Франции, особенно в Париже. Только присутствие солдат не позволило толпе протащить тело Кольбера по улицам Парижа. Многие французы предвкушали наступление новой эпохи: «Налоги исчезнут, и вернется Золотой век».

Этого, конечно, не произошло; абсолютизм и порождаемое им экономическое расстройство только усилились. Однако смерть Кольбера позволила волне протеста подняться вновь. Шквал негодования обрушился на сына Кольбера, его племянника и на других личных ставленников¹. Однако критика, поощряемая официальными расследованиями деятельности Кольбера, носила не только личный характер. В ней находил выражение протест против подрывающего экономику меркантилизма. В мае 1684 г. один дворянин возложил на Кольбера вину за «крах финансов и торговли». Создание дотационных привилегированных мануфактур «лишило коммерцию свободы... и отняло у коммерсантов возможность привлекать заграничные деньги». Высокие протекционистские пошлины, указывал этот неизвестный дворянин, резко сократили иностранный спрос на французские сельскохозяйственные продукты, свергнув французских крестьян в нищету.

На следующий год эту линию критики кольбертизма продолжил Гасьен де Куртиль де Сандра, сир Дюверже. В книге «Новые интересы государей Европы» он утверждал: стремление государства поддерживать французских производителей принесло им только вред, ибо отрезало от них экспортные рынки. К 1689 г. эта пользовавшаяся популярностью книга выдержала четыре издания. В том же году столь же популярный сборник статей, опубликованный в Амстердаме под названием «Вздохи поработанной Франции», тоже осудил протекционистские меры, поскольку они ведут к нищете и губят торговлю.

Особенно яркой критикой кольбертизма в этом сборнике отличался памфлет торговца Мишеля Левассера, который писал:

С помощью ужасных и тяжелейших налогов на все товары король забрал все деньги себе, и торговля иссякла. Нет таких невзгод и жестокостей, которым не подвергли бы торговцев откупщики, ведающие сбором таможенных пошлин; у них тысяча ухищрений, чтобы найти повод для конфискации... Помимо этого, некоторые коммерсанты, пользуясь благосклонностью двора, приобрели торговые монополии и получили привилегии, позволяющие вывести из дела всех прочих... Наконец, запрет иностранных товаров не только не помог коммерции, но, напротив, загубил ее... А причиной всему является деспотическая монархическая власть, которая действует по своей прихоти, переделывает и меняет все своей абсолютной властью².

В этот период депрессии руководство учрежденной Кольбером Французской Ост-Индской компании заявило в 1685 г., что оно отнюдь не создавало трудностей, когда вывозило из Франции деньги на покупку импортных товаров в Индиях. В своих «Ответах на заметки» эти директора выступили за «свободу торговли» и хотя на самом деле ценили только свою собственную свободу импорта в привилегированном монопольном положении, все же высказали немаловажную общую мысль о необходимости свободы торговли:

Опыт показал, что торговлю нельзя вести иначе, как при полной ее свободе и взаимных отношениях с иностранными государствами. Как только... мы отступали от этого..., иностранцы уходили. Они нанимали французских рабочих, учреждали наши мануфактуры в своих странах... и начинали обходиться без нас.

Директора также упорно оправдывали свою практику вывоза денег для оплаты азиатского импорта. В подкрепление своей позиции они указывали, что в Голландии (процветание и торговля которой в XVII в. неизменно вызывали восхищение и зависть)

порты всегда открыты для ввоза и вывоза денег с максимальной возможной свободой... Кроме того, в Голландии такая же свобода предоставлена для вывоза денег в национальной монете. Именно эта большая свобода привлекает изобилие в то место, где она существует, и делает голландцев господами всей торговли.

В разгар этой энергичной агитации за свободу торговли интендант Людовика XIV в Руане доложил о совете, который ему дали два самых значительных купца из этого города. 5 октября 1685 г. Рене де Марильяк сообщил генеральному контролеру мнение этих двух купцов:

Главный секрет в том, чтобы предоставить торговле полнейшую свободу; людей достаточно привлекают к ней их собственные интересы... С тех пор, как мы вбили себе в голову развивать мануфактуры и торговлю в приказном порядке, они никогда еще не пребывали в таком упадке, как сейчас.

Один из этих двух купцов, Тома Лежандр, как считается, был первым, кто несколько раньше придумал знаменитое выражение *laissez faire*⁽¹⁾. Великий теоретик *laissez faire* и государственный деятель второй половины XVIII в. Анн Робер Жан Тюрго сообщает о фамильном предании, согласно которому Лежандр сказал Кольберу: «*Laissez-nous faire*» («дайте нам действовать по нашему усмотрению»). Состоятельные предки Тюрго были близкими друзьями несметно богатого Лежандра и его семейства, а также вели с ними совместные деловые операции.

Тома Лежандр (1638—1706), автор выражения *laissez faire*, ставшего политическим и экономическим термином, был самым видным

представителем семейства, которое оказывало торговые банковские услуги с начала XVI в. Обладатель многих миллионов, Лежандр имел обширные интересы в Африке и Новом Свете, был самым крупным импортером квасцов из Леванта и часто приглашался для разрешения споров как между французскими, так и между иностранными коммерсантами.

Несмотря на богатство, международные коммерческие связи и почетное положение, Лежандр не находил понимания у правительства. Раз за разом Корона отказывала ему в разрешении посылать корабли за границу или перевозить коммерческие грузы на иностранных кораблях. Отношение изменилось только в 1690-х гг., когда Франция вступила в войну с протестантскими Англией и Голландией; правительство решило использовать связи Лежандра и других бывших протестантов и разрешило им заключать сделки с английскими и голландскими коллегами во время войны.

В 1680-е гг. в лагерь *laissez faire* переходили не только купцы, но и некоторые интенданты. 29 августа 1686 г. интендант Фландрии Дюге де Баньоль написал резкий протест против указа, согласно которому импорт из Леванта облагался 20%-ной пошлиной; исключение делалось только для товаров, которые шли на французских кораблях с Ближнего Востока в порты Марселя или Руана. Де Баньоль не понимал, почему текстильные фирмы Северной Франции должны переплачивать за импортную пряжу, которую их заставляют покупать с немногочисленных французских кораблей. Ведь это искусственно обогащает марсельских торговцев и судовладельцев, которые не способны успешно конкурировать с англичанами и голландцами в Леванте. Свои общие соображения де Баньоль сформулировал в духе *laissez faire*:

Торговля может процветать и существовать лишь тогда, когда торговцы располагают свободой приобретать нужные им товары там, где они продаются по наименьшей цене. Всякий раз, как мы заставляем их покупать товары лишь в одном месте из всех возможных, товары становятся более дорогими, и торговля поэтому приходит в упадок³.

9.5. КОММЕРСАНТЫ И СОВЕТ ПО ТОРГОВЛЕ

В июне 1700 г. Людовик XIV пожелал получать советы от ведущих коммерсантов страны и учредил совет по торговле; этот совет, в который вошли 10 депутатов от 10 крупнейших городов, должен был служить экономическим консультативным органом. Однако вскоре король пожалел о своем решении, поскольку представители коммерческих кругов не упустили возможности покритиковать меркантилистскую политику Короля-Солнца⁴.

Самой последовательной и радикальной позицией отличался депутат от портового города Нант Иоаким Деказо Дюаллэ, богатый судовладелец, торговец и бывший партнер Тома Лежандра. Решительно протестуя против привилегированных монополий, которые ограничивали торговлю, он обобщил свои доводы до требования свободы и свободной конкуренции. Свободная конкуренция, указывал Дюаллэ, обогащает государство, поскольку порождает изобилие товаров по низким ценам. Даже убытки, пронизательно заметил он, идут на пользу, так как свидетельствуют о наличии множества дешевых товаров. Кроме того, свобода способствует новациям и подогревает дух предпринимательства:

Свобода — это душа и неотъемлемый элемент коммерции; она возбуждает умственную деятельность и энергию купцов, которые непрестанно размышляют о новых методах, с помощью которых можно совершать открытия и учреждать предприятия. Свобода подогревает постоянное движение, повсюду создающее изобилие. Как только мы ограничиваем творческую свободу коммерсантов, мы разрушаем торговлю.

9.6. МАРШАЛ ВОБАН: КОРОЛЕВСКИЙ ИНЖЕНЕР И ЕДИНЫЙ НАЛОГ

Простодушный, сердечный и патриотичный, маршал Себастьян Лепретр, сеньор де Вобан (1633—1707) никак не принадлежал к числу неумолимых и яростных противников политики короля и Кольбера. Ведущий военный инженер Франции, человек, который строил мощные фортификационные сооружения, защищавшие французское государство, и получил дворянство за свои заслуги, естественно, не мог стоять в оппозиции к Короне. Однако после отмены Нантского эдикта в 1685 г. этот верный монархист и абсолютист был глубоко обеспокоен политикой Людовика XIV, особенно в области налогообложения и отношения к гугенотам. После отмены эдикта наивный Вобан, убежденный, что доброго короля окружают злонамеренные или недалёковидные советники, составил записку, в которой напоминал о прощениях гугенотов к королю. Вобан указывал, что отмена эдикта вредно сказалась на торговле и коммерции и порождает недовольство самой монархией.

Равнодушие короля не смутило Вобана, и он продолжал направлять ему записки, составленные в том же духе. Под конец жизни, в 1707 г., этот человек, который родился в бедной семье из Сен-Леже, стал выдающимся военным инженером, маршалом и дворянином, опубликовал обширный трактат «Проект королевской десятины». Вобан предложил упразднить порочную систему налогообложения, заменив ее единым налогом, составляющим десятую часть дохода каждого подданного. Государство,

писал он, предоставляет людям безопасность, и те, кто пользуется такой услугой, должны за нее платить сообразно своим возможностям. Правда, тут встает вопрос: как можно убедиться в том, что получающие данную услугу пользуются ею в объеме, пропорциональном их доходу? Далее, *любая* услуга на рынке оплачивается не пропорционально доходу покупателя, а по одинаковой цене, которую платят все до единого. Покупатели хлеба, автомобиля или стереофонического устройства платят за каждый продукт определенную цену, которая никак не зависит от их дохода или богатства. Почему же за безопасность следует платить иначе?

Как бы то ни было, Вобан убедительно показал, что большая доля налогового бремени ложится на беднеющих французских производителей, и настоятельно убеждал облегчить их участь.

Вобан отказался от широкой публикации своего трактата, распространяв немногочисленные экземпляры в узком кругу друзей. Однако это не спасло престарелого маршала от гнева Людовика XIV. Королевские цензоры и полицейские запретили книгу, выявили и наказали издателей. Маршал Вобан умер в тот самый день, когда приказ короля приводился в исполнение.

9.7. ФЛЕРИ, ФЕНЕЛОН И БУРГУНДСКИЙ КРУЖОК

В 1670-е гг. набожный аббат Клод Флери (1640—1723), молодой теолог, моралист и литератор, выступил с получившими широкую известность критическими суждениями об абсолютизме и меркантилизме Людовика XIV. В небольшом памфлете «Политические размышления» Флери поддержал сельский идеал и выступил против принудительного меркантилистского субсидирования промышленного производства. В другой работе, «Размышления о сочинениях Макиавелли», Флери выступил против монтеневского скептицизма, приводившего к признанию неограниченной власти над порочными людьми, которые фактически лишены разума. Он отверг позицию Макиавелли, утверждавшего, что политика должна быть отделена от нравственности. Объединяя две последние темы, Флери утверждал, что разум может вывести человека на путь справедливости и добродетели, а государь Макиавелли — это просто тиран, который не желает вести своих подданных к счастью. В противоположность Макиавелли, считавшему, что «люди плохи», Флери справедливо утверждал, что «большинство людей не слишком плохи и не слишком хороши» и правитель поэтому обязан совершенствовать их добродетель и увеличивать их счастье.

Однако самым видным церковным оппонентом абсолютизма и меркантилизма в конце XVII в. был все же не Флери, а его друг и ученик Франсуа де Салиньяк де Ламот-Фенелон, архиепископ Камбрэ (1651—1715). Фенелон возглавлял влиятельную придворную группу, которая

была настроена против политики короля и намеревалась реформировать ее в духе *laissez faire*, свободы торговли и ограничения полномочий верховной власти. Будучи духовником фаворитки короля мадам де Ментенон⁵, Фенелон воспользовался своим положением и в 1689 г. добился назначения наставником королевских детей, в том числе внука Людовика XIV, молодого герцога Бургундского, который имел высокие шансы взойти на престол. С помощью Флери Фенелон внушил герцогу свои идеи и окружил его рьяными противниками политики Короля-Солнца.

В 1693 г. Фенелон, которому не давали покоя непрерывные войны с англичанами и голландцами, послал королю эмоциональное и откровенное, но анонимное письмо, с которым, по-видимому, ознакомил только мадам де Ментенон. Порицая дурных королевских министров, он заявил:

Сир, за последние 30 лет Ваши министры попрали и извратили все старинные государственные нормы. Так они хотели до крайней возможной степени возвысить Вашу власть, которая на самом деле была их властью, поскольку находилась в их руках. Мы уже давно ничего не слышим о государстве и его правилах; они говорят только о короле и о том, что ему угодно. Министры подняли Ваши доходы и Ваши расходы на небывалую высоту. Они вознесли Вас до небес и ввергли в нужду всю Францию, дабы ввести и поддерживать неискоренимую и чудовищную роскошь при дворе. Они хотели возвысить вас на руинах всех сословий государства, словно Вы можете обрести величие угнетением Ваших подданных...

Королевские министры, продолжал Фенелон, хотят лишь одного: сокрушать всех, кто им противится. Они сделали имя короля «ненавистным», им нужны «только рабы», они «развязали кровавые войны». Войны и сопутствующие им налоги подорвали торговлю, довели народ до отчаяния, «отняли у людей ради Ваших войн тот хлеб, который они надеялись заработать, трудясь в поте лица своего»⁶.

Главное сочинение Фенелона — политический роман «Телемак», написанный для наставления молодого герцога Бургундского, с которым Фенелон и его единомышленники связывали главные надежды на радикальную либерализацию Франции. Роман был написан Фенелоном в 1695—1696 гг. и опубликован без его разрешения в 1699 г. Основной сюжет романа таков. Молодой принц Телемак путешествует по древнему миру, желая получить представление о наилучших формах правления, и то, что он усваивает, равнозначно принципу *laissez faire* в чистом виде. В частности, Телемак спрашивает Ментора, мудрого финикийского мужа, как этот народ стал столь процветающим в мировой коммерции. Ментор отвечает:

Прежде всего, никогда не следует вмешиваться в торговлю и подчинять ее своим взглядам. Правитель не должен заниматься вопро-

сами торговли, дабы для нее не возникали препятствия. Он должен оставлять всю прибыль подданным, которые ее заработали, а иначе они падут духом... Торговля подобна потокам; если отклонить их от естественного течения, они пересохнут. Лишь прибыль и удобство могут привлечь иноземцев к вашим берегам; если сделать торговлю более трудной и менее выгодной для них, они постепенно уйдут и не вернуться⁷.

Похожим образом, в стране Саленте «свобода торговли была полнейшей»; под этим Фенелон явно имел в виду отсутствие государственного вмешательства во внутреннюю и внешнюю торговлю. Все товары ввозились в страну и вывозились из нее совершенно свободно; торговля «была подобна приливу и отливу».

В «Трактате о бытии Бога» Фенелон осудил меркантилистский национализм и подчеркнул единство людей в мировом масштабе. Кроме того, считал он, человеческий разум «независим, он выше отдельных людей и один и тот же во всех странах». Подобно тому как Бог объединяет всех людей посредством общего и единого разума, море и земля объединяют человечество, предоставляя пути сообщения и ресурсы, которыми можно обмениваться. Весьма красноречиво Фенелон высказался о естественной специализации и объединяющей всех людей свободной торговле:

Благодаря мудрости всемогущего Провидения ни одна страна не имеет полностью всего того, что полезно для человеческой жизни, и нехватка побуждает людей заниматься торговлей, чтобы удовлетворять свои и чужие нужды. Следовательно, нехватка — это естественные узы, связывающие народы между собой; в противном случае все люди питались и одевались бы совершенно одинаково, и ничто не побуждало бы их лучше узнавать и посещать другие страны.

Следуя своему наставнику Флери, Фенелон подчеркивал важность и продуктивность сельского хозяйства, осуждал правителей за угнетение сельской местности налогами и перевод ресурсов с сельского хозяйства на производство предметов роскоши.

Фенелон не жалел слов на критику тирании и абсолютизма:

Абсолютные монархи, — обличал он, — присваивают всё и всё приводят в разруху. Они являются единственными собственниками всего государства, но все это государство чахнет. Земли остаются без обработки и почти совершенно пустеют, города уменьшаются с каждым днем, в торговле наступает застой... Абсолютная власть короля создает столько рабов, сколько у него есть подданных... Эту ужасную власть, доходящую до самых яростных проявлений, невозможно выносить; она не имеет поддержки в сердцах людей... При первом же ударе этот идол падет, разобьется и будет растоптан. Презрение, ненависть, мстительность, сопротивление — словом, все страсти объединятся против столь отвратительного правления.

Войну Фенелон считал «величайшим злом», а губительную внешнюю политику, не позволявшую вывести Францию из бесконечных войн, — следствием националистической и меркантилистской политики. Да будут прокляты те правители, заявлял он, которые усиливают свою власть за счет других стран и зарабатывают «ужасную славу» на крови своих соотечественников.

Дабы в полной мере разъяснить герцогу, какое зло представляет собой война, Фенелон пригласил человека, которого называли «одним из умнейших людей столетия». в 1690 г. Франсуа Леблан опубликовал обширный труд о деньгах и монетной системе «Исторический трактат о деньгах Франции от начала монархии до сего времени». В нем Леблан осудил королей, прибегавших к порче монеты ради собственной финансовой выгоды. Фенелон поручил ему составить для герцога подробный справочник обо всех договорах между странами Европы, о причинах и последствиях всех произошедших войн, а также о мерах, с помощью которых эти войны можно было бы предотвратить. К сожалению, Леблан умер, так и не успев завершить этот монументальный труд.

Одной из ключевых фигур бургундского кружка был Шарль де Сен-Мор, герцог де Монтозье. Монтозье был воспитателем дофина, и Леблан (до того как принялся за книгу), как и аббат Флери, состояли у него на службе. Предшественником Леблана на месте наставника герцога был Пьер Даниэль Юэ, епископ Авранша. Юэ, друг Леблана, осуждал меркантилистскую и протекционистскую политику Франции и приветствовал свободу торговли, которая принесла процветание голландцам.

В 1711 г. Великий дофин, сын Людовика XIV, скончался, и бургундский кружок охватила радость, поскольку герцог теперь мог законным образом занять трон после престарелого Короля-Солнца. Однако на следующий год произошла трагедия: герцог, его жена и старший сын умерли от кори. Все надежды и планы рухнули, и Фенелон в отчаянии написал другу: «Люди стараются своими наставлениями сформировать человека, наполненного мужеством и украшенного знанием; затем Бог вмешивается и разрушает этот картонный домик...»

Крах планов бургундского кружка свидетельствует о принципиальном стратегическом изъяне замыслов не только этого кружка, но и физиократов, Тюрго и других мыслителей XVIII в. из лагеря *laissez faire*. Дело в том, что их надежды и стратегические концепции были неизменно рассчитаны на модель монархии и ее фактически абсолютную власть. Иными словами, задача ставилась так: закрепиться при дворе, найти поддержку в коридорах власти, убедить короля принять либеральные идеи и совершить революцию *laissez faire*, так сказать, сверху. Если же короля не удастся переубедить, тогда при помощи учителей и наставников нужно уже с детства внушать будущему королю подходящие идеи и ценности.

Однако расчет на добрую волю короля страдал несомненными внутренними дефектами. Прежде всего, как в случае с герцогом Бургунд-

ским, полагались на то, что он будет жив и здоров. Второй дефект носил более системный характер: даже если удастся убедить короля, что интересы его подданных требуют свободы и *laissez faire*, то стандартный довод, что королевские доходы вырастут пропорционально доходам подданных, выглядит весьма шатко. Ведь доходы короля и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе можно увеличить и чисто тираническим путем: просто выжимать из подданных побольше денег. А полагаться на альтруизм монарха по меньшей мере легкомысленно. По этим причинам прямое обращение к монарху с просьбой ввести *laissez faire* его волей может быть лишь проигрышной стратегией. Гораздо лучшей стратегией была бы организация массового протеста снизу, со стороны эксплуатируемых масс; такой протест сделал бы позиции сторонников *laissez faire* гораздо прочнее за счет поддержки большинства населения. Впоследствии такие массовые протесты и даже революция как раз и произошли во Франции; эта революция снизу была отчасти или даже во многом вдохновлена идеалами *laissez faire*. Однако эрудированные и утонченные сторонники *laissez faire* XVII—XVIII вв., несомненно, отвергли бы такую стратегию как безусловно неприемлемую и фантастическую, особенно в свете неудач крестьянских восстаний и Фронды в середине XVII в. К тому же люди, занимающие высокое привилегированное положение, мало когда готовы отказаться от своих привилегий и заняться уединенной и опасной работой вне рамок привычной им политической системы.

9.8. УТИЛИТАРИСТ ИЗ ЛАГЕРЯ LAISSEZ FAIRE: СИР ДЕ БЕЛЕБА

Одним из самых влиятельных антимеркантилистов и сторонников *laissez-faire* в последние десятилетия правления Людовика XIV был Шарль Поль Юро дель Опиталь, сир де Белеба (ум. 1706). Правнук канцлера Франции, де Белеба в 1690–е гг. был видным участником оппозиционного политического салона в Люксембургском дворце в районе Люксембургских садов Парижа. Салон еженедельно проходил в доме двоюродного брата де Белеба, Франсуа Тимолеона, аббата де Шуази.

Осенью 1692 г. де Белеба представил Людовику XIV шесть памятных записок, копии которых и отдельные выдержки распространились по всей Франции. Де Белеба тоже считал войны с голландцами главной причиной экономических проблем Франции. Государства, указывал он, богатеют не благодаря захватам или разрушению торговли других стран, а благодаря поощрению торговли, отвечающей естественным потребностям страны. Вместо того чтобы вредить голландской торговле, властям Франции следовало бы развивать французское сельское хозяйство.

Де Белеба тоже подчеркивал, что Бог вплел все народы в единую сеть взаимных выгод, доставляемых торговлей и специализацией: «Все, чего не хватает одной стране, производят другие... Бог, создавший людей для общности, так хорошо разделил их, что они не могут обходиться друг без друга». Торговые ограничения только вредят этой естественной взаимозависимости; поэтому коммерсанты должны иметь полную свободу вести коммерцию «по своему усмотрению». В каждой стране специфика экономической деятельности обычно определяется природными ресурсами и типом вложения капитала в эту сферу.

Нет оснований считать, заключил Белеба, что во внутренней торговле одна сторона обогащается за счет других. Напротив, все обстоит как раз наоборот. Свобода торговцев во внутренней торговле столь же важна, как и во внешней. Система сделок и обмена имеет как внутренний, так и внешний характер. Кроме того, предвосхищая доводы Хайека в пользу свободного рынка, Белеба, по словам профессора Роткруга, считал:

Каждая сделка, внутренняя или внешняя, требует полнейшей свободы, поскольку проводится в особых обстоятельствах купцами, чье благополучие в определенной мере зависит от секретных и уникальных процедур, посредством которых каждый ведет свой бизнес⁸.

Государственное регулирование, не будучи способным защитить рынок, только ограничивает свободу, необходимую для любой продуктивной торговли. Природные ресурсы, объяснял Белеба, бесполезны, если нет людей, которые их добывают и участвуют в торговле и коммерции. Затем Белеба подробно перечислил элементы успешной рыночной деятельности:

Торговлей мы называем обмен, который совершают люди, нуждающиеся в вещах друг друга. Во внутренней и во внешней торговле принципы успеха одни и те же. И несмотря на то, что торговля осуществляется бесчисленным количеством способов, они, при всем различии, основаны на полной свободе, больших вложениях капитала, добросовестности, огромном усердии и полной секретности. Каждый участник торговли, имея собственные представления о том, как он обогащается от продажи своих продуктов, нисколько не препятствует покупателю получать значительную выгоду от обладания этими продуктами... Таким образом, если весь успех торговли, как это ясно, зависит от свободы, больших вложений капитала, усердия и секретности, то понятно, что правители не могут вмешиваться в нее, не подрывая эти принципы.

Таким образом, Белеба не только правильно оценил роль индивидуальной предприимчивости и энергии торговца и взаимной выгоды обмена, но и понял (пусть и смутно), что величайшее разнообразие отдельных сделок можно корректно обобщить в немногочисленных фор-

мальных законах или истинах, которые применимы к любому акту предпринимательства и обмена.

В одном важном аспекте Белеба пошел заметно дальше Фенелона и других представителей *laissez faire*, которым настолько претила роскошь абсолютистского двора и бюрократов-нуворишей, что они предлагали правительству ограничить производство предметов роскоши и торговлю ими. Белеба решительно отбросил это непоследовательное исключение из принципа *laissez faire*. Естественные законы торговли, сводившиеся, с его точки зрения, к соображениям полезности, относились к роскоши в такой же мере, как и ко всем прочим отраслям производства и торговли.

269

Из своих рассуждений Белеба сделал следующий красноречивый вывод: «Следует считать за принцип, что свобода есть душа коммерции, и без свободы... удобные гавани, широкие реки и... плодородные земли не имеют никакого значения. Если нет свободы, ничто не приносит пользы»⁹. Иными словами, государство должно «дать коммерции идти так, как ей угодно» (*laissant faire le commerce que l'on voudra*).

Белеба не скрывал, что свои надежды на введение либерализма в крайней форме раннего утилитаризма он связывает с королем. Король должен преобразовать эгоистические интересы людей в свободную согласованную деятельность, дав ясно понять, что добродетель будет вознаграждена, а порок (воровство и прочее вмешательство в торговлю) наказан. Люди в конце концов привыкнут жить добродетельно. Белеба значительно продвинулся по пути утилитаризма и утверждал, что «справедливость» есть всегда и только полезность, т.е. личная заинтересованность. Фатальным изъяном его концепции была уверенность, что личные интересы короля, которому и предстояло все это сделать, неизменно тождественны согласованным личным интересам его подданных.

Белеба также предвосхитил позднейшее мнение, что монтеневский скептицизм в отношении разума не содействует примирению с государственным абсолютизмом, а делает людей смиренными и готовыми принять свободу и свободный рынок. Однако разум является не единственным и даже не главным источником стремления к использованию власти: желание приобрести богатство и привилегии — вполне достаточный мотив. А поскольку всегда найдутся люди и группы, которые ищут возможность завладеть государственной властью и усилить ее в их собственных интересах, скептицизм в отношении разума и рациональной политической философии скорее подорвет всякую решительную оппозицию этатизму, чем воспрепятствует этатистскому стремлению к власти.

9.9. БУАГИЛЬБЕР И LAISSEZ FAIRE

Самым известным из французских сторонников *laissez faire* конца XVII в. является Пьер ле Пезан, сир де Буагильбер (1646—1714). Он родился в Руане, в знатном нормандском семействе, многие представите-

ли которого были судейскими чиновниками, и приходился кузеном поэтам и драматургам братьям Корнель. Буагильбер обучался у иезуитов и впоследствии купил две судейские должности в Руане. Там он служил на посту генерал-лейтенанта суда с 1690 г. до самой смерти. Кроме того, Буагильбер был крупным землевладельцем, предпринимателем, литератором, переводчиком, адвокатом и историком.

Этот человек сочетал в себе проблески гениальности с откровенным чудачеством. Его первая и самая важная работа «Детальное описание Франции», опубликованная в 1695 г., имела подзаголовок «Франция, разрушенная в правление Людовика XIV»¹⁰. Буагильбер написал несчетное количество писем генеральным контролерам Франции; в них он объяснял достоинства свободной торговли и *laissez faire*, а также порочность государственного вмешательства. С 1699 г. Буагильбер засыпал прошениями генерального контролера Мишеля Шармильера, но безрезультатно; Шармильер не давал разрешения на публикацию объемистых трудов Буагильбера, однако Буагильбер все же опубликовал собрание своих сочинений под названием «Детальное описание Франции». Это произошло в 1707 г., когда «Королевская десятина» Вобана была запрещена цензурой, и в том же году запрещение было наложено на книги Буагильбера, а сам автор отправился во временное изгнание. Он возвратился под обещание хранить молчание, но тут же четыре раза переиздал свое произведение в 1708—1712 гг.

Выступая за *laissez faire*, Буагильбер осуждал меркантилистскую страсть к накоплению драгоценных металлов, указывая, что подлинное богатство заключается не в деньгах, а в товарах. Деньги, объяснял он, это чистая условность. Поэтому приток драгоценных металлов из Нового Света в XVI в. привел лишь к росту цен. Если бы природа была предоставлена самой себе, людям жилось гораздо лучше; а так попытки государства улучшить природу причинили только вред. По словам профессора Кохейна, излечить Францию, избавить Францию от терзавших ее многочисленных зол можно было бы с помощью одного простого средства: «Отказаться от государственного вмешательства в естественные процессы торговли и коммерции и *laissez faire la nature* <дать природе идти своим путем>. Такая реформа не требовала никаких сверхчеловеческих усилий; достаточно было прекратить опрометчивые действия»¹¹.

Коллективная общественная гармония, писал Буагильбер, складывается из попыток многочисленных индивидуумов преследовать свои личные интересы и свое счастье. Если государство устранил все искусственные ограничения торговли, ее участники получат стимул производить и обменивать, а их личный интерес получит тогда свободу для конструктивной деятельности. Только принуждение и государственные привилегии сталкивают один личный интерес с другим, тогда как подчинение мудрому естественному порядку порождает гармонию между индивидуальной жадностью обогащения и всеобщей выгодой. Кохейн так резюмирует мысли Буагильбера: «Пока мы не вмешиваемся в дела Природы,

наши старания получить для себя как можно больше будут максимально увеличивать счастье каждого в долгосрочной перспективе»¹². И происходит это отнюдь не потому, что индивиды, преследуя свои личные интересы, *сознательно содействуют* общему благу. Напротив, это природный порядок устроен так, что нацеленность индивидов на их собственную «личную пользу» одновременно служит интересам всех. Хотя отдельные индивиды, конечно, могут нарушать законы и пытаться выгадать за счет ближних, природный порядок свободы и *laissez faire* будет способствовать поддержанию мира, гармонии и всеобщего благополучия. Буагильбер пишет: «Природа сама может установить такой порядок и поддерживать мир. Любая другая властная инстанция портит все своим вмешательством, какими бы благими ни были ее намерения». На свободном рынке, возникшем в силу природного порядка, «желание обогащения само по себе будет душой всякого рынка как для покупателя, так и для продавца; и это равновесие или этот баланс будет в равной мере побуждать каждого участника сделки прислушиваться к разуму и подчиняться ему».

Естественный порядок свободного рынка препятствует возникновению любой эксплуатации: «Природа или Провидение... так устроили дело жизни, что если дать ему идти своим чередом (*on le laisse faire*), то даже самый могущественный покупатель товаров у бедняка не в силах помешать этой продаже поддержать существование последнего». Все работает исправно, «если природа предоставлена самой себе (*on laisse faire la nature*)... т.е. если ей предоставлена свобода и никто не вмешивается в ее дела, — за исключением тех случаев, когда нужно защитить эту свободу и предотвратить насилие»¹³.

Буагильбер специально остановился на контрпродуктивности государственного вмешательства. Например, когда французское правительство попыталось смягчить голод с помощью искусственного снижения цен на зерно и регулирования торговли, оно добилось только сокращения производства зерна и, следовательно, усугубило тот самый голод, который хотело смягчить. Такое вмешательство, пишет проф. Кохейн,

имело бы смысл лишь при условии, что зерно, подобно манне или грибам, произрастает без участия человека; в данном же случае было проигнорировано воздействие низких цен на деятельность производителей. Если бы правительство просто прекратило вмешиваться, французская экономика обрела бы здоровье, подобно городу, освобожденному от осады. Французы получили бы хлеба в достатке, если бы производители смогли свободно устанавливать цены на зерно и был бы разрешен свободный его импорт¹⁴.

При описании природы и преимуществ специализации и торговли Буагильбер одним из первых экономистов начинал с простейшего гипотетического примера, с двух работников, один из которых производит пшеницу, а другой шерсть, распространял эту схему на маленький город

и, наконец, на весь мир. Этот метод «последовательного приближения», когда отправной точкой служит простейшее, а затем схема шаг за шагом расширяется, в конечном счете оказался самым плодотворным путем построения экономической теории для описания экономического мира.

Образно сравнивая действия власти и рынка, Бугильбер предлагает вообразить тирана, угнетающего своих подданных тем, что он заставляет их жить на виду друг у друга в окружении исключительно тех товаров, которые производит данный подданный: у одного много пищи, у другого много одежды, у третьего много напитков и т.д. Они были бы бесконечно счастливы, если бы тиран разрешил каждому менять излишки товара на продукты других. Но если тиран заявляет, что, пожалуй, снимет запрет, когда закончится та или иная война или когда-нибудь в будущем, он просто насмехается над страданиями подданных. Здесь Бугильбер саркастически намекает на ответ, который реформаторы и оппозиционеры обычно слышали от Людовика XIV и его министров: «Мы должны дождаться мира». Война служила стандартным оправданием гнетущего государственного вмешательства.

Как и Белеба, Бугильбер решительно не соглашался с непоследовательными реформаторами, желавшими считать предметы роскоши исключением из принципа *laissez faire*. Он считал, что вполне естественно удовлетворять не только чисто биологические потребности: «Подлинное богатство — это возможность обеспечивать не только простейшие жизненные нужды, но даже и любые излишества, все то, что может быть приятным для чувств».

Кроме того, Бугильбер, возможно, был первым, кто включил фискальную политику в общую экономическую концепцию. Соглашаясь с предложением Вобана заменить все налоги единым прямым 10%-ным налогом на все доходы, Бугильбер изучил и решительно осудил результаты воздействия косвенных налогов на сельское хозяйство. Высокие налоги на зерно, указывал он, привели к росту цен, к сокращению производства зерна и торговли им. На протяжении 40 лет, сетовал он, французское правительство посредством ужасного налогообложения фактически вело войну с потреблением и торговлей, что вызвало депрессию во всех сферах экономики. Напротив, при свободном рынке каждый получает свою выгоду, ибо «торговля есть не что иное, как взаимная полезность; обе стороны, покупатели и продавцы, непременно имеют одинаковый интерес или одинаковую необходимость покупать или продавать».

Таким образом, у Белеба и Бугильбера направленность классической либеральной критики этатизма сместилась с моралистического осуждения роскоши или порочного макиавеллизма на противостояние меркантилистской доктрине с собственно утилитаристской позиции. Но даже если отвлечься от традиционной морали, полезность и всеобщее счастье так или иначе требуют наличия частной собственности и *laissez faire* природного порядка. В каком-то смысле старомодный природный закон был распространен на экономическую сферу и на совмещение индиви-

дуальных представлений о полезности с личными интересами посредством работы свободного рынка. Белеба и Буагильбер, в противоположность таким убежденным мистикам, как Фенелон, были приверженцами новых механистических космологий, предложенных Исааком Ньютоном и другими <естествоиспытателями> в конце XVII в. Бог создал систему природных законов, управляющих миром и обществом. Задача человеческого разума, общего для всех людей вне зависимости от их национальности и обычаев, состоит в том, чтобы понять эти законы и преследовать свои личные интересы и добиваться своего счастья в рамках этих законов. В сфере экономики свободная торговля и свободные рынки посредством гармонии взаимной выгоды содействуют интересам и счастью всех именно благодаря тому, что каждый ищет то, что ему полезно, и преследует свои личные интересы. Золотое правило⁽¹⁾, отсутствие насилия — вот природный моральный закон, дающий ключ к общественной гармонии и экономическому процветанию. Если такая концепция сама по себе и не была антихристианской, она тем не менее заменяла аскетические аспекты христианства оптимистическим, более человекоцентричным мироощущением. Кроме того, она находилась в полном согласии с набиравшей влияние теорией деизма; в ней Бог выступал как создатель, как своего рода часовых дел мастер, который сконструировал механизм мироздания и его самодостаточные природные законы, а затем удалился от дел.

По словам профессора Шпенглера,

в XVIII в. произошла концептуализация экономического (или социального) универсума, которая сделала видимыми скрытые процессы социального порядка. Равным образом, в XVII в. были обнаружены и сделаны видимыми процессы физического порядка; в этом столетии в человеческий мир было введено понятие «конструкции», скрывающейся за «самыми распространенными явлениями», и понятие «невидимой руки», которой «природа действует во всех вещах».

Что до Буагильбера, то он был

одним из первых, если не первым, кто смог представить (пусть и приблизительно) систему связей, лежащую в основе экономического порядка... Его вклад состоит в выделении (пусть еще несовершенном) экономического порядка из всей социальной системы, в осознании сравнительно автономного характера этого порядка, в выявлении по существу механических и психологических связей, объединяющих людей в экономическом порядке, а также во внимательном отношении к тому, каким образом экономический порядок реагирует на помехи, исходящие от политического порядка¹⁵.

Следует также учесть, что, несомненно, представлялось более легкой задачей убедить короля и правящую элиту в общей полезности частной собственности и свободного рынка, чем убедить их в том, что

они фактически возглавляют аморальную и преступную систему организованного грабежа. Поэтому базовая стратегия внушения королю новых убеждений неумолимо порождала по крайней мере обобщенно утилитаристский подход к проблемам свободы и государственного вмешательства.

9.10. ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЯ

О быстром распространении и даже доминировании новых идей *laissez faire*, криптодеизма, утилитаристской морали и золотого правила свидетельствуют «Диалоги», опубликованные в 1701 г. молодым литератором Николя Бодо де Жюлли и представлявшие собой своего рода руководство по модным манерам и идеям для честолюбивых людей. В «Диалогах» Бодо, сын откупщика в Вандоме, возносит хвалу манерам, принятым в модных салонах, а затем переходит к господствующим идеям момента и низводит доктрину *laissez faire* на уровень откровенного гедонизма. Желание получать удовольствие и избегать неудовольствия укоренено в естественном стремлении к самосохранению. В трактовке Бодо христианский Бог становится квазидеистическим божеством, создавшим «всю природу» как «великое празднество, на которое нас собрала его неистощимая благодать». Сад Эдема был царством наслаждения и чувственного удовольствия; Иисус явился на землю, чтобы вернуть человечество в это изначальное наслаждение. Аскетизм же порождает экономические невзгоды. Специализация, торговля и стремление к обогащению на рынке – самые подлинные, а потому и утвержденные Богом формы благотворительности.

Бодо считал, что Бог «намеренно позволил нам умножать наши потребности, дабы деньги доставались всем людям, переходя из кошельков богачей в кошельки бедняков». Торговля – это подлинная благотворительность:

Все это [региональная специализация и взаимные связи] устроено столь замечательно, дабы связать людей друг с другом, так что люди в результате должны составить единую семью и потребность, которую они испытывают друг в друге, будет творить то, на что способна лишь благотворительность. Именно по этой причине люди... при всем различии их нравов, языков и религий... во всех частях мира становятся объединенными благодаря взаимной торговле. И по той же причине они обмениваются как необходимыми вещами, так и вещами приятными, а потому могут не просто поддерживать свою жизнь, подобно диким животным на подножном корму, но делать эту жизнь более приятной, более человеческой и более изысканной благодаря удовольствиям.

9.11. ПРИМЕЧАНИЯ

1. В «Оправдании г-на Кольбера» его племянник Николя Демарец, которого Кольбер хотел сделать своим преемником, с гневом писал: «Память г-на Кольбера после его смерти оскорблялась с большой враждебностью. В то время вся власть была в руках его врагов, и они доставили себе удовольствие, обратив свою ненависть на яростное преследование всех тех, кого назначил Кольбер». Цит. по: Lionel Rothkrug, *Opposition to Louis XIV: The Political and Social Origins of the French Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), p. 223.
2. Цит. по: Charles Woolsey Cole, *French Mercantilism, 1683—1700* (1943, New York: Octagon Books, 1965), p. 248.
- (1). Подробнее см. в: Онкен А. Невмешательство и свобода торговли: история максимы *Laissez faire et laissez passer*. М.; Челябинск: Социум, 2018. — *Прим. изд.*
3. Rothkrug, *op. cit.*, note 1, pp. 231—232.
4. Кроме 10 выборных депутатов король назначил в совет двух коммерческих «представителей» от Парижа, которые, естественно, вели себя значительно лояльнее.
5. Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1635—1719).
6. Rothkrug, *op. cit.*, note 1, pp. 267—269. <См.: Фенелон Ф. Телемак: цикл легенд о сыне Одиссея. М.: РИМИС, 2011.>
7. Rothkrug, *op. cit.*, note 1, p. 270.
8. Rothkrug, *op. cit.*, note 1, p. 333.
9. Rothkrug, *op. cit.*, note 1, p. 333—334.
10. Поэтому название вышедшего два года спустя английского перевода — «Разорение Франции» — не кажется слишком неточным.
11. N. O. Keohane, *Philosophy and the State in France: The Renaissance to the Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), p. 352.
12. *Ibid.*, p. 353.
13. Цит. по: Cole, *op. cit.*, note 2, p. 266. Или, в другом месте: «Il est seulement necessaire de laisser agir la nature» («Нужно просто дать природе действовать»). См.: Joseph J. Spengler, “Boisguilbert’s Economic Views vis-à-vis Those of Contemporary *Réformateurs*”, *History of Political Economy*, 16 (Spring 1984), p. 81n.
14. Keohane, *op. cit.*, note 11, pp. 354—355.
- (2). Имеется в виду «золотое правило нравственности» — не делайте другим то, что вы не желаете для себя, и поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы с вами поступили. — *Прим. изд.*
15. Spengler, *op. cit.*, note 13, pp. 73—74. Шпенглер добавляет, что выражение «невидимая рука» впервые появилось у английского автора Джона Глэнвилля в книге «Тщетность догматизирования» (1661), за столетие до того, как его использовал Адам Смит. В своих философских эссе Смит говорит, что философия «раскрывает невидимые цепи, которыми связаны» по видимости разобщенные явления. См.: *Ibid.*, p. 73 n.

ГЛАВА 10

МЕРКАНТИЛИЗМ И СВОБОДА В АНГЛИИ С ЭПОХИ ТЮДОРОВ ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

10.1. АБСОЛЮТИЗМ ТЮДОРОВ И СТЮАРТОВ

С начала XVI в. до начала XVII в. в английской политической мысли доминировало упрощенное и радикальное понимание абсолютизма, получившее название «теория соответствия» или «политическая теория порядка». Эта роялистская доктрина была приспособлена под эпоху Тюдоров—Стюартов; в те времена английские правители стремились отстоять свою абсолютную власть как от международного влияния старой религии, католичества, так и от претензий пуритан-кальвинистов, которым были свойственны определенные республиканские и популистские настроения. Бог теперь должен был говорить устами английских королей, предстоятелей Англиканской церкви.

Теоретической основой служило понятие «природного порядка», «великой цепи бытия», которая со времен Средних веков представлялась строго иерархически: во главе всего миропорядка Бог, а человек — высшее из материальных созданий Бога. Затем к этому общему представлению добавилась базовая методология: довольно шаткая аналогия, или «доказательство по соответствию». Подобно тому как в «макрокосме» Бог есть верховный суверен, стоящий выше различных ангельских чинов, выше человека и прочих низших земных тварей, в индивидуальном «микрокосме», каким является каждый человек, голова властвует над телом, а разум и воля управляют чувствами. Равным образом, отец является главой семьи. В более конкретном и собственно политическом плане король, отец своего народа, должен быть главой всего политического организма.

Эта шаткая аналогия простиралась весьма далеко. Голова у человеческого тела «была» королем у тела политического, здоровье этой «головы» равнозначно общественному благополучию, циркуляция крови — циркуляции денег, правление рациональной души соответствовало королевской власти и так далее. Единственным «доводом» выступало соответствие: «государственное» и социальное ранжирование, существовавшее, как считалось, на небесах, должно было дублироваться в земной государственной и общественной жизни.

Изыян этого умозаключения по аналогии состоял в том, что свобода человеческой воли проявляется в политике и в общественной жизни, но не распространяется на все прочее. Редко бывает, когда внутренний орган «бунтует» против головы, но из этой роялистской политической философии вытекал важный вывод, что политическое восстание есть зло столь же противоестественное, как «восстание» внутреннего органа против головы. Подданные *должны* подчиняться утвержденному Божьей волей монарху; иначе божественный порядок превращается в анархию и хаос, и в человеческой жизни воцаряются распад и упадок.

И хотя внутренние органы не часто бунтовали против головы, у абсолютистов была, конечно, нужная аналогия с небесным устроением: злокозненное восстание сатаны против Божьего величия. Равным образом, великим фактом человеческой истории стало грехопадение Адама, порожденное непокорностью воле Божией и непомерной гордыней.

Бог и король, с одной стороны, сатана, Адам и мятежные подданные — с другой; таковы были аналогии и соответствия, которые стремился насадить роялистский абсолютизм. Так, в проповедях англиканской церкви о послушании 1547 г. и 1570 г. повиновение суверену названо «источником всех добродетелей», а «порочная дерзость» — источником всех грехов и несчастий: «Все грехи, какие только можно совершить против Бога и человека, заключены в восстании», которое «переворачивает всякий хороший порядок». Абсолютный долг всех подданных — «повиноваться непременно и безоговорочно», как тело повинуетя душе, а мироздание повинуется Богу.

В резком отличии от схоластов, равно как от кальвинистов и роялистских мыслителей из Католической лиги англиканские проповедники порядка упорно твердили, что подданные обязаны повиноваться королю при всех обстоятельствах, вне зависимости от того, хороши или плохи сам король и его дела. Никакого сопротивления не должно быть. Король — наместник Божий на земле по наследственному праву. Поэтому подвергать сомнению действия короля и тем более не повиноваться ему — это не просто измена, а богохульство. Ослушаться короля значит ослушаться Бога. В знаменитом «Зерцале для магистратов», выдержавшем много изданий с 1559 по 1587 г., сказано: «Всех магистратов назначает Бог», — причем назначает «хороших, если желает вознаградить людей, и плохих, если желает наказать». Иными словами, хорошие короли — это Божье благословение людям, а плохие — Божье наказание. Но в обоих случаях подданные обязаны беспрекословно повиноваться высшим велениям: «А потому всякий восстающий против любого правителя, хорошего или плохого, восстает против Бога, и его ждет ужасный конец».

С точки зрения роялистских мыслителей, набиравшие силу требования индивидуальной свободы и соблюдения природных прав каждого человека приносили только вред и вели к нарушению разумного божественного порядка. Так, ведущий англиканский теолог XVI в. Ричард

Хукер (ок. 1554 — 1600) в своем известном сочинении «Законы церковного устройства» («Laws of Ecclesiastical Polity», 1594—1597) отверг любые притязания индивидуализма. Хотя Хукер и был достаточно умеренным абсолютистом, он считал, что если каждый человек станет «сам себе хозяином, это полностью подорвет строение государственности, приведет к анархии и всеобщему смятению, разорвет семьи, расточит колледжи, разрушит корпорации и армии, низвергнет королевства, церкви и все прочее, что сейчас поддерживается авторитетом и властью по воле божественного провидения».

Одним из самых радикальных абсолютистов эпохи Тюдоров—Стюартов был Эдвард Форсет (ок. 1553 — 1630), драматург, владелец поместья Тайберн, мировой судья и член Парламента. Главный труд Форсета — «Сравнительное рассуждение о структурах природных и политических» («A Comparative Discourse of the Bodies Natural and Politic», 1606); само его название прозрачно намекает на концепцию соответствия и политическую философию порядка. Порой Форсет очень близко подходит к утверждению, что монарх *никогда* не может вредить своему народу: какими бы злыми ни *казались* его деяния, *на самом деле* они по определению непременно являются благами. Как в Книге Иова, деяния короля оправданы самим таинством его власти. Профессор Гринлиф резюмирует концепцию Форсета так: «На вид дурные деяния правителя — это лишь видимость, а подлинная их природа не может быть постигнута слабыми умами подданных»¹. Отсюда со всей определенностью следует, что ум монарха, в отличие от ума подданных, непогрешим.

Вероятно, самым глубоким и, безусловно, самым влиятельным теоретиком-абсолютистом Англии XVII в. был сэр Роберт Филмер (1588—1653). Под конец жизни, в конце 1640-х — начале 1650-х гг., этот малоизвестный дворянин из Кента опубликовал серию абсолютистских эссе. Через три десятилетия труды Филмера обрели второе рождение, и в 1679 г. вышел сборник его эссе, а в следующем году была впервые опубликована написанная в конце 1630-х или в начале 1640-х гг. главная его работа, «Патриарх, или природная власть королей» («Patriarcha or the Natural Power of Kings»). Так Филмер посмертно оказался главным защитником абсолютизма в рамках прежней теории порядка.

Он решительно отверг как «безбожное» представление, согласно которому «по закону природы все люди рождены свободными». Приравнивая индивидуализм и свободу к греховному восстанию против Бога, Филмер предостерегал, что нельзя иметь «само желание свободы, которое побудило Адама отпасть от благодати»².

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что Филмер начал искать критические доводы против концепции общественного договора, которая считала основанием и, следовательно, оправданием государства тот или иной первоначальный общественный договор. Томас Гоббс (1588—1679) провел всю жизнь в качестве наставника, компаньона и консультанта-теоретика при семействе Кавендишей, состоявших

в родстве со Стюартами. В 1640-х гг. Гоббс разработал оправдание королевского абсолютизма, основанное на концепции договора.

Филмер подметил серьезные изъяны в концепции Гоббса, и его вопросы в полной мере относились к либеральной версии этой концепции у Джона Локка, разработанной на четыре десятилетия позже:

Филмер спрашивал, как это возможно... чтобы все люди дали согласие на договор, — а ведь это необходимо, если договор должен стать обывающим по всеобщему признанию. Также он хотел знать, каким образом и почему договор должен быть действителен для последующих поколений, и полагал, что неразумно ссылаться здесь на сомнительное понятие молчаливого согласия³.

Кроме того, Филмер резко критиковал набравшее силу классическое либеральное представление, согласно которому правление основано на согласии подданных. В таких условиях, указывал он, государство не будет устойчивым, поскольку правители порой станут обнаруживать, что согласие отозвано. Если признать за людьми право на добровольное согласие, а также природный закон «равной свободы от подчинения», тогда логическим следствием должна быть анархия. Ведь в таком случае

любая маленькая группа получит право объявить себя королевством. И не только каждый город, но каждая деревня, каждая семья и даже каждый отдельно взятый человек смогут, если захотят, объявить себя своими собственными королями; тогда глупцом будет тот, кто, обладая природной свободой, согласится пойти под власть другого, а не под свою собственную. Таким образом, вместо того чтобы иметь одного короля для всего мира, мы получим свободу, при которой будет столько королей, сколько в мире людей, а это, в сущности, равносильно тому, чтобы вообще не иметь короля, а предоставить людям их природной свободе⁴.

Следует отметить, что Филмер и другие абсолютисты той эпохи вдохновлялись взглядами французского теоретика Жана Бодена; считается, что он был автором, которого наиболее одобрительно и наиболее часто цитировали в Англии в первой половине XVII в.

10.2. СЭР ТОМАС СМИТ: МЕРКАНТИЛИСТ И СТОРОННИК РАЗУМНОЙ ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Честь (если это можно так назвать) быть первым английским меркантилистским автором должна была бы уже четыре столетия принадлежать сэру Томасу Смиту-старшему (1513—1577). Однако его выдающаяся работа «Рассуждение о государственности Английского королевства» («A Discourse on the Commonwealth of this Realm of England»), написан-

ная в 1549 г. и опубликованная без указания имени автора в 1588 г., поначалу так и осталась не атрибутированной, а с ее переиздания в 1893 г. оказалась ошибочно приписана другому деятелю эпохи Тюдоров, Джону Хейлсу (ум. 1571).

Томас Смит происходил из бедной семьи овцеводов в графстве Эссекс. Не имевший денег, но блестяще одаренный, Смит сумел поступить в Кембридж, где его способности быстро получили признание. В Кембридже стал профессором гражданского права, а затем проректором университета. Смит был прекрасным лектором и необычайно эрудитом: он писал книги о греческом произношении и английской орфографии, интересовался математикой, химией, лингвистикой и историей.

Карьеру политика и чиновника Смит начал с должности секретаря при лорде Сомерсете, которую занимал в 1547—1549 гг. Хотя Смит и принадлежал к Англиканской церкви, религия его мало интересовала, и он смог, по рекомендации своего старинного коллеги по Кембриджу католического епископа Стивена Гардинера, стать членом Тайного совета при католичке королеве Марии. При королеве Елизавете он сохранил свое положение благодаря сильной позиции, которую занимал при дворе его бывший студент в Кембридже, сэр Уильям Сесил, впоследствии лорд Барли. Правда, Смит часто выходил из милости, чему виной был его заносчивый, неуживчивый и сварливый характер.

Томас Смит открыто и решительно критиковал порчу монеты, а потому и политику своего начальника, лорда Сомерсета, который постоянно прибегал к этому приему, чтобы получить дополнительные доходы для короны. В 1549 г. Смит был удален от королевского двора; он пустился в раздумья, а затем, что было ему свойственно, систематизировал и изложил свои мысли. Это пронизательное и живое рассуждение написано в форме беседы между несколькими персонажами, один из которых, Доктор, представлял позицию автора. Впоследствии Смит воспроизвел эту форму в книге «Диалог от свадьбе королевы» («Dialogue on the Queen's Marriage», 1561). Эти сочинения не предназначались для публикации. Смит отметил, что «вмешиваться в королевские дела опасно», — и это действительно так и было.

В «Рассуждении о государственности» основной акцент сделан на критике порчи монеты; эта порча приводила к росту цен, инфляции и обществу недовольству. Именно она, а не решения крестьян и торговцев, была причиной повышения цен. Эта политика ставила в проигрышное положение людей с фиксированными доходами. «Рассуждение» было опубликовано после смерти Смита его племянником Уильямом. В это издание вошли все дополнения, сделанные Смитом в 1570-х гг.; в них Смит объясняет инфляцию при Елизавете другим фактором — притоком добытых в западной полушарии драгоценных металлов. Мы не знаем, был ли Смит знаком с другими подобными мнениями — с концепцией Наварро 1556 г. или с анализом причин французской инфляции, который

провел Боден на 12 лет позже, — или же самостоятельно пришел к таким выводам, когда рост цен перекинулся из Испании на север Европы.

К теме порчи монеты Смит вернулся в 1562 г. в пространном (и тоже не опубликованном) сочинении «Жалованье римского пехотинца, или Трактат о деньгах римлян» («The Wages of a Roman Footsoldier, or A Treatise on the Money of the Romans»). Этот трактат о римской монетной системе отвечал на вопрос, который задал Смицу его друг и коллега Сесил, бывший тогда главным секретарем Елизаветы. Смит осудил порчу монеты как свидетельство «упадка государства» и причину «чрезмерно высоких цен».

Как в «Рассуждении», так и в «Трактате» Смит приводит на первый взгляд естественный, но на самом деле ошибочный довод, что больше всех от повышения цен теряет сам король. Поскольку порча денег повышает доходы короля немедленно и еще до того, как цены успевают отреагировать, король, напротив, получает наибольшую выгоду от порчи монеты и от других мер денежной инфляции.

«Рассуждение» Смита выглядит на удивление современно, поскольку прямо основывает социальный анализ на стремлении индивидуума преследовать свои личные интересы. Личный интерес, утверждает Смит, это «естественный факт человеческой жизни; этот интерес нужно не подавлять репрессивным законодательством, а правильно направлять с помощью конструктивной политики». Это не значит, конечно, что Смит отказался от нарождавшегося меркантилизма в пользу какой-либо разновидности либерального мировоззрения или *laissez faire*. Личный интерес не предоставлен сам себе в рамках прав собственности; его следует направлять и обращать на «общую цель», которую ставит государство. Однако Смит, по крайней мере, был достаточно прозорлив, чтобы заметить: если к подобающим целям людей «влекут соображения выгоды», это лучше, чем ситуация, когда государство «отнимает у них эту награду». Иными словами, государство должно работать в тандеме с мощным стимулом, каким является стремление к личной выгоде.

Смит понимал, что на рынке экономические интересы всегда побуждают переводить экономические ресурсы из менее прибыльного дела в более прибыльное. Государство должно не противодействовать, а содействовать этим интересам. Вместе с тем он, несомненно, оставался меркантилистом, о чем свидетельствует его желание расширить производство шерстяных тканей в самой Англии и запретить экспорт шерсти для заграничных производителей тканей.

Джон Хейлс, происходивший из видного кентского рода, был другом и коллегой Смита, но заметно отличался от него по экономическим и социальным воззрениям. Скажем, в 1549 г., в тот самый год, когда Смит написал «Рассуждение» (где, кстати, подверг критике новые налоги на готовые ткани), именно Хейлс выступал за введение налога. Не разделял он и двух увлечений Смита, нашедших отражение в «Рассуждении», — приверженности к гражданскому праву и восхищения овцевод-

ством. Кроме того, Хейлс был человеком религиозным, имел сан диакона и регулярно устраивал коллективные чтения Библии. Самое же главное, Хейлс в отличие от Смита объяснял высокие цены не порчей монеты, а тремя очень разными аспектами предложения: недостатком скота и птицы, спекуляцией и чрезмерно высокими налогами. На самом деле ни один из этих факторов не объяснял общее повышение цен.

Наконец, Хейлс в старомодной моралистической манере приписывал все беды, в том числе и высокие цены, всепроникающей человеческой алчности. (О том, почему жажда наживы должна была столь быстро возрасти в те годы, он, конечно, не задумывался). Алчность и жажда прибыли — вот величайшее общественное зло. Единственное средство против него, считал Хейлс, — это освобождение человека от себялюбия: «Следует устранить себялюбие, присущее столь многим людям, устранить бесконтрольное желание обогащения, которым обременены многие, изгнать и загасить неутолимую жажду безбожной алчности, которой они заражены», и заменить это «болезненное» себялюбие любовью к церкви и государству: «Мы должны знать и помнить, что все мы... являемся лишь членами единого мистического тела Христа-Спасителя и тела королевства».

В сочинении «Защита», написанном в том же году, что и «Рассуждение» Смита, Хейлс решительно не признает, что себялюбие может хоть в каком-то отношении быть основанием общественного блага: «Не следует дозволить, чтобы каждый распорядился своим достоянием, как хочет; каждый должен использовать то, что имеет, на благо своей страны. Нужно найти средство, чтобы погасить неутолимую жажду наживы, искоренить алчность, ибо она губит все хорошее».

Первая в Англии формулировка «закона Грэшема» на самом деле принадлежала сэру Томасу Смиту, а не его коллеге сэру Томасу Грэшему (ок. 1519 — 1579). До недавнего времени считалось, что анонимный «Меморандум для правильного представления об обмене» («Memorandum for the Understanding of the Exchange») был представлен Грэшемом королеве Елизавете в 1559 г., в начале ее правления. Однако выяснилось, что «Меморандум» составил Смит и произошло это в правление королевы Марии, в 1554 г. Смит, безусловно, не был сторонником свободного рынка, поскольку в «Меморандуме» предлагались различные меры государственного регулирования на вексельном рынке. Тем не менее Смит не только осудил порчу монеты и призвал к использованию высокосортных денег, но и сформулировал «закон Грэшема», согласно которому причиной дефицита золотой монеты в Англии была официальная недооценка золота.

Грэшем, фискальный агент Короны в Антверпене, тоже признал «закон Грэшема», сформулированный в 1560 г. королевской комиссией при его активном содействии. Кроме того, Грэшем был убежденным этицистом и автором системы монопольных привилегий, созданной при Тюдорах. Он был участником компании, имевшей монопольное право на экс-

порт шерстяных тканей и приложил все усилия для укрепления этой монополии в 1550—1560-х гг.: ганзейским торговцам было запрещено экспортировать английские ткани, пошлины на заграничные ткани выросли, а сама компания стала более олигархической и жестко контролируемой сверху.

«Меморандум» и закон Грэшема нашли искреннюю поддержку у молодого тогда сэра Ричарда Мартина (1534—1617), ювелира, смотрителя и начальника монетного двора в период всего правления Елизаветы. Выучившийся в молодости на ювелира, Мартин служил также первым смотрителем Почтенной компании ювелиров, много лет был олдерменом Лондона и два раза лордом-мэром. В королевской комиссии по денежному обращению 1576 г., члены которой были лично подобраны сэром Томасом Смитом, занимавшим тогда пост главного секретаря королевы, присутствовали Грэшем, Мартин и Сесил. Сам Смит в нее не вошел из-за болезни. Комиссия руководствовалась законом Грэшема, и ее позицию воспроизвела королевская комиссия 1600 г., в которой Мартин тоже участвовал и составил для нее основные меморандумы.

10.3. «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ» СЭРА ЭДВАРДА КОКА

Принято считать, что знаменитые «антимонопольные» постановления общего права, вынесенные главным судьей сэром Эдвардом Коком (1552—1634), видным юристом того времени, были выражением предполагаемой приверженности, которую питал к экономическому либерализму и *laissez faire* поднимавшийся класс пуританских торговцев. Особенно горячим сторонником этого тезиса является плодовитый английский историк-марксист Кристофер Хилл, поскольку данный тезис хорошо вписывается в марксистскую схему английской гражданской войны.

Выясняется, однако, что в этой концепции много серьезных изъянов. Кок был умеренным членом Англиканской церкви и не слишком интересовался вопросами религии. Он не имел никакого отношения к коммерции и ни в каком смысле не был представителем коммерческих кругов. Кок был состоятельным помещиком из Норфолка, дважды женился на состоятельных наследницах и основную часть своей карьеры провел на постах правительственного юрисконсульта, генерального прокурора и затем главного судьи. Он не проявлял никакого интереса к таким новым юридическим реалиям коммерсантов, как акционерная собственность, страхование банкротства, оборотные документы и коммерческие контракты.

Что еще важнее, Кок не проявлял никакой симпатии к *laissez faire* и в качестве члена Парламента поддержал много меркантилистских мер. Кроме того, от своего коллеги Уильяма Сесила, лорда Барли, он усвоил восхищение сложившейся при Тюдорах развитой системой государст-

венного регулирования. Отношение Кока к международной торговле было чисто меркантилистским. Так, на парламентской сессии 1621 г., после того как Кок рассорился с Короной, он посетовал на экономические последствия предполагаемого дефицита монеты. Он подверг критике неблагоприятный торговый баланс, негативно отозвался о том, что Ост-Индской компании позволено вывозить из Англии драгоценные металлы, и назвал вредным импорт таких развращающих французских предметов роскоши, как «вина, кружево и прочие пустячные вещи». В довершение всего Кок призвал наложить запрет на импорт табака из Испании.

Также Кок всеми силами пытался положить конец новой практике, при которой неотделанные ткани экспортировались в континентальную Европу, а затем импортировались уже в отделанном виде. Он настойчиво призывал запретить импорт иностранных тканей, экспорт неотделанных тканей, а также экспорт необработанной шерсти для использования на иностранных мануфактурах.

В общем и целом сэр Эдвард Кок не имел возражений ни против государственного регулирования и контроля над торговлей, ни против создания монополий; его не устраивало другое: все эти меры принимались королем, а не Парламентом. Кок выступал за детальное регулирование и картелирование производства, за регулирование заработной платы и принудительную занятость, предусмотренные законом о ремесленниках 1563 г. Он поддерживал законы против «скупки товаров с целью вздутия цен», которые, будучи по видимости обращенными против монополий и высоких цен, на самом деле были средствами повышения цен и картелирования, запрещающими спекуляцию на рынке продуктов питания и продажу вне официально утвержденных местных «рынков». Законы против скупки были выгодны привилегированным владельцам местных рынков, которые стремились изгнать конкурентов и повысить у себя цены.

Самое же главное, широко известное отрицательное отношение Кока к монополиям, получающим привилегии от государства, объяснялось просто: Кок хотел, чтобы привилегии давал Парламент, а не король. Так, принятым в 1623 г. известным законом о монополиях, проект которого в основном составил Кок, Парламент отменил предоставление привилегий Короной, но сохранил за собой право предоставлять такие привилегии и вскоре им воспользовался. В законе были оговорены исключения, сделанные для крупных категорий королевских монополий, в том числе для печатного дела, производства пороха и селитры, для права таких «корпораций, как Лондон, запрещать посторонним торговлю в городских пределах, а также для монопольных компаний, занимающихся заграничной торговлей. Кок лично предложил сохранить монопольные привилегии Русской, Виргинской и Ост-Индской компаний.

Юрико-экономическую позицию Кока хорошо выражают слова, произнесенные им в Парламенте в 1621 г.: «Ни один товар нельзя запретить иначе, как по постановлению Парламента»⁵.

10.4. «БУЛЬОНИСТСКИЕ» НАПАДКИ НА ИНОСТРАННУЮ ВАЛЮТУ И ОСТ-ИНДСКУЮ ТОРГОВЛЮ

Пережив нападки невежественных моралистов до Реформации, валютный рынок в гораздо более светскую эпоху конца XVI в. подвергся нападкам регуляторов, действовавших от лица национального государства. Авторы, которых ошибочно окрестили «бульонистами», считали, что отток золота и серебра за границу крайне вреден и что виновниками этой пагубы являются злонамеренные дельцы, занимающиеся иностранной валютой; они намеренно обесценивают национальные деньги, извлекая из этого выгоду. Никому из «бульонистов» не приходило в голову, что отток драгоценных металлов мог выполнять экономическую функцию или был следствием сочетания спроса и предложения. Хотя Томас Смит и Грешем признавали закон Грешема и опасность порчи монеты, их следует отнести к категории «бульонистов». Конечный их вывод был слишком простым: государство должно запретить экспорт драгоценных металлов, жестко регулировать или даже национализировать рынок иностранной валюты.

Дельцы, занимавшиеся иностранной валютой, незамедлительно дали ответ и привели веские аргументы. В 1576 г. в обращении «Протест против государственного регулирования над денежным обменом» («Protest against the State Control of Exchange Business») они заявили, что государственное вмешательство приведет к упадку коммерции. По поводу низкой стоимости английского фунта они ответили: «Мы можем только сказать, что наши обмены совершаются с взаимного согласия коммерсантов, а курс повышается и понижается в соответствии с объемом предложения и спроса».

К числу видных «бульонистов» принадлежал Томас Миллс (ок. 1550—1627). В 1601—1611 гг. он написал несколько трактатов, в которых изложил традиционные аргументы этой партии. Сделки с использованием иностранной валюты, считал он, вредны; с их помощью коммерсанты и банкиры, «алчные люди (чья цель состоит в получении выгоды)», фактически правят вместо королей. Однако Миллс привел и новые соображения. Могущественная Ост-Индская компания была учреждена в 1600 г. для монополизации всей торговли с Дальним Востоком и Индиями. Ост-индская торговля отличалась той особенностью, что европейцы закупали большие объемы тонких тканей и специй, а восточные партнеры мало что брали в Европе кроме золота и серебра. Поэтому европейские страны имели «неблагоприятный баланс торговли» с Дальним Востоком, и индийская торговля быстро стала излюбленной мишенью меркантилистов. Импорт с Востока, указывали они, гораздо меньше ответного экспорта, и драгоценные металлы безвозвратно уплывают на Восток. Поэтому Миллс, приводя «бульонистские» доводы, призвал ограничить или вовсе запретить торговлю с Индиями и осудил деятельность Ост-Индской компании.

Помимо этого Миллс предлагал усилить контроль над компанией Merchant Adventurers, имевшей привилегированную монополию на экспорт шерстяных тканей в Нидерланды. Вместо нее он предпочел бы возродить старую монополию на экспорт необработанной шерсти, Merchant Staple. Более того, эту прежнюю зарегулированную компанию он назвал «первым шагом на небеса». Весьма вероятно, что стремление Миллса регулировать и запрещать зарубежную торговлю и отток драгоценных металлов было связано с его собственной работой в качестве таможенно-го чиновника. Чем жестче контроль, тем больше работы и полномочий у Томаса Миллса.

Задетый за живое, секретарь Компании купцов-авантюристов Джон Уилер (ок. 1553 — 1611) ответил Миллсу в своем «Трактате о коммерции» (1601). По его словам, «упорядоченное соревнование» 3500 купцов, объединенных в привилегированной монополии, несравненно лучше неорганизованной, разрозненной, «беспорядочной и хаотичной торговли» при свободной конкуренции. Уилер прибег к семантической подтасовке, заявив, что «монополия» по определению означает «единственный продавец»; сотни торговцев, объединенные в привилегированной экспортной компании, в конечном итоге могут действовать фактически как одна привилегированная фирма. Эти торговцы, утверждал он, «объединены и связаны друг с другом посредством хорошего управления и благодаря их политическим и коммерческим принципам», — и за ними, не забудем, стояла военная мощь государства. С презрением отвергая идею свободной конкуренции, Уилер самодовольно заметил, что любой купец, теряющий часть свободы, выигрывает «от пребывания в таком состоянии больше, чем в том случае, если бы он остался наедине со своими алчными устремлениями». Когда Джон Кейл в памфлете «Расширение торговли» («The Trades Increase», 1615) возразил, что монополия Компании купцов-авантюристов «несправедливо навсегда оставляет других в стороне», архиепископ Кентерберийский запретил памфлет, а сам Кейл получил тюремный срок⁶.

Позднее, в 1650-х гг., Томас Вайолет по тем же мотивам, что и Миллс, призывал к запрету экспорта драгоценных металлов. Вайолет был профессиональным соглядатаем и информировал власти о нарушениях закона, запрещающего такой экспорт. В сочинении «Истинное открытие для народа Англии» («A True discoverie to the commons of England», 1651), призвав восстановить этот добрый старый закон, он сопроводил призыв восстановить запрет на вывоз драгоценных металлов просьбой вновь быть принятым на службу для выявления нарушителей. А на возможный вопрос: как же быть с тем, что сам он, Вайолет, был обвинен и осужден именно за нарушение этого закона, — у него был готовый саркастический ответ: «Старый браконьер — лучшая охрана для охотничьих угодий».

Самым значительным «бульонистом» начала XVII в. был фламандец Жерар де Малине (ум. 1641). Он родился в Антверпене, происходил

из видного семейства ван Мехелен и сменил фамилию <взяв французский вариант названия города Мехелен — Малине. — *Перев.*>, видимо, в 1580-х гг., когда эмигрировал в Лондон (вероятно, из-за испанских гонений на протестантов в Нидерландах). В переписях тех лет Малине значился иностранцем и членом «голландской» Протестантской церкви, а также «иностраным купцом».

Малине показал себя перекупщиком и неразборчивым в средствах, даже просто нечистоплотным дельцом; он присваивал деньги голландских партнеров, часто оказывался на грани банкротства, а его партнер и тесть, уроженец Антверпена Виллем Вермейден умер в долговой тюрьме. Вместе с тем Малине занимался лингвистикой, обладал обширной эрудицией, серьезно изучал литературу, латинский язык, математику, классическую греческую философию и хорошо знал схоластику.

Малине был членом королевской комиссии 1600 г. по изучению экономических проблем, начал свою «бульонистскую» пропаганду в сочинении «Трактат о язве Англии» («A Treatise on the Canker of England's Commonwealth», 1601) и постоянно публиковал трактаты вплоть до 1620-х гг. Подобно Грэшему и «бульонистам» XVI в., Малине метал громы и молнии в адрес дельцов, занимавшихся обменом иностранных денег, и совершенно безосновательно утверждал, что обменные курсы устанавливаются по сговору между этими дельцами. Он пошел даже дальше предшественников и вместо контроля над обменными операциями предложил учредить государственный «банк», обладающий монополией на все сделки с иностранной валютой.

Наряду с неудачным бизнесом Малине строил карьеру на государственной службе; в разное время он занимал посты главного уполномоченного при королевском монетном дворе и финансового советника Короны. Он принял личное участие в восстановлении строгого контроля над обменными операциями и надеялся лично занять восстановленную должность главного контролера. По его убеждению, «справедливым» был официально установленный обменный курс, и государство должно следить за выполнением этого условия. В раннем трактате «Святой Георгий для Англии в аллегорическом описании» («Saint George for England Allegorically Described», 1601) Малине в духе старой традиции осудил сделки с иностранной валютой как «ростовщичество», выразив надежду, что благодаря строгому контролю это ростовщичество постепенно отомрет.

Выступая за жесткий контроль, Малине, естественно, отрицал, что рынок иностранной валюты способен поддерживать себя в равновесии и сам себя регулировать, а обменные курсы определяются спросом и предложением. Ему принадлежит сомнительная честь создания ложной и вредной концепции «условий торговли». Она утверждает, что сальдо торгового дефицита и экспорт драгоценных металлов не могут саморегулироваться. Более высокий курс иностранной валюты и сравнительная дешевизна национальных денег сами по себе *не будут* (как

можно было бы подумать) поощрять экспорт и сдерживать импорт. Напротив, «неблагоприятные» условия торговли, скажем, для фунта по отношению к иностранной валюте приведут к увеличению импорта и сокращению экспорта, вследствие чего усилится отток драгоценных металлов из страны. Даже если дешевый фунт принесет меньше дохода в иностранной валюте (крайне маловероятный вариант, который гораздо чаще рассматривается в кабинетных теориях, чем встречается на практике), то возникает вопрос: *откуда* англичане потом будут брать иностранные деньги или драгоценные металлы для оплаты дорогих зарубежных товаров? Деньги рано или поздно закончатся, и лишь по одной этой причине должен вступить в действие *тот или иной* рыночный механизм, который ограничит иностранный импорт или экспорт драгоценных металлов.

Иными словами, Малине встал на абсурдную точку зрения, согласно которой драгоценные металлы будут утекать из Англии *вне зависимости от того*, что происходит на рынке иностранной валюты. Они будут утекать при дорогом фунте, поскольку дорогой фунт приведет к снижению экспорта и увеличению импорта (это верно), но *то же самое* произойдет и в противоположной ситуации в силу «условий торговли». Тем самым вина за отток драгоценных металлов была возложена на метафизическую злокозненность валютных дельцов, и проблема решалась только посредством жесткого государственного контроля, включая запрет на экспорт драгоценных металлов. Малине также предлагал контролировать обменный курс посредством официально установленного паритета, что в условиях того времени должно было привести к существенному повышению курса, или к более высокой стоимости фунта стерлингов. Однако Малине, находясь в плену ошибочной концепции условий торговли, не считал, что явная переоценка национальной валюты вызовет отток драгоценных металлов. Сверх того, он приветствовал более высокие внутренние цены, которые, как он полагал, привлекут *больше* драгоценных металлов в страну.

Столь же странным образом Малине правильно подметил инфляционное воздействие притока драгоценных металлов из Нового Света, которое затронуло другие страны Западной Европы раньше, чем Англию, но пришел к выводу, что для Англии это очень плохо. Он не понял, что более низкие цены повышают конкурентоспособность английских товаров, и, напротив, заключил, что сложившиеся «неблагоприятные условия торговли» поставили Англию в плохое конкурентное положение и вызвали постоянный отток драгоценных металлов.

Если принять во внимание это нагромождение очевидных ошибок, становится удивительно, что Малине всегда был на хорошем счету у историков экономической мысли, даже у тех, кто не разделял его общую позицию. Малине ставили в заслугу признание того обстоятельства, что изменение цен прямо зависит от объема денежной массы и в стране, теряющей золото, цены снижаются, а в стране, накапливающей золото,

цены растут. Однако Малине, гораздо больше склонный осуждать воздействие международных цен и обменных курсов, чем объяснять, как они работают, не имел желания делать конечные выводы из своих исходных посылок. Кроме того, если учесть, что эта «количественная теория» была давно известна, в течение многих веков уточнялась и дополнялась испанскими схоластами, Боденом и другими, то достижения Малине следует признать в лучшем случае сомнительными.

10.5. АПОЛОГЕТЫ ОСТ-ИНДСКОЙ ТОРГОВЛИ ДАЮТ ОТПОР

В начале 1620-х гг. Англия переживала глубокую рецессию, и Жерар Малине возобновил свои критические нападки в серии сочинений, повторявших его хорошо известные высказывания и призывавших принять жесткие меры, чтобы найти управу на Компанию купцов-авантюристов и особенно на Ост-Индскую компанию, равно как и на любых торговцев, которые осмеливаются вывозить драгоценные металлы из королевства. Влияние Малине подкреплялось тем, что он состоял в королевской комиссии 1621 г. по денежному обращению.

Факел в защиту купцов-авантюристов подхватил участник этой компании Эдвард Миссельден (ум. 1654). В трактате «Свободная торговля, или Как сделать торговлю процветающей» («Free Trade or the Means to Make Trade Flourish», 1622) — который Миссельден написал после того, как отработал в комитете Тайного совета по расследованию причин упадка торговли — он привел соображения, ускользнувшие от внимания Малине. Миссельден согласился, что драгоценные металлы вывозятся из Англии, — но не из-за махинаций валютных дельцов, а из-за того, что импорт больше экспорта, т.е. из-за того, что потом будут называть «неблагоприятным торговым балансом». Миссельден не считал необходимым регулировать обменный курс; однако он хотел, чтобы государство добилось благоприятного торгового баланса с помощью субсидирования экспорта, ограничения или запрещения импорта и пресечения вывоза драгоценных металлов. Кратко говоря, он призывал принять стандартный набор меркантилистских мер. Как и Уилер поколением раньше, Миссельден утверждал, что его компания отнюдь не монополист, а просто организатор хорошо упорядоченной конкуренции. Кроме того, писал Миссельден, его компания экспортирует ткани в Европу, т.е. действует в полном соответствии с интересами Англии. Настоящее же зло исходит от привилегированной Ост-Индской компании, которая имеет откровенно отрицательный баланс торговли с Индиями и постоянно вывозит драгоценные металлы за границу.

Затем Миссельден вступил в печатную перепалку с Малине, который в том же году ответил памфлетом «Поддержание свободной торговли» («The Maintenance of Free Trade»). (То, что называется «свободной

торговлей» сегодня, ни того ни другого, разумеется, не интересовало.) В 1623 г. Миссельден был назначен главным представителем Компании купцов-авантюристов в Голландии, — возможно, в награду за активную защиту компании в печати. В свою очередь, Ост-Индская компания, видя в Миссельдене умелого пропагандиста и неудобного противника, решила переманить его; в тот же год Миссельден стал членом компании и одним из ее представителей в Голландии. Результат не заставил себя ждать: во втором памфлете, «Круг коммерции» («The Circle of Commerce», 1623), Миссельден продемонстрировал решительную перемену симпатий, и Ост-Индская компания внезапно превратилась из злодея в героя. На сей раз Миссельден вполне справедливо указал, что если Ост-Индская компания и вывозит драгоценные металлы в обмен на восточные товары, она вполне может реэкспортировать эти товары в обмен на драгоценные металлы — что и делает.

Видным апологетом Ост-Индской компании в начале XVII в. был один из ее ведущих директоров сэра Томас Мен (1571—1641). Свою раннюю торговую карьеру Мен начал на средиземноморском поприще; он вел торговлю главным образом с Италией и Ближним Востоком. В 1615 г. он был избран директором Ост-Индской компании и затем « всю жизнь активно отстаивал ее интересы ». Свою апологетическую кампанию он развернул в 1621 г. трактатом «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индиями» («A Discourse of Trade from England unto the East-Indies»). В следующем году Мен и Миссельден вошли в комитет по расследованиям Тайного совета. Второе и главное сочинение Мена, «Обогащение Англии от заграничной торговли, или Баланс заграничной торговли есть правило нашего обогащения» («England's Treasure by Forraign Trade, or the Balance of Forraign Trade is the Rule of our Treasure»), содержит более широкий взгляд на экономику; оно было написано примерно в 1630 г. и опубликовано после смерти Мена его сыном Джоном в 1664 г. Публикацию лично одобрил Генри Беннетт, государственный секретарь в правительстве Реставрации и архитектор английской меркантилистской политики против голландцев. Книга пользовалась большой популярностью и выдержала несколько изданий, последнее в 1986 г.

Томас Мен изложил ряд стандартных меркантилистских аргументов. Деятельность Ост-Индской компании, считал он, не представляет собой ничего вредного. Компания закупает на Востоке ценные лекарственные вещества, пряности, красители, ткани и перепродает большинство этих товаров другим странам; суммарно она ввезла больше драгоценных металлов, чем вывезла. В любом случае английская политика должна быть сосредоточена не на торговле конкретной компании и не на торговле с определенной страной, а на общем торговом балансе. Нужно добиться, чтобы страна экспортировала больше, чем покупает за границей, и тем самым увеличить богатство нации. В начале «Обогащения Англии» Мен лаконично формулирует главную задачу: «Простое средство увеличения нашего богатства и достояния — заграничная торговля, в кото-

рой мы должны всегда соблюдать следующее правило: ежегодно продавать иностранцам больше в стоимостном выражении, чем мы покупаем у них». Для решения этой задачи Мен предлагал ввести законы, регулирующие или запрещающие потребление предметов роскоши иностранного происхождения, протекционистские пошлины, субсидии и предписания на потребление отечественных товаров. Вместе с тем он выступал против прямого ограничения вывоза драгоценных металлов применительно к таким компаниям, как Ост-Индская.

Мен был достаточно разумен, чтобы отвергнуть заблуждения Малине и Миссельдена. Возражая Малине, он указал, что колебания обменного курса вызываются не махинациями банкиров и дельцов, а валютным спросом и предложением: «То, что понижает или повышает стоимость денег при обмене, — это их изобилие или недостаток». Миссельден выступал за порчу монеты, видя в ней средство повышения уровня цен. Такое повышение, утверждал он, предвосхищая Кейнса, «будет с избытком компенсировано изобилием денег, ускорением торговли, и это почувствуют все». Как один из руководителей Компании купцов-авантюристов, Миссельден, несомненно, был крайне заинтересован в активизации экспорта за счет удешевления денег. Однако Мен отверг этот способ по двум причинам: во-первых, такое удешевление спутает все расчеты вследствие изменения меры стоимости, а во-вторых, приведет ко всеобщему росту цен: «Если обычная мера изменится, то в той же пропорции изменится стоимость наших земель, аренды и товаров, как заграничных, так и отечественных».

К наращиванию экспорта Мен тоже призывал не потому, что вдохновлялся идеей накопления драгоценных металлов в Англии. Будучи сторонником количественной теории денег, он понимал, что их накопление просто приведет к росту цен, которое не только ничего не принесет, но и вредно скажется на экспорте. Мен хотел аккумулировать драгоценные металлы не ради них самих, не ради подъема внутренних цен, а ради «интенсификации торговли», ради расширения заграничной торговли. Ее расширение было, по всей вероятности, самоцелью Томаса Мена, и такая постановка вопроса представляется вполне естественной для руководителя великой Ост-Индской компании.

С точки зрения Мена, как и с точки зрения Монтеня, заграничная торговля увеличивала национальную мощь, а также влияние английских торговцев за счет других стран. Англия и ее жители набирали силу за счет иностранцев. По лаконичной формулировке Мена, в торговле «потребность одного человека становится возможностью для другого», а «убыток одного человека — это прибыль другого». Предвосхищая несколько странным образом взгляды Кейнса, который считал внутренний национальный долг несущественным, поскольку «мы должны только самим себе», Мен и его единомышленники-меркантилисты считали внутреннюю торговлю несущественной, поскольку мы лишь перераспределяем богатство между собой. Поэтому экспортное сальдо в загра-

ничной торговле приобретает первостепенную важность, а занятие экспортными операциями становится самой продуктивной деятельностью в экономике.

Мен не принадлежал к числу примитивных инфляционистов. Об этом свидетельствует его справедливое резко отрицательное отношение к традиционным советованиям меркантилистов, считавших, что бизнес страдает от «нехватки денег». (Из этой посылки неизменно выводилось заключение, что правительство просто обязано принять самые срочные меры по наращиванию денежной массы.) В «Рассуждении о торговле» Мен дает находчивый ответ:

Что касается этой беды, т.е. нехватки серебра, я думаю, от нее страдают и сейчас страдают все страны, и так будет до самого конца света, ибо и бедные, и богатые жалуются, что никогда не имели денег в достатке. А у нас, как нам кажется, эта болезнь стала настолько опасной, что требует незамедлительного исцеления. Я же полагаю, что больными нас делает только наше воображение, поскольку все наши члены здоровы и сильны...

Томаса Мена, вероятно, можно считать самым видным и искушенным среди английских меркантилистов начала XVII в. Однако, как замечает Шумпетер, все они были памфлетистами, которых исследование экономики само по себе не очень интересовало, были лоббистами, а не учеными⁷.

Однако, пожалуй, лучшим экономическим аналитиком всего этого периода был Райс Вон, чье «Рассуждение о монетах и монетной системе» («A Discourse of Coin and Coinage»), написанное в середине 1620-х гг., было опубликовано лишь в 1675 г. В первую очередь Вон отметил, что исчезновение серебра в тот период было результатом действия, как мы сейчас сказали бы, «закона Грэшема», установленной английским правительством заниженной оценки серебра по отношению к золоту. Поскольку в большинстве сделок для расчетов использовалось не золото, а серебро, заниженная оценка вызвала определенный дефляционный эффект. Продолжая свое рассуждение, Вон указал, что превышение экспорта над импортом не даст желаемого результата, т.е. не привлечет драгоценные металлы в королевство, если стоимость золотого или серебряного фунта в Англии низка в пересчете на покупательную способность. Ведь тогда вместо металлов будут импортироваться товары, и преобладание экспорта исчезнет⁸. Вон был достаточно внимателен, чтобы понять: когда изменяется ценность денег, это отражается не на всех ценах, и, скажем, изменение внутренних цен обычно отстает от порчи монеты или девальвации денежной единицы.

Самое же главное, Райс Вон вернулся к схоластической континентальной традиции, считавшей субъективную полезность и редкость главными детерминантами ценности и цены товаров. Вон лаконично отметил, что ценность товара зависит от его субъективной полезности и,

соответственно, от спроса потребителей («польза и удовлетворение или представление о них — вот настоящие причины того, что все вещи имеют свою ценность и цену»), тогда как фактическая цена определяется сочетанием субъективной полезности и относительной редкости товара («соотношение этой ценности и цены целиком и полностью зависит от редкости и изобилия»)⁹.

10.6. ПРОРОК «ЭМПИРИЗМА»: СЭР ФРЭНСИС БЭКОН

Статус и репутация сэра Фрэнсиса Бэкона (1561—1626) — одна из больших загадок в истории общественной мысли. Бэкона единодушно восхваляют как величайшего мыслителя того времени. «Энциклопедия», манифест французского Просвещения, превознесла Бэкона как «величайшего, самого универсального и самого красноречивого из всех философов». Но действительно ли Бэкон добился таких результатов, которые могли бы оправдать эти пышные комплименты?

Этот государственный деятель и плодовитый автор в серии работ, написанных в 1600—1620-х гг., сформулировал с великим шумом и саморекламой ряд нормативных представлений о *единственном* правильном методе научного исследования мира как в общественных, так и в естественных науках. Он выступил с многочисленными призывами заняться детальным фактическим изучением всей жизни, всего мира и всей человеческой истории. Фрэнсис Бэкон был пророком примитивного и наивного эмпиризма, гуру фактологии. Смотрите на «факты», на «все факты», смотрите достаточно долго, говорил он, и из монументальной горы данных возникнет, подобно фениксу, самостоятельное и самодостаточное знание, в том числе знание теоретическое.

Хотя Бэкон красноречиво рассуждал о детальном изучении всех фактов человеческого знания, сам он никогда не пробовал заняться этой гигантской задачей. По сути дела, он был метаэмпириком, главным наставником и пропагандистом собирания фактов, который побуждал *других* накапливать факты и отвергал любой другой метод познания. Он заявлял, что изобрел новую логику, единственно правильную форму познания материального мира, «индукцию»; с ее помощью из огромной массы деталей сформируются общие истины.

Такого рода «достижение» в лучшем случае сомнительно. Во-первых, это только пролегомены к познанию, но не само знание; во-вторых, и это самое главное, метод Бэкона не имеет ничего общего с тем, как на самом деле работала и работает наука. Ни одна научная истина не появлялась на свет в результате всегда неполного накопления фактов. Ученый должен сначала сформулировать гипотезу, т.е. еще до начала сбора и сопоставления фактов должен хорошо представлять, что он будет искать и почему. Концепция Бэкона порой склоняет ученых, занимающихся об-

ществственными науками, к мысли, что их знание является «чисто фактическим», беспредпосылочным и потому «научным», хотя на самом деле это означает лишь одно: предпосылки и предположения остаются вне поля зрения этих людей.

Загадка в том, почему сомнительное достижение сэра Фрэнсиса Бэкона снискало ему такую славу. Одна из причин в том, что ему удалось почувствовать дух времени: по своим представлениям он оказался нужным человеком в нужный момент. Бэкон появился через два столетия после того, как схоластика была взята на мушку и теперь созрела для решительного нападения на нее. Вторя многим мыслителям предшествующих поколений, но более откровенно и решительно, Бэкон разделил все знание на две области, божественную и природную. Знание о сверхъестественном и духовном дается людям посредством божественного откровения, и это все, что можно сказать. А знание о материальных объектах, о человеке и окружающем мире совершенно эмпирично, индуктивно и достигается с помощью чувственного опыта. Ни в том ни в другом случае не остается места для человеческого разума, этого великого средства познания, которому возносила хвалу классическая философия начиная с древних греков и вплоть до схоластов. Знание духовного и божественного имеет чисто фидеистический характер и является продуктом веры в божественное откровение. Земное знание чисто чувственно, эмпирично, и здесь для разума тоже не предусмотрено места.

В этике и политической философии Бэкон тоже не находил применения классической концепции, согласно которой человеческий разум доставляет знание этических норм в результате исследования природного закона. Этическое знание чисто относительно, оно представляет собой гипотетическую совокупность нерассортированных исторических данных. А если рациональное познание этических норм и природного закона невозможно, то нет и никаких природных прав, которые могли бы ограничить власть и действия государства. Как ни удивительно, Бэкон извлек из этих рассуждений вполне положительный вывод, заявив, что необозримая масса фактов — это не только единственный путь к знанию, но и единственное средство, позволяющее человеку найти этику, которая улучшит его жизнь. Конечная цель всего этого собирания фактов была утилитарной. Правда, каким образом Бэкон рассчитывал извлечь действительные этические законы из своего сугубого эмпиризма, он так и не объяснил.

Впрочем, недавние исследования выявили ряд пробелов в методологической позиции Бэкона. Оказывается, хваленый «эмпиризм» Бэкона во многом был не наукой как таковой, а псевдоэмпирическим мистическим суеверием, которое различные авторы эпохи Возрождения на скорую руку извлекали из «древней мудрости». Ренессансный мистицизм представлял собой псевдонауку, сочетающую оккультные магические традиции герметической литературы с христианизированной версией иудейской каббалы. Утопия Бэкона «Новая Атлантида» была опубли-

кована в 1627 г., через год после его смерти. В духе ренессансной мистической традиции Бэкон изобразил утопическое государство, где правят просвещенные деспоты, а все жители довольны и счастливы. Счастье было достигнуто потому, что грехопадение Адама, вопреки нормативной христианской интерпретации, состояло не в попытке овладеть знанием и в каком-то смысле обрести божественность. Напротив, согласно мистической герметической доктрине грехопадение Адама возвратило его к древней мудрости, которая могла быть ему открыта. Таким образом, людей можно осчастливить, поскольку мудрые правители, обладающие этим божественным знанием, поведут человека к совершенству и счастью и раскроют его подлинную богоподобную природу. Символы, которые Бэкон обильно использует в своей утопии, «роза» и «розовый» крест, свидетельствуют о его близости к недавно основанному мистическому ордену розенкрейцеров, которые добавляли к древней мудрости псевдонауку алхимию, обожествлявшую человека участием в творении мироздания¹⁰.

Дерзкая претензия Бэкона на звание пророка единственного подлинно научного метода вызывает только насмешку, когда мы узнаем, что его представление о науке близко напоминало взгляды увлекавшихся магией оккультистов из ордена розенкрейцеров. А поскольку оккультное ренессансное «знание» определено было частью нового духа эпохи, а впоследствии даже частью якобы «рационального» Просвещения, Фрэнсис Бэкон уловил дух той эпохи гораздо точнее, чем готовы признать его нынешние почитатели.

Дух эпохи нашел выражение у Бэкона и еще в одном отношении. Простодушное превознесение абсолютной власти и величия английского короля больше не было таким само собой разумеющимся, как это казалось англиканским теоретикам XVI в. и даже современным Бэкону абсолютистам начала XVII в. Наивные доводы «по соответствию», аналогии с владычеством Бога, с головой человеческого тела и с королем как главой великого политического тела уже не воспринимались как самоочевидная истина. Новые географические открытия, колонизация и экономическое освоение европейскими странами других частей света все больше подрывали старое убеждение в том, что любая перемена, совершаемая людьми, портит установленный Богом статический порядок природы. Представление, согласно которому каждый человек и каждая группа встроены в установленный Богом фиксированный порядок, опровергалось возраставшей мобильностью, социальным и экономическим прогрессом западного мира. Поэтому старое смешение материального и божественного в пьянящую субстанцию безоговорочного абсолютизма больше не вызывало инстинктивного уважения. Возникла необходимость подыскать для государства и монарха запасную позицию, больше отвечающую новому представлению о «науке» и научном прогрессе.

«Научный реализм» сэра Фрэнсиса Бэкона прекрасно подходил для новой задачи. Представление о короле как о полубожестве или полно-

мочном наместнике Божьем больше не годилось. На службе у государства Бэкон проявил себя как тот «реалистичный знаток политики», которого пропагандировал Макиавелли. Более того, Бэкон сознательно следовал рекомендациям Макиавелли. Своего государя он призывал совершать великие деяния, стремиться к славе. В частности, он советовал королю создавать империю, расширять владения, присоединять заморские территории. Если говорить о внутренней политике, Бэкона можно назвать умеренным абсолютистом. Король правит полновластно, но в рамках древней исторической конституции и должен соблюдать закон, а королевские указы должны как минимум обсуждаться в судах и в Парламенте.

Бэкон пошел дальше большинства апологетов империи и заявил, что король должен расширять и сохранять «границы империи: это его высшая моральная обязанность. В призыве к завоеваниям Бэкон превзошел даже Макиавелли, который предостерегал против чрезмерно поспешных действий. Дабы быть готовым к священной задаче расширения империи, английский народ должен готовиться к войне, в особенности совершенствовать военно-морское дело, демонстрировать храбрость, быть «отважным и воинственным».

Это подводит нас к последней по порядку, но не по значению, причине огромного влияния Бэкона, сильно превышавшего его реальные заслуги. Сэр Фрэнсис Бэкон, барон Веруламский, виконт Сент-Альбанский, был одним из ведущих политиков и членов властной элиты Великобритании. Он был младшим сыном сэра Николаса Бэкона (1509—1579), близкого друга и двоюродного брата сэра Уильяма Сесила, лорда Барли, первого советника королевы Елизаветы. Поэтому Николас Бэкон стал членом Тайного совета, лордом-канцлером и лордом-хранителем Большой печати.

Итак, Фрэнсис Бэкон родился под счастливой звездой. Еще молодым адвокатом он стал членом Парламента, а в 1591 г. был назначен личным советником фаворита королевы графа Эссекса. А когда Эссекс начал выходить из милости, неизменно бдительный Бэкон тут же уловил новые веяния, выступил против прежнего патрона, возглавив обвинительный процесс, который привел к казни Эссекса. Бэкон хотел объяснить свое постыдное поведение и получил у королевы разрешение написать документ, ставший официальным публичным осуждением Эссекса. Чтобы заглушить голоса критиков, он впоследствии написал «Апологию» — оправдание своей предательской роли в деле Эссекса.

Однако несмотря на все оправдания Бэкона, королева по понятным причинам не питала к нему доверия, и повышения он не получил. Однако при новом короле Якове I Бэкон наверстал упущенное при поддержке своего кузена Томаса Сесила, второго лорда Барли. В 1608 г. он стал юрисконсультom короля, а затем генеральным прокурором. В 1617 г. он, как ранее его отец, получил пост лорда-хранителя Большой печати, а на следующий год стал лордом-канцлером.

Однако после трех лет пребывания на высшем государственном посту сэр Фрэнсис Бэкон потерпел фиаско. Обвинения в систематическом взяточничестве подтвердились, Бэкон признал вину, вернулся к частной жизни и продолжил публиковать свои труды. Весьма показательно, что, сознавшись во взяточничестве, он тем не менее утверждал, что взятки никогда не влияли на его решения и что его «намерения» всегда оставались «чистыми». Однако если судить Бэкона по его собственным эмпирическим меркам, то позволительно усомниться в столь «метафизических» заявлениях.

Вклад Бэкона в собственно экономическую теорию был невелик; его мнения достаточно заурядны и редко фигурируют в современной научной литературе. По вопросу торгового баланса он придерживался стандартных, в общем и целом меркантилистских взглядов. Так, в сочинении «Совет сэру Джорджу Вилльерсу», которое было написано в 1616 г., но опубликовано лишь в 1661 г., Бэкон одобрил экспортную «торговлю товарами, которые англичане доставляют в иностранные порты». Главная задача торговли — добиться того, чтобы «экспорт в стоимостном выражении был больше импорта; тогда торговый баланс непременно будет положительным благодаря притоку монеты или слитков». По старинному вопросу ростовщичества Бэкон занимал на удивление реакционную и моралистическую позицию, призывая к запрету ростовщичества по моральным и религиозным соображениям. Он утверждал (и это более любопытно), что разрешение брать высокий процент вредно сказывается на полезных сельскохозяйственных новшествах и поощряет более рискованные (и, вероятно, менее полезные) проекты. Это свидетельствует о том, что призывы пресечь ростовщичество исходили от крупных инвесторов, которым мешала конкуренция со стороны заемщиков, рассчитывавших получить быструю наживу и готовых платить более высокий процент. В том же ключе Бэкон осуждал само взимание процента, поскольку это занятие отрывает людей от назначенных им полезных дел и доставляет им доход, который они на самом деле «не заработали».

10.7. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ БЭКОНА: СЭР УИЛЬЯМ ПЕТТИ И «ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА»

Поскольку воззрения Бэкона полностью отвечали духу эпохи, неудивительно, что у него появились увлеченные последователи. Одним из не слишком очевидных был Томас Гоббс, философский апологет монархического абсолютизма; накануне гражданской войны он разрабатывал «современную» защиту деспотизма, которая не опиралась ни на отжившую свою теорию порядка соответствия, ни на версию природного закона, предложенную Гроцием и признанную друзьями Гоббса из кружка Тью. В консервативной версии Гроция теория согласия утверждала, что

суверенное право изначально принадлежало народу, но в какой-то неизвестный момент далекого прошлого люди передали его правителю. Эту защиту монархического абсолютизма и проповедовал в Англии кружок Тью. Единственное отличие позиции Гоббса состояло в том, что каждый индивидуум в конечном счете имеет «право на самосохранение» и, соответственно, вправе не повиноваться таким приказам короля, которые равносильны убийству данного индивидуума¹¹. Вместе с тем Гоббс (и это более важно) отказался от схоластической методологии природного закона в пользу «современной» механистической, сциентистской методологии, больше соответствовавшей воззрениям Фрэнсиса Бэкона. Такой уклон не удивителен, если учесть, что Гоббс учился у Бэкона и служил у него секретарем. Кроме того, впоследствии Гоббс долгое время состоял на службе у роялистского семейства Кавендишей и учил математике будущего короля Карла II.

Ведущим бэконianцем в политической экономии, а также первопродцом в области статистики и так называемой науки «политической арифметики» был прожженный оппортунист и авантюрист сэр Уильям Петти (1623—1687). Он родился в семье бедного суконщика в графстве Хэмпшир, учил латынь в сельской школе и в возрасте 13 лет нанялся юнгой на корабль. Из-за перелома ноги он был высажен во Франции и поступил в иезуитский колледж в Кане благодаря тому, что написал прошение о зачислении по-латыни; там он получил прекрасное образование в области языкознания и математики. На жизнь Петти зарабатывал репетиторством и перепродажей ювелирных изделий. Затем он отправился в Голландию изучать медицину, где подружился с д-ром Джоном Пеллом, профессором математики в Амстердаме. Когда Петти собрался в Париж для изучения анатомии, Пелл дал ему рекомендательное письмо к Томасу Гоббсу. Вскоре Петти стал секретарем и научным ассистентом Гоббса и усвоил от него эмпирические, механистические и абсолютистские взгляды. С помощью Гоббса он вошел в круг просвещенных людей, ученых и философов. Нужно помнить, что в то время наука не имела такой узкой профессиональной специализации, как в XX в., и новые научные открытия часто совершались в дисциплинах, в которых ученые имели любительские философские интересы. По рекомендации Гоббса Петти вошел в парижский кружок преподобного Марена Мерсенна, участниками которого были такие ученые, как Ферма и Гассенди, а также философы-математики Паскаль и Декарт.

После Парижа Петти в 1646 г. вернулся в Англию, где продолжил занятия медициной в Оксфорде. Он вновь имел от профессора Пела рекомендации, позволявшие открывать заветные двери, и заручился поддержкой человека, которого называли «мастером церемоний нового обучения». Это был Самуил Хартлиб (1599—1670), пруссак, эмигрировавший в Англию из Польши и отлученный от Католической церкви; его отец состоял «поставщиком двора» короля Польши. Пелл был самым первым учеником Хартлиба и начал свою карьеру с должности учителя

в школе, которую содержал состоятельный и имевший обширные связи Хартлиб. При поддержке Хартлиба карьера Петти в Оксфорде продвигалась с невиданной быстротой. Он был приглашен в кружок математиков, ученых и врачей, которые собрались в Оксфорде, чтобы пересидеть гражданскую войну и заниматься политически не ангажированной, над-религиозной наукой в духе Бэкона. Эта группа, называвшая себя «незримым колледжем», не только тепло приняла Петти, но даже регулярно собиралась у него на квартире, которая, будучи расположена в доме аптекаря, хорошо подходила для научных и алхимических экспериментов с лекарственными веществами. Едва успел Петти стать преподавателем Брэйвэнз-колледжа в Оксфорде, как был назначен проректором, и едва он успел приобрести медицинские познания, как получил звание профессора анатомии. Наконец, в 1651 г. Хартлиб добыл для своего друга и протезе должность профессора музыки в лондонском Грэшем-колледже, новом учебном заведении со специализацией на экспериментальных и механических дисциплинах; там Петти преподавал прикладную математику музыки. В возрасте всего лишь 28 лет Уильям Петти вознесся на вершину академической профессии. Быстроте его продвижения, несомненно, способствовало то обстоятельство, что новый республиканский режим увольнял профессоров с откровенно роялистскими убеждениями, а «незримый колледж» последователей Бэкона сумел продержаться под флагом науки, свободной от оценочных суждений.

В помощь бэконовской программе Хартлиб писал объемистые введения по истории различных отраслей, особенно сельского хозяйства. Сам он был другом и учеником Яна Амоса Коменского (1592—1670), чешского мистика-милленариста, теолога и педагога-теоретика. Коменский, епископ пиетистской гуситской Моравской церкви, отлученный от Католической церкви, был приглашен шведским правительством для организации школьного образования. Он пошел дальше Бэкона, разработав новую герметическую религиозную систему, пансофизм, которая претендовала на объединение всех наук на мистическом пути к знанию. Хартлиб поддержал эту гностическую теорию и, в свою очередь, вторя Бэкону, сочинил свою собственную утопию, которую назвал «Макария» (1641).

Хартлиб и Коменский были излюбленными философами и теоретиками пуританского мелкопоместного дворянства, партии Пимов и Кромвеллей. Летом 1641 г., когда пуритане сочли, что уже добились своего, Парламент пригласил Коменского в Англию, а осенью того же года Хартлиб опубликовал «Макарию», описание утопического государства всеобщего благоденствия, в которое он хотел превратить Англию. По прибытии в Англию Коменский составил свои собственные планы пансофической «реформы», т.е. преобразования английской образовательной системы, во главе которой должен был стоять «пансофический колледж». Он заявил, что «последняя мировая эпоха уже не за горами, уже близок триумф Христа и его церкви... Это эпоха Просвещения, которая наполнит землю знанием о Боге так же, как воды наполняют море»¹².

Возобновление гражданской войны положило конец планам мирных социальных и педагогических преобразований, и в 1642 г. Коменский вернулся на континент. Но Хартлиб и другие остались и продолжали свое дело под покровительством пуритан; во время Протектората Кромвеля последователи Бэкона процветали, а Пелла и других учеников Хартлиба Кромвель использовал как посланников в протестантских странах Европы.

Одним из любимых продолжавшихся проектов Хартлиба было создание новых колледжей и институтов для продвижения новой науки. В числе перспективных спонсоров был состоятельный аристократ и младший коллега, выдающийся физик Роберт Бойль (1627—1691). В одном случае Хартлиб попытался убедить Бойля профинансировать работу Уильяма Петти по написанию «истории всех профессий». Со своей стороны, Петти в своей первой опубликованной работе, написанной в возрасте 25 лет, убеждал Хартлиба дать деньги на новый колледж. По замыслу Петти это учебное заведение с продвинутым «реальным обучением» будет «медицинской гимназией или колледжем по изучению профессиональных занятий» и, писал Петти, предоставит «наилучшие, самые действенные возможности и средства для написания истории профессий со всей точностью и аккуратностью»¹³. Ни один из этих двух проектов так и не состоялся.

Однако едва достигнув академических вершин, в 1651 г. Уильям Петти раз и навсегда покинул университетский мир. В самый разгар предпринятого Кромвелем опустошительного покорения Ирландии Петти обнаружил возможность сколотить состояние и немедленно ею воспользовался. Участник оксфордского «незримого колледжа» Джонатан Годдард стал главным медиком армии Кромвеля в Ирландии, а через два года вернулся, чтобы занять престижную должность смотрителя Мертон-колледжа. Петти же отправился на место Годдарда в Ирландию и понял, что имеет прекрасный шанс обогатиться. Кромвель провел конфискацию местных земельных угодий и решил раздать эти земли в качестве жалованья солдатам и платы финансистам, которые субсидировали его военную экспедицию. Чтобы разделить земли на участки, сначала нужно было провести перепись и межевание. Эту задачу Кромвель возложил на главного землемера Бенджамина Уорсли, друга Петти и Хартлиба; Уорсли написал ряд энергичных памфлетов, которые способствовали принятию Навигационного акта, закона о мореплавании 1652 г. (эта меркантилистская мера предусматривала привилегированное положение для английских судов). Петти без колебаний пожертвовал старой дружбой. Прибыв в Ирландию осенью 1652 г. и оценив ситуацию, он развернул пропагандистскую кампанию, обвинявшую Уорсли в медлительности, и пообещал выполнить всю работу за 13 месяцев. Несмотря на яростные протесты Уорсли, в феврале 1653 г. Петти получил необходимые полномочия и действительно выполнил все в обещанный срок.

Заработав на этом хорошие деньги, Петти занялся приобретением конфискованных ирландских земель; он либо платил за них налич-

ными, либо выкупал ордера на землю у нуждавшихся английских солдат. К 1660 г. Петти владел поместьями общей площадью 100 тыс. акров, что делало его одним из самых крупных землевладельцев в Ирландии. Окончательный размер его владений был гораздо больше: на момент смерти в 1687 г. Петти имел 270 тыс. акров в одной только южной части графства Керри. В конце 1650-х гг. Петти вернулся в Лондон, некоторое время участвовал в работе Парламента и возобновил свои связи в ученых кругах.

Обосновавшись в Англии, Петти примкнул к кружку приверженцев Бэкона и Хартлиба, которым руководил другой немецкий эмигрант, Теодор Хаак, организационный секретарь английского общества учеников Коменского. В него входили, среди прочих, д-р Джонатан Годдард, ставший личным врачом Кромвеля, и знаменитый архитектор Кристофер Рен, чьей первой архитектурной работой было напминавшее улей просторное трехэтажное здание, построенное по заказу Хартлиба. Кружок обычно собирался в доме двоюродного брата Кромвеля, Джона Уилкинса, которого лорд-протектор назначил ректором Оксфордского университета.

Хотя последователи Бэкона прекрасно чувствовали себя при Кромвеле, нужно понимать, что они никогда не были приверженцами какой-либо определенной формы правления. Подобно самому Бэкону, они могли бы столь же прекрасно чувствовать себя и при абсолютной монархии. Монархия, республика, Парламент, Корона, церковь — все перечисленные формы правления и власти были равно приемлемы для этих предполагаемых лидеров нации, людей «научного склада», избегавших «оценочных суждений». Пока режим оставался в достаточной мере эта-тистским и, по крайней мере номинально, протестантским, государственное устройство открывало достаточный простор для мечтаний о власти и «науке», которым предавались эти идейные последователи Бэкона и люди дела.

Поэтому неудивительно, что Петти и его коллеги, неизменно находившие для себя возможности при любом режиме, вполне сносно устроились и после того, как в 1660 г. была восстановлена монархия Стюартов¹⁴. Сам же Петти встретил хороший прием при дворе Карла II: король возвел его в рыцари, а в 1662 г. надежды Петти и его сподвижников достигли зенита, когда Петти вошел в число членов-основателей Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе. Королевское общество было создано специально под бэконовский проект эмпирических наблюдений и экспериментов, в первую очередь для исследования природного мира и технологии, а затем и человеческого социума¹⁵. До конца жизни Петти оставался активным членом Королевского общества и внес значительный вклад в изучение истории профессий и технологии. Собственное изобретение, «политическую арифметику», или статистику, он рассматривал как приложение эмпирической бэконовской программы к социальному миру.

В соответствии с нацеленностью Петти на «эмпирическую» науку каждое очередное исследование было призвано улучшать его экономический или политический статус. Крупная работа «Трактат о налогах и сборах» вышла в свет в 1662 г. и при жизни Петти выдержала три переиздания. Петти, однако, был разочарован, поскольку книга не принесла ему высоких должностей и политического влияния. Последующие работы, не публиковавшиеся при жизни Петти, увидели свет лишь в 1690 г. и позже. По словам авторитетного историка, они сочинялись «не для публикации, а для распространения в коридорах власти или ради приобретения влияния и должностей, — чего ему так и не удалось добиться»¹⁶. И хотя дочь Петти в замужестве положила начало аристократическим фамилиям Шелбернов и Лэндсдоунов, это было для него малым утешением. Приобретенные правдами и неправдами ирландские земли доставляли много хлопот: половину времени Петти приходилось проводить в Ирландии, где он судился с роялистскими истцами и охранял свои владения от «бандитов», утверждавших, что он незаконно захватил их земли.

Считая себя ученым-экспериментатором, Петти объявил о сделанных им нескольких важных изобретениях; однако впоследствии применение нашло лишь одно из них — корабельный корпус типа катамаран. Петти потратил много денег на постройку пробных вариантов такого корабля, но все они страдали одним дефектом: хотя их скорость была высока, «в шторм они неизменно разрушались»; по поводу этого дефекта, как передают, «Карл II испытывал немалое злорадство»¹⁷.

Что же мешало сэру Уильяму Петти — при всех его талантах, при умении использовать подвернувшуюся возможность и при наличии влиятельных друзей — продвигаться выше, что не давало ему приобрести видное положение и сильную позицию при дворе, что побуждало самого английского короля «злорадно» воспринимать его неудачи? Если не считать интриги против Бенджамина Уорсли, главная проблема состояла в том, что Петти часто опускался до вызывающе-бестактного поведения: на приемах он корчил из себя аристократа и мог нелестно отозваться о королевской политике в том самом памфлете, который писал, чтобы снискать королевское расположение. Не будучи джентльменом по рождению, сэр Уильям Петти не должен был позволять себе неджентльменские манеры по отношению к тем, кто выше него.

Когда Петти готовил к публикации «Трактат о налогах», он, продолжая намеченную Бэконом программу истории профессий, представил Королевскому обществу ряд материалов по истории окраски тканей и морских перевозок. Вторая крупная работа, «Политическая арифметика», была написана в 1670-е гг. и посмертно опубликована в 1690 г. Петти поставил себе задачу доказать, что Англия, вопреки распространенному мнению, не только не переживала экономический упадок, но, напротив, была богата, как никогда. Петти заявил, что будет избегать «голословных» утверждений и «умозрительных доводов» и ограничится

одними лишь «доводами чувств», т.е. доводами, основанными на чувственно воспринимаемых фактах природы, которые можно свести к «числу, весу и мере» (этот свой девиз он повторял при каждом удобном случае). Так, в конце эссе об алгебре он высокопарно заявил, что наконец-то сумел приложить алгебру «не к чистой математике, а к иной области, а именно к политике под именем “политическая арифметика”, и сделано это посредством сведения многочисленных материальных свойств к числу, весу и мере, дабы ими можно было оперировать математически»¹⁸.

На самом деле у Петти практически нет математики, а есть статистические данные, произвольно собранные и скомпонованные; в тексте присутствуют многочисленные скрытые допущения, позволяющие прийти к заранее намеченным идеологическим выводам. В своем губоком исследовании Уильям Летвин дает Петти такую оценку:

С цифрами Петти всегда обращался бесцеремонно. Факты, каковы бы они ни были, всегда служили удобным подтверждением его выводов. Или, скорее, для этой роли использовались фактические утверждения в формулировке Петти; когда ему нужна была помощь, он без колебаний ссылаясь на мнимые данные — загадочные, неизвестные и даже явно не существовавшие.

Затем Летвин приводит заключение Мейджора Гринвуда, современного историка статистики: «Думаю, никак не будет насмешкой сказать, что при любых подсчетах у Петти получатся военные потери примерно в 600 тыс.»¹⁹ Впрочем, Петти и сам признавал произвольность приводимых им цифр и допущений, но оправдывался тем, что это не имеет большого значения, поскольку цифры все не являются совершенно ложными и, следовательно, способны продемонстрировать метод перехода к знанию. Нужно заметить, что подтасовка данных — это, конечно, не самая удачная реклама метода политической арифметики. Петти старался получать выводы, угодные королю, — в частности, что Англия не беднеет, а богатеет; это свое утверждение он подкреплял ссылками на якобы точные данные и престиж науки. Его заключения порой столь оптимистичны, что выглядят совершенно нелепыми; так, по его словам, «подданным короля Англии не составит труда полностью взять в свои руки торговлю всего коммерческого мира»²⁰.

В ходе своих рассуждений Петти изложил несколько экономических теорий — *качественных*, могли бы мы добавить, а не количественных, — которые отступали от намеченной им программы. Они либо не слишком оригинальны (Петти призывал короля не вводить высокие налоги, способные вызвать упадок производства и снижение занятости), либо ошибочны (объяснение ценности товаров не спросом на них, а расходами на их производство).

Общий уровень экономических воззрений Петти мало отличался от наивного меркантилизма. Подобно почти всем ранним авторам за исключением Ботера он простодушно выступал за рост населения: чем больше

людей, тем больше вырастут «доход» и производство. Как и все меркантилисты, Петти консультировал аристократическую правящую элиту и отождествлял себя с ней, а не с людьми труда. Он страстно призывал к «полной» занятости, поскольку хотел повышать национальный доход по велению государства и передавать его в распоряжение элиты. Как и большинство меркантилистов, он настолько пренебрегал нуждами трудового народа, что обвинял его в праздности и пьянстве всякий раз, как реальная заработная плата повышалась. Петти оказался более изобретательным, чем его единомышленники-меркантилисты, в разработке схемы, позволяющей государству поддерживать высокие цены на зерно, — с той целью, чтобы прекратить рост реальной заработной платы, заставить рабочих неустанно трудиться и отнять у них возможность предаваться праздности (или лени). Людей труда он презрительно называл «низкой и грубой частью человечества». Порой воображение заводило Петти слишком далеко; страстно желая увеличить численность рабочей силы в Англии, он предложил в «Политической арифметике» принудительно переместить основную часть населения Шотландии и Ирландии на английскую территорию «в их же интересах», тем самым обеспечив рост производства и повышение арендной платы в Англии²¹.

Научный энтузиазм XVII в., выросший на ложной почве старинного нумерологического мистицизма герметической и каббалистической традиции, породил в научных и особенно в околонучных кругах маниакальное стремление применять количественные и математические методы также и в изучении социальной жизни. Видный гарвардский социолог Питирим Сорокин образно и вместе с тем точно назвал эту манию, существующую с тех времен до наших дней, «квантофренией» и «метроманией»:

Математическое изучение психосоциальных явлений, — пишет он, — особенно энергично пропагандировалось в XVII—XVIII вв. Спиноза, Декарт, Лейбниц, Ньютон... и другие начали выстраивать универсальную количественную науку, «пантометрику», или «всеобщую науку», включавшую такие дисциплины, как «психометрика», «этикометрика» и «социометрика», призванные исследовать психосоциальные явления по моделям геометрии и физической механики. «Все истины обнаруживаются только измерением» и «без математики люди будут жить, как дикие животные» — вот девизы социальных психологов той эпохи²².

Уильям Летвин очень точно характеризует феномен «метрофрении», охватившей последователей Бэкона в Англии в период Реставрации Стюартов. «Научная революция» этого периода, пишет он, «обязана своей решительностью прежде всего вере, простой убежденности в том, что многие вещи в природе, прежде казавшиеся таинственными, можно и должно подвергнуть точному измерению». К сожалению, «рука об руку с этим революционным идеалом шло искривленное, но превратное убе-

ждение, что измерение и постижение — это одно и то же. Ученые эпохи Реставрации верили, что математическая формулировка проблемы равнозначна ее решению». В результате, продолжает Летвин,

ученые, объединившиеся в Королевском обществе, устроили настоящую оргию измерения.. Эти выдающиеся ученые занялись бесконечным и бессмысленным фиксированием, каталогизированием и подсчетом. Лучшие умы Англии тратили свои способности на мелочное фиксирование температуры, ветра и вида неба час за часом, в разных уголках страны. Их усилия не принесли ничего, кроме данных, непригодных для использования.

С такой же маниакальной энергией проводилось измерение различных экономических и социальных параметров. Поиск числа, веса и меры сопровождался счастливой уверенностью, что правильные числа непременно приведут к правильной политике²³.

Итак, квантофрения и метрофрения, казалось, восторжествовала над молодой экономической мыслью. Однако, к счастью для ее дальнейшего развития, в 1690-х гг. по мере уменьшения числа бэконянцев квантофренический энтузиазм в социальных науках начал сходиться на нет. Очень хочется думать, что этот процесс был ускорен блестящими и сокрушительными сатирами, которые в 1720-х гг. писал на бэконянцев Джонатан Свифт (1667—1745), великий либеральный англо-ирландский сатирик из стана тори. В классической книге «Путешествия Гулливера» Свифт едко высмеял полубезумных ученых Лапуты, которые, как мы сказали бы сегодня, проводили в жизнь «исследовательскую программу» Бэкона. В 1729 г. Свифт выпустил еще одну яркую сатиру, «Скромное предложение», которую Летвин справедливо называет «последним словом по поводу политической арифметики как инструмента социальной политики». Свифт избрал своей мишенью Петти, взял за отправной пункт утверждение последнего, что чем больше людей, тем лучше; в частности, Свифт высмеял высказанное в «Трактате о налогах» вполне серьезное предложение Петти положить конец бедности и малолюдству в Ирландии путем централизованного поощрения рождаемости среди незамужних ирландских женщин. Источником финансирования этого проекта должен был стать налог на всех ирландцев, в первую очередь на мужчин. Субсидии выдавались по предъявлении записей о сроке сожителства с каждым мужчиной и письменных заявлений мужчин, в которых они отказывались от детей.

В «Скромном предложении» Свифт пародировал все особенности стиля Петти — от напыщенных абсурдных политических предложений до мнимой точной нумерологии. Так, «Скромное предложение» гласит: «Поскольку население нашего королевства насчитывает сейчас полтора миллиона, то, по моим расчетам, среди них может оказаться около двухсот тысяч женщин, способных иметь детей. Из этого числа я вычитаю тридцать тысяч супружеских пар, которые в состоянии прокормить сво-

их детей (хотя я не думаю, чтобы их было так много, учитывая нынешнее трудное положение в королевстве). Но если и допустить, что это так, то все же останется еще сто семьдесят тысяч женщин, способных иметь детей»⁽¹⁾. Введя поправку на количество детей, умирающих в результате преждевременных родов или от несчастных случаев и болезней на первом году жизни, Свифт получает «сто двадцать тысяч детей, рождающихся ежегодно от бедных родителей». Поскольку нет никакой возможности прокормить и вырастить этих детей бедняков, Свифт «скромно» предлагает «на всеобщее рассмотрение свои мысли по этому поводу», которые, как он надеется, «не вызовут никаких возражений». Один очень образованный американец, с которым Свифт познакомился в Лондоне, уверил его, что здоровый годовалый младенец, за которым хорошо ухаживали, «представляет собой в высшей степени восхитительное, питательное и полезное для здоровья кушанье, независимо от того, приготовлено оно в тушеном, жареном, печеном или вареном виде». Затем Свифт в бесстрастной, нумерологической и практической манере Петти демонстрирует экономическую выгоду от ежегодной продажи 100 тыс. детей на съедение.

Авторы экономических памфлетов того времени, преследовавшие вполне конкретные цели, как правило, завершали свои сочинения уверениями в отсутствии какой бы то ни было личной заинтересованности и в преданности общему благу. Точно так же завершается и «Скромное предложение»: «Я с полнейшей искренностью заявляю, что в попытке содействовать этому необходимому начинанию я не преследую ни малейшей личной выгоды, ибо у меня нет иных целей, кроме общественного блага моей родины, развития торговли, обеспечения детей, облегчения участи бедняков и желанья доставить удовольствие богатым. У меня нет детей, с продажи которых я мог бы надеяться заработать хоть один пенни, так как моему младшему ребенку уже девять лет, а жена у меня пожилая и детей у нее больше не будет»²⁴.

10.8. ПРИМЕЧАНИЯ

1. W. H. Greenleaf, *Order, Empiricism and Politics: Two Traditions of English Political Thought* (London: Oxford University Press, 1964), p. 52.
2. В пересказе профессора Гринлифа: Greenleaf, op. cit., p. 92.
3. Greenleaf, op. cit., p. 93.
4. См.: Peter Laslett (ed.), *Patriarcha and Other Political Works of 'Sir Robert Filmer* (Oxford: Basil Blackwell, 1949), p. 286. Цит. по: Carl Watner, "Oh, Ye are for Anarchy!": Consent Theory in the Radical Libertarian Tradition', *Journal of Libertarian Studies*, VIII (Winter 1986), p. 119.
5. Лишь в 1621 г. Кок окончательно порвал с Коронай и встал на позицию верховенства Парламента. В 1616 г. он был выведен из Тайного совета, но вскоре вновь вернул милость короля Якова благодаря тому, что выдал свою дочь за-

- муж за сэра Джона Вильерса, старшего брата герцога Бекингема. В 1621 г. Кок по-прежнему был членом Тайного совета и имел все основания остаться в придворной партии, но отказ короля назначить его лордом-канцлером подвиг Кокка на окончательный разрыв с Коронаой.
6. См.: Joyce Oldham Appleby, *Economic Thought and Ideology in Seventeenth-Century England* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978), p. 106.
  7. Как отмечает Шумпетер, эти люди «адвокаты или оппоненты чьих-либо частных интересов, например “Компании купцов-авантюристов” или Ост-Индской компании; сторонники или противники определенных мер или политики... Благодаря быстрому прогрессу издательского дела все эти группы процветали во всех без исключения странах. Газеты — редкое для XVI в. явление — в XVII в. стали выходить в изобилии...» (J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), pp. 160—161 <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 204>.
  8. Barry E. Supple, *Commercial Crisis and Change in England, 1600—1642* (Cambridge: Cambridge University Press, 1964), pp. 219—220.
  9. Appleby, op. cit., note 6, pp. 49, 179; см. также: Terence W. Hutchison, *Before Adam Smith: The Emergence of Political Economy, 1662—1776* (Oxford: Basil Blackwell, 1988), p. 386.
  10. Интереснейший анализ важной роли Бэкона в имманентизации сакрального в форме псевдонауки древней мудрости см. в: Stephen A. McKnight, *Sacralizing the Secular: the Renaissance Origins of Modernity* (Baton Rouge, LA: L.S.U. Press, 1989), pp. 92—97. См. также: Frances Yates, “Francis Bacon, Under the Shadow of Jehova’s Wings”, in *The Rosicrucian Enlightenment* (London, Routledge and Kegan Paul, 1972); Paolo Rossi, *Francis Bacon: From Magic to Science* (Chicago: University of Chicago, 1968).
  11. Информативное исследование о Гоббсе и кружке Тью: Richard Tuck, *Natural Rights Theories* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979).
  12. В этой связи см. следующие интересные работы: Н. R. Trevor-Roper, “Three Foreigners and the Philosophy of the English Revolution”, *Encounter*, 14 (Feb. 1960), pp. 3—20, особенно p. 15; о Коменском и его неорозенкрейцерской группе см.: Yates, op. cit., note 1, pp. 156—192. См. также информативную работу: William Letwin, *The Origins of Scientific Economics* (Garden City, NY: Doubleday, 1965), pp. 125—126, 134—135.
  13. The Advice of W.P. to Mr. Samuel Hartlib, for the advancement of some particular parts of learning. См.: Letwin, op. cit., note 12, pp. 136—137.
  14. Исключением стал лишь злополучный Хартлиб: он потерял назначенную Кромвелем пенсию и в 1670 г. умер в Голландии, куда бежал от кредиторов.
  15. Главой Королевского общества стал Джон Уилкинс, ректор Оксфордского университета и впоследствии епископ Честерский. Кроме того, Уилкинс, двоюродный брат Кромвеля, написал книгу «Математическая магия» (1648), а также был ведущим адептом герметического мистического учения розенкрейцеров, учения главного елизаветинского «мага» Джона Ди и его ученика, герметиста-алхимика Роберта Фладда. См.: Yates, op. cit., note 10, pp. 182 ff.
  16. Hutchison, op. cit., note 9, p. 29.

17. Letwin, op. cit., note 12, p. 131.
18. Letwin, op. cit., p. 140.
19. Ibid., pp. 144—145.
20. Hutchison, op. cit., note 9, p. 39.
21. Hutchison, op. cit., pp. 38—39. См. также: Edgar S. Furniss, *The Position of the Laborer in a System of Nationalism: A Study of the Labor Theories of the Later English Mercantilists* (1920, NY: Kelley & Millman, 1957), pp. 128, 134.
22. Pitirim A. Sorokin, *Fads and Foibles in Modern Sociology* (Chicago: Henry Regnery, 1956), p. 103, p. 110 и passim.
23. Letwin, op. cit., pp. 106—107.
- (1). Здесь и далее перевод Б. Томашевского. — *Прим. перев.*
24. Letwin, op. cit., pp. 149—151. О влиянии свободомыслия Свифта см.: Caroline Robbins, *The Eighteenth-Century Commonwealthman* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959), pp. 152—153; James A. Preu, *The Dean and the Anarchist* (Tallahassee, Fl: Florida State University Press, 1959). О «Скромном предложении» см.: Louis A. Landa, “A Modest Proposal and Populousness”, in *Essays in Eighteenth-Century English Literature* (1942, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), pp. 39—48.

ГЛАВА 11

МЕРКАНТИЛИЗМ И СВОБОДА В АНГЛИИ СО ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО 1750 Г.

11.1. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ПЕТТИ: ДАВЕНАНТ, КИНГ И «ЗАКОН СПРОСА»

«Скромное предложение» Джонатана Свифта должно было стать последним словом по поводу политической арифметики, если бы не эпиграмм, написанный современными историками экономической мысли, инфлицированными квантофренией и метроманией. Они воскресили сформулированный в 1690-х гг. «количественный закон» Бэкона—Петти как чудесное предвосхищение любезной им эконометрики.

Сын прославленного поэта и драматурга Чарльз Давенант (1656—1714) вел жизнь заурядного адвоката, искавшего счастливый шанс. Адвокатская практика приносила мало, но в 1678 г. Давенант сумел получить должность акцизного уполномоченного. В середине 1680-х гг. он получал хорошее жалованье и стал членом Парламента. Однако комфортное существование Давенанта безжалостно разрушила революция 1688 г.: он потерял высокий пост, а выданные им Короне крупные ссуды так и не были возвращены.

Принадлежа к числу тори, которые перешли в оппозицию к режиму вигов, Давенант занялся написанием экономических трактатов о текущих проблемах. Все его публикации сочинялись с единственной целью — получить какое-нибудь теплое местечко. Первый трактат, «Эссе о способах и средствах финансирования войны» («An Essay upon the Ways and Means of supplying the War»), вышел в 1694 г., по прошествии пяти лет войны с голландцами и пяти лет безуспешных попыток Давенанта вернуться на пост акцизного уполномоченного. В трактате он осудил любое финансирование войны за счет государственного долга, предложил покрывать военные расходы почти полностью за счет акцизных сборов, в которых «по случаю» хорошо разбирался. Но поскольку правительство упорно игнорировало квалификацию Давенанта, он выступил с повторным осуждением и обратился к другой сфере своих интересов.

По вопросу свободы торговли Давенант высказывался последовательно: в одних случаях он выступал за свободу торговли, а в других за протекционизм. Однако причина этой последовательности становит-

ся ясной, как только мы понимаем, что он в попытках стать участником Ост-Индской компании возродил почтенную традицию XVII в. приводить доводы за ост-индскую торговлю и против нее. Давенант, что вполне понятно, избрал стандартную позицию Мена, т.е. объявил необходимым общий, суммарный «благоприятный» торговый баланс, но указал, что это требование неприменимо к торговле с каждой страной, и назвал вполне допустимым дефицит Ост-Индской компании в торговле с Дальним Востоком. В 1696 г. он выразил свою апологетическую позицию в «Эссе об ост-индской торговле» и на следующий год обратился к Ост-Индской компании с просьбой дать ему должность в Индии. Получив отказ, Давенант продолжил заискивание перед компанией в двух «Рассуждениях о государственных доходах и о торговле Англии» (1697—1698), а также в «Опыте о... балансе торговли» (1699), где также воспроизводилась концепция международной торговли Мена.

В 1698 г. счастье улыбнулось Давенанту: он стал членом Парламента от тори, а Ост-Индская компания согласилась послать его в Индию. С тех пор сочинения Давенанта были посвящены почти исключительно чистой политике, а в 1703 г. он, наконец, получил желанную высокую должность, пост генерального инспектора экспорта и импорта. Однако Давенант повел себя крайне неосмотрительно; его сочинения резко колебались от «умеренности» к «радикализму» и обратно с каждой переменной политического ветра, т.е. баланса влияния тори и вигов. Под конец карьеры он заслужил всеобщее презрение и недоверие, остался без денег и существовал лишь благодаря щедрости его старинного друга Джеймса Берджеса, герцога Чандоса. В общем и целом, его биографа профессора Уодделла нельзя, видимо, обвинить в излишней суровости, когда он приходит к следующему заключению:

Итак, карьера Давенанта была не слишком успешной. Он не обладал сильным характером и искренностью убеждений, необходимыми для той роли, которую он... пытался играть, — роли приверженца определенных идей и при этом человека независимых суждений, а не заурядного подпевалы. Любое противостояние, в которое он вступал, приводило его к проигрышу... Он не сумел устроить собственные дела и стал обузой для друзей... Он не был ни оригинальным мыслителем, ни настоящим человеком дела; в лучшем случае его можно назвать знающим публицистом. Взаимосвязь между его сочинениями и личными обстоятельствами приводит к выводу, что недруги Давенанта имели немалые основания считать его просто своекорыстным и неразборчивым приспособленцем¹.

Любопытно, что Давенант как преданный сторонник политической арифметики пробовал оправдать свои метания в поисках выгоды, выдавая политическую арифметику за своего рода анализ затрат и выгод. Политик, полагал он, «хорошо считающий в уме», приходит к балансу преимуществ «посредством суммирования трудностей в каждом вари-

анте и вычисления общего результата. Таким образом, он будет способен формулировать обоснованные суждения и давать правильные советы. А это и есть то, что мы называем политической арифметикой»².

Давенант так и остался бы полузабытым третьестепенным меркантилистом, если бы не неумеренные похвалы, которыми его щедро осыпали современные квантофренические историки экономической мысли. В заслугу ему ставят прежде неведомый и якобы «экономический» закон, открытый им совместно с более умеренным адептом политической арифметики и политическим единомышленником, бухгалтером Грегори Кингом (1648—1712). Этот «закон спроса» сейчас превозносят как начало эконометрики, предшествовавшее закону убывающей полезности денег (1738), который приписывается Бернулли (см. ниже). Этот нелепый «закон» усиленно воспевают современные экономисты, старательно пытающиеся отыскать прообразы эконометрической «науки». Было очень много недоразумений по поводу того, кому именно принадлежит авторство этого мнимого закона, как соотносится вклад Кинга и Давенанта и, соответственно, как правильно называть закон — «закон Давенанта—Кинга» или «закон Кинга—Давенанта». В данном случае исследователи, как не раз бывало, занимались пустым словопрением. Закон впервые фигурирует в «Опыте о... балансе торговли» (1699) Давенанта, который ссылается на неопубликованное сочинение Кинга «Естественные и политические наблюдения» («Natural and Political Observations...»), написанное в 1696 г.³ «Закон» категорично и бездоказательно утверждает, что когда урожай зерна (пшеницы) падает ниже обычного уровня, снижение предложения приводит не просто к некоторому росту цен (как считали еще схоласты), а находится в определенном количественном соотношении с ним:

Снижение урожая зерна

$1/10$

$2/10$

$3/10$

$4/10$

$5/10$

Повышение цен на зерно

$3/10$

$8/10$

$16/10$

$28/10$

$45/10$

С легкой руки Альфреда Маршалла большинство современных экономистов совершенно ошибочно трактуют это количественное соотношение как «график спроса», или как табличную базу кривой спроса, и как новаторскую попытку «измерить» эластичность такой кривой. Но главная ошибка состоит в том, что количественное соотношение не имеет ничего общего с графиком потребительского спроса, который занимает заслуженно важное место в современной экономической теории. Настоящий график спроса — это нечто гипотетическое, субъективное и одномоментное: он говорит лишь, что в данный момент, при цене X , потребители будут покупать продукт в количестве Y . Суть этого графика в том, что мы не знаем и *не можем* знать этого субъективного отношения,

что нет никакого способа его выяснить и что график способен показать лишь одно: в данный момент кривая спроса «падает», т.е. со снижением цены спрос количественно возрастает, и наоборот. Собственно, это закон качественный, но ни при каких условиях не количественный, поскольку никогда не бывает возможности установить количественные показатели.

Иными словами, экономисты не уяснили, что, даже если бы таблица Давенанта была основана на объективных данных, она никак не может служить основой для графика или кривой спроса, а только показывает фактические «точки равновесия» для каждого года, т.е. цену и количество произведенного в том или ином году. Эти точки не имеют никакого отношения к настоящему графику спроса или «закону спроса», который является чисто качественным и субъективным в плане поведения потребителей.

Во-вторых, даже если бы эти исторические данные были точными, они показывали бы *исключительно* те условия, которые существовали в конкретном году и на конкретных рынках; они ни в каком смысле не могли бы служить основой «закона», способного предсказывать количественное соотношение между предложением и ценой в другом году или в других местах.

312

Наконец, нет никаких оснований считать, что эта таблица основана на объективных данных. Поэтому, несмотря на многочисленные воспроизведения таблицы в конце XIX в. и далее, несмотря на ее якобы новаторскую роль в эконометрической науке, это творение Давенанта—Кинга не имеет никакой ценности ни в плане фактических данных, ни в плане статистики, эконометрики и экономической теории. Она свидетельствует лишь о квантофренической мании, царившей в экономической теории того времени⁴.

Однако экономисты, настойчиво утверждавшие, что в «законе» Давенанта—Кинга *должно быть* рациональное зерно, занимали одну из двух противоположных позиций, постулировавших важность закона, а иногда обе одновременно. Так, Джевонс (1871) не приводя никаких доказательств утверждал, что таблица Давенанта—Кинга совершенно «точна», и порицал экономистов и статистиков за то, что они пока не достигли такой точности. Напротив, Уильям Уэвелл, представлявший собой странное сочетание кембриджского математика высокой квалификации и архиемпирика в области философии науки и экономической теории, двумя десятилетиями раньше (1850) осознал, что таблица была просто разработкой математической формулы, но при этом считал, что она непременно основана на эмпирических наблюдениях. Похожим образом, в своем недавнем тщательном исследовании профессор Криди убедительно показал, что числа Кинга—Давенанта были разработкой математической формулы «разложения многочлена на множители», методом, который впервые был описан английским математиком Джеймсом Грегори и затем применен Исааком Ньютоном в его работах по физике. Криди выдвинул ряд правдоподобных соображений о том, как Кинг мог

быстро познакомиться с новым методом Грегори—Ньютона и использовать его; однако он не стал разумно заключать, что в плане статистической или эконометрической основательности «закон» Давенанта—Кинга ничего собой не представляет, а вместо этого решил спасти теорию простым заявлением, что формула многочлена, «вполне возможно», была «приспособлена к фактическим наблюдениям». «Вполне возможно» — но никаких доказательств тому нет. А поскольку «закон» никогда не воспроизводился и даже был изменен Кингом, гораздо более вероятно, что Кинг и Давенант, очарованные новыми математическими методами (как признает сам Гриди), «подставили гипотетические значения коэффициентов в произвольно взятый многочлен ради получения базовых “данных”», т.е. предприняли все это в рамках своей «новой науки»⁵.

11.2. СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ: ЛЕВЕЛЛЕРЫ И ЛОКК

Смута английской гражданской войны, вызвав в 1640—1650-х гг. политический и институциональный переворот, стимулировала радикализм в политической мысли. Поскольку главной причиной гражданской войны были религия и политика, новые идеи коренились в религиозных принципах и представлениях и вдохновлялись ими. Как мы увидим ниже в главе «Истоки марксизма» (глава 9 тома 2), эсхатологические коммунистические секты вновь заявили о себе — впервые после анабаптистского неистовства начала XVI в. в Германии и Голландии. Среди радикальных левацких движений времен гражданской войны особенно выделялись диггеры, рантеры и приверженцы Пятой монархии⁶.

На противоположном полюсе порожденной гражданской войной новой мысли среди сил господствовавших левых республиканцев выделялось первое в мире массовое движение, обладавшее либеральным самосознанием, левеллеры. В ходе полемики в рядах республиканской армии, а именно между сторонниками Кромвеля и левеллерами, эти последние под руководством Джона Лильберна, Ричарда Овертона и Уильяма Уолвина выработали замечательно последовательную либеральную доктрину, утверждавшую права личности, частную собственность, индивидуальную религиозную свободу и минимальное вмешательство государства в деятельность общества. Право каждого индивидуума распоряжаться собой и своей собственностью считалось «природным», т.е. коренящимся в природе человека и мироздания; поэтому оно не зависело от государства и не могло быть им отменено. И хотя экономика как таковая не слишком интересовала левеллеров, одобрение свободной рыночной экономики было естественным следствием их приверженности свободе и правам частной собственности.

Некоторое время казалось, что левеллеры возьмут верх, но Кромвель решил силой пресечь дебаты в своей армии: он заключил руководите-

лей левеллеров в тюрьму, установив диктатуру и радикальную пуританскую теократию. Победа Кромвеля и его пуритан над левеллерами пагубно повлияла на дальнейший ход английской истории, поскольку в глазах англичан «республиканство» стало прочно ассоциироваться с кровавыми делами подручных Кромвеля, с господством религиозного фанатизма и разграблением кафедральных соборов. В силу этого смерть Кромвеля быстро привела к реставрации Стюартов и перманентной дискредитации республиканского дела. В отличие от этого если бы к власти пришли левеллеры, то провозглашенные ими принципы — свобода, религиозная терпимость и минимальная роль государства — вполне возможно, оказались бы приемлемыми для большинства англичан, и английское государственное устройство стало бы гораздо более либеральным, чем реально оказалось после Реставрации и конституции вигов⁷.

Великий либеральный политический мыслитель Джон Локк (1632—1704) приобрел известность после гражданской войны и особенно в 1680-е гг. Научная дискуссия о его позиции увязала в массу противоречащих друг другу интерпретаций. Был Локк индивидуалистическим политическим мыслителем или консервативным протестантским схоластом? Индивидуалистом или мажоритарием? Чистым философом или революционным интриганом? Радикальным предвестником современности или человеком, который придерживался средневековой или классической традиции?

Как ни странно, большинство этих интерпретаций на самом деле вполне совместимы. На данный момент следует сознавать, что схоласти доминировали в средневековых и более поздних традициях, но, несмотря на это, были первооткрывателями и разработчиками традиций как природного закона, так и природных прав. Противопоставление «традиции» и «современности» во многих случаях надуманно. Такие «модернисты», как Локк и, возможно, даже Гоббс, при всем своем индивидуалистическом и «правовом» сознании глубоко впитали идеи схоластики и природного закона. Локк мог быть пылким протестантом и действительно был им, но вместе с тем он был протестантским схоластом, испытавшим сильное влияние основателя протестантской схоластики, голландца Гуго Гроция, который, в свою очередь, испытал сильное влияние поздних испанских католических схоластов. Как мы уже видели, такие крупные испанские схоласты-иезуиты, как Суарес и Мариана, признавали принципы общественного договора и природных прав, причем Мариана определенно предвосхитил Локка, поскольку утверждал, что люди имеют право вернуть себе суверенитет, который они делегировали королю. Если Локк и разработал либеральную доктрину природных прав более полно, чем его предшественники, сама эта доктрина была неотъемлемым элементом схоластической традиции природного закона⁸.

Не выглядит убедительной также позиция Покока и его последователей, пытающихся провести искусственное различие и выявить кон-

фликт между либеральными взглядами Локка и его последователей, с одной стороны, и преданностью «классической добродетели» — с другой. С этой точки зрения либеральные последователи Локка в XVIII в. от «Катона» до Джефферсона магическим образом превращаются из радикальных индивидуалистов и сторонников свободного рынка в ностальгирующих реакционеров, приверженных античной или ренессансной «классической добродетели». Поклонники этой добродетели каким-то образом стали не индивидуалистами новой генерации, а старомодными коммунарками. Однако почему либералы и противники государственного вмешательства не могут *также* выступать против государственной «коррупции» и расточительности? Ведь эти явления обычно сопутствуют друг другу. Искусственное противопоставление, которое предлагает Покок, начинает терять убедительность, как только мы сознаем, что, как правило, и уж точно до Бентама, приверженцы свободы, частной собственности и свободного рынка были и моралистами, и сторонниками рыночной экономики. У либералов XVII—XVIII вв., как, впрочем, у либералов почти всех времен и народов, критика государственного вмешательства прекрасно сосуществует с критикой нравственной испорченности⁹.

В отношении карьеры и взглядов Локка по-прежнему существуют некоторые неясности, но они в значительной мере устраняются благодаря изысканиям, предпринятым в убедительной работе Ричарда Эшкрафта¹⁰. На основе фактов он показывает, что карьеру Локка можно поделить на две части. Отец Локка, провинциальный юрист и выходец из мелкопоместного пуританского дворянства, сражался в армии Кромвеля и сумел использовать политический вес своего начальника, члена Парламента и полковника Александра Пофема, чтобы устроить Джона в престижную Вестминстерскую школу. В Вестминстере, а затем оксфордском колледже Церкви Христовой Локк в 1658 г. получил степени бакалавра и магистра, в 1662 г. начал преподавать в колледже греческий язык и риторику, приступил к изучению медицины и получил диплом врача, чтобы остаться в Оксфорде, не принимая духовного сана.

Несмотря на пуританское происхождение, а может быть, благодаря ему в Оксфорде Локк явно попал под влияние ученых-бэконянцев, в частности Роберта Бойля, и с тех пор тяготел к «научному», эмпиричному и умеренно абсолютистскому мировоззрению своих друзей и наставников. Локк и его коллеги по Оксфорду с энтузиазмом встретили реставрацию Карла II, который лично приказал Оксфордскому университету считать Локка студентом, изучающим медицину и не обязанным принимать духовный сан. В Оксфорде Локк усвоил эмпирическую методологию и сенсуалистскую философию бэконянцев, что впоследствии нашло отражение в его «Опыте о человеческом разумении». Кроме того, в 1661 г. Локк, этот будущий поборник веротерпимости, написал два трактата, осуждавшие религиозную терпимость и одобрявшие принудительное введение религиозной ортодоксии абсолютистским государ-

ством. В 1668 г. Локк был избран членом Королевского общества, в котором он тоже встретил единомышленников-бэконистов.

Серьезная перемена в жизни Джона Локка произошла тогда, когда в 1666 г. он получил диплом врача, а в следующем году стал личным секретарем, советником, помощником, а затем близким другом влиятельного лорда Эшли (Энтони Эшли Купера), который в 1672 г. получил титул первого графа Шефтсбери. По настоянию Эшли Локк с тех пор погрузился в политическую и экономическую теорию, поступил на государственную службу и приобщился к политической деятельности. От Шефтсбери Локк усвоил классическое либеральное мировоззрение вигов, и под влиянием Шефтсбери он на всю оставшуюся жизнь стал поборником религиозной терпимости и либеральным пропагандистом свободы личности, прав собственности и свободной рыночной экономики. Именно Шефтсбери превратил Локка в либерала и вдохновил его на разработку либеральной системы.

Иными словами, Джон Локк быстро стал последователем Шефтсбери, а тем самым — классическим либералом и либертарианцем. При жизни Шефтсбери и после его смерти (1683) Локк неизменно отзывался о своем друге и наставнике с восхищением и благодарностью. В эпитафии Шефтсбери Локк заявил, что покойный был «мужественным и неутомимым борцом за гражданскую и церковную свободу». Редактор самого полного и точного издания «Двух трактатов о правлении» Локка справедливо замечает, что «без Шефтсбери Локк вообще не состоялся бы как Локк». Эту истину слишком часто замалчивают историки, испытывающие подлинный ужас перед тем, как порой возникает политическая теория и философия, — в пылу политической и идеологической битвы. Многие считают, что эти отношения лучше скрыть, чтобы Локк предстал в идеализированном облике чистого и независимого философа, свободного от нечистых и приземленных политических забот реального мира¹¹.

Профессор Эшкрафт показывает также, как Локк и Шефтсбери вполне сознательно начали создавать движение новых левеллеров и разрабатывать концепции, очень близкие к идеям левеллеров. Вся доктрина Локка в «Двух трактатах о правлении», написанных в 1681—1682 гг., призванная обосновать грядущую революцию вигов, была дальнейшим совершенствованием и развитием мировоззрения левеллеров: исходным пунктом служил суверенитет личности, из которого вытекали право собственности и право свободного обмена, обоснование государства как инстанции, защищающей эти права, а также право на свержение государственного строя, который нарушает вышеупомянутые права или не может их обеспечить. Один из бывших руководителей левеллеров, майор Джон Уайлдмен, в 1680-х гг. даже входил в окружение Локка и Шефтсбери.

Глубинная связь Локка со схоластической мыслью затемнялась тем неоспоримым фактом, что для Локка, Шефтсбери и вигов реальным врагом гражданской и религиозной свободы, главным апологетом монархи-

ческого абсолютизма в конце XVII и в XVIII в. была Католическая церковь. Уже в середине XVIII в. католицизм, или «папизм», прочно ассоциировался не с природными правами и сдерживанием монархического деспотизма, как в стародавние времена, а с абсолютизмом Людовика XIV во Франции, ведущем абсолютистском государстве Европы, которым раньше была Испания. Прошло столетие после Реформации, когда, наконец, открылось подлинное лицо монархической тирании как в католических, так и в протестантских странах. С начала XVII в. французская католическая церковь, по духу янсенистская и роялистская, стала скорее марионеткой королевского абсолютизма, нежели препятствием для его эксцессов. Если говорить о XVII в., то со всем основанием можно утверждать, что самой благополучной и самой свободной страной Европы — в плане экономики, гражданских свобод, децентрализованного государственного устройства и отсутствия имперских амбиций — была протестантская Голландия¹².

Таким образом, абсолютизм, произвольные налоги, регламентацию и нескончаемые войны Стюартов английские виги и классические либералы были склонны отождествлять с католицизмом, которому Стюарты открыто симпатизировали, и с образом Людовика XIV, которому Стюарты охотно подражали. В результате английская и американская колониальная традиция, даже либеральная, впитала в себя фанатичный антикатолицизм; мало кому приходила в голову мысль, что зловредные католики могут возвыситься до религиозной терпимости.

Теперь следует прояснить одно положение общей теории собственности Локка, которое часто вызывает недоразумения, а именно его концепцию труда. Свою теорию природных прав собственности Локк основал на индивидуальном праве личного суверенитета, праве «собственности» на самого себя. Откуда же берется изначальное право собственности на материальные, земельные или природные ресурсы, внешние по отношению к самому человеку? Локк выдвинул весьма остроумное и убедительное соображение: частная собственность возникает из того, что прежде ею не было, таким же образом, каким человек переходит к использованию имущества, которое не использовалось. Иными словами, он «соединяет принадлежащий ему труд», личную энергию с ранее не использовавшимся и никому не принадлежавшим природным ресурсом, который тем самым вводится в продуктивное использование и, соответственно, поступает в частную собственность. Частная собственность на материальный ресурс устанавливается первым его использованием. Эти два постулата — суверенитет личности каждого и первое использование, «гомстед», природных ресурсов — служат обоснованием «естественности», нравственной оправданности и прав собственности, на которых строится вся свободная рыночная экономика. Если человек по праву владеет материальной собственностью, которую он ввел в хозяйственный оборот, то он обладает и правом обменять эту собственность на собственность другого человека, которую тот ввел в хозяйственный оборот.

Если человек владеет собственностью, у него есть право обменять ее на собственность другого или передать ее другому с согласия последнего. Эта цепь умозаключений обосновывает право на свободный обмен и свободный договор, на передачу собственности по завещанию и, следовательно, обосновывает всю структуру прав собственности в условиях рыночной экономики.

Многие историки, особенно марксисты, не без удовольствия отмечают, что Джон Локк тем самым оказался основателем марксистской «теории ценности» (которую Маркс, в свою очередь, позаимствовал у Смита и Рикардо). Но Локк излагает трудовую теорию собственности, т.е. говорит о том, как материальная собственность надлежащим образом поступает в личное владение посредством применения или «привнесения» труда. Эта теория не имеет никакого отношения к тому, чем определяется *ценность* или цены товаров и услуг на рынке, и поэтому не имеет никакого отношения к позднейшей «теории ценности».

11.3. ЧАЙЛД, ЛОКК, СТАВКА ПРОЦЕНТА И МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Одним из наиболее видных английских экономистов второй половины XVII в. был сэр Джосайя Чайлд (1630—1699). Состоятельный купец, он обычно сотрудничал с Ост-Индской компанией и в конце концов стал ее губернатором; поэтому главной темой его экономических сочинений стала уже традиционная к тому времени защита интересов компании. Не следует, считал Чайлд, беспокоиться по поводу баланса торговли с той или иной конкретной страной; национальный торговый баланс нужно рассматривать в более широкой перспективе. Нет ничего страшного в том, что Ост-Индская компания вывозит золото и серебро на Восток и потому имеет дефицит; он компенсируется тем, что компания реэкспортирует купленные товары в другие страны и получает профицит. По причине этого широкого подхода к общему торговому балансу позднейшие экономисты нередко относят Чайлда к числу сторонников свободной торговли и *laissez faire*.

Историков, склонных к слишком быстрым суждениям, привлекали многочисленные выпады Чайлда против монополий и монополистических привилегий, которые государство предоставляло городам, гильдиям и торговым компаниям. На этом основании историки вновь заключают, что Чайлд был сторонником *laissez faire*; однако они упускают из вида, что Чайлд старательно защищал, в виде особого исключения, монополию Ост-Индской компании¹³.

Чайлд никогда не был сторонником подлинного принципа *laissez faire*, гласящего, что даже общий торговый баланс не имеет значения; напротив, он настаивал, что вывоз золота и серебра имеет совершенную сво-

буду лишь тогда, когда такой экспорт меньше чистого импорта драгоценных металлов, т.е. при общем положительном торговом сальдо¹⁴.

К сожалению, в XVIII в. Чайлда воспринимали как настоящего адепта *laissez faire*; такого мнения в особенности придерживался преданный сторонник *laissez faire*, виконт де Гурнэ, который в середине XVIII в. перевел Чайлда на французский язык и представил как часть своей программы распространения принципов *laissez faire* во Франции. В результате Чайлд получил незаслуженное признание в последующие столетия.

Одним из самых значительных отклонений Чайлда от принципов свободного рынка и *laissez faire* было пристрастие к излюбленной программе меркантилистов — к снижению официально установленной максимальной ставки процента. Ранее осужденные «законы против ростовщичества» возвращались теперь не по требованию природного закона и не по теологическим мотивам, а под сомнительными экономическими предложениями.

С первых десятилетий XVII в. английские меркантилисты горько завидовали более высокому благосостоянию и экономическому росту Голландии. Убедившись, что ставка процента в Голландии ниже, чем в Англии, они решили, что низкая процентная ставка и есть *причина* благополучия голландцев, и сделали вывод: английское правительство должно снизить максимальную процентную ставку до более низкого уровня, чем в Голландии. Первый заметный меркантилистский трактат, призывавший к такому снижению, называвшийся «Против высокие ростовщических процентов» («Tract Against the High Rate of Usury», 1621), принадлежал перу сельского джентльмена сэра Томаса Калпепера. Калпепер утверждал, что процветание голландцев вызвано низкой процентной ставкой, что высокая английская ставка процента вредит торговле и поэтому, чтобы обойти голландцев, правительство должно снизить ее до такого же уровня. Памфлет Калпепера нашел отклик в Парламенте, который снизил ставку процента с 10 до 8; он несколько раз переиздавался, а Парламент в последующие годы снизил процентную ставку до 6%.

Однако всякий раз, как ставка процента принудительно снижалась, возрастало сопротивление. Наконец, в 1668 г. меркантилисты добились самой значительной победы: ставка процента была снижена до 4%, т.е., предположительно, стала ниже голландской. В качестве пропагандистского аккомпанемента к этому закону сын Калпепера, сэр Томас Калпепер-младший, переиздал трактат отца, добавив к нему свой собственный, название которого говорит само за себя: «Рассуждение, показывающее, сколь многие выгоды получит это Королевство от ограничения ростовщичества и сколь совершенно необходимо снизить денежный процент до самого низкого уровня, какой только имеется в других странах» («A Discourse showing the many Advantages which will accrue to this Kingdom by the Abatement of Usury together with the Absolute Necessity of Reducing Interest of Money to the lowest Rate it bears in other Countreys»).

Наряду с Калпепером-старшим заметный вклад внес уже знакомый нам Джосайя Чайлд своим первым памфлетом «Краткие наблюдения о торговле и денежном проценте» («Brief Observations concerning trade, and interest of money»). Чайлд был видным членом королевского совета по торговле, созданного в 1668 г. для консультирования короля по экономическим вопросам. Чайлд считал снижение максимальной ставки до 4% панацеей почти от всех экономических бед: низкая ставка процента оживит торговлю, повысит цены на землю и даже отведит от пьянства.

Сочинение Чайлда и его выступление в Парламенте стали центральным пунктом дебатов, развернувшихся по поводу этого предложения. Критики Чайлда справедливо указывали, что низкая ставка вообще-то является *следствием* обильных сбережений и процветания, а отнюдь не их причиной. Так, Эдвард Уоллер во время дебатов в Палате общин заявил: «С деньгами все обстоит точно так же, как и с другими товарами; чем их больше, тем они дешевле, а поэтому стоит только накопить их побольше, и процент снизится». Полковник Силий Тит утверждал, что поскольку низкий процент — это следствие богатства, а не его причина, любой закон, устанавливающий верхнюю планку ростовщического процента, будет контрпродуктивным, поскольку обявит незаконными текущие кредиты «и заставит кредиторов отозвать свои ссуды; торговцы разорятся, залладные невозможно будет выкупить, а джентльмены, нуждающиеся в ссудах, будут вынуждены нарушать закон»¹⁵.

Чайлд вяло возражал критикам, что ростовщики никогда не перестанут давать ссуды и будут вынуждены соблюдать официальный максимум. В ответ на довод, что низкий процент является следствием, а не причиной, он просто повторил, что правительство уже снизило ставку с 10 до 6%. Так почему же не сделать еще один шаг? Чайлд, естественно, не осмелился довести свое рассуждение до логического конца и спросить, почему государство не может принудительно опустить процент до нуля.

Критики Чайлда подняли другой важный вопрос: как же тогда голландцы смогли снизить свои процентные ставки чисто экономическими мерами и почему голландцам *не нужны законы* о ростовщичестве? На это Чайлд совершенно невразумительно ответил, что если бы рыночная процентная ставка у голландцев не снизилась сама собой, им пришлось бы понизить ее законодательным путем.

Следует отметить, что отклонявшийся от принципов *laissez faire* призыв снизить процентную ставку полностью отвечал личным экономическим интересам Джосайи Чайлда. Как ведущие торговцы с Индиями, Чайлд и его коллеги были не кредиторами, а крупными заемщиками и, соответственно, хотели иметь дешевый кредит. Еще больше говорит ответ Чайлда автору «Ошибочного денежного процента», который обвинил Чайлда в том, что тот стремится «сосредоточить всю торговлю в руках кучки богатых коммерсантов, имеющих достаточно собственных денег для торговых операций, и перекрыть дорогу молодым людям, которые хотят войти в дело». На этот проницательный упрек Чайлд воз-

разил, что, напротив, его Ост-Индская компания совершенно не нуждается в более низкой ставке, потому что может занять сколько угодно под 4%. Но вот здесь-то и зарыта собака. Сэр Джосайя Чайлд и ему подобные хотели опустить процентную ставку ниже рыночной, чтобы создать дефицит кредита и тем самым перенаправить кредит к главным заемщикам — крупным фирмам, готовым платить 4% или меньше, — и *отсесть* от кредитования заемщиков, готовых платить больше. Чайлд и его коллеги так хотели ввести эту меркантилистскую меру именно потому, что Чайлд прекрасно понимал: принудительное снижение процентной ставки действительно «сосредоточит всю торговлю в руках кучки богатых коммерсантов»¹⁶.

В 1668—1669 гг. комитет Палаты лордов проводил слушания по законопроекту о снижении процентной ставки и решил узнать мнения членов королевского совета по торговле, центральной фигурой которого был Джосайя Чайлд. Но весьма важной фигурой в совете был другой ее член и к тому же член комитета Палаты лордов, великий лорд Эшли, новый могущественный патрон Джона Локка. Будучи классическим либералом, Эшли выступил против законопроекта, и по его настоянию Локк написал свою первую работу по экономическим вопросам, пользовавшуюся большим вниманием, но до сих пор не опубликованную, — «Некоторые последствия, к которым, по всей вероятности, приведет снижение ставки до четырех процентов» («Some of the Consequences that are like to follow upon Lessening of Interest to Four Percent...», 1668). В этой ранней работе он продемонстрировал глубокое понимание принципов рыночной экономики и своей будущей теории прав собственности, а также выразил приверженность этим принципам.

В этом сочинении, которое представляло собой критику трактата Чайлда, Локк проявил себя незаурядным полемистом. Первым делом он отверг холистическую риторику Чайлда: конечно, согласился он, заемщик будет рад платить только 4%; но выигрыш заемщика не является общей выгодой, поскольку кредитор столько же теряет. Принудительное снижение ставки приведет не просто к перераспределению доходов; оно, указал Локк, ограничит предложение сбережений и кредита, а это вредно скажется на экономике. Будет лучше, заключил он, если официальная ставка устанавливается на «естественном уровне», т.е. на уровне ставки свободного рынка, «которую существующий сейчас недостаток денег устанавливает естественным образом». Иными словами, самая разумная процентная ставка — это ставка свободного рынка, «естественная» ставка, которая устанавливается в результате свободных человеческих действий согласно природному закону, т.е. определяется соотношением кредитного предложения и спроса в любой данный момент времени.

Показались ли убедительными доводы Локка и Эшли или нет, но в 1669 г. Палата лордов отклонила законопроект о ставке 4%. Через три года Эшли, будучи уже графом Шефтсбери, стал канцлером казна-

чейства, а еще через год Локк занял должность секретаря совета по торговле и плантациям, заменившего прежний совет по торговле. Но в 1674 г. Шефтсбери потерял свой пост, совет по торговле и плантациям был распущен, и Локк вслед за своим патроном перешел в политическую оппозицию, занялся революционной пропагандой, а потом вместе с Шефтсбери уехал в Голландию.

Джон Локк вернулся в Англию после свержения Стюартов и революции 1688 г., причем на том же самом корабле, на котором плыла королева Мария. По возвращении он убедился, что ост-индская клика продолжает вынашивать старые замыслы. Англия находилась в крайне трудном финансовом положении; приостановкой работы казначейства Карл II подорвал государственный кредит, и люди из Ост-Индской компании в 1690 г. вновь внесли законопроект о принудительном снижении ставки до 4%. Сэр Джосайя Чайлд тоже взялся за старое, переработав свой трактат в анонимное «Рассуждение о торговле» («Discourse About Trade», 1690), опубликованное через три года под названием «Новое рассуждение о торговле» («A New Discourse of Trade»), на титульном листе которого уже значилось имя автора. Именно «Новое рассуждение» произвело глубокое впечатление на мыслителей XVIII в. Помимо доводов в пользу низкой процентной ставки «Рассуждение» и «Новое рассуждение» содержали дополнительные апологетические замечания по поводу ост-индской торговли и монополий.

В ответ на это член Парламента сэр Джон Сомерс, новый политический патрон Локка (Шефтсбери уже умер), поручил Локку расширить памфлет 1668 г. для опровержения доводов Чайлда и других инициаторов законопроекта о 4%. В следующем году Локк представил расширенный вариант под названием «Некоторые соображения о последствиях снижения ставки процента и повышения ценности денег» («Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest and Raising the Value of Money», 1692)⁽¹⁾. Эта работа вынесла не предававшиеся ранее широкой гласности аргументы Локка на публичное обсуждение. Возможно, именно благодаря этому законопроект был вновь отклонен Палатой лордов.

Вторую часть «Соображений» Локк посвятил великой дискуссии о перечеканке, которая бушевала в Англии с 1690 г. В том году основная масса находившихся в обращении серебряных монет по причине истирания и обрезки оказалась испорчена до такой степени, что вступил в действие закон Грэшема. Контраст между «кованными» монетами ручной чеканки при помощи молота и новыми, неистертыми и необрезанными монетами «машинной» чеканки был столь велик, что люди либо припрятывали новые монеты и расплачивались старыми, либо принимали старые не по номиналу, а по реальному весу. К 1690 г. составившиеся «кованные» монеты потеряли примерно треть ценности по отношению к номиналу.

Стало ясно, что Монетный двор должен заняться переделкой старой монеты в новую, повышенного качества. Но какого достоинства должна

быть эта монета? Меркантилисты, в большинстве своем стоявшие за инфляцией, призывали к порче монеты, т.е. к выпуску монет меньшего веса <при неизменном номинале>; это должно было привести к девальвации серебряной монеты и увеличению количества денег в обращении. Тем временем монетная проблема осложнилась еще и быстрым ростом банковской кредитной инфляции, которую раздувал новый Банк Англии, созданный в 1694 г. для наращивания денежной массы и финансирования бюджетного дефицита. Когда в том же году монетная проблема достигла критической стадии, Уильям Лоундс (1652—1724), секретарь казначейства и главный правительственный эксперт по монете, в 1695 г. представил «Доклад об исправлении серебряной монеты» («Report on the Amendment of Silver Coin»), в котором предлагал исходить из текущего обесценения и официально снизить ценность монеты на 25%, т.е. сохранить номинал при снижении веса на 25%. В своих «Соображениях» Локк осудил девальвацию как обманчивую и ложную меру: реальная ценность монеты, пояснил он, определяется не официальным номиналом, а количеством серебра. Порча монеты, предупреждал он как сторонник полновесной монеты, это выход иллюзорный и инфляционный: если, например, монета девальвируется на $\frac{1}{20}$, то «когда люди пойдут на рынок с новыми, но более дешевыми деньгами, они обнаружат, что на 20 новых монет можно купить не больше, чем на 19 старых». Порча монеты просто снижает реальную ценность денежной единицы, ее покупательную способность.

Встревоженный докладом Лоундса, патрон Локка Джон Сомерс, который в 1694 г. получил в новом правительстве вигов пост лорда-хранителя Большой печати, попросил Локка составить опровержение позиции Лоундса для членов Тайного совета. В 1695 г. Локк опубликовал свой ответ — «Дальнейшие соображения о повышении ценности денег» («Further Considerations Concerning Raising the Value of Money»). Это сочинение пользовалось таким вниманием, что в течение года было переиздано трижды. Локк убедительно объяснил, в чем состоит функция Монетного двора: он должен поддерживать достоинство денег как эталон или стандарт веса серебра; любая девальвация, любое изменение стандартов будет столь же произвольным, обманчивым и неприемлемым, как, скажем, решение правительства изменить определение фута или ярда. По образному сравнению Локка, «с таким же успехом можно надеяться удлинить фут, разделив его на 15 частей вместо 12 и продолжая называть их дюймами».

Кроме того, государство, высший гарант соблюдения контрактов, подобными мерами поощрит их нарушение: «Причина, по которой этого не следует делать, такова: государственная власть является гарантом выполнения всех законных контрактов. Но если количество серебра по официальному номиналу будет отличаться от количества, предусмотренного по контракту, люди получают возможность не выполнять свои законные обязательства... Землевладелец или кредитор недополучат 20% суммы, на которую они договаривались и которая им причитается»¹⁷.

Одним из оппонентов Локка по монетной проблеме и по процентной ставке был известный строительный подрядчик, страховой делец и участник проекта земельного банка Николас Барбон (1637—1698). Сын фанатичного лондонского проповедника-анабаптиста, торговца кожами и члена Парламента Прэйсгода Барбона¹⁸, он изучал медицину и получил степень доктора медицины в Голландии, вернулся в Лондон и в начале 1660-х гг. занялся бизнесом. В том же 1690 г., когда появилось «Рассуждение о торговле» Чайлда, Барбон, только что избранный в Парламент, опубликовал трактат с таким же названием, в котором тоже поддерживал законопроект о 4%. Закоренелый должник и прожектер, Барбон, естественно, хотел снизить свои расходы на выплату процентов.

В 1696 г. Барбон вновь занялся сочинительством, выступив с резкой критикой «Дальнейших соображений» Локка по вопросу о монете. Отвергая точку зрения Локка, который считал деньги рыночным товаром и выступал за твердые деньги, Барбон призывал к девальвации и, заняв номиналистическую и этатистскую позицию, утверждал, что деньги — не товар, а то, чем их желает видеть государство: «Деньги — не серебро, а инструмент и мера коммерции. Это инструмент коммерции с санкции того государства, где они чеканятся»¹⁹.

По счастью, возобладала позиция Локка, и в 1696 г. перчеканка монеты прошла по его рекомендациям: вес серебряного номинала денежной единицы был сохранен. В том же году Локк стал влиятельным членом новоучрежденного совета по торговле, куда его назначил Джон Сомерс, в 1697—1700 гг. занимавший пост премьер-министра. Когда в 1700 г. правительство Сомерса пало, Локк был исключен из совета по торговле и оставался в отставке до самой смерти, которая последовала через четыре года. Осуществлять предложенную Локком программу перчеканки помогал его давний друг, великий физик Исаак Ньютон (1642—1727); занимая с 1669 г. место профессора математики в Кембридже, он в 1696 г. стал смотрителем Монетного двора, а через три года был назначен директором и оставался на этом посту до самой смерти. Ньютон, как и Локк, был сторонником полновесных денег.

Барбон и Локк положили начало двум противоположным направлениям денежной теории XVIII в. Локк, протестантский схоластик, принадлежал к схоластической антиинфляционистской традиции твердых денег. Барбон же задал тон для прожектеров-инфляционистов следующего столетия²⁰.

11.4. БРАТЬЯ НОРТЫ, ВЫВОДЫ ИЗ АКСИОМ И LAISSEZ FAIRE В СТАНЕ ТОРИ

В вопросах ставки процента и экономической позиции *laissez faire* в целом Джону Локку составили конкуренцию и даже его превзошли два брата Дадли и Роджер Норты, происходившие из видного торийского

семейства. Здесь произошло впечатляющее совпадение взглядов радикальных вигов, видных тори и преданных подданных Карла II и Якова II. Это объединение послужило предвестием позднейшего совпадения умонастроений «крайне левых» и «крайне правых» в XVIII в., когда однопартийному империалистическому и меркантилистскому режиму вигов с 1715 г. по 1750-е гг. на левом крыле противостояли радикальные либеральные республиканцы, а на правом — антиимпериалистическая католическая или протокатолическая оппозиция: те и другие единодушно осуждали меркантилистское государство с его высокими налогами, высоким государственным долгом и централизацией банковского дела²¹.

Дадли и Роберт Норты были сыновьями четвертого барона Норта. Дадли (1641—1691), не проявив склонности к учебе, отправился в Турцию, став видным коммерсантом и к тому же директором двух компаний — Левантийской, которая получила монополию на английскую торговлю с Ближним Востоком, и Африканской, имевшей монополию на торговлю с этим континентом. Дадли Норт вернулся в Англию из Турции в 1681 г., как раз вовремя, чтобы помочь королю Карлу и своему старшему брату Фрэнсису, лорду Гилфорду (1637—1685), в патриотической попытке осудить патрона Джона Локка, лорда Шефтсбери по обвинению в государственной измене. Фрэнсис, видный юрист, быстро дорос от генерального стряпчего до генерального прокурора, затем до лорда-главного судьи по гражданским делам и, наконец, в 1682 г., в возрасте 45 лет, получил пост лорда-хранителя Большой печати, высшую юридическую должность в Англии. Поскольку дела по государственной измене должно было разбирать большое жюри, назначавшееся шерифом Лондона, Дадли Норт устроил себе необычайные выборы: подал заявление на должность шерифа и был избран; после этого он и его жюри стали бичами в руках партии вигов. В конце года король возвел Дадли Норта в рыцари за его заслуги, а вскоре после этого Дадли был назначен руководителем таможенной службы, стал членом Парламента и представителем Якова II по всем финансовым вопросам, которые рассматривались в Парламенте.

Под конец своей недолгой, но яркой карьеры на государственной службе сэр Дадли глубоко задумался о двух главных денежных и финансовых вопросах, волновавших Парламент: о законе 1690 г., снижавшем процентную ставку, и о перечеканке монеты. В 1691 г. он написал два «Рассуждения о торговле», одно о ставке процента, а второе о монете; к ним был добавлен постскрипtum, который планировалось выпустить отдельным памфлетом, но 31 декабря Дадли скоропостижно скончался. Его младший брат Роджер (1653—1734), помогавший Дадли в написании брошюры, отредактировал рукопись, добавил предисловие и в начале 1692 г. опубликовал текст без имени автора. Несмотря на отличный стиль, последовательную приверженность *laissez faire* и полновесной монете, трактат остался совершенно незамеченным, не оказав

никакого влияния на экономическую мысль, денежную и финансовую политику XVIII в.

Младший из всех, Роджер Норт пережил своих братьев на несколько десятилетий. Будучи генеральным прокурором королевы, значительную часть жизни он посвятил защите репутации братьев. Ему принадлежат объемистые труды по музыке, бухгалтерскому учету, юриспруденции, английскому государственному устройству и многочисленным философским и научным темам, но природная скромность побуждала его воздерживаться от их публикации. Лишь через годы после смерти Роджера написанные им биографии, или «Жизнеописания», трех его братьев вышли в двух томах в 1742 и 1744 г.²²

Но даже публикация этих двух мастерски написанных томов не оставила никакого следа в истории экономической мысли вплоть до того момента, когда они были вновь извлечены на свет и удостоились похвалы Джеймса Милля и Джона Мак-Куллоха в начале XIX в.²³

В своем предисловии Роджер Норт объяснил общие посылки и методологию брата, четко перечислил его выводы, а также отметил новаторский элемент данного метода экономического анализа. Дадли впервые (по крайней мере в истории английской экономической мысли) предложил метод, который впоследствии будут использовать Кантильон, Сэй и Сениор и который Людвиг фон Мизес в XX в. назовет «праксеологией». Праксеология — это экономическая теория, опирающаяся на несколько самоочевидных аксиом общего характера, основанных на осознании реальности, и затем из этих категориально истинных аксиом выводятся логические следствия. Если из *A* следуют *B*, *C* и т.д., а *A* по определению истинно, то и выводы могут считаться истинными.

В предисловии Роджер так описывает этот метод: «Полагаю, торговля рассматривается иначе, чем обычно делалось, т.е. в философском аспекте, ибо... он начинает с самой сути, с *принципов бесспорно истинных*»²⁴. Старый метод рассуждения, продолжает Роджер, «имел дело скорее с абстракциями, чем с истинами», и «занимался построением гипотез, подходящих к многообразию ненадежных и лишенных смысла принципов». Напротив, новый метод, который Норт приписывает Декарту, выстраивает знание на «ясных и очевидных истинах».

Обращаясь к торговле и ее проблемам, Дадли Норт начинает свое первое рассуждение с формулировки первой очевидной и простой общей аксиомы, или первого принципа: «Торговля есть не что иное, как обмен излишками». Иными словами, как указывали Буридан и схоласты (чье мнение было благополучно забыто), люди обмениваются товарами и услугами потому, что каждый участник обмена имеет от того товара, который он получает, больше пользы, чем от того, который отдает взамен (свой «излишек»). Таким образом, торговля, внутренняя или внешняя, обогащает обе стороны; торговля — это не монтеневская меркантилистская форма войны, где один человек или одна страна выигрывают за счет других. Богатством являются товары, которые люди способны про-

изводить и накапливать, но отнюдь не деньги, не золото и серебро, позволяющие покупать эти товары. Дадли Норт заключает: «Тот, кто самый трудолюбивый, кто получает самое большое количество плодов или изготавливает самое большое количество изделий, будет преуспевать больше прочих, тем самым не будет знать нужды и будет иметь наибольшие удобства; вот это и значит быть по-настоящему богатым, причем без таких вещей, как золото, серебро и т.п.»

У золота и серебра нет никаких магических свойств; это просто товары, избранные рынком за их особую пригодность для выполнения функции денег. В отличие от других металлов на рынке, говорит Дадли Норт, золото и серебро «по природе своей очень качественные и более редки, чем другие металлы, они не портятся, и их удобно хранить». Опираясь на этот тезис, Норт заново открывает схоластическую теорию денег. Если золото и серебро — товары, то их ценность, как и ценность всех прочих товаров на рынке, определяется предложением и спросом.

Заложив основу систематической общей теории, Дадли Норт переходит к вызывавшему столь острые дебаты вопросу о ставке процента. На рынке, указывает он, некоторые люди способны приобрести собственность благодаря упорному труду и правильному расчету. Если собственность приобретается в виде земли, землевладелец сдает какую-то часть в аренду тем, кто готов ее обрабатывать. Равным образом тот, кто накапливает собственность в виде денег, сдает «в аренду» некоторое количество денег под процент. И точно так же, как цена аренды земли на рынке определяется предложением и спросом, так и ставка процента, т.е. цена кредита, определяется предложением кредита и спросом на него.

Поскольку процент есть рыночная цена, государственное регулирование будет столь же вредно, как и регулирование любых цен. Процент низок, потому что предложение капитала велико; низкий процент сам по себе не создает избытка капитала. Летвин так передает мысль Норты: «Снизить процентную ставку может лишь повышение предложения капитала, и поскольку никакой закон не способен в приказном порядке увеличить это предложение, любой такой закон будет тщетным и вредным»²⁵. Законы о ростовщичестве, продолжает Норт, сократят предложение сбережений и капитала и тем самым не снизят, а *поднимут* рыночную процентную ставку; объем торговли уменьшится. Кроме того, принудительное снижение ставки процента несправедливо, поскольку все цены должны иметь одинаковый статус и быть одинаково свободными.

По монетному вопросу Норт на самом деле не касался перечекивания, а предвосхитил Смита, Рикардо и других классических экономистов в принципиальной приверженности системе твердых денег. Все сетуют на «нехватку денег», указывал Норт, но то, чего они на самом деле *хотят*, — это иметь больше товаров; а что касается купцов, то они на самом деле имеют в виду, что цены на их товары неудовлетворительны. Анализируя компоненты спроса на деньги и их предложения, Норт го-

ворит об обычных сделках и экстренных потребностях, а также о различных аспектах предложения денег. К сожалению, в этом последнем вопросе — сколько денег *реально необходимо* иметь в стране — он допустил ошибку, поскольку не понял, что оптимальным является *любой* объем предложения на рынке. Он считал, что расширение торговли требует увеличения предложения денег, не осознавая, что повышенный спрос на деньги может просто увеличить рыночную ценность денег (т.е. снизить цены), тем самым повысив ценность каждой денежной единицы.

Несмотря на эту ошибку, Норт в конце концов пришел к правильно-му итогу, основанному на принципах *laissez faire*: он впервые разделил денежную массу на монеты и слитки. Норт показал, что монеты, как более удобные при обмене, будут иметь рыночную премию по сравнению со слитками. Однако монетная премия будет зависеть от предложения монет и слитков и спроса на них. Если запас монет увеличивается, премия относительно слитков сокращается, и часть монет переплавляется в слитки; если же, напротив, имеет место нехватка монет, премия увеличится, и больше людей захотят перечеканить слитки в монеты. Таким образом, соотношение монет и слитков будет поддерживаться в равновесии. Этот процесс Норт уподобил положению двух чаш весов: «Эти чаши движутся в противоположных направлениях; когда монет не хватает, слитки идут на чеканку, а когда не хватает слитков, монеты идут на переплавку».

Итак, даже если Дадли Норт так и не дошел до общей формулировки, а именно что относительно потребностей торговли *денежное предложение* всегда оптимально, он все же заключил в духе принципа *laissez faire* или рыночного равновесия, что не следует беспокоиться о предложении *монеты*, которое на рынке всегда будет оптимально.

В результате этого систематического праксеологического анализа Дадли Норт сделал четкие общие выводы, пронизанные духом *laissez faire*. Он отверг любые законы о ростовщичестве: «Стране выгоднее оставить сделки между заемщиком и кредитором на их усмотрение». Он выступил против любых законов, регулирующих потребление предметов роскоши, а законы, направленные на сохранение золота и серебра в стране, назвал обреченными на провал. Государственные законы и постановления способны лишь умалить энергию, стремление к бережливости и изобретательность, но не способны их пробуждать.

Однако именно Роджер поставил последнюю точку не только объяснением методологии своего брата, но и последовательными выводами в духе *laissez faire*. Выступая против любого государственного вмешательства, Роджер Норт заявил:

Не может существовать торговля, которая невыгодна обществу, ибо если она оказывается таковой, люди перестают ею заниматься. Повсюду, где торговля процветает, общество, частью которого она является, тоже процветает. Никаким законом невозможно установить цены

в торговле; их уровни должны и будут определять себя сами. Но если такой закон все же вводит ограничения, он только вредит торговле... Предпочтение одного дела или интереса другому неправомерно.

На этом основании Роджер заключил: «Принимать законы, вредные для заграничной или внутренней торговли в отношении денег и прочих товаров, — не тот способ, каким можно обогатить людей».

А что вообще *способно* сделать государство для процветания экономики? Его задача — «обеспечивать мир, свободу и правосудие, не препятствовать судоходству, поощрять трудолюбие». Иными словами, писал Норт, «торговлю и богатство приносят мир, упорный труд и свобода — и ничто иное»²⁶.

11.5. ИНФЛЯЦИОНИСТЫ

Неудивительно, что меркантилисты с их стремлением повышать доходы и усиливать власть государства должны были предпочитать инфляционные схемы — создание банковских векселей и кредита, а также государственных бумажных денег. Однако подобные предложения и схемы должны были дожидаться изобретения печатного дела в XV в., появления векселей и частичного резервирования в Италии XVI в. и, наконец, введения государственных бумажных денег и учреждения центральных банков — этих двух сомнительных новшеств Англии в 1690-х гг.

Первым английским инфляционистом был Уильям Поттер; самый известный его трактат — «Ключ к богатству» («The Key of Wealth», 1650). Именно концепции и схемы Поттера подготовили сцену для более видных инфляционистов, таких как шотландец Джон Ло. Поттер, работавший в государственном земельном ведомстве, начал свои рассуждения со всеми признаваемой аксиомы: чем больше количество денег, тем лучше для общества. Далее он с безукоризненной логикой поставил вопрос: если больше денег — это хорошо, то почему бы постоянному приросту денежной массы не быть еще лучше? И почему бы не продолжать этот процесс до бесконечности?

Поттер разработал множество схем по увеличению количества денег; в этих схемах бумажные деньги обеспечивались не слишком редкими драгоценными металлами, а «землями страны». Разумеется, куда уместнее выкупать банкноты за золотые или серебряные монеты, ибо погашение банкнот «землями» окажется чистой химерой. Как, скажите на милость, вы будете носить с собой несколько акров земли, чтобы совершать обмены? Но именно в этом и заключалась идея «земельного банка»: деньги, в глазах одураченной публики обеспеченные землями, на самом деле не были обеспечены ничем.

Из земельного банка Уильям Поттер извлекал и другие чудеса. Так, например, увеличение денежного предложения должно было повысить

ценность земель и тем самым увеличить «ценность обеспечения» денег. Просто настоящий вечный двигатель! На самом деле, конечно, повышение ценности земель могло лишь отражать рост цен, вызванный вбросом дополнительных денег.

Поскольку Поттер сильно желал раздуть количество денег и ценность земель, он фанатично выступал против «тезаврирования», ибо понимал: если новые деньги будут «тезаврироваться», т.е. оседать в остатках наличности, а не тратиться, предполагаемая выгода инфляции не реализуется. Бумажные деньги Поттер решительно предпочитал золоту и серебру именно по той причине, что бумагу с гораздо меньшей вероятностью будут «тезаврировать». Естественно, это означает, что бумажные деньги будут быстро обесцениваться по мере того, как люди будут избавляться от них, а не добавлять к остаткам наличности.

Вместе с тем Поттер не считал, что в результате предложенной им денежной инфляции цены вырастут. Напротив, он утверждал: рост денежного предложения приведет к расширению «объема торговли» и тем самым к увеличению производства товаров, следствием чего будет накопление богатства. Поттер считал, что дополнительная денежная масса будет поглощена повышенным производством и цены вообще не вырастут; а если даже поднимутся, все равно все будут жить лучше. Рост цен — это, конечно, ахиллесова пята инфляционных схем, поэтому все они занижают уровень итоговой инфляции цен и обесценивания денег. Авторы этих схем не желали, разумеется, признавать, что «объем торговли» может вырасти в денежном выражении, но это приращение, как и мнимый рост стоимости земель, будет просто отражением увеличения всех денежных и стоимостных показателей по мере того, как денежная масса нарастает и распространяется по всей системе.

Доводы в пользу мнимого увеличения торговли и производства в значительной мере основывались на шаткой аналогии с физическими науками. В 1628 г., т.е. к тому моменту сравнительно недавно, англичанин Уильям Гарви открыл циркуляцию крови в человеческом теле, и Поттер наметил ставшую популярной аналогию между кровью в человеческом теле и деньгами в экономической системе: точно так же, как человек нуждается в циркуляции крови, так и экономика нуждается в циркуляции денег. Однако убеждение инфляционистов, что чем больше денег, тем лучше, едва ли можно подкрепить этой аналогией. Кто всерьез станет утверждать, что чем больше крови в организме или чем быстрее она циркулирует, тем лучше?²⁷

В моменты наивысшего вдохновения Уильям Поттер даже утверждал, что инфляция денег приведет к снижению цен (!). Торговля оживится, и производство вырастет до такой степени, что предложение увеличится и цены пойдут вниз.

Однако при всем этом Поттер лишь подготовил почву для классического образца инфляционизма, признанного вождем протокейнсианских денежных чудачков, теоретика и практика — Джона Ло из Лори-

стона (1671—1729). Джон родился и вырос в Эдинбурге в семье богатого шотландского ювелира и банкира Джеймса Ло и растратил доставшееся от отца крупное наследство на азартные игры и прочие развлечения. В 1694 г. он был осужден за убийство на дуэли в Лондоне своего соперника по амурным делам, но откупился от тюрьмы и бежал в континентальную Европу. Там он провел десять лет в размышлениях о денежных проблемах, в 1703 г. вернулся в Шотландию, где не подлежал аресту, и занялся сочинением и публикацией своих работ по денежной теории. В 1705 г. он представил шотландскому парламенту свою программу и в том же году опубликовал меморандум в своем скандально известном трактате «Соображения о деньгах и торговле с присовокуплением Предложения о снабжении страны деньгами» («Money and Trade Considered, with a Proposal for Supplying the Nation with Money», Эдинбург, 1705). Шотландский Парламент рассмотрел предложение Ло, но отверг его. В следующем году заключение унии Шотландии и Англии вынудило Ло вновь бежать на континент, поскольку в Англии он по-прежнему состоял в розыске по старому обвинению в убийстве.

Карл Маркс в известном смысле мог бы гордиться тем, как в своей программе Джон Ло «объединил теорию и практику». С одной стороны, Ло выступил в роли теоретика: предложил учредить центральный земельный банк, выпускающий неразменные бумажные деньги или, точнее, бумажные деньги, мистическим образом «обеспеченные» земельным фондом страны. А в награду за этот план благодарная страна — в данном случае Шотландия — должна была, по мысли Ло, поручить ему самому, эксперту и теоретику, учреждение этого инфляционного центрального банка.

Как свидетельствует подзаголовок трактата, Ло предлагал «снабдить страну» достаточным количеством денег. Дополнительная денежная масса должна была, по идее, оживить торговлю, увеличить занятость и производство; «занятость» была для Ло таким же веским доводом, как впоследствии для Кейнса. В противоположность схоластической традиции твердых денег Ло считал деньги просто государственным инструментом, не имеющим никакой самостоятельной ценности как металл. Деньги служат средством обмена; это их единственная функция, и никаким средством хранения ценности для будущего они не являются.

Даже еще более энергично, чем Уильям Поттер, Джон Ло уверял нацию, что увеличение денежной массы и банковского кредита не приведет к росту цен, — особенно под мудрым руководством самого Ло. Предвосхищая Ирвинга Фишера и монетаристов, он утверждал, что инфляция бумажных денег приведет к «стабильности ценности» — предположительно, к стабильности цены на труд или покупательной способности денег.

Кроме того, Ло предвосхитил Адама Смита в ошибочном оправдании банковской системы с частичным резервированием — на основании того, что она обеспечит ничего не стоящий «путь по воздуху», т.е. позволит на-

рацивать денежную массу без дорогостоящей добычи золота и серебра. Конечно, если мы будем исходить только из наших собственных допущений, с которыми на свободном рынке никто не согласен, тогда любое расходование ресурсов можно объявить «пустой тратой». Так, по словам профессора Уолтера Блока, *если бы не было преступности*, все расходы на замки, ограды, охранников, системы тревоги и т.д. критики этих расходов вполне могли бы объявить «пустым растранижением ресурсов». Аналогично, если бы не было такой вещи, как санкционированная государством инфляция, рыночные расходы на золото и серебро тоже можно было бы назвать «расточительностью».

Если рост внутренних цен является ахиллесовой пятой монетарной инфляции, то другим предметом беспокойства был отток золота и серебра из страны, т.е. «неблагоприятный баланс торговли» или «платежей». Но Джон Ло и здесь не видел проблемы. Напротив, он заявлял, что увеличение денежной массы приведет к повышению занятости и производства, а «по этой причине» и к росту экспорта; в свою очередь, рост экспорта приведет к *благоприятному* платежному балансу, так что золото и серебро начнут притекать в страну. Заметим, что Ло не стал утруждать себя объяснением того, *почему* увеличение денежной массы должно привести к росту производства или занятости, не говоря уже о безостановочном росте экспорта.

Любопытно, что один из доводов Ло в пользу наращивания денежной массы основывался, как и в случае с низкой процентной ставкой, на абсолютном непонимании причин процветания голландцев, которым в XVII в. завидовали все страны. Все, как мы уже говорили, видели, что процентные ставки у голландцев ниже; но английские меркантилисты поставили телегу впереди лошади, объяснив благополучие голландцев низкими ставками, и не смогли уяснить, что процентные ставки снизились благодаря сбережениям и более высокому уровню жизни. Поэтому меркантилисты заключили, что Англия должна принудительно опустить ростовщический максимум процентной ставки еще ниже.

Равным образом Джон Ло видел, что в благополучной Голландии много металлических денег, объяснил благополучие изобилием денег и, в свою очередь, предложил ввести бумажные деньги. Он вновь упустил из вида, что причиной изобилия металлических денег в Голландии была защищенность собственности и большой объем производства и экспорта. Превышение экспорта над импортом и изобилие монеты были не причиной, а следствием процветания голландцев²⁸.

Нельзя сказать, что Джон Ло игнорировал роль низкого процента в процветании голландцев. Однако вместо прямых законов против ростовщичества он предлагал иное средство: снижение процентных ставок с помощью средств, которые впоследствии стали стандартными инфляционистскими методами, а именно с помощью расширения банковского кредита и банковских денег. Ло, можно сказать, разработал протокейнсианскую схему: увеличение количества денег снизит ставку процента,

приведет к росту инвестиций, накопления капитала и тем самым к общему процветанию.

Для Ло, как для Поттера до него и Кейнса впоследствии, главным врагом этой схемы была «тезаврация», практика, противоречащая главной цели — увеличению расходов. По их мнению, низкие расходы повредят торговле и увеличат безработицу. Поэтому Ло, как в конце XIX в. немецкий денежный чудак Сильвио Гезелль, предложил ввести закон, запрещающий тезаврировать деньги²⁹.

Еще десять лет Джон Ло искал правителя, достаточно легковверного, чтобы соблазниться этой схемой. Нужного кандидата он нашел в лице регента Франции, страны, которую охватила смута после смерти в 1715 г., казалось, вечного властителя Людовика XIV. Регент, герцог Орлеанский, поставил Ло во главе Главного банка — центрального банка, имевшего монополию на выпуск банкнот во Франции; вскоре он был переименован в Королевский банк. Первоначально банкноты принимались в счет налогов и выкупались за серебро, но очень скоро выкуп прекратился. Стремительно, уже в 1717 г., Джон Ло сосредоточил в своих руках все денежные и финансовые полномочия. К своей прежней схеме он добавил финансирование огромного государственного долга. Он стал главой новой Миссисипской компании и генеральным контролером французских финансов; платежные обязательства компании были якобы «обеспечены» обширными неосвоенными землями, которыми французы располагали в североамериканской Луизиане. Банк Ло привел к созданию гиперинфляционного «пузыря Миссисипи»; с 1717 по 1720 г. объемы банкнот и банковского кредита, цены и денежные номиналы стремительно росли. Как заметил один парижский аристократ, впервые в мире слово «миллионер» стало расхожим, поскольку многие по видимости обладали миллионами. Но в 1720 г. пузырь лопнул, Ло оказался в тяжелейших долгах и вновь был вынужден бежать. Как и прежде, он скитался по Европе, вел рискованную жизнь игрока и пытался найти другую страну, которая согласилась бы на его схему. Он умер в 1729 г. в Неаполе, где убеждал местное правительство назначить его главой инфляционного центрального банка³⁰.

Крах эксперимента Ло и его пузырей послужил предупреждающим уроком для всех вдумчивых людей, которые занимались денежной теорией в XVIII в. Как мы увидим ниже, в этом столетии преобладали сторонники стабильных денег — от бывшего партнера, а потом оппонента Ло Ричарда Кантильона до отцов-основателей Американской республики. Но были и такие, кто не извлек никаких уроков из провала Ло и по-прежнему остался под его влиянием³¹.

Вероятно, самым видным инфляционистом XVIII в. после Ло был выдающийся англо-ирландский философ-идеалист, епископ Джон Беркли (1685—1753). Он учился в дублинском колледже Св. Троицы, интеллектуальном центре англо-ирландского истеблишмента, и все его главные философские работы были написаны им на третьем десятилетии жизни.

ни, когда он преподавал в колледже Св. Троицы. В конце 1720-х гг. Беркли безуспешно пытался основать христианский колледж в Ньюпорте, штат Род Айленд. После этого Беркли был назначен деканом Дери, а затем епископом Клойна.

Самые важные высказывания Беркли по экономическим вопросам содержатся в памфлете «Вопрошатель» («The Querist»), опубликованном в трех выпусках (1735—1737). «Вопрошатель» пользовался большой популярностью и при жизни Беркли выдержал десять изданий. По содержанию он представлял собой 900 вопросов без ответов; Беркли хотел привлечь общественное внимание таким чисто риторическим приемом. В денежном вопросе Беркли находился под сильным влиянием Джона Ло. Вот типичный пример: «От чего общество получает больше пользы — от шиллинга, находящегося в обращении, или от фунта, лежащего мертвым грузом?». С точки зрения Беркли, деньги были чем-то вроде фантиков, и «Вопрошатель» ясно намекал, что нужно создать примерно такой центральный банк, какой предлагал Ло; этот банк должен наращивать количество денег и кредит, снижать ставку процента (чтобы, по словам Беркли, «положить конец ростовщичеству»), повышать занятость и благосостояние.

Беркли был достаточно осмотрителен и понимал, что ему придется отвечать на возражения, связанные с вопиющим провалом Ло; поэтому он заблаговременно провел разграничительную линию между своими концепциями и «французским безумием». Как и Ло, Беркли обещал, что его банкноты будут вбрасываться в экономику «небольшими партиями» и что лично он или его заместители будут со всем тщанием расширять банковский кредит «пропорционально» «расширению торговли и деловой активности». При таком подходе не следует ожидать роста цен. Разумеется, Беркли допустил типичный инфляционистский промах: он не учел, что «расширение торговли и деловой активности» в денежном выражении будет результатом инфляции денег, последующего роста всех цен и денежных ценностей. (Вот его вопрос по этому поводу: «Поэтому не следует ли время от времени умножать количество банковских билетов, но сообразно тому, в какой мере растут торговля и деловая активность?»)

11.6. ОТВЕТ СТОРОННИКОВ ТВЕРДЫХ ДЕНЕГ

В XVIII в. реакция на идеи и провалы Джона Ло, естественно, подразумевала возвращение в изначальной континентальной традиции твердых денег, которой теперь бросали вызов новоучрежденные институты — центральный банк и банковская система с частичным резервированием. С одним из первых и самых блестящих ответов выступил Ричард Кантильон, бывший партнер Ло, сразу же подметивший всю опасность мис-

сисипского пузыря. В своем замечательном «Опыте о природе торговли вообще», написанном около 1730 г., он фактически основал современную экономическую теорию. (О Кантильоне см. главу 12.)

Самая же быстрая в Англии ответная реакция на идеи и деяния Ло также была и одной из самых примечательных. Исаак Жервез (ум. 1739) родился в Париже в протестантской семье; его отцу принадлежала фирма, занимавшаяся производством и продажей шелка. Жервез-старший переехал в Лондон, где Исаак начал работать в семейной фирме. В 1720 г. он опубликовал короткую, меньше 30 страниц, но великолепную по замыслу брошюру «Система, или Теория мировой торговли» («The System or Theory of the Trade of the World») ³². Критикуя концепцию банковского кредита и денежной экспансии Ло, Жервез раньше Кантильона и Юма выявил характерную для всех стран тенденцию к установлению денежного равновесия, или «механизм» связи цен с перетоком драгоценных металлов. Если искусственное наращивание банковского кредита отсутствует, указывал он, денежная масса в любой стране будет находиться в определенной пропорции к объему ее производства или торговли. В каждой стране потребление и производство, импорт и экспорт имеют тенденцию к сбалансированности. Если равновесие нарушается, и, скажем, какая-нибудь страна получает «избыточный» приток золота и серебра, этот излишек тратится на импорт, торговый баланс смещается, импорт становится больше экспорта, и за это приходится платить оттоком драгоценных металлов. В свою очередь, отток ликвидирует излишки денег и возвращает страну к равновесному денежному и торговому балансу.

Однако такие схемы, как у Ло, предупреждал Жервез, нарушают равновесие: банковский кредит, служащий заместителем денег, искусственно и протivoестественно наращивает денежную массу, увеличивает потребление, в том числе за счет импорта, поднимает внутренние цены и снижает экспорт; таким образом, расширение банковского кредита будет приводить к оттоку драгоценных металлов. Искусственный кредит не может принести долгосрочных выгод. Кроме того, Жервез дал ясно понять, что кредитная экспансия вызовет лишь переориентацию инвестиций и производства от «естественных» областей, действительно обслуживающих потребителей, на такие проекты, которые окажутся чрезмерно затратными и экономически нецелесообразными ³³.

Следует отметить, что предпринятый Жервезом анализ последствий денежной экспансии ближе к позиции Кантильона, поскольку подчеркивает, что увеличение денежной массы побуждает людей тратить больше, чем к позиции Юма, который рассматривал рост денежной массы исключительно в плане повышения цен и не обратил внимания на отток драгоценных металлов, вызываемый повышенными расходами на импортную и отечественную продукцию ³⁴.

Рассмотрев природный закон, торговлю, самонастраивающееся рыночное равновесие и нарушения, вносимые в их действия государст-

вом, Жервез настоятельно рекомендовал полностью свободную торговлю, свободную от любых воздействий и ограничений со стороны государства. Бескомпромиссная позиция Жервеза тем более примечательна еще и потому, что его собственная фирма имела монопольные привилегии, предоставленные английским Парламентом. Но Жервез отважно заключил: «Торговля находится в наилучшем состоянии тогда, когда она естественна и свободна. Воздействовать на нее законами или налогами всегда опасно: если предполагаемые выгоды и преимущества можно представить, то трудно представить приносимый такими мерами вред, который всегда по меньшей мере равен получаемым выгодам». Здесь Жервез предвосхитил проницательные соображения представителя *laissez faire*, французского экономиста XIX в. Фредерика Бастиа. Как подчеркивал этот последний, государственное вмешательство исходит из следующей презумпции: выгоды, субсидии и привилегии вступают в силу непосредственно и немедленно, тогда как серьезные негативные последствия суть нечто отдаленное и опосредованное. Первые «видимы», вторые «невидимы»; поэтому видимые выгоды и привлекают все внимание. Общий вывод Жервеза, призывающий к свободе и соблюдению природного закона, предвосхищает позицию Тюрго и других французских представителей *laissez faire* XVIII в.: «Человек естественным образом ищет и находит самые удобные и естественные средства для достижения своих целей; отвлечь его от этих средств можно только силой и против его воли»³⁵.

Исаак Жервез больше ничего не написал по экономическим вопросам; он стал видным англиканским священником. И тем более странно, что его выдающийся новаторский текст не оказал никакого влияния на английское общественное мнение. Он был скрыт от мира вплоть до тех пор, когда его разыскали историки в XX в.

Другим сторонником твердых денег, создавшим концепцию денежного равновесия, был торговец древесиной, урожденный голландец, Якоб Вандерлинт (ум. 1740), автор трактата «Деньги обеспечивают все» («Money Answers All Things», 1734)⁽²⁾. Несмотря на название, основная тема была такова: на свободном рынке деньги распределяются правильно и оптимально. На рынках всех стран цены тяготеют к равенству, и если у одной страны оказывается больше денег, более высокий уровень цен быстро выводит деньги из страны до тех пор, пока цены не вернутся к равновесию. Поэтому не имеет значения, сколь большими запасами драгоценных металлов располагает страна: цены их скорректируют. Если у страны небольшие запасы, цены там будут ниже, страна окажется в выигрышном конкурентном положении по сравнению с другими, и в нее потекут золото и серебро. Вандерлинта настолько заботило поддержание низких цен, дающих конкурентное преимущество перед другими странами, что он, сам того не зная, воспроизвел совет Кантильона правителям и богачам: хранить золото и серебро про запас, чтобы поддерживать низкий уровень цен³⁶.

Свою концепцию твердых денег Вандерлинт логично связывал с проблемой расширения банковского кредита. Банковский кредит, указывал он, приводит к росту денежной массы, а поскольку «в результате все цены вырастут, мы, участники рынка, будем поставлены перед необходимостью покупать товары тех стран, где цены ниже наших, и, следовательно, получим неблагоприятный торговый баланс»³⁷.

Как и Жервез, Вандерлинт резко критиковал инфляцию и банковское дело с частичным резервированием, а также обосновывал гармонию денег, цен и баланса торговли на свободном рынке. Подобно Жервезу, он выступал за ничем не ограниченную свободную торговлю: «В общем, не должно быть ни торговых ограничений, ни налогов, более высоких, чем это совершенно необходимо». Все попытки зафиксировать цены на золото и серебро или запретить вывоз монет тщетны: «Для государства не менее нелепо фиксировать цены золота и серебра, идущих на чеканку монеты, чем законодательным образом фиксировать и устанавливать цены на любой другой товар». Кроме того, Вандерлинт глубоко сожалел о ответственности государств в XVIII в., о высоких налогах и государственном долге, которые порождает война. Свободная торговля, свободные рынки и мир во всем мире идут рука об руку, а война — это недруг свободы. Война, предостерегал Вандерлинт, есть «одно из величайших бедствий, какие только выпадают на долю человечества; к чему приведет война, никогда нельзя с уверенностью сказать, а от созданного ею бремени (т.е. государственного долга и налогов) редко можно освободиться за одно поколение». Поэтому, торжественно заключил он, «невозможно предстать, что Создатель мира сего так все устроил, чтобы у людей была хоть какая-то необходимость убивать и уничтожать друг друга»³⁸.

Главным теоретиком среди сторонников твердых денег в Англии XVIII в. был Джозеф Гаррис (1702—1764), опубликовавший объемистый двухтомный труд «Опыт о деньгах и монетах» (*Essays Upon Money and Coins*), 1757—1758). Гаррис начинал сельским кузнецом, а затем отправился в Лондон, где стал писать работы по навигации, математике и астрономии. Он поступил на работу в Монетный двор и в 1748 г. был назначен пробирным мастером.

Гаррис критиковал порчу монеты, банковское дело с частичным резервированием и экспансию банковского кредита. В вопросе о денежных потоках он был несомненным последователем Кантильона. В частности, он считал, что деньги во всех странах стремятся к состоянию равновесия, и вместе с тем, как и Кантильон, утверждал, что увеличение денежной массы не просто приводит к росту цен, но неизбежно сказывается и на распределении денег, т.е. обогащает одних людей за счет других. Поэтому переток денег, хотя и самонастраивающийся, будет экономически вреден, особенно в процессе самонастройки. Хатчисон резюмирует позицию Гарриса следующим образом: «Приток денег обогащает одних за счет других, и такие процессы могут на некоторое время приводить к неполадкам». Поэтому внезапные колебания денежной массы, будь то

приток или отток, «чреватые опасностью в момент самого процесса и еще некоторое время спустя»³⁹.

На основании всех этих выводов Гаррис решительно выступал против любого изменения монометаллического денежного стандарта страны (он предпочитал золоту серебро, которое считал более устойчивым). Он четко и ясно предупреждал: «Установленный денежный стандарт нельзя нарушать или изменять ни под каким предлогом»⁴⁰.

11.7. LAISSEZ FAIRE В СЕРЕДИНЕ СТОЛЕТИЯ: ТАКЕР И ТАУНШЕНД

Если к середине XVIII в. в английской мысли прочно утвердилась позиция сторонников твердых денег, то почти то же самое можно сказать о параллельных, пусть и не до конца последовательных, выступлениях в защиту свободного рынка и свободы международной торговли. Выводы Вандерлина, Кантильона и Гарриса по поводу международной торговли и денежных потоков стали вескими аргументами в пользу свободы торговли. Как мы увидим ниже, позиции Кармайкла, Хатчисона и Юма в Шотландии тоже смещались в этом направлении.

Джозайя Такер (1713—1799), англиканский священник и декан Глостера с 1748 г.⁴¹, был автором известных работ по религии, политике и экономике; как сторонник свободной торговли он удостоился пышных похвал от такого великого приверженца *laissez faire*, политика и экономиста того времени, как Тьюго, который перевел две работы Такера на французский язык⁴². Однако позиция Такера по вопросу о свободе торговли была достаточно умеренной, а к тому же непоследовательной и противоречивой. Он выступал за полное запрещение экспорта сырья, за пошлины на готовую продукцию, за протекционистские пошлины для новых отраслей промышленности, предлагал государству под угрозой серьезных наказаний обязать землевладельцев выделять из каждых 400 акров 20 акров на лесопосадки и считал необходимым обложить высокими налогами товары для спорта и развлечений, а также предметы роскоши. Хотя Такер и предвосхитил Адама Смита в превознесении последствий эгоизма <self-interest> и «себялюбия» <«self-love»>, он в целом признавал за государством важную роль распорядителя и руководителя всей основанной на эгоизме деятельности. Кроме того, он был несомненным меркантилистом в том плане, что призывал государство поощрять прирост населения. Вместе с тем он критиковал законы о судоходстве и законы о ростовщичестве; в этих двух вопросах он был ближе к фритредерской позиции, чем постоянно и чрезмерно восхваляемый Адам Смит.

Говоря о свободном рынке, Такер последовательно и решительно выступал против войны и насильственных захватов. В письме к лорду Кеймсу во время Семилетней войны с Францией он писал: «Вой-

на, завоевания и колонии — вот наша нынешняя система; я же предлагаю прямо противоположную». Примечательно, однако, что Такер нисколько не сочувствовал американцам. Напротив, он считал, что Англия имеет полное право собирать налоги с колоний. Однако неприятие войны все же восторжествовало и распространилось на войну за удержание колоний. Америка, считал Такер, «всегда была жерновом на шее нашей страны и тянула нас вниз; а поскольку нам не хватило ума, чтобы перерезать веревку и освободиться от бремени, американцы любезно сделали это за нас»⁴³.

По большому счету, главная историческая заслуга Такера состояла в том, чтобы служить фоном для гораздо более последовательных экономистов из стана *laissez faire*, которые были несправедливо обойдены вниманием почти всех историков экономической мысли. Чарльз, третий виконт Тауншенд (1700—1764), оставался практически в полной неизвестности; его часто путают с его сыном, носившим такое же имя, прискорбным «достижением» которого стали налоги на чай и прочие товары, взвившиеся в американские колонии.

Наш лорд Тауншенд, получивший в наследство одно из самых крупных поместий в Англии, был сыном известного дипломата и сельскохозяйственного экспериментатора, прозванного «репой», и мужем блестящей светской львицы Одри. В первом памфлете лорд Тауншенд выступил против собственных экономических интересов, поскольку осудил политику субсидирования зернового экспорта. Памфлет под названием «Национальные размышления» (1751) был подписан «Землевладелец»; тем самым автор подчеркивал, что лично готов расстаться с субсидией⁴⁴.

Такер завязал с Тауншендом переписку, в которой поначалу защищал субсидии на экспорт зерна, но вскоре изменил свою позицию. Таким образом, Тауншенд обратил общественное внимание на неразумие британских властей, которые фактически субсидировали иностранцев, давая им возможность покупать зерно дешевле, чем оно обходилось самим англичанам. Особое впечатление на Такера производила методика Тауншенда, анализировавшего конкретные случаи с точки зрения общих принципов, а не наоборот, и, в частности, его приверженность принципу свободной конкуренции как противоположности монопольных привилегий, предоставляемых государством. Такер писал Тауншенду:

Мне чрезвычайно импонирует обыкновение Вашей Светлости разъяснять частые и крупные заблуждения в делах коммерции, свойственные тем людям, которые заключают от частного к общему. Между тем здесь нужно сначала составить себе общий план, описывающий свойства коммерции, и только потом переходить к частностям и отдельным людям, дабы проверить их соответствие общему интересу. Тот, кто не встает на такую позицию, судит о торговле как монополист, и обществу от него больше вреда, чем пользы⁴⁵.

По словам Такера, сам он убедился в том, что «субсидирование отраслей, которые прошли начальный период развития, не приносит государству никакой пользы».

Немного позже в переписке лорд Тауншенд продемонстрировал свою приверженность принципам свободного рынка, подвергнув критике непоследовательность директора Ост-Индской компании сэра Мэтью Деккера. Деккер (1679—1749), эмигрант из Голландии, тоже осуждал зерновые субсидии, но Тауншенд был сильно разочарован одним его предложением: «Несмотря на свои в целом здравые взгляды, он предлагает создать монопольные компании и учредить государственные склады зерна в каждом графстве... Поразительная нелепость и непоследовательность»⁴⁶. Впрочем, непоследовательность не столь уж поразительная, если учесть, что Деккер был директором самой крупной монопольной компании. Тауншенд продолжает: «Если торговля, промышленность и все наши порты будут свободны, а все пошлины, запреты, субсидии и монополии любого вида будут отменены, тогда частные торговцы возведут зерновые склады, как делали это для других товаров, все у нас будет поставлено на правильную и естественную основу, и этот остров станет, как уже стала Голландия, великим европейским рынком зерна. Но пока субсидии остаются, это недостижимо».

В «Национальных размышлениях» Тауншенд выразил заботу о бедных и призвал не передавать в суды дела по небольшим долгам, чтобы хоть как-то облегчить положение бедняков. Однако в более поздних письмах он представил Парламенту законопроект, который должен был повысить мобильность работающих бедняков путем отмены «ограничения по неплатежеспособности и других ограничений». По мнению профессора Рашида, такое изменение позиции объясняется следующим: «Опираясь на принцип *laissez faire*, Тауншенд пришел к убеждению, что лучшая помощь беднякам — это предоставление им полной свободы самими устраивать свои дела»⁴⁷.

Лорд Тауншенд горел таким желанием распространять принципы свободного рынка и свободной торговли, что в 1756 г. учредил в Кембридже призы за работы по экономическим вопросам. Однако через год конкурс работ был отменен, поскольку Тауншенд и университет не смогли согласовать их тематику. В частности, университет отклонил предложенную Тауншендом тему «Какое влияние оказывает торговля на моральные устои нации?». В свою очередь, Тауншенд был недоволен тем, что университет не желает видеть никакой связи между торговлей и нравственностью. Его ответ был четким и категорическим: «Не существует такой моральной обязанности, которая не была бы свойственна коммерции. Свобода торговли есть не что иное, как свобода быть нравственными действующими лицами». В этом заявлении нашла выражение либертарная убежденность в единстве между свободной нравственной деятельностью и свободой приобретать, производить и обменивать собственность.

В других предложенных Тауншендом вопросах тоже ясно заметна либеральная тональность:

- «Что больше содействует росту богатства и могущества нации — свободная торговля или свободное государство?»;
- «Можно ли в чем-либо ограничить торговлю или производство, не ухудшив при этом их состояния? А если можно, то каким образом?»;
- «Есть ли какой-нибудь способ повысить налоги без ущерба для торговли? А если есть, то каков он?»⁴⁸.

Хотя историки в большинстве своем забыли Тауншенда, его взгляды в то время были весьма влиятельны. Авторитетный «Monthly Review» сразу же после выхода «Национальных размышлений» задался вопросом о том, кто же скрывается за псевдонимом «Землевладелец», а через год памфлет Тауншенда был процитирован в другом сочинении о зерновых субсидиях. Лорд Тауншенд получил хорошую прессу в видном периодическом издании «The Gazetteer». А в 1768 г., четыре года спустя после смерти Тауншенда, вышел анонимный памфлет «Соображения о полезности и честности ост-индской торговли», который вновь призвал к упразднению монополии Ост-Индской компании и оплакал смерть лорда Тауншенда, большого знатока коммерческих вопросов.

Очевидно, что лорд Тауншенд пользовался в Англии середины XVIII в. гораздо более значительным влиянием, чем признавали позднейшие историки. Кроме того, он был примером и воплощением подъема настроений *laissez faire* в Англии той эпохи.

11.8. ПРИМЕЧАНИЯ

1. D.A.G. Waddell, "Charles Davenant (1656—1714) — A Biographical Sketch", *Economic History Review*, ser. 2, II (1958), p. 288.
2. W. Letwin, *The Origins of Scientific Economics* (Garden City, NY: Doubleday, 1965), p. 122. См. также: T. W. Hutchison, *Before Adam Smith: The Emergence of Political Economy, 1662—1776* (Oxford: Basil Blackwell, 1988), p. 51. Впрочем, профессор Хатчисон склонен переоценивать научные претензии Давенанта.
3. Сочинение Кинга было опубликовано лишь в 1802 г. Джорджем Чалмерсом. Кинг, архивариус и бухгалтер, написал несколько работ по статистике и политической арифметике, которые долгое время оставались неопубликованными. «Естественные и политические наблюдения», а также еще один трактат увидели свет в издании: George E. Barnett (ed.), *Two Tracts by Gregory King* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1936).
4. О сомнительности фактических данных и самого «закона» свидетельствует тот факт, что в несколько более позднем трактате Кинг представил совершенно другое количественное соотношение:

Снижение урожая

 $2/_{10}$ $3/_{4}$

Повышение цен

 $30/_{10}$ $40/_{10}$ См.: Hutchison, *op. cit.*, note 2, p. 387.

5. John Creedy, "On the King-Davenant Law of Demand", *Scottish Journal of Political Economy*, 33 (August 1986), pp. 208—210, *ibid.*, pp. 193—212. См. также: John Creedy, *Demand and Exchange in Economic Analysis* (Aldershot, Hants: Edward Elgar, 1992), pp. 7—23, — такая же оценка в несколько иной формулировке.
6. Имело место непосредственное проникновение в Англию идей Томаса Мюнцера и коммунистических анабаптистов. Один из соратников Мюнцера, Генри Никлас, пережил разгром анабаптизма и основал фамилизм — пантеистическое мировоззрение, утверждавшее, что человек и есть Бог, и призывавшее к установлению царства Божьего (человеческого) на земле, единственном месте, где такое царство может существовать. Фамилистские идеи занес в Англию ученик Никласа, голландский плотник Кристофер Виттельс, и в конце XVI в. фамилизм распространился в Англии. В начале XVII в. центром фамилизма стал Гриндлтон в Йоркшире. Там в течение десятилетия после 1615 г. «гриндлтоновцев» возглавлял местный приходской священник преподобный Роджер Брирли. Притягательной стороной фамилизма в числе прочего был его антиномизм, убеждение, что истинно богоугодные люди, т.е. они сами, по определению не могут совершать ничего греховного. Поэтому антиномисты брали за правило греховным, по обычным меркам, поведением, чтобы продемонстрировать всем и каждому свой праведный «безгрешный» статус.
7. «Левую окраску» левеллеры приобрели благодаря своему самоназванию («уравнители»), а также благодаря вниманию марксистских историков, которые хвалили их радикализм и считали наиболее последовательными деятелями «буржуазной революции» XVII в. и последующих столетий. Однако левеллеры ни в каком отношении не были эгалитаристами за исключением одного: в либеральном смысле *laissez faire* они выступали против особых привилегий, предоставляемых государством. О левеллерах в первую очередь можно порекомендовать издание: Don M. Wolfe (ed), *Leveller Manifestoes of the Puritan Revolution* (1944, New York: Humanities Press, 1967), включая обширное предисловие редактора; самое последнее собрание сочинений левеллеров — A.L. Morton (ed), *Freedom in Arms: A Selection of Leveller Writings* (London: Lawrence & Wishart, 1975). См. также классическое исследование: H. N. Brailsford, *The Levellers and the English Revolution* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1961). Один из лучших кратких очерков учения левеллеров — С. В. Macpherson, *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke* (Oxford: Clarendon Press, 1962), pp. 137—159.
8. Много недоразумений связано с мнением Лео Штрауса и его последователей, считавших, что Локк был адептом природных прав, который (вслед за Гоббсом) порвал с мудрой древней традицией природного закона. На самом же деле Локк, защищая природные права, опирался на схоластическую традицию природного закона и был противником государственного абсолютизма, который в консервативном духе Гроция проповедовал Гоббс. О Гоббсе, Локке и кружке Тью см.: Richard Tuck, *Natural Rights: Their Origin and Development*

- (Cambridge: Cambridge University Press, 1979). Интерпретация Лео Штрауса содержится в его работе *Natural Right and History* (Chicago: University of Chicago Press, 1953). О критике мнения Штрауса и о противоположном мнении, согласно которому Локк был не последователем Гоббса, а представителем традиции природного закона, см.: Raghuvveer Singh, “John Locke and the Theory of Natural Law”, *Political Studies*, 9 (June 1961), pp. 105—118.
9. Наиболее полное изложение концепции Покока содержится в: J.G.A. Pocock, *The Machiavellian Movement* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975). Помимо критических по отношению к Пококу работ Исаака Камника и Джойс Эплби можно порекомендовать еще одно убедительное опровержение центрального тезиса Покока — мнимой опоры на «классическую добродетель» в пропитанных радикальным духом Локка «Письмах Катона», оказавших сильнейшее либеральное влияние на американских революционеров; см.: Ronald Hamowy, “Cato’s Letters: John Locke and the Republican Paradigm”, *History of Political Thought*, II (1990), pp. 273—294.
  10. Richard Ashcraft, *Revolutionary Politics and Locke’s Two Treatises on Government* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986).
  11. *Ibid.*, pp. 75—82, 370—371.
  12. Однако при более внимательном взгляде на политическую ситуацию в Голландии XVII в. выясняется, что партией свободного рынка, децентрализации и мирной внешней политики были республиканцы, или арминяне, последователи протестантского теолога Якоба Арминия, который в теологическом плане сближался с католиками, поскольку признавал, что для спасения необходима свобода воли. Кальвинистская партия Голландии, напротив, выступала за Оранжевскую монархию, этатизм, регулирование рынков и агрессивную внешнюю политику.
  13. Как отмечает Летвин, «Чайлд утверждал, что заграничная торговля — за исключением ост-индской — должна быть открыта для всех, кто хочет ею заняться; рассуждения Чайлда усеяны выражениями, намекающими на *laissez faire*... Подобно многим меркантилистам, он, несомненно, был противником некоторых меркантилистских ограничений, но никогда не выступал против меркантилизма как такового. Он возражал против ограничений, которые мешали интересовавшим его отраслям производства, и столь же последовательно одобрял ограничения, полезные этим отраслям. Он занимал точно такую же позицию, как, скажем, текстильный фабрикант, который выступает против ограничений или протекционистских пошлин на импорт закупаемой им пряжи, но призывает ввести высокие пошлины на готовые ткани, конкурирующие с его товаром» (Letwin, *op. cit.*, pp. 46—47).
  14. Шумпетер благосклонно отзываясь о Чайлде, поскольку полагает, что тот был автором трактата «Филопатрида», написанного с позиции *laissez faire*: деньги в нем считаются просто одним из товаров, так что не имеет значения, ввозятся они или вывозятся. Однако Летвин убедительно доказал, что Чайлд не был автором этого трактата. См.: Letwin, *op. cit.*, pp. 50, 253—255.
  15. Letwin, *op. cit.*, p. 8. Следует также упомянуть критический памфлет Томаса Мэнли «Исследование ростовщичества под шесть процентов» («*Usury at Six Per Cent Examined*», 1669) и анонимный трактат с говорящим названием «Ошибочный денежный процент, или Трактат, доказывающий, что снижение процента есть следствие, а не причина богатства страны» («*Interest of Money*

- Mistaken, Or, A Treatise proving that the abatement of interest is the effect and not the cause of the riches of a nation...», 1668).
16. См.: Henry W. Spiegel, *The Growth of Economic Thought* (3rd ed., Durham, NC: Duke University Press, 1991), pp. 154—155.
  - (1). Русский перевод: Локк Дж. Некоторые соображения о последствиях снижения процентной ставки и повышения ценности денег // Этика процента: Дж. Локк и И. Бенгам о природе ссудного процента и его регулировании. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 49—200. — *Прим. изд.*
  17. Hutchison, *op. cit.*, note 2, p. 67. Подробнее см.: Letwin, *op. cit.*, pp. 69—81, 182—184, 260—270.
  18. Подлинное его имя было хотя и благочестивым, но труднопроизносимым: «Unless-Jesus-Christ-Had-Died-For-Thee-Thou-Hadst-Been-Damned» [Если бы Иисус Христос не умер за тебя, ты был бы проклят].
  19. «Рассуждение о чеканке облегченной монеты или Ответ на “Соображения” г-на Локка» («Discourse Concerning Coining the New Money Lighter, In Answer to Mr. Lock’s Considerations...», 1696). См.: Letwin, *op. cit.*, pp. 78—79.
  20. Несмотря на враждебное отношение к позиции Локка со стороны современных историков, питающих симпатию к инфляционизму и кейнсианству, Летвин убедительно показывает (Letwin, *op. cit.*, pp. 69—77, 260—270), что нежелательное снижение цен, которое инфляционисты ожидали от сокращения количества денег в результате реализации программы Локка, так и не произошло. О безусловно заимствованном у схоластов мнении Локка, изложенном в его книге «Продажа» («Venditio», 1695), что справедливая цена — это рыночная цена, см.: Karen I. Vaughn, *John Locke: Economist and Social Scientist* (Chicago: University of Chicago Press, 1980), pp. 123—131.
  21. Картину усложняло то обстоятельство, что правящую элиту вигов возглавлял Роберт Уолпол и семейство Пелэмов, которые, субъективно будучи либералами, приверженными *laissez faire* и политике мира, стремились управлять партией вигов на прямо противоположных принципах. Уолполу это удавалось с 1720-х по 1740-е гг., а затем его дело продолжили Пелэмы — главным образом с помощью блестящей политической манипуляции и умелых тактических приемов, которые и слева, и справа осуждались как «коррупция». Уолпол на время умиротворял влиятельных вигов в основном таким способом: он проводил через Парламент меркантилистские меры (например, ограничение американской колониальной торговли и местного производства), а потом просто ничего не предпринимал для их реализации. См.: Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty, Vol. II: “Salutary Neglect”* (New Rochelle, NY: Arlington House, 1975), Part III.
  22. «Жизнеописание» 1742 г. было посвящено Фрэнсису, барону Гилфорду, а в издании 1744 г. вошли биографии Дадли и младшего брата Дадли Джона (1645—1683), который за свою недолгую жизнь стал профессором греческого языка и ректором кембриджского колледжа Св. Троицы. Самый старший брат Чарльз Норт (1630—1690) вел уединенную жизнь, и о нем мало что известно.
  23. Превосходный анализ вклада Дадли и Роджера Норттов можно найти в работе Летвина: Letwin, *op. cit.*, pp. 196—220, 271—294.
  24. Letwin, *op. cit.*, p. 204; курсив Летвина.
  25. *Ibid.*, p. 209.

26. Ibid., pp. 215—216.
27. В следующем году авторитарный политический философ Томас Гоббс в своем знаменитом «Левиафане» (1651) тоже использовал аналогию денег и крови. Описав, как деньги «совершают круговорот и и в своем прохождении питают каждую часть [государства]», Гоббс добавляет: «Ибо естественная кровь образуется точно таким же образом из продуктов земли и, циркулируя, попутно питает каждый член человеческого тела». См.: Jacob Viner, *Studies in the Theory of International Trade* (New York: Harper & Bros, 1937), p. 37n <ср.: Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 322>.
28. Шарль Рист высказал в адрес Ло справедливый упрек: «Если наличие в процветающей стране изобилия металлических денег вело к выводу, что для развития производства или добычи природных ресурсов в бедной стране достаточно “снабдить” ее бумажными деньгами, то такое умозаключение явно противоречило здравому смыслу... Шотландия, страна пастухов и рыбаков, гористая, бедная природными ресурсами, могла бы, конечно, нарастить денежную массу, но это не принесло бы ей ни подъема производства, ни развития торговли и сельского хозяйства, ни появления процветающего судоходства. Всего этого можно было добиться лишь упорным трудом и бережливостью ее жителей» (Charles Rist, *History of Monetary and Credit Theory from John Law to the Present Day* (1940, New York: A.M. Kelley, 1966), pp. 47—48).
29. См.: Joseph T. Salerno, “Two Traditions in Modern Monetary Theory: John Law and A.R.J. Turgot”, *Journal des Économistes et des Études Humaines*, 2, note 2—3 (June—Sept 1991), pp. 340—341.
30. Об отношениях между Ло и Кантильоном в этот драматический период см. главу 12. Об отношении Ло и Кантильона к пузырям Миссисипи и Южного моря см.: Antoin E. Murphy, *Richard Cantillon: Entrepreneur and Economist* (Oxford: The Clarendon Press, 1986); об эволюции взглядов Ло см.: Antoin E. Murphy, “The Evolution of John Law’s Theories and Policies, 1707—1715”, *European Economic Review*, 34 (July 1991), pp. 1109—1125. Об оценке взглядов Ло и его неожиданном влиянии на современных экономистов см.: Salerno, op. cit., note 29, pp. 337—379. О влиянии Ло на Адама Смита см. также: Roy Green, *Classical Theories of Money. Output and Inflation* (New York: St Martin’s Press, 1992), pp. 110—127.
31. Например, сэр Хэмфри Макворт «позаимствовал» инфляционистские взгляды Ло и использовал их в своем трактате «Предложение о выплате государственного долга» («A Proposal for Payment of the Publick Debts», 2-е изд., 1720). См.: Viner, op. cit., note 27, pp. 44—45.
32. Полное название брошюры говорит, что она направлена против денежной и кредитной экспансии, которую предлагал Ло: «Система, или Теория мировой торговли, рассматривающая различные виды ценности, балансов торговли, обмена, производства, компаний, показывающая вредоносные последствия кредита и то, что он противоречит главной цели национальной торговли» («The System or Theory of the Trade of the World, Treating of the Different Kinds of Value, of the Balances of Trade, of Exchange, of Manufactures, of Companies, and Shewing the Pernicious Consequences of Credit, and That it Destroys the Purpose of National Trade»).
33. Жервез писал: «Вся выгода, которую получает страна от противоестественного раздувания своей меры <denominator> [денежной массы], сводится лишь

- к тому, что ее жители некоторое время живут пропорционально этому раздуванию, зарабатывают большие цифры, чем остальной мир, но всегда за счет монет или за счет своих запасов реального и экспортируемого труда... Из всех вещей в мире прочную и долговременную ценность имеют только продукты труда. Все прочее, имеющее номинальную ценность, — это лишь бесплотная тень, которая непременно рассеивается и исчезает, превращаясь в первоначальное ничто». См.: Hutchison, *op. cit.*, note 2, pp. 127—128.
34. Секайн прав, когда называет эту концепцию Жервеза—Кантильона «эффектом остатков наличности», а не кейнсианским «эффектом дохода». См.: Thomas T. Sekine, “The Discovery of International Monetary Equilibrium by Vanderlint, Cantillon, Gervaise, and Hume”, *Economia Internazionale*, 26 no. 2 (May 1973), pp. 270—274.
35. Hutchison, *op. cit.*, note 2, p. 128.
- (2). В качестве названия автор выбрал цитату из Книги Екклезиаста (10, 19). Контекст в Синодальном переводе: «Пиры устраиваются для удовольствия, и вино веселит жизнь; а за все отвечает серебро» (<https://allbible.info/bible/sinodal/ec/10/>); в современном переводе: «Люди готовят еду, чтобы насладиться ею, и вино украшает жизнь. Деньги же обеспечивают всё» (<https://allbible.info/bible/modern/ec/10/>). Ср. украинский перевод: «Гостину справляють для радощів, і вином веселиться життя, а за срібло все це можна мати» (<https://allbible.info/bible/ogienko/ec/10/>).
36. Тезаврируя звонкую монету, указывал Вандерлинт, «и, следовательно, выводя значительное количество этих металлов из торговли, можно... оградить наши рынки от такого роста цен, который станет препятствием для экспорта наших товаров или слишком большим стимулом для импорта заграничных товаров». См.: Chi-Yuen Wu, *An Outline of International Price Theories* (London: George Routledge & Sons, 1939), p. 64.
37. *Ibid.*, pp. 64—65.
38. Hutchison, *op. cit.*, note 2, p. 132—133.
39. Последняя цитата принадлежит Гаррису. См.: Hutchison, *op. cit.*, note 2, p. 244.
40. О похожем мнении Дэвида Юма по поводу 100%-ного банковского резервирования в Шотландии примерно в то же самое время см. главу 15 о Шотландском Просвещении.
41. Такер был сыном фермера из Уэльса и некоторое время работал чиновником по соляному акцизу. Затем он поступил в Оксфорд и после окончания принял духовный сан в Англиканской церкви. Его почитатели любят повторять историю, несомненно правдивую, что в начале и в конце каждого семестра он ходил из Уэльса в Оксфорд и обратно пешком, чтобы не брать у отца единственную лошадь. Конечно, этот рассказ характеризует Джосайю с лучшей стороны, но вместе с тем свидетельствует о его незавидном финансовом положении.
42. Первой работой Такера по экономике был «Опыт о торговле» («*Essay on Trade*», 1749), почти бестселлер, выдержавший к 1764 г. четыре издания. Такер планировал написать обширный труд по экономической теории, но написал лишь две части, которые не предназначались для широкой публикации и были напечатаны в небольшом количестве для друзей: «Основоположения коммерции и теория налогов» («*The Elements of Commerce and Theory of Taxes*», 1755) и «Руководство для путешественников» («*Instruction for Travellers*»,

- 1757). В наше время чрезмерно пылким почитателем Такера является Хатчисон. Вряд ли можно считать уместным его раздраженное замечание, что когда Джейкоб Вайнер называет Такера «меркантилистом», он «доводит до абсурда этот проблемный термин»; Вайнер оценивает Такера рассудительно и сдержанно. См.: Hutchison, *op. cit.*, note 2, p. 238; Viner, *op. cit.*, note 2, p. 64, 71—72, 87, 98—100.
43. Мнению Такера вторили другие раздраженные британские тори. Так, великий Джон Уэсли, основатель методизма, заявил: «Я, как и декан Такер, говорю: “Пусть отделяются”... С тех пор, как умерла королева Анна [1715], сохранение колоний обошлось нам в 34 миллиона. Пусть они нам больше ничего не стоят». Прославленный д-р Джонсон в своем «Налогообложение — не тирания» (*Taxation No Tyranny*, 1775) отметил: «Декан Глостера предложил и, думаю, со всей серьезностью, что мы должны отказаться от всех наших требований, объявить, что американцы сами себе хозяева и мы отпускаем их на волю вольную... Прискорбно, конечно, что мы столько лет сражались за их безопасность, а теперь больше не должны ими управлять». Джонсон выдвинул свое «радикальное контрпредложение»: «Давайте вернем французам все, что мы у них отняли. Тогда эти колонисты сами придут поклониться нам». С этим доведенным до абсурда предложением Джонсона Такер, несомненно, вполне согласился бы. См.: George Shelton, *Dean Tucker and Eighteenth-Century Economic and Political Thought* (New York: St Martin's Press, 1981), pp. 214—215.
44. Полное название гласит: «Национальные размышления, рекомендуемые серьезному вниманию публики. С приложением, показывающим опасности, которые проистекают от зерновых субсидий» (*National Thoughts, Recommended to the Serious Attention of the Public. With an Appendix, Shewing the Damages Arising from a Bounty on Corn*). См.: Salim Rashid, “Lord Townshend and the Influence of Moral Philosophy on Laissez Faire”, *The Journal of Libertarian Studies*, 8, no. I (Winter 1986), pp. 69—74. Рашид оказался фактически единственным историком, который вернул Тауншенда из небытия и продемонстрировал важность его взглядов. Ср.: Shelton, *op. cit.*, pp. 79, 88. Рашид отмечает, что некоторые ведущие научные библиотеки ошибочно приписали авторство памфлета сыну Тауншенда. См.: Rashid, *op. cit.*, p. 73.
45. Такер — Тауншенду, 22 апреля 1752 г. Rashid, *op. cit.*, p. 73.
46. Любопытно сравнить критическую оценку Деккера у Тауншенда с обильными похвалами тому же Деккеру у Хатчисона. Последний считает Деккера чуть ли не героическим защитником свободной торговли, который призывал «к отмене всех пошлин», выступал против закона о судоходстве и карательных тарифов. См.: Rashid, *op. cit.*, p. 71; Hutchison, *op. cit.*, note 2, pp. 393—394.
47. Законопроект Тауншенда был внесен в Парламент в 1753 г., но до голосования не дошел. См.: Rashid, *op. cit.*, pp. 71, 73.
48. Rashid, *op. cit.*, p. 72. Ясно, что Тауншенд рассчитывал получить следующие ответы: 1) свободная торговля, 2) нет, 3) нет.

ГЛАВА 12

ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: РИЧАРД КАНТИЛЬОН

Большинство людей — как экономистов, так и простых обывателей — считают, что экономическая теория появилась в готовом виде из головы Адама Смита в конце XVIII в. После чего Давид Рикардо, отталкиваясь от Смита, дал старт тому, что известно как первый, или «классический», период современной экономической мысли, включая агрегирующий подход и теорию ценности на основе издержек производства, и даже трудовую теорию ценности. Однако сегодня мы знаем, что такой взгляд полностью ошибочен. Современная экономическая мысль, т.е. анализ, направленный на объяснение рыночной экономики, появилась на полвека раньше «Богатства народов» Смита и не в Британии, а во Франции. Причем характерно, что французских авторов, несмотря на всю их непохожесть друг на друга, следует считать не предрикардианцами, а протоавстрийцами, т.е. предтечами направления индивидуалистического, микроэкономического, дедуктивного и основанного на субъективной ценности, которое возникло в Вене в 1870-е гг.

345

12.1. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Честь называться «отцом современной экономической теории» принадлежит не привычному лауреату, Адаму Смиту, а офранцузенному ирландскому купцу, банкиру и авантюристу, написавшему первый трактат по экономической теории более чем на сорок лет раньше публикации «Богатства народов». Ричард Кантильон (ок. нач. 1680-х — 1734) — одна из самых поразительных фигур в истории социально-экономической мысли. Кроме того факта, что он умер мультимиллионером, о его жизни почти ничего не известно, но в лучших современных исследованиях показано, что родился он в Ирландии, в графстве Керри, в семье ирландского мелкопоместного дворянина, лишившегося имения в ходе грабительского вторжения английского пуританского захватчика Оливера Кромвеля. По сложившейся в XVI в. традиции, когда британские религиозные и политические изгнанники уезжали во Францию¹, двоюродный дядя Кантильона, которого тоже звали Ричард, эмигрировал в Париж и стал там успешным банкиром. Кантильоны принадлежали к католической эмиграции, в конце XVII в. сгруппировавшейся вокруг претендента на британский трон из династии Стюартов. <Наш> Ричард Кантильон отправился в парижскую эмигра-

цию в 1714 г., где быстро стал основным помощником дяди в его банке. Более того, дядя матери Ричарда сэр Дэниел Артур был видным банкиром в Лондоне и Париже и назначил двоюродного дядю Ричарда корреспондентом своего лондонского банка². Через два года Кантильон сумел выкупить парижский банк у своего дяди Ричарда.

Теперь Ричард Кантильон занимал положение банкира двора Стюартов в изгнании, а также многих британских и ирландских эмигрантов в Париже. Но главной его удачей стали связи с шотландским архиинфляционистом Джоном Ло (1671—1729), которому удалось пленить воображение регента Франции и пробудить нем алчность. Смерть престарелого Людовика XIV в 1715 г. вызвала прилив оптимизма и смягчение режима, во главе которого встал регент герцог Орлеанский.

Джон Ло убедил регента, что страна способна добиться устойчивого процветания и решить проблему государственного долга. Для этого правительству Франции нужно только финансировать огромный дефицит госбюджета путем масштабных вливаний относительно нового инструмента — государственных бумажных денег. Став главным специалистом по финансам во французском правительстве и даже генеральным контролером финансов Франции, Ло развязал безудержную инфляцию, породившую безумно спекулятивный Миссисипский пузырь (1717—1720). Прежде чем лопнуть, пузырь создал скороспелых миллионеров, а затем обрек Джона Ло на нищету и бесчестье. Даже само слово «миллионер» возникло именно в разгар Миссисипского пузыря³.

Когда пыль осела, рассудительный Ричард Кантильон, который был ведущим партнером Джона Ло в миссисипских спекуляциях, оказался мультимиллионером. Согласно легенде, на начальном этапе своей головокружительной карьеры в деле управления французскими государственными финансами Джон Ло явился к Кантильону и обрисовал ему ситуацию: «Будь мы в Англии, мы бы заключили сделку и утрясли проблемы, но поскольку мы во Франции, сегодня же вечером я могу отправить вас в Бастилию, если вы не дадите мне слово уехать из королевства в 24 часа». В ответ Кантильон якобы сказал: «Погодите, я никуда не поеду и помогу вашей системе добиться успеха». Как бы то ни было, нам известно, что в ноябре 1718 г. Ло, Кантильон и английский спекулянт Джозеф Эдвард («Красавчик») Гэйдж основали частную компанию. Гэйдж так разбогател на спекуляциях с бумагами организованного Ло государственного банка, выпускающего банкноты, и Миссисипской компании, что в тот момент всерьез пытался выкупить Польское королевство у его короля Августа.

Когда миссисипская лихорадка достигла апогея и потеряла динамизм, Кантильон, как проницательный финансовый аналитик, понял, что пузырь вот-вот лопнет, и предпринял шаги, позволившие ему заработать миллионы на глупости своих партнеров и клиентов. Ссужая деньги Гэйджу и другим для покупки акций Миссисипской компании по инфлированным ценам, Кантильон, не привлекая внимания, продал все собственные акции и инфлированные акции, оставленные ему заемщиками в качестве

обеспечения, запер свои документы в сейф и, прихватив с собой накопленные миллионы, отбыл в Италию, чтобы там в безопасности переждать «надвигающуюся финансовую бурю». После того как Гэйдж и другие клиенты Кантильона разорились в результате краха 1720 года, Кантильон стал добиваться от них выплаты кредитов, которые они в свое время с радостью брали под 55%, включавших в себя огромную инфляционную премию.

В Париж Ричард Кантильон вернулся мультимиллионером, хоть и крайне непопулярным у своих бывших компаньонов и должников. Вскоре он женился на дочери покойного ирландского генерала графа Дэниела О'Махони Мэри-Энн. Его теща Шарлотта Балкли была сестрой жены Джеймса Фитц-джеймса, герцога Берквика, маршала Франции и незаконнорожденного сына английского короля Якова II, соответственно являвшегося претендентом на британский престол из династии Стюартов Яковом III. Таким образом, Кантильон породнился с семьей ирландских военных, имевших тесные связи со Стюартами и французским королевским двором.

Где-то в начале 1730-х гг., возможно около 1730 г., этот успешный банкир и спекулянт написал на французском свое великое сочинение «Опыт о природе торговли вообще» («*Essai sur la nature du commerce en général*»). По моде того времени, возникшей из-за цензуры той эпохи, этот трактат не был опубликован, а широко циркулировал в литературных и интеллектуальных кругах в рукописных копиях, пока наконец не был опубликован спустя 20 лет в 1755 г.

Уход Ричарда Кантильона из жизни был столь же таинственным и авантюрным, как и весь его жизненный путь. В мае 1734 г., проживая в Лондоне в одном из принадлежавших ему многочисленных домов в крупнейших городах Европы, Кантильон погиб в пожаре, полностью уничтожившем его дом. Впоследствии выяснилось, что он был убит внутри дома и пожар предположительно должен был скрыть убийство. По этому делу были допрошены и признаны невиновными трое его слуг, а его повар-француз, уволенный тремя неделями раньше, сбежал на континент со значительным количеством ценных вещей. Его так и не нашли. Граф Эгмонт, чей брат жил по соседству с Кантильоном, записал в дневнике, что Кантильон вел «порочный образ жизни, а его слуги пользовались дурной репутацией». При столь таинственных обстоятельствах оборвалась жизнь единственного выдающегося экономиста в истории, ставшего жертвой убийства⁴.

12.2. МЕТОДОЛОГИЯ

Стенли Джевонс справедливо назвал «Опыт» Кантильона «первым трактатом по экономической теории», а историк экономической мысли Шарль Жид — первым систематическим трактатом по политической экономии. Лучшая общая оценка принадлежит перу Ф. Хайека, австрийского экономиста, написавшего несколько важных статей по истории экономиче-

ской мысли: «...этот одаренный независимый наблюдатель, находившийся в наилучшем месте в самой гуще событий, взглянул на них взглядом прирожденного теоретика и стал первым человеком, которому удалось обозреть и представить нам почти всю область, которую мы сегодня называем экономической теорией»⁵.

Схоласты писали общие трактаты почти по всем отраслям знания, в которых обсуждение экономической теории и рынков играло подчиненную роль; в меркантилистскую эпоху меркантилисты и их критики делали в лучшем случае здравые замечания по отдельным экономическим темам, обычно по вопросам экономической политики. А Ричард Кантильон стал первым теоретиком, отмежевавшим независимую область исследований — экономическую теорию — и написал общий трактат по всем ее аспектам.

Одна из причин, почему Кантильон был «первым из новых <moderns>»⁽¹⁾, заключается в том, что он вычленил экономический анализ из сплава с этическими и политическими соображениями. Меркантилисты, доминировавшие в экономической мысли в предшествовавшие пару столетий, были ходатаями особых интересов, и жемчужины их анализа преследовали политические цели — либо субсидирование конкретных бенефициаров, либо усиление власти государства. У несравненно более глубоких и систематичных мыслителей, каковыми были схоласты Средних веков и эпохи Ренессанса, экономический анализ интегрирован в моральный и теологический каркас. Чтобы не увязнуть в меркантилистской трясине, нужно отойти в сторону, сосредоточиться на экономических аспектах человеческой деятельности и проанализировать их, абстрагировав их от других забот, какими бы важными они ни были. Выделение экономического анализа путем отмежевания его от этики, политики и даже конкретных экономических данных не означает, что эти материи не важны или что к ним уже никогда не нужно возвращаться. Но не выяснив, как работает рынок или каковы могут быть последствия государственного вмешательства, невозможно сформулировать этику экономической жизни или решить, что должно и не должно делать государство. Предположительно Кантильон, по крайней мере смутно, понимал необходимость хотя бы временной эмансипации экономического анализа.

Кроме того, Кантильон одним из первых применил такой уникальный инструмент экономического абстрагирования, как мысленный эксперимент, который Людвиг фон Мизес назвал незаменимым методом экономических умозаключений. Человеческая жизнь не лаборатория, где экспериментатор может зафиксировать все переменные и затем менять одну с целью выявить последствия этого. В человеческой жизни все факторы, включая человеческую деятельность, являются переменными и ничто не остается постоянным. Но теоретик может анализировать причинно-следственные отношения, заменив лабораторные эксперименты мысленным абстрагированием. Он может мысленно зафиксировать переменные (метод принятия допущения «при прочих равных») и затем

продумать до конца последствия изменения одной переменной. Начав с простых «моделей» и последовательно вводя усложнения — по мере предварительного изучения более простых, — экономист в конце концов может открыть природу и принципы функционирования рыночной экономики в реальном мире. Так, экономист может правомерно заключить на основе такого анализа, что «при прочих равных (*ceteris paribus*) увеличение спроса ведет к росту цены».

Как мы видели (в главе 9), в 1690-х гг. лидер формировавшейся либеральной оппозиции этатизму и меркантилизму Людовика XIV провинциальный судья сир де Буагильбер привнес в экономическую теорию новый метод абстракций и последовательных приближений, метод отправления от простейших моделей и постепенное повышение сложности. Иллюстрируя природу и преимущества специализации и торговли, Буагильбер, начав с простейшего гипотетического обмена — двое рабочих, один из которых производит шерсть, другой выращивает пшеницу, — затем расширил анализ до небольшого города и в конце концов до целого мира.

Ричард Кантильон значительно развил этот систематичный метод абстракций и последовательных приближений. Он активно пользовался методом «при прочих равных». С помощью этого аналитического метода он вскрыл «естественные» причинно-следственные отношения в рыночной экономике. Во времена Кантильона Франция была страной огромных земельных феодальных поместий, возникших в результате завоеваний предыдущих веков. Поэтому экономический анализ в своем «Опыте» Кантильон блистательно начинает с предположения, согласно которому весь мир представляет собой одно гигантское поместье. В этой очевидно «нереалистичной», но много проясняющей конструкции все производство зависит от желаний — прихотей — монопольного владельца, который просто указывает каждому, что делать. Иными словами, производство зависит от спроса, с той лишь поправкой, что здесь имеется только один агент, представляющий спрос, — монопольный землевладелец.

Затем Кантильон вносит простое реалистичное изменение в модель. Землевладелец сдает в аренду землю производителям всех видов. После этого экономика уже не может продолжаться направляться приказами одного человека. Для дальнейшего функционирования экономики производители должны обмениваться продукцией, возникает свободный рынок с конкуренцией, торговлей и системой цен. Кроме того, из обмена возникают деньги как товар, выполняющий роль крайне необходимого средства обмена и «меры» ценности.

12.3. ЦЕННОСТЬ И ЦЕНА

Кантильон провел первый углубленный современный анализ формирования цен на рынке, подробно показав, как спрос взаимодействует с запасом в процессе возникновения цен. В отличие от классической школы

Смита—Рикардо и предвосхищая австрийцев, Кантильон исследовал формирование цен в реальном мире, а не химеру долгосрочного «нормального» ценообразования. На недавней важной конференции, посвященной Кантильону, проф. Винсент Тарасио представил его как классициста или неоклассициста, по крайней мере в связи с его мнением, что в долгосрочной перспективе рыночные цены приближаются к «внутренней ценности» блага, т.е. к издержкам производства продукции, выраженный в затратах земли и труда. Это соответствовало теории «равновесного» ценообразования Смита—Рикардо, которая в общих чертах была расширена до вальрасианской теории «общего равновесия».

Хотя в сочинении Кантильона есть фрагменты, оправдывающие этот подход, и термин «внутренняя ценность», безусловно, неудачен, проф. Дэвид О'Махони в интересном комментарии к статье Тарасио отмечает, что в действительности подход Кантильона является предавстрийским. Прежде всего О'Махони показывает, что анализ рыночной цены у Кантильона соответствует австрийскому — на данный существующий *запас* блага предъясвляется спрос со стороны потребителей и оценивается ими.

Прочитируем Кантильона: «Всегда получается так, что количество продуктов питания или других товаров, выставленных на продажу, приведенное в соответствие со спросом или количеством покупателей, служит основой, на которой устанавливаются и, как полагают, всегда будут устанавливаться действующие цены на рынках...» <ч. I, гл. II>. В свою очередь, спрос субъективен, зависит от «вкусов, мод и образа жизни» и т.п. Именно эти субъективные оценки придают ценность продуктам, выставленным на продажу. «Согласие человечества», пишет Кантильон, «придает ценность кружеву, белью, тонким тканям, меди и другим металлам» <ч. I, гл. XVII>. Для Кантильона фактические рыночные цены определяются спросом: «Но часто многие вещи, имея внутреннюю ценность, не продаются на рынке в соответствии с этой ценностью, что зависит от настроений и прихотей покупателей и их потребления» <ч. I, гл. X>. Таким образом, оценки потребителей определяют ценность продукции: ключевая протоавстрийская идея, почерпнутая у средневековой и поздней испанской схоластики. На протяжении столетий схоласты и их преемники считали, что ценность благ определяется «полезностью» и «редкостью», субъективной оценкой данного предложения. Чем больше полезность, тем выше ценность, и чем больше предложение, тем ниже ценность и цена любого блага на рынке. Кантильон предложил наиболее рафинированное и детально разработанное развитие схоластического подхода.

Хотя Кантильон считает, что «внутренняя ценность вещи» измеряется «землей и трудом, вложенным в ее производство», он тут же признает, что цена определяется субъективной оценкой, а не «внутренней ценностью»⁶.

В ходе подробного анализа внутренней ценности Кантильон рассматривает гипотетический случай американца, который привозит в Европу

бобровые шкуры для продажи. Здесь он «обоснованно удивляется, что шляпы из шерсти не менее хороши для употребления, чем шляпы бобровые, и что вся разница, требующая длительных морских перевозок, заключается лишь в фантазии тех, кто находит бобровые шляпы более легкими и более приятными на вид и на ощупь» <ч. III, гл. I>. Иными словами, все издержки производства, весь труд и хлопоты, затрачиваемые на производство и транспортировку бобровых шкур, ничего не значат, если продукт не удовлетворяет потребителя настолько, чтобы тот оплатил издержки и позволил продукту конкурировать с другими товарами, которые изготавливаются на месте дешевле. Именно потребительский спрос определяет продажи и цену.

О'Махони далее отмечает, что использованная Кантильоном модель монопольного поместья ясно показывает, что цена определяется спросом (в данном случае спросом всемирного монопольного землевладельца), а не издержками производства. Соответственно Кантильон отнюдь *не* предвосхищает классическую теорию равновесия, согласно которой издержки производства являются долгосрочным и поэтому предположительно наиболее важным фактором, определяющим рыночную цену. Напротив, у Кантильона издержки производства выполняют совершенно другую функцию: определяют, может ли бизнес приносить прибыль или обречен на убытки и ликвидацию предприятия. Если потребительная ценность и цена продажи продукта достаточно высока, чтобы с лихвой покрыть издержки, фирма получает прибыль; если недостаточно высока, фирма несет убытки и в конце концов вынуждена будет уйти с рынка. Это важная часть австрийского взгляда на роль издержек. Вот как Кантильон обсуждает издержки и цены на брюссельской кружевной мануфактуре:

Если уплаченное дамами за кружева не покрывает всех издержек и вообще не дает прибыли, то для этой мануфактуры не будет никакого поощрения, и предприниматели перестанут заниматься кружевами или окажутся банкротами. Но поскольку мы предполагаем, что эта мануфактура продолжает работать, необходимо, чтобы все расходы входили в цену, которую платят парижские дамы... <Ч. III, гл. I.>

Следовательно, движение к долгосрочному равновесию представляет собой *не* процесс приспособления рыночных цен к имманентным, или внутренне присущим, долгосрочным издержкам производства, а процесс перемещения работников и предпринимателей между разными направлениями и способами производства до тех пор, пока издержки производства не сравняются с ценами продажи. Это хорошо сформулировано у О'Махони:

Для Кантильона не столько внутренняя ценность существует автоматически и стихийно, а рыночные цены стремятся к ней, сколько цены, предлагаемые на рынке, определяют, стоит или не стоит производить товары. Иными словами, именно предлагаемые цены определяют,

какие издержки могут быть понесены, а не издержки производства определяют, каковы должны быть цены.

Конечно, и в подходе Кантильона, и у более поздних представителей классической школы Смита—Рикардо, а также у современных рикардианских неоклассицистов имеется большой пробел: откуда берутся издержки производства? В отличие от подходов Кантильона и классической школы они ни имманентны, ни заданы какой-то таинственной силой извне экономической системы. Как в конечном счете выяснили австрийцы, издержки производства сами определяются ожидаемым спросом потребителей на товары и услуги.

12.4. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Кантильон впервые в истории подчеркнул важность фигуры предпринимателя и проанализировал его функцию, что стало одной из наиболее замечательных идей, добавленных им в копилку экономической мысли⁷. Для этого купца, банкира и спекулянта из реального мира было бы немислимо попасться в рикардианскую, вальрасианскую и неоклассическую ловушку допущения, согласно которому рынок характеризуется совершенным знанием и является статичным миром определенности. Рынки реального мира насквозь пропитаны неопределенностью, и работать с этой неопределенностью, преодолевать ее путем инвестирования, оплаты расходов и затем ожидания прибыльной отдачи как раз и является функцией бизнесмена, коммерсанта, предпринимателя. Таким образом, прибыль — это вознаграждение за успешное прогнозирование, успешное противостояние неопределенности в процессе производства. Ключевое смитианско-рикардианское и вальрасианское (классическое и неоклассическое) допущение, согласно которому экономика перманентно находится в состоянии долгосрочного равновесия, фатальным образом исключает из рассмотрения реальный мир неопределенности. В центре внимания оказывается призрачный мир без изменений, т.е. мир полной определенности и совершенного знания о настоящем и будущем.

Кантильон делит производителей в рыночной экономике на два класса: «работающие по найму», получающие фиксированную оплату или фиксированную земельную ренту⁽²⁾, и предприниматели с нефиксированным, неопределенным доходом <см. ч. I, гл. XII>. Фермеры-предприниматели несут риск фиксированных издержек производства и неопределенных цен продажи, а купцы и промышленники оплачивают аналогичные фиксированные издержки и полагаются на неопределенную отдачу. За исключением тех, кто только продает «собственный труд», предприниматели, занимающиеся бизнесом, должны тратить деньги, которые, после осуществления расходов, с их точки зрения, «фиксиро-

ваны», или даны. Поскольку продажи и цены, по которым они осуществляются, неопределенны и нефиксированы, их доходы от коммерческих операций становятся неопределенным остатком.

Кантильон также понимает, что всепроникающая неопределенность, которой противостоят предприниматели, частично является следствием децентрализованного рынка. В мире монопольного собственника он сам принимает решения по поводу цен и производства, и для предпринимательской неопределенности остается мало места. Но в реальном мире децентрализованным предпринимателям приходится иметь дело со значительной неопределенностью и принимать на себя порождаемые ею риски. Для Кантильона конкуренция и предпринимательство идут рука об руку.

Как в случае Фрэнка Найта и современных австрийцев, Кантильонова теория предпринимательства сфокусирована на его функции, его роли в качестве того, кто несет бремя неопределенности на рынке, а не на особенностях его личности, как у Шумпетера.

Концепция Кантильона предвосхищает Мизеса и современных австрийцев и в другом отношении: его предприниматель выполняет не разрушительную (как у Шумпетера), а *уравновешивающую* функцию, т.е. путем успешного прогнозирования и инвестирования ресурсов в будущее предприниматель помогает корректировать и балансировать спрос и предложение на различных рынках.

Проф. Тарасио отмечает, что новаторская идея Кантильона относительно всепроникающей неопределенности на рынке была полностью забыта и быстро исчезла из экономической мысли, пока в XX в. не была независимо возрождена Найтом и такими представителями австрийской школы, как Людвиг фон Мизес и Фридрих Хайек. Комментарий проф. О'Махони к этому месту вызывает возражения. Он пишет: «Таким образом, признание заслуг Кантильона в деле выявления неопределенности, если смотреть из сегодняшнего дня, как проф. Тарасио, будет не столько данью уважения прозорливости Кантильона, сколько размышлением о многих современных экономистах, способность которых игнорировать неопределенность невозможно оценить иначе как странную».

Как бы странно она ни выглядела, но в этом сумасшествии есть некая последовательность. Как прекрасно понимает сам проф. О'Махони, современная экономическая теория представляет собой набор формальных моделей из уравнений, имеющих целью полностью определить человеческое поведение, по крайней мере в экономической сфере. А способ втиснуть неопределенность в детерминированные математические модели не существует. Проф. О'Махони пишет об этом так: можно «спросить, допускает ли вообще природа вещей формальное представление или моделирование неопределенности. Если да, то будет ли там место для неопределенности в подлинном смысле этого термина, а следовательно, место для собственно предпринимательства? Иными словами, экономическая теория должна выбирать между формально элегантно-

ми, но ложными и искажающими <действительность> математическими моделями и «литературным» анализом самой реальной человеческой жизни.

12.5. ТЕОРИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Разработанная Ричардом Кантильоном теория заработной платы зависит от численности населения, и этот аспект был почти слово в слово заимствован Адамом Смитом в «Богатстве народов», которое, в свою очередь, спровоцировало знаменитую Мальтусову истерику по поводу чрезмерной численности населения. У Кантильона долгосрочная заработная плата зависит от предложения рабочей силы, которое, в свою очередь, зависит от уровня и темпов роста численности населения. В отличие от жившего гораздо позже Мальтуса, Кантильон провел фундаментальный анализ факторов, определяющих темпы роста населения. В качестве особенно важных он выделяет природные ресурсы, культурные факторы и состояние технологии. Он пророчески предвидел, что колонизация Северной Америки не просто заместит один народ другим, — благодаря новой сельскохозяйственной технологии страна сможет прокормить гораздо большее население на акр земли. Следовательно, масштабы использования существующих ресурсов, земли и рабочей силы зависят от текущего технологического уровня. Таким образом, вопреки мнениям некоторых ученых, Северная Америка не была «перенаселена» индейцами; напротив, уровень индейского населения подстраивался под данные ресурсы и технологии. Иными словами, Кантильон предвосхитил современную теорию «оптимального» населения, согласно которой численность населения подстраивается под наиболее продуктивный уровень, обеспечиваемый имеющимися ресурсами и технологиями.

Хотя Кантильон исходил из предмальтузианской тенденции — люди множатся, как «крысы в амбаре», неограниченно, он также признавал, что религиозные и культурные ценности могут модифицировать эту тенденцию. Рост спроса на землеёмкую продукцию сельского хозяйства вызовет снижение спроса на сельскохозяйственный труд и в конечном итоге приведет к сокращению его предложения, а следовательно, и к сокращению народонаселения в целом. (Следует помнить, что Кантильон писал в эпоху, когда подавляющее большинство населения работало в сельском хозяйстве.) С другой стороны, рост спроса на трудоёмкую продукцию сельского хозяйства вызовет увеличение спроса на труд и, соответственно, на население. Живя, как мы уже писали, в стране и в эпоху крупного феодального землевладения, Кантильон заметил, что именно вкусы класса собственников определяют вкусы потребителей и ценности общества, а следовательно, и спрос на продукцию.

Следует отметить, что в неожиданно современном стиле Кантильон отметил, что в задаче экономического анализа не входит принятие решения о том, что лучше: иметь большое население относительно бедных людей или менее многочисленное население с более высоким уровнем жизни. Решение об этом должно приниматься с учетом ценностей граждан.

Проф. Тарасио отмечает, что анализ Кантильоном проблемы народонаселения был гораздо более изысканным, чем рассмотрение этого вопроса у Смита, Рикардо и Мальтуса. Кантильон не нагнетал тревогу по поводу будущего неудержимого демографического взрыва, его теоретическая схема объясняла культурные изменения, которые в то время наблюдались в странах с развивающейся промышленностью, способствовавшие переходу к менее многочисленным семьям, а также вероятности того, что в случае исчерпания ресурсов в будущем численность населения сократится. Например, Кантильон отметил, что по мере упадка античных цивилизаций численность населения там сокращалась. Так, за 17 столетий число жителей римского государства на территории Италии упало с 25 млн до примерно 6 млн человек.

12.6. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Также Ричард Кантильон стал основателем пространственной экономической теории — анализа экономической активности на географическом пространстве. Конечно, в некотором смысле уже меркантилисты (выступая за благоприятный баланс географической области) анализировали (пусть и неудовлетворительно) экономическую активность в той мере, в какой она пересекала национальные границы. Как указывает проф. Эберт, пространственный анализ имеет дело с *расстоянием* (транспортными издержками и их отношением к ценам и к размещению центров экономической активности) и *территорией* (экономическим развитием регионов и границами рынков). Кантильон не только разработал теорию размещения, но и интегрировал ее в свой общий микроэкономический анализ. В частности, он понимал, что даже когда деньги и денежные цены находятся в равновесии, цены на продукцию всегда будут выше в городах, а не в местах производства — на величину, требующуюся для покрытия издержек и риска транспортировки. Как следствие, громоздкую и/или скоропортящуюся продукцию будет слишком дорого или невозможно доставлять в города, и, следовательно, в местах производства она будет значительно дешевле. Соответственно, такие товары будут, как правило, производиться в пограничной области вокруг городов, где транспортные издержки по доставке на городские рынки не являются запретительными. Кроме того, Кантильон понимал, что если в промышленности заводы используют объемные сырьевые материалы с низкой ценностью на единицу веса, то они будут размещаться недалеко от мес-

та производства соответствующего сырья. В этом случае дешевле будет доставить менее объемистую и более ценную готовую продукцию на городские рынки, чем перевозить сырье.

Крайне плодотворные идеи Кантильон высказал относительно размещения городских рынков, отметив, что для покупателей и продавцов дешевле собираться в одной точке, а не разъезжать по окраинам, выискивая друг друга и выясняя цены, которые покупатели готовы платить, а продавцы готовы предложить. В современных терминах Кантильон мог бы сказать, что центральные рынки развиваются естественным образом, потому что в огромной степени снижают транзакционные, транспортные, информационные и другие издержки торговли.

Хотя Кантильон понимал, как рынки и размещение центров деловой активности способны гармонично саморегулироваться, он не был последовательным сторонником ни внешней, ни внутренней свободы торговли. Относительно последней он непоследовательно считал, что промышленникам требуется «сильное поощрение и большой капитал» <ч. II, гл. V>, чтобы находить оптимальное месторасположение и делать там инвестиции.

12.7. ДЕНЬГИ И ПРОЦЕССНЫЙ АНАЛИЗ

Главное в теории денег Кантильона — его трактовка ценности денег как особого случая ценности рыночного товара вообще. Как и в случае любого изделия, «внутренней ценностью» золота являются издержки его производства. Ценность золота и серебра, как и других товаров, устанавливается на основе ценностей и, следовательно, спроса потребителей на рынке — путем «согласия человечества». Здесь, как и в случае с другими товарами, Кантильон не имеет в виду теорию ценности золота и серебра на основе издержек производства; он просто говорит, что эта продукция может производиться, только если ценность продукции будет покрывать издержки ее производства.

Однако в случае золота процесс приведения в соответствие ценности и издержек занимает относительно много времени, т.к. его годовое производство составляет лишь малую долю общего существующего запаса. Если номинальная ценность золота упадет ниже его издержек производства, добыча золота прекратится; а если резко упадут издержки, производство золота расширится, что будет способствовать согласованию издержек и нормальной ценности. Кантильон признает, что государственные бумажные и банковские деньги *не имеют* издержек производства, а соответственно и «внутренней ценности» по его терминологии, но, отмечает он, рыночные силы поддерживают ценность таких фидуциарных денег вровень с ценностью золота и серебра, которыми эти бумаги могут быть погашены. Как следствие, увеличение предложения «фиктивных или воображаемых денег оказывает такой же эффект, как и увели-

чение в обращении настоящих денег». Но, пишет Кантильон, если доверие к деньгам будет поколеблено, воцарится денежный хаос, который закончится крахом фиктивных денег. Он добавляет также, что особенно сильно соблазну печатать фиктивные деньги подвержены правительства, — урок, несомненно, вынесенный из эксперимента Джона Ло или, по крайней мере, воплощенный в нем. Кантильон также провел корректный анализ определения соотношения между ценностью серебра и золота на рынке.

Одним из наиболее выдающихся достижений Кантильона в «Опыте» стало понимание — впервые в доавстрийском анализе — того, что вливание денег в экономику представляет собой постепенный процесс и, соответственно, не просто вызывает рост или повышение цен как однородной совокупности⁸. Поэтому он критиковал наивную количественную теорию денег Джона Локка — которой, по сути, следуют одинаково монетаристы и неоклассики, — утверждающую, что изменения в общем предложении денег ведут к единообразному пропорциональному изменению всех цен. Иными словами, изменение денежного предложения не предполагает изменений относительных товарных цен.

Так, Кантильон задается вопросом: «...каким образом и в какой мере увеличение денег повышает цены?» и в качестве ответа приводит великолепный процессный анализ:

В самом общем виде я полагаю, что увеличение количества действительных денег вызывает в государстве соответственное увеличение потребления, а оно постепенно ведет к росту цен.

Если увеличение количества действительных денег связано с добычей золота или серебра в государстве, то собственники рудников, предприниматели и торговцы, плавильщики, рабочие по очистке металла, вообще все, кто работает в этой отрасли, увеличивают свои расходы соответственно своим прибылям и заработкам. Они потребляют больше <товаров>. Следовательно, они дают работу многочисленным ремесленникам, которые раньше ее не имели, и поэтому они тоже увеличивают свои расходы. Все это увеличение расходов на мясо, вино, шерсть и т.д. необходимым образом снижает долю других жителей государства, которым, первоначально, ничего не принадлежит из богатства этих рудников. Изменение рынка, или рост спроса на мясо, вино, шерсть и т.д., заставит цены повыситься. А высокие цены побуждают фермеров использовать больше земли для очередного урожая. Эти фермеры тоже воспользуются ростом цен и увеличат расходы на себя и свои семьи, как это сделали другие. Пострадавшими от удорожания и роста потребления будут поэтому сначала землевладельцы, пока не истечет срок арендного договора, затем их домашняя прислуга и все их работники и люди с заранее оговоренным твердым заработком. Всем им придется сократить свои расходы ввиду нового соотношения в потреблении. <...> Вот так примерно существенное увеличение количества денег ввиду вышеназванной добычи драгоценных металлов увеличивает потребление... <Ч. II, гл. VI.>

Таким образом, первые получатели новых денег увеличат расходы согласно своим предпочтениям, вызвав рост цен на эти товары; это произойдет за счет понижения уровня жизни тех, до кого деньги дойдут в последнюю очередь, и людей с фиксированным доходом, которые вообще не получают дополнительных денег. Кроме того, в ходе общего роста цен изменятся относительные цены, поскольку увеличение расходов «направляется на определенные виды изделий согласно суждениям тех, кто получил новые деньги, [и] рыночные цены вырастут сильнее на одни вещи, чем на другие» <ч. II, гл. VII>. Более того, общий рост цен не обязательно будет пропорционален увеличению предложения денег. В частности, поскольку люди вряд ли получают новые деньги пропорционально их предыдущим остаткам наличности, их спрос и, следовательно, цены не вырастут в одинаковой степени. Так, «в Англии цена на мясо может подняться втрое, а цена на хлеб — не более чем на одну четверть» <ч. II, гл. VII>. Кантильон превосходно резюмирует эту идею, попутно намекая на ту важную истину, что экономические законы имеют качественный, а не количественный характер:

Я делаю общий вывод, что увеличение количества действительных денег в государстве всегда ведет к увеличению потребления и создает привычку к более крупным расходам. Но удорожание, вызываемое этими деньгами, не распространяется равномерно на все виды продуктов и товаров, как это вроде должно было бы быть, то есть в прямой пропорции к количеству денег. Так было бы, если бы добавочные деньги шли по тем же каналам обращения, что и деньги первоначальные, и тогда те, кто предлагал на рынках одну унцию серебра, были бы теми же и единственными людьми, кто стал бы предлагать две унции, после того как количество денег в обращении удвоилось. Но такое случается не часто. Я считаю, что когда в государстве вводится в обращение значительное количество добавочных денег, новые деньги дают новый поворот потреблению и даже придают новую скорость денежному обращению, но совершенно невозможно выявить здесь истинные ступени роста⁹. <Ч. II, гл. VII.>

Но это еще не всё. Проф. Эберт отмечает, что Кантильон также предложил замечательный протоавстрийский анализ, выявивший тот факт, что направление <новых> денег на потребление и на инвестиции имеет разные последствия. Если новые средства тратятся на потребительские товары, тогда товары будут покупаться «согласно склонностям тех, кто получил деньги», так что цены на эти товары пойдут вверх и относительные цены неизбежно изменятся. Если же дополнительные деньги вначале попадут в руки кредиторов, они увеличат предложение кредита и временно понизят ставку процента, тем самым увеличив инвестиции.

Отказавшись от распространенного поверхностного взгляда, возвращенного в экономическую теорию в XX в. Джоном Мейнардом Кейнсом, в соответствии с которым процент — это чисто денежное явление, Кантильон считал, что ставка процента определяется количеством кредито-

ров и заемщиков и взаимодействием между ними, точно так же как цены товаров определяются взаимодействием продавцов и покупателей:

Если обилие денег в государстве идет через ростовщиков, то ставка роста будет, видимо, снижаться по мере увеличения числа самих заимодавцев. Но если обилие идет через посредство людей, тратящих много денег, эффект будет обратным, ставка роста поднимется, но и увеличится число предпринимателей, желающих заработать на увеличении расходов; такие предприниматели будут занимать деньги для ведения дел в самых разнообразных отраслях. <Ч. II, гл. X>

Таким образом, увеличение денежного предложения может временно либо понизить, либо повысить ставки процента в зависимости от того, кто получает новые деньги — кредиторы или люди, которых вновь обнаруженное богатство побуждает брать кредиты на новые предприятия. Кроме того, анализируя понижение ставки процента вследствие расширения кредита, Кантильон заложил первые кирпичики в будущее здание австрийской теории экономического цикла.

В дополнение Кантильон представил первый углубленный анализ влияния спроса на деньги, или, вернее, обратной ему величины — скорости обращения, на движение цен. Как он сформулировал: «...в определенной степени ускорение денежного обращения при обмене равносильно увеличению количества действительных денег» <ч. II, гл. VI>. Одна из причин, почему цены не меняются в точности пропорционально изменениям в количестве денег, состоит в изменении скорости обращения: «Река, текущая и извивающаяся в своем русле, не потечет вдвое быстрее, если удвоится объем воды в ней» <ч. II, гл. VII>. Кантильон также понимал, что спрос на остатки наличности будет зависеть от принятой в обществе частоты платежей. Монро суммирует его позицию так: «...чем дольше интервал между платежами, тем больше суммы, которые должны скапливаться на руках у плательщиков и тем больше денег требуется стране»¹⁰. Кроме того, если люди скапливают крупные суммы, они могут захотеть «держать деньги запертыми в течение долгого времени». С другой стороны, развитие более эффективной системы взаимного зачета долгов и бумажных денег будет экономить наличные: «Скорость обращения увеличивается под влиянием практики зачета по счетам купцов и благодаря использованию расписок банкиров и золотых дел мастеров, поскольку эти люди не держат на руках эквивалентные суммы денег». Кантильон резюмирует свой анализ взаимодействия количества и скорости обращения: «Согласно принципам, установленным и изложенным нами, то или иное количество денег в обращении устанавливает и определяет цены на все вещи в государстве, притом это зависит от быстроты или медленности самого денежного обращения» <ч. III, гл. V>.

Кантильон также мастерски обсуждает соотношение между золотом и серебром, отстаивая свободно колеблющийся обменный курс между этими металлами, и критикует любые попытки, по крайней мере сколь-ко-нибудь продолжительные, зафиксировать обменный курс между ни-

ми — на том основании, что очень быстро этот курс начнет расходиться с рыночным. Таким образом, Кантильон понимает проблему попыток сохранять биметаллический стандарт с фиксированными паритетами между двумя драгоценными металлами.

В общем, можно понять энтузиазм Хайека, когда он заключает, что денежная теория Кантильона «представляет собой, без сомнения, грандиозное достижение человека, бывшего самым великим доклассическим исследователем по крайней мере в этой сфере, которого авторы классической школы не только не превзошли, но даже не сумели встать с ним вровень»¹¹.

12.8. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Одним из наиболее выдающихся разделов — и, безусловно, привлекающих наибольшее внимание историков — обширной денежной теории Кантильона является его новаторский анализ тенденции к установлению международного денежного равновесия, или механизм «цены — переток денежного металла», который обычно приписывается более поздним работам Давида Юма.

Кантильон применяет «микроанализ» изменений денежного предложения *внутри* страны к изменениям в распределении денег между странами. На протяжении более двухсот лет меркантилистски настроенные авторы и государственные деятели в Европе отстаивали увеличение предложения денежных металлов в стране как средство усиления государственной мощи, и постепенно им стало понятно, что если в стране нет месторождений золота или серебра, то увеличить денежную массу в ней можно только путем благоприятного торгового баланса. Меркантилистам было понятно, что все страны одновременно не могут успешно проводить такую политику, поскольку «благоприятный» торговый баланс одних стран должен компенсироваться «неблагоприятным» балансом других. В этой неравновесной ситуации все страны тянули одеяло на себя, так как каждая страна пыталась получить выгоду за счет других путем проведения ограничительной и воинственной политики. Но основание такого курса оставалось весьма проблематичным: поскольку большинство авторов были по крайней мере в общих чертах знакомы с «количественной теорией», т.е. анализом ценности денег с точки зрения спроса и предложения, возникало ощущение внутреннего противоречия. Ведь если стране А удастся добиться благоприятного торгового баланса и привлечь денежный металл, то увеличение количества последнего приведет к росту цен в стране А, что, сделав ее продукцию неконкурентоспособной, положит конец благоприятному торговому балансу.

Никому не удалось разъяснить проблему денег и международных платежей столь же доходчиво, как Кантильону. Он отметил, что звонкую монету можно получить внутри страны путем добычи руды либо

путем субсидий, войн, «невидимых» платежей, займов или благоприятного торгового баланса с другими странами. Но затем, согласно процессному анализу Кантильона, либо владельцы рудников, либо экспортеры будут тратить или ссужать деньги. Часть расходов в новых деньгах будет несомненно сделана за рубежом, и, кроме того, увеличение запаса денег увеличит внутренние цены, что сделает отечественные товары менее конкурентоспособными. Экспорт упадет, а импорт более дешевых иностранных товаров возрастет, и золото начнет утекать из страны, что нивелирует благоприятный торговый баланс.

Тем самым Кантильон разработал международную денежную теорию, интегрированную с его внутривострановым анализом, и стал одним из первых авторов теории международного денежного равновесия. Мировой рынок расстраивает, по крайней мере в долгосрочной перспективе, правительственные попытки вмешательства с целью достижения благоприятного торгового баланса. Следует также отметить, что Кантильон проанализировал обе крупных части уравновешивающего механизма «цены — переток денежного металла»: увеличение импорта в результате расходования новых денежных остатков и ценовой эффект, сокращающий экспорт и увеличивающий импорт в результате роста внутренних цен, вызванного увеличением денежного предложения.

Ричард Кантильон понимал глубокую внутреннюю противоречивость меркантилизма: увеличение количества звонкой монеты вызывает рост цен, подрывая благоприятный платежный баланс, принесший звонкую монету в страну. Он предложил неудовлетворительное решение этой проблемы, советуя королю тезаврировать значительную часть прироста денежного запаса, чтобы не допустить роста цен, — неудовлетворительное потому, что в конечном счете предназначение денег — быть потраченными, а как только это произойдет, наводящий ужас рост цен так или иначе случится.

Проф. Салерно предостерегает от безудержного восхваления Кантильона, указывая, что его можно назвать теоретиком равновесия только наполовину, потому что он не дал удовлетворительной картины равновесного состояния и не считал, что мировая экономика уверенно движется к равновесию. Соответственно, у Кантильона нет теории международного распределения золота и серебра в равновесии¹². Он, наоборот, полагал, что экономика вовлечена в бесконечные циклы неравновесных состояний, а не движется в сторону равновесия.

12.9. САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА

Не имеет смысла тратить время на бесплодные спекуляции на тему, был ли Кантильон «меркантилистом». Авторы XVIII века не классифицировали себя в таких категориях. Хотя он непоследовательно предлагал, в соответствии с представлениями той эпохи, ориентированными на

государственное строительство, что король должен накапливать сокровища за счет благоприятного торгового баланса, основной посыл сочинения Кантильона направлен в поддержку свободы торговли и *laissez faire*, поскольку было件件но, что в конце концов меркантилистские меры сами себя обрекают на провал. Еще важнее то, что Кантильон первым подробно показал, что все части рыночной экономики подстраиваются друг под друга «естественным», саморегулирующимся и уравнивающимся образом, где наличные спрос и предложение определяют цены и ставки заработной платы и в конечном счете паттерн производства. Спрос определяется потребительскими ценностями, а численность населения определяется культурными и экономическими факторами. Силой, приводящей экономику в равновесие, выступают предприниматели, которые, корректируя свои действия, противостоят всепроникающей неопределенности рынка. И если рыночная экономика, какой бы «хаотичной» она ни казалась взгляду поверхностного наблюдателя, в действительности гармонично саморегулируется, тогда вмешательство государства как таковое либо контрпродуктивно, либо в нем нет необходимости.

Особенно поучительно отношение Кантильона к законам о ростовщичестве, этому мучительному вопросу, который в конечном счете необоснованно дискредитировал всю систему экономического анализа средневековых и ренессансных схоластов-католиков. Этот проницательный купец и банкир прекрасно понимал, что на рынке конкретные ставки процента пропорциональны риску неплатежа для кредитора. Высокий процент является следствием высокого риска, а не результатом эксплуатации или угнетения. Как писал Кантильон: «Все оптовые торговцы в государстве, как правило, дают в долг на определенные сроки товары и продукты розничным торговцам, соразмеряя при этом свою будущую прибыль или рост на отданные займы деньги со степенью риска» <ч. II, гл. XI>. Высокие процентные ставки приносят лишь весьма незначительную прибыль из-за большой доли дефолтов по рискованным кредитам. Кантильон также указывает, что поздние католические схоласты, пусть и неохотно, но в конце концов согласились разрешить высокие ставки процента по рискованным ссудам. Кроме того, ограничений максимума процентов не должно существовать в том числе и потому, что лишь кредиторы и заемщики могут определить свои страхи и нужды: «...потому что на практике тут все зависит от степени боязни займодавцев и нужд заемщиков» <ч. II, гл. IX>.

Наконец, Кантильон понимает, что законы о ростовщичестве могут лишь ограничить кредит и подтолкнуть процентные ставки еще выше на неизбежно возникающих черных рынках. Соответственно законы о ростовщичестве не снизят ставки процента, а, напротив, повысят их: «...потому что договаривающиеся стороны, повинувшись силам конкуренции или текущей цене, установившейся в результате соотношения кредиторов и займодавцев, станут заключать секретные сделки, и законодательное ограничение лишь стеснит торговлю и поднимет ставку, вместо того чтобы закрепить ее на определенном уровне».

12.10. ВЛИЯНИЕ

В XVIII в. новаторское сочинение Кантильона было широко известно и пользовалось большим влиянием в литературных, научных и интеллектуальных кругах. По традиции того времени люди, интересовавшиеся прогрессом теории и актуальными практическими проблемами, читали его в «подпольном» рукописном варианте. Широкое хождение рукописей было вызвано суровой французской цензурой того периода.

«Опыт» широко читали со времени его написания в 1730-х гг. и еще активнее после его публикации в 1755 г. Его жадно и внимательно изучали члены первой школы экономистов, физиократы, и их великий союзник, или попутчик, А.Р.Ж. Тюрго. В космополитическом обществе XVIII в., где британские и французские интеллектуалы тесно общались, «Опыт», безусловно, читал видный шотландский философ Давид Юм, что оставило следы в его сочинениях. Этой книге была оказана честь быть одной из немногих, процитированных близким другом Юма Адамом Смитом — человеком, чье сверхразвитое чувство собственной оригинальности помешало ему упомянуть и признать многих предшественников. Таким образом, до публикации «Богатства народов» в 1776 г. Кантильон был крайне влиятелен среди европейских экономистов на континенте и в Британии. Однако после публикации сочинения Смита знание о Кантильоне и его влияние пало жертвой общей постсмитианской традиции игнорировать всех и всяких экономистов, живших до Смита. Сложившийся в XIX в. обычай изглаживать знание об экономистах, предшествовавших Адаму Смиту, помимо вопиющей несправедливости в отношении более ранних экономистов создали ложную — и до сих пор широко распространенную — иллюзию того, что экономическая наука появилась в готовом виде из головы одного Великого человека, во многом подобно тому, как Афина предположительно явилась уже взрослой и в полном боевом облачении из головы Зевса. Наиболее пагубный аспект культа Смита состоял в том, что во многих отношениях потерянные экономисты выдвигали более здравые идеи, и в результате их забвения значительная часть здоровой экономической теории была утрачена по меньшей мере на столетие. Как мы увидим ниже, во многих аспектах Адам Смит отклонил экономическую теорию континентальной традиции, начиная со средневековых и поздних схоластов и продолженную французскими и итальянскими авторами XVIII в., от верного курса, направив по совершенно другому, ложному пути. Смитианская «классическая экономическая теория», как мы ее стали называть, погрязла в трясине агрегированного анализа, теории ценности на основе издержек производства, статических равновесных состояний, искусственного разделения на «микро» и «макро» и огромного багажа холистического и статического анализа.

Прискорбное вымарывание досмитовской экономической теории позволило смитианской классической школе захватить экономическую мысль и доминировать в ней на протяжении 100 лет. «Маржиналистская

революция» 1870-х гг., особенно родившаяся в том десятилетии австрийская теория, во многих отношениях вернула экономическую мысль на континенте Европы на надлежащий досмитовский путь — индивидуалистический, микроэкономический и основанный на субъективной ценности. Отнюдь не случайно, что сам Кантильон был заново открыт в 1881 г. квази-«австрийским» английским зачинателем маржиналистской революции Стенли Джевонсом, который был движим похвальным стремлением заново открыть забытых экономистов, похороненных господствовавшей ортодоксией Смита—Рикардо.

Но, к сожалению, экономическая теория отнюдь не избавилась от наследия Смита—Рикардо. Нынешнее возрождение австрийской теории, активизировавшийся поиск выхода из современной ортодоксии многими мейнстримными экономистами представляют собой попытку исполнить обетования неудачно названной «маржиналистской революции» (в действительности индивидуалистическо-субъективистской революции) и изгнать классическую британскую парадигму.

12.11. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из-за того, что двоюродный дядя, отец, прадед и прапрадед Кантильона, как и он сам, носили имя Ричард, при изучении его биографии возникла значительная путаница.
2. Дополнительную путаницу в изучение родословной экономиста внесло то, что мать Ричарда Бриджет также носила фамилию Кантильон (ее семья проживала в графстве Лимерик). Отец Ричарда и его невеста Бриджет были дальними кузенами в роду Кантильонов. Дед Ричарда и прадед Бриджет были сыновьями сэра Ричарда Кантильона I.
3. В разгар спекулятивной лихорадки герцогиня Орлеанская в изумлении писала: «Сегодняшний уровень богатства во Франции немислим. Все оперируют миллионами. Я этого совершенно не понимаю, но я ясно вижу, что бог Маммона правит Парижем как абсолютный монарх». Цит. по: John Carswell, *The South Sea Bubble* (Stanford: Stanford University Press, 1960), p. 101.
4. Слова Эгмонта приводятся по статье Антуана Мёрфи: Antoin E. Murphy, 'Richard Cantillon — Banker and Economist', *Journal of Libertarian Studies* 7 (Autumn 1985), p. 185.
5. F. A. von Hayek, 'Introduction to a German translation of Cantillon's *Essay*' (Jena: Gustav Fischer, 1931); цит. по переводу, выполненному Мишелем О'Сулеваном (Micheal Ó'Súilleabháin): *Journal of Libertarian Studies* 7 (Autumn 1985), p. 227.
- (1). Аллюзия на спор (букв. «ссору») о «древних и новых» — полемику во Французской академии конца XVII в. вокруг сравнительных достоинств литературы и искусства античности и современности. Вслед за этим аналогичные дискуссии состоялись и в других европейских странах. — *Прим. перев.*
6. В аристотелевском духе Кантильон провозглашает, что земля «есть источник или материал, из которого производится все богатство», а «труд человека — форма, которая производит это богатство», где, однако, богатство не внутрен-

не присуще благам, а «представляет собой не что иное, как поддержание жизни, ее удобства и излишества» <ч. I, гл. I>.

7. В «Опыте», занимающем всего 165 страниц, встречается не менее 110 независимых упоминаний предпринимателя.
- (2). Здесь имеет смысл уточнить, что Кантильон не включал землевладельцев в число «работающих по найму»: «...кроме государя и землевладельцев все население страны является зависимым. Его можно подразделить на два класса — предпринимателей и работающих по найму. Все предприниматели имеют как бы неустановленную заработную плату, а остальные — установленную на какое-то время, хотя их обязанности и должности могут быть очень неравноценными». — *Прим. перев.*
8. Виккерс совершенно верно подчеркивает: «В противоположность другим авторам первой половины [XVIII] столетия у Кантильона сдвиг в теории и объяснении в направлении динамического описания денежной сферы, в отличие от описания, построенного на определениях и статического, принимает микроэкономическую, микроэкономическую форму. Его экономический анализ всегда начинается с индивидуальных величин и количеств». И еще раз: «Рыночные цены, денежные цены, уровни <деловой> активности и занятости не следует рассматривать как однородные переменные. В «Опыте» внимание направлено на *структуру* рыночных цен, структуру условий рыночного предложения и структуру активности в экономике». См.: Douglas Vickers, *Studies in the Theory of Money 1690—1776* (Philadelphia: Chilton Co., 1959), pp. 187—188.
9. См. цитаты и обсуждение в: Chi-Yuen Wu, *An Outline of International Price Theories* (London: George Routledge & Sons, 1939), pp. 66—67.
10. Arthur Eli Monroe, *Monetary Theory before Adam Smith* (1923, repr. Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1965), pp. 255—256.
11. Hayek, *op. cit.*, note 5, p. 226.
12. Салерно отмечает, что по крайней мере в этом отношении трактовка Кантильона уступала забытой брошюре мало кому известного английского автора: Isaac Gervaise, *The System or Theory of the Trade of the World* (1720). Жервез описал процесс установления равновесия и, будучи уверен в существовании уверенной тенденции к равновесию, первым указал, что в равновесии драгоценные металлы будут распределены в соответствии с международным спросом на них. Этот спрос будет воплощен в производственной активности каждой конкретной страны. Сочинение Жервеза оставалось непрочитанным до тех пор, пока проф. Джейкоб Вайнер вновь не извлек его на свет Божий в середине XX в. См.: Isaac Gervaise, *The System or Theory of the Trade of the World*, ed. J. M. Letiche (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1954).

Однако Жервез уступал Кантильону в том, что представил агрегирующий, макроэкономический подход в отличие от новаторского микроэкономического процессного анализа Кантильона.

ГЛАВА 13

ФИЗИОКРАТИЯ ВО ФРАНЦИИ СЕРЕДИНЫ XVIII В.

13.1. СЕКТА

Первая школа экономической мысли, более-менее осознающая себя таковой, сформировалась во Франции вскоре после публикации Кантильоном его «Опыта». Ее сторонники называли себя «экономисты», но впоследствии стали известны под именем «физиократы», согласно их главному политико-экономическому принципу: *фисю-kratía*, или власть законов природы. У физиократов имелся лидер (он же основатель движения), главный пропагандист и некоторое количество учеников среди редакторов газет и людей с высоким положением. Физиократы помогали друг другу в продвижении по службе, писали хвалебные отзывы на многочисленные работы сторонников школы, часто и регулярно встречались в светских салонах для чтения и обсуждения своих статей — в общем, делали то, что обычно и делают участники любого движения. Кроме ядра убежденных сторонников физиократы также имели множество сочувствующих и единомышленников, в том числе среди влиятельных людей. К сожалению, вскоре из научной школы физиократия превратилась в нечто вроде культа, в котором лидера восхваляли и превозносили уже как гуру, а не просто как создателя важного направления экономической мысли.

Основатель, лидер и гуру движения доктор Франсуа Кенэ (1694—1774) являл собой тип беспокойного и харизматичного интеллектуала, столь характерный для эпохи Просвещения. Как и многие образованные люди того времени, выросшие в тени великого Ньютона, Кенэ, сын преуспевающего фермера, был заморожен успехами естественных наук и, выбрав профессией медицину, сделался весьма сведущим в этой области знания. Получив известность как терапевт и хирург, Кенэ писал сочинения по медицине, а также стал специалистом по сельскому хозяйству, публикуя работы по его технологии. В 1749 г., в возрасте 55 лет, Кенэ стал личным врачом фаворитки Людовика XV мадам де Помпадур, а через несколько лет — и самого короля.

В конце 1750-х гг. Кенэ, в возрасте шестидесяти с небольшим лет, в первый раз обратился к экономическим темам. Начало движения физиократов можно довольно точно датировать июлем 1757 г., когда гуру встретил своего главного ученика и пропагандиста. Это был неутомный, каприз-

ный и чудаковатый Виктор Рикети́, маркиз де Мирабб́. Неудовлетворенный жизнью аристократ с большим количеством свободного времени, Мирабо как раз получил известность, опубликовав первые части своего бестселлера с напыщенным названием «Друг людей» («L'Ami des hommes»). Многим французам книга понравилась именно напыщенностью, бессистемностью и забавным использованием архаичного литературного стиля предыдущего века. Во время работы над книгой Мирабо находился под влиянием Кантильона, и даже издал его «Опыт» со своими комментариями, но знакомство с врачом превратило его в первого сторонника и пропагандиста Кенэ. Невинные размышления какого-то врача вдруг стали Научной Школой, силой, с которой необходимо считаться.

Высокое положение обоих основателей сослужило физиократии хорошую службу. Важное место при дворе, которое занимал Кенэ, наравне с литературной славой Мирабо и его аристократическим положением придало движению власти и влияния. Однако в ту эпоху абсолютизма и цензуры политическая экономия была опасной темой, поэтому Кенэ благоразумно публиковал свои труды под псевдонимом или через учеников. В 1760 г. Мирабо даже на несколько недель попал в тюрьму за книгу «Теория налогов» («Theorie de l'impôt»), в особенности за содержащуюся в ней язвительную критику налогового бремени и практики откупа налогов — продажи королем прав на сбор налогов частным лицам, так называемым «откупщикам». Выпустили его благодаря поручительству мадам де Помпадур.

Свою деятельность физиократы сосредоточили в редакциях нескольких журналов и в салонах, часть из которых собирались дома у Кенэ, а самый известный и регулярный — по вечерам каждый вторник — у маркиза Мирабо. Главными фигурами движения были: Пьер Франсуа Мерсье де ла Ривьер (1720—1793), чья книга «Сущность и естественная природа политических сообществ» («L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», 1776) была главным политэкономическим трудом школы; аббат Николя Бодо (1730—1792), выполнявший функции редактора и журналиста; Франсуа Гийом Летрон (1728—1780) юрист и экономист; и самый младший член группы, секретарь, редактор Пьер Самюэль Дюпон де Немур (1739—1817), чиновник, позже эмигрировавший в Соединенные Штаты и ставший основателем промышленной династии (пороховые заводы «Du Pont»).

Ни в чем культовый характер движения не проявлялся так отчетливо, как в эпитетах, которыми участники группы награждали своего лидера. Последователи утверждали, что Кенэ выглядит, как Сократ, и обычно называли его «Конфуций Европы». И несмотря на утверждения Адама Смита и многих других о его великой скромности, Кенэ действительно усматривал в себе предполагаемые мудрость и славу этого китайского мудреца. Мирабо пошел еще дальше, заявив, что три величайших изобретения в истории человечества — это письменность, деньги и знаменитая диаграмма Кенэ — «Экономическая таблица».

Секта просуществовала менее двадцати лет, быстро покотившись к упадку после середины 1770-х гг. Быстрому закату способствовали несколько причин. Одной стала смерть Кенэ в 1774 г. и тот факт, что в последние годы врач потерял интерес к собственному культу и ударился в математику, в частности претендуя на решение древней задачи о квадратуре круга. Кроме того, двумя годами позже министр финансов А.Р.Ж. Тюрго, единомышленник физиократов, попал в опалу, а маркиз Мирабо подвергся публичной кампании клеветы со стороны собственной жены и детей; из-за всего этого физиократия утратила влияние. А появление в том же году «Богатства народов» вскоре привело к тому, что на всю до-Смитовскую экономическую мысль стали смотреть с прискорбным пренебрежением, как если бы наука «политической экономии» была создана из ничего лично Адамом Смитом.

13.2. LAISSEZ FAIRE И СВОБОДА ТОРГОВЛИ

Главный интерес физиократов лежал в двух областях: политической экономии и собственно экономического анализа, но разница в качестве достижений в каждой из них просто поразительна. В общей политической экономии они обычно демонстрировали глубокое понимание предмета и внесли существенный вклад в эту дисциплину, тогда как в экономическом анализе они стали источником грубейших, а порой и гротескных, ошибок, которым суждено было еще долго преследовать экономическую науку.

В политической экономии физиократы стали одними из первых мыслителей, выступающих за *laissez faire* и презрительно отвергающих все меркантилистское наследие. Они призывали к полной свободе внутренней и внешней торговли, не нарушаемой никакими субсидиями, монопольными привилегиями и прочими ограничениями. Уберите запреты с поборами, говорили они, и торговля, земледелие и вся экономика расцветет. Хотя физиократам и недоставало теории, объясняющей механизм «цены — переток денежного металла», с таким блеском представленной Кантильоном, в вопросах внешней торговли по сравнению с ним они проявили гораздо большую настойчивость в преследовании меркантилистских заблуждений и проистекающих из них ограничений. Они указывали, что стремление страны продавать за рубежом много, а покупать мало абсурдно и внутренне противоречиво, так как купля и продажа — всего лишь две стороны одной медали. Более того, физиократы предвосхитили более позднее открытие из классической теории, а именно понимание того, что в долгосрочной перспективе друг на друга обмениваются именно товары — подлинные блага, а деньги служат лишь промежуточным средством. Поэтому настоящей целью торговли является не накопление слитков и не химера постоянного поддержания бла-

гоприятного торгового баланса, а рост благосостояния в смысле количества доступных благ. В самом деле, суть обладания деньгами состоит в том, чтобы обменять их на подлинные блага, и если вместо этого люди начинают собирать неиспользуемые груды денежного металла, то их подлинное благосостояние уменьшается, а не увеличивается.

Как только в 1774 г. Тюрго стал министром финансов, он немедленно объявил свободу экспорта и импорта зерна. Вводная часть указа, написанная его помощником Дюпоном де Немуром, представляет собой прекрасное и краткое обобщение всех идей физиократов — и самого Тюрго — относительно свободного рынка. Новая политика свободы торговли должна была

содействовать возбуждению и расширению земледелия, продукты которого являются единственным прочным и действительным богатством государства; поддержать обилие запасов посредством устройства зернохранилищ и ввоза иностранного хлеба; препятствовать такому падению хлебных цен, которое могло бы породить уныние среди производителей; устранить монополию посредством замены частных привилегий полной свободой конкуренции; способствовать развитию международной торговли и обмену излишних продуктов на необходимые, что вполне соответствует порядку, установленному Божественным Провидением¹.

Хотя физиократы и заявляли о своей приверженности полной свободе торговли, с особой страстью они боролись за отмену ограничений на вывоз зерна, что отражает их, зачастую странные, теоретико-экономические взгляды. То, что этот давно укоренившийся запрет стал их основной мишенью, неудивительно; однако они не выступали с таким же рвением в поддержку свободы ввоза зерна или вывоза промышленных товаров. Это объясняется их неугасимым энтузиазмом по отношению к высокому уровню цен на сельскохозяйственную продукцию, который они считали чуть ли не благом самим по себе. Более того, физиократы косо смотрели на экспорт промышленных товаров как на конкурента экспорту зерна, сбивающего на него цены. Кенэ даже написал, что «блаженна страна, не имеющая промышленного экспорта из-за того, что экспорт сельскохозяйственный держит цены на уровне, не позволяющем бесплодным классам продавать свои товары за границу». Ниже мы увидим, что определение «бесплодный» включает в себя все за пределами земледелия.

13.3. ПРЕТЕЧА СВОБОДНОГО РЫНКА: МАРКИЗ Д'АРЖАНСОН

Являясь первыми экономистами, разработавшими и акцентировавшими аргументы в пользу *laissez faire*, физиократы, однако, имели видных предшественников среди французских государственных деятелей и предпринимателей. Как уже отмечалось, идеи *laissez faire* были разра-

ботаны либералами, находящимися в оппозиции французскому абсолютизму конца XVII в.; такими, как коммерсант Тома Лежандр или чиновники Белеба и Буагильбер.

Фигурой, соединяющей сторонников *laissez faire* начала XVIII в. с физиократами 1760—1770 гг., был видный сановник Ренэ-Луи де Вае де Полми, маркиз д'Аржансон (1694—1757). Отпрыск рода, давшего целую череду министров, судей и интендантов <губернаторов>, д'Аржансон видел свое предназначение в том, чтобы стать премьер-министром и при помощи политики *laissez faire* спасти Францию от назревавшей революции. Д'Аржансон был ненасытным читателем и плодовитым писателем, но при жизни опубликовал всего несколько статей в собственном «*Journal Oeconomique*» («Журнал Экономик») в начале 1750-х гг., которые больше нигде не перепечатывались, зато широко ходили в списках. Долгое время ему ошибочно приписывалось авторство самого выражения «*laissez faire*», употребленного в одной из этих статей в 1751 г.

Хотя термин придуман не им, он постоянно сватал *laissez faire* французским властям и продолжал активно проповедовать этот принцип, несмотря на то что его идеи отвергались коллегами по правительству как чересчур эксцентричные. В молодости д'Аржансон был интендантом одной из провинций на фландрской границе и был поражен превосходством хозяйственной и общественной жизни Фландрии, проистекающим, по его мнению, из той свободы, которой там пользовались люди и рынки. Дальнейшее влияние на него оказали работы Фенелона, Белеба и Буагильбера.

Д'Аржансон считал личную выгоду и любовь к себе основными двигателями человеческой деятельности, факторами, высвобождающими энергию и производительные способности в процессе поиска каждым человеком своего счастья. Общественная жизнь, по его мнению, «имеет внутреннюю естественную тенденцию к гармонизации, если ей не мешают искусственные запреты и попытки стимулировать или гармонизировать ее насильно». В роли освободителя от подобных запретов д'Аржансон видел просвещенного монарха, отмечая, однако, что в идеальном обществе суверену было бы нечего делать. «Вмешательством можно только все испортить... Наилучшее правительство то, что правит меньше», — утверждал он, предвещая знаменитую фразу, приписываемую Томасу Джефферсону.

«Каждый человек должен быть предоставлен себе, чтобы трудиться для собственного блага, а не страдать от надуманных мер предосторожности. Тогда все наладится...» — продолжал он. И развивая протохайковскую идею, вычитанную у Белеба:

Именно это совершенство свободных отношений делает науку коммерции невозможной, во всяком случае, в том виде, в каком ее понимают наши теоретики. Они намереваются регулировать торговлю указами и регуляциями, но для успеха им пришлось бы ознакомиться

с интересами всех участников торговли... до последнего человека. В отсутствии подобного знания [наука коммерции] по последствиям применения будет хуже чем просто невежество. Поэтому — laissez faire! (Eh, qu'on laissez faire!)»

13.4. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

Физиократы довольно последовательно защищали не только laissez faire, но и доктрину естественных прав человека, в частности — право собственности. Джон Локк и участники движения левеллеров в Англии преобразили прежде туманную и холистическую идею естественных прав в четко сформулированную и строго индивидуалистическую концепцию прав каждого отдельного человеческого существа. Но именно физиократы первыми применили ее к свободной рыночной экономике. Можно сказать, что они завершили работу Локка, используя его идеи в экономическом анализе. Кенэ и другие вдохновлялись теорией естественных прав, характерной для Просвещения XVIII в., а именно: индивидуальные права личности и право собственности являются глубоко присущими порядку, управляемому природными законами, которые установил Создатель, а человеческий разум способен обнаружить и постичь. По сути, доктрина естественных прав XVIII в. была улучшенной версией доктрины средневековых и постсредневековых схоластов. В ней права принадлежали строго индивидам, а не определялись как нечто общественное или государственное; права имели основанием законы природы, и законы эти были умопостижимы. Голландский философ XVII в. Гуго Гроций, сам являясь протестантом-схоластом и находясь под сильным влиянием поздних испанских схоластов, разработал теорию естественных прав, смело заявив, что она полностью независима от вопроса об их божественном происхождении. Зачатки подобной идеи можно найти у Фомы Аквинского и у поздних католических схоластов, но никогда она не была сформулирована так решительно, как это сделал Гроций. Ее можно пояснить на примере вопроса, который занимал политических философов начиная с Платона: угодно ли Богу нечто, потому что это является благом самим по себе, или нечто является благом, потому что угодно Богу? Первый ответ всегда давали те, кто верил в существование объективной истины и этики: нечто может быть плохим или хорошим в соответствии с объективными законами природы и реальности. Второй ответ — это ответ фидеиста, не верящего в существование объективных этических законов, а считающего, что только воля Бога, выраженная в Откровении, способна дать человечеству понятия о добре и зле. Поскольку у Гроция естественные права обнаруживались при помощи человеческого разума, его доктрина стала решительным утвер-

ждением объективистской, рационалистической позиции; Просвещение XVIII в., по сути, представляло собой результат развития этой доктрины. К наследию Гроция Просвещение добавило Ньютона и его идею вселенной, как набора гармоничных закономерностей, обеспечивающих точное, если не механическое, взаимодействие всего. И хотя Гроций и Ньютон были ревностными христианами, как практически все в ту эпоху, мысль XVIII в., начав с их предпосылок, легко пришла к деизму, т.е. такой вере, в которой Бог, подобно великому часовщику, создает вселенную и законы, ею управляющие, а затем исчезает со сцены и позволяет собственному творению существовать по заложенным в него законам.

Однако с точки зрения политической философии не важно, были ли Кенэ и остальные католиками или деистами. Дюпон вообще происходил из гугенотской семьи. При разделяемом ими мировоззрении их отношение к естественному праву было бы таким же в любом случае.

В «Естественном порядке» («L'Ordre naturel») Мерсье де ла Ривьер отмечал, что божественный план творения подразумевал наличие природных законов для управления всем сущим и что человек наверняка не может быть исключением из этого правила. Человеку надлежит лишь применить разум для познания условий, необходимых для наибольшего счастья, и следовать этому пути. Все несчастья человечества — от невежества или неподчинения таким законам. Человеческая природа подразумевает право на самосохранение, из которого следует право собственности, а из права на плоды собственного труда, приложенного к земле, следует и право на саму землю. Но право собственности не стоило бы ничего без возможности свободно распоряжаться ею, и поэтому свобода логически следует из права собственности. Будчи социальными животными, люди выигрывают от общественного взаимодействия, а торговля и обмен увеличивают благополучие всех и каждого. Далее, поскольку человеческие способности по природе разнообразны и распределены неравномерно, из равного права на свободу каждого человека естественным образом возникает неравенство жизненных условий. Таким образом, заключает Мерсье, права собственности и свободные рынки представляют собой естественный, очевидный, простой и неизменный общественный порядок, необходимый для счастья всех.

Или, словами Кенэ из книги «Естественное право» («Le Droit naturel»): «Каждый человек имеет природное право на свободное использование собственных способностей, при условии что он не использует их для причинения вреда себе или другим. Это право на свободу следует как вывод из права собственности», и единственная задача правительства — защита этого права².

Многие правители в Европе были очарованы, или по крайней мере заинтригованы, этой новой модной доктриной — физиократией, и искали случая узнать о ней из первых рук. Французский дофин однажды пожаловался Кенэ о том, как трудно быть королем, на что врач ответил, что нет ничего проще. «Что бы вы тогда делали, случись вам быть коро-

лем?» — спросил дофин. «Ничего», — был прямой, безыскусный и великодушный в своем либертарианстве ответ доктора Кенэ. «Но кто бы тогда правил?» — пролепетал дофин. «Законы» (т.е. законы природы), — ответил Кенэ, несомненно к неудовольствию собеседника⁽¹⁾.

Похожий ответ точно не обрадовал Екатерину Великую, Императрицу и Самодержицу Всероссийскую, когда Мерсье де ла Ривьер, юрист и бывший интендант Мартиники, по ее просьбе читал ей лекцию о правлении. На настойчивый вопрос об основаниях права Мерсье ответил царице: «Существует лишь одно основание — природа вещей и человека». «Но как тогда правитель узнает, какие законы следует дать людям?» — продолжала спрашивать царица. На что Мерсье резко ответил: «Создание и раздача законов, мадам, есть дело, которое Бог не доверил никому. Да и кто таков человек, чтобы считать себя способным предписывать правила поведения тем, про кого он ничего не знает?» Искусство правления, добавил он, заключается в изучении и признании «тех законов, которыми Господь столь явно снабдил природу человека во время акта творения». «Попытка переступить эти пределы является разрушительной и принесет множество несчастий», — закончил он весьма уместным предупреждением.

Царица была вежлива, но очевидно недовольна. «Месье, — сказала она коротко, — слушать вас было истинным удовольствием. Желаю вам хорошего дня».

13.5. ЕДИНЫЙ НАЛОГ НА ЗЕМЛЮ

В теории сторонников *laissez faire* и естественных прав всегда присутствовали лакуны, чреватые проблемами. Одна из них — налогообложение. Если всякий человек обладает нерушимыми правами собственности, а эти права должно защищать государство, то немедленно возникает проблема налогов, которые по своей сути есть нарушение прав собственности. Как высоки должны быть налоги, и кто именно должен их платить?

Либерализм, пусть и в зачаточном виде, появился во Франции в последнее десятилетие XVII — самом начале XVIII в. как оппозиция этагистскому абсолютизму Людовика XIV. Любимой программой тогдашних либералов, изложенной, среди прочих, маршалом Вобаном и сьером де Буагильбером, был единый налог — пропорциональный налог на доходы или имущество. По их мысли, этот простой, прямой, единый для всех налог должен был заменить чудовищную и парализующую систему налогообложения, сформировавшуюся во Франции к концу XVII в.

Для решения этой же проблемы Кенэ и физиократы разработали собственную версию единого налога — единый налог на землю. Предполагалось, налог будет низким, пропорциональным, и облагаться им будут только земля и доходы землевладельцев.

Введение единого налога обосновывалось с позиции, краеугольной для всей физиократической мысли, — что производительна только земля. Земля производит, потому что она создает материю, а все остальное — торговля, промышленность, обслуживание и т.п. — «бесплодны», так как всего лишь перемещают или переделывают материю, не создавая ее. Поскольку лишь земля производительна, а вся остальная деятельность — нет, то, согласно физиократам, в конце концов посредством системы цен любой налог окажется перенесен на землю. Следовательно, выбор состоит либо в том, чтобы косвенно облагать землю налогом, попутно парализуя и деформируя другие виды деятельности, либо в том, чтобы облагать ее напрямую и единообразно одним налогом, освобождая остальную экономику от устрашающего бремени поборов.

С точки зрения экономической теории знаменитое утверждение физиократов о земле как единственном производителе странно и абсурдно. Это явная потеря в способности проникать в суть вещей по сравнению с Кантильоном, который понимал, что первичными производственными факторами являются земля и *труд*, а предприниматель — двигатель рыночной экономики, согласующий их использование в зависимости от нужд потребителей и неопределенности рынка. Конечно, земледелие было основным занятием того времени, а большая часть коммерческой деятельности сводилась к перевозке и продаже сельскохозяйственной продукции, но это никак не спасает теорию земли — единственного производителя и не оправдывает ее абсурдности.

Возможному объяснению странностей этой теории послужило бы применение к физиократам подхода, использованного профессором Роджером Гаррисоном при осмыслении им мировоззрения Адама Смита. Смит придерживался менее бредовой версии физиократической теории и считал, что подлинно производительным является только материальное производство — в противопоставление нематериальным услугам. Гаррисон отмечает, что действительная разница тут не между материальными и нематериальными благами, а между благами потребительскими и капитальными, которые, соответственно, являются либо непосредственными услугами, либо набором услуг, доступных в будущем. Отсюда следует, что для Смита труд является «производительным», только если усилия направлены на производство капитальных благ, на расширение производственных возможностей в будущем. Труд, непосредственно удовлетворяющий потребности потребителей, непродуцирующ. В общем, несмотря на репутацию сторонника свободного рынка, Смит не принимает рыночное распределение производственных усилий в пользу потребительских благ в ущерб капитальным благам; он предпочел бы больше инвестиций в развитие, чем предпочитает рынок.

Не могли ли и физиократы смотреть на вещи подобным образом? Они точно так же подчеркивали важность *материальных* благ, а сельское хозяйство было их основным производителем. Их тоже глубоко заботил экономический рост, валовый продукт и увеличение капиталов-

373
вложений, особенно — в земледелие. Физиократы не были довольны выбором свободного рынка и хотели усилить потребительский спрос на сельскохозяйственную продукцию. Высокое потребление этой продукции, по их мнению, было благотворно, тогда как высокое потребление промышленных товаров приводило к «непродуктивным» издержкам и к отвлечению покупателей от продукции сельского хозяйства.

Некоторые экономисты зашли еще дальше, предполагая, что физиократы приветствовали бы и политику поддержания сельскохозяйственных цен. Так, профессор Шпигель считает, что если бы физиократы

были поставлены перед выбором между свободным рынком и стимулированием цен, они бы выбрали стимулирование. Средством решения первоочередных экономических проблем, как они видели их, было скорее развитие национального сельского хозяйства, чем безусловное доверие к частной инициативе в рамках системы свободной конкуренции³.

Возможно, еще одним сигналом о пригодности подхода Гаррисона для анализа физиократических доктрин является их общее со Смитом отношение к законам против ростовщичества. Несмотря на довольно последовательную защиту прав собственности и торговли как внутри страны, так и за ее пределами, Кенэ и физиократы выступали против процентных ссуд, отказывая людям в праве брать и давать в долг. Смит разделял похожее заблуждение. Он, как указывает Гаррисон и как мы позже увидим в главе 16, занимал эту позицию в сознательной попытке отвлечь кредит от «непроизводительных» потребителей и спекулянтов, рискующих и потому платящих более высокий процент, в пользу «производительных» инвесторов с низкими рисками. Похожим образом и Кенэ ругал ограничения, накладываемые на инвестиции и рост капитала высокими процентными ставками, возникшими по причине конкуренции со стороны «непроизводительных» заемщиков, отбирающих кредит, который в другой ситуации мог бы служить развитию земледелия. Обоснованием законов против ростовщичества служили традиционные моралистические инвективы о якобы «бесплодности» денег. Но для физиократов бесплодной была любая деятельность, кроме земледелия, так что проблемой скорее была конкуренция за кредит со стороны «непроизводительных» секторов. По словам Элизабет Фокс-Дженовиз, «Кенэ утверждал, что высокая ставка процента представляла собой, ни много ни мало, налог на всю производительную деятельность в стране — налог на тех, кто не занимает так много, как некоторые»⁴.

Верно, что частично под прицел физиократов тут попал государственный долг, и верно то, что государственный долг повышает ставку процента и отклоняет капитал от производительного использования. Но в подобном подходе есть два изъяна. Во-первых, не весь несельскохозяйственный долг есть долг государственный, соответственно ссуд-

ный процент не является налогом на производителя в полном объеме. Это возвращает нас к эксцентрическим взглядам физиократов на землю как единственного производителя. Законы против ростовщичества подорвут не только государственные заимствования, но и все остальные виды займов. И во-вторых, весьма странным выглядит подход, при котором государство сначала занимает деньги, а затем, рубя с плеча, для исправления возникших проблем ограничивает ростовщичество. Не было бы проще, честнее и менее разрушительно обратиться к источнику проблемы — государственному долгу и призвать к его устранению? Законы против ростовщичества лишь ухудшат положение, сковывая свободный и производительный кредит.

Но Кенэ, сам сын преуспевающего фермера, был гораздо больше заинтересован в субсидированных кредитах сельскому хозяйству и в том, чтобы держать заемщиков-конкурентов подальше, чем в прекращении государственных займов.

Существует еще один способ объяснить физиократическую идею земли — единственного производителя. Для этого нужно внимательно рассмотреть предложенный физиократами единый налог. Они считали, что производительным классом были фермеры, арендующие землю у землевладельцев и реально на ней работающие. Землевладельцы были *частично* производительным классом; «частично» — потому что капитальные блага предоставлялись фермерам авансом. Однако физиократы считали, что весь доход фермеров съедается их конкуренцией за аренду земли, так что весь валовый продукт — единственный валовый продукт, который только существует в обществе — доставался землевладельцам. Таким образом, единый налог должен быть пропорциональным и налагаться только на землевладельцев.

Профессор Норман Уэр рассматривал физиократию и теорию земли — единственного производителя как простую рационализацию классового интереса землевладельцев. Эта гипотеза почему-то принимается всерьез многими историками экономической мысли. Но давайте зададим себе вопрос: что это за доктрина, призванная служить чьим-то интересам, которая требует: «Пожалуйста, обложите налогами меня и только меня»? Выгодополучателями от политики физиократов были бы, разумеется, все остальные экономические классы *кроме* землевладельцев и фермеров, к которым принадлежал и сам Кенэ⁵.

13.6. ОБЪЕКТИВНАЯ ЦЕННОСТЬ И ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА

Хотя физиократы отметились несколькими полезными идеями в политической экономии, в экономический анализ они принесли не просто ошибки, но в отдельных случаях ошибки, обернувшиеся катастрофой для будущего экономической науки.

Так, на протяжении столетий магистральное течение экономической мысли, заключенное в основном в трактатах схоластов, придерживалось мысли, что ценность, а следовательно, и цены благ определялись на рынке их полезностью и редкостью, т.е. оценками потребителей некоего данного количества товара. Схоласты и их последователи в целом решили древний «парадокс ценности» алмазов и хлеба или алмазов и воды: почему хлеб, столь полезный для человека, стоит на рынке так мало, а алмазы — бесполезные побрякушки — так много? Кажущееся противоречие между «потребительной ценностью» и «меновой ценностью» разрешается, если принять во внимание количество соответствующих благ. Ведь доступный запас хлеба так велик, что ценность, потребительная или меновая, каждой отдельной буханки ничтожна, тогда как редкость алмазов обеспечивает их высокую рыночную цену. Таким образом, «ценность» не является абстрактным свойством класса благ, она вменяется потребителями конкретным единицам реальных благ и обратно зависит от их предложения.

375

Единственным недостающим звеном в этом объяснении было понятие предельного блага, введенное австрийской школой и другими экономистами-неоклассиками в 1870-х гг. Схоласты знали, что полезность любого блага уменьшается при увеличении его количества; им не хватало лишь понимания того, что в условиях реального обмена оценка блага происходит по его следующей (предельной) единице. Убывающая полезность — это всегда убывающая *предельная* полезность. Но хотя эта идея, завершающая субъективную теорию полезности, еще отсутствовала, остального было достаточно для убедительного объяснения феномена ценности и цены.

Кантильон продолжил анализ в той же схоластической протоавстрийской традиции и, несмотря на путаницу с введенным им понятием «внутренней ценности», состоявшей из ценности земли и труда, необходимых для производства, внес в нее существенный вклад, особенно в части денег и теории предпринимательства. Именно физиократы порвали с многовековой традицией здравых экономических рассуждений и породили то, что в руках Смита и Рикардо станет орудием реакционной и обскурантистской атаки на правильную теорию ценности.

Доктор Кенэ принимает за анализ ценности, полностью проигнорировав теоретическое наследие прошедших веков и разводя — с трагическими последствиями — идеи «потребительной ценности» и «меновой ценности». Хотя, согласно Кенэ, потребительная ценность и отражает индивидуальные потребности и желания потребителей, но потребительные ценности различных товаров практически не имеют отношения друг к другу, а следовательно к ценам. С другой стороны, меновая ценность, или относительные цены, никак не соотносится ни с человеческими нуждами, ни с процессом торгового обмена между продавцами и покупателями. Взамен «ученый» Кенэ отвергает субъективный характер ценности и заявляет, что ценность благ «объективна» и неким мистическим образом

встроена в них так, что субъективные оценки потребителей не имеют значения. Этим объективным воплощением являются издержки производства, которые как-то определяют «фундаментальную цену» каждого блага. У Кенэ, как и у Кантильона до него, получается, что «объективные» издержки производства каким-то образом определены извне, помимо их объяснительных систем.

13.7. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Может быть не столь разрушительным для развития экономической мысли, как заблуждение об издержках производства, но точно более возмутительным в наши дни выглядит сочинение «Экономическая таблица» («Tableau économique») Кенэ, та самая, которую его прославителем, Мирабо, объявил одним из трех величайших изобретений человечества всех времен. «Экономическая таблица», впервые опубликованная в 1758 г., представляла собой невразумительную схему, полную жаргонизмов, назначение которой состояло в демонстрации потоков расходов между экономическими классами. Отвергнутая в свое время как напыщенная и нерелевантная, в XX в. она была извлечена из небытия экономистами, впечатленными именно ее невнятистью. Какое поле для публикаций в реферируемых журналах!

«Таблицу» Кенэ превозносят как предтечу всего того, что так дорого сердцу современного экономиста: агрегированных величин, анализа затрат—выпуск, эконометрики, представления равновесия в виде кругооборота, кейнсианских мультипликатора и акцента на расходы и потребительский спрос. В последние годы на любовное выяснение того, о чем же именно «Таблица» должна была поведать миру, и на попытки связать содержащиеся в ней цифры с экономической реальностью были потрачены десятки тысяч слов.

Если «Таблица» действительно предвосхищала развитие современной экономической мысли, то тем хуже для них обеих. Да, она действительно демонстрирует тот факт, что, в конце концов, подлинные блага обмениваются на подлинные блага посредством денег и что на рынке каждый является одновременно продавцом и покупателем. Но эти элементарные факты были известны давным-давно, и все схемы, линии (столь милые сердцу Кенэ «зигзаги») и цифры нисколько не подчеркивали их важность, а скорее затемняли ее. В лучшем случае «Таблица» детально демонстрировала общую схему расходов и доходов, с какой целью — неизвестно⁶. Далее, она несла отпечаток холистического макроэкономического подхода с использованием агрегированных величин, без предшествующего микроэкономического анализа на принципах методологического индивидуализма.

«Таблица» не только бесосновательно ввела в теоретический оборот неверные принципы макроэкономического анализа, она также заложила

мину под будущее, готовя почву для появления кейнсианства. Она превозносила расходы, включая потребительские, и выражала беспокойство по поводу сбережений, которые в ней рассматривались как приносящие вред из-за «утечки» денег из постоянного кругооборота расходов. Этот упор на жизненной необходимости постоянного поддержания должного уровня расходов ошибочен и поверхностен, так как игнорирует два фундаментальных соображения: во-первых, сбережения расходуются на инвестиционные блага, а во-вторых, ключевым фактором гармонии и равновесия является *цена* — на рынке сокращение расходов всегда может быть легко уравновешено снижением цен. Можно сформулировать непреложный закон: если в каком-то описании или анализе экономической системе не учтены цены, можно быть на сто процентов уверенным, что это бред; «Таблица» была первой, но, увы, не последней, экономической моделью такого рода.

Разумеется, доктор Кенэ снабдил свою версию кругооборота расходов чисто физиократической чертой: особенно важно было поддерживать расходы в «производительном» сельском хозяйстве и всячески избегать их перетока в «бесплодные» отрасли, т.е. в любой другой сектор. Когда Кейнс проводил эксгумацию похожего набора идей, он, конечно, должен был избегать физиократического предубеждения.

При том что аналитическая ценность агрегированных величин, анализа затраты—выпуск и эконометрики весьма сомнительна сама по себе, она падает ниже нуля в том случае, если числа неверны. Но цифры, приведенные Кенэ, взяты с потолка и не имеют отношения ни к Франции его времени, ни к какой-либо другой эпохе. К тому же, рисуя свою любимую таблицу, горе-математик наделал элементарных арифметических ошибок. В результате «Таблица» даже в лучшем случае была изоцирено бессмысленной, а в худшем — ошибочной, вводящей в заблуждение и вредоносной. Единственным результатом ее существования стало отвлечение внимания людей от подлинного экономического анализа.

Чтобы скрасить впечатление от этого образчика вопиющей глупости, приведем строки едкой сатиры, написанной против «Таблицы» противником физиократов, консерватором и государственнымником Симоном Николя Анри Лингюэ (1736—1794). Лингюэ начал свой памфлет «Ответ нынешним врачам» с высмеивания культового характера движения физиократов, а их самих — как участников секты:

Факты говорят сами за себя: вы используете волшебные слова вроде «физиократия» или «чистый продукт», у вас есть мистический жаргон для обсуждения «естественного порядка», «науки» и вашего «мастера», своих патриархов вы величаете немислимыми титулами, своих сторонников по всей стране вы осыпаете лаврами, хотя люди эти, при всех их возможных добродетелях, никому не известны... Это ли не секта? У вас есть боевой клич, знамена, марш, глашатай [Дюпон], единый стиль обложек для ваших книг и секретный знак, как у масонов. Не секта? Никто и пальцем не смеет тронуть никого из ваших, ина-

че на обидчика немедленно налетает вся свора. Вы нахваливаете друг друга, а оппонентов поносите не стесняя себя ничем.

Далее Лингюз обращает жало своего внимания на «Таблицу»:

Вы вдохновенно и всерьез спорите, в какой именно день был явлен символ вашей веры — Экономическая Таблица; символ столь мистический, что даже многотомные сочинения не способны объяснить его. Она для вас, как Коран для магометан. Вы прямо жаждете принять за нее мученичество и всем твердите о крепкости вашей веры. Вы преследуете [аббата] Галиани и меня за то, что мы не испытываем трепета перед идиотскими иероглифами вашей священной писанины. Конфуций начертил таблицу И-Цзинь, которая содержит шестьдесят четыре термина, соединенные линиями, призванную объяснить взаимодействие стихий; вашу Экономическую Таблицу сравнивают с ней, и совершенно справедливо, потому что в ней тоже ничего нельзя понять, только вы еще и опоздали на триста лет! Ваша Таблица — это оскорбление здравому смыслу, разуму и философии, итоговые нули в ее столбцах «чистого воспроизводства» прекрасно характеризуют пользу тех усилий, которые простаки потратили на тщетные попытки разобраться в ней⁷.

13.8. СТРАТЕГИЯ И ВЛИЯНИЕ

Одна из проблем, с которой приходится иметь дело либералу и стороннику свободного рынка, такова: принимая во внимание желательность минимального вмешательства государства в дела людей, какую форму должна принять государственная власть? Кто должен править?

Для французских либералов конца XVII — начала XVIII в. ответ был очевиден: государственная власть — это всегда власть абсолютного монарха. Противники монархии были уничтожены еще в начале—середине XVII в., и с того времени, казалось, было доступно только одно решение: необходимо обратиться к истинам и мудрости *laissez faire*. Любая идея, подразумевающая организацию массового движения, оппозиционного королю, не имела перспектив; даже разговор на эту тему был немыслим.

Физиократы, как и их либеральные предшественники начала века, не были просто теоретиками. Видя, что страна идет неверным путем, они пытались продвигать собственную политическую альтернативу. Но если единственной возможной формой правления во Франции была абсолютная монархия, то единственная доступная стратегия была понятна и проста, по крайней мере на бумаге: превращение короля в единомышленника. Так что основной политической стратегией классических либералов, с аббата Клода Флери и его талантливого ученика архиепископа Фенелона в конце XVII в. до физиократов и Тюрго в конце XVIII в., стала попытка обратиться к правителю.

Либералы занимали общественное положение, благоприятствующее их проектам «революции сверху». Все они пользовались большим влиянием при дворе. Например, архиепископ Фенелон все надежды возлагал на дофина, воспитывавая герцога Бургундского как пламенного либерала. Но, как мы уже видели, все эти тщательно продуманные планы пошли прахом, когда в 1711 г. герцог заболел и умер, всего четыре года не дожив до смерти Людовика XIV.

Спустя полвека доктор Кенэ, используя свое положение при дворе и на этот раз действуя через любовницу короля мадам де Помпадур, вновь попытался повлиять на правителя. Во Франции успех был лишь частичным. Как только Тюрго, разделявший с физиократами идеи свободного рынка, стал министром финансов и приступил к радикальным либеральным реформам, он немедленно наткнулся на противодействие глубоко укоренившихся интересов, представители которых добились его отставки всего лишь через два года после назначения. Вызывавшие гнев и раздражение реформы были отменены. Основные участники движения физиократов были изгнаны из страны королем Людовиком XVI, их журнал запрещен, маркизу Мирабо было велено прекратить его знаменитые вторичные семинары.

Стратегия физиократов провалилась, причем провалу послужило нечто большее, чем капризы конкретного монарха. Даже если короля и можно убедить в том, что свобода способствует счастью и процветанию его подданных, его собственный интерес зачастую лежит в увеличении государственных поборов, а через них — королевского богатства и власти. Кроме того, монарх правит не один, а во главе группы бюрократов, знати, привилегированных монополистов и феодалов. Другими словами, он правит во главе могущественной элиты, или «правлящего класса». Конечно, возможно, хотя едва ли вероятно, что король и правящий класс вдруг воспримут философию и политическую теорию, которые лишат их власти и отстранят от дел. Этого точно не произошло во Франции, так что после провала физиократов и Тюрго за дело принялась Французская революция.

Несмотря ни на что, физиократы все-таки смогли повлиять на некоторых правителей, пусть и не во Франции. Их главным и усердным учеником среди сильных мира сего, к тому же вызывавшим наибольшую симпатию, был Карл Фридрих, маркграф герцогства Баден (1728—1811) в Германии. Под влиянием работ Мирабо он написал краткий трактат о физиократии, а затем попытался внедрить эту систему в своих землях. Маркграф внес в Германский Рейхстаг предложение о свободной торговле зерном, а в 1770 г. ввел единый налог в размере 20% сельскохозяйственного «чистого продукта» в трех баденских деревнях. Управлял экспериментом главный помощник маркграфа, немецкий физиократ-энтузиаст Иоганн Август Шлетвайн (1731—1802), профессор экономики Гисенского университета. В двух деревнях эксперимент был вскоре прекращен, хотя в Дитлингене продолжался до 1792 г. Кроме того, марк-

граф на несколько лет выписал себе Дюпона де Немура в качестве учителя для сына.

Во время одной примечательной беседы с Мирабо разошедшийся маркграф даже спросил своего наставника, нельзя ли, в идеале, вовсе отказаться от суверена. Этот вопрос показывает, что маркграф интуитивно чувствовал, что в идее *laissez faire* и естественных прав содержится анархистское или по меньшей мере республиканское ядро. Но Мирабо, как и все физиократы, был монархистом, поэтому он осадил своего юного ученика, строго напомнив ему, что хотя в идеале роль суверена и ограничена, но он все же остается владельцем земель и хранителем социального порядка.

Еще несколько правителей в Европе поверхностно интересовались физиократией. Наиболее глубоко великий герцог Тосканский Лепольд II, позже ставший императором Австрии; он обязал министров консультироваться с Мирабо и провел несколько реформ в духе физиократов. Сочувствовал их идеям и император Австрии Иосиф II. Король Швеции Густав III с энтузиазмом принимал физиократов; за заслуги в развитии земледелия он сделал Мирабо Командором Большого Креста (первая степень) только что учрежденного ордена Васы; Дюпон, в свою очередь, стал Рыцарем ордена Васы (пятая степень). С более практической стороны, когда журнал физиократов был запрещен после отставки Тюрго, король Густав и маркграф Бадена предоставили средства для его издания в своих землях и наняли Дюпона в качестве редактора.

Но после начала Французской революции призывы физиократов к монархам утратили даже то небольшое влияние, которое они имели до нее. После Революции физиократия с ее пристрастным отношением к земледелию и монархическими симпатиями была скомпрометирована во Франции и остальной Европе.

13.9. ДАНИЭЛЬ БЕРНУЛЛИ И НАЧАЛО МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Нельзя закончить рассказ об экономической таблице, не упомянув современника Кантильона, франко-швейцарского математика, который в определенном смысле предвосхитил ее появление. Его можно назвать основателем всей математической экономики. Как основоположник, он ответственен и за некоторые характерные для этой дисциплины ошибки и заблуждения.

Даниэль Бернулли (1700—1782) родился в семье, давшей миру нескольких выдающихся математиков. Его дядя Жак Бернулли (1654—1705) первым начал исследования в области теории вероятностей (в работе «*Ars conjectandi*», написанной на латыни; издана в 1713 г.). Его отец Жан Бернулли (1667—1748) был братом Жака; они вдвоем числятся среди первопроходцев математического анализа, метода исследова-

ния бесконечно малых, открытого в конце XVII в. В 1738 г. Даниэль, пытаясь при помощи этого метода решить одну из проблем теории вероятностей в приложении к азартным играм, наткнулся на идею убывающей предельной полезности денег. Его статья на эту тему была опубликована в одном из научных сборников⁸.

Скорее всего, Бернулли не знал, что похожую закономерность, пусть и не в математической форме, открыли испанские схоласты Саламанкской школы Томас де Меркадо и Франциско Гарсиа почти за двести лет до него. Он вообще не оставил никаких признаков знакомства не только с их денежными теориями, но и с любыми другими направлениями экономической мысли. Являясь математиком, он и свое открытие сформулировал ошибочным способом, введя в оборот такую формулировку закона убывающей предельной полезности, которой было суждено в будущем постоянно сбивать экономистов с толку. Использование математических методов вынуждало их принимать такой набор допущений об окружающем мире, который делал теорию пригодной для вычислительных манипуляций в ущерб правдоподобию. Математический метод взял верх над пониманием подлинной человеческой деятельности.

Одна из фундаментальных ошибок в формулировке Бернулли появилась из-за необходимости использования математических обозначений, а именно дробей. Ведь если приходится втискивать идею индивидуальной убывающей предельной полезности денег в математическое выражение, то можно заявить, что богатство индивидуума, выраженное в деньгах, в каждый момент времени равно x , а полезность его равна u , и если Δ — общепринятый символ изменения, то значение выражения

$$\frac{\Delta u}{\Delta x} \text{ уменьшается при увеличении } x.$$

Но даже эта относительно невинная формула неверна, так как полезность — это не материальный объект, ее невозможно измерить, следовательно, ее невозможно делить и нельзя использовать в качестве числителя несуществующей дроби. Полезность не имеет размерности, а даже если бы имела, то была бы несоразмерна денежным единицам, находящимся в знаменателе.

Давайте пренебрежем этой фундаментальной ошибкой и примем данную дробь за поэтически изложенную, но истинную версию закономерности. Проблемы, однако, только начинаются. Следующим шагом Бернулли (а за ним — все экономисты-математики) для математического удобства опять делает неправомерное допущение, применяя к выражению идею производных. Если объявить изменение дохода или полезности бесконечно малыми величинами, становится возможным использовать мощный аппарат дифференциального исчисления. Бесконечно малые изменения являются первыми производными от количества в каждой данной точке, и выражение выше тоже становится первой производной d . Так отдельные акты выбора, дискретные по определению,

вдруг волшебным образом превращаются в непрерывные гладкие кривые, знакомые нам по геометрическим изображениям современной экономической теории.

Но и это еще не все. Бернулли громоздит друг на друга ложные предпосылки и методы как Пелион на Оссу⁽²⁾. Следующий шаг к эффективному и на вид точному выводу — это предположение, что предельная полезность для каждого человека не просто уменьшается с увеличением богатства, но уменьшается на определенную величину, обратно пропорциональную количеству богатства. Так что, если b — константа, а полезность y вместо u (предположительно для удобства откладывания полезности по y , а богатства — по оси x), тогда

$$\frac{dy}{dx} = \frac{b}{x}.$$

Какие основания есть у Бернулли для столь абсурдного допущения — «увеличение полезности обратно пропорционально количеству уже имеющегося богатства»? Абсолютно никаких; ученый поборник точности делает полностью произвольное допущение⁹. На самом деле нет никаких оснований считать, что существует хоть какое-нибудь постоянное соотношение. Никаких свидетельств тому и не может быть найдено, потому что сама идея пропорции с участием несуществующей величины абсурдна и бессмысленна. Полезность — это субъективная оценка, результат ранжирования в уме индивида, и как таковая не обладает физической размерностью и, следовательно, неизмерима и не может быть пропорциональна сама себе.

На этом вопиющем заблуждении Бернулли не остановился, добавив еще одно, безответственно заявив, что коэффициент изменения предельной полезности денег постоянен и одинаков для всех людей. Современным экономистам известна трудность, или скорее невозможность, межличностного сравнения полезности. К сожалению, этой невозможности не придается достаточного значения. Поскольку для каждого человека полезность субъективна, ее невозможно не только измерять, но и сравнивать между людьми. Повторим еще раз: полезность — это не вещь и не сущность, это просто название для субъективной оценки в уме каждого индивида. Следовательно, ее невозможно измерить даже *в пределах* ума каждого человека, не говоря уже о подсчетах и сравнениях для разных людей. Каждый отдельный человек может сравнивать ценности или полезности лишь располагая их по порядку предпочтения, идея «измерять» их абсурдна и бессмысленна.

Из этой неверной во многих отношениях теории Бернулли делает ложный вывод, что «нет никаких сомнений в том, что прибыль в тысячу дукатов более значима для нищего, чем для богача, хотя бы и оба получили одну и ту же сумму». В реальности, разумеется, все будет зависеть от субъективных оценок и представлений о полезности конкретных богача и нищего, и дать этой зависимости количественное измерение будут не в силах ни сторонний наблюдатель, ни сами нищий с богачом¹⁰.

Сомнительный вклад Бернулли нашел употребление в математике, где был использован великим французским теоретиком начала XIX в., Пьером Симоном, маркизом де Лапласом (1749—1827), в его знаменитой «Аналитической теории вероятностей» (1812). К счастью, работа была полностью проигнорирована теоретической экономикой¹¹ и была извлечена на свет только Джевонсом и другими представителями математического крыла маржиналистского направления в конце XIX в. Глубине забвения несомненно способствовала латынь, на которой был написан труд. Перевод на немецкий появился только в 1896 г., на английский — в 1954-м.

13.10. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Henry Higgs, *The Physiocrats* (1897, New York: The Langland Press, 1952), p. 62 <Гиггс Г. Физиократы. СПб.: О. Н. Попова, 1899. С. 46>.

2. См. парафразирование Хиггса: *Ibid.*, p. 45 <Там же. С. 34>.

(1). В русском переводе брошюры Генри Хиггса этот диалог опущен (ср. с. 45 оригинала и с. 34 перевода). Воспроизведем ниже весь фрагмент, подвергнутый цензуре, который включает в себя и место, процитированное М. Ротбардом.

В опубликованном переводе предложение «Деспотизм государства должен умеряться только давлением просвещенного общественного мнения» заканчивается многоточием (из девяти точек), заменяющим следующий текст: «которое будет восставать против любого нарушения естественного права или, скорее, сделает его невозможным. Французский дофин однажды пожаловался Кенэ о том, как трудно быть королем, которым ему не суждено стать. “Не понимаю, — сказал Кенэ, — что в этом трудного”. — “А что бы вы делали, случись вам быть королем?” — “Ничего”. — “Но кто бы тогда правил?” — на что последовал лаконичный ответ: “Закон”. В другом случае некий царедворец при виде короля, изнуренного спорами с духовенством и судьями парламента, предложил насильственные меры: “Королевством правит алебарда”. — “А скажите, сударь, — спросил Кенэ, — кто правит алебардой?” Его оппонент замолчал. “Мнение, — добавил доктор, — поэтому вам следует начать работать с мнением”».

Нам неизвестно, кто осуществил цензурные изъятия (их больше десяти на 108 страниц русского текста книги): цензор или (в порядке подготовки к цензуре) переводчик или редактор (которым был не кто-нибудь, а П. Струве!). К чести издателя и редактора следует сказать, что пропуски оригинального текста отмечены многоточием. — *Прим. изд.*

3. Henry William Spiegel, *The Growth of Economic Thought* (2nd ed., Durham, NC: Duke University Press, 1983), p. 192.

4. Elizabeth Fox-Genovese, *The Origins of Physiocracy* (Ithaca: Cornell University Press, 1976), p. 241.

5. Я обязан этими сведениями лекциям по истории экономической мысли профессора Джозефа Дорфмана из Колумбийского университета. Насколько мне известно, они никогда не публиковались.

6. Фоли предлагает интересную версию, утверждающую, что «экономическая таблица» появилась под влиянием ошибочного представления Кенэ о механизме циркуляции крови в человеческом организме. См.: V. Foley, 'The Origin of the Tableau Economique', *History of Political Economy* 5 (Spring 1973), pp. 121—150.
7. Higgs, op. cit., note 1, pp. 149—150.
8. Под названием 'Specimen Theoriae Novae de Mensura Sortis', в *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, Tomus (1738), pp. 175—192. Перевод на английский Л. Коммера: 'Exposition of a New Theory on the Measurement of Risk', *Econometrica*, 22 (Jan. 1954), pp. 23ff.
- (2). Громоздить Пелион на Оссу — крылатая фраза, восходящая к мифам Древней Греции и поэме Гомера «Одиссея». Некогда дети бога Урана и богини земли Геи, могучие титаны, посягнули на власть своего отца, свергли его и поставили на его место титана Кроноса. Кроносу наследовал его сын Зевс. Это не понравилось титанам, и они пошли войной на Олимп — место пребывания Зевса. Чтобы добраться до Олимпа, они взгромили одну на другую горы Пелион и Оссу, но проиграли бой. Зевс сбросил их в глубь подземного царства — Тартара.
9. Шумпетер отмечает, что подобное предположение было выдвинуто за десять лет до этого математиком Крамером, по версии которого предельная полезность убывала пропорционально не x , а квадратному корню из x . Остается только гадать, как из этих двух абсурдных предположений можно выбрать одно. Урок, который можно извлечь из всего этого, таков: когда подлинное исследование подменяется произвольными допущениями, выводы тоже делаются произвольными, и ни одно из исходных допущений не лучше и не хуже любого другого. См.: J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), p. 303 <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 396>.
10. Эмиль Каудер упоминает фразу Оскара Моргенштерна о том, что «хотя межличностное сравнение полезностей не имеет под собой никаких оснований», но «мы живем, постоянно делая такие сравнения». Да, конечно, но этот процесс не имеет никакого отношения к науке, и, следовательно, ему не место в экономической теории ни в какой формулировке, математической или словесной. См.: Emil Kauder, *A History of Marginal Utility* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), p. 34n.
11. За единственным исключением — книги крупного немецкого экономиста Фридриха Германна (1795—1868): Friedrich Benedikt Wilhelm von Herrmann, *Staatwirtschaftliche Untersuchungen* (1832).

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ТЮРГО

14.1. ЛИЧНОСТЬ

На шахматных турнирах есть обычай отмечать специальными призами так называемые «блестящие партии». «Блестящая партия» — это игра одновременно краткая, ясная и сокрушительная, во время которой гроссмейстер открывает нестандартные комбинации и приходит к новым идеям. Если бы подобный приз присуждался за исторический вклад в экономическую мысль, то его обладателем точно стал бы Анн Робер Жак Тюрго, барон де л'Ольн (1727—1781). Его карьера экономиста была краткой, но блестящей и во всех смыслах замечательной. Во-первых, он умер относительно молодым, а во-вторых, экономической теории он посвятил сравнительно мало времени и сил. Он был сильно занятым деловым человеком, отпрыском знатной нормандской семьи, издавна состоявшей на королевской службе и давшей множество высших чиновников — рекетмейстеров (*maître des requêtes*), магистратов и интендантов. Отец Тюрго Мишель-Этьен был членом Государственного совета, президентом Большого совета (апелляционного суда парижского парламента), рекетмейстером и, кроме того, занимал высший пост в администрации Парижа. Его матерью была Магдалена Франсуаза Мартинó, высокообразованная и аристократичная дама.

Блистать Тюрго начал еще студентом, с отличием закончив семинарию Сан-Сюльпис, а затем — теологический факультет Парижского университета, знаменитую Сорбонну. Предполагалось, что младший сын знатного, но небогатого рода посвятит себя церкви — обычный способ сделать карьеру для человека его положения во Франции XVIII в. Но хотя Тюрго и был рукоположен в аббаты, он решил последовать семейной традиции и влиться в ряды королевской бюрократии. Он последовательно стал магистратом, рекетмейстером, губернатором и, наконец, как мы уже видели, на короткое время занял пост министра финансов (или генерал-контролера), предприняв злополучную и героическую попытку «революции сверху», целью которой было избавление экономики от государственных ограничений.

Сильная занятость Тюрго как чиновника не помешала ему иметь широкий круг интересов, и все свободное время он посвящал чтению и письму, причем не только на тему экономики, но также литературы, истории, филологии и естественных наук. Его экономические работы отличались краткостью, разрозненностью и поспешностью стиля, всего 188 страниц

в 12 фрагментах. Самая известная и длинная — «Размышления о происхождении и распределении богатства» (1766) — содержит всего 53 страницы. Эта краткость лишь подчеркивает значительность вклада, сделанного в экономическую мысль этим замечательным человеком.

Историки обычно относят Тюрго к физиократам и рассматривают его как всего лишь одного из их учеников из числа чиновников; или, приписывая ему чисто эстетическое нежелание участвовать в секте, считают его их попутчиком. Ни тот, ни другой взгляд не отдают Тюрго должного. Он был сторонником физиократов из-за разделяемой с ними приверженности свободе торговли и *laissez faire*. Он не принадлежал к секте, так как сам был гением, каковым никто из физиократов не был. Его понимание экономической теории было неизмеримо глубже их, а изложение им таких тем, как капитал и процент, вряд ли превзойдено и по сей день.

История мысли показывает, что стиль изложения часто характеризует самого человека. Ясность и краткость работ Тюрго отражают соответствующие качества его мышления и являют освежающий контраст по сравнению с многословной и напыщенной прозой физиократической школы.

14.2. LAISSEZ FAIRE И СВОБОДА ТОРГОВЛИ

Учителем Тюрго в вопросах экономической теории и государственного управления был его большой друг Жак Клод Мари Винсент, маркиз де Гурне (1712—1759). Он был преуспевающим коммерсантом, впоследствии ставшим королевским инспектором мануфактур и министром торговли. Несмотря на скудное литературное наследие, Гурне был великим учителем экономики в самом лучшем смысле этого слова; бесчисленные беседы с ним повлияли не только на Тюрго и физиократов, но и на многих других. Именно Гурне пустил по Франции молву о достижениях Кантильона. Кроме того, он переводил на французский английских экономистов, таких как Джосая Чайлд, и его обширные комментарии к этим переводам широко циркулировали в списках во французских интеллектуальных кругах. От него Тюрго и усвоил приверженность идеям свободного рынка, и даже саму фразу «*laissez faire, laissez passer*» ошибочно приписывали ему⁽¹⁾.

Поэтому вполне естественно, что впервые и наиболее полно Тюрго описал свои взгляды на *laissez faire* в одной из самых ранних работ — «Похвальном слове Венсану де Гурне», написанной в 1759 г. в память о безвременно умершем друге¹.

Тюрго дал понять, что Гурне считал характерную для меркантилизма систему мелочных предписаний, регулирующих плодотворную деятельность, не просто интеллектуальной ошибкой, но главной причиной

принудительного картелирования и источником особых привилегий, раздаваемых государством. Он писал о

бесчисленном количестве статутов, продиктованных духом монополий, вся цель которых состоит [sic] в том, чтобы отбить у людей охоту к занятию промыслами, сосредоточить коммерцию в возможно меньшем числе рук путем умножения формальностей и издержек, путем установления обязательного пребывания в учениках и подмастерах в течение десяти лет для ремесел, которым можно обучиться и в течение десяти дней, путем исключения их из числа всех тех, кто не родился сыном мастера или кто родился вне определенных границ, путем запрещения допускать женщин к изготовлению тканей. <С. 555.>⁽²⁾

Для Тюрго свобода внутренней и внешней торговли в равной мере вытекала из единого принципа благотворности свободного обмена. Все запреты «пренебрегают тем фактом, что никакая коммерческая сделка не может быть произведена иначе, как по взаимному согласию» и что попытка продавать иностранцам все, не покупая у них взамен ничего, абсурдна. В «Похвальном слове» он, предвосхищая Хайека, писал о ключевой роли, которую в действиях на рынке играет индивидуальное знание, рассеянное среди предпринимателей и участников обмена. Кровно заинтересованные в результате и находящиеся в гуще событий участники рыночного процесса знают о текущих обстоятельствах и собственном положении гораздо больше бесстрастных интеллектуалов, взвешивающих на происходящее со стороны:

Нет нужды доказывать, что каждое частное лицо является единственным судьей самого выгодного использования своей земли и своих рук. Оно одно знакомо с местными условиями, без знания которых и самый просвещенный человек может рассуждать лишь вслепую. Только оно обладает опытом, тем более надежным, что таковой ограничен одним предметом. Оно приобретает знания с помощью повторных опытов, посредством своих успехов, путем потерь и получает житейскую сноровку, тонкость которой, заостренная изучением потребности, далеко превосходит всякую теорию равнодушного наблюдателя. <С. 559—560.>

Анализируя рыночный процесс более детально, Тюрго указывает на личный интерес человека как на главный двигатель всего процесса — факт, из которого Гурне делал вывод о том, что на свободном рынке частный и общественный интерес *всегда* совпадают. Покупатель найдет продавца, запросившего лучшую цену за товар наиболее устраивающего качества, а продавец продаст такой товар по наименьшей конкурентной цене. Правительственные запреты и особые привилегии, наоборот, заставляют потребителей покупать товар более низкого качества по более высокой цене. «Общая свобода торговли... является единственным сред-

ством обеспечить, с одной стороны, продавцу — цену, способную поощрить производство, с другой — покупателю — наилучший товар по наименьшей цене» <с. 557>, — подытоживает Тьюго. Он заключает, что роль государства должна быть строго ограничена защитой индивида от «значительных несправедливостей» <ср. с. 557>⁽³⁾, а страны — от вторжения извне. «Хватит, чтобы государство всегда защищало естественную свободу продавца продавать, а покупателя покупать» <с. 557>.

Возможно, допускает Тьюго, что на свободном рынке иногда появляются недобросовестный продавец и обманутый покупатель. Но и от подобных случаев рынок имеет собственные средства защиты: «Обманутый потребитель приобретает опыт и перестает обращаться к мошенничающему купцу. Последний будет дискредитирован и тем самым наказан за свой обман...» <с. 557—558>.

Тьюго даже высмеивал попытки государства гарантировать отсутствие обмана или причинения ущерба потребителям. Опровергая всех будущих ральфов нейдеров⁽⁴⁾, он разобрал многочисленные заблуждения о предполагаемой государственной защите в следующем примечательном фрагменте:

Желать, чтобы правительство было обязано принимать меры, препятствующие самой возможности подобного обмана, — значит желать, чтобы оно было обязано устилать соломой путь каждого, кто может споткнуться. Притязать на то, чтобы добиться предотвращения всякого возможного лихоимства подобного рода посредством постановлений, — значит жертвовать во имя несбыточного совершенства всеми успехами промышленности. Это значит ограничить воображение художников узкими границами того, что уже существует, это значит запретить им все попытки создания чего-то нового... Это значит забывать, что выполнение подобных постановлений всегда поручается людям, которые тем более заинтересованы в обмане или в потворстве обману, что совершенный ими обман будет прикрыт, так сказать, печатью общественной власти и доверием, какое она внушает потребителю. <С. 558.>

Кроме того, все подобные предписания и проверки их исполнения «всегда требуют издержек, а эти издержки всегда покрываются из [цен] товара, следовательно, они ложатся бременем на отечественного потребителя и отвращают потребителя иностранного» <с. 558>.

В результате очевидной несправедливости налагают на торговлю вообще, а следовательно и на народ, тягостный налог, дабы избавить незначительное число праздных людей от труда осведомиться или посоветоваться во избежание обмана. Таким образом, предполагая, что все потребители простофили, а все торговцы и фабриканты — мошенники, мы разрешаем им быть таковыми и унижаем всю работающую часть нации <с. 558>.

— красноречиво заканчивает Тьюго.

Затем он еще раз возвращается к «хайекианской» идее превосходства частного знания каждого отдельного участника рынка. Вся доктрина *laissez faire*, разработанная Гурне, пишет он, основывалась на «абсолютной невозможности управлять посредством неизменных правил и постоянного наблюдения за множеством операций, сама необъятность чего препятствует ознакомлению с ними. Более того, они постоянно завязят от массы непрерывно меняющихся обстоятельств, не поддающихся никакому воздействию и даже предвидению».

Тюрго завершает похвальное слово своему другу и учителю описанием его глубокой убежденности в том, что большинство людей «благо-расположены к плодотворным принципам свободы коммерции», но превратить их в жизнь мешают предрассудки и жажда личных привилегий. Всякий хочет исключить что-нибудь из действия общего принципа свободы, и «исключение это всегда связано с личным интересом»⁽⁵⁾.

Заслуживает внимания тот факт, что в похвальном слове Тюрго отмечает голландское влияние на формирование у Гурне приверженности к *laissez faire*. Как предприниматель Гурне обладал огромным опытом ведения дел в Голландии, а голландская модель относительно свободной торговли и свободных рынков, сложившаяся там в XVII—XVIII вв. (особенно в период республики), вдохновляла всю Европу. Вдобавок, по утверждению Тюрго, книгой, наиболее повлиявшей на Гурне, были «Политические максимы» великого Яна де Витта (1623—1672), лидера либеральной республиканской партии Голландии, зверски убитого во время «Годины бедствий». Даже в статье «Ярмарки и рынки» для знаменитой «Энциклопедии», написанной двумя годами раньше, Тюрго цитировал Гурне, хвалившего свободу внутреннего рынка Голландии. В других странах торговля была ограничена ярмарками, проводившимися в определенных местах и в определенное время, тогда как «в Голландии не бывает никаких ярмарок, но на всем протяжении этого государства и в течение всего года, можно сказать, происходит непрерывная ярмарка, ибо торговля там всегда и повсюду равно процветает» <с. 549>.

Свои итоговые труды по экономической теории Тюрго написал будучи интендантом Лиможа⁽⁶⁾, в годы, непосредственно предшествовавшие занятию им должности генерал-контролера в 1774 г. Они несут на себе отпечаток его вовлеченности в борьбу за свободную торговлю, развернувшуюся внутри королевской бюрократии. Например, в последней работе «Письмо аббату Терре [генерал-контролер в то время] о пошлинах на железо» (1773) Тюрго резко критикует систему заградительных пошлин, называя ее войной всех против всех, государственные монопольные привилегии — орудием войны, а потребителей — жертвами:

Думаю, что металлурги, не знающие ничего кроме своего железа, воображают, что они могут заработать тем больше, чем меньше у них

конкурентов. Не существует торговца, не желающего быть единственным поставщиком своих товаров. Не существует ремесленника, который в поисках способа оградить себя от соперников не придумал бы какой-нибудь софизм, заставляющий людей думать, что в интересах государства необходимо ограничить конкуренцию хотя бы со стороны иностранцев, которых очень легко выставить врагами национальной торговли. Если бы мы их слушали (что мы и так слишком часто делаем), то все виды коммерческой деятельности были бы заражены монополиями. Эти дураки не видят, что монопольные привилегии, которыми они пользуются, наносят ущерб не иностранцам, в чем им хотелось бы убедить правительство, а их же соотечественникам, потребителям их продукции, и соотечественники вернут им этот вред, так как в свою очередь являются продавцами во всех остальных отраслях, где первые будут покупателями.

Тут Тюрго опередил Бастиа, который спустя три четверти века назвал подобную систему «войной взаимного угнетения, в которой государство дает власть напрокат всем воюющим сторонам» или «балансом взаимных помех и несправедливости во всех видах деятельности», отчего проигрывают все. Вывод: «Неважно, какую софистику используют для получения личных выгод некоторые торговцы. Истина состоит в том, что все виды коммерции должны быть свободны — полностью и одинаково»².

Тюрго был близок физиократам не только защитой свободы торговли, но и призывами к введению единого налога на «чистый продукт» земли. Причем, в отличие от них, в его случае это выглядит не просто как желание обложить налогом землю, а как искренняя попытка избавиться от всех остальных поборов, душивших любые проявления жизни. Взгляды Тюрго на налоги наиболее полно, хоть и кратко, изложены в «Плане написания работы о налогообложении», набросках незаконченного исследования, предпринятого им в бытность интендантом Лиможа специально для генерал-контролера. В нем он показывал, каким образом налоги на города переносятся на сельское хозяйство, как налоги ослабляют торговлю, как городские пошлины приводят к градостроительным ошибкам и незаконному уклонению от их уплаты. Как монополии задирают цены и побуждают к контрабанде. Как налог на капитал уничтожает плоды бережливости и сковывает трудолюбие. Красноречие Тюрго было направлено скорее на осуждение плохих налогов, нежели на превознесение предполагаемых достоинств <единого> налога на землю. Анализ завершается разящим выводом: «Кажется, что Казна — это алчное чудовище, ожидающее в логове подношения всего людского благосостояния».

Одна черта существенно отличала Тюрго от физиократов. Очевидно, что стратегию он выбрал такую же, как они, — попытки убедить короля в превосходстве *laissez faire*. И все же одно из его самых характерных высказываний в разговоре с друзьями было: «Я не *энциклопедист*, так как верю в Бога, я не физиократ, так как обошелся бы без короля». По-

следнее, разумеется, не являлось публично высказываемым взглядом и не влияло на его действия как чиновника.

14.3. ЦЕННОСТЬ, ОБМЕН И ЦЕНА

Одной из самых значительных работ Тюрго была неоконченная и неопубликованная статья «Ценность и деньги», написанная около 1769 г.³ В ней, применяя метод абстракций и последовательных приближений, он разработал теорию австрийского типа сначала для экономики изолированного индивида (Робинзона), затем — для обмена между двумя индивидами, затем выводы были распространены на случай с четырьмя людьми, а от него — на весь рынок. Взяв за отправную точку изолированный случай Робинзона, Тюрго смог обнаружить закономерности, выходящие за пределы теории обмена и действительные для любых человеческих действий. Говоря другими словами, его праксеологическая теория была шире и глубже теории рыночного обмена и применима для описания всех видов деятельности.

Исследуя изолированного индивида, Тюрго провел утонченный анализ его шкалы ценности или полезности. В процессе оценки разных предметов Робинзон выстраивает их по порядку пригодности для собственных нужд, вмняя таким образом ценность разным благам, и сравнивает и выбирает между ними на основании этой относительной для себя полезности. Таким образом, блага приобретают разную ценность. Робинзон учитывает не только разницу между способами использования благ в текущий момент времени, но и между их немедленным использованием и возможностью сбережения для «будущих нужд». Он также ясно осознает обратную зависимость между обилием какого-либо блага и его ценностью. Таким образом, подобно своим предшественникам из числа французских и континентальных экономистов Тюрго понимает, что по мере увеличения предложения блага для индивида субъективная полезность блага убывает; для завершения теории ему, так же как и им, не хватает лишь понятия предельной единицы. Но по ясности изложения и точности анализа он ушел значительно дальше своих предшественников. Он также понимает, что в условиях рынка субъективные ценности благ (их «ценность значения» < *valeur estimative* > в глазах потребителей) будут быстро меняться, и в его рассуждениях можно обнаружить по меньшей мере намек на понимание, что ценность строго ординальна < имеет порядковую природу >, а потому не поддается измерению (и соответственно большинству математических операций).

Анализ начинается с основы основ — один изолированный человек, один предмет оценки:

Рассмотрим, как этот человек будет обнаруживать свои свойства по отношению к одному только предмету: он будет стремиться его най-

ти, он станет избегать его или отнесется к нему безразлично. В первом случае у него, несомненно, есть побуждение искать эту вещь: он находит ее пригодной для пользования, считает *хорошей*, и эту относительную годность с полным основанием безусловно можно назвать *ценностью*. Но эта ценность, без сравнения с другими ценностями, не подлежит измерению... <С. 648.>

Следующим шагом добавляются другие блага:

Если тот же человек имеет возможность выбора между несколькими вещами, пригодными для употребления, он может предпочесть одну вещь другой, он может найти апельсин более приятным, чем каштаны, мех более годным для защиты от холода, чем хлопок. Он рассудит, что одна из этих вещей ценнее другой; он станет сравнивать в уме, он будет определять ценность их. В заключение он решится приобрести себе вещи, которые он предпочитает, и оставит без внимания другие. <С. 648.>

Это «сравнение *ценности*», сопоставление различных предметов, постоянно меняется: «Эти *оценки* не имеют ничего прочного, они меняются время от времени соответственно изменению потребностей человека» <с. 648>. Поскольку в центре анализа Тюрго находится *единица* конкретного блага, он не просто доводит его до идеи убывающей полезности, но вплотную приближается к идее убывающей *предельной* полезности: «Когда дикарь голоден, он предпочтет любую дичь лучшей медвежьей шкуре, но, насытившись и почувствовав холод, он будет считать медвежью шкуру драгоценной» <с. 648>.

Обсудив фактор ожидаемых будущих потребностей, Тюрго переходит к описанию убывающей полезности блага как функции обильности. Вооруженный этим инструментом, он дает собственное решение парадокса ценности:

Вода, несмотря на всю ее необходимость и множество удовольствий, которые она доставляет человеку, не рассматривается как нечто ценное в стране хорошо орошенной; человек не стремится обеспечить себе обладание ею, так как изобилие этого вещества дает возможность всегда иметь его. <С. 650.>

Затем Тюрго пускается в весьма примечательное рассуждение, предвосхищая современное понимание экономической теории как процесса распределения ограниченных ресурсов для достижения неограниченного числа альтернативных целей:

Для удовлетворения этих потребностей человек располагает еще более ограниченным количеством сил и способностей. Каждый предмет его желаний стоит ему забот, утомления, трудов и по крайней мере времени. Именно это употребление своих средств, которое он <человек> должен сделать при отыскании каждого предмета, соз-

дает компенсацию — пользование им и, так сказать, цену предмета. <С. 650—651.>

Хотя приведенная выше трактовка издержек имеет вызывающую сожаление ауру «реальных издержек», и Тюрго даже называет издержки создания продукта его «фундаментальной ценностью», в процессе дальнейшего рассуждения он приходит к рудиментарной версии идеи, позднее введенной австрийской школой, о том, что все издержки в действительности являются «альтернативными издержками», т.е. отказом от определенного количества других ресурсов, которые были бы произведены в другом месте. Таким образом, актер Тюрго (в данном случае изолированный) оценивает предметы на основе их значимости для себя. Вначале Тюрго говорит, что значимость, или полезность, — это важность потраченных «труда и времени», но затем трактует ее как эквивалент упущенной производительной возможности, как «долю своих средств, которую он может употребить на отыскание оцениваемого предмета без пожертвования теми [предметами], которые равно или более важны» <с. 651>.

Проанализировав действия изолированного Робинзона, Тюрго привлекает Пятницу, теперь предполагая наличие двух людей, и исследует, как будет развиваться обмен. Демонстрируя глубокую проницательность, он выводит «австрийскую» теорию изолированного обмена двух индивидов, — фактически в том виде, в каком сто лет спустя ее изложит Карл Менгер. Для начала он помещает двух дикарей на необитаемый остров, снабдив каждого запасом ценных благ, но таких, что подходят для удовлетворения разных нужд. У одного — избыток рыбы, у другого — шкур, в результате каждый меняет излишек собственных благ на таковой другого человека, что приводит к улучшению положения обеих сторон. Возникает торговля, или обмен. Затем Тюрго меняет начальные условия и предполагает, что первоначальными благами были зерно и древесина, которые могут сохраняться для будущих нужд, так что у обладателей нет естественного желания избавиться от излишков. Каждый человек теперь взвешивает относительную для себя «важность» обоих благ и оценивает возможность обмена исходя из нее. Стороны будут корректировать спрос и предложение до тех пор, пока не придут к соотношению, при котором каждый из обменивающихся получит нечто более для себя ценное, чем уступленное при обмене. От такого обмена обе стороны выиграют. Или, словами Тюрго,

Это превосходство ценности значения, придаваемой покупаемой вещи <ее> приобретателем сравнительно с уступаемой <им>, существенно для обмена, ибо оно является единственным его мотивом. Каждый остался бы при своем, если бы он не находил интереса личной выгоды в обмене, если бы по отношению к самому себе он не полагал, что получает больше, чем дает. <С. 654.>

К сожалению, затем рассуждение Тюрго сбивается с линии субъективной ценности, без всякой необходимости добавив, что условия обмена, достигнутые подобным образом, являются «равной меновой ценностью», так как в противном случае человек, менее расположенный к обмену, «принудил бы другого приблизиться к своей цене путем более значительного предложения» <с. 654>. Неясно, что Тюрго имеет в виду, утверждая что, «каждый отдает равную ценность и получает равную ценность»; возможно, в зачаточном виде мы видим тут идею о том, что цена, полученная в результате торга, установится посередине между шкалами ценности каждого.

Однако в том, что обмен улучшает положение обеих сторон, Тюрго совершенно прав. Следующим шагом он вводит в анализ двух продавцов каждого блага и показывает, как конкуренция между ними влияет на шкалы ценности участников обмена.

Процесс торга, при котором каждая сторона хочет отдать как можно меньше, а получить как можно больше, из-за чего цена на один предмет в терминах другого стремится к выравниванию, уже был описан Тюрго в его главной работе — «Размышлениях о происхождении и распределении богатства»⁴ за несколько лет до этого. Цена блага будет меняться в зависимости от настоятельности нужд участников обмена. Не существует «истинной цены», к которой рынок стремился или должен был стремиться.

Наконец, повторяющаяся трактовка Тюрго человеческой деятельности как результата *ожиданий*, а не равновесия или обладания совершенным знанием предвосхищает подход австрийской школы, считающей человеческие ожидания ключом к пониманию действий на рынке. Разумеется, акцент на ожиданиях подразумевает, что на рынке они могут быть и часто оказываются ошибочными.

14.4. ТЕОРИЯ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

В некотором смысле теория производства Тюрго следовала традиции физиократов: она разделяла ту же злополучную идею о земледелии как единственной производительной деятельности, из чего выводилась необходимость единого налога на землю. Но основной посыл его теории производства сильно отличался от теорий физиократов. Так, задолго до появления знаменитого примера булавочной фабрики, приведенного Адамом Смитом для иллюстрации важности разделения труда, Тюрго в «Размышлениях» представил отточенный анализ этого явления:

Если бы один и тот же человек, который производит на своей земле все эти разнообразные вещи и удовлетворяет ими свои потребности, должен был подвергать продукты этим посредствующим операциям,

то, наверное, он мало чего достиг бы. Наибольшая часть этих операций требует заботы, внимания, долгого опыта — <качества>, которые приобретаются последовательной обработкой и <к тому же> над значительным количеством материала. <С. 579.>

И даже если человек

сумеет выработать самолично одну кожу, окажется, что ему нужна лишь одна пара башмаков: что будет он делать с остатком <кожи>? Убьет ли он быка для того, чтобы иметь эту пару башмаков? То же можно сказать о всех других потребностях каждого человека. Если он, будучи ограничен своим полем и своим трудом, тратил бы много времени и усилий для того, чтобы быть во всех отношениях весьма плохо снабженным и <вместе с тем> скверно обрабатывал бы свою землю. <С. 580.>

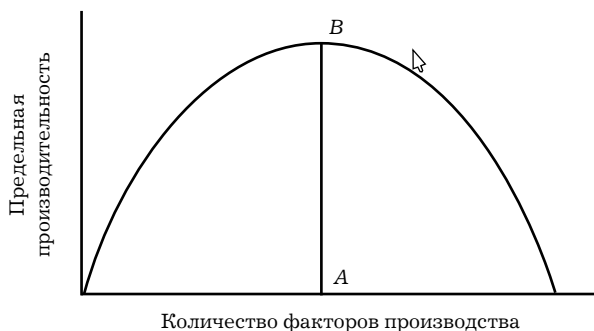
Несмотря на исходное предположение о земле как единственном производителе, Тюрго с готовностью признает, что природные богатства преобразуются человеческим трудом, и что труд с необходимостью присутствует на каждом этапе производственного процесса. Так он приходит к рудиментарному пониманию важной австрийской идеи о том, что производство требует *времени* и проходит через различные *этапы*, каждый из которых, в свою очередь, требует времени, и что, следовательно, производственные факторы можно разделить на три базовых класса: земля, труд и время.

Одним из самых замечательных экономико-теоретических достижений Тюрго, значение которого оценили лишь в XX в., было то, что он с блеском и, можно сказать, мимоходом сформулировал закон убывающей производительности, или закон переменных соотношений. Этот бриллиант появился на свет благодаря конкурсу на лучшее эссе на тему косвенного налогообложения, который по инициативе Тюрго устроило Королевское Сельскохозяйственное общество Лиможа. Конкурс выиграло сочинение физиократа Герино де Сен-Перави, но Тюрго нашел его неудовлетворительным и сел за разработку собственных взглядов, составивших работу «Заметки в связи с очерком Сен-Перави» (1767). В ней он вскрыл самую суть заблуждения физиократов, содержащегося в «Экономической таблице», а именно предположения, что расходы разных классов людей имеют неизменные соотношения. Как отметил Тюрго, эти соотношения всегда переменны, так же как и соотношения физических факторов в производственном процессе. Например, в сельском хозяйстве не существует неизменных соотношений между факторами производства, поскольку они меняются в зависимости от уровня знаний фермеров, плодородия почвы и других ее свойств, особенностей технологических процессов и условий климата.

Развивая тему, Тюрго утверждает, что «даже если говорить об одном и том же поле, он [продукт] не пропорционален [увеличению количеств

задействованных факторов], и невозможно утверждать, что их увеличение вдвое приведет к удвоению продукта». Соотношения факторов не только переменны, но с какого-то момента «все последующие затраты будут бессмысленны, а подобные увеличения могут стать вредны. В этом случае вложения будут расти без увеличения количества продукта. Следовательно, у производства существует *максимум*, превысить который невозможно...» Более того, после того как максимум пройден, «более чем вероятно, что при дальнейшем увеличении вложений вплоть до момента, когда очередное приращение не даст ничего, каждое следующее приращение будет все менее и менее производительным». С другой стороны, такое же изменение соотношений произойдет, если фермер будет уменьшать количества факторов от точки максимума производства.

Иными словами, Тюрго вывел в полном виде закон убывающей отдачи, и его анализ останется непревзойденным до начала XX в. (Согласно Шумпетеру, до статьи Эджворта 1911 г.!). У Тюрго мы читаем словесное описание графика, знакомого нам по современным учебникам экономической теории:

Увеличение количества переменного фактора повышает предельную производительность (т.е. количество продукта на каждое увеличение факторов) до точки максимума AB), после чего она начинает падать вплоть до нуля, а затем вообще становится отрицательной.

14.5. ТЕОРИЯ КАПИТАЛА, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, СБЕРЕЖЕНИЙ И ПРОЦЕНТА

В списке выдающихся экономико-теоретических достижений Тюрго самым замечательным является его теория капитала и процента, которая в отличие от теории полезности была разработана им почти во всей полноте без возможности опереться на предшественников. Более того, Тюрго представил почти полностью завершенную австрийскую теорию капитала и процента за сто лет до подобной работы Ойгена фон Бём-Баверка.

Следы его теории капитала можно обнаружить не только у австрийцев, но и в британской классической школе. Так, в «Размышлениях» Тюрго указывает на то, что богатство накапливается за счет отказа от потребления части годового продукта и его сбережения. Сбережения накапливаются в денежном виде, а затем инвестируются в различные капитальные блага. Кроме того, «капиталист-предприниматель», как его называет Тюрго, должен первоначально иметь достаточно сбереженного капитала, чтобы расплачиваться с работниками все то время, пока они работают над продуктом. Например, в сельском хозяйстве капиталист-предприниматель должен сначала скопить достаточно средств, чтобы платить работникам, покупать скот, обновлять инвентарь и сооружения и т.п. до тех пор, пока урожай не созреет и не будет продан, дав ему возможность вернуть все потраченное авансом. И так обстоит дело в любой области производства.

Некоторые элементы этого анализа были заимствованы Адамом Смитом и более поздними представителями британской классической школы. Но они упустили два важнейших момента. Первый — это тот факт, что «капиталист» у Тюрго не просто капиталист, а капиталист-предприниматель. Он не только авансирует сбережения рабочим и другим факторам производства; он также, как впервые указал Кантильон, несет риски неопределенности на рынке. В теории Кантильона предприниматель присутствовал в качестве вездесущей фигуры, основной деятельностью которой было принятие рисков перед лицом неопределенности, а результатом этой деятельности являлось установление равновесия на рынке; этой теории недоставало только анализа роли капитала и понимания того, что движущей силой рыночной экономики является не просто любой предприниматель, а капиталист-предприниматель, т.е. человек, совмещающий в себе обе функции⁵. Однако выдающееся достижение Тюрго, разработавшего теорию капиталиста-предпринимателя, как отметил профессор Хозелиц, «полностью игнорировалось» до XX в.⁶

Вторая важнейшая мысль, прошедшая мимо внимания представителей британской классической школы, была протоавстрийская идея о решающей роли *времени* в производстве, т.е. осознание того факта, что производство может состоять из нескольких этапов, каждый из которых должен быть оплачен задолго до готовности продукта и его продажи. Тюрго проницательно указал на то, что именно собственник капитала

будет ждать, пока продажа кож не возместит ему всех авансов и не даст еще достаточную прибыль, равную той, какую принесли бы ему деньги, если бы он употребил их на покупку участка земли. <С. 609.>

В этом отрывке Тюрго предугадывает будущую австрийскую идею альтернативных издержек, отмечая, что доход капиталиста будет стремиться к величине, покрывающей прибыль, упущенную от того, что он не вложил деньги где-то в другом месте, и его вмененную заработную пла-

ту как предпринимателя. Другими словами, бухгалтерская прибыль капиталиста будет стремиться к долгосрочной норме прибыли плюс плата за его труд. В сельском хозяйстве, промышленности и любых других отраслях производители делятся на два основных типа: предприниматели, или владельцы капитала, «который они употребляют для получения прибыли, давая работу за счет своих авансов», и работники, или «простые ремесленники, которые не имеют ничего кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и прибыль которых сводится к получению заработной платы» <с. 609>.

В этом месте Тюрго встроил в свой анализ крупную мысль из физиократической «Таблицы» — мысль о том, что вложенный капитал должен продолжать приносить стабильную прибыль за счет непрерывного оборота расходов, иначе возникнут сбои в производстве и платежах. Затем, объединяя теории денег и капитала, Тюрго отмечает, что до того как золото и серебро стали деньгами, сфера предпринимательства, промышленности и торговли была очень ограниченной. Ведь для развития многостадийного производства и углубления разделения труда нужно накопить большие суммы капитала и осуществлять обширные обмены, что невозможно без участия денег.

Обнаружив, что «авансирование» сбережений для оплаты производственных факторов и составляет суть инвестирования, Тюрго делает важнейший «австрийский» вывод: поскольку деньги и капитал необходимы перед началом любой производственной деятельности, работники готовы *заплатить* капиталисту, дав скидку от стоимости законченного продукта за возможность получить оплату своего труда до того, как продажа этого продукта принесет выручку. Иными словами, процентный доход на инвестированный капитал (то, что шведский экономист австрийской школы Кнут Викаксель сто лет спустя назовет «естественной ставкой процента») — это плата работников капиталистам за выполнение функции авансирования им денег в настоящем, чтобы им не пришлось ждать получения своих доходов несколько лет. Цитируя «Размышления» Тюрго:

Капиталы являются неизбежной основой всякого выгодного предприятия... Поэтому обладающие искусством и усердием в труде, но не владеющие капиталами или имеющие недостаточное их количество для устройства задуманных ими предприятий без колебаний согласятся уступить владельцам капиталов или денег, желающих доверить им <предпринимателям> эти последние, часть прибылей, ожидаемых сверх возвращения их авансов. <С. 616.>

На следующий год в искрометном комментарии на статью Сен-Перави Тюрго расширил анализ сбережений и капитала, один из блистательных фрагментов которого предвосхитил «законом Сэя». Тюрго развеял предкейнсианские страхи физиократов по поводу денег, не потраченных на потребление, которые якобы «утекают» из обращения, нанося

вред экономике. Из-за этих страхов физиократы были склонны выступать против сбережений как таковых. Но Тюрго указал, что авансированный капитал жизненно необходим при любом предприятии, и откуда бы он взялся, если не из сбережений? Также не имеет значения, кто именно предоставит эти сбережения — землевладелец или предприниматель. Чтобы объем сбережений оставался достаточным для накопления капитала и расширения производства, прибыль должна быть выше, чем сумма, необходимая для воспроизводства текущих предпринимательских расходов (т.е. расходов на пополнение запасов, капитальных благ и пр. по мере их использования в производстве и износа).

Физиократы, продолжает Тюрго, принимают без доказательства утверждение о том, что сбережения просто утекают из обращения и ведут к падению цен. Напротив, деньги немедленно вернуться в оборот, потому что сбережения будут потрачены либо на покупку земли, либо на авансовые платежи за труд и другие факторы производства, либо будут ссужены под процент. Любое такое применение сбережений возвращает деньги в оборот. Например, авансированный капитал возвращается в оборот в виде платежей за оборудование, здания, сырье или труд. Покупка земли предоставит деньги в распоряжение продавца земли, который, в свою очередь, либо купит на них что-нибудь, либо выплатит долги, или ссудит кому-то; в любом случае, деньги быстро вернуться в оборот.

Затем Тюрго рассматривает случай, когда сбережения ссужаются под процент. Если заемщиками являются потребители, они занимают для того, чтобы потреблять, и потраченные ими деньги возвращаются в оборот. Если заемщики занимают, чтобы отдать долги или купить землю, происходит то же самое. Если деньги занимают предприниматели, они будут потрачены в виде авансов и инвестиций, опять-таки возвращаясь в оборот.

Следовательно, сбереженные деньги не пропадают, а всегда возвращаются в оборот. Более того, ценность сбережений, вложенных в капитал, гораздо выше ценности сбережений в виде груды денег в подвале, поэтому деньги будут иметь тенденцию быстро возвращаться в оборот. Даже если рост сбережений и изымет из обращения небольшое количество денег, для предпринимателя падение цен на готовые изделия будет с лихвой компенсировано ростом авансов с последующим ростом выпуска и снижением издержек производства. Здесь у Тюрго мы видим зерно будущей теории Мизеса—Хайека о сужении и удлинении структуры производства под влиянием роста сбережений.

Вершиной вклада Тюрго в экономическую теорию является его рафинированный анализ процента. Мы уже отметили его замечательную проницательность, позволившую ему видеть процентный доход на инвестированный капитал как цену, уплачиваемую работниками капиталисту-предпринимателю за авансовые выплаты из сбережений в виде денег в настоящем. Тюрго также показал — значительно опередив свое время — взаимосвязь между этой естественной ставкой процента и про-

центом на денежные займы. Например, он показал, что на рынке эти две величины должны иметь тенденцию к равенству, так как собственники капитала будут стараться балансировать прибыль, ожидаемую при разных направлениях его применения, будь то денежные ссуды или прямые инвестиции в производство. Кредитор продает возможность использовать свои деньги прямо сейчас, а заемщик покупает эту возможность, и «цена» этой покупки — т.е. процент по ссуде — будет определяться тем же, чем и цена любого другого блага: изменениями рыночного спроса и предложения. Повышение спроса на кредиты («много заемщиков») повысит ставку процента; увеличение предложения кредитов («много кредиторов») снизит ее. Как мы видели, люди занимают деньги по множеству причин: для прибыльного их вложения и получения предпринимательской прибыли, для покупки земли, для выплаты долгов или для потребления; кредиторов же волнуют только две вещи: доходность кредита и безопасность их капитала.

Хотя рынок и обеспечит тенденцию к выравниванию процентных ставок по кредитам и отдачи на инвестированный капитал, кредиты обычно являются менее рискованным способом вложения сбережений. Поэтому инвестиции в рискованные предприятия будут происходить только в случае, когда ожидаемая прибыль превысит существующую ставку процента по кредитам. Тюрго замечает, что государственные облигации обычно являются наименее рискованным вложением, чем и объясняется их низкая доходность. Он объявляет «подлинным злом» государственных заимствований то, что они дают преимущества кредиторам государства, но направляют их сбережения в бесплодные и непроизводительные виды деятельности, повышая, за счет конкуренции, ставку процента для плодотворных и производительных (как мы сказали бы сегодня, государственный долг «вытесняет» плодотворные способы использования сбережений).

Вооружившись анализом сути и практики процентных ссуд, Тюрго обрушил уничтожающую критику на законы против ростовщичества, которые физиократы все еще пытались защищать.

Кредит, утверждал Тюрго, «это обоюдный договор, добровольно заключенный двумя сторонами только потому, что он им выгоден». Из самого факта заключения договора следует, что он выгоден как кредитору, так и заемщику. «Так на каком основании можно усмотреть преступление в сделке, выгодной обеим сторонам, условиями которой обе стороны удовлетворены, и которая определенно не приносит вреда никакой третьей стороне?» — следует вопрос, что называется, на засыпку. Во взимании процента нет никакой эксплуатации, как его нет в продаже любого другого товара. Обвинять кредитора в том что, требуя процент, он злоупотребляет потребностью заемщика в деньгах, «так же абсурдно, как обвинять пекаря в том, что, требуя деньги за булку, он злоупотребляет потребностью покупателя в хлебе».

И если даже деньги, уплаченные за хлеб, считать его эквивалентом, то точно так же «деньги, получаемые заемщиком сегодня, равно являются эквивалентом капитала и процента, которые он обещает вернуть в известный срок» <ср. с. 618>. Иными словами, кредитный договор устанавливает приведенную <сегодняшнюю> ценность будущей выплаты долга и процентов. Заемщик получает возможность использовать деньги в течение срока кредитования, кредитор лишается такой возможности, цена этого преимущества (или недостатка, смотря с чьей стороны посмотреть) и есть процент.

Споря с антиростовщическим крылом схоластической школы, Тюрго признает, что деньги, если рассматривать их как «массу металла», бесплодны и ничего не производят; однако деньги, успешно занятые в производительной деятельности, приносят прибыль, а деньги, вложенные в землю, приносят доход. Кредитор на время кредита расстаётся не просто с металлом, а с возможностью получить инвестиционную прибыль: «Процент, который вознаграждает его за эту потерю, не может рассматриваться как несправедливый» <с. 618>. Таким образом Тюрго объединяет свой анализ и оправдание процента с более общей идеей альтернативных издержек, или дохода, упущенного из-за предоставления денег в долг. И кроме того, заявляет он, существует право собственности кредитора — важнейший вопрос, о котором нельзя забывать. Ведь кредитор

имеет не меньшее право требовать процент на заем по тому единственному основанию, что деньги его принадлежат ему. Так как они принадлежат ему, он волен сохранять их, ничто не обязывает его отдавать их в заем. Если же он дает займы, он может отдавать в заем на условиях, какие сочтет желательными. Тем самым он не наносит никакого ущерба заемщику, ибо этот последний соглашается на его условия и не имеет никаких прав на занятую сумму. <С. 618.>

Что касается цитаты из Евангелия от Луки, столетиями использовавшейся для осуждения процента, той, что призывала давать в долг и не ждать прибыли, то Тюрго отмечал, что этот совет был всего лишь призывом к благотворительности, к «похвальному деянию, вдохновленному щедростью», а вовсе не требованием справедливости. Сами противники процентных ссуд никогда не были настолько последовательны, чтобы попытаться *заставить* людей отдавать все сбережения в беспроцентный долг.

В одной из последних работ, весьма влиятельной «Статье о процентных ссудах» (1770), Тюрго развивает критику законов против ростовщичества, одновременно дополняя подробностями свою замечательную теорию процента⁷. Он обращает внимание на то, что законы против ростовщичества не проводятся в жизнь достаточно строго, из-за чего широко распространён чёрный рынок кредитов. Эта практика не смывает клейма с ростовщиков и способствует неуважению к закону — по при-

чине ее полной бесчестности, так как иногда эти законы все же применяются, жестко, произвольно и непредсказуемо.

Самый важный вопрос, поставленный Тюрго в «Статье», касается главной загадки процента: *почему* заемщики для получения денег согласны платить премию сверх основной суммы долга? Противники процентных ссуд утверждают, что кредитор, требуя возврата большей, по сравнению с одолженной, суммы, получает прибавку, которая каким-то образом глубоко порочна. Но отсюда и следует этот важнейший вопрос: «Да, возвращая основную сумму, должник возвращает в точности тот же вес денежного металла, который кредитор дал ему». Но почему, спрашивает Тюрго, именно вес должен быть главным предметом рассмотрения, а не «та ценность и та польза, которые он имеет для обменивающихся сторон»? Он приглашает читателя сравнить «разницу в полезности на момент займа между деньгами, находящимися в непосредственном распоряжении, и деньгами которые еще только предстоит получить в будущем», формулируя таким образом основополагающее понятие временного предпочтения в духе Бём-Баверка и австрийской школы. Итак, ключ к загадке — временное предпочтение, скидка на будущие блага или, что то же самое, премия за настоящие. Тюрго иллюстрирует его известной поговоркой про синицу в руках и журавля в небе. Поскольку деньги в собственном распоряжении сейчас «предпочтительнее обещания вернуть те же деньги через год или несколько лет», то сумма, данная в долг, едва ли равноценна ей же, возвращенной позже, так как «кредитор отдает деньги, а получает только обещание». Но не может ли эта потеря ценности «быть возмещена обещанием вернуть сумму, увеличенную пропорционально сроку долга»? Тюрго приходит к выводу, что «величина этого возмещения и есть ставка процента». Он добавляет, что при анализе долговых отношений сравнивать нужно не ценность отданных и полученных обратно денег, а «ценность обещания вернуть сумму денег с ценностью этой же суммы, доступной прямо сейчас». Потому что долг — это и есть передача денег в обмен на обещание будущей выплаты. Отсюда следует, что законы, ограничивающие процентную ставку, лишают кредита почти любое рискованное предприятие.

Кроме разработки австрийской теории временного предпочтения в «Размышлениях» Тюрго впервые указал на связь между ней и корреспондирующим понятием *капитализации*, т.е. тенденции рыночной цены на землю или другое капитальное благо равняться сумме ожидаемых будущих годовых рент, дисконтированной по рыночной ставке временного предпочтения, или по ставке процента⁸.

Как если бы всего перечисленного было недостаточно для вклада в экономическую теорию, Тюрго еще положил начало анализу взаимосвязей между ставкой процента и «количественной» теорией денег. Ценность денег, выраженная в ценах, и ставка процента очень слабо связаны, заявил он. Денежное предложение может быть очень велико, соответственно ценность денег, выраженная в товарах, может быть низкой,

но ставка процента при этом может быть очень высокой. Вероятно заимствуя похожий пример Юма, Тюрго задается вопросом: что случится, если количество серебряной монеты в стране внезапно удвоится, *при том что* это увеличение будет магическим образом пропорционально распределено между всеми людьми. Конкретно, он предлагает представить, что в стране есть 1 млн унций серебряных денег и что «тем или иным способом в страну попадает второй миллион унций и распределяется по кошелькам в том же соотношении, что и первый миллион, так что имевший две унции теперь имеет четыре». Затем Тюрго объясняет, что цены вырастут, возможно удвоятся, и ценность денег, выраженная в товарах, упадет. Но, добавляет он, это никак не приведет к падению ставки процента, если у людей не изменится соотношение расходов, «если все эти деньги попадут на рынок в виде текущих трат их владельцев»⁹. Новые деньги не будут сужаться, так как только сбереженные деньги инвестируются и отдаются в долг.

Конечно, рост количества денег может привести к росту ставки процента, если он определенным образом затрагивает соотношение расходов и сбережений. Предположим, говорит Тюрго, что все состоятельные люди решили потратить свой годовой доход на потребление и растратить капитал на удовлетворение прихотей. Увеличившиеся потребительские расходы поднимут цены на потребительские блага, а наряду с ценами вырастет и ставка процента, поскольку значительно уменьшится количество денег, доступных для кредитов и инвестиций. Иными словами, при росте расходов и цен вырастет временное предпочтение, люди будут тратить больше, а сберегать меньше, и процентные ставки увеличатся. Так, опередив свое время на сто лет, Тюрго сформулировал рафинированное австрийское соотношение между тем, что Мизес позже назовет «денежным отношением» — между спросом на деньги и их предложением, определяющим цены или уровень цен, — и нормой временного предпочтения, которая определяет соотношение расходов и сбережений и ставку процента. Тут также можно усмотреть зачатки будущей австрийской теории делового цикла, связь расширения денежного предложения с изменениями ставки процента.

Что касается изменений нормы временного предпочтения и величины ставки процента, то усиление в обществе духа бережливости приведет к снижению процентных ставок, росту сбережений и накоплению капитала, усиление стремления к роскоши произведет обратное действие. Тюрго отмечает, что в Европе на протяжении нескольких веков дух бережливости медленно укреплялся, что отражалось в понижительной тенденции процентных ставок. Разнообразные ставки процента, нормы отдачи на капитал, ставки земельной ренты и т.п. будут уравниваться посредством рынка и стремиться к единой норме доходности. Следуя за доходностью, капитал будет перетекать из менее прибыльных в более прибыльные отрасли, отмечает Тюрго.

14.6. ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

Несмотря на то что Тюрго не уделил много внимания денежной теории как таковой, он и там отметил важный вкладом. Кроме использования юмовской модели в собственном анализе процента, Тюрго настойчиво боролся с преобладавшим в то время представлением о деньгах, как о чисто конвенциональном знаке. Критикуя статью Жан-Жозефа Граслана, занявшую второе место в упомянутом выше конкурсе эссе, Тюрго заявил, что его утверждение «деньги являются всего лишь конвенциональным знаком богатства» полностью ошибочно. Напротив, «отнюдь не из-за общественной договоренности деньги обмениваются на любые другие ценности: деньги сами по себе предмет торговли, разновидность богатства, они обладают собственной ценностью, а в торговле любая ценность обменивается на равную ценность». В незаконченной словарной статье «Ценность и деньги» Тюрго развивает свою теорию денег дальше. Опираясь на свои познания в лингвистике, он объявляет деньги подобием языка, позволяющего привести разнообразие предметы к «общему выражению <terme> или общему основанию <étalon>» (с. 643). Общим выражением для всех денег является фактическая ценность, или цена, тех предметов, которые они пытаются измерить. Тюрго признает, что эти «меры» едва ли совершенны, так как ценности серебра и золота всегда колеблются как относительно товаров, так и относительно друг друга. Все деньги изготовлены из одинаковых материалов, в основном золота и серебра, и различаются только единицей денег <«произвольным установлением того, что считается единицей» (с. 644)>. Все единичные монеты можно выразить друг через друга, как и другие меры, вроде длины или объема, путем определения веса каждой стандартной монеты. Далее Тюрго утверждает, что существует два типа денег — реальные деньги, монеты, кусочки металла, отмеченные штемпелем, и фиктивные деньги, служащие единицами счета, или numéraires. Когда реальные деньги определяются в терминах счетных денег, возникает ситуация, при которой разнородные единицы оказываются приравнены друг к другу и к соответствующим весам золота и серебра. Проблема, таким образом, заключается в том, что в мире используется не один, а два денежных металла — золото и серебро. Относительные рыночные цены золота и серебра будут меняться в соответствии с относительной редкостью или изобилием этих металлов в разных странах.

14.7. ВЛИЯНИЕ

Одним из ярких примеров исторической несправедливости является отношение к великолепной теории капитала и процента Тюрго со стороны великого основателя теории капитала и процента австрийской школы, Ойгена фон Бём-Баверка. В 1880 г. Бём-Баверк приступил к разработ-

ке собственной теории капитала и процента, начав с изучения и опровержения в первом томе его «Капитала и процента» всех существовавших ранее конкурирующих теорий. К сожалению, вместо того чтобы признать Тюрго первопроходцем-предшественником, Бём-Баверк бесцеремонно отверг француза как одного из наивных физиократов, сторонника теории производительности (или «принесения плодов») земли. Это выглядит особенно нечестно в свете недавно обнаруженного факта, что первая оценка Бём-Баверком теории процента Тюрго произошла в 1876 г. при подготовке им статьи (до сих пор неопубликованной) к семинару, и статья эта демонстрирует огромное влияние взглядов Тюрго на дальнейшее развитие его мысли. Можно заключить, что в данном, как и во многих других подобных случаях, претензии автора на оригинальность возобладали над требованиями истины и справедливости¹⁰.

После подобного поведения Бём-Баверка особенно приятно видеть высокую оценку, данную Тюрго Шумпетером в обзоре его экономико-теоретических достижений. Сосредоточив внимание практически только на «Размышлениях», Шумпетер заявляет, что теория образования цен Тюрго «почти безошибочна и, за исключением отсутствующей формулировки маржинального принципа, находится на не на таком уж большом расстоянии от теории Бём-Баверка» <с. 323>. Теория сбережений, капитала и процента представляет «первый серьезный анализ этих вопросов» <с. 427—428>, она «оказалась невероятно устойчивой. Сомнительно, продвинулся ли Альфред Маршалл дальше нее и совершенно очевидно, что это не удалось сделать Дж. С. Миллю. Бём-Баверк, безусловно, добавил к ней новое ответвление, но в основном он подписался под тезисами Тюрго» <с. 428>. Теория процента Тюрго «не только величайшее достижение в области теории процента, которую нам дал XVIII век, он также предвосхитил многие лучшие идеи XIX в.» <с. 436>. В общем,

403

не будет преувеличением сказать, что аналитическая экономическая наука потратила целое столетие, чтобы подняться до того уровня, которого она могла достичь за двадцать лет после опубликования трактата Тюрго, если бы его содержание было надлежащим образом понято и усвоено внимательными профессионалами¹¹.

Однако действительное влияние Тюрго на последующее развитие экономической мысли оказалось весьма ограниченным, возможно потому, что его труды были несправедливо дискредитированы среди следующих поколений экономистов фактом его принадлежности к физиократам и глубоко укоренившимся мифом, что основателем экономической науки был Адам Смит. А те экономисты XIX в., которые действительно читали Тюрго, не оценили значения его теории капитала, процента и производства. Хотя Адам Смит знал Тюрго лично и читал «Размышления», его собственные выводы, если не считать поддержки *laissez faire* в ши-

роком смысле, оказались настолько другими, что говорить о серьезном влиянии невозможно. Рикардо, со свойственной ему невнимательностью и нежеланием вникать в суть, восхищался Тюрго только как политиком, взявшим на себя неблагодарный труд либерального реформатора. Схожим было и отношение Джеймса Милля. Мальтус высоко ценил взгляды Тюрго на феномен ценности; однако если искать кого-нибудь в Англии, на кого Тюрго действительно оказал глубокое влияние, то таковым был великий поборник субъективной теории ценности Сэмюэл Бэйли. Но хотя это влияние неоспоримо, Бэйли ни разу не упомянул имени Тюрго в своих работах, так что для британской субъективистской традиции его роль осталась неизвестной. Только лишь Жан-Батист Сэй, француз, считавший себя последователем Смита, может считаться экономистом, испытывавшим наибольшее влияние теорий Тюрго, особенно в области теории ценности, основанной на субъективной полезности, и, до некоторой степени, теории капитала и процента. Сэй был подлинным наследником французской протоявстрийской традиции *laissez faire* XVIII в. К сожалению, его цитирование Тюрго не раскрывает степени влияния последнего, а уважение к Смиту имеет сильно преувеличенный характер; и то и другое, по всей вероятности, происходит по причине типичного для послереволюционной Франции нежелания чересчур сближаться с физиократами, апеллировавшими к абсолютной монархии и благоволившими сельскому хозяйству, с которыми Тюрго был неразрывно связан в глазах большинства образованных французов. Отсюда и демонстративный разворот в сторону Смита.

14.8. ДРУГИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ТЕОРИИ ПОЛЕЗНОСТИ ВО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ XVIII В.

За значительный вклад в экономическую мысль нужно упомянуть еще двух выдающихся французских авторов, писавших на экономические темы во времена Тюрго. Аббат Фердинандо Галиани (1728—1787) был примечательной личностью и, несмотря на неаполитанское происхождение, может считаться французом. Воспитанный дядей, который был главным королевским элмозинарием <эту должность иногда называют «великий раздатчик милостыни»>, Галиани очень рано встретился с цветом неаполитанской культуры и интеллектуальной жизни. В возрасте 16 лет Галиани перевел часть локковских работ о деньгах на итальянский, а затем начал собственный восьмилетний проект по изучению денег. Тогда же он принял монашеский обет. В 23 года (1751) он опубликовал свой главный труд, «О деньгах» («Della Moneta»), в котором выдвинул теорию ценности благ и денег, основанную на анализе полезности и редкости. К сожалению, «Della Moneta» так полностью и не переведена с итальянского. В 1759 г. Галиани переезжает в Париж, где живет следующие десять лет, занимая сначала должность секретаря неаполи-

танского посольства, а позже — его главы. Эксцентричный, остроумный и эрудированный карлик (рост Галиани — 137 см) становится светским львом в парижских салонах. Он считал изгнанием необходимость покинуть обожаемую Францию, несмотря на то что по возвращении в Италию он занимал несколько ключевых должностей на государственной службе и, кроме того, написал несколько малозначительных работ по лингвистике и политической теории.

Совмещая позднюю схоластическую и французско-итальянскую традиции, Галиани объяснял ценность благ субъективными оценками потребителей. Ценность не имманентна, писал он, это «разновидность отношения, существующего в уме человека, между обладанием одним благом и другим». Человек всегда сравнивает ценность одного блага относительно другого и меняет одно на другое с целью повысить уровень собственного удовлетворения. Количество блага, на которое предъявляется спрос, обратно зависимо от его цены, а полезность каждого блага обратно зависима от его доступного количества. Как и его предшественники, знающие об уменьшении полезности с ростом количества блага, Галиани остановился в одном шаге от идеи предельного количества, однако это не помешало ему разрешить «парадокс ценности» — идею об отделенности потребительной ценности от цены, возникшую из того факта, что хлеб (или вода), будучи крайне полезными для человека, чрезвычайно дешевы на рынке, тогда как бесполезные побрякушки вроде бриллиантов очень дороги. Галиани, со свойственными ему пронизательностью и чутьем, пишет:

Совершенно ясно, что воздух и вода, чрезвычайно важные для человеческой жизни, не имеют никакой ценности потому, что доступны в неограниченных количествах. С другой стороны, мешок песка с берегов Японии — большая редкость, однако если от него не будет никакой пользы, он также не имеет никакой ценности.

Затем Галиани формулирует собственно парадокс, цитируя итальянского писателя XVII в. Бернардо Даванцати. Даванцати жалуется, что «живой телец нужней тельца́ златого, но как низка цена его!» и, там же: «...иные говорят: “Фунт хлеба полезней фунта золота”». После чего Галиани с блеском разваливает это построение:

Это неверный и глупый вывод. В его основе лежит пренебрежение тем фактом, что «полезный» и «менее полезный» — понятия относительные и зависящие от особых обстоятельств. Если некто нуждается и в хлебе, и в золоте, то хлеб, разумеется, будет для него более полезен. Мы находим этому подтверждение в повседневной жизни, потому что никогда не видели человека, который отказался бы от хлеба, взял золото и умер с голоду. Люди, добывающие золото, никогда не забывают есть и спать. Но тот, кто наелся до отвала, посчитает хлеб наименее полезным из всех благ. Ему захочется удовлетворить другие потребности. Это пишется для того, чтобы показать: драгоценные ме-

таллы есть спутники достатка, такого состояния, когда основные нужды уже удовлетворены. Даванцати утверждает, что одно яйцо по цене полграна золота могло бы спасти графа Уголино от смерти на его десятый день в темнице, и следовательно, ценнее всего золота мира. Но он предосадно путает цену, уплаченную тем, кому не грозит опасность умереть от голода, с нуждами графа Уголино. Откуда Даванцати известно, что граф не заплатил бы и 1000 гран золота за одно яйцо? У Даванцати тут явная ошибка, пусть и неосознанная, но его дальнейшие комментарии показывают, что он способен мыслить лучше. Он говорит: что за дрянь эти крысы. Однако при осаде Касилино за крысу давали до 200 гульденов — и это недорого, так как продавец умирал от голода, а покупатель спасал себе жизнь.

По свидетельству профессора Эйнауди, еще в 1945 г. «в Италии эта цитата являлась классической и всегда использовалась на семинарах, когда требовалось дать наглядный пример принципа убывающей полезности»¹².

Кроме иллюстрации этой важнейшей закономерности, цитата также дает наглядное представление о том, как люди, насытившись хлебом, переходят к использованию других благ, потребление которых было до сих пор отложено.

Вдобавок к использованию субъективистского «предавстрийского» подхода к анализу полезности и ценности благ, Галиани применил его же к исследованию ссудного процента, наметив в общих чертах теорию временного предпочтения в следующих строках, оказавших влияние на Тюрго. Галиани писал:

Отсюда, как брат с сестрой, происходят и вексельный курс, и ставка процента. Первый уравнивает наличные деньги с деньгами, удаленными в пространстве. Он действует при помощи осязаемой приплаты, приводящей ценность первых в соответствие с ценностью последних, которая снижена из-за неудобства или рисков. Процент уравнивает наличные деньги с деньгами будущими. Эффект от удаления во времени тот же, что и эффект от удаления в пространстве. Суть сделки в обоих случаях — в выравнивании реальной ценности.

Галиани определяет ссуду как «отказ от блага под обещание, что будет возвращено эквивалентное благо, но не больше». Но, порывая с многовековой традицией анти-«ростовщичества», побуждавшей предшествующих авторов делать из этого же утверждения выводы о незаконности любых процентов на ссуды, он делает вывод, позже ставший основополагающим для австрийской школы: благо, в данном случае «эквивалентное», определяется не его физическими свойствами и не внешним сходством, а субъективной ценностью в уме действующих индивидов. И Галиани пишет, что те, кто традиционно определяют эквивалентность благ как «веса или схожесть формы», сосредотачиваются на физических предметах в каждом обмене (таких как денеж-

ные единицы). Но, добавляет он, люди, принимающие подобные определения, «мало понимают в человеческой деятельности». Он повторяет, что ценность не является объективной характеристикой и не внутренне присуща благам, а представляет собой «отношение благ к нашим нуждам». Но тогда «блага эквивалентны, когда они обеспечивают одинаковое удобство тому человеку, в отношении которого они считаются эквивалентными».

Еще одним прообразом австрийского подхода были содержащиеся в работах Галиани наброски теории распределения, которая осталась неразработанной еще полтора века, пока Бём-Баверк, скорее всего независимо, не пришел к аналогичному, но гораздо более полному анализу. В «Della Moneta» Галиани дал понять, что не ценность определяется затратами труда, а наоборот — затраты труда определяются ценностью. Или, точнее, что польза конечных продуктов и редкость разных видов труда <совместно> определяют его цену. Хотя он начинает обсуждение с утверждения, что человеческий труд в смысле затраченной энергии «есть единственный источник ценности», он быстро понимает, что человеческие способности сильно разнятся, так что и цена труда должна быть разной:

Я считаю, что ценность человеческих способностей определяется так же, как ценность неодушевленных вещей, и что она регулируется теми же принципами редкости и полезности совместно. Провидение снабдило людей способностями к разным занятиям, но с разной степенью редкости... Так что цена управляется не одной полезностью: Богу было угодно, чтобы люди, способные к занятиям с наивысшей полезностью, рождались в больших количествах, так что цена их труда не может быть высокой, ибо они есть, так сказать, хлеб и вино среди людей; но дарования ученых и философов, которые столь редки, что можно назвать их бриллиантами, заслуженно имеют высокую цену.

Галиани, несомненно, слишком оптимистично смотрит на оценку рынком труда философов и ученых, забыв свой собственный блестящий пример редкого блага — «мешок песка с берегов Японии», — который, хоть и редок, но может иметь низкую полезность или ценность в глазах потребителя или вообще никакую.

В собственно денежной теории аббат Галиани проложил дорогу для Менгера и Мизеса с их австрийским анализом происхождения денег. Он показал, что деньги, как средство обмена, *должны* возникнуть на рынке как полезный металл, и что их нельзя выбрать *de novo* <зд.: на пустом месте>, как конвенцию, являющуюся плодом какого-то общественного договора. Атака на теорию денег как конвенции, проведенная Галиани со свойственной ему живостью, может быть направлена и против теории общественного договора в качестве объяснения происхождения государства. Аббат высмеивает

тех, кто считает, что все люди однажды собрались, да и решили использовать в качестве денег сами по себе бесполезные металлы, таким образом наделив их ценностью. Где же случился этот всечеловеческий съезд, и где были заключены соответствующие соглашения? В каком веке? В каком месте? Что это были за депутаты, с чьей помощью испанцы и китайцы, готы и африканцы заключили соглашение настолько прочное, что в течение многих прошедших веков решение никогда не менялось?

407

Галиани подчеркивает, что для того чтобы пройти рыночный отбор, металл должен пользоваться всеобщим спросом, а для этого он должен быть ценим за его неденежные свойства, такие как легкость транспортировки, долговечность, однородность, простота распознавания, сложность подделки. Понимая предмет лучше, чем Смит и Рикардо после него, он предупреждает читателя, что деньги не должны представляться идеальным и неизменным эталоном ценности, что ценность денежной расчетной единицы с необходимостью колеблется вместе с покупательной способностью денег, и, следовательно, подобный эталон не может существовать. Как с характерным сарказмом сформулировал сам Галиани: «...и наконец, идея стабильной денежной единицы — это морок, мания. Каждая вновь открытая золотая россыпь немедленно меняет все меры, не оказывая влияния на них, но изменяя цены измеряемых благ».

Во многих местах «Della Moneta» Галиани ясно дает понять, что весь его анализ осуществляется в рамках, задаваемых идеей природного закона. Он объясняет, что законы природы универсально действуют в экономических делах точно так же, как они действуют при взаимодействии масс или при движении жидкостей. Подобно законам физики, нарушать законы экономики можно только на свой страх и риск; любое действие вне согласия с природными закономерностями обречено на крах.

Он обосновывает свою позицию гипотетическим примером: предположим, мусульманская страна вдруг принимает христианство. Потребление вина, прежде запрещенное, становится дозволенным, и цена вина растет, так как его в стране мало. Торговцы повезут вино в страну, виноделы начнут новое производство, и так будет продолжаться до тех пор, пока прибыли от виноторговли не вернуться к обычному равновесному уровню, так же как «вода в сосуде, возмущенная случайными движениями, возвращается к первоначальному уровню».

Это уравнивающее действие рынка, которое, как показывает Галиани, также применимо и к деньгам, удивительным образом движимо личными интересами, алчностью и стремлением к прибыли:

И это равновесие прекрасно служит росту изобилия жизненных благ и земного благосостояния, хотя оно проистекает не из благоразумия или добродетели человека, а из весьма сомнительного стремления к презренной прибыли: Провидение, из бесконечной любви к чело-

веку, устроило так, что даже наши порочные страсти часто, несмотря ни на что, работают для преимуществ целого.

Экономический процесс, заключает Галиани, движим «Верховной Рукой» (предвестник того, что Адам Смит назовет «невидимой рукой» поколение спустя!).

Институт денег позволяет людям «жить вместе», быть независимыми друг от друга, сохраняя возможность преследования собственных целей. Или, словами Галиани:

Я вижу, и каждый может убедиться в том сам, что торговля и двигающие ее деньги перенесли нас из жалкого природного состояния, в котором каждый заботится только о себе, в счастливое состояние совместного бытия, в котором каждый думает о всех и трудится для всех остальных, причем труды эти осуществляются не только благодаря благочестию и добродетели (которых одних недостаточно, когда речь идет о целых народах), но и стремлению к личному благополучию.

Анализ Галиани основан на оригинальном и глубоком мысленном сравнительном анализе образов того, что происходит в различных общественных системах. Так, он отмечает, что, избегая неудобств бартера, некоторые люди могут попытаться «жить вместе» буквально, как живут общины и монастыри; однако это вряд ли возможно для целых народов. В больших сообществах может быть, например, заведен порядок, при котором каждый производит то, что считает нужным, помещая произведенное на общественный склад, откуда любой может брать то, что ему необходимо. (Тут Галиани вполне мог бы использовать фразу «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям»). Но подобная система обречена, так как более ленивые люди начнут жить за счет более трудолюбивых, которые, обнаружив это, станут работать меньше. Для предотвращения этого общественный склад может принимать товары, выдавая производителям расписки, которые можно будет обменять на другие блага в соотношениях, устанавливаемых правителем. Проблема данной схемы в том, что правитель может злоупотреблять возможностью выпускать подобные расписки. Так что металл — единственный материал для жизнеспособных денег.

Ранняя работа Галиани «О деньгах» осталась его главным вкладом в экономическую мысль. Ревностный католик в юности, аббат и монсеньор, в Париже он становится вольнодумцем, кутилой и вольтерьянцем. За время восхождения по бюрократической лестнице он полностью меняет свои взгляды на экономику и в 1770 г. публикует известную работу «Диалоги о торговле зерном», в которой высмеивает свободный рынок, свободу торговли, естественное право и саму идею существования неизменных экономических закономерностей. Так что Галиани — не только отличный исследователь теории полезности, но, в свои поздние годы, предтеча исторической школы XIX в.

В личных письмах Галиани откровенно объясняет причину своего позднего консерватизма, приверженности статус-кво, циничности, макиавеллизма и нападок на любые попытки сторонников свободы и рынка изменить устоявшееся положение дел. Отрицая необходимость заботиться о чем-либо благе, кроме своего собственного, он пишет: «К черту ближнего своего!» и «Все беспорядки и весь вздор происходят из-за того, что каждый думает о своем ближнем, а о себе — никто». Существующее французское правительство, дескать, вполне его устраивало, так было выгодно; ему особенно не хотелось терять 15 000 ливров годового дохода.

Разумеется, Галиани находил полезным скрывать свой макиавеллизм, оставляя его только для частной переписки, а в публицистике претендовал на высокую моральную позицию¹³. Так, в обоих изданиях «Della Moneta» (второе издание вышло в 1780 г.), он резко осуждал работорговлю: «...нет ничего более чудовищного, чем вид человеческих существ во всем подобных нам, поработанных, опозоренных и низведенных до уровня животных». Но в письме от 1772 г. он демонстрирует совсем другое мнение:

Я считаю, что мы должны продолжать покупать негров, пока они продаются, если мы не сможем позволить им жить в Америке. Торговля выгодна только тогда, когда в обмен на рупии ты раздаешь удары кнута. Это торговля сильнейшего¹⁴.

Короче, правильно всё, что ведет к успеху.

Другим итальянским теоретиком полезности, на этот раз анализировавшим торговлю, был чрезвычайно влиятельный неаполитанский аббат Антонио Дженовезе (1712—1769). Он родился близ Салерно и стал священником в 1739 г. Начав карьеру профессором этики и моральной философии в университете Неаполя, он позже сменил область интересов, став профессором экономики и коммерции, в каком-то качестве и снижал себе известность. Если судить по его довольно беспорядочной работе «Лекции о торговле, или О гражданской экономике» («Lezioni di commercio o sia d'economia civile», 1765)⁽⁷⁾, ученый был умеренным сторонником свободы торговли. Что важнее, он отмечал присущее любому обмену двойное несоответствие ценностей. По его словам, в любом акте обмена каждая сторона хочет обладать приобретаемым предметом больше, чем отдаваемым. Избыточное отдается в обмен на нужное. Отсюда с необходимостью следует взаимная выгода, присутствующая в любом обмене.

Последний вздох субъективной теории ценности XVIII в. можно обнаружить в блестящих работах французского философа Этьенна Бонно де Кондильяка, аббата де Мюро (1714—1780). Выдающийся представитель эмпиризма-сенсуализма, Кондильяк был сыном виконта де Мабли, служившего секретарем Гренобльского парламента, и младшим братом писателя-коммуниста Габриэля Бонно де Мабли. Получив теологическое

образование в парижской семинарии, Кондильяк решил посвятить себя философии и в 1740—1750 гг. опубликовал несколько трактатов.

В 1758 г. он отправляется в Италию в качестве наставника сына герцога Пармского Фердинанда. Там его интерес к экономике усилился под влиянием знакомства с Гийомом дю Тийо, сторонником свободной торговли, занимавшим при герцоге должность государственного секретаря. Тогда же Кондильяк ознакомился с работами Галиани и других итальянских экономистов, работавших над субъективистской теорией ценности. После десятилетия работы наставником будущего герцога Кондильяк публикует шестнадцатитомный «Курс наук», написанный специально для своего ученика.

По возвращении в Париж в конце 1760-х гг. он обнаруживает, что интерес к политической философии, торговле и физиократии достиг апогея, что побуждает его взяться за последний труд — «Торговля и правительство, рассмотренные в их взаимосвязи» («Le commerce et le gouvernement consideres relativement l'un à l'autre»)⁽⁸⁾, причем Кондильяк, всегда выступавший за свободу торговли, делал это с собственных субъективистских теоретических позиций, весьма отличавшихся от позиций физиократов; книга вышла в 1776 г., всего лишь за месяц до «Богатства народов».

В этом сочинении, судьба которого была незавидна, так как оно было отодвинуто в тень всепобеждающим влиянием Адама Смита, Кондильяк выдвигает и детально обосновывает теорию ценности, основанную на идее субъективной полезности. Как последний перед приходом британских классиков представитель анализа полезности и редкости, он заявил, что ценность блага определяется тем, насколько полезным индивиду посчитают его для удовлетворения своих нужд и желаний. Полезность благ возрастает с их редкостью и падает с изобилием. Обмен возникает в силу разности — если не противоположности — оценок полезности обмениваемых благ для вовлеченных в него лиц.

Как и у Дженовезе, при обмене то, что избыточно, меняется на то, чего не хватает. Но Кондильяк был достаточно осторожен, чтобы предостеречь от мнения, что при обмене мы расстаемся с совершенно бесполезными вещами. Обмен всего лишь подразумевает, словами одного комментатора, «что мы получаем более ценное с нашей точки зрения, чем то, что отдаем»¹⁵.

Словами самого Кондильяка: «Разумеется, я могу продать нужную вещь, но, поскольку я не сделал бы этого, если бы какая-то другая вещь не нужна была еще больше, то очевидно, что первую я рассматриваю как бесполезную по сравнению со второй». Значение имеет относительное, а не абсолютное, сверхизобилие. И подобные обмены избыточного на редкое значительно увеличивают общую производительность рыночной экономики. Кондильяк отмечает, что

излишки производителей служат базисом торговли... Производители выменивают то, что представляет для них ценность, отдавая то, что представляет ценность для других. Если обмен невозможен, то излишки останутся у них на руках бесполезным бременем. В самом деле, излишки зерна, которые я не могу обменять и потому вынужден держать у себя в амбаре, столь же ценны, как и зерно еще не выросшее. Поэтому в следующем году я посею меньше...

Кроме того, Кондильяк продолжил и обобщил основанную на полезности теорию издержек и распределения Галиани, заявив, что «вещь не приобретает ценности из-за понесенных издержек, как многие думают; люди идут на издержки, потому что вещь имеет для них ценность»¹⁶. Ценность определяется субъективными мнениями индивидов на рынке¹⁷.

Развивая эту идею дальше, он опроверг типичное классическое и доклассическое представление, доминирующее со времен Аристотеля, о том, что факт обмена двух благ означает их «равную ценность». Его краткое и точное опровержение было немедленно забыто на сто лет: «Ошибочно считать, что при обмене человек отдает ценность, равную приобретаемой. Напротив, каждый из участников отдает меньшую ценность за большую».

Поскольку ценность определяется полезностью для потребителя и его спросом, люди будут получать доход от производства в той мере, в какой они своим производством удовлетворяют потребителей. Следовательно, как резюмирует Хатчисон, «люди могут рассчитывать на получение в виде дохода всего, что они выручат от продажи находящихся в их распоряжении производящих сил... На рынке оплата регулируется продавцами и покупателями и зависит от производительности и ожидаемой полезности произведенного»¹⁸. Чем выше интеллект и сложнее навыки, тем реже они встречаются, следовательно, рынок будет склонен оценивать их выше, предлагая более высокую цену, или заработную плату.

Теория предпринимательства Кондильяка следовала за Кантильоном, трактуя прибыль предпринимателя как меру его способности противостоять неопределенности будущего и предсказывать поведение рынка. Подобно Кантильону же, Кондильяк отрицал, что ценность денег произвольна или определена правительственным указом. Ценность металлических денег зависит от полезности денежных металлов и их доступности на рынке, так что она определяется так же, как и у любых других благ — спросом и предложением. И еще в одном пункте можно усмотреть влияние Кантильона — в анализе Кондильяком саморегулирующихся процессов выравнивания платежного баланса и международных потоков золота.

Так что когда почти столетие спустя британский экономист Генри Маклеод заново открыл почти забытого к тому времени Кондильяка, его воодушевление было вовсе не чрезмерным. Маклеод отмечал, что Кондильяк вынес из собственных теорий горячую преданность полной сво-

боде торговли и его атака на все формы государственного вмешательства в экономику была гораздо последовательней, чем у его современника Адама Смита. Маклеод указывал на обсуждение Кондильяком списка «вредных последствий от всех вмешательств в свободное действие рынка»:

В числе которых войны, таможи, налоги на производство, привилегированные компании, налоги на потребление, махинации с денежным обращением, государственные ссуды, бумажные деньги, законы, ограничивающие экспорт или импорт зерна, законы, ограничивающие внутренний оборот зерна, трюки монополистов...

Кондильяк, по словам Маклеода,

первым, насколько нам известно, выдвинул доктрину взаимной выгоды торговли; господствующим до него представлением, подкрепленным авторитетом Монтеня, Бэкона и многих других, была идея о том, что выигрыш одной стороны всегда есть проигрыш другой. Эта пагубная глупость явилась причиной множества кровавых войн. Затем физиократы заявили, что при обмене ценности равны. И только Кондильяк добрался до истины: при торговле обе стороны обмена выигрывают. И он правдоподобно описал, как все процессы торговли происходят из этих неравенств ценности.

Сам будучи частью движения, предвосхитившего теорию вменения, или образования заработной платы и других цен на факторы производства на основе предельной производительности, Маклеод подчеркивал значение идеи Кондильяка о том, что издержки производства определяются ценностью блага для потребителя, а не наоборот. Таким образом, Кондильяк непреднамеренно способствовал опровержению всего смитовского аппарата трудовой теории ценности, которая появилась в том же году, когда он опубликовал свою работу. Словами Маклеода:

Здесь он также подрубает под корень множество доминирующих теорий, выводящих ценность из труда; он пишет, что люди платят за вещи, потому что ценят их, а не ценят их, потому что платят за них, как принято считать. Это точно та же мысль, которую высказывает доктор [архиепископ Ричард] Уотли, заявляя, что люди ныряют за жемчугом, потому что он дорог, а не жемчуг дорог, потому что за ним ныряют люди... т.е. не труд является причиной ценности, а ценность привлекает труд.

Маклеод завершает обсуждение риторическим приукрашением. Указывая на то, что классические работы Кондильяка и Смита были опубликованы в одном году, он предлагает сравнить смитовскую «всемирную славу» с безвестностью Кондильяка, однако утверждает, что мир начинает переоткрывать работы последнего и убеждаться в превосходстве его экономических воззрений. Кроме того, Маклеод небезосновательно

пишет о том, как «великолепная ясность и простота изложения» Кондильяка выгодно отличает его от «невероятной путаницы и противоречий Адама Смита». Однако «будущее воздаст ему должное»¹⁹. Но если сравнить помпезное празднование двухсотлетия выхода книги Смита с отсутствием даже упоминания о работе Кондильяка, то придется признать, что история еще не вынесла правильного суждения.

14.9. ПРИМЕЧАНИЯ

- (1). Подробнее см. в: *Онкен А.* Невмешательство и свобода торговли: история максимы *Laissez faire et laissez passer*. М.; Челябинск: Социум, 2018. — *Прим. изд.*
1. «Похвальное слово» было написана Тьюрго за несколько дней, как материал для автора официального некролога, писателя Жана Франсуа Мармонтеля. Последний просто взял фрагменты из эссе Тьюрго и опубликовал в качестве официального некролога.
- (2). Здесь и далее русский перевод цитат из сочинений Тьюрго приводится по изданию: *Кенэ Ф., Тьюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П. С.* Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. — *Прим. изд.*
- (3). У М. Ротбарда «great injustice», в русском переводе — «значительного вреда». — *Прим. изд.*
- (4). Ральф Нейдер (род. 1934) — американский адвокат и политический активист, занимался защитой прав потребителей. — *Прим. пер.*
- (5). В русском переводе фрагменты из этого абзаца отсутствуют. — *Прим. изд.*
- (6). Лимож — название столицы, сама провинция называлась Лимузен. — *Прим. пер.*
2. Защищая свободу торговли железом, в своем письме Тьюрго предугадал великую «рикардианскую» доктрину сравнительных преимуществ, объясняющую специализацию каждой провинции в производстве тех благ, которые там получается производить с большей эффективностью по сравнению с другими провинциями.
3. Незаконченная статья, написанная для заброшенного проекта торгового словаря под редакцией друга Тьюрго аббата Адрэ Морелле (1727—1819), тоже бывшего учеником Гурне, оставалась неопубликованной многие десятилетия. Однако Морелле в том же году опубликовал проспект будущего словаря, в котором очень близко повторял модель изолированного обмена Тьюрго. Более того, известно, что экземпляр этого проспекта был у Адама Смита.
4. Любопытно, что «Размышления» (1766) были поспешным наброском, возникшим из попытки объяснить двум китайским студентам суть вопросов, которые Тьюрго собирался задать им по поводу китайской экономики. Редко когда работа такой важности получалась из такого пустяка!
5. В своей недавней работе, проливающей свет на историю теории предпринимательства, профессора Герберт и Линк исследуют вопрос, является ли предприниматель только капиталистом или любой человек, включая рабочего без капитала, является предпринимателем. Позиция Тьюрго рассматривается ими как отходящая от более широкого определения предпринимательства, данно-

- го Кантилионом. Но важным является тот факт, что капиталист-предприниматель есть движущая сила рыночной экономики, и Тюрго, впервые обратив внимание на этого жизненно важного персонажа, сделал огромный шаг вперед. И мы можем отдать ему должное, даже если он вправду упустил менее значимые области предпринимательства, происходящие из более широкого определения. См.: Robert F. Hebert and Albert N. Link, *The Entrepreneur: Mainstream Views and Radical Critiques* (New York: Praeger, 1982), pp. 14—29 and passim.
6. Bert F. Hoselitz, 'The Early History of Entrepreneurial Theory', in J. Spengler and W. Allen (eds), *Essays in Economic Thought* (Chicago: Rand McNally and Co., 1960), p. 257.
  7. Статью Тюрго хвалил Бентам в выдающейся работе «В защиту ростовщичества». Она была перепечатана вместе с французским и испанским переводом эссе Бентама в конце 1820-х гг.
  8. Словами Тюрго: «...капитал есть эквивалент ренты, равной определенной части этого капитала, и, наоборот, годовая рента представляет капитал, равный сумме этой ренты, повторенной некоторое число раз, смотря по тому, более или менее высок множитель [суммы] процента» <с. 620>.
  9. Хотя модель Юма—Тюрго весьма полезна для изолированного анализа разницы между уровнем цен и ставкой процента и для демонстрации влияния изменения количества денег, она все же представляет собой регресс по сравнению со сложным процессным анализом Кантилиона.
  10. Статья, написанная в Гейдельберге для семинара Карла Книса, была подарена Ф. фон Хайеку вдовой Бём-Баверка в 1922 или 1923 г. См.: P. D. Groenewegen (ed.), *The Economics of A.R.J. Turgot* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1977), pp. xxix—xxx. Пренебрежительное отнесение Бём-Баверком Тюрго см. в: Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest* (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959), I, pp. 39—45 <Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. I: История и критика теорий процента на капитал // Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009. С. 321—328>. Защиту Тюрго американским экономистом австрийской школы Фрэнком Феттером см. в: M. Rothbard (ed.), *Capital, Interest, and Rent: Essays in the Theory of Distribution* (Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977), pp. 24—26. Отношение разных экономистов к теории процента Тюрго см. в: Groenewegen, 'A Reinterpretation of Turgot's Theory of Capital and Interest', *Economic Journal*, 81 (June 1971), pp. 327—328, 333, 339—340. Шумпетер о несправедливости Бём-Баверка по отношению к Тюрго см. в: J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York, Oxford University Press, 1954), p. 332n <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 436 сн.5>. Противоречие между Маршаллом, Викселем и Касселем в их описании интерпретации Бём-Баверком теории процента Тюрго см. в: Peter D. Groenewegen, 'Turgot's Place in the History of Economic Thought: A Bicentenary Estimate', *History of Political Economy*, 15 (Winter 1983), pp. 611—615.
  11. Schumpeter, op. cit., note 10, pp. 249, 325 <Шумпетер. Указ соч. С. 324>.
  12. 'Einaudi on Galiani', in H. W. Spiegel (ed.), *The Development of Economic Thought* (New York: John Wiley & Sons, 1952), pp. 77—78.

13. Действительно, публичное заявление о собственном аморализме или макиавеллизме почти всегда внутренне противоречиво, потому что едва ли служит макиавеллианским целям.
14. См.: Joseph Rossi, *The Abbe Galiani in France* (New York: Publications of the Institute of French Studies, 1930), pp. 47—48.
- (7). Дженовезе А. Лекции о торговле, или О гражданской экономике. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. — *Прим. изд.*
- (8). См.: Кондильяк. О выгодах свободной торговли. Ч. I—II. Пер. с франц. Н. Амосова. СПб.: Морская типография, 1817. — *Прим. изд.*
15. Oswald St Clair, *A Key to Ricardo* (New York: A.M. Kelley, 1965), pp. 293.
16. Перевод на англ. мой. — М. Р. См.: Emil Kauder, 'Genesis of the Marginal Utility theory', *Economic Journal* (Sept. 1953), pp. 647.
17. Т. Hutchison, *Before Adam Smith: The Emergence of Political Economy, 1662—1776* (Oxford: Basil Blackwell, 1988), pp. 326.
18. Hutchison, *op. cit.*, note 17, pp. 327.
19. Henry Dunning Macleod, *A Dictionary of Political Economy* (London, 1863), I, pp. 534—545.

ШОТЛАНДСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Эту главу хотелось бы назвать «Предшественники Адама Смита», поскольку сам Смит был сформирован Шотландским Просвещением. Проблема, однако, в том, что по сравнению с взглядами его выдающихся предшественников экономическая теория Смита в большинстве аспектов была не шагом вперед, а скорее отступлением и ухудшением.

В конце XVII и в XVIII в. некогда блистательные университеты Оксфорда и Кембриджа, занимавшие флагманские позиции в области передовой мысли и научных исследований, все больше превращались в место развлечений богатых молодых людей. Интеллектуальное лидерство в Великобритании более чем на столетие перешло к двум ведущим университетам Шотландии — Глазговскому и прежде всего Эдинбургскому.

15.1. ОСНОВОПОЛОЖНИК: ДЖЕРШОМ КАРМАЙКЛ

Основоположником традиции академической экономической теории в Шотландии был Джершом Кармайкл (ок. 1672 — 1729). Отца Кармайкла, пресвитерианского священника, шотландское правительство, в котором преобладали пресвитериане, отправило в изгнание за ересь. Кармайкл, родившийся в Англии, закончил Эдинбургский университет и стал «регентом» в университетах Сент-Эндрюс и Глазго, где лекционные курсы читали «регенты» из числа молодых магистров. После этого он занял место пресвитерианского священника в Файфе. Когда в 1727 г. система регентства была упразднена, Кармайкл получил звание первого профессора этики в Глазго, где и умер два года спустя.

Экономическая наука, или политическая экономия, преподавалась как раздел курса этики; соответственно теоретическое изложение торговли и экономики опиралось на природный закон и его интерпретацию. Шотландские профессора XVIII в. во многих отношениях следовали методике поздней испанской схоластики, т.е. рассматривали экономическую теорию как органическую часть целого, включавшего этику, естественное право, юриспруденцию, онтологию и теологию.

Для характеристики таких мыслителей, как Джон Локк, был создан термин «протестантская схоластика», и его можно считать уместным, поскольку не обязательно быть католиком для того, чтобы применять рациональный схоластический метод или приходиться к схоластическим выводам. Ярким примером «протестантской схоластики» можно считать ее, пожалуй, первого представителя, голландского правоведа Гуго

Гроция (1583—1645). Гроций изучал право в Лейденском университете, а потом стал высшим должностным лицом в Роттердаме. Он был видным теоретиком природного закона, и благодаря ему представления о природном законе и природных правах утвердились в протестантских странах Северной Европы. В главном своем труде «О праве войны и мира» («*De jure belli ac pacis*», 1625) Гроций, ставший основоположником международного права, довел природный закон до логического рационалистического конца: даже если бы Бога не было, природный закон все равно останется вечным и нерушимым. Этот закон обнаруживается человеческим разумом без посторонней помощи, и даже Бог не смог бы опровергнуть (если бы захотел) такое, например, положение природного закона: $2+2=4$. Природный закон требует обеспечения прав собственности, необходимых для общественного сотрудничества; под влиянием Гроция идея прав собственности начала распространяться в сфере экономической мысли. Предвосхищая теорию природного закона и природных прав XVIII в., Гроций верил в гармонию человеческого взаимодействия, основанного на свободе выбора и правах собственности. Он смог заложить рационалистическую традицию природного закона во многом благодаря тому, что его наставник Якоб Арминий порвал с ортодоксальным кальвинизмом, чтобы отстаивать свободу воли каждого индивидуума. В этих важных вопросах социальной философии арминияне заняли, можно сказать, «неокатолическую» позицию. В политических вопросах Гроций возглавлял в Голландии либеральную партию сторонников свободной торговли и республиканского правления, которая повела столетнюю борьбу с монархическими ортодоксальными кальвинистами.

Особенно сильное влияние на мыслителей Северной Европы оказал представитель поздней схоластики XVI в. испанский иезуит Франсиско Суарес. Особенно сильно Суарес и его школа повлияли на двух ученых, которые традиционно считаются основоположниками «новоевропейской» философии: француза Рене Декарта и немца Готфрида Лейбница. Самым важным сочинением Суареса были «Метафизические рассуждения» («*Disputationes Metaphysicae*»), опубликованные в Саламанке в 1597 г. Особое значение приобрело второе издание, опубликованное в Майнце в 1600 г.; более чем на столетие оно стало основным учебным пособием по философии в большинстве университетов, как католических, так и протестантских. Лейбниц называл «Рассуждения» «общепризнанной философией». Книга Суареса пользовалась большим влиянием в протестантской Центральной Европе, в Богемии, Германии и Голландии. В Лейденском университете, ведущем научном центре Голландии в XVII в., идеи Суареса властвовали безраздельно. А именно в Лейдене учился Гуго Гроций.

Хотя Джершом Кармайкл, положивший начало преподаванию экономической теории в Шотландии, также основал традицию чтения и изучения Гроция (которую продолжил Адам Смит по линии шотландско-

го интеллектуального наследия XVIII в.), важнее для него был наиболее известный последователь Гроция, барон Самуэль фон Пуфендорф (1632—1694). Пуфендорф родился в Саксонии, в семье лютеранского пастора. Сначала он изучал теологию, а затем переключился на математику и юриспруденцию. Закончив Йенский университет, он отправился в Лейден, где в 1661 г. опубликовал свое первое сочинение по юриспруденции. После этого курфюрст Пфальца Карл Людвиг учредил для молодого Пуфендорфа профессорскую кафедру естественного и международного права в Гейдельбергском университете. В 1672 г., когда Пуфендорф преподавал в Швеции, в Лундском университете, он опубликовал свой главный труд «О естественном и международном праве» («*De jure naturae et gentium*»), а в следующем году выпустил книгу «Об обязанностях человека и гражданина» («*De officio hominis et civis*»), резюме первого обширного труда. Как и следовало ожидать, эта компактная сводка оказалась гораздо удобнее в качестве учебного пособия и поэтому пользовалась значительно большей популярностью, хотя ее нельзя назвать венцом творений Пуфендорфа.

Профессор Джершом Кармайкл не только положил начало изучению концепций естественного и международного права Гроция и Пуфендорфа в Британии, но и лично перевел «Об обязанностях» на английский язык. Перевод, опубликованный в 1718 г., был снабжен обширными примечаниями и дополнительным комментарием. Это издание оказалось самым важным достижением Кармайкла — во всяком случае в области экономической теории и социальных наук¹. Через шесть лет Кармайкл опубликовал доработанное второе издание «Об обязанностях», которое было переиздано в 1769 г. Он очень хотел, чтобы его ученики прониклись идеями Пуфендорфа и теми мыслями, которые содержались в комментариях.

Кармайкл первым в Шотландии начал преподавать учения Локка, Лейбница и Декарта, а также Гроция и Пуфендорфа. Один информированный современник Кармайкла назвал его «основателем шотландской школы философии», отметив, что он обладал «высочайшей репутацией и пользовался большим уважением как на родине, так и за границей». О том, в какой мере это было верно, свидетельствует замечание другого современника: «Когда мистер Кармайкл умер, все английские студенты покинули университет, и этой зимой он почти опустел; многие в университет привлекали имя и репутация Кармайкла». Таким образом, Кармайкл положил начало традиции, следуя которой одаренные английские студенты покидали «Оксбридж» и в поисках знания отправлялись в шотландский университет.

Что касается комментария Кармайкла к книге «Об обязанностях», то сама за себя говорит оценка его самого видного ученика Фрэнсиса Хатчесона: «Небольшую работу Пуфендорфа “Об обязанностях человека и гражданина” этот достойный и искусный в своем деле человек, покойный профессор Джершом Кармайкл из Глазго, до такой степени до-

полнил и разъяснил, что его комментарий гораздо более ценен, чем сам текст».

Самуэль Пуфендорф, подобно французам XVIII в. и испанским схоластам, предвосхитил австрийскую теорию субъективной полезности—редкости. Он считал, что рыночная ценность товаров определяется общей оценкой, которую выносят потребители, и что чем больше предложение, тем ниже ценность:

Основанием общей оценки товара или услуги служит та их пригодность, благодаря которой они прямо или косвенно удовлетворяют человеческие потребности... Однако некоторые, *наиболее полезные* для человеческой жизни, вещи не имеют определенной оценки... Поэтому необходимость товара или его большая полезность не всегда бывает первым определяющим обстоятельством, причем до такой степени, что мы можем видеть, как люди очень низко ценят то, без чего человеческая жизнь невозможна. Это происходит потому, что природа... в изобилии предоставляет нам подобные вещи. А высокая ценность происходит из *редкости*...

Комментируя Пуфендорфа, Кармайкл высказывает как ценные, так и порой не очень продуктивные соображения. Он подчеркивает субъективную природу полезности и указывает, что полезность блага, существенно важная для его оценки, может быть как реальной, так и воображаемой. К сожалению, он добавляет и ложку дегтя, примешивая к редкости как детерминанте ценности «сложность получения» товаров, т.е. пытается оценивать товары сквозь призму «объективной ценности», зависящей от производственных издержек.

15.2. ФРЭНСИС ХАТЧЕСОН: УЧИТЕЛЬ АДАМА СМИТА

Лучшим учеником и верным последователем Кармайкла был его преемник по профессорской кафедре этики в Университете Глазго Фрэнсис Хатчесон (1694—1746). Его отец тоже был пресвитерианским священником, ольстерским шотландцем (или «ирландо-шотландцем»), родившимся в Ирландии. Хатчесон учился в университетах Глазго и в Дублине, а в 1730 г., после смерти Кармайкла, стал профессором этики в Глазго, где преподавал 16 лет до конца жизни. Шотландскую философию он обогатил твердой верой в природные права и благодетельность природы. С тех пор в шотландской мысли утвердились базовые принципы классического либерального мировоззрения.

Фрэнсис Хатчесон зарекомендовал себя как увлекательный и энергичный преподаватель; он взял за правило прохаживаться перед студентами во время занятий. «Незабвенный д-р Хатчесон», как спустя полвека назвал его Адам Смит в одном письме, стал в Университете

Глазго первым профессором, который преподавал на английском языке, а не на латыни, и первым профессором, который был другом, опекуном и даже банкиром для своих студентов. На его лекции по философии, политике, праву, этике и политической экономии стекались студенты со всей Британии. Самым значительным из них был Адам Смит, учившийся у Хатчесона в 1737—1740 гг. Главный труд Хатчесона «Система нравственной философии» («System of Moral Philosophy») был опубликован его сыном в 1755 г.²

В «Системе» Хатчесон трактует ценность фактически так же, как Пунддорф: главными определяющими факторами выступают полезность и редкость. Выбрав исходным пунктом утверждение «когда нет спроса, нет и цены», Хатчесон указывает, что некоторые очень полезные вещи, например воздух и вода, имеют малую ценность или вовсе не имеют ценности по той причине, что в изобилии предоставляются природой. Чем меньше предложение, тем выше ценность или цена товара; при увеличении предложения она снижается. Кроме того, Хатчесон проницательно придает понятию «польза» в высшей степени субъективный характер: полезным может считаться не только то, что объективно доставляет удовольствие, но и «любая способность доставлять любое удовлетворение, допускаемая господствующим обычаем, причудой и модой». К сожалению, Хатчесон повторил заблуждение Кармайкла относительно реальных издержек и даже усугубил его. Он не только ввел в качестве определяющего фактора «сложность труда», но счел его *еще более* решающим «там, где есть одинаковый спрос на два сорта товаров».

Предвосхищая знаменитую мысль Адама Смита, Хатчесон подчеркивал важность прогрессирующего разделения труда для экономического роста. Рыночная свобода подразумевает взаимную помощь посредством взаимовыгодного обмена, и это первый пример благотельности природы. Разделение труда — ключ к сохранению человеческой жизни; Хатчесон показывает огромные преимущества специализации, повышения квалификации и расширения обмена по сравнению с ничтожной производительностью одинокого Робинзона. Усиливающееся разделение труда также ведет к более интенсивной передаче знания и позволяет расширять использование машин при производстве.

Рассуждая о деньгах, Хатчесон ставит себе задачу выяснить, какие товары можно с наибольшим удобством использовать в качестве денег на рынке. Он выбирает тот же самый денежный стандарт, который просуществовал до начала 1930-х гг., когда произошел отказ от золотого стандарта. Деньги, указывает Хатчесон, это общепринятый в каждой стране товар, который используется как универсальное средство обмена, как общий стандарт ценности и как средство экономического расчета. Товары, используемые в качестве денег на рынке, должны в наибольшей мере обладать свойствами, требуемыми от денег: они должны быть желаемыми и универсально приемлемыми при обмене, легко делимыми на небольшие количества без утраты пропорциональной доли ценности,

долговечными и легко транспортируемыми, для чего должны иметь высокую ценность на единицу веса. Как правило, в качестве наиболее подходящих для функции денег выбирались два товара, серебро и золото, а монеты служили самой популярной их формой, поскольку могли вмещать разное количество этих металлов и с наибольшим удобством удостоверяли степень их чистоты. Порча монеты пропорционально увеличивает их количество, повышая цены товаров в пересчете на денежную единицу. Как и в случае со всеми прочими товарами, указывает Хатчeson, рост предложения золота и серебра снижает их ценность в пересчете на другие товары, или, что то же самое, повышает ценность других товаров в пересчете на драгоценные металлы.

Но, пожалуй, самой важной заслугой Хатчесона стало резкое опровержение взглядов Бернарда де Мандевиля (1670—1733), чья необычайно популярная «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества» («Fable of the Bees, or, Private Vices, Public Benefits») была опубликована в 1714 г., а затем в расширенном виде выдержала за следующие 15 лет еще несколько изданий³. В этой зазорной протофизиократической и протокейнсианской басне Мандевиль утверждал, что порок роскоши, как бы прискорбен он ни был, выполняет важную экономическую функцию, поскольку поддерживает экономическое благополучие. Многие историки, и особенно Ф. Хайек, считали Мандевиля предтечей смитовского *laissez faire*; ведь, по мнению Смита, индивидуальный эгоизм приводится к гармонии с интересами всех благодаря действию конкуренции и свободного рынка. Но этот вывод весьма далек от истинной позиции Мандевиля, который делал особый упор на парадоксе «частный порок — общественная выгода» и полагал, что «выгода» получается за счет протокейнсианского механизма потребительских расходов. Кроме того, Мандевиль никоим образом не приходил на основе своей схемы к принципу *laissez faire*; напротив, в «Письме к Диону» (1732), опубликованном незадолго до смерти Мандевиля, он настаивал, что для преобразования частных пороков в общественное благо требуется не свободный рынок, а «мудрость» и «сноровистое руководство умелого политика».

Кроме того, сочинение Мандевиля было живым воплощением того, что представитель *laissez faire*, французский экономист XIX в. Фредерик Бастия назовет «заблуждением разбитого окна». Мандевиль отстаивал важность не только роскоши, но и обмана, поскольку это дает работу юристам, или воровства, которое дает работу изготовителям замков. И уж совсем на грани безумия то место из «Басни о пчелах», где Мандевиль одобряет Большой лондонский пожар:

Пожар Лондона был огромным бедствием; но если бы плотники, каменщики, кузнецы и все мастеровые, не только занятые в строительстве, но в равной мере изготавливающие те самые изделия и другие товары, погибшие от огня, и торгующие ими и, далее, другие ремесленники и торговцы, получавшие от них прибыль, когда были полно-

стью заняты, должны были голосовать против тех, кто потерпел убыток в результате пожара, то изъявлений радости было бы столько же, сколько жалоб, если не больше⁴.

Обезумевшее «кейнсианство», или, вернее, доведенное до конечных логических следствий.

Апологии «порока» роскоши было достаточно, чтобы вызывать ярость рационального экономиста и пресвитерианина Фрэнсиса Хатчесона. В своем опровержении, предвосхищавшем закон Сэя, он указал, что «доход, не истраченный одним способом, будет истрачен другим способом и если не пойдет на роскошь, пойдет на полезные благоразумные цели». Таким образом, траты на предметы роскоши едва ли необходимы для экономического процветания. На самом деле, продолжал Хатчесон, процветание обеспечивают люди бережливые и трудолюбивые; они-то и снабжают общество товарами: «Общество получает пользу отнюдь не благодаря неумеренным и самодовольным любителям роскоши, а благодаря людям трудолюбивым, которые должны обслуживать всех покупателей». Высмеивая Мандевиля, обычно сдержанный Хатчесон колко заметил: «Стоит ли удивляться тому, что необходимыми для общественного блага объявлены роскошь и самодовольство, если даже воровство и грабеж, по мнению того же самого автора, служат этому благу, давая работу слесарям?». Деньги, сбереженные от растраты на предметы роскоши (или замки), будут с выгодой использоваться на другие нужды, пока все потребности еще не удовлетворены полностью, т.е. «пока все люди не снабжены нужными им вещами настолько, что уже ничего нельзя добавить».

Общими предпосылками Хатчесон в своей «Системе» назвал свободу и природное право собственности:

Каждый человек обладает природным правом прилагать свои силы по собственному решению и усмотрению в любом труде и любых развлечениях для достижения нужных целей в той мере, в какой это не причиняет ущерба личности или имуществу других людей, и никаких иных усилий общественный интерес от него не требует... Это право мы называем *природной свободой*.

Безупречное утверждение, если не считать опасной расплывчатости понятия общественного интереса, который «требует» человеческих усилий.

Однако принцип *laissez faire* в трактовке Хатчесона достаточно ограничен. Так, во «Введении в нравственную философию» он замечает: «Простой народ часто нуждается в научении, в наставлении посредством законов на предмет того, как ему устраивать свои дела и заниматься своими ремеслами». Что касается, в частности, международной торговли, то Хатчесон исповедовал старомодный меркантилизм и выступал за государственное регулирование для обеспечения «благоприятного торго-

го баланса», за высокие протекционистские пошлины, а также за государственное субсидирование морских перевозок для развития торговли.

Приверженность природным правам ослаблялась у Хатчесона еще и тем, что он был первым, кто наметил химерический и опасный принцип утилитаризма, «наибольшее счастье наибольшего числа людей»; эту формулировку или ее аналог он, возможно, заимствовал у Джершома Кармайкла.

О том, какое именно влияние Хатчесон оказал на Адама Смита, мы поговорим ниже. Здесь достаточно отметить, что тематический порядок лекций Хатчесона, опубликованных в виде «Системы» и прослушанных молодым Смитом, почти такой же, как порядок глав «Богатства народов».

15.3. ШОТЛАНДСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПРЕСВИТЕРИАНСТВО

В XVIII в. Просвещение было общим направлением европейской мысли; оно настаивало на способности человеческого разума обнаруживать истину. В общем и целом, просветители были приверженцами природного закона и природных прав, хотя в самом конце столетия Просвещение стало постепенно склоняться к утилитаризму. Хотя схоластика была вполне совместима с упором на природный закон и природные права, ее отвергали и осуждали как невежественное «суеверие» наряду с религией откровения. Соответственно, в области религии мыслители эпохи Просвещения были склонны осуждать христианство, критиковать церковь и становиться скептиками, деистами и даже атеистами.

В этой враждебной для христианской церкви и христианских ценностей атмосфере Шотландское Просвещение сохранило на удивление тесные связи с Пресвитерианской церковью. Почему это произошло? И почему Шотландская церковь, которая в XVI в. под эгидой Джона Нокса проявляла исключительную воинственность, смягчила свою позицию до такой степени, что приветствовала Просвещение, т.е. природный закон, разум и свободомыслящее, если не скептическое, христианство?

Причина в том, что за два столетия, прошедшие со времен Джона Нокса, ревностный кальвинизм в Шотландии ослабел. После 1752 г. влиятельная группа умеренного пресвитерианского духовенства сумела подчинить себе Шотландскую церковь, официальную церковь, которая со времен унии между Шотландией и Англией в 1707 г. получила санкцию британской Короны, хотя была Пресвитерианской, а не Англиканской, как в Англии⁵. Против умеренных резко выступала евангелическая партия, т.е. духовенство, сохранившее верность ортодоксальному кальвинизму. Умеренные, располагавшие широкими связями и хорошо образованные, пользовались сильной поддержкой в южной части Шотландии, в Эдинбурге и Глазго, а также на восточном побережье вплоть до Абердина. В 1750-х гг. они смогли стать господствующей властной эли-

той Шотландской церкви, хотя и представляли меньшинство местных приходов.

Умеренные, придерживавшиеся достаточно гибких и вольных теологических воззрений, были тесно связаны с интеллектуалами Эдинбурга и Глазго, которые и представляли Шотландское Просвещение. Среди умеренных особенно выделялся преподобный Уильям Робертсон (1721—1793), энергичный оратор и неутомимый организатор; он руководил умеренными со времени их объединения в 1752 г. и в 1766—1780 гг. возглавлял генеральную ассамблею Шотландской церкви. Кроме того, в 1762 г. Робертсон стал ректором Эдинбургского университета, и именно под его руководством этот университет вошел в первые ряды европейских университетов. Наконец, Робертсон был основателем и главным авторитетом различных научных обществ; на еженедельных встречах, которые устраивались для чтения докладов, дискуссий и просто для общения, собирались ведущие фигуры Шотландского Просвещения — университетские профессора, юристы и видные представители умеренного духовенства.

Так, в 1750 г. Робертсон учредил Общество избранных, пользовавшееся большим уважением в 1750-х гг. Оно собиралось каждую неделю, и на этих встречах присутствовали такие представители университетов, как Робертсон, Давид Юм, Адам Фергюсон и Адам Смит, такие либеральные праведы, как Генри Хоум (лорд Кеймс) и Александр Уэддерберн (впоследствии лорд-канцлер Великобритании), и такие молодые, но уже известные представители умеренных, как сам Робертсон, Александр («Юпитер») Карлейль, Роберт Уоллес, Хью Блэр, Джон Хоум и Джон Джарден. Карлейль был харизматической фигурой и вместе с тем, как и многие умеренные в то время, порядочным пьяницей. Уоллес заведовал распределением бенефиций в Шотландской церкви, и к тому же был королевским капелланом; в частной переписке он выступал за такую свободу нравов, которая почти граничила с промискуитетом, но предупреждал, чтобы все делалось тайно. Блэр помимо исполнения духовных обязанностей занимал должность профессора риторики в Эдинбургском университете. Джарден был искусственным политиком; его дочь вышла замуж за сына лорда Кеймса, а этот последний был кузеном Давида Юма. Священник Джон Хоум был секретарем близкого друга Юма лорда Бьюта и, кроме всего прочего, писал пьесы, что представлялось совершенно неприемлемым косному и консервативному евангелическому духовенству. В 1756 г. он написал пьесу «Дуглас», в сценической постановке которой участвовали многие видные представители Просвещения: Робертсон, Карлейль, Юм, Блэр и Адам Фергюсон, профессор этики Эдинбургского университета.

Свойственная умеренным широта взглядов подвергалась постоянным нападкам евангелистов. Главными мишенями были лорд Кеймс и особенно Давид Юм, которого генеральная ассамблея Шотландской церкви наверняка отлучила бы за ересь, если бы не заступничество влиятельных

друзей из лагеря умеренных. Однако враждебность пресвитериан-евангелистов была столь сильна, что даже при всех университетских связях Юму не удалось получить место ни в одном шотландском университете.

Следует отметить, что одной из главных фигур партии умеренных был не кто иной, как Фрэнсис Хатчесон. Таким образом, в Шотландии XVIII в. деятели Просвещения — интеллектуалы, философы и экономисты — в финансовом и организационном плане были тесно связаны с верхушкой умеренного крыла Шотландской церкви. Хотя Хатчесон, Юм и Смит, безусловно, не принадлежали к числу ортодоксальных кальвинистов, в своем собственном представлении они были ревностными пресвитерианами. Поэтому их рационализм и теологическая терпимость порой отступали перед ригористическими пресвитерианскими ценностями.

15.4. ДАВИД ЮМ И ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

Знаменитый шотландский философ Давид Юм (1711—1776) был близким другом и душеприказчиком Адама Смита, хорошим знакомым Тьюрго и других французских сторонников *laissez faire*; он принадлежал к «умеренной» элите Шотландского Просвещения. Сын шотландского лорда, Юм родился в Эдинбурге, но основное образование получил во Франции. В возрасте 28 лет он начал публиковать свой epochal-ный философский труд, «Трактат о человеческой природе» («*A Treatise of Human Nature*», 1739—1740). Трактат Юма отличается разьедающим деструктивным скептицизмом, призванным несправедливо дискредитировать философию природного закона и создать искусственный разрыв между фактом и ценностью. Скептицизм Юма разрушает понятие природных прав с позиции утилитаризма и подрывает всю классическую реалистическую теорию причинно-следственных связей. Юм сыграл ключевую роль в прискорбной дискредитации классической философской традиции природного закона, традиции, просуществовавшей от Платона и Аристотеля по крайней мере до Аквината и поздней схоластики. В определенном отношении Юм дополнил деструктивное воздействие влиятельного мнения французского философа Рене Декарта, согласно которому точное знание может быть только математическим и аналитическим. Скептический и колеблющийся эмпиризм Юма был оборотной стороной картезианской медали.

Трактат приобрел широкую известность в последующие десятилетия, а в момент его появления остался почти незамеченным. Поэтому сразу после него Юм писал небольшие эссе по политическим и экономическим вопросам, а потом принялся за многотомную «Историю Англии», которую изложил с точки зрения тори.

Изгнанный из университетской среды за скептицизм и предполагаемый атеизм, Юм пошел на дипломатическую службу, став секретарем

лорда Хертфорда, британского посла во Франции. В 1765 г. он был назначен британским поверенным в делах в Париже, а через два года получил пост заместителя министра иностранных дел. В 1769 г. Юм вышел в отставку и вернулся в Эдинбург.

Вклад Юма в экономическую теорию фрагментарен и насчитывает приблизительно 100 страниц в его «Политических опытах» (1752). Эти статьи отличаются ясным и ярким стилем, который выгодно смотрится на фоне тяжеловесных произведений ученых современников Юма.

Наиболее значимая заслуга Юма состоит в прояснении теории денег, а именно в четком объяснении механизма «цены — переток звонкой монеты», который выравнивает национальные платежные балансы и международные уровни цен. В теории денег как таковой Юм оживляет количественную теорию денег Локка замечательной иллюстрацией, показывающей, что количество денег, имеющееся в любой данной стране, не имеет значения: любого количества, меньшего или большего, будет достаточно для выполнения функции денег, т.е. облегчения обмена. Юм демонстрирует эту важную истину, предлагая представить, что будет, если каждый человек утром окажется владельцем вдвое большего количества денег:

предположим, что в одну ночь в карман каждого гражданина Великобритании каким-нибудь чудом опущено по пяти фунтов стерлингов; это более чем удвоило бы количество денег, которое в настоящее время обращается в государстве. Между тем ни на другой день, ни в последующие дни число заимодавцев не увеличится и такса процентов не изменится. <«О проценте»>⁽¹⁾

Тогда, в соответствии с количественной теорией денег Локка, цены пропорционально вырастут.

Механизм «цены — переток звонкой монеты» — это количественная теория, экстраполированная на случай нескольких стран. Рост денежной массы в стране А приведет к повышению цен; в таком случае товары страны А станут менее конкурентоспособными по сравнению с товарами других стран. Соответственно, экспорт снизится, а импорт более дешевых зарубежных товаров вырастет. Торговый баланс страны А станет неблагоприятным, и драгоценные металлы начнут уходить из нее на оплату дефицита. Но этот отток в конце концов приведет к резкому сокращению денежной массы в стране А, к пропорциональному снижению цен и превращению баланса из неблагоприятного в благоприятный. Как только цены в стране А вернуться к прежнему уровню, деньги начнут притекать назад до тех пор, пока торговый баланс не уравновесится и уровни цен в пересчете на драгоценные металлы не сравняются во всех странах. Таким образом, на свободном рынке действует саморректирующаяся сила, которая приводит в равновесие платежные балансы и уровни цен, а также не позволяет инфляции зайти слишком далеко в каждой отдельной стране.

427

Хотя Юм рассуждает ясно и убедительно, его позиция представляет собой явный шаг назад по сравнению с позицией Ричарда Кантильона. Во-первых, Кантильон не считал, что изменения количества денег и уровня цен пропорционально связаны, и вместо этого уделил основное внимание скрупулезному анализу микропроцесса перехода денег от одного лица к другому. Во-вторых, он учитывал «эффект дохода» от прироста денег в стране, тогда как Юм ограничился совокупным ценовым эффектом. Кратко говоря, если в стране А объем денежной массы увеличится, он будет уравновешен не только ростом цен, но и тем обстоятельством, что денежные активы и доходы в стране А выше и поэтому больше денег будет тратиться на импорт. Этот эффект дохода или, точнее, остатков наличности, будет проявляться, как правило, быстрее, чем ценовой эффект.

В концепции Юма есть и другие проблемы, не связанные с забвением уже открытых истин. Хотя Юм и признавал, что уровень денежного предложения не имеет значения в плане производства и экономического благополучия, он *определенно придавал* большое значение его *изменениям*. Действительно, такие изменения сопряжены с важными последствиями, и некоторые из них уже проанализировал Кантильон. Но самое главное в том, что все подобные изменения пагубны, они нарушают деятельность рынка и распределение ресурсов. А Давид Юм, напротив, в протокейнсианской манере превозносил якобы живительное воздействие увеличения количества денег на процветание и призывал правительство заботиться о том, чтобы предложение денег всегда росло — хотя бы умеренно. Две противоположные рекомендации Юма относительно предложения денег сформулированы им в двух следующих друг за другом утверждениях:

Все эти соображения дают нам право сказать, что с точки зрения внутреннего благосостояния государства большее или меньшее количество звонкой монеты, обращающейся в стране, не имеет значения. Правильная государственная политика состоит исключительно в том, чтобы по возможности поддерживать непрерывный рост народного капитала, потому что это дает ей средство держать в напряжении трудолюбие населения... <«О деньгах»>

Предвосхищая Кейнса, Юм видит стимулирующее воздействие роста предложения денег в том, что увеличение трудовых и прочих ресурсов происходит задолго до повышения цен. Но Юм останавливается (как и Кейнс) на том самом месте, где как раз и возникает проблема: ведь почему, можно спросить, до этого ресурсы оставались недоиспользованными и чем именно прирост денежной массы может способствовать их более полному использованию? Как отметил в 1930-х гг. У. Г. Хатт, более глубокие размышления покажут, что единственной возможной причиной неполного использования ресурсов являются завышенные требования собственника ресурсов в плане цены (или заработной платы).

Дополнительные деньги могут повысить использование ресурсов лишь при условии, что продажные цены поднимаются раньше, чем заработная плата или цена ресурсов, и работники или собственники других ресурсов, будучи введены в заблуждение, работают за *более низкую* реальную заработную плату, хотя в номинальном денежном выражении она не снижается.

Далее, почему лежавшие втуне ресурсы должны, как неявно подразумевает Юм, вновь заявить о себе, когда скажется воздействие полного усвоения дополнительных денег экономикой в виде более высоких цен? Ответ может быть только таким: после того, как прекратится рост цен и установится новое равновесие, заработная плата и цены на прочие ресурсы подтянутся и «денежная иллюзия» исчезнет. Тогда реальные цены на ресурсы вновь станут слишком высокими для того, чтобы эти ресурсы можно было использовать в полной мере⁶.

Внутренние противоречия по вопросам количества денег и инфляции присутствуют во всех его невеликих экономических сочинениях. С одной стороны, продолжавшаяся столетиями инфляция изображается как фактор экономического роста. С другой стороны, Юм решительно выступает за ультратвердые деньги в банковской системе и столь же решительно осуждает непродуктивную и инфляционную природу самого существования частичного банковского резервирования. Он пишет о

банках, фондах и бумажном кредите, столь распространенных в нашей стране. Благодаря этим средствам бумажные деньги уравниваются в цене с звонкой монетой, распространяются по всему государству и, вытесняя из обращения золото и серебро, соответственно повышают цены труда и товаров; в результате из страны уходит большое количество драгоценных металлов или, по крайней мере, их наличное количество перестает увеличиваться. Можно ли обнаруживать большую близорукость, чем обнаруживаем мы в своих рассуждениях по этому вопросу? Так как отдельный гражданин сделался бы гораздо более богатым, если бы его денежный капитал увеличился вдвое, то мы думаем, что такие же счастливые последствия повлечет за собою увеличение капитала всех граждан, и при этом забываем, что подобная перемена приведет и к ответственному повышению цен, так что с течением времени между деньгами и ценами восстановится то же отношение, какое существовало раньше. <«О торговом балансе»>

В другом месте Юм отметил, что из-за увеличения количества настоящих (металлических) денег, конечно, возникают неудобства, но они, по крайней мере, «компенсируются преимуществами, которые мы получаем от обладания этими драгоценными металлами», в том числе сильной позицией при переговорах с другими странами. Однако, добавил он, «нет никакой надобности увеличивать это неудобство при помощи поддельной монеты, которой иностранцы не берут ни в каких платежах и которую всякая крупная смута в государстве совершенно лишает ценности».

«Попытки искусственно наращивать» бумажный кредит просто увеличивают денежную массу «сверх их естественной соразмерности с трудом и товарами», увеличивая тем самым их цены. Свое рассуждение Юм завершил призывом к ограничению банковских активов звонкой монетой: «...самым полезным банком был бы тот, который запирал бы в кассу все получаемые им деньги и никогда не увеличивал бы количества денег, находящихся в обращении» <«О деньгах»>. Юм добавил, что такова практика знаменитого Банка Амстердама, активы которого на 100% состоят из драгоценных металлов.

Еще одним недостатком денежной теории Юма была его склонность (усвоенная и усугубленная Смитом, Рикардо и классической школой) перепрыгивать от одного долгосрочного состояния равновесия к другому, не обращая внимания на динамический процесс, в течение которого мир реально переходит от одного состояния к другому. Именно это полнейшее пренебрежение (или «сравнительная статика») побуждает Юма опускать предпринятое Кантильоном рассмотрение микроперемен в остатках наличности и доходе, а также пренебрегать эффектом дохода в механизме «цены — переток звонкой монеты», обеспечивающем взаимную международную денежную корректировку⁷. Следует отметить, что, поступая таким образом и, соответственно, пренебрегая «эффектами распределения» — изменением активов и доходов в ходе этого процесса, Юм, а также бесчисленные экономисты после него тем самым искажают то, что происходит в самом состоянии равновесия. Они не учитывают, что новое состояние равновесия сильно отличается от предыдущего и что, таким образом, при изменении денежной массы рост цен на все товары не будет равнопропорциональным.

Профессор Салерно подмечает это совершенно правильно:

Есть несомненная доля истины в утверждении Кейнса, что «Юм ввел в обиход среди экономистов подчеркивание значения равновесия по сравнению с постоянно меняющимися переходными состояниями». Читая Юма, проникаешься безошибочным подозрением, если не полной уверенностью, что, по его мнению, экономика большую часть времени пребывает именно в состоянии долгосрочного равновесия. Переход от одного такого состояния к другому, полагает он, совершается быстро и завершается раньше, чем может вмешаться другое изменение экономических данных и подтолкнуть экономику к новому равновесию. Это представление порой побуждает Юма пренебрегать полным пошаговым анализом конкретного изменения в данных и, соответственно, вообще не обращать внимания на краткосрочные последствия, дабы сосредоточиться на относительно статической картине конечных последствий⁸.

На самом же деле, как показала австрийская школа, все обстоит совершенно иначе, чем считали Юм и британская классическая школа. Долгосрочное состояние равновесия не только не является фундаментальной реальностью, но и вообще не существует актуально. Оно — лишь

намеченный ориентир, к которому рынок непрерывно движется, но никогда его не достигает, поскольку фактические характеристики предложения и спроса, а тем самым и конечная точка равновесия постоянно меняются. Поэтому полный пошаговый анализ происходящих изменений данных и есть именно то, что необходимо для объяснения процесса сменяющих друг друга краткосрочных состояний, который нацелен на равновесие, но никогда его не достигает. В реальном мире «долгосрочным периодом» является отнюдь не равновесие, а серия таких краткосрочных состояний, которая постоянно меняет направленность в зависимости от изменения данных.

Последняя проблема, которую следует упомянуть в связи с монетарными воззрениями Юма, состоит в том, что в отличие от французской школы *laissez faire* он считал, что деньги — это не полезный торгуемый товар, а чистая конвенция. В письме аббату Андре Морелле (1727—1819), который был учеником Гурнэ и всю жизнь дружил с Тюрго, Юм утверждал, что деньги выполняют свою функцию лишь постольку, поскольку существует убеждение в готовности других людей принять их. Это верно, но отсюда никак не следует, что деньги возникли как чистая условность. Да и сам Юм признает, что деньги следует изготавливать из материалов, «имеющих объективную ценность», ибо «в противном случае они множились бы бесконечно и превратились бы в ничто».

Представления Юма о проценте если и заслуживают внимания, то лишь в плане сравнения с глубокими и блестящими мыслями Тюрго, изложенными на 20 лет позже. Поскольку деньги в конечном счете влияют только на цены, Юм считает, что процент может быть феноменом лишь реального капитала, но не денег. Он анализирует отношение между ставкой процента и нормой прибыли (т.е. базовой ставкой дохода на вложенный капитал) и правильно указывает, что «никто не стал бы довольствоваться малой прибылью, если бы мог получать высокий процент, и, точно так же, никто не стал бы брать малого процента, если бы мог получать крупную прибыль». Иными словами, на рынке процентные ставки и нормы прибыли тяготеют к равенству. Совершенно верно, но что из двух служит причиной другого или что служит их общей причиной? По своему обычаю Юм не занимается выяснением причины и просто говорит, что «оба они обуславливаются расширением торговли и взаимно содействуют друг другу». Бём-Баверк, несомненно, прав, когда называет это представление «не очень глубоким»⁹. Однако оно не просто поверхностно; оно ошибочно и переворачивает отношение причины и следствия, поскольку, как утверждает Юм, «обширная торговля, способствуя оразованию больших капиталов, уменьшает одновременно и процент, и прибыль». Но на самом деле нет никаких оснований считать, что более крупные запасы капитала должны снижать процент или норму прибыли; что они действительно снижают, так это цены на капитальные и потребительские блага. Причинно-следственная связь строится совершенно наоборот: низкие ставки временного предпочтения, обычно,

но не всегда сопутствующие более высокому уровню жизни и благосостояния, способствуют как накоплению капитала, так и снижению норм прибыли и процентных ставок. То и другое, как впоследствии разъяснит австрийская школа, представляют собой две стороны одной медали¹⁰.

Если говорить о других областях экономической теории, то вполне возможно, что некоторые глубокие изъяны теории ценности Адама Смита возникли в результате влияния Юма. Сам Юм не имел разработанной теории ценности, равно как и представления о полезности как о determinante ценности. Во всяком случае, он всегда настаивал на том, что источником всякой ценности является труд.

Что касается политической экономии, то Давида Юма можно считать сторонником свободной торговли и противником меркантилизма. Друг и наставник Адама Смита с момента их знакомства в 1752 г., Юм познакомился с французскими приверженцами *laissez faire* во время пребывания в этой стране, а Тюрго лично перевел «Политические опыты» Юма на французский язык.

15.5. ПРИМЕЧАНИЯ

1. В том же 1718 г. Кармайкл опубликовал «Систему естественной теологии», а еще через два года написал введение в логику. В год своей смерти он написал «Краткую сводку естественной теологии».
2. Сокращенный, но менее популярный вариант под названием «Введение в нравственную философию» («Introduction to Moral Philosophy») был опубликован в 1747 г., вскоре после смерти Хатчесона.
3. Мандевиль был голландским врачом и всю вторую половину своей жизни провел в Англии. «Басня о пчелах» представляет собой расширенный вариант его сатирической поэмы «Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными» («The Grumbling Hive, or Knaves Turned Honest») (1705).
4. *Fable of the Bees* (1924), p. 359 <Мандевиль Б. Басня о пчелах. М.: Мысль, 1974. С. 321>. Цитируется по прекрасной статье: Salim Rashid, “Mandeville’s *Fable*: Laissez-faire or Libertinism?”, *Eighteenth-Century Studies*, 18 (Spring 1985), p. 322.
5. Англиканские священники в Шотландии были настолько недовольны официальным покровительством пресвитерианству, что вместе с католиками составили ядро повстанцев-якобитов, выступавших за восстановление монархии Стюартов в Великобритании.
- (1). Здесь и далее работы Юма цитируются по изданию: Юм. Бентам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1895. URL: <http://econlibrary.ru/?link=BOOK&id=105>. — *Прим. изд.*
6. Профессор Салерно пытается подкрепить странное предположение Юма о перманентной тенденции к недоиспользованию ресурсов ссылкой на «эффект Алчиана—Аллена». Но такой подход объясняет лишь, почему необходимо поддерживать любые материально-производственные запасы, — которые, как показывает Салерно, в действительности не «бездействуют», а выполняют важную

- функцию для бизнесмена, страхуют его в неопределенной ситуации. Однако это никак не объясняет, почему не в полной мере используются трудовые и прочие ресурсы, что явно нежелательно (поскольку, по общему мнению, инфляция ликвидирует это недоиспользование) и, следовательно, происходит непреднамеренно. Разумеется, если, как мы будем считать, неполное использование ресурсов объясняется слишком высокими запрашиваемыми ценами на эти ресурсы, тогда к такому результату приводит поведение самих собственников ресурсов, хотя и против их желания. Но в более глубоком смысле эта неполнота использования оказывается, конечно же, «добровольной». См.: Joseph T. Salerno, “The Doctrinal Antecedents of the Monetary Approach to the Balance of Payments” (doctoral dissertation, Rutgers University, 1980), pp. 160—162; W. H. Hutt, *The Theory of Idle Resources* (2nd ed., Indianapolis: Liberty Press, 1977).
7. К несчастью для развития британской классической школы и экономической науки, Юм не учел критику, последовавшую от его друга и друга детства Адама Смита Джеймса Освальда из Данникьера (1715—1769). Освальд был видным членом Парламента и мог бы стать канцлером казначейства; Юм и Смит обращались к нему за консультациями по экономической теории. Однажды он написал Юму, что «увеличение количества денег совсем не обязательно приведет к росту цен на рабочую силу и товары, поскольку это добавочное количество, не будучи ограничено только внутренними трудовыми ресурсами и товарами, может быть и, несомненно, будет направлено на их покупку в других странах». Хотя Юм в ответ и согласился включить этот эффект имеющейся наличности в механизм корректировки платежного баланса, он так и не сумел включить его в более полную схему процесса взаимодействия цен и количества драгоценных металлов. См.: Salerno, *op. cit.*, note 6, pp. 252—253.
  8. Salerno, *op. cit.*, pp. 165—166. <Цитата из Кейнса дается по изданию: *Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Эксмо, 2007. С. 311, сн. 1.>
  9. Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest* (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959), I, p. 30 <*Бём-Баверк О. Капитал и процент*. Т. I: История и критика теорий процента. М.: Эксмо, 2009. С. 308. Опыт Д. Юма «О проценте» цитируется по: Юм. Бентам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1895. С. 36—54. URL: <http://econlibrary.ru/?link=BOOK&id=105>>.
  10. Шпигель высоко оценивает концепцию Юма как предвосхищение «современной экономической теории с ее функциональным подходом», который заменяет старомодные поиски причинно-следственных связей. Юм, говорит он, предвосхищает «позднейший подход экономической науки, которая занимается функциональными, а не причинно-следственными отношениями и... стала нормативной не раньше XX в.» Тем хуже и для Юма, и для теории XX в.! Функциональные, а не причинно-следственные отношения математики не подходят для анализа человеческой деятельности, где человеческие предпочтения и человеческий выбор являются *причиной*, приводящей к конкретным и ясно различимым *последствиям*. Кстати сказать, великий разрушитель причинно-следственной связи *не отказался* от каузальной теории процента. Он просто перевернул каузальные отношения с ног на голову, когда заявил, что низкий процент и низкая прибыль суть результаты накопления капитала. См.: Henry W. Spiegel, *The Growth of Economic Thought* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971), pp. 211—212.

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ АДАМ СМИТ

16.1. ЗАГАДКА АДАМА СМИТА

Адам Смит (1725—1790) — это таинственная головоломка, окутанная загадкой. Суть загадки в огромном и беспрецедентном разрыве между высочайшей репутацией Смита и реальным содержанием его сомнительного вклада в экономическую мысль.

Слава Смита почти затмевает солнце. С его собственной эпохи вплоть до недавнего времени считалось, что он основал экономическую науку фактически с нуля. Его повсюду превозносили как отца-основателя. Книги по истории экономической мысли после нескольких заслуженных насмешек в адрес меркантилистов и сдержанного поклона физиократам неизменно объявляют Смита создателем экономической дисциплины. Все его ошибки, понятное дело, извинительны как неизбежные просчеты великого первопроходца. Ему посвящено море литературы. По случаю двухсотлетнего юбилея его главного труда, «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776), хлынул буквально поток книг и статей, посвященных памяти тихого шотландского профессора. Его профиль на медальоне работы Тасси известен всему миру. К упомянутому юбилею был выпущен агиографический фильм о Смита, спонсированный фондом свободного рынка, бизнесменами и апологетами свободного рынка, которые долго прославляли Смита как своего святого покровителя. В высших эшелонах администрации Рейгана «галстуки Адама Смита» носили как отличительный почетный знак. В свою очередь, марксисты с несколько большим основанием превозносят Смита как главного вдохновителя их собственного отца-основателя, Карла Маркса. Действительно, если попросить первого встречного назвать двух экономистов, известных ему из истории, Смит и Маркс, по всей вероятности, окажутся безоговорочными лидерами такого опроса.

Как мы уже видели, Смит отнюдь не был основателем экономической науки; она существовала со времен средневековой схоластики, а в своей новой форме со времен Ричарда Кантильона. Но то, что немецкие экономисты называли, в более узком смысле, «Das AdamSmithProblem» <«Проблема Адама Смита»>¹, гораздо серьезнее, чем первое обстоятельство. Проблема совсем не в том, что Смит не был основателем экономической науки, а в другом: он не предложил ничего истинного, которое было бы новым, а то, что он действительно изобрел, было ложным. Проблема еще и в том, что даже на фоне той эпохи, когда не принято бы-

ло делать столько ссылок и примечаний, как сейчас, Смит выглядит совершенно беспардонным плагиатором, который почти ни на кого не ссылается и просто присваивает крупные фрагменты текстов, заимствуя их, скажем, у Кантильона. Но гораздо предосудительнее нежелание Смита честно цитировать или ссылаться на своего любимого наставника Фрэнсиса Хатчесона, у которого он почерпнул большинство своих идей, а также структуру своих лекций по экономике и этике. Смит, правда, упоминал в частном письме, адресованном университету Глазго, о «незабвенном докторе Хатчесоне», но явно впал в амнезию, когда принялся писать «Богатство народов» для широкой публики².

Будучи закоренелым плагиатором, Смит страдал комплексом Колумба: бесосновательно обвинял близких друзей в том, что они списывают у него. К тому же он был плохим плагиатором: заимствованные чужие истины он дополнял своими ошибками. Поэтому когда мы порицаем Адама Смита за ошибки, нас нельзя упрекнуть в том, что мы грешим против времени, бесосновательно критикуя мыслителей прошлого за неспособность быть столь мудрыми, какими впоследствии стали мы сами. Смит не только не привнес ничего ценного в экономическую мысль. Его экономическое учение было значительным отступлением к худшему по сравнению с предшественниками, Кантильоном, Тюрго, его наставником Хатчесоном, и даже по сравнению с его собственными более ранними работами — такими как «Лекции по юриспруденции» («Lectures on Jurisprudence», 1762—1763, 1766; не опубликованы) и «Теория нравственных чувств» («Theory of Moral Sentiments», 1759).

Итак, загадка Адама Смита заключена в гигантском разрыве между его чудовищно раздутой славой и прискорбной реальностью. Еще печальнее другое. «Богатство народов» не только вознесло Смита с его времени вплоть до наших дней на совершенно незаслуженную высоту. Проблема в том, что эта книга каким-то образом заставила всех, и профессиональных экономистов, и дилетантов, забыть о том, что и до 1776 г. существовали и писали другие экономисты, причем экономисты более высокого полета. «Богатство народов» пользовалось столь колоссальным влиянием, что все знание о предшествовавших экономистах было вычеркнуто из истории, а Смит стал отцом-основателем. Историческая проблема состоит в следующем: каким чудом такое могло произойти с книгой столь вторичной, пронизанной столь глубокими заблуждениями и настолько менее ценной по сравнению с работами предшественников?

Разумеется, не благодаря ясности и четкости стиля изложения и мышления. Достойное «Богатство народов» — это обширная, громоздкая, недоработанная и путаная книга, страдающая расплывчатостью, двусмысленностью и глубокими внутренними противоречиями. В расплывчатости и темноте, конечно, есть свое преимущество. Преданный немецкий почитатель Смита Христиан Краус однажды назвал «Богатство народов» «Библией» политической экономии. В определенном смысле профессор Краус попал в точку, сам того не подозревая. «Бо-

гатство народов» действительно похоже на Библию. Из разных и даже из одних и тех же частей книги можно извлечь разные и противоречащие друг другу выводы. Далее, сама расплывчатость и темнота книги — просто находка для интеллектуалов, исследователей и последователей Смита. Проложить свой путь в невнятном и трудном тексте, сплести смутно различимые нити рассуждения в цельную картину — само по себе благодарная задача для интеллектуалов. Наконец, такой текст содержит уже встроенное в него удобное приглашение отказаться от решения задачи, так что лишь немногие адепты Смита могут похвастаться своим пониманием этой работы или общей системы его мысли. Тем самым они повышают свой доход и престиж, а прочим почитателям остается лишь выступать в качестве группы поддержки ведущих учеников Наставника.

Адам Смит не был основателем экономической науки, но вот что он действительно создал — это парадигму британской классической школы. А создателю парадигмы порой полезно быть непоследовательным и путаным, чтобы ученики имели возможность прояснять и систематизировать наследие Наставника. Вплоть до 1950-х гг. экономисты (во всяком случае принадлежавшие к англо-американской традиции) почитали Смита как основоположника и рассматривали дальнейшее развитие экономической теории как линейное восходящее движение: Сми-ту наследовали Рикардо и Милль, а затем, после некоторого отклонения, устроенного австрийцами в 1870-е гг., Альфред Маршалл восстановил неоклассическую экономическую теорию как неорикардианскую и, соответственно, неосмитовскую дисциплину. Учившийся у Маршалла в Кембридже Джон Мейнард Кейнс в определенной мере был убежден, что он лишь заполняет лакуны, оставшиеся в наследии Рикардо—Маршалла.

В этой удушливой атмосфере льстивого почитания «История экономического анализа» (1954) Йозефа Шумпетера произвела эффект разорвавшейся бомбы. Шумпетер примыкал не к классической английской традиции, а к континентальной традиции Вальраса и австрийцев. Ему фактически впервые удалось бросить на прославленного шотландца холодный и непредвзятый взгляд. Рассматривая вклад Смита с едва скрываемым пренебрежением, Шумпетер в целом оценил его отрицательно и пришел к выводу, что Смит повел экономическую теорию по ложному пути, который, к сожалению, уводил в сторону от пути его континентальных предшественников³.

После выступления Шумпетера большинство историков экономической мысли отступили на запасные позиции. Смит, признавали они, не создал ничего нового, но *несомненно* был великим синтезатором и систематизатором, первым, кто свел разрозненные идеи предшественников в связное систематическое целое. Однако на самом деле творение Смита было диаметральной противоположностью связности и систематичности; достаточно сказать, что два самых значительных ученика Смита, Рикардо и Сэй, считали своей задачей вычленение логически последова-

тельной системы из оставленного Смитом хаоса. Кроме того, хотя и верно, что до Смита сочинения экономистов были пронизательными, но немногочисленными (Тюрго) или написанными в рамках этики (Хатчесон), столь же верно, что еще до появления «Богатства народов» существовали два общих труда по экономической теории как таковой. Одним из них был выдающийся «Опыт» Кантильона, преданный после Смита приговоренному забвению, а другим, в названии которого впервые появилось словосочетание «политическая экономия», — устаревшее двухтомное сочинение сэра Джеймса Стюарта (1712—1780) «Основы политической экономии» («Principles of Political Oeconomy», 1767). Якобит, участвовавший в востании Красавчика принца Чарли, Стюарт провел значительную часть жизни изгнанником в Германии, где проникся методологией и идеалами немецкого «камерализма». Камерализм был опасной формой абсолютистского меркантилизма, процветавшей в Германии в XVII—XVIII вв. Камералисты даже по сравнению с западноевропейскими меркантилистами вообще не были экономистами; они выполняли функции технических консультантов при правителях, разрабатывая методы установления государственного регулирования экономики. Труд Стюарта, написанный в рамках этой традиции, не был, конечно, здоровой экономической теорией; он призывал к всеобъемлющему государственному вмешательству и тоталитарному планированию, начиная с мелочного регулирования торговли и системы принудительных картелей до инфляционной денежной политики. Единственное «достижение» Стюарта состоит в уточнении и развитии дотоле эфемерной и мало связной концепции трудовой теории ценности и в разработке протомарксистской теории о внутренне присущем обществу классовом конфликте. Больше того, свою ультрамеркантилистскую книгу Стюарт написал как раз в то время, когда либеральная мысль и принципы *laissez faire* набирали силу и начинали доминировать — во всяком случае в Англии и во Франции.

Хотя сочинение Стюарта и не соответствовало нарождавшемуся либеральному духу времени, это отнюдь не означает, что оно не пользовалось вниманием. Книга встретила хороший прием, получила высокую оценку, очень хорошо продавалась, и через пять лет после ее выхода, в 1772 г., Стюарт обошел Смита в соревновании за пост финансового консультанта Ост-Индской компании.

Вердикт, вынесенный Шумпетером Смигу, шокировал историков экономической мысли еще и по той причине, что они, подобно историкам других дисциплин, привыкли рассматривать развитие науки как прямолинейное восхождение к истине. Каждый ученый терпеливо формулирует, проверяет и отбрасывает гипотезы, поэтому каждый последующий ученый стоит на плечах того, кто пришел раньше него. От того, что можно было бы назвать «виговской теорией истории науки», сейчас в основном отказались в пользу гораздо более реалистичной теории научных парадигм Куна. Для наших целей важно то положение теории Куна, что мало кто что-нибудь тщательно проверяет, а в особенности фун-

даментальные посылки, базовую «парадигму» своей концепции, и базовые смещения парадигм могут происходить даже в тех случаях, когда новая теория хуже старой. Иными словами, знание может как приобретаться, так и утрачиваться, и наука часто движется не прямолинейно, а зигзагообразно. Можно добавить, что в особенности это верно применительно к общественным и гуманитарным наукам. В результате парадигмы и базовые истины утрачиваются, и экономисты (равно как и представители других дисциплин) со временем становятся не лучше, а хуже. Годы могут принести с собой и прогресс, и отступление. Шумпетер подбросил настоящую бомбу в храм историков экономической мысли в духе вигов, и в первую очередь эта бомба предназначалась адептам традиции Смита—Рикардо—Маршалла⁴.

Итак, мы сформулировали нашу собственную версию «проблемы Адама Смита»: почему страдающая столь многими изъянами книга «Богатство народов» смогла быстро приобрести такое влияние, что затмила все прочие альтернативы? Но прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо подробнее ознакомиться с различными аспектами мировоззрения Смита.

16.2. ЖИЗНЬ СМИТА

Адам Смит родился в 1723 г. <16 июня> в городке Керколди близ Эдинбурга. Его отец, тоже Адам Смит (1679—1723), умер незадолго до рождения сына <в январе>. Он был видным шотландским юристом и заведовал таможней в Керколди, а его жена происходила из семейства состоятельных местных землевладельцев. Смита-младшего воспитывала мать. В городке Керколди преобладали ревностные пресвитериане, и в городской школе Адам познакомился со многими юными пресвитерианами; один из них, Джон Дрисдейл, впоследствии дважды занимал пост модератора генеральной ассамблеи Шотландской церкви.

А Адам Смит-старший происходил из рода таможенных чиновников. Помимо отца, на таможене в Керколди служил сборщиком пошлин кузен Адама-младшего Геркулес Скотт Смит, а опекун Адама, тоже Адам Смит, сначала был таможенником в Керколди, а затем стал таможенным инспектором вспомогательных портов Шотландии. Наконец, еще один кузен по имени Адам Смит впоследствии служил таможенником в городе Аллоа.

В 1737—1740 гг. Смит учился в колледже Глазго, где попал под влияние Фрэнсиса Хатчесона и с энтузиазмом впитывал идеи либерализма, естественного права и политической экономии. В 1740 г. он получил магистерскую степень с отличием в университете Глазго. Мать крестила Адама в епископальное вероисповедание и хотела видеть сына епископальным священником. Поэтому юного Смита отправили в оксфордский колледж Бейллиол на курсы по подготовке епископального духо-

венства, но ему не нравилось, как преподавали в Оксфорде в то время, и через шесть лет, в возрасте 23 лет, он вернулся, так и не приняв духовного сана. Несмотря на крещение и уговоры матери, Смит остался убежденным пресвитерианином и по возвращении в Эдинбург в 1740 г. два года не имел никакой работы.

Наконец, в 1748 г. кузен Давида Юма Генри Хоум, лорд Кеймс, судья и предводитель либерального Шотландского Просвещения, решил организовать в Эдинбурге серию публичных лекций для повышения квалификации юристов. По его предложению Философское общество Эдинбурга обязалось в течение нескольких лет оказывать финансовую поддержку Смиту и его другу детства Джеймсу Освальду из Данникьера; они должны были читать лекции по естественному праву, литературе и различным аспектам свободы, в том числе коммерческой. В 1750 г. Адам Смит получил должность профессора логики в своей альма-матер, Университете Глазго, и его нисколько не затруднило обязательное подписание Вестминстерского вероисповедания в присутствии главных пресвитериан Глазго. Наконец, в 1752 г. Смит имел удовольствие занять место своего любимого наставника, Хатчесона, — должность профессора этики в Глазго, где он и оставался в течение 12 лет.

Лекции Смита в Эдинбурге и Глазго пользовались большой популярностью; основной акцент он делал на «системе природной свободы», на системе естественного права и *laissez faire*, которые он тогда пропагандировал гораздо решительнее, чем потом в своем куда более осторожном «Богатстве народов». Ему удалось обратиться в эту возбуждающую новую веру многих видных купцов Глазго. Кроме того, он стал участвовать в работе общественных и образовательных объединений, которые тогда создавались умеренным крылом пресвитерианского духовенства, профессорами, литераторами и юристами в Глазго и Эдинбурге. Возможно, что Давид Юм посещал эдинбургские лекции Смита в 1752 г., поскольку вскоре они стали хорошими друзьями.

Смит входил в число основателей Литературного общества Глазго, созданного в следующем году; оно проводило обсуждения и дебаты высокого уровня и регулярно собиралось вечером по четвергам с ноября по май. Юм и Смит посещали эти встречи, и на одной из первых Смит выступил с изложением некоторых из недавно опубликованных «Политических опытов» Юма. Как ни странно, эти два друга, безусловно самые одаренные члены общества, вели себя очень робко и не приняли участия ни в одной дискуссии.

Несмотря на свою застенчивость, Смит очень любил клубное общение. Он стал одним из самых видных членов Философского общества Эдинбурга и Общества избранных, которое было особенно деятельно в 1750-х гг., собиралось еженедельно и объединяло верхушку умеренного духовенства, университетских профессоров и юристов. Кроме того, Смит был активным членом Клуба политической экономии в Глазго, Устричного клуба в Эдинбурге, Симсон-клуба в Глазго и Покер-клуба

в Эдинбурге; последний был учрежден другом Смита Адамом Фергюсоном, профессором этики Эдинбургского университета, для поддержания «воинственного духа». Словно этого было мало, Смит стал одним из главных авторов и редакторов недолго просуществовавшего журнала «Edinburgh Review» (1755—1756), созданного в первую очередь для защиты Юма и Кеймса от нападок ортодоксального кальвинистского духовенства Шотландии. Журнал этот основал блестящий молодой юрист Александр Уэддерберн (1733—1805), впоследствии судья, член английского парламента, а затем лорд-канцлер (1793—1801). Он придерживался столь свободных взглядов, что высказывался за легализацию публичных домов. Другими светилами «Edinburgh Review» были лидеры умеренного духовенства: Джон Джарден (1715—1760), чья дочь вышла замуж за сына лорда Кеймса, преподобный Уильям Робертсон и преподобный Хью Блэр (1718—1800), профессор риторики Эдинбургского университета.

Хотя Адам Смит не относился к числу фундаменталистов, он был искренне и глубоко привержен пресвитерианству, о чем свидетельствуют его отношения с Блэром. Блэр, священник Высокой церкви эдинбургской конгрегации Грейфрайарз, постоянно конфликтовал с ортодоксальным кальвинистским духовенством, которое очерняло его в глазах пресвитерианского руководства Глазго и Эдинбурга. В «Богатстве народов» Адам Смит сделал такой комплимент пресвитерианскому духовенству: «Едва ли во всей Европе найдется более ученая, достойная, независимая и уважаемая группа людей, чем подавляющая часть пресвитерианского духовенства Голландии, Женевы, Швейцарии и Шотландии». На это старый друг Блэр, видный (хотя и подвергавшийся нападкам) пресвитерианский священник, заметил в письме к Смицу: «Думаю, ты излишне добр к Пресвитерии».

После того как Смит изложил свою нравственную философию в «Теории нравственных чувств» (1759), возросшая известность позволила ему в 1764 г. занять чрезвычайно доходное место воспитателя юного герцога Баклю. За три года, проведенные с герцогом во Франции, Смит получил пожизненное годовое вознаграждение в 300 фунтов стерлингов, вдвое больше, чем его годовое жалованье в Университете Глазго. За эти приятные года он познакомился с Тюрго и физиократами. Когда срок контракта закончился, Смит вернулся в Керколди и, располагая пожизненным пособием, десять лет работал там над «Богатством народов», которое начал писать по прибытии во Францию. Слава «Богатства народов» побудила бывшего ученика Смита герцога Баклю в 1778 г. выхлопотать наставнику высокооплачиваемую должность таможенного комиссара в Эдинбурге. Смит, получая на этом посту (который он занимал вплоть до смерти) 600 фунтов в год, теперь имел вместе с пожизненной пенсией около 1000 фунтов в год, «княжеский доход», как выразился один из его биографов. Да и сам Смит признался в то время, что стал «настолько богатым, насколько только мог желать». Сожалел он лишь о том, что

приходится выполнять таможенные обязанности, которые отвлекают от «литературных занятий».

Однако эти сожаления были во многом деланными. Вопреки большinstву историков, которые ошибочно считали должность Смита фактически синекурой, пожалованной ему за научные достижения, последние исследования показали, что Смит трудился полный рабочий день и часто председательствовал на ежедневных заседаниях совета таможенных комиссаров. Более того, Смит хотел занять эту должность и явно находил ее приятной и удобной. Трудно отрицать, что после ее получения он уделял мало времени и энергии научным занятиям и сочинительству и даже не стремился использовать положенный ему отпуск. Наконец, эта должность была вознаграждением не столько за научные достижения Смита, сколько за его консультации по налогам и бюджету, которые он давал британскому правительству с середины 1760-х гг.⁵

16.3. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Анализ «Богатства народов» логичнее всего начать с разделения труда, поскольку сам Смит начинает с него и поскольку для Смита это явление обладало принципиально важным и решающим значением. Его учитель Хатчесон тоже признавал важность разделения труда в развитии экономики, равно как Юм, Тюрго, Мандевиль, Джеймс Харрис и другие экономисты. Но у Смита разделение труда приобрело просто донельзя раздутую, гигантскую важность, которая затмила такие первостепенные вещи, как накопление капитала и рост технологического знания. Как отметил Шумпетер, ни у одного экономиста до или после Смита разделение труда не занимало настолько доминирующую позицию.

Однако его концепции разделения труда свойственны не только гипертрофирование роли разделения, но и другие проблемы. Прежняя и более верная оценка мотива, побуждающего к специализации и обмену, состояла в том, что каждый участник обмена (в котором по необходимости имеются две стороны и два товара) получает выгоду от обмена (или, по крайней мере, рассчитывает ее получить); в противном случае сделка не состоится. Однако Смит, к сожалению, смещает главный фокус с взаимной выгоды на якобы иррациональную и врожденную «склонность ко всякого рода обменам», словно люди — это лемминги, которыми руководит сила, внешняя по отношению к выбранным ими самими целям. Как указал Эдвин Кэннан, Смит предпочел такой подход потому, что отвергал представление о врожденном различии природных талантов и способностей, которое естественным образом приводит к разной профессиональной специализации. Смит занял эгалитарную позицию равенства исходных условий, которая до сих пор преобладает в неоклассической экономической теории и с точки зрения которой все работники

равны, а потому различия между ними могут быть только *результатом* системы разделения труда, но никак не ее причиной.

Кроме того, Смит не применил свою концепцию разделения труда к международной торговле, где она могла бы послужить мощным подспорьем для его доводов в пользу свободной торговли. Эту задачу довелось решить Джеймсу Миллю в его превосходной теории сравнительных преимуществ. Далее, что касается внутреннего рынка, Смит придавал слишком большое значение разделению труда *внутри* отдельного производства или отдельной отрасли и оставлял без внимания более важное разделение труда *между* отраслями.

Неоправданно преувеличивая важность разделения труда, Смит парадоксальным образом создал большие проблемы для будущего, положив начало хроническим социологическим сетованиям на специализацию, которые были быстро подхвачены Карлом Марксом и доведены до высшей точки социалистическим брюзжанием об «отчуждении». Невозможно отрицать тот факт, что Смит прямо противоречит сам себе, если сопоставить первую и пятую книги «Богатства народов». В первой книге разделение труда фигурирует как *единственная* причина благоденствия цивилизованного общества; более того, по всей книге оно постоянно отождествляется с «цивилизацией». Но если в первой книге разделение труда восхваляется за повышение энергичности и разумности масс, то в пятой осуждается за то, что ведет к интеллектуальной и моральной деградации, к утрате «интеллектуальных, социальных и воинских добродетелей». Разрешить это противоречие сколько-нибудь правдоподобным образом невозможно⁶.

Будучи крупным плагиатором, Адам Смит страдал комплексом Колумба и часто обвинял других в нечестном заимствовании его идей. Так, в 1755 г. он заявил, что именно он придумал концепцию *laissez faire*, или систему естественной свободы, и утверждал, что преподавал эти принципы начиная с эдинбургских лекций 1749 г. Последнее, может быть, и верно. Но первая претензия упускает из вида, что похожие выражения использовали наставники самого Смита, а также Гроций и Пуффендорф, не говоря уже о Буагильбере и других французских адептах *laissez faire* конца XVII в.

В 1769 г. вздорный Смит обвинил в плагиате ректора Уильяма Робертсона по случаю публикации книги последнего «История правления Карла V». Действительно ли имела место литературная кража, неизвестно, но ее трудно предположить, учитывая удаленность занятий Смита от темы книги Робертсона.

Самое известное обвинение в плагиате Смит выдвинул против своего друга Адама Фергюсона по вопросу о разделении труда. Как показал профессор Хамови, Смит отнюдь не расстался (как считалось раньше) со своим старым другом из-за того, что тот использовал понятие разделения труда в своем «Опыте истории гражданского общества» (1767). Такой шаг был бы совершенно нелепым даже для Адама Смита, если при-

нять во внимание, сколь многие авторы использовали это понятие еще раньше. Хамови предполагает, что разрыв произошел в начале 1780-х гг. после выступления Фергюсона в клубе, которое потом, в 1792 г. было опубликовано как часть его книги «Основы нравственной и политической науки» («Principles of Moral and Political Science»). В ней Фергюсон обобщил пример булавочного производства — самое известное место из «Богатства народов». Смит описал маленькую булавочную мастерскую, где 10 рабочих, специализирующихся на различных стадиях изготовления, могут производить более 48 тыс. булавок, тогда как если бы каждый изготавливал булавку с начала до конца, он мог бы сделать не больше 20 штук или даже и одной в день. Таким образом, разделение труда очень сильно повышало производительность каждого рабочего. В своих «Основах» Фергюсон писал: «Правильное распределение людей, каждый из которых выполняет лишь одну операцию при изготовлении булавки, может дать гораздо больше изделий в единицу времени, чем вдвое большее количество людей, каждый из которых изготавливает всю булавку целиком или все части, составляющие эту маленькую вещь».

Когда Смит упрекнул Фергюсона в непризнании приоритета Смита с этим примером, Фергюсон ответил, что ничего не заимствовал у него и что оба они заимствовали пример из французского источника, «с которым Смит просто раньше познакомился». Есть веские основания считать, что «французским источником» была статья «Булавки» в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера (1755); в ней отмечены 18 операций при изготовлении булавки, и такое же число упоминает Смит в «Богатстве народов», тогда как в английском булавочном производстве более обычными были 25 операций.

Итак, Адам Смит разрушил давнюю дружбу, несправедливо обвинив Адама Фергюсона в нечестном заимствовании примера, который на самом деле оба они взяли из «Энциклопедии» без ссылки на нее. Замечание преподобного Карлейля, считавшего, что Смит «своей собственная подозрительность», представляется чересчур мягким. Некролог, помещенный в «Monthly Review» в 1790 г., сообщает: «У Смита было постоянное подозрение, что его идеи присваивают, и столь сильное, что, когда он замечал, что какой-нибудь студент конспектирует его лекции, он тут же останавливал его и говорил: “Не терплю бумагомарателей”»⁷. Хотя есть свидетельства, что Смит все же разрешал студентам записывать лекции, вздорность его характера и комплекс Колумба не подлежат сомнению.

То обстоятельство, что Смит привел пример маленькой французской мастерской, а не большой британской фабрики, проливает свет на одну примечательную особенность знаменитого «Богатства народов»: прославленный экономист, видимо, и понятия не имел о разворачивавшейся поблизости Промышленной революции. Хотя Смит был другом Джона Робака, владельца металлургической компании «Carron», которая начала производство в 1760 г. и положила начало Промышленной революции в Шотландии, он не единым словом не показывает, что знает о ее су-

ществовании. Смит был, как минимум, знаком с великим изобретателем Джеймсом Уаттом, но ни словом не упоминает ни об одном из главных его изобретений. Не упоминает он в своей знаменитой книге о начавшейся с 1760-х гг. массовой прокладке каналов, о существовании быстро развивавшейся хлопковой текстильной отрасли, о новых методах изготовления керамической посуды и пива. Ему ничего не известно о резком снижении транспортных расходов благодаря улучшению дорог.

Иными словами, вопреки тем историкам, которые восхваляют Смита за близкое эмпирическое знакомство с современной ему экономической и производственной ситуацией, Адам Смит совершенно не замечал происходивших вокруг него важных экономических событий. Текущее положение он оценивал в основном неверно, а многие факты, включенные в «Богатство народов», к тому времени давно устарели и были заимствованы из книг 30-летней давности.

16.4. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

В числе весьма сомнительных идей, привнесенных физиократами в экономическую мысль, была и такая: только сельское хозяйство производительно, только оно обеспечивает излишки, *produit net* <чистый продукт>, экономики. Смит, испытавший сильное влияние физиократов, не только сохранил неудачную концепцию «производительного» труда, но и расширил ее с сельского хозяйства на все материальные товары. Для него труд в сфере изготовления материальных объектов был «производительным», а труд, скажем, в сфере оказания потребительских услуг — «непроизводительным».

Поскольку Смит отдавал предпочтение материальным объектам, это означало, что он отдает пальму первенства вложению капитала в средства производства, поскольку наличные средства производства по определению воплощены в материальных объектах. Потребительские же товары либо состоят из нематериальных услуг, либо уничтожаются в процессе потребления. Отдавая предпочтение *материальному* производству, Смит косвенно призывал инвестировать в накопление средств производства, пренебрегая *самой целью* производства средств производства — увеличением потребления. Рассуждая об экспорте и импорте, он вполне понимал, что накапливать посредствующие объекты есть смысл лишь в том случае, если они в конечном итоге будут потреблены, и что единственной целью производства является потребление. Однако, как показал профессор Роджер Гаррисон и как мы увидим ниже, когда перейдем к законам о ростовщичестве, пресвитерианское сознание Адама Смита побуждало его ценить затраты труда сами по себе, ради них самих, и игнорировать временные предпочтения свободного рынка между потреблением и сбережением. Смит явно выступал за более зна-

чительные вложения в будущее производство и более значительное сокращение текущего потребления, чем выбрал бы рынок. Одно из противоречий его позиции, естественно, состоит в том, что накопление средств производства за счет текущего потребления в конечном счете приведет к повышению уровня жизни, — если только Смит не собирался призывать к постоянно растущему накоплению средств производства, которые не подлежат потреблению.

Во второй книге «Богатства народов» Смит утверждает, что производитель только труд над материальными объектами, тогда как всякий прочий непроизводитель, поскольку «не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете... который продолжал бы существовать и по прекращении труда и за который можно было бы получить потом равное количество труда» <с. 339>⁽¹⁾. Таким нематериальным и, следовательно, непроизводительным трудом занимаются слуги, «священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и пр.» <с. 339>. Для Смита ключевую роль играло то, что труд «их всех» непроизводительных работников «исчезает в самый момент его выполнения». То есть, по его словам, «подобно декламации актера, речи оратора или мелодии музыканта труд их всех исчезает в самый момент его выполнения» <с. 340>. «Производительный» труд, продолжает Смит, «увеличивает ценность предметов, к которым он прилагается» <с. 345>, тогда как «непроизводительный труд не увеличивает». Собственно, это иной способ сказать, что труд по оказанию услуг не воплощается «ни в каком конкретном предмете» <с. 339>. Далее, «производительный» труд создает «излишки», составляющие производственную прибыль. Стойкий физиократический предрассудок Адама Смита проявляется и в его совершенно необоснованном утверждении, что сельское хозяйство — гораздо более производительная отрасль, чем промышленное производство, поскольку в сельском хозяйстве вместе с человеком трудится природа, доставляющая добавочную ренту землевладельцам и прибыль капиталистам. В дополнение к другим ошибкам Смит так и не сумел понять, что природа в виде почвы присутствует не только в одном сельском хозяйстве, а во всех видах человеческой деятельности и что эта деятельность, включая промышленное производство, приносит поэтому земельную ренту владельцам земли.

По этому поводу профессор Кэннан остроумно замечает:

Люди всегда были склонны воображать, что класс, который они привыкли считать самым важным, «содержит» все прочие классы, с которыми он обменивается товарами. Например, землевладелец считает или привык считать своих арендаторов «подопечными». Все потребители легко приходят к убеждению, что они совершают благотворительный акт поддержания множества лавочников. Всевозможные работодатели повсюду убеждены, что наемные работники должны быть признательны им за свою заработную плату, а наемные работники пребывают в столь же твердом убеждении, что работодатель толь-

ко благодаря им и существует. Так и физиократы утверждали, что земледельцы содержат сами себя и все прочие классы, а Адам Смит полагал, что земледельцы, промышленники и торговцы содержат себя и все прочие классы. Физиократы не понимали, что земледельцев поддерживают производственные отрасли, изготовляющие молотилки, мельницы и пекарные печи, а мельников и портных поддерживает сельское хозяйство, обеспечивающее пахоту и жатву. Адам Смит не понимал, что промышленников и торговцев поддерживают своими услугами повара и прачки, а поваров и прачек точно в такой же мере поддерживают производители поварских колпаков и дамских шляпок, а также поставщики чая⁸.

Однако Адама Смита интересовали не любые вещи длительного пользования, а долговечные *средства производства*. Подобного же рода потребительские товары, например дома, Смит опять же считал «непроизводительными», хотя и неохотно признавал, что дом, «несомненно, крайне полезен» человеку, который в нем живет. Но дом все равно «непроизводителен», поскольку «если он сдается нанимателю за плату, то в силу того, что сам дом ничего не может производить, наниматель всегда должен платить за него из какого-то иного источника дохода, извлекаемого или из труда, или из запаса капитала, или из владения землей». На это Кэннан вновь резонно возражает: «Адаму Смицу не пришло в голову, что если плуг предоставляется в аренду, то поскольку плуг сам по себе ничего не может производить, арендатор всегда должен платить за него из какого-то иного дохода»⁹.

Оценивая настроенность Смита против потребления и в пользу сбережения и инвестирования, профессор Рима приходит к следующему выводу:

Из третьей главы второй книги «О накоплении капитала, или о труде производительном и непроизводительном» ясно, что его беспокоило использование сбережений расточительными людьми для удовлетворения потребности в роскоши, хотя эти сбережения следует использовать таким образом, чтобы они увеличивали объем основного или оборотного капитала. Фактически Смит утверждает, что сбережения следует использовать так, чтобы они обеспечивали поступление дохода и нового оборудования, и что неспособность использовать сбережения именно для этой цели является препятствием для экономического роста¹⁰.

Что же, вполне возможно. Но *вместе с тем* это означает, что Смит не хотел мириться с выбором свободного рынка между экономическим ростом, с одной стороны, и потреблением — с другой.

Современный почитатель Смита профессор Эдвин Уэст, обычно изображающий его сторонником *laissez faire*, признает предвзятость Смита: «Однако Смит, подобно благоразумному управляющему помещьем шотландского аристократа, не мог скрыть сильную личную привержен-

ность частной бережливости и тем самым “производительному труду” в интересах будущих накоплений страны». Затем он подспудно соглашается с профессором Гаррисоном в том, что Смит призывал нас к отрицательному или, по крайней мере, нулевому временному предпочтению. Обращаясь к «Теории нравственных чувств», Уэст отмечает, что добродетель бережливости вызывает уважение» со стороны альтер эго Смита, врожденного нравственного чувства, «беспристрастного наблюдателя», и приводит слова самого Смита: «Этот наблюдатель не обольщается соблазном наших текущих желаний. Для него удовольствие, испытанное нами неделю назад или год назад, столь же интересно, сколь и то, что мы переживаем в данный момент»¹¹.

Можно, пожалуй, заметить, что высокомерный отказ учитывать будущие удовольствия и сосредоточение на настоящих, т.е. отрицание положительного временного предпочтения, для любого «беспристрастного наблюдателя» дело, конечно, нетрудное. Только вот является ли этот беспристрастный наблюдатель действительно человеческим существом или же это просто некий блуждающий дух, который не принимает участия в человеческих делах и мнением которого можно поэтому решительно пренебречь?

Кальвинистское презрение к потреблению побуждает Адама Смита назвать танцы «примитивными и грубыми». Как мы увидим, в своем «парадоксе ценности» он объявил алмазы совершенно никчемной вещью, которая «едва ли имеет какую-нибудь ценность при практическом использовании». С чисто пуританским радикализмом Смит порицал роскошь как биологически вредную, снижающую уровень рождаемости в высших слоях общества: «В делах любовных роскошь, хотя она, вероятно, и возбуждает страсть к наслаждению, в целом всегда ослабляет и нередко совершенно подрывает силы поколения».

Кроме того, Смит благосклонно отзывался об умеренной прибыли и осуждал большую, поскольку последняя побуждает капиталистов потреблять больше. А поскольку крупные капиталисты служат внушительным примером для остальных членов общества, капиталистам тем более важно сохранять бережливость и трудолюбие:

помимо всех уже отмеченных вредных последствий для страны вообще, являющихся неизбежным результатом высокой нормы прибыли, существует еще одно, более губительное, пожалуй, чем все они, взятые вместе, и, как можно судить по опыту, неразрывно связанное с монополией. Высокая норма прибыли, как кажется, повсюду уничтожает ту бережливость, которая при других условиях естественна для купца. Когда прибыли высоки, эта трезвая добродетель представляется купцу излишней, расточительная роскошь кажется более соответствующей улучшению его положения. <С. 582.>

Поскольку высшие слои общества являются примером для подражания, добавляет Смит, то

если наниматель осмотрителен и бережлив, таким же наверняка будет и его рабочий, но если хозяин ведет беспорядочный образ жизни и расточителен, то рабочий тоже устроит свою жизнь по образцу, даваемому им. Это препятствует накоплению в руках тех, кто, естественно, больше всего расположен к накоплению... Капитал страны, вместо того чтобы возрастать, постепенно растрачивается¹². <С. 582.>

Но если Адам Смит решительно выступал за инвестирование и против потребления, то, по крайней мере, он был прав в том, что вложение капитала принципиально важно для экономического развития и что необходимым и достаточным условием такого вложения является сбережение. Единственный путь наращивания капитала — это частная бережливость и экономность. Так, Смит писал: «Всякий, кто сберегает деньги, как говорится, вносит свою долю в общую массу капитала... Мир может увеличивать свой капитал только одним способом, экономией»⁽²⁾. Сбережения, а не труд, являются причиной накопления капитала, и эти сбережения быстро «приводят в движение добавочное количество труда» <с. 345>. Бережливый человек тратит деньги с такой же готовностью, как расточительный, но с той принципиальной разницей, что он тратит их с целью увеличения капитала и конечной пользы для всеобщего потребления; поэтому «всякий бережливый человек — общественный благодетель» <с. 348>. Все это было бледной тенью искрометных и творческих идей Тюрго, который уделял первостепенное внимание времени, структуре производства и временному предпочтению, и, возможно, у Тюрго и было заимствовано для собственного употребления. Но эти выводы Смита, по крайней мере, были здравыми и наложили неизгладимый отпечаток на классическую экономическую теорию. Шумпетер, анализируя то, что он называет «теорией сбережений и инвестиций Тюрго—Смита», заключает: «Автором первого серьезного анализа этих вопросов следует считать Тюрго, а А. Смита — первым, кто по меньшей мере внедрил это в сознание экономистов»¹³.

Наконец, даже если не считать марксистов, самые радикальные современные последователи Смита сейчас не принимают или, во всяком случае, игнорируют предложенное Наставником деление на производительный и непроизводительный труд. Однако Смит, что было для него характерно, не оставался четким и последовательным даже в своих заблуждениях. В первой книге «Богатства народов» он говорит одно, а во второй — другое. В первой книге он совершенно справедливо отмечает: «Каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой мере он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия» <с. 88>; эта формулировка почти полностью заимствована у Кантильона. Но если исходить из нее, то нет никакой разницы между материальными вещами и нематериальными услугами, поскольку все они

относятся к числу «предметов первой необходимости, удобств и развлечений». Да и сам Смит в первой книге продолжает рассуждать о заработной плате так, словно нет никакого различия между производительным и непроизводительным трудом.

16.5. ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ

Концепция ценности Адама Смита — это просто катастрофа, которая только углубляет загадку Смита. Дело в том, что теория ценности Смита — не только шаг назад по сравнению с теорией его учителя Хатчесона, но и такой же шаг назад по сравнению с более ранними, не опубликованными лекциями самого Смита. У Хатчесона, да и вообще со времен поздней схоластики, ценность и цена продукта определялись, во-первых, его субъективной полезностью с точки зрения потребителей и, во-вторых, его относительной редкостью или изобилием. Чем больше количество данного товара, тем ниже его ценность, а чем более он редок, тем она выше. Для полноты концепции эту традицию нужно было только дополнить принципом маржинальности 1870-х гг., сосредоточившись на данной единице товара, единице, реально выбранной или не выбранной на рынке. Все остальное объяснение было уже готово.

Далее, в своих лекциях Смит разрешил парадокс ценности четко и ясно, во многом так же, как решали его Хатчесон и другие экономисты в течение нескольких столетий. Почему вода при всей ее полезности так дешева, а безделушки вроде алмазов так дороги? Разница, указывал Смит в своих лекциях, в их относительной редкости: «Лишь по причине *изобилия* воды ее можно получать столь дешево, а алмазы так дороги именно по причине своей редкости». Кроме того, ценность и цена разных продуктов может резко отличаться в зависимости от условий их получения или предложения. Богатый торговец, заплутавший в Аравийской пустыне, указывал Смит в своих лекциях, будет ценить воду чрезвычайно высоко, так что и цена ее будет очень высока. Равным образом, если бы количество алмазов можно было «увеличить искусственным путем», их цена на рынке быстро упала бы.

Однако в «Богатстве народов» эти здравые мысли по непонятной причине исчезают. Всего лишь 10—12 лет после своих лекций Смит внезапно обнаруживает, что не может разрешить парадокс ценности. В хорошо известном отрывке из четвертой главы первой книги Смит решительно и бесповоротно отделяет полезность от ценности и цены, и вместе им уже не сойтись:

Слово «ценность» имеет два разных значения: иногда оно обозначает полезность какого-либо предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной ценностью, вторую — мено-

вой ценностью. Предметы, обладающие весьма большой потребительской ценностью, часто имеют совсем небольшую меновую или даже совсем ее не имеют; напротив, предметы, имеющие очень большую меновую ценность, часто имеют совсем небольшую потребительскую или совсем ее не имеют. Нет ничего полезнее воды, но на нее почти ничего нельзя купить, почти ничего нельзя получить в обмен на нее. Напротив, алмаз почти не имеет никакой потребительской ценности, но часто в обмен на него можно получить очень большое количество других товаров. <С. 87.>

Вот так. И ни слова о решении парадокса ценности с помощью введения фактора относительной редкости. Действительно, «редкость» — это столь фундаментальное и принципиально важное понятие экономической теории — в «Богатстве народов» не играет практически никакой роли. А вслед за редкостью, позволявшей решить парадокс ценности, из экономической теории фактически изгонялись субъективная полезность, а также потребление и потребительский спрос. Поскольку ценность и цену уже нельзя было объяснять полезностью, два разлученных понятия вновь появились в последующих поколениях, когда левые и социалисты начали с удовольствием разглагольствовать о принципиальной разнице между «производством ради прибыли» и «производством ради использования» — разнице, воспроизводившей намеченный Смитом мнимый разрыв между «потребительской ценностью» и «менной ценностью»¹⁴.

А поскольку после Адама Смита экономическая наука пережила второе рождение, поскольку доминировавшие идейные моды ссылали всех прежних экономистов в чистилище, вся традиция субъективной полезности с редкостью как детерминантой ценности и цены, традиция, доминировавшая со времен Аристотеля у средневековых и поздних испанских схоластов, а затем имевшая продолжение у французских и итальянских авторов XVIII в., — эта великая традиция была отправлена в оруэлловскую дыру памяти роковым решением Адама Смита отказаться даже от своих собственных прежних мнений. Хотя Сэмюэл Бейли почти восстановил ее, великая традиция пережила полное воскрешение лишь после того, как ее самостоятельно открыли в 1870-х гг. австрийцы и другие маржиналисты. Адаму Смиту есть много в чем покаяться перед судом истории.

Как эмоционально высказался Пол Дуглас в сборнике, посвященном 150-летию «Богатства народов», «Смит завел представителей английской классической школы, если говорить об их теории ценности, в глухой тупик, из которого они не могли выбраться почти сто лет»¹⁵. И мы вполне можем понять чувства профессора Эмиля Каудера, когда он, выражая горькое сожаление по поводу забвения великих французских и итальянских экономистов XVIII в., пишет:

Трагедией этих авторов стало то, что они писали впустую, поскольку вскоре были забыты. Не нашлось никого, кто смог бы выстроить на

основе их идей новую науку политической экономии. Вместо этого отец нашей экономической науки объявил, что вода обладает большой полезностью, но малой ценностью. Этими немногими словами он превратил в пыль и мусор все идеи, созданные за две тысячи лет. Шанс утвердить более корректное понимание принципов ценности уже в 1776 г., а не в 1870 г., был упущен¹⁶.

Как мог Смит допустить такую колоссальную ошибку? Ведь от почти единственного вопроса, который занимал его в лекциях, объяснения рыночной цены, он обратился к совершенно другому понятию, ставшему для него теперь приоритетно важным, — к «естественной цене», или к такой цене, которую можно назвать «нормальной в долгосрочной перспективе». Это понятие, близкое к «внутренней ценности» Кантильона и «фундаментальной ценности» Хатчесона, тоже встречалось в лекциях, но занимало в них такое же скромное место, как и в работах двух упомянутых авторов. Однако внезапно «естественная цена» и ее предполагаемые детерминанты стали более важными и более «реальными», чем рыночная цена в реальном мире, которая всегда была главным объектом внимания экономистов. Из-за того что в «Богатстве народов» Адам Смит, к огромному сожалению, резко изменил расстановку акцентов, фокус теории ценности и цены сместился с цен в реальном мире на таинственную несуществующую цену в вымышленном состоянии долгосрочного «равновесия».

Но эта мнимая естественная цена не является ни более реальной, чем текущая рыночная цена, ни столь же реальной, как она. На самом деле она вообще не является реальной. Реальна только рыночная цена. Прогнозируемая долгосрочная цена в лучшем случае может быть полезна для понимания общего направления изменений цен и производства в реальном мире. Но такая устойчивая цена никогда не достигается и не может быть достигнута: она непрерывно сдвигается под влиянием постоянно меняющихся базовых факторов предложения и спроса. Долгосрочная нормальная цена важна лишь для объяснения общих тенденций и базовой архитектурной структуры данной экономики, а также для уточнения того, как неопределенность влияет на реальный доход и экономическую деятельность. Почти абсолютная заикленность классиков и неоклассиков на нереальной «долгосрочности» повела экономическую мысль, в ущерб анализу реальных цен и экономической активности, по долговому, ложному и порой трагичному кружному пути, с которого она пока еще не до конца свернула.

Еще один ужасный удар по экономической мысли нанес отказ Адама Смита включить в свою схему предпринимателя, которому отводится столь важное место в концепциях Кантильона и Тюрго. Предприниматель исчез из британской классической мысли и воскрес из небытия только у позднейших континентальных мыслителей, особенно у австрийцев. Главная же суть в том, что если нормой считается не знающий перемен и неопределенности мир долгосрочного равновесия, то в таком мире предпринимателю действительно нет места.

До «Богатства народов» экономисты неизменно концентрировались на рыночной цене и с готовностью признавали, что она определяется факторами предложения и спроса и, следовательно, полезностью и редкостью. Хотя Давид Юм ничего не знал о полезности и считал источником ценности труд, в теории ценности он проявлял куда больше благоразумия, чем его близкий друг Адам Смит. Получив экземпляр только что опубликованного «Богатства народов», Юм, будучи уже близок к смерти, успел все же сообщить другу одно важное критическое замечание: «Я не думаю, что земельная рента составляет часть цены продукта; я полагаю, что цена полностью зависит от количества и спроса». Иными словами, Юм, если сравнивать его со Смитом, был сторонником континентальной традиции и почти предтечей австрийцев.

Но если Смит подчеркивал значение долгосрочного периода, то чем же, по его мнению, подкреплялось не имеющее отношения к реальности понятие «естественной», или «долгосрочно нормальной», цены? Следуя неудачным намекам своих предшественников XVIII в., Смит заключил, что естественная цена равна затратам на производство и определяется ими. Со времен средневековых схоластов это представление появилось в экономической мысли лишь спорадически и занимало подчиненное место.

Из всего сказанного, конечно, не следует, что долгосрочная нормальная цена, или, как мы сейчас ее называем, «равновесная» цена, — это бессмыслица. Равновесная цена — это долгосрочная тенденция рыночной цены. И, как, несомненно, понимал Адам Смит, если рыночная цена выше долгосрочной равновесной, тогда в данной отрасли доход выше и ресурсы будут притекать в нее до тех пор, пока рыночная цена не упадет и не установится равновесие. И наоборот, если рыночная цена ниже равновесной, убытки будут выводить ресурсы из отрасли до тех пор, пока цена не повысится до равновесного уровня. Понятие равновесия очень полезно для выявления направления, в котором будет двигаться рынок. Но в реальности равновесие может быть действительно *достигнуто* лишь при условии, что все «параметры» рынка будут волшебным образом заморожены, т.е. если ценности, ресурсы и технологическое знание на рынке вообще перестанут меняться. В таком случае через какое-то время установится равновесие. Но поскольку в реальном мире эти параметры непрерывно меняются, равновесие никогда не достигается.

«Издержки производства» Смит определяет как все расходы на факторы производства, т.е. на заработную плату, прибыль и ренту. Если говорить конкретнее, то Смит выделял три типа (ставшие потом знаменитой классической триадой) факторов производства: рабочую силу, землю и капитал. Рабочая сила получает заработную плату, земля приносит ренту, капитал приносит «прибыль», причем речь идет не о краткосрочной, а о долгосрочной норме прибыли или о том, что можно назвать «естественной» процентной ставкой. В состоянии равновесия, которое Смит, по всей видимости, считал более реальным и поэтому го-

раздо более важным, чем актуальная рыночная цена, ставка заработной платы равна «средней», или «естественной» ставке, а прочие доходы таким же образом равны «естественной» ренте и долгосрочной средней норме прибыли.

В своем анализе ценности Адам Смит допустил (даже в ухудшенном варианте) ту же поразительную ошибку, которую делали более ранние авторы. В то время как рыночная цена изменчива и непостоянна, «ценность» каким-то образом определяется объективно и извне, т.е. за границами рыночной экономической деятельности. Но ценность не есть нечто объективно присущее или данное; напротив, она сама детерминируется, как впоследствии показали австрийцы, ценностью ранее использованных производственных ресурсов. А эта ценность, в свою очередь, определяется субъективными оценками, которые потребители выносят данным продуктам. Таким образом, не ценность в некоем «фундаментальном» смысле служит определителем ценности, но *сама* ценность при всех обстоятельствах определяется субъективной ценностью или ожидаемой ценностью, которую потребители придают различным продуктам. Так что даже если мы могли бы сказать, что в состоянии долгосрочного равновесия цены будут равны издержкам производства, нет основания считать, что издержки *определяют* цену в долгосрочной перспективе; напротив, ожидаемые потребительские оценки определяют будущую рыночную ценность. Ценность непосредственно зависит от полезности как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, но никогда не бывает наоборот.

Еще одна серьезная проблема теории издержек производства состоит в том, что эта теория препятствует любой попытке объяснить формирование цен на товары и услуги, которые не имеют ценности, поскольку еще не произведены и не осуществлены, на товары, которые просто *имеются в наличии* или были произведены в прошлом, но уникальны и не воспроизводимы, каковы произведения искусства, ювелирные изделия, археологические находки и т.д. То же самое относится к нематериальным потребительским услугам, т.е. к ценам на развлечения, концерты, медицинскую помощь, домашнюю прислугу и т.д., которые нельзя обосновать расходами, заложенными в продукте. Во всех таких случаях объяснением образования цен и их колебаний может служить только субъективный спрос.

Но всем сказанным далеко не исчерпываются грехи Смита, совершенные при рассмотрении центрального звена экономической науки — теории ценности. Ибо наряду со стандартным анализом издержек производства как суммированием заработной платы, ренты и прибыли выдвигается другая, новая и еще более странная теория. С этой альтернативной точки зрения релевантные производственные издержки, определяющие равновесную цену, — это просто количество труда, затраченного на производство. Адам Смит несет почти полную ответственность за внедрение в экономическую науку трудовой теории ценности¹⁷.

Соответственно, с немалым основанием Смита можно считать ответственным за возникновение марксизма и все его последствия.

Бок о бок с теорией формирования естественной цены на основе издержек производства, но без связи с ней, находится новая теория количественных затрат трудовых усилий. Суть ее такова:

Действительная цена всякой вещи, т.е. то, что каждая вещь действительно стоит тому, кто хочет приобрести ее, есть труд и усилия, нужные для приобретения этой вещи. Действительная стоимость всякой вещи для человека, который приобрел ее и который хочет продать ее или обменять на что-то другое, состоит в труде и усилиях, от которых он может избавить себя и которые он может возложить на других людей. То, что покупается на деньги или приобретается в обмен на другие блага, приобретается трудом в такой же мере, как и то, что мы приобретаем усилиями нашего тела. <...> Они содержат ценность известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что предположительно содержит в данное время такое же количество ценности. <С. 88.>

Таким образом, товары на рынке обмениваются по принципу равного количества «содержащегося» в них рабочего времени, — по крайней мере по их «реальным», долгосрочным ценам.

И тут же Смит понял, что столкнулся с большим затруднением. Если количество труда является источником и мерой всякой ценности, то как можно сопоставить простое количество рабочего времени с количеством затраченных усилий? Ясно, что автоматического равенства здесь быть не может. Смигу пришлось признать, что помимо рабочего времени «в расчет должна быть принята также различная степень затраченных усилий и необходимого искусства» <с. 89>. Конечно, такое сопоставление — «нелегкое дело», поскольку, естественно, «один час какой-нибудь тяжелой работы может заключать в себе больше труда, чем два часа легкой работы; точно так же один час занятия таким ремеслом, обучение которому потребовало десять лет труда, может содержать в себе больше труда, чем работа в течение месяца в каком-нибудь обычном занятии, не требующем обучения» <с. 89>.

Как же происходит это принципиально важное приравнивание <equating>? По мнению Смита, «посредством рыночного торга и переговоров» <ср. с. 89; англ. «by the higgling and bargaining of the market»> устанавливается «приблизительное равенство» <ср. с. 89; англ. «rough sort of equality»>. Но здесь Смит попадает в порочный круг: ведь сначала он, как впоследствии Рикардо и Маркс, пытается объяснить цену и ценность количеством труда, а затем утверждает, что «количество труда» определяется установлением ценностей на рынке посредством взвешивания сравнительной интенсивности трудовых усилий¹⁸.

Смит попытался выйти из порочного круга с помощью эгалитарного допущения (до сих пор признаваемого неоклассическими экономи-

стами), согласно которому все работники равны, а потому ставки заработной платы, по крайней мере в естественной долгосрочной перспективе, тоже будут равными или, во всяком случае, будут равными у всех работников за одинаковое количество трудовых усилий. Согласно Сми-ту, рыночная конкуренция будет содействовать выравниванию платы за единицу приложенных трудовых усилий. По словам Дугласа, «как полагал Смит, ему удалось установить тот факт, что равные количества труда, вне зависимости от его полезности, в любой данный момент времени оплачиваются одинаково в денежном выражении».

Развивая в XVIII в. эгалитарный подход, Смит утверждал: «Различие между самыми несхожими характерами, между ученым и простым уличным носильщиком, создается, по-видимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием» <с. 78>. Не бывает никаких уникальных личностей и неустрашимых различий между людьми. С точки зрения этого редукционистского подхода, вновь ожившего в XX в., разум человека — это просто «чистая доска», которую внешние условия наполняют тем или иным содержанием. Поэтому, по Сми-ту, квалифицированный работник получает больше неквалифицированно-го просто в качестве компенсации за годы ученичества и обучения, когда его заработки были гораздо меньше; таким образом, в течение жизни их рабочее время, трудовые усилия и, следовательно, ставки заработной платы уравниваются. Ставки заработной платы тех, чья профессиональная деятельность возможна лишь в течение некоторой части года, должна быть выше, чтобы меньшее число рабочих дней было компенсировано и общегодовые доходы сравнивались. Кроме того, при прочих равных условиях тот, кто выполняет неприятную или опасную работу, должен получать более высокую заработную плату, компенсирующую повышенные трудовые усилия, тогда как выполняющий более престижную работу будет получать меньше, поскольку меньше напрягается или работает в более приятных условиях.

Хотя все эти уточнения имеют определенный смысл и должны учитываться в любой теории заработной платы, они основаны на априорном допущении, что разум каждого человека представляет собой единообразную «чистую доску». Но стоит лишь ввести реалистическую поправку на врожденную разницу в способностях, и эгалитарное приравнивание ставок заработной платы к равным единицам усилий (при условии, конечно, что эти усилия поддаются измерению) рассыпается в прах.

При таких допущениях Адам Смит не мог внятно объяснить, почему в действительности ставки заработной платы представителей престижных профессий не ниже, а выше средней. Разбирая, скажем, пример высокооплачиваемого врача или адвоката, он непоследовательно заключил, что раз эти люди пользуются большим доверием и по определению принимают на себя обременительную и тяжкую ответственность перед клиентами, то за это им и платят больше. Другой попыткой рационально

объяснить высокие доходы адвокатов было сомнительное предположение, что *средний* доход в этой профессии *ниже*, чем в других, поскольку людей привлекают в нее высокие гонорары, которые, однако, достаются лишь немногим избранным представителям профессии.

Кроме того, Адам Смит замутил воду еще больше, когда добавил к теории ценности, основанной на затратах труда, совершенно другую теорию «распоряжения трудом». Теория распоряжения трудом гласит, что ценность товара определяется не количеством заключенных в нем единиц труда (трудовая теория ценности), а количеством труда, которое можно купить за этот товар: «Ценность всякого товара для лица, которое обладает им... равна количеству труда, которое данный товар позволяет ему купить, или получить в свое распоряжение» <ср. с. 88>.

Если бы в реальном мире цена каждого товара точно соответствовала количеству единиц труда, «содержащихся» в его производстве, тогда два количества — трудовые издержки и распоряжение заключенным в товаре трудом — действительно были бы одинаковыми. Но если в издержки включены рента и прибыль (процент), тогда цена, или реальная покупательная способность, каждого товара не будет равна трудовым издержкам. Издержки труда и распоряжение трудом для каждого товара будут разными.

С типичной для него недалёковидностью Адам Смит не заметил противоречия между двумя этими трудовыми теориями в мире, где существуют рента и прибыль (как, по-видимому, не заметил различия между трудовой теорией ценности и теорией ценности, основанной на производственных затратах). Рикардо видел проблему, но ничего не смог с ней поделать. Маркс попытался решить ее с помощью своей теории «прибавочной ценности», которая поступает к тем, кто не занят трудом, в виде ренты или прибыли. Основой этой теории служила неудачная попытка Маркса примирить два противоречащих друг другу положения: теорию ценности, основанную на трудозатратах (или количестве труда) и общепризнанную тенденцию к выравниванию норм прибыли на рынке. Ведь, как мы увидим ниже, когда речь пойдет о Марксе (главы 9—13 тома 2), извлекаемая из труда «прибавочная ценность», или прибыль, в тех отраслях, где выше затраты труда, должна быть больше, чем в тех, где выше затраты основного капитала; однако прибыль везде тяготеет к выравниванию. Пол Дуглас совершенно справедливо и на редкость пронизательно заметил, что в данном вопросе Маркс выступал просто как последователь Смита и Рикардо, пытавшийся подправить и завершить работу своих наставников:

Два поколения ортодоксальных экономистов порицали Маркса за его теорию ценности. За явные, как они считали, противоречия его теории самые снисходительные из критиков называли Маркса глупцом, а самые беспощадные — мошенником. Любопытно при этом, что те же самые критики, как правило, очень высоко ставят Рикардо и Адама Смита. Однако факт остается фактом: Маркс по-

нимал различие между теорией трудовых издержек и теорией распоряжения трудом яснее, чем любой английский экономист, и более настойчиво, чем кто-либо, пытался устранить противоречия, к которым неизбежно приводила теория трудовых издержек. Ему это, разумеется, не удалось, но вместе с ним не удалось Рикардо и Сми-ту... Это была неудача не одного отдельного человека, а целой философии ценности, и истоки конечного противоречия, ясно проявившегося в третьем томе «Капитала», заключены в первом томе «Богатства народов»¹⁹.

Адам Смит приложил руку к последующему появлению социализма также и своим неоднократно повторенным утверждением, что рента и прибыль изымаются из продукта труда. В первобытном мире, полагал он, «весь продукт труда принадлежит работнику» <с. 103>. Но как только образуется «запас» (капитал), некоторые нанимают работающих людей, чтобы получить прибыль от продажи материалов. По мнению Смита, капиталист («предприниматель») получает прибыль как плату за риск и за готовность содержать работников, пока продукт не продан; таким образом, капиталист получает прибыль за выполнение важных задач. Однако, добавляет Смит, «при таком положении вещей работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда. В большинстве случаев он должен делить его с владельцем капитала, который нанимает его» <с. 105>. Сделав столь смелое заявление, но никак не объяснив, почему работник может с радостью оплачивать услуги капиталиста, Смит развязал руки позднейшим социалистам, которые призывали перестроить институты таким образом, чтобы работники могли получать «весь продукт». Этот опрометчивый подарок социализму усугублялся еще и тем, что Смит, в отличие от австрийской школы, не дал себе труда логично и последовательно объяснить, как трудолюбивые и экономные люди накапливают капитал путем сбережения. Он считал достаточным начинать просто с констатации существования в обществе богатого капиталистического меньшинства; социалисты, конечно, не были готовы одобрить такую картину.

Еще менее благосклонно Смит относился к землевладельцам, ибо считал, что они не могут выполнять никакую экономическую функцию. С язвительным негодованием он пишет: «Как только земля какой-либо страны становится частной собственностью, землевладельцы стремятся пожинать там, где не сеяли, и требовать ренты даже за то, что земля производит сама по себе». И еще: «Как только земля становится частной собственностью, землевладельцы требуют долю почти во всех продуктах, которые работники могут взрастить или найти на земле». Здесь нет ни намека на то, что землевладелец выполняет важнейшую функцию — выделяет землю для ее наиболее продуктивного использования. Зато понятно, что для социалистов и последователей Генри Джорджа эти инвективы Смита должны были стать прекрасным основанием требовать национализации земли.

Как мы увидим ниже, трудовая теория ценности Смита послужила источником вдохновения для целого ряда английских социалистов до

Маркса, которых обычно называют «рикардианцами», но которые фактически были «смитианцами». Они решили, что если трудящиеся производят весь продукт, а рента и прибыль являются изъятием из продукта труда, то вся ценность продукта должна по праву принадлежать его производителям, трудящимся. По этому поводу Дуглас справедливо заметил:

Именно из виговских страниц “Богатства народов” произросли доктрины английских социалистов и теоретическая концепция Карла Маркса. История социальной мысли насчитывает немало случаев, когда теория, разработанная одним автором, использовалась другими для обоснования собственных социальных учений, враждебных тем взглядам, которых придерживался создатель первоначальной теории. Но если бы эти творцы теорий обладали даром предвидения, мало кто из них был бы столь неприятно изумлен, как Адам Смит, доведись ему увидеть себя теоретическим основателем социалистических концепций XIX в.²⁰

Некоторые современные авторы пытаются отстоять безнадежную трудовую теорию ценности Адама Смита следующим ходом: на самом деле Смит имел в виду не совсем то, что говорил; он пытался найти неизменный стандарт, с помощью которого можно измерять ценность и богатство в значительном временном диапазоне. Однако в поисках этого стандарта Смит просто добавил очередную ошибку ко всем прочим. Поскольку у каждого индивидуума свое, субъективное, представление о ценности, *не существует* никакого неизменного мерилла или критерия ценности, и любые попытки найти его могут в лучшем случае исказить задачу экономической теории, отправив ее на поиски неуловимой химеры. В худшем же случае вся внутренняя структура экономической теории пропитывается заблуждениями и ошибками. Однако профессора Робертсон и Тейлор заходят настолько далеко, что называют общепризнанную ошибку Смита великой и благородной — такой ошибкой, совершив которую Смит произвел куда более вдохновляющий эффект, чем в том случае, если бы остался верным созданной его предшественниками традиции субъективной ценности. В своем удивительном выводе Робертсон и Тейлор признают правоту профессора Каудера, порицавшего Смита за то, что тот на целое столетие завел экономическую теорию в тупик, но при этом продолжают хвалить Смита за саму ошибку:

Если мы правильно поняли причины, побудившие Адама Смита отказаться от «редкости и полезности» в пользу трудовой теории ценности, то не сделал ли он, в таком случае, больше для прогресса экономической теории, совершив великую ошибку при рассмотрении принципиально важной, но неразрешимой задачи, чем мог бы сделать, если бы удовлетворился добавлением очередной ступени или укреплением уже существовавших ступеней той шаткой лестницы теории субъективной ценности, какой она, согласно д-ру Каудеру, представлялась в 1776 г.²¹

Стоит ли напоминать, что для развития научной дисциплины истина всегда важнее фундаментальной ошибки?

Разрыв Адама Смита с многовековой традицией здоровой экономической мысли, отказ от принципов редкости и полезности с последующим переходом к ложной и опасной трудовой теории ценности лучше объяснять другой, более существенной и убедительной причиной. По той же самой причине Смит придерживался ошибочного деления труда на производительный и непроизводительный. Эта причина, которую приводят Эмиль Каудер и Пол Дуглас, — строгий кальвинизм Смита. Такой кальвинизм, с презрением отвергающий потребление и удовольствие, подчеркивает фактически самодостаточную важность труда. Именно такой строгий кальвинист осуждал алмазы как «не имеющие никакой ценности в практическом использовании». И, вероятно, тот же непреклонный кальвинист с презрением, по словам Робертсона и Тейлора, отзывался о реальном мире «рыночных ценностей, которые зависят от причуд и веяний моды на рынке» и вместо этого устремлял свой взор на долгосрочные цены, при которых такие мелочи не имеют значения, а решающую экономическую роль играют суровые вечные реалии напряженного труда.

Разумеется, это гораздо более реалистичная оценка Адама Смита, чем изображение его в виде донкихотствующего романтика, питающего несбыточные мечты о неизменном мериле ценности. И хотя самый известный последователь Смита, Давид Рикардо, не был кальвинистом, ближайший ученик Смита Дугальд Стюарт был шотландским пресвитерианином, а ведущие последователи Рикардо, Джон Мак-Куллох и Джеймс Милль, оба были шотландцами и учились в Эдинбургском университете, где преподавал Дугальд Стюарт. Устойчивая связь с кальвинизмом продолжала присутствовать в британской — и соответственно классической — экономической науке.

16.6. ТЕОРИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Теория распределения Адама Смита была столь же несостоятельной, как и его теория ценности. Хотя он и сознавал, какие функции выполняет капиталист, его единственный вклад в объяснение долгосрочной нормы прибыли состоял в утверждении, что чем больше «объем капитала», тем ниже норма прибыли. К этому весьма сомнительному выводу Смит пришел на основе своего совершенно верного и ценного наблюдения, показавшего, что капиталисты, как правило, уходят из низкоприбыльных отраслей в высокоприбыльные, а конкуренция между ними тяготеет к выравниванию норм прибыли в масштабах всей экономики. Однако увеличение производства, снижение отпускных цен и рост издержек в конкретной отрасли — это отнюдь не та же самая причинно-следственная цепочка, которая связывает рост капитала в масштабах всей эконо-

мики со снижением нормы прибыли. В действительности ставка процента, или долгосрочная норма прибыли, зависит не от объема накопленного капитала, а от объема ежегодных сбережений; кроме того, снижение нормы прибыли *не является* следствием роста сбережений. Напротив, как покажут австрийцы, *то и другое* — результаты более низкого уровня временного предпочтения в обществе. Высококапитализированная экономика вполне может испытывать повышение уровня временного предпочтения, что, в свою очередь, приводит к повышению процентных ставок.

Смит правильно считал, что прирост капитала означает повышение спроса на рабочую силу и, следовательно, повышение заработной платы, так что поступательное развитие общества непременно приводит к устойчивому постепенному росту заработной платы. К сожалению, механистическое понимание нормы прибыли как величины обратно пропорциональной общему объему капитала привело Смита к выводу, что заработная плата и прибыль всегда движутся в противоположных направлениях относительно друг друга: намек на внутренне присущую обществу классовую борьбу, который Рикардо постарался сделать еще более прозрачным.

Более того, если рост предложения труда превосходит рост спроса на труд, заработная плата начнет снижаться. На этом этапе Смит превосходит мальтузианскую позицию, а Мальтус, как мы увидим ниже, был преданным последователем Адама Смита. Действительно, Смит затронул актуальную для XVIII в. тему: рост численности вида уменьшает его средства к существованию. А именно: «Каждый вид животных естественным образом размножается пропорционально его средствам к существованию». Поскольку Смит видел долгосрочную тенденцию экономики в увеличении капитала и росте заработной платы, что вело к росту населения, он считал:

Щедрая оплата труда, позволяя работникам лучше заботиться о своих детях и, следовательно, растить большее их количество, естественным образом ведет к расширению пределов [необходимых средств к существованию]... Если этот спрос [на рабочую силу] будет постоянно расти, вознаграждение труда непременно должно поощрять браки и рост числа работников в такой мере, чтобы они могли постоянно удовлетворять этот спрос за счет постоянно растущего населения.

Таким образом, заработная плата имеет тенденцию устанавливаться на минимальном прожиточном уровне для существующего населения. Если заработная плата упадет ниже прожиточного минимума, это резко сократит население и, соответственно, предложение рабочей силы. Если же заработная плата установится на уровне выше прожиточного минимума, то «чрезмерное умножение» работников «вскоре снизит ее до этого необходимого уровня». Одна из многих проблем такой «мальтузианской» концепции состоит в том, что она постулирует неспособность

людей самостоятельно ограничивать рождаемость, чтобы сохранить достигнутый уровень жизни²².

Помимо ошибочного мнения, что заработная плата имеет тенденцию устанавливаться на уровне прожиточного минимума, Смит привнес в экономическую теорию еще одну прискорбную ошибку: он утверждал, что, по крайней мере в краткосрочной перспективе, заработная плата определяется соотношением «переговорной силы» нанимателей и работников. Отсюда оставался всего один шаг до заключения, что позиции нанимателей всегда сильнее, чем позиции работников, и тем самым готовилась почва для позднейшей профсоюзной пропаганды, ошибочно заявлявшей, что профсоюзы способны поднять общий уровень заработной платы в масштабах всей экономики.

Что касается земельной ренты, то Смит, по своему обыкновению, изложил несколько не связанных друг с другом мнений. С одной стороны, как мы видели, ренту требуют землевладельцы, которые «хотят пожинать там, где не сеяли» <с. 105>. Но почему у них есть возможность взимать такую ренту? Причина в том, что поскольку земля стала частной собственностью, арендатор «должен платить за разрешение» <с. 105> обрабатывать ее и «должен отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд» <с. 105>. Поэтому, заключает Смит, «земельная рента... естественно, представляет собой монопольную цену» <с. 188>; частную собственность на землю он относит к той же категории, что и монополизацию. Призывы социалистов и джорджистов к национализации земли были, разумеется, во многом вдохновлены этим рассуждением Смита. Вместе с тем Смит разумно замечает, что рента будет меняться в зависимости от плодородности и местонахождения земли. Кроме того, как мы уже отмечали, он объясняет ренту «силами природы» <с. 367>, которая в сельском хозяйстве приносит более значительную отдачу, чем в других отраслях.

Нет у Смита четкой позиции и по вопросу о том, входит ли земельная рента в издержки. Иногда он включает ее в издержки, и тогда земельная рента выступает как предположительный фактор, определяющий долгосрочную цену. С другой же стороны, он утверждает, что высокая или низкая рента — это результат высоких или низких цен на продукт, и поскольку предложение земли ограничено, все бремя налогообложения ренты падает на землю, а не на что-то другое. Все эти нестыковки можно устранить, если принять, что все затраты определяются ожидаемыми будущими ценами продажи, а индивидуальные затраты равнозначны не использованной возможности получить ожидаемый продуктивный доход где-то в другом месте. Если говорить более конкретно, то хотя издержки и не определяют цену непосредственно, они ограничивают предложение, и в этом смысле любые издержки — на ренту или на что-либо еще, — безусловно, являются частью издержек.

Однако, как мы уже говорили, самый значительный изъян теории Смита состоит в полнейшем игнорировании блестящего анализа роли

предпринимателя у Кантильона и Тюрго — словно эти видные авторы XVIII в. вообще никогда ничего не писали. Смит говорит лишь о том, что капиталист вкладывает «запас», управляет и контролирует. Поскольку представление о предпринимателе как о том, кто идет на риск и пытается прогнозировать будущее, было отброшено и забыто, классическая экономическая теория вновь надолго зашла в тупик. Разумеется, если восторжествовала уверенность в достижимости иллюзорного долгосрочного равновесия, при котором все прибыли низки и равны, а убытки отсутствуют, то нет никакого смысла говорить о предпринимательстве.

Политические выводы из этого упущения социалисты XIX в. тоже не оставили без внимания. Ведь если в рыночной экономике нет места для предпринимательской прибыли, тогда любая существующая прибыль является «эксплуататорской» и является таковой в значительно большей мере, чем при низкой и одинаковой прибыли в состоянии долгосрочного равновесия.

По словам проницательного шотландского историка экономической теории Александра Грея, у Смита фактически было несколько концепций заработной платы, которые «не вполне согласовывались друг с другом и пребывали в достаточно неудобном соположении». Затем Грей не без иронии добавил: «Дань величию Смита состоит в том, что все школы мысли могут объявить его своим основоположником и источником вдохновения». Но скорее на ум приходят другие слова Грея, который метко назвал эту бесформенную путаницу «обширным хаосом».

16.7. ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

Как мы видели, предпринятое Юмом известное разъяснение механизма «цены — переток звонкой монеты» в международных денежных отношениях хотя и было хорошо изложено, но само по себе оказалось шагом назад по сравнению с новаторской и тщательно проработанной концепцией Ричарда Кантильона. Но все же это было лучше, чем ничего. Однако, по словам Джейкоба Вайнера, «одна из загадок истории экономической мысли состоит в том, что Адам Смит, будучи близким другом Юма в течение многих лет, не включил ни одну из идей Юма в свое «Богатство народов»²³. Вместо этого Смит высказал примитивное и ошибочное мнение, что каждая страна будет иметь столько драгоценных металлов, сколько ей предположительно нужно для обращения в торговой системе, а избыток, «переполняющий каналы обращения, будет искать прибыльного применения, которого не может найти внутри страны». В «Богатстве народов» мы не найдем ни слова о причинной связи между количеством денег, уровнем цен и торговым балансом. Загадка станет еще запутанней, если учесть, что «Богатство народов» представляет собой значительный шаг назад даже по сравнению с собственными лекциями Смита, которые он читал чуть более чем десятью годами раньше. В этих лекциях, не пу-

бликовавшихся при жизни Смита, мы находим ясное изложение и обобщение идей Юма. В частности, Смит сказал, что, согласно Юму,

всякий раз, как денег становится пропорционально больше, чем товаров, цена товаров неизбежно повышается, страна может продавать на иностранных рынках лишь по более низкой цене, и деньги неизбежно уходят в другие страны. Напротив, когда денег становится пропорционально меньше, чем товаров, цена товаров снижается, страна продает дешевле других на иностранных рынках, и, соответственно, деньги возвращаются в большом количестве. Таким образом, деньги и товары будут находиться приблизительно на одном уровне в каждой стране²⁴.

Путаная, фрагментарная, безнадежно несостоятельная теория денег и международных денежных отношений Смита приводит в отчаяние даже его современных почитателей²⁵. Профессор Петрелла пытается показать, что последующий отказ Смита от предложенного Юмом механизма «цены — переток звонкой монеты» был реакцией на признание Юмом благотворного влияния меркантилистского накопления денег на занятость, чего сам Смит признавать решительно не хотел. В подкрепление своей версии Петрелла цитирует критическое замечание в адрес Юма, следующее сразу после приведенного нами выше отрывка из лекций: «Мистер Юм рассуждает чрезвычайно изобретательно. Однако он, по-видимому, до известной степени проникся убеждением, что общественное богатство заключается в деньгах»²⁶. Но здесь Петрелла явно перегибает палку. Ведь не проще ли было Смицу по-прежнему признавать механизм Юма, а потом повторить или расширить свою критику его позиции и продемонстрировать несостоятельность последней?

Напротив, представляется очевидным, что загадку отказа Смита от механизма Юма можно решить, если мы учтем, что данное ухудшение экономической теории было у Смита отнюдь не единственным. Мы уже отмечали не менее прискорбное ухудшение его теории ценности в «Богатстве народов» по сравнению с лекциями. Представляется весьма вероятным, что в обоих случаях причиной ухудшения служило одно и то же: перенос внимания с реального мира рыночных цен на воображаемую картину долгосрочного «естественного» равновесия. Перенос внимания с рыночных процессов реального мира на статичные состояния равновесия отбил у Смита всякую охоту заниматься анализом <переходных> процессов, который был отличительной чертой и достоинством схемы Юма. Смит стал рассматривать только мир чистой наличности и считать, что все страны всегда находятся в состоянии равновесия. Более того, любые отклонения от всемирного денежного равновесия быстро устранялись, оставляя мир в состоянии фактически вечного равновесия²⁷.

Концентрация на долгосрочной перспективе побудила Смита применить свою общую, основанную на трудовых затратах, теорию ценности к ценности денег. Ценность денег, т.е. металлического золотого или серебряного товара, становится овеществлением труда, затраченного на

их добычу. Таким способом Смит попытался объединить ценности денег и других товаров, включив все ценности в трудовую теорию. В «Богатстве народов» он писал:

Однако, подобно всем другим товарам, золото и серебро меняются в своей стоимости: они бывают то дешевле, то дороже, их то легче, то труднее купить. Количество труда, которое можно получить в свое распоряжение или купить на определенное количество этих металлов, или количество других товаров, которое можно выменять на них, всегда находится в зависимости от обилия или скудости разрабатываемых в настоящее время рудников. В XVI столетии открытие богатых рудников в Америке уменьшило в Европе ценность золота и серебра приблизительно на целую треть. Так как добыча этих металлов из рудников и доставка их на рынок стоили теперь меньше труда, то, попадая на рынок, золото и серебро могли уже купить меньшее количество труда. <С. 90.>

462

Даже те немногие экономисты, которые хвалят Смита, считая, что одно время он действительно одобрял юмовский механизм «цены — переток звонкой монеты», признают, что он отказался от этой схемы, когда рассматривал смешанную денежную систему, включавшую банкноты или бумажные деньги²⁸. Действительно, хотя Смит время от времени говорил, что количество металлических денег оказывает влияние на цены, в данном случае он совершенно отбрасывает этот принцип и утверждает, что банкноты, размениваемые на звонкую монету, всегда имеют одинаковую ценность с золотом и, стало быть, их количество всегда будет оставаться одним и тем же. Любое увеличение количества банкнот сверх суммарного количества драгоценных металлов «переполнит каналы обращения», и излишек вернется в банки в порядке того, что потом стало называться «обратным притоком», в обмен на драгоценные металлы, которые немедленно начнут утекать из страны. Тем самым Смит явно не признает, что рост массы бумажных денег может привести к повышению цен на товары. Но почему Смит полностью отказался от количественной теории <денег> именно здесь и вместо нее предложил такую нелепость? Вероятно, он хотел интегрировать всю теорию ценности на основе трудовых издержек производства. Если бы Смит хоть раз допустил, что увеличение количества бумажных денег может подействовать на ценности, пусть даже ненадолго, ему пришлось бы признать огромную брешь в его теории трудовых издержек. Ведь при печатании бумажных денег «затраты труда» не имеют решительно никакого отношения к меновой ценности этих денег. Поэтому бумажные деньги, включая банкноты, должны быть прочно привязаны к ценности драгоценных металлов.

Адам Смит писал в Британии XVIII в., где практически все его предшественники осуждали новый институт частичного банковского резервирования как инфляционный и противозаконный. В 1752 г. его друг Да-

вид Юм высказался за решительную отмену этого института и 100%-ное резервирование в драгоценных металлах. Такое же мнение высказывали другие видные авторы, в том числе Джейкоб Вандерлинт (ум. 1740) в книге «Деньги заменяют всё» (1734) и Джозеф Гаррис (1702—1764), мастер королевского монетного двора, в «Опыте о деньгах и монетах» («An Essay Upon Money and Coins», 1757—1758). Гаррис утверждал, что банки «вполне приемлемы», пока они «не выпускают банкноты без реального обеспечения драгоценными металлами», но если они увеличивают кредит сверх этого предела, это вызовет инфляцию и в конечном счете поставит под угрозу доверие к самим банкам.

Если бы Смит пошел по стопам своих предшественников, его авторитет и высокая репутация, возможно, привели бы к фундаментальной реформе системы частичного банковского резервирования. Однако в своем стремлении преобразовать всю денежную теорию в духе теории долгосрочных трудовых производственных затрат Смит, к сожалению, отказался от количественной теории и использования механизма «цены — переток звонкой монеты» при рассмотрении бумажных денег. Одобрив институт частичного кредитного резервирования, он тем самым вновь направил экономическую мысль по роковому ложному пути. Не считая такой кредит инфляционным, Смит предвосхитил один из главных аргументов в пользу бумажных денег, который приводят вплоть до сего дня: золото и серебро — «мертвый запас», который ничего не приносит; банки, заменяя драгоценные металлы своими банкнотами, «позволяют стране превращать большое количество этого мертвого запаса в активный и продуктивный капитал».

Более того, Адам Смит до такой степени вдохновился бумажными деньгами, что уподобил их достижения воображаемому прямому пути по воздуху:

Золотые и серебряные деньги, находящиеся в обращении страны, можно с полным правом сравнить с шоссейной дорогой, которая, содействуя передвижению и доставке на рынок всего сена и хлеба страны, сама по себе не производит ни одного снопа или вязанки. Благоразумные банковские операции, создавая... своего рода воздушный путь, дают стране возможность как бы превращать большую часть ее дорог в хорошие пастбища и хлебные поля и таким образом весьма значительно увеличивать годовой продукт ее земли и труда. <С. 330.>

Адам Смит не сумел понять, что запас золота и серебра отнюдь не был «мертвым» <с. 330>; напротив, он выполнял важнейшую функцию денежного товара, который в числе прочего страхует каждого члена общества от инфляции бумажных денег, запускаемой государством или банками. Другими словами, золотой запас выполняет функцию «средства сбережения», а это Смит совершенно упустил из виду. Отрицательное отношение Смита к драгоценным металлам как к «мертвому запасу» объясняется также тем, что он считал деньги не товаром, который слу-

жит средством обмена, а чем-то вроде чека, знака, «ваучера на покупку». Французский экономист Шарль Рист совершенно справедливо критикует эту концепцию «мертвого запаса» и ее влияние на последующие поколения:

Эта идея была подхвачена с исключительной охотой и встретила высокое одобрение... В XIX в. она доминировала в английской экономической литературе. Убеждение в том, что использование металлических денег — это отсталая и дорогостоящая система, которой следует препятствовать всеми возможными способами, прочно укоренилось в английских теориях денег и банковского дела. Использование чеков и банкнот долгое время рассматривалось исключительно с этой точки зрения. Эти два инструмента считались просто средством экономии на деньгах, а сама идея стала руководящим принципом денежной политики страны, и из него были сделаны самые опасные выводы²⁹.

16.8. МИФ О LAISSEZ FAIRE

Если Адам Смит не привнес ничего ценного в экономическую мысль, если он на самом деле внедрил в нее многочисленные ошибки, включая трудовую теорию ценности, и тем самым значительно снизил уровень этой экономической мысли по сравнению с предшествовавшими французскими и британскими экономистами XVIII в., то внес ли он вообще что-либо положительное в экономическую науку? Чаше всего на этот вопрос отвечают так: «Богатство народов» имело скорее политическое, чем теоретическое значение; великая заслуга Смита состояла в том, что он взял на себя руководство пропагандой свободной торговли, свободного рынка и laissez faire. В действительности Адам Смит был выразителем господствующих политико-экономических идей своего времени. По словам Йозефа Шумпетера, «те, кто превозносил работу Смита как составившее эпоху подлинное достижение, имели в виду прежде всего политические меры, которые он отстаивал». Взгляды Смита, добавил Шумпетер, «не были непопулярными. Они были в моде». В заключение Шумпетер принципиально заметил, что в своих эгалитарных убеждениях Смит был по преимуществу «благоразумно умеренным» руссоистом: «Ему казалось, что все человеческие существа одинаковы по своей природе, что все они одними и теми же простыми способами реагируют на элементарные стимулы, что различия между людьми объясняются главным образом различиями в среде и воспитании»³⁰.

В предложенном Шумпетером объяснении широкой популярности Смита³¹ — а именно что деятельность Смита была созвучна духу времени — есть доля истины, но оно не позволяет понять, каким именно образом Смит «сорвал банк», заслонив собой всех предшествовавших и современных ему экономистов. Эту загадку мы будем разгадывать в следующей главе. Тайна безоговорочного триумфа Смита только усугубляется,

когда мы осознаем, что он отнюдь не был идейным основоположником *laissez faire*: как мы видели, он просто принадлежал к традиции XVIII в., которая пользовалась влиянием в Шотландии, и особенно во Франции. Почему же экономисты-предшественники, значительно превосходившие Смита как теоретики и тоже причастные идеям *laissez faire*, были столь быстро забыты?³²

Величайшим достижением Смита традиционно считалось объяснение того, каким образом участники свободного рынка с помощью его механизма действуют на благо потребителей, преследуя собственную выгоду. В самом, вероятно, известном своем пассаже Смит утверждал, что человек

скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах. <С. 77.>

В другом не менее известном месте Смит излагает общие принципы этого вопроса:

И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. ...направляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной ценностью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения. <С. 442—443.>

Затем Смит благоразумно советует не принимать всерьез заявления о служении «общественному благу»:

общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества. <С. 443.>

Критики *laissez faire* прицепились к выражению «невидимая рука» и обвинили Смита в том, что он начал свой анализ с мистического и поэтому явно ненаучного априорного допущения, согласно которому Про-

видение «невидимой рукой» манипулирует людьми на благо каждого. На самом же деле Смит просто сделал из своей теории и из общей теории свободного рынка апостериорное заключение, что преследование личных интересов на рынке способствует интересам всех. А такое же преследование личных интересов в государственной сфере, напротив, не приводит к гармоничному и счастливому исходу; Смит сознавал опасные последствия государственной политики, которая создает монополии и предоставляет привилегии группам особых интересов. Будучи религиозным человеком, Смит просто выражал вполне оправданное удивление гармонизирующим воздействием свободного рынка, и его выражение «невидимой рукой» было просто метафорой, которая неявно подразумевала оговорку «словно».

При всей несомненной важности процитированных выше пассажей они вряд ли дают основание считать Смита приверженцем *laissez faire*. Прежде всего, Смит отошел от безоговорочной позиции естественного права, которую сформулировал в этической работе «Теория нравственных чувств» (1757). В этой книге свободное взаимодействие индивидов приводит к возникновению гармоничного природного порядка, который вмешательство государства может только исказить и нарушить. Напротив, в «Богатстве народов» *laissez faire* не является непреложным правилом, а приобретает вид допущения, снабженного рядом оговорок; природный же порядок становится несовершенным и может соблюдаться лишь «в большинстве случаев». Именно этот шаг назад по вопросу *laissez faire* немецкие ученые и назовут «Проблемой Адама Смита».

Действительно, список исключений для *laissez faire* у Смита на удивление велик. Скажем, преданность милитаризму национального государства побудила Смита выступить апологетом возникшего в Новое время опасного убеждения, оправдывающего любое государственное вмешательство, которое имеет видимость «защиты национальной безопасности». Основываясь на этом убеждении, Смит одобрил законы о судоходстве, этот бастион британского меркантилизма, и систематическое субсидирование морских перевозок. Одна из оговорок относительно разделения труда состояла в том, что оно приводит к упадку «воинского духа»; Смит пространно рассуждает об упадке этого духа в последние времена и о том, как важно его восстановить и поддерживать: «Безопасность каждого общества должна всегда в большей или меньшей степени зависеть от воинского духа широкой народной массы» <ср. с. 726>. Желание видеть, как государство укрепляет этот дух, привело Смита еще к одному существенному отклонению от принципа *laissez faire*: он выступал за обязательное государственное образование. Важная задача последнего, считал он, состоит еще и в том, чтобы прививать народу привычку повиновения; такой подход никак нельзя назвать либеральным или совместимым с *laissez faire*. Смит писал:

Помимо того, образованный и просвещенный народ всегда более воспитан и более склонен к порядку, чем народ невежественный и тупой. Каждый человек в отдельности чувствует себя более достойным уважения и способным встречать уважение со стороны выше его стоящих и потому сам бывает более расположен уважать их. Такой народ.. не так легко увлечь в легкомысленную и ненужную оппозицию мероприятиям правительства. <С. 727.>

Помимо законов о судоходстве и государственного образования Смит одобрял следующие формы государственного вмешательства в экономику:

- регулирование выпуска банкнот, включая объявление вне закона банкнот низкого номинала, — после разрешения частичного банковского резервирования;
- общественные проекты — дороги, мосты, гавани — на том основании, что у частного бизнеса «не будет стимула» поддерживать такие объекты в надлежащем состоянии (!?);
- государственная чеканка монет;
- государственная почтовая служба — на том простом основании (которое вызовет горький смех у современного читателя), что это прибыльное дело (!);
- обязательное строительство брандмауэров;
- обязательная регистрация закладных на недвижимость;
- некоторые ограничения экспорта зерна;
- объявление вне закона выдачи заработной платы натурой; все выплаты должны производиться в денежном виде.

Помимо этого Адам Смит привел особенно длинный список налогов, каждый из которых ограничивал свободу рынка. Прежде всего, Смит проторил путь для Генри Джорджа и «единого налога»: предложил ввести повышенные налоги на не возделанную землю, тем самым выразив свою неприязнь к землевладельцам. Кроме того, он выступил за умеренные налоги на изделия иностранных мануфактур и за налоги на экспорт необработанной шерсти, чем породил сильные сомнения в его преданности свободе международной торговли.

Кальвинистское отвращение к роскоши проявилось в предложении ввести высокие налоги на предметы роскоши. В частности, Смит предлагал повысить дорожные сборы за перевозку предметов роскоши по сравнению с обычными грузовыми фургонами и таким образом взимать налог с «лености и тщеславия богатых» <с. 677>. Пуританское неприятие крепких спиртных напитков побудило Смита призвать к высокому налогу на винокурню, дабы повести борьбу против крепких напитков и приучить людей пить «полезные и укрепляющие напитки, каковы пиво и эль» <с. 823>. Однако благосклонность Смита к пиву и элю оказалась весьма ограниченной, поскольку он также предложил налог на рознич-

ную продажу всех таких алкогольных напитков, чтобы воспрепятствовать размножению маленьких пивоварен. В довершение всего Смит считал необходимым хорошенько подоить богатых с помощью прогрессивного подоходного налога.

Вероятно, самым вопиющим отступлением Смита от принципа *laissez faire* была его неуклонная приверженность жестким законам против ростовщичества; в этом вопросе Смит оказался полной противоположностью Кантильона и Тюрго, которые выступали против таких законов. Смит, конечно, не хотел принадлежать к той средневековой традиции, которая запрещала вообще всякий кредит под проценты. Вместо этого он предложил установить потолок процентной ставки в 5%, чуть выше того процента, который требовали у надежных заемщиков: «...цену, которая обычно уплачивается за пользование деньгами лицами, могущими представить наиболее верное обеспечение» <с. 362>. Логика Смита диктовалась его неприятием, о чем мы уже говорили, временных предпочтений свободного рынка между потреблением и сбережением. Движимый кальвинистской враждебностью к потреблению предметов роскоши, Смит хотел, чтобы экономика больше склонялась к «производительному труду» вложения капитала и меньше к потреблению. С помощью принудительного установления процентных ставок ниже уровня свободного рынка Смит рассчитывал направить кредит в честные руки надежных заемщиков и перекрыть доступ к кредиту для спекулянтов и «расточительных» потребителей. По словам профессора Уэста, Смит осуждал кредитование «мотов и прожектеров», которое позволяло «растрачивать на праздную жизнь то, что предназначалось для поддержки трудолюбивых». Тем самым установление потолка процентной ставки, отмечает Уэст, «должно было перераспределить кредит в наиболее производительные руки».

Уэст, сторонник свободного рынка и в целом не критически благосклонный к Смицу, затем, однако, говорит, что в данном случае Смит допустил странную непоследовательность, поскольку не учел, что установление регулирования цен приведет к значительному сокращению кредита. Здесь Уэст вторит блестящей работе «В защиту ростовщичества» Иеремии Бентама. Будучи последователем Смита, Бентам тем не менее обвиняет наставника в непоследовательности, когда тот выступает за свободный рынок. Правда, как отмечает профессор Гаррисон в своем комментарии на Уэста, Смит прекрасно понимал, что делает. Призывая государство к перенаправлению кредита «в самые производительные руки» <ср. с. 362, третий абзац>, Смит *сознательно хотел* создать нехватку кредита для потребителей и спекулянтов и таким способом направить кредит в руки благоразумных, сторонящихся риска бизнесменов. По мнению Гаррисона,

главную цель регулирования кредита Смит видел не в снижении стоимости кредита. Он хотел ограничить объем средств, доступных для займов определенных категорий, и его антиростовщическая схе-

ма для этого хорошо подходила. Смит указывает, что правительству ссужают деньги под 3%, а надежным бизнесменам под 4—4,5%. Только «моты и прожектеры» <ср. с. 362; англ. prodigals and projectors>, люди, более всего склонные «растрачивать и уничтожать» <с. 362> капитал, согласны брать кредит под 8—10%. Поэтому Смит и предложил верхний предел ставки в 5%. Эта мера была направлена не на то, чтобы моты и прожектеры могли получать деньги дешевле, а на то, чтобы они вообще не имели доступа к кредиту. Эти средства должны были попасть в руки тех, кто больше думает о будущем.

Иными словами, Смит хорошо понимал, что низкий потолок ставки не создаст выгоды для тех, кто готов платить более высокие проценты. Он понимал, что законы против ростовщичества вообще закроют кредит для таких заемщиков, и именно к этому стремился. Поскольку Смит фактически признавал идеалом нулевое временное предпочтение (вневременное предпочтение своего «беспристрастного наблюдателя»), то, заключает Гаррисон, «нетрудно понять, каким образом этот стандарт нулевого временного предпочтения вкупе с осознанием безусловно положительных временных предпочтений побудили Смита рекомендовать ту самую политику, которую Уэст находит удивительной. Смит стремился перераспределить ресурсы, изъять их у настоящего и направить в будущее...»³³

Может быть, самый главный вопрос таков: как примирить предполагаемую ключевую роль Смита в качестве поборника свободной торговли и *laissez faire* с его 12-летней службой в должности комиссара шотландской таможни, который должен был пресекать деятельность контрабандистов, нарушавших вездесущие меркантилистские законы Британии и уклонявшихся от уплаты пошлин? Рассматривал ли он свою службу как синекуру? Явно нет. Недавние исследования показывают, что свои обязанности главного надзирателя за соблюдением меркантилистских законов и уплатой пошлин Смит выполнял добросовестно и ревностно. Может быть, ему не хватало денег? Опять же нет, поскольку при своей известности он вполне мог бы получать не меньше на высоком посту в университете³⁴. Испытывал ли они угрызения совести? Безусловно нет, поскольку не только относился к своей работе с энтузиазмом, но демонстрировал исключительную бдительность и настойчивость к тому, чтобы все правила по части обременительных ограничений и пошлин соблюдались в полной мере.

Эдвин Уэст, давний почитатель Смита, которого он зачисляет в приверженцы *laissez faire*, предпочитает думать, что Смит вошел в ряды высшего таможенного начальства как практический сторонник свободной торговли с целью устранить или хотя бы облегчить таможенное бремя шотландской экономики. Однако Андерсон и его соавторы возражают: «Если бы Смит действительно стремился ликвидировать приносимые пошлинами экономические издержки, то самой эффективной стратегией на уровне его должностных обязанностей было бы максимальное снижение эффективности надзорного аппарата. Но Смит этого не сделал»³⁵. На-

против, Смит не проявил никакого понимания социально-экономической ценности теневой экономики и старинной британской традиции контрабанды. Он делал все возможное для того, чтобы меркантилистские законы и меры действовали с наибольшей эффективностью, и никак не использовал свое высокое положение для содействия переменам в пользу свободной торговли. Более того, его самое важное «новаторское предложение» на посту комиссара состояло в принудительном складировании всех поступающих импортных товаров; это сильно упростило бы таможенным чиновникам инспекцию и учет товаров — в ущерб контрабандистам, международной торговле и национальной экономике. По словам Андерсона, «Смит предложил реформу, которая с большой вероятностью увеличила бы издержки экономики от взимания таможенных пошлин». Наконец, служебная корреспонденция Смита на посту комиссара не выявляет никакого желания уменьшить пошлины и ограничения. Напротив, преобладающим чувством, видимо, была гордость за пресечение операций контрабандистов и, соответственно, увеличение доходов государства. В декабре 1785 г. он писал коллеге по таможне:

469

Вам, сударь, полагаю, приятно будет узнать, что чистый доход от таможни в Шотландии увеличился как минимум вчетверо по сравнению с тем, каким он был 7—8 лет назад. Он быстро рос в последние 4—5 лет, а доходы этого года по меньшей мере вдвое выше, чем в самом доходном году из этих прошлых лет. Лыщу себя надеждой, что он и впредь будет расти³⁶.

Ну вот, приехали! И *такое* написал признанный сторонник *laissez faire!*?

16.9. О НАЛОГООБЛОЖЕНИИ

В течение столетий экономисты уделяли мало внимания и придавали мало значения вопросу налогообложения. Если не считать описания форм налогообложения, они обычно рассматривали этот предмет с точки зрения государства как благожелательного или не очень благожелательного деспота, который стремится максимально увеличить свои доходы, причиняя при этом минимум вреда экономике. Позиции разных школ отличались в деталях, но общий подход оставался одним и тем же. Так, камералисты (см. главу 17) были искренне заинтересованы лишь в росте государственных доходов — как и французские абсолютисты. Более либеральные экономисты советовали правителям держать налоги на менее высоком уровне, чем было принято.

Более либеральные экономисты стремились четко разграничить функции, которые должно и которые не должно выполнять государство. При вынесении за скобки различных видов государственного вмешательства упор, при прочих равных, делался на снижении общего уровня го-

сударственного налогообложения и государственных расходов. Однако никаких уточняющих рекомендаций эти экономисты не давали. Если, например, как предлагал Смит, государство должно финансировать общественные проекты, то *сколько* нужно на это выделять и сколько можно истратить? Применительно к общему уровню расходов и уровню налогообложения никаких признанных критериев фактически не существовало.

Более подробно разбирался вопрос о *распределении* бремени налогообложения. Если исходить из некоего произвольно принятого допущения, что *общий объем* налогообложения должен составлять величину *T*, то самым дискуссионным вопросом было распределение этой величины *T*. Кратко говоря, две главные проблемы налогообложения формулировались так: *сколько* налогов нужно собрать, и *кто* будет их платить? Значительно большее внимание уделялось второму вопросу.

Однако ни один ответ не был достаточно удовлетворительным, поскольку обычно давался как бы от лица разбойника с большой дороги или рабовладельца, который заинтересован выжать из своих жертв как можно больше, а жалоб получить в ответ как можно меньше. Во Франции в XVIII в. сформировались две основные налоговые схемы: 1) пропорциональное налогообложение дохода или имущества и 2) как предлагали маршал Вобан, а потом физиократы, единый налог на землю и доходы из четко установленного источника, которые определены, постоянны и поэтому легко доступны для государственного учета.

Изложенная в «Богатстве народов» концепция налогообложения Адама Смита стала, как и прочие его «достижения», классическим ориентиром для последующей экономической мысли, но, подобно прочим доктринам Смита, оказалась очередной смесью банальностей и ошибок³⁷. Так, Смит перечислил четыре «канона» «очевидной справедливости и пользы» <с. 763> налогообложения, которые с тех пор считаются нормой. Три из них совершенно банальны: уплата налогов должна быть как можно более удобной для плательщика; затраты на сбор налогов должны быть минимальными, поскольку государство несколько не обогащается за счет налогоплательщиков; налоги должны быть четко установленными, а не произвольными³⁸.

Первым в списке Смита стоит самый важный «канон»: налог должен быть пропорционален доходам. А именно:

Подданные государства должны по возможности соответственно своей способности и силам участвовать в содержании правительства, т.е. соответственно доходу, которым они пользуются под покровительством и защитой государства. <С. 761.> Расходы правительства по отношению к отдельным лицам, составляющим население большой нации, подобны расходам большого поместья, которые все обязаны пропорционально своим интересам в имени⁽³⁾.

Начнем с того, что эта формулировка безнадежно смешивает и фактически отождествляет два разных критерия справедливости или обо-

снованности налогообложения: принцип «способности платить» и принцип «выгоды». Смит утверждает, что способность людей платить налоги пропорциональна доходу, а получаемые от государства выгоды распределяются столь же пропорционально. Однако он никак не обосновывает эти сомнительные тезисы.

Но совсем не очевидно, что относительная способность платить (как бы ее ни определять) пропорциональна доходу. Как, например, учитывать относительное богатство человека (по сравнению с его доходом), его расходы на медицинское обслуживание и прочие нужды? Так или иначе, ясно одно: Адам Смит не представил никаких обоснований этого утверждения.

Еще более сомнительно предположение, что выгоды, которые человек получает от государства, пропорциональны доходу данного человека. Каким именно образом богатые по сравнению с бедными могут в силу своего богатства пропорционально получать выгоду от государства? Это было бы верно лишь при условии, что государство *само создает* их богатство с помощью субсидий, пособий и т.д., т.е. с помощью тех или иных особых привилегий. Но если особых привилегий нет, тогда каким образом богатые могут получать выгоду пропорционально своему доходу? Уж конечно, не путем перераспределения, с помощью которого государство берет деньги у богатых и отдает их чиновникам и беднякам; в этом случае выгоду получают эти последние, а богатые страдают. Так кто же должен оплачивать *такую* выгоду богатых? Чиновники и бедняки? А выгоду, предоставляемую полицейской защитой и государственными школами? Ясно, что у богатых гораздо больше возможностей заплатить за частное пользование такими услугами; поэтому от государственных расходов на полицию и школы богатые получают *меньше*, чем средний класс и тем более бедняки.

Не спасает концепцию Смита и такое допущение: поскольку, например, А наживает впятеро больше денег, чем В, он поэтому получает от «общества» впятеро больше выгод и, соответственно, должен платить впятеро больше налогов. Сам факт, что А зарабатывает в пять раз больше, чем В, свидетельствует, что услуги А, оказываемые им *лично*, стоят на рынке в пять раз больше, чем услуги В. И поскольку А и В имеют одинаковые выгоды от существования общества, более логично противоположное допущение: разница между доходами А и В возникла в силу более высокой продуктивности А, и «общество», если его вообще можно считать ответственным за что-либо конкретное, может отвечать лишь за их одинаковый базовый <core> доход, который ниже уровня итоговой разницы. Отсюда следует, что оба эти лица, а потому и все прочие лица, должны платить равный налог, т.е. налог, одинаковый в абсолютном исчислении.

Наконец, какие бы претензии на доходы людей ни предъявляло общество, оно — разделение труда, совокупность знаний и культуры — ни в каком отношении не тождественно государству. Государство никак не способствует разделению труда в производственных процессах, передаче знания и прогрессу цивилизации. Поэтому чем бы каждый из нас

ни был обязан «обществу», государство может претендовать на роль заместителя всех общественных отношений в стране не больше, чем та или иная общественная группа.

16.10. ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Das AdamSmithProblem» относится лишь к одному из многочисленных и загадочных противоречий в творчестве Адама Смита: к огромному разрыву между «Теорией нравственных чувств» с ее идеями природных прав и *laissez faire* и более поздним и неизмеримо более влиятельным «Богатством народов», наполненным многочисленными оговорками.
2. В статье «Благодарности Адама Смита», проливающей свет на это важное обстоятельство, профессор Салим Рашид пишет: «Шумпетер утверждает, что в ту эпоху это [отсутствие ссылок на источники] было общепринятой практикой. Это неверно. Если мы заглянем в некоторые книги, цитируемые в «Богатстве народов», такие, например, как «Трактаты» Чарльза Смита о торговле или «Мемуары» Джона Смита о шерсти, мы увидим, что они скрупулезно фиксируют свои интеллектуальные долги. Если говорить о современниках Смита, то хорошо известно, с какой тщательностью делал ссылки Гиббон; то же самое можно сказать и о самом видном во времена Смита авторе, писавшем о сельском хозяйстве, Артуре Янге» (Salim Rashid. "Adam Smith's Acknowledgements: Neo-Plagiarism and the Wealth of Nations", *Journal of Libertarian Studies*, 9 (Autumn 1990), p. 11).
3. Первый и наиболее последовательный пересмотр значения Смита был предпринят в двух статьях Эмиля Каудера, первая из которых на год опередила книгу Шумпетера: Emil Kauder, "The Retarded Acceptance of the Marginal Utility Theory", *Quarterly Journal of Economics* (Nov. 1953), pp. 564—575; "Genesis of the Marginal Utility Theory: From Aristotle to the End of the Eighteenth Century", in J. Spengler and W. Allen (eds), *Essays in Economic Thought* (Chicago: Rand McNally and Co., 1960), pp. 277—287. Однако версия Шумпетера пользовалась гораздо большей известностью.
4. К сожалению, с середины 1970-х гг. в связи с празднованием 200-летнего юбилея выхода книги Смита наметилось контрревизионистское течение, стремящееся восстановить агиографическое отношение к Смигу, которое преобладало до 1950-х гг. См. наш библиографический экскурс ниже.
5. Новые сведения о работе Смита на таможне, основанные на исследовании подлинников протоколов заседаний совета таможенных комиссаров за 1778—1790 гг., а также многочисленных писем Смита к портовым сборщикам пошлин, содержатся в важной статье: Gary M. Anderson, William F. Shughart II and Robert D. Tollison, "Adam Smith in the Customhouse", *Journal of Political Economy*, 93 (August 1985), pp. 740—759.
6. Сетования по поводу отчуждения начались в «Опыте истории гражданского общества» (1767), главном труде друга Смита, Адама Фергюсона. Однако похожая тема встречается уже в неопубликованных лекциях Смита 1763 г. в Глазго. О влиянии Фергюсона см.: M. H. Abrams, *Natural Supernaturalism* (New York: W.W. Norton, 1971), pp. 220—221, 508.

7. Цит. по: Ronald Hamowy, “Adam Smith, Adam Ferguson, and the Division of Labour”, *Economica* (August 1968), p. 253.
- (1). Здесь и далее страницы указаны по изданию: *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 2007. — *Прим. изд.*
8. Edwin Cannan, *A History of the Theories of Production and Distribution in English Political Economy From 1776 to 1848* (2nd ed., London: P. S. King & Son, 1903), pp. 23—24.
9. *Ibid.*, p. 24.
10. Ingrid Hahne Rima, *Development of Economic Analysis* (3rd ed., Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1978), p. 79.
11. Edwin G. West, *Adam Smith* (New Rochelle, NY: Arlington House, 1969), p. 173.
12. См. также: Nathan Rosenberg, “Adam Smith on Profits — Paradox Lost and Regained”, *Journal of Political Economy*, 82 (Nov./Dec. 1974), pp. 1187—1189.
- (2). М. Ротбард ошибочно приписал эти слова А. Смиту. В действительности эти слова принадлежат И. Бентаму и взяты из «Постскриптума» к его сочинению «В защиту ростовщичества». Скорее всего, Ротбард позаимствовал эту цитату из статьи Т. У. Хатчисона, в которой она приводится точно в таком же виде: Т. W. Hutchison, “Bentham as an Economist”, *Economic Journal* (June, 1956), pp. 292—293. Хатчисон отмечает, что эти слова принадлежат И. Бентаму и в качестве источника ссылается на с. 196—198 первого тома трехтомного собрания экономических сочинений И. Бентама: *Jeremy Bentham's Economic Writings. Critical edition based on his printed works and unprinted manuscripts*, by W. Stark, in 3 vols (London: Allen & Unwin, 1952). К сожалению, этот постскриптум пока не переведен на русский язык, ср.: *Бентам И. В защиту ростовщичества // Этика процента: Джон Локк и Иеремия Бентам о природе ссудного процента и его регулировании*. Челябинск; М.: Социум, 2019. — *Прим. изд.*
13. J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), pp. 324—325 <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 428>.
14. Мы не можем выдвинуть в защиту Смита то соображение, что он изложил концепцию редкости/изобилия в лекциях и поэтому не видел необходимости повторно излагать ее в «Богатстве народов». Ведь при жизни Смита эти лекции не публиковались и оставались неопубликованными почти до начала XX в.
15. Paul H. Douglas, “Smith’s Theory of Value and Distribution”, in J. M. Clark et al., *Adam Smith, 1776—1926* (Chicago: University of Chicago Press, 1928), p. 80.
16. Emil Kauder, “Genesis of the Marginal Utility Theory from Aristotle to the End of the Eighteenth Century”, in Spengler and Allen, *op. cit.*, note 3, p. 282. См. также: H. M. Robertson and W. L. Taylor, “Adam Smith’s Approach to the Theory of Value”, in *ibid.*, pp. 293—294.
17. Основоположителем трудовой теории ценности нередко называют великого английского либерального политического теоретика Джона Локка (1632—1704), но это неверно. Во-первых, Локк рассуждал не об образовании цен, а совсем о другой проблеме. Он главным образом продвигал идею частной собственности на землю для первоначальных гомстедеров, которые изымают не используемую землю из общего владения посредством «приложения своего труда» к земле. Это трудовая теория надлежащего возникновения част-

- ной собственности, а не трудовая теория ценности. Во-вторых, Локк стремился показать относительно малое значение земли (изначально, видимо, общинной) по сравнению с важностью человеческой энергии и производственной деятельности в определении ценности продуктов и ресурсов. Локк предлагает представить разницу между необработанным участком общинной земли и возделанным участком, который благодаря вложенному труду стал производить потребительские блага. Локк совершенно прав, когда высоко оценивает вложение человеческой энергии, которое в данном случае означает создание и использование средств производства, а также «труд» в современном узком смысле. Человеческая энергия, или «труд» в широком смысле, действительно имела принципиальное значение в продвижении от крайней нужды и варварства к современной цивилизации. Но это отнюдь не «трудовая теория ценности» в смысле определения цены.
18. Следуя Смиту и поясняя его, Рикардо утверждал, что «оценка труда различных качеств скоро устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью». А Маркс заявил, что «различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей». Цит. по: Douglas, *op. cit.*, note 15, p. 82n. <Русские переводы цитируются по следующим изданиям: *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2007. С. 89; *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. : 2-е изд. Т. 23. С. 53>.
  19. Douglas, *op. cit.*, note 15, p. 95. Не менее проникательный Александр Грей придерживается того же мнения: «Через посредство Рикардо его [Смита] теория издержек производства и акцентирование труда как источника всякой ценности стали одним из краеугольных камней марксистской системы. Давно ясно, что научный социализм появился в результате доведения до логического конца классической английской политической экономии» (Alexander Gray, *Adam Smith* (London: The Historical Association, 1948), p. 24).
  20. Douglas, *op. cit.*, pp. 102—103.
  21. H. M. Robertson and W. L. Taylor, “Adam Smith’s Approach to the Theory of Value”, in Spengler and Allen, *op. cit.*, note 3, p. 301.
  22. Более подробная критика приводится при изложении теории Мальтуса (глава 17).
  23. Jacob Viner, *Studies in the Theory of International Trade* (New York: Harper & Bros, 1937), p. 87.
  24. Adam Smith, *Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms* (1896, New York: Kelley & Millman, 1956), p. 197.
  25. Так, в сборнике, в целом посвященном апологии Адама Смита, Дуглас Виккерс пишет: «Что касается теории денег, то “Богатство народов” никак не заслуживает высокой оценки. В нем теория денег занимает одну из низших точек в амплитуде своего длительного исторического развития. По обе стороны рубежа 1776 г. мы находим более глубокий анализ и более обстоятельное обоснование» (Douglas Vickers, “Adam Smith and the Status of the Theory of Money”, in A. Skinner and T. Wilson (eds), *Essays on Adam Smith* (Oxford: The Clarendon Press, 1975), p. 484). См. также: W. L. Taylor, *Francis Hutcheson and David Hume as Predecessors of Adam Smith* (Durham, NC: Duke University Press, 1965), p. 132.

26. Frank Petrella, "Adam Smith's Rejection of Hume's Price-Specie-Flow Mechanism: A Minor Mystery Revealed", *Southern Economic Journal*, 34 (Jan. 1968), pp. 365—374.
27. Профессор Игли, собиравшийся, видимо, реабилитировать Смита в качестве сторонника схемы Юма, любопытным образом показывает как раз обратное: «Начнем с того, что Смит признавал существование международного паритета покупательной способности денежных металлов... Всякий раз, когда и где местная цена звонкой монеты отличается от международного паритета покупательной способности, немедленно начинается перемещение денежного металла. Таким образом, для отдельной страны мировой спрос на драгоценные металлы представляется бесконечно эластичным в плане их цены в пересчете на товары. Любое небольшое отклонение внутренней товарной цены драгоценных металлов от международного паритета немедленно приводит к их экспорту (или импорту)». Иными словами, Смит полностью сосредоточен на долгосрочном равновесии и вообще не учитывает <переходные> процессы. См.: Robert V. Eagly, "Adam Smith and the Specie-Flow Doctrine". *The Scottish Journal of Political Economy*, 17 (February 1970), p. 64. Блумфилд, вторя Игли в своей апологии Смита, восхваляет вдобавок актуальность Смита, который якобы предвосхитил неомонетаристскую теорию экономического равновесия Роберта Манделла. См.: Arthur I. Bloomfield, "Adam Smith and the Theory of International Trade", in Skinner and Wilson, op. cit., note 25, pp. 478—480. Салерно в целом тоже следует за Игли, но отмечает непоследовательность Смита и его сосредоточенность на долгосрочном равновесии. См.: J. T. Salerno, "The Doctrinal Antecedents of the Monetary Approach to the Balance of Payments" (doctoral dissertation, Rutgers University 1980), pp. 196—208. У <Wu> в своей в целом превосходной работе признает, что «Смит ничего не говорил о посредствующем механизме», но затем странным образом утверждает, что поскольку Смит использовал идеи Юма в своих лекциях, то «никак не мог совершенно исключить концепцию Юма из своего знаменитого труда». Прикоробный пример неудержимого стремления получить нужный ответ, толкающего автора к «априорной истории». См.: Chi-Yuen Wu, *An Outline of International Price Theories* (London: George Routledge & Sons, 1939), pp. 82—83.
28. См.: Eagly, op. cit., pp. 62, 66—68; Salerno, op. cit., pp. 208—211.
29. Charles Rist, *History of Monetary and Credit Theory: From John Law to the Present Day* (1940, New York: A. M. Kelly, 1966), p. 85.
30. Schumpeter, op. cit., note 13, pp. 184—186 <Шумпетер. Указ соч. С. 236, 237—238>.
31. Ibid., p. 181.
32. Как отмечает Шумпетер, принцип свободного рынка и естественного права, согласно которому «свободное взаимодействие индивидуумов создает не хаос, а упорядоченную систему, которая устанавливается логически закономерным образом... был вполне четко сформулирован раньше, например Гроцием и Пуфендорфом» (Ibid., p. 185 <Там же. С. 236>).
33. Критикуя Смита, Гаррисон отмечает: «Проект Смита по увеличению богатства был... обречен на провал, но нет никаких доказательств того, что сам Смит это понимал... В реальности кредитный контроль способен лишь снизить выгодность межвременного обмена. Индивиды могут, скажем, предпочесть получить одну единицу потребительского блага сейчас, чем две или даже пять

- единиц через год. Если такое предпочтение запрещено выражать на рынке, тогда богатство нации в пересчете на существующую ценность, т.е. дисконтированное на уровне, соответствующем предпочтению индивидуумов в реальном времени, действительно уменьшится». См.: Roger W. Garrison, "West's 'Cantillon and Adam Smith': A Comment", *The Journal of Libertarian Studies*, 7 (Autumn 1985), pp. 291—292. См. также: Edwin G. West, "Richard Cantillon and Adam Smith: A Reappraisal" (неопубликованная рукопись), pp. 22—23.
34. См.: G. M. Anderson et al., "Adam Smith in the Custom House", *Journal of Political Economy*, 93 (August 1985), p. 751 n.
35. Anderson et al., op. cit., note 34, pp. 752—753.
36. Smith to George Chalmers, 22 December 1785, in Ernest C. Mossner and Ian S. Ross (eds), *The Correspondence of Adam Smith* (Oxford: The Clarendon Press, 1977), letter 251, pp. 289—290. Цит. по: Anderson et al., op. cit., note 34, p. 754.
37. В концепции Смита заметно влияние его учителя Хатчесона и его друга Генри Хоума, лорда Кеймса. Возможно, на Смита оказали влияние «Трактат о налогах» («Tratto de' tributii...», 1743) Карло Антонио Броджа (1683—1763) и «Размышления о политической экономии» (1771) графа Пьетро Верри («Meditazione sull' economia politica», 1728—1797). Броджа был неаполитанцем и, по-видимому, купцом; Верри происходил из Милана и служил там сначала в австрийской, а потом во французской администрации.
38. Хотя эти «каноны» представляются банальными, они никоим образом не самоочевидны. Критический анализ см. в: Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy* (Menlo Park, Calif.: Institute for Humane Studies, 1970), pp. 102—103 <Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск; М.: Социум, 2019. С. 207—209>.
- (3). В цитате, приведенной М. Ротбардом, последнее предложение выглядит следующим образом: «The expense of government to the individuals of a great nation, is like the expense of a great estate, who are all obliged in proportion to respective interests to the estate». У А. Смита это предложение выглядит так: «The expense of government to the individuals of a great nation, is like the expense of *management to a joint tenants of a great estate, who are all obliged to contribute* in proportion to *their* respective interests to the estate» («Расходы правительства по отношению к отдельным лицам, составляющим население большой нации, подобны расходам по управлению большим поместьем, принадлежащим нескольким владельцам, которые все обязаны участвовать в них соответственно своей доли в имении» <с. 761>). Курсивом выделены слова, отсутствующие в цитате, приведенной Ротбардом. — Прим. изд.

ГЛАВА 17

РОСТ РЯДОВ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ СМИТА

17.1. «БОГАТСТВО НАРОДОВ» И ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ

Вопреки общепризнанному мнению, «Богатство народов» отнюдь не ожидал мгновенный триумф. Среди ведущих британских журналов того времени «Annual Register» ограничился кратким и довольно прохладным отзывом, а «Gentleman's Magazine» вообще обошел книгу молчанием. В самом влиятельном журнале, «Monthly Review», она встретила двойственное отношение. В течение десяти лет после выхода «Богатство народов» не цитировалось ни в одной работе по экономике, и до 1783 г. о книге не упоминали в парламенте. Только в 1780-х гг. книга начала приобретать широкую известность.

К 1789 г. «Богатство народов» выдержало уже пять изданий. С 1783 по 1800 г. члены парламента 37 раз ссылались на авторитет Смита. Известный английский философ Иеремия Бентам (1748—1832), сын богатого юриста, объявил себя ревностным учеником Смита. Однако в своей первой работе по экономике он проявил достаточно смелости, чтобы упрекнуть своего наставника за то, что тот, будучи сторонником свободного рынка, непоследовательно поддерживал законы против ростовщичества. В очерке «В защиту ростовщичества» (1787) Бентам указал, что законы против ростовщичества приводят к сокращению кредита. Он подчеркнул, что ростовщичество имеет статус преступления без потерпевшего, а потому вообще не является преступлением. В другой работе, посвященной нравственности и законодательству, он писал: «Ростовщичество, которое — если оно есть преступление — есть преступление, совершаемое с согласием, т.е. с согласием стороны, предполагаемой терпящего, может заслуживать место в каталоге преступлений только тогда, когда согласие было получено или неправильно, или несвободно: в первом случае ростовщичество совпадает с присвоением посредством обмана; во втором случае — с вымогательством»⁽¹⁾. Таким образом, в двух последних случаях достаточно обычного законодательства, наказывающего принуждение и обман, и никакие дополнительные законы против ростовщичества не нужны.

В сочинении «В защиту ростовщичества» Бентам впервые в Британии приходит к мысли, что главной причиной процента является временное предпочтение. Так, кредитование он называет «обменом денег сегодня

на деньги в будущем»⁽³⁾, бережливого человека определяет как того, кто имеет «решимость пожертвовать настоящим ради будущего»⁽⁴⁾. Также Бентам сознает, что к чистому проценту добавляется премия за риск, пропорциональная риску, который, по мнению кредитора, сопутствует конкретной ссуде.

Некоторые биографы Смита повторяют легенду о том, что «В защиту ростовщичества» будто бы побудила Смита занять более рыночную позицию по вопросу кредитования, но подтвердить это фактами невозможно. Кроме того, легенда противоречит всему, что нам известно об упрямстве Смита. Один шотландский друг написал Бентаму, что Смит якобы сказал некоему третьему лицу, что высоко ценит «Защиту» и ничего не имеет против той оценки, которую ему, Смиту, дал Бентам. Из этого друг Бентама заключил, что Смит, «видимо, признал твою правоту». Получив это сообщение, нетерпеливый Бентам тут же написал Смиту и спросил, действительно ли ему, Бентаму, удалось превратить Смита в противника законов о ростовщичестве. Однако Смит получил письмо уже фактически перед самой смертью и успел только послать Бентаму экземпляр «Богатства народов». Всего этого, конечно, очень мало, чтобы можно было говорить об отказе Смита от прежней позиции.

17.2. ВЛИЯНИЕ ДУГАЛЬДА СТЮАРТА

Лекции Адама Смита обратили купцов Глазго в сторонников свободной торговли, но главным источником его влияния стало «Богатство народов». Реальное начало триумфальному движению последователей Смита положил Дугальд Стюарт (1753—1828). Его отцом был Мэтью Стюарт, профессор математики Эдинбургского университета. В 1785 г. Дугальд сменил своего учителя Адама Фергюсона на посту профессора этики в Эдинбурге. Стюарт создал себе репутацию главного ученика Смита и после смерти наставника стал его первым биографом; в 1793 г. он прочитал в Королевском обществе Эдинбурга мемуар «Описание жизни и сочинений Адама Смита» («Account of the Life and Writings of Adam Smith»). Однако в то время Британия билась в конвульсиях контрреволюционной истерии, настоящего Белого террора, по отношению к Французской революции и связанным с нею либеральным взглядам. Соответственно, в своей биографической записке Стюарт старался быть предельно осмотрительным и избегать любых спорных тем — таких как необходимость свободного рынка.

Стюарт был чрезвычайно плодовитым автором, а также прекрасным и ярким оратором, но предпочитал выдерживать свои лекции и сочинения в умеренной манере, приемлемой для сильных мира сего. Так, в 1794 г. он отказался от прежних похвал видному французскому стороннику *laissez faire*, близкому другу и биографу Тюрго, Мари Жану Николя де Карита, маркизу де Кондорсе (1743—1794): этот революционер-жи-

рондист стал слишком неудобной персоной. Кроме того, в своих лекциях Стюарт не забывал превозносить британскую политическую систему.

На рубеже столетий, когда контрреволюционная истерия утихла, Стюарт почувствовал себя спокойнее и в книгах и лекциях стал излагать свои подлинные либеральные взгляды. Так, в 1799—1800 гг. он в дополнение к общим лекциям по этике начал читать лекции по политической экономии и продолжал это делать вплоть до своей отставки в 1810 г. Лекции 1800 г. были опубликованы лишь в 1855 г. под названием «Лекции по политической экономии» («Lectures on Political Economy»).

После ухода великого Томаса Рейда, основателя философской школы «здравого смысла», с должности профессора этики в Глазго и его смерти десятилетием позже Дугальд Стюарт стал самым видным философом Великобритании. Оксфорд и Кембридж по-прежнему пребывали в глубоком упадке. Поскольку война закрыла возможности для свободного посещения континентальной Европы, среди молодых одаренных студентов по всей Британии возникла мода приезжать в Эдинбург учиться у Дугальда Стюарта.

В этой обстановке Стюарт, провозгласивший себя ревностным последователем Смита, смог в первое десятилетие XIX в. прочно привлечь и обратить в свою веру целый ряд будущих экономистов, писателей и политиков. В их числе были Джеймс Милль, Джон Мак-Куллох, граф Лодердейл, Кэнон Смит, Генри Брум, Фрэнсис Хорнер, Фрэнсис Джеффри и виконт Пальмерстон. Таким образом, Стюарт оформил экономическую теорию как самостоятельную учебную дисциплину и готовил людей, которым предстояло стать авторами теоретических текстов, публицистами, редакторами и журналистами. Характерным представителем его незаурядных слушателей был Фрэнсис Хорнер (1778—1817). Он родился в Эдинбурге в семье торговца и в университете учился у Стюарта. По возвращении из Англии Хорнер в 1799 г. записался на новый «специальный курс» Стюарта по политической экономии, где изучал «Богатство народов» и с интересом читал Кондорсе и Тюрго. Он был настолько впечатлен идеями Тюрго, что хотел перевести его сочинения на английский язык. Вскоре после этого Хорнер стал адвокатом, переехал в Лондон и в 1806 г. был избран в Парламент.

Вдохновленные Стюартом студенты, Сидней Смит, Генри Брум, Фрэнсис Джеффри и Фрэнсис Хорнер, в 1802 г. основали «Edinburgh Review» — новое научное периодическое издание вигов, призванное прививать образованной публике идеи свободы и *laissez faire*. Этот виковский журнал был единственным экономическим журналом в Великобритании и в качестве такового пользовался большим влиянием¹.

Однако последние десять лет преподавательской деятельности Стюарта стали последним всплеском шотландского интеллектуального доминирования в Великобритании. Над Шотландским Просвещением быстро сгущались тучи. Прежде всего, агрессивная реакция тори на либеральные идеи вигов во время войны с Францией чувствовалась в Шот-

ландии гораздо сильнее, чем в Англии. В долгосрочной перспективе более важным оказалось энергичное возрождение воинствующего евангелического протестантизма, который в начале XIX в. захлестнул Европу, а затем Соединенные Штаты. Либеральные, умеренные и даже деистические взгляды, распространявшиеся в Западном мире во второй половине XVIII в., были отнесены на периферию возрождавшимся христианством. В результате в Шотландии произошла интеллектуальная контрреволюция; будучи направленной против умеренного крыла пресвитерианской церкви, она очистила шотландские факультеты этики и теологии от умеренных, скептических и светских настроений. Смита и Хатчесона теперь задним числом обвинили в «рафинированном язычестве», а с восстановлением жесткого теологического контроля над преподаванием этики шотландские университеты утратили свое первенство в Британии и быстро деградировали если не в теологическом, то в интеллектуальном плане. В таком университетском климате не могли выжить ни либеральная социальная философия, ни политическая экономия.

В результате интеллектуальное лидерство перешло от Шотландии к Англии и на значительное время было вообще утрачено университетскими кругами. Поскольку английские университеты по-прежнему не проявляли благосклонности к новой дисциплине политической экономии, центр экономической мысли переместился теперь из шотландских университетов в среду английских бизнесменов, публицистов и государственных служащих. Этот сдвиг иллюстрировался тем символическим фактом, что хотя «Edinburgh Review» продолжал выходить еще несколько десятилетий, а его штаб-квартира оставалась в Эдинбурге, три из четырех его редакторов очень скоро переехали в Англию. Одним из них был сравнительно рано умерший Фрэнсис Хорнер. Приехав в Лондон как адвокат, он быстро стал членом Парламента от вигов, а его компетентность в денежных вопросах позволила ему в 1810 г. стать председателем известного комитета по слиткам, которому предстояло решительно выступить в защиту твердых денег. Там он тесно сотрудничал с Давидом Рикардо. В первом номере «Edinburgh Review» Хорнер опубликовал свою рецензию на известную работу о деньгах Генри Торнтонна, а в следующем — очень важную статью лорда Кинга. Хорнер состоял в главных клубах вигов в Лондоне — Короле клубов и Бруксе, членом которых был и Давид Рикардо. Кроме того, у Хорнера и Рикардо были общие научные интересы, и оба они состояли в совете лондонского Геологического общества.

Еще одним примером утечки умов из Шотландии в Англию могут служить два одаренных молодых шотландца, которые учились у Стюарта и впоследствии стали видными лидерами британской экономической науки. Джеймс Милль (1773—1836) был сыном шотландского башмачника, учился у Стюарта, а потом стал пресвитерианским священником с правом читать проповеди. Не имея возможности получить приход при возрастающем влиянии воинствующих кальвинистов в Шотлан-

дии, Милль был вынужден перебраться в Лондон, где стал редактором «Literary Journal». В конце концов, Милль устроился в лондонскую контору Ост-Индской компании, что позволило ему в свободное время заниматься экономическими и философскими исследованиями. Более молодой Джон Рассей Маккуллох (1789—1864), учившийся у Стюарта в последние годы его преподавания, писал статьи в журналы «The Scotsman» и «Edinburgh Review» и организовал курсы лекции по экономической теории. Несмотря на свои очевидные достоинства, он не смог устроиться в шотландский университет и переехал в Лондон, где преподавал политическую экономию в недавно созданном Лондонском университете. Но после четырех лет преподавания Мак-Куллох всю оставшуюся жизнь работал в Англии на посту финансового контролера, а помимо этой работы писал труды по экономике.

Одним из положительных последствий возглавленного Стюартом распространения учения Смита в Великобритании было подавление конкурировавшего с «политической экономией» направления «политических арифметистов». «Политические арифметисты, или сборщики статистики», как презрительно называл их Стюарт, представляли собой альтернативную экономическую школу, возникшую на базе работ сэра Уильяма Петти (1623—1687) и его последователей в конце XVII в. Арифметисты в целом отвергали классический метод дедукции экономических законов на основе общего изучения человеческой деятельности и экономики. Вместо этого они, в духе Бэкона, тщетно пытались извлекать теоретические обобщения из разношерстных статистических данных. Плохо представляя законы свободного рынка и контрпродуктивную природу государственного вмешательства, арифметисты тяготели к меркантилизму и британскому шовинизму, проповедуя экономическое превосходство своей отчизны. Вот эту школу и ликвидировали сторонники Смита. Начало положил сам Смит, заявивший в «Богатстве народов»: «Я не верю в политическую арифметику», — а потом подключился Стюарт, который предпринял уже методологическую критику этой мнимой «научной» школы мысли. Он писал: «Собранные статистическом факты — это всего лишь *частные результаты*, и у других людей редко бывает возможность подтвердить или опровергнуть их; эти данные... не содержат никакой важной информации». Иными словами, в противоположность воспроизводимым количественным данным естественных наук статистика человеческой деятельности — это просто перечни конкретных не воспроизводимых событий, но не проявление постоянно действующего закона природы. На этом основании Стюарт заключил: «Вместо того чтобы с помощью политической арифметики проверять выводы политической экономии, в большинстве случаев разумнее прибегать к политической экономии для проверки странностей политической арифметики».

Таким образом, начиная с 1790-х гг. Адам Смит целиком и полностью господствовал в экономической мысли Британии. Как мы увидим ни-

же, в атмосфере множившихся позиций и взглядов все главные фигуры в Британии, от Бентама до Мальтуса и Рикардо, считали себя верными последователями Смита и нередко пытались систематизировать и прояснять явно путаную и во многом противоречивую позицию своего наставника.

17.3. МАЛЬТУС И ОСУЖДЕНИЕ ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТИ

Одним из первых экономистов-смитианцев и в течение двух десятилетий единственным профессором политической экономии в Англии был преподобный Томас Мальтус (1766—1834). Мальтус происходил из графства Суррей и родился в семье уважаемого и состоятельного юриста, принадлежавшего к мелкопоместному дворянству. В 1788 г. он закончил кембриджский Колледж Иисуса с отличием по математике, а через пять лет стал его преподавателем. В том же году Роберт Мальтус стал младшим священником прихода, в котором родился.

Казалось, Мальтусу уготована спокойная жизнь священника, но в 1804 г. он женился, и у него один за другим появились трое детей. Через год после женитьбы Мальтус стал первым профессором истории и политической экономии в Англии, в новом колледже Ост-Индской компании в Хэйлбери, и занимал этот пост до самой смерти. Всю жизнь он оставался последователем Смита и стал близким другом (хотя и не последователем) Давида Рикардо. Единственным заметным его расхождением с доктриной Смита была, как мы увидим, протокейнсианская тревога по поводу мнимого недопотребления во время экономического кризиса после завершения Наполеоновских войн.

Но Мальтус, конечно, представлял собой нечто гораздо большее, чем просто последователя Смита; широкую известность и вместе с тем дурную славу он приобрел, будучи еще бакалавром. «Опыт о законе народонаселения» сделал Мальтуса всемирно известным как врага перенаселенности.

До Мальтуса экономисты, в той мере, в какой они обращались к этому вопросу, почти единодушно одобряли рост населения. Значительное и растущее население считалось признаком процветания и двигателем прогресса. Единственным исключением, как мы видели, был итальянский абсолютистский теоретик конца XVI в. Джованни Ботеро; он первым предупредил, что рост населения будет постоянной опасностью, поскольку предела ему нет, а средства к существованию прибавляются очень медленно. Но Ботеро жил накануне быстрого экономического роста, общего повышения народонаселения и уровня жизни; поэтому его мрачные предсказания были быстро отвергнуты современными ему и последующими мыслителями. Напротив, абсолютисты и меркантилисты обычно приветствовали рост населения по той причине, что он уве-

личивал количество рабочих рук, необходимых для обеспечения нужд государственного аппарата и армии.

Даже те мыслители XVIII в., которые считали, что население имеет тенденцию к неограниченному росту, странным образом одобряли это явление. Именно такую позицию занял Бенджамин Франклин (1706—1790) в своих «Наблюдениях касательно увеличения человечества и населения стран» («Observations Concerning the Increase of Mankind and the Peopling of Countries», 1751). Вождь физиократов Мирабо в известном сочинении «Друг человека, или Трактат о народонаселении» («L'Ami des Hommes ou traite de la population», 1756) хотя и сравнивал размножение людей с размножением крыс (люди будут размножаться вплоть до исчерпания средства к существованию, как «крысы в амбаре»), но при этом одобрял такое фактически беспредельное размножение. Большое население, утверждал он, есть благо и источник богатства, и именно потому, что люди будут размножаться как крысы в амбаре, пока им хватает еды, следует всячески поощрять развитие сельского хозяйства и производство продуктов питания. Метафору «крыс в амбаре» Мирабо заимствовал у Кантильона, но, к сожалению, оставил без внимания его хорошо продуманную и прозорливую концепцию «оптимального народонаселения», предполагавшую, что люди будут гибко соотносить количество населения с уровнем жизни и их неэкономические ценности помогут им решать, на какие компромиссы они могут пойти, выбирая между несколько большим населением и меньшим населением при более высоком уровне жизни.

Однако коллега Мирабо, лидер физиократов Франсуа Кенэ, сумел внушить ему пессимистический взгляд на последствия предполагаемого неограниченного роста населения для уровня жизни. Адам Смит, ориентир Мальтуса в экономической теории, в свойственной ему путаной и противоречивой манере ухитрился снабдить Мальтуса всеми основаниями для пессимизма, но при этом остаться оптимистическим сторонником большого и растущего народонаселения. С одной стороны, Смит считал, что люди будут размножаться до тех пор, пока не опустятся на уровень прожиточного минимума, — основная мысль Мальтуса. С другой — он утверждал, что «самым бесспорным свидетельством процветания всякой страны служит возрастание численности ее населения»⁽¹⁾.

Примерно в то же самое время, когда Адам Смит впал в противоречие и заложил основу для истеричного пессимизма Мальтуса, на сцену неожиданно вступил аббат Антонио Дженовези, первый профессор экономики в континентальной Европе (Неаполитанский университет); он предложил совершенно иной подход к проблеме народонаселения. В «Лекции по гражданской экономике» («Lezione di economia civile», 1765) этот прекрасный теоретик, рассуждавший в категориях полезности и ценности, вслед за Кантильоном пришел к идее «оптимального» народонаселения. При любых данных условиях, указывал он, население

может быть либо слишком большим, либо слишком маленьким для оптимального «счастья», или уровня жизни.

Заняться проблемой народонаселения Роберта Мальтуса побудили дружеские споры с его отцом Дэниелом, сквайром из Суррея. Дэниел мыслил немного радикально, поскольку находился под влиянием утопических и даже коммунистических идей того времени. Он был другом и большим почитателем французского радикала Жан-Жака Руссо.

1790-е годы ознаменовались вспышкой Французской революции, и именно в это десятилетие идеи свободы, равенства, утопии и революции витали в воздухе. Одним из наиболее популярных и радикальных сочинений в Англии было «Исследование о политической справедливости» («Enquiry Concerning Political Justice», 1793) Уильяма Годвина (1756—1836); некоторое время в Англии все только и говорили об этой книге. Годвин происходил из рода священников-диссентеров и одно время сам был таким священником, но потом порвал с церковью, выбрав путь радикального теоретика и писателя. В своей утопической вере в способность человека к совершенствованию он в целом сходил с видным французским философом и математиком Кондорсе, чье возвышенное восхваление оптимизма и прогресса, «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» («Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain», 1794), было, что весьма показательно, написано незадолго до ареста и казни Кондорсе, когда он скрывался от якобинского террора. Однако эти два оптимиста значительно отличались друг от друга. Кондорсе, близкий друг Тюрго и почитатель Адама Смита, был индивидуалистом и либералом, убежденным сторонником свободного рынка и прав частной собственности. А Уильям Годвин был первым в мире анархокоммунистом, причем анархокоммунистом сознательным. Он жестко критиковал государственное принуждение, но столь же враждебно относился к частной собственности. Вместе с тем в отличие от таких анархокоммунистов XIX в., как Бакунин и Кропоткин, Годвин не считал допустимым принуждение во имя анархического «безвластия» со стороны коммуны или коллектива. Он считал, что частную собственность нельзя экспроприировать насильно: люди, полностью используя свой разум, должны добровольно и альтруистично отдать всю свою собственность первому встречному. Этот принцип добровольного самоотречения, реализованный путем совершенствования человеческого разума, должен привести к полному равенству без частной собственности. В своем волюнтаризме Годвин, таким образом, оказался предтечей сразу двух течений мысли XIX в., — тоталитарного коммунизма и индивидуалистического анархизма.

Годвин по-своему ценил блага индивидуальной свободы и свободного общества ничуть не меньше, если не больше, чем Кондорсе. Он был убежден, что население никогда не перейдет пределы, ограниченные запасами продовольствия: «В природе человеческого общества заключен принцип, благодаря которому все тяготеет к сохранению на своем уров-

не и осуществлению самым удобным образом, когда в наименьшей мере сдерживается внешним принуждением».

Маркиз де Кондорсе тоже вполне разумно не беспокоился о чрезмерном росте населения, который мог бы повредить либеральной и рыночной «утопии», уготованной, по его мысли, человечеству. Он не испытывал беспокойства, поскольку считал, что наука, технология и свободный рынок обеспечат огромный прирост средств к существованию, а разум убедит людей ограничить население таким количеством, которое без труда можно прокормить. Однако Уильям Годвин не удовлетворялся столь рассудочным подходом к проблеме. Напротив, он, предвосхищая Мальтуса, в первую очередь тревожился о том, что рост населения всегда оказывает такую нагрузку на ресурсы, что уровень жизни тяготеет к прожиточному минимуму. Вместе с тем он верил в своего рода скачок, который совершат новый годвиновский человек и институты, где возобладает «разум». Торжество разума позволит человеку властвовать над своими страстями в такой мере, что сексуальное влечение постепенно затухнет, а укрепление здоровья сделает человека бессмертным. Тогда род человеческий будет состоять из бессмертных и вечно стареющих взрослых — утопия, которая представляется совсем уж вздорной:

Поэтому люди... перестанут, наверное, размножаться. Население будет состоять из одних взрослых и останется совсем без детей. Поколения не будут сменять друг друга, а истина не будет начинать свою карьеру каждые тридцать лет в какой-то мере заново... Не станет войн, преступлений, отправлений правосудия, как это называется, и не будет никакого государства. Каждый человек будет с несказанным рвением служить благу всех.

О том, что из-за роста населения уровень потребления якобы постоянно стремится к прожиточному минимуму, Уильям Годвин узнал из книги «Различные перспективы человечества» (1761) шотландского пресвитерианского священника Роберта Уоллеса (1697—1771), который изобразил в ней утопическое государство будущего. Идеалом Уоллеса было всемирное тоталитарное коммунистическое государство, установившее принудительное равенство и ликвидировавшее частную собственность. Всем детям полагалось полное государственное обеспечение. Ложкой дегтя в бочке меда, змеем-искусителем, становился рост населения. При замечательных условиях всемирного коммунизма население будет расти настолько быстро, что реальной перспективой, считал Уоллес, станут нищета и голод:

При совершенном государственном устройстве все сложности, связанные с обзаведением семьей, будут устранены до такой степени, о детях будут так хорошо заботиться, и все будет настолько способствовать росту населения, что... человечество несказанно умножится. В результате земля окажется переполненной и не сможет более со-

держат столь многочисленных обитателей... Не хватит даже места, чтобы всех их похоронить.

Отсюда следует, что утопический коммунизм неминуемо ведет в тупик.

Уильям Годвин вполне разделял рассудочное беспокойство Уоллеса по поводу роста населения, но нашел достаточно экстравагантное решение: отмирание полового влечения решит проблему Уоллеса и приведет к торжеству эгалитарного анархокоммунизма.

Дэниел Мальтус был как раз таким человеком, на которого утопия Годвина могла произвести впечатление, и он много дискутировал со своим сыном Робертом о «Политической справедливости» Годвина, о втором ее издании (1796) и вышедшем затем сборнике статей Годвина «Вопрощатель» (1797). Роберт решил написать книгу, не оставляющую камня на камне от всех этих утопических фантазий, и задумал использовать угрозу перенаселения как непреодолимую скалу, о которую неминуемо разобьются все подобные фантазии. В результате в 1798 г. вышло первое издание книги Мальтуса «Опыт о законе народонаселения в связи с будущим совершенствованием общества», которая сразу же привлекла большое внимание и вызвала противоположные оценки. При жизни Мальтуса она выдержала пять изданий, принесла ему прозвище «Мальтус-людоед», и положила начало многословной и горячей дискуссии.

В книге Мальтуса нет почти ничего нового по сравнению с тем, что двумя столетиями раньше сказал Джованни Ботеро или, если иметь в виду данный вопрос, тем, что утверждал Роберт Уоллес. Как и у Ботеро, все улучшения жизненных стандартов в конечном итоге напрасны, поскольку приводят к незамедлительному и чрезвычайно сильному давлению роста населения на средства к существованию. Опять же, такое механическое наращивание населения может быть ограничено лишь «положительными ограничителями» — войнами, голодом, эпидемиями; их дополняет менее эффективный «превентивный» ограничитель — снижение рождаемости из-за постоянного недоедания («превентивный, или отрицательный, ограничитель»). К модели Ботеро Мальтус добавил лишь одно: сомнительное математическое уточнение, согласно которому население имеет тенденцию «удваиваться каждые 25 лет, т.е. растет в геометрической прогрессии», тогда как «средства к существованию увеличиваются в арифметической прогрессии».

Не сразу становится понятно, почему в эпоху совместного роста населения и *одновременно* уровня жизни об антипопуляционной истерии Ботеро совершенно справедливо никто не вспоминал, а Мальтус, писавший именно в эту эпоху, так расшевелил западный мир. Первая причина, несомненно, заключалась в том, что Мальтус энергично и дерзко позиционировал себя как противника чрезвычайно популярных сочинений Годвина, а также идеалов Французской революции. Второй же причиной послужило то, что ко времени выхода книги Мальтуса британские

интеллектуалы и образованная публика все больше отворачивались от Французской революции в атмосфере реакции и продолжавшейся войны с Францией. Мальтус исключительно удачно вписался в самый последний поворот духа эпохи. Был еще и третий момент, объяснявший внезапную известность Мальтуса: налет мнимой «научности», которую его теории придавали цифры. Ведь в ту эпоху модели человеческого поведения и его изучения все больше искали в математике и «точных» естественных науках.

А цифры Мальтуса были, безусловно, крайне сомнительными. Ни одна из приведенных им пропорций не имела никакого обоснования. Нелепое механистическое убеждение, согласно которому люди, если им не препятствовать, будут размножаться как дрозофилы, невозможно подкрепить выводами из допущения «двукратного умножения каждые 25 лет». Так, по Мальтусу, выходило, что

при любом данном населении мира, скажем 1000 млн, род человеческий будет умножаться в прогрессии 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, 512 и т.д., а средства к существованию — в прогрессии 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и т.д. Через два с четвертью столетия население будет соотноситься со средствами к существованию в пропорции 512 к 10.

Еще через несколько столетий разрыв будет стремиться к бесконечности. Все это совершенно недоказуемо, особенно если обратиться к реальной демографической ситуации, которая в большинстве стран Европы до Промышленной революции оставалась более или менее стабильной в течение столетий. Еще более бездоказательна «арифметическая прогрессия», в связи с которой Мальтус просто исходит из того, что прирост продуктов питания будет линейным и равномерным от десятилетия к десятилетию.

Единственная попытка Мальтуса обосновать свои пропорции на редкость неубедительна. С гордостью отметив свою осведомленность в «опытных данных», Мальтус указал, что население колоний Северной Америки долгое время росло в геометрической прогрессии, удваиваясь каждые 25 лет. Но этот пример никак не может служить иллюстрацией ужасного опережающего роста населения по сравнению с «арифметическим увеличением» количества продовольствия. Ибо, как совершенно справедливо отметил Эдвин Кеннан, «это население нужно было кормить, и, следовательно, годовое производство продуктов питания тоже должно было расти в геометрической прогрессии». Иными словами, пример Мальтуса ничего не доказывает. Кеннан добавляет, что в 6-й главе «Опыта» Мальтус «видимо, в какой-то мере осознал это возражение против его рассуждения» и попытался ответить на него в специальном примечании, где писал: «В такого рода случаях силы земли, похоже, бывают совершенно достаточны для удовлетворения всех потребностей в пище, какие человек может предъявить земле. Но мы совершим ошибку,

если на этом основании предположим, что население и продукты питания действительно всегда растут в одинаковой пропорции». Однако поскольку в данном случае именно это и произошло, Мальтус явно упустил из виду, что в этом примечании второй тезис прямо противоречит первому².

Таким образом, пессимистический взгляд Мальтуса на судьбу человечества резко расходился с оптимизмом почитаемого им Адама Смита, а также Годвина. Ведь если неумолимый рост населения всегда и везде разрушает всякую надежду на поддержание уровня жизни вышежиточного минимума, то результат плачевен не только для коммунистической или эгалитарной утопии. Он обещает столь же мрачные перспективы и рыночному обществу, как его представляли себе Смит и, гораздо более связно, Кондорсе. К сожалению, в понятном желании опровергнуть теоретические основы эгалитарного коммунизма Мальтус вместе с водой выплеснул и ребенка, т.е. представил в слишком черном цвете гораздо более рациональные «утопические» прогнозы относительно свободного общества и частной собственности, предложенные Смитом, и в особенности Кондорсе.

Мальтус без труда разделался с нелепым предположением Годвина об исчезновении секса, которое якобы решало проблему перенаселенности. Однако его возражения в адрес Кондорсе были гораздо менее убедительны. Этот утонченный французский аристократ подчеркивал, что в его оптимизме по поводу либерального будущего важную роль играет регулирование рождаемости. Если современные неомальтузианцы с энтузиазмом предлагают не только такой контроль, но и разрешение стерилизации и аборт как методы планирования семьи, то консервативный Мальтус с ужасом отвергал любой намек на подобные меры, в которых видел только «порок». Предложения Кондорсе Мальтус отвергал, расценивая их

либо как внебрачное сожительство, которое не способствует деторождению, либо... как нечто столь же противоестественное. Устранение трудности таким путем, несомненно, по мнению большинства людей, окажется... губительным для той добродетели и чистоты нравов, которая, как утверждают сторонники равенства и совершенствования человека, и составляет главную цель их стремлений.

Это остроумное замечание было бы совершенно уместно в адрес Годвина, но едва ли применимо к Кондорсе, для которого «чистота нравов» вряд ли была чем-то первостепенно важным.

Так или иначе, Мальтус не питал особых надежд по поводу будущего человечества. В качестве практической меры он рекомендовал, например, постепенно отменять законы о бедных и, в частности, ликвидировать само представление о *праве* бедных на государственную поддержку.

В общем и целом можно считать вполне заслуженной уничижительную оценку «Опыта», данную Шумпетером. Мальтус, писал он, считал, что

численность населения неизбежно возрастала быстрее, чем средств существования, и что это было причиной наблюдаемой нищеты. Геометрические и арифметические прогрессии, которым Мальтус, как и другие авторы, придавал немалое значение, равно как и другие его попытки добиться математической строгости — это всего лишь ошибочные формы выражения его точки зрения, которые можно здесь опустить, отметив, что нет никакого смысла в том, чтобы пытаться сформулировать независимые «законы» поведения двух взаимозависимых величин. Работа в целом демонстрирует прискорбно низкий уровень владения анализом и почти глупа по содержанию³.

Годвин фактически пришел к такому же заключению, правда не сразу. В конце концов, он ведь не был ученым, не занимался теорией народонаселения и не мог адекватно отреагировать на книгу Мальтуса. Годвину понадобилось 20 лет, чтобы тщательно изучить проблему и убедительно опровергнуть своего идейного противника. В работе «О народонаселении» он пришел к обоснованному заключению, что рост населения — это отнюдь не злой призрак, поскольку со временем производство продовольствия повысится, а рождаемость снизится. Проблему решат наука и технология, а также благоразумное ограничение рождаемости.

К сожалению, Годвину крайне не повезло со временем. К 1820 г. стареющий Годвин был забыт в Великобритании — вместе с утопией и даже с Французской революцией. Его превосходное опровержение почти никто не прочитал и никто на него не отозвался, а Мальтус продолжал возвышаться над всеми как пророк, сказавший последнее слово по вопросу народонаселения.

«Опыт» Мальтуса приобрел мировую известность, а поскольку Годвин и Кондорсе, как полагал Мальтус, больше не могли ему помешать, он решил теперь посвятить несколько лет настоящему изучению проблемы народонаселения. Как ни удивительно, второе издание «Опыта» 1803 г. (на котором основаны все последующие издания) было совершенно другой работой. Книга Мальтуса представляет собой один из тех редких случаев в истории экономической мысли, когда второе издание полностью противоречит первому.

Второе издание вобрало в себя плоды исследований Мальтуса, проведенных во время поездок по Европе. Наполненное обильной статистикой, новое издание по объему оказалось втрое больше первого, но это следует считать наименее значительным отличием. Ибо если в первом издании «превентивный ограничитель» был малоэффективным и в целом «порочным» способом решения, то теперь Мальтус ввел дополнительный отрицательный, или превентивный, ограничитель, такой, который не подразумевал ни порочности, ни нищеты и вместе с тем открывал реальную возможность снизить или даже вовсе устранить постоянное давление народонаселения на средства к существованию. Таким ограничителем стало «нравственное самоограничение», т.е. целомудрие и воздержание от слишком раннего брака; оно было добродетельным, а не «порочным»,

поскольку не подразумевало ни внешнего контроля над рождаемостью, ни «распущенного сладострастия» или иных «недостойных действий» в какой-либо форме. «Нравственное самоограничение» стало теперь для Мальтуса «самым сильным» ограничителем из всех, более сильным, чем даже порок, нищета и недоедание в ряде прежде доминировавших «положительных ограничителей».

В результате люди больше не рассматривались как марионетки, полностью подвластные неодолимым мрачным силам; теперь они могли противостоять этим силам с помощью нравственного воздержания и нравственного самообучения. В первом издании Мальтус решительно выступал против любого увеличения досуга и роскоши в обществе, поскольку, как он считал, облегчение жизни приведет к ослаблению понуждающих факторов, которые заставляют человека, по природе вялого и ленивого, упорно трудиться и добиваться максимальной производительности. Однако теперь его позиция изменилась. Мальтус пришел к выводу, что если бедные будут жить так, как средний класс, и, следовательно, приобретут «вкус к удобствам и жизненному комфорту», они с большей вероятностью станут практиковать нравственное воздержание ради сохранения такого образа жизни. Как теперь писал Мальтус, «широкое распространение роскоши и удовольствий в массах... представляется поэтому самым предпочтительным».

В качестве другой реформы нравственности, отвечающей его новой позиции, Мальтус предложил, чтобы люди ограничивали число детей путем заключения брака в более зрелом возрасте. При таком нравственном воздержании, считал он, отпадет всякая необходимость в двух крайне неприятных ограничителях — пороке и нищете. Александр Грей поясняет этот пункт со свойственными ему пронизательностью и остроумием:

Вопреки расхожему представлению о мальтузианстве Мальтус ограничивается тем, что советует нам не слишком торопиться вступать в брак. В первую очередь он обращается к своим читательницам, которым, «если они с достаточной решимостью постановят выйти замуж в 27—28 лет», желательно и должно подождать до этих пор, «какое бы нетерпение ни проявляли их возможные женихи». Это голос дорогого и доброго дядюшки, а вовсе не того монстра, за которого так часто и ошибочно принимают Мальтуса. Однако, как обычно бывает с советами дядюшки в таких вопросах, совет Мальтуса бьет мимо цели: ведь даже если выйти замуж в 28 лет, все равно вполне хватит времени для того, чтобы наплодить целую ораву детей⁴.

Как ни удивительно, новая позиция Мальтуса недалеко ушла от превознесения его противником Годвином «добродетели, благоразумия и чувства собственного достоинства» как средств сдерживания роста населения. Освободившийся от нелепого постулата умерщвления сексуального влечения Годвин был ныне отмщен, и Мальтус, видимо, под-

спудно согласился с ним, поскольку убрал опровержение Годвина и Кондорсе (которые к тому времени были забыты) с титульного листа второго издания.

К сожалению, однако, Мальтус никогда открыто не признал изменение позиции Годвина, который справедливо сетовал, что Мальтус заимствовал его главные мысли без указания их автора или хотя бы признания перемены своего собственного мнения. С 1803 г. Мальтус утверждал, что совершенно не изменил свое главное положение, а лишь уточнил и доработал его. Небольшие изменения вносились в текст по ходу дела, но своим произвольным числовым пропорциям Мальтус по-прежнему придавал большое значение. Изменения делались скрытно, а не открыто и честно. Так, во втором издании Мальтус со спокойной душой убрал внутренне противоречивое примечание, в котором он отрицал, что производство продуктов питания никогда не может расти в «геометрической прогрессии», т.е. в такой же пропорции, как население. Он фактически признал, что объем пропитания порой рос в геометрической прогрессии в «новых колониях», т.е. в Северной Америке. Вместе с тем теперь он свел свои самоуверенные утверждения к пророчеству — пророчеству, которое было опровергнуто уже при его жизни повышением жизненного уровня в Англии. Однако Мальтус продолжал утверждать, что приводимые им вычисления самоочевидны, хотя и соглашался, что невозможно высчитать, каким на самом деле будет уровень прироста «ничем не сдерживаемого» населения. В итоге, как справедливо замечает Кэннан, «“Опыт о законе народонаселения” в плане аргументированности оказывается совершенно несостоятельным и представляет собой лишь хаотическое нагромождение фактов, собранных для иллюстрации действия несущестующих законов»⁵.

Однако следует признать, что Мальтус сумел совершить хитрый тактический маневр: он снабдил свою теорию достаточным количеством оговорок и допущений, которые затуманивали суть дела. Он и его последователи получили возможность не отрекаться от ошибок первого издания, а если им на них указывали, осторожно отступить, прикрываясь оговорками и заявляя, что Мальтус предвидел и учел все мыслимые возражения. Мальтус мог оставаться на бескомпромиссной позиции первого издания, но мог, если нужно, отойти на более расплывчатую и потому менее уязвимую позицию второго. По словам Шумпетера, «новые формулировки позволили сторонникам Мальтуса вплоть до сего дня утверждать, что Мальтус предусмотрел и разъяснил практически все возможные возражения критиков». «Но это, — добавляет Шумпетер, — никак не отменяет того факта, что теория Мальтуса добилась лишь одного: она смогла организованно отступить, потеряв при этом всю артиллерию». К сожалению, ни адепты Мальтуса, ни даже многие из его пронизательных критиков не заметили данного обстоятельства. Таким образом, Мальтус и его последователи укрывались

под защитой теории, которую принципиально невозможно опровергнуть, каковы бы ни были факты. В крайнем случае они могли привести такой довод, который Шумпетер называет «вопиющей банальностью»: *если население всегда будет расти в геометрической прогрессии, а пропитание вообще не будет прирастать, тогда неизбежна чудовищная перенаселенность и нищета*⁶.

Итак, во втором издании Мальтус сделал трактовку изменений исключительно удобной для себя, и с этой трактовкой, к сожалению, молчаливо соглашались почти все его современники — и сторонники, и критики, — а также историки вплоть до недавнего времени. Большинство читателей Мальтуса были захвачены эмоциональностью и яркостью первого издания, и у них просто не было желания подробно читать гораздо более обширное и нудное второе. Новые материалы они воспринимали просто как эмпирическое подтверждение исходного тезиса Мальтуса. Даже вдумчивые читатели рассматривали нравственную воздержность всего лишь одним из отрицательных ограничителей, как уточнение основной теории.

Получив такую защиту и интерпретацию, ошибочный и противоречивый закон народонаселения Мальтуса одержал верх и, будучи с энтузиазмом принят Рикардо и его последователями, закрепился в британской классической экономической теории. Как мы увидим во втором томе, хотя Нассау Сениор на самом деле решительно опроверг Мальтуса, его преклонение перед Мальтусом позволило мальтузианству оставаться неотъемлемой частью экономической мысли по крайней мере формально. Это печальная история. Как пишет Шумпетер,

Учение Мальтуса, изложенное в его «Опыте», прочно закрепилось в системе экономической ортодоксии того времени, несмотря на то что уже к 1803 г. оно должно было быть признано принципиально несостоятельным или бесполезным... Учение Мальтуса стало считаться «правильным» взглядом на народонаселение... который можно было не принять только по невежественности или злонамеренности; это неотъемлемая часть набора вечных истин, которые следует соблюдать раз и навсегда. Возражающих можно было бы вразумить, если бы стоило тратить на это силы, но их нельзя принимать всерьез. Неудивительно, что некоторые люди, испытывавшие отвращение к этой презумпции, для которой было так мало оснований, начали ненавидеть эту «экономическую науку» совершенно независимо от классовых или партийных соображений. Это чувство во многом определило дальнейшую судьбу нашей науки⁷.

Триумф мальтузианского заблуждения, несомненно, сыграл важную роль в формировании общего мнения, с точки зрения которого экономическая наука представляет собой нечто холодное, бесчувственное, сугубо рассудочное и совершенно равнодушное к жизни и благополучию человека. Восприятие экономической науки как антигуманной дости-

гло кульминации в образе диккенсовского Скруджа, пародии на мальтузианца, разглагольствовавшего о том, что нищета и голод полезны для «уменьшения лишнего населения».

Во второй половине XIX в., пишет Шумпетер, «экономисты стали меньше интересоваться вопросом народонаселения, но редко упускали случай выразить свое почтение этому обветшавшему принципу». В первые десятилетия XX в., когда рождаемость в западных странах начала быстро снижаться, у экономистов вновь возник интерес к теории Мальтуса. «Простой смертный, — заметил Шумпетер с горькой иронией, — мог бы подумать, что падение коэффициента рождаемости... и быстрое приближение к стационарности населения должно успокоить волнения экономистов. Но такой смертный лишь показал бы, что ничего не знает об экономистах». В то самое время, как многие экономисты разделяли опасения Мальтуса, других тревожило прямо противоположное: «Пока одни из них еще забавлялись с мальтузианской игрушкой, другие уже заинтересовались новой. Лишенные удовольствия беспокоиться и нагонять страх на других людей в связи с грядущей перенаселенностью, они начали поднимать тревогу по поводу грядущего обезлюдения мира»⁸.

Действительно, в 1930-е гг. экономисты и политики стонали по поводу неминуемого «самоубийства народов» и снижения рождаемости. Как мы увидим, некоторые экономисты считали причиной падения рождаемости Великую депрессию, хотя рождаемость начала падать на несколько десятилетий раньше. Правительства, в частности французские, заботились о наличии достаточного количества пушечного мяса и всячески поощряли большие семьи. Потом, в 1960—1970-х гг., опять проявились истерические опасения по поводу перенаселенности, и раздались еще более громкие призывы добровольно или даже принудительно обеспечить нулевой прирост населения. Индия и Китай проводили эксперименты с принудительной стерилизацией и принудительными абортами. Характерно, что пик истерии в начале 1970-х гг. был достигнут *после* переписи 1970 г. в Соединенных Штатах, которая выявила значительное снижение рождаемости и тенденцию к стабилизации численности населения. В различных странах третьего мира также проявились признаки снижения рождаемости; произошло это через несколько десятилетий после снижения смертности благодаря внедрению западных методик в области здравоохранения и санитарии. Вновь все подтверждало, что привыкание людей к более высокому уровню жизни будет, видимо, побуждать к снижению рождаемости после того, как люди в течение поколения пожинали плоды снижения смертности. Численность населения действительно подстраивается под задачу сохранения желательного уровня жизни. Пожалуй, Годвин был прав, когда утверждал, что в условиях свободы индивидуумы в обществе и на рынке будут правильно решать, сколько детей им нужно иметь.

17.4. СОПРОТИВЛЕНИЕ И ТРИУМФ В ГЕРМАНИИ

В противоположность Великобритании немецкоязычные страны предсказуемо противились распространению идей Смита. В этих странах еще с конца XVI в. господствовал камерализм. Камералисты, название которых происходило от «Kammer», немецкого королевского казначейства, проповедовали крайнюю форму меркантилизма и даже еще больше, чем их западные коллеги, стремились укрепить власть государства и подчинить государственной бюрократии все области экономики и политики. Если меркантилистские авторы, как правило, были памфлетистами, стремившимися получить те или иные привилегии от государства, то в рядах камералистов состояли как чиновники, имевшиеся в 360 тиранических немецких государствах, так и университетские профессора, консультировавшие правителей и их чиновников на предмет повышения доходов и укрепления власти. По словам Элбиэна Смолла, для камералистов «цель любой социальной теории состояла в том, чтобы показать, как можно обеспечить благополучие государства. В государственном благополучии они видели источник всякого прочего благополучия. А ключом к государственному благополучию считалось получение доходов, удовлетворяющих потребности государства. Вся социальная теория представляла собой производное от центральной задачи — обеспечения государства необходимыми ему средствами»⁹.

Университетские камералисты писали пухлые тома, в которых перечисляли различные области экономики и планы государства в отношении этих областей. Камералисты с похвалой отзывались практически обо всех формах государственного вмешательства, кульминацию которого они порой представляли себе в виде военизированного государства, берущего на себя все социальное обеспечение. Их вряд ли можно назвать «экономистами», поскольку они не признавали существования объективных экономических законов, стоящих выше власти государства и способных аннулировать его планы.

Первым видным камералистом был сын мэра Страсбурга Георг фон Обрехт (1547—1612), ставший потом известным профессором права в местном университете. Лекции Обрехта были посмертно опубликованы (1617) его сыном. В следующем поколении столь же видное место занимал Кристоф Безольд (1577—1638); он родился в Тюбингене и стал весьма авторитетным профессором права в Тюбингенском университете. Безольд написал больше 90 книг, все по-латыни; наибольшее отношение к экономической теории имел «Краткий обзор политической теории» («*Synopsis politicae doctrinae*», 1623). Другим влиятельным камералистом начала XVII в. был Якоб Борниц (1570—1630), родом из Саксонии; он стал первым систематизатором фискальной политики и призывал к строгому государственному надзору над производством. Их младшим современником, который писал позже, в середине XVII в., был

Каспер Клок (1584—1655). Он изучал право в Марбурге и Кёльне, а затем служил чиновником в Бремене, Миндене и, наконец, в Штольберге. В 1651 г. Клок опубликовал самое известное на тот момент камералистское сочинение «Юридикo-политико-полемико-исторический трактат о государственной казне» («Tractus juridico-politico-polemico-historicus de aerario»).

Вскоре после этого появилась крупнейшая в XVII в. фигура немецкого камерализма. Фейт Людвиг фон Зекендорф (1626—1692), прозванный отцом камерализма, родился в Эрлангене и учился в Страсбургском университете. Затем он занимал высокие должности в нескольких немецких государствах, начиная с Готы, и в этот период написал трактат «Немецкое княжеское государство» («Der Teutscher Furstenstaat», 1656). Эта книга, изощренная апология абсолютизма того времени, выдержала восемь изданий, более ста лет ее преподавали в немецких университетах. Свои дни Зекендорф закончил на посту ректора университета Галле.

В XVII в. камерализм утвердился и в Австрии. Иоганн Иоахим Бехер (1635—1682) родился в Шпейере, занимался алхимией, служил придворным медиком в Майнце, а потом стал экономическим советником австрийского императора Леопольда I и управлял различными государственными предприятиями. Бехер, оказавший сильное влияние на австрийскую экономическую политику, предложил создать государственные компании для заграничной торговли и государственный совет по торговле для надзора за всеми внутренними экономическими делами. Его, как протокейнсианца, чрезвычайно увлекала идея «потока доходов», с точки зрения которой расходы одного человека по определению есть доходы другого, и он предлагал инфляционные меры для оживления потребительского спроса. Известной работой Бехера было «Политическое рассуждение» («Politischer Discours», 1668). По словам Шумпетера, Бехер был «исполнен планов и проектов»⁽²⁾, но многие из них остались втуне, поскольку Бехер кончил тем, что бежал от преследования кредиторов. Его собственный «потребительский спрос» явно был оживлен сверх всякой меры¹⁰.

Родственник Бехера, Филипп Вильгельм фон Хорниг (1638—1712), был еще одним выходцем из Майнца, который приобрел влияние в Австрии. Он учился в Ингольштадте, имел юридическую практику в Вене, а затем стал членом правительства. Его шовинистский трактат «Австрия превыше всего, если только захочет» («Österreich über Alles, wann es nur will», 1684) пользовался большой популярностью. Главная идея фон Хорнига состояла в том, чтобы сделать Австрию самодостаточной и прекратить всякую внешнюю торговлю.

Третьим современным им немецким камералистом в Австрии был Вильгельм Фрайхерр фон Шредер (1640—1688). Он родился в Кенигсберге, изучал право в Йенском университете и тоже стал советником императора Леопольда I. Шредер управлял государственной фабрикой, состоял финансовым консультантом в Венгрии и изложил свои взгляды

в сочинении «Княжеское управление доходами и казной» («Fürstliche Schatz und Rentkammer», 1686). Шредер был убежденным сторонником божественного королевского права. В своих камералистских убеждениях он считал важным ускорить денежное обращение и создать банковскую систему, способную в широких масштабах выпускать банкноты и размещать депозиты.

494
Детальную разработку системы камерализма в Германии предпринял в середине XVIII в. Иоганн Генрих Готлиб фон Юсти (1717—1771). Родом из Тюрингии, он изучал право в нескольких университетах, а также учился в Вене и Тюбингене. Потом он стал управлять шахтами в Пруссии, получил пост главного директора фабрик и, наконец, занял в Берлине пост главного управляющего шахтами.

Сочинение Юсти, ставшее кульминацией камерализма, вообрало в себя все прошлые идеи последнего, поставив во главу угла необходимость всеобъемлющего планирования в государстве всеобщего благосостояния. Следует отметить, что Юсти подчеркивал жизненную важность «свободы», но свобода эта сводилась к созданию благоприятных условий для выполнения распоряжений бюрократии. Также он обратил внимание на предполагаемое «отчуждение» рабочих при фабричной системе и развивающееся разделение труда. Среди его многочисленных сочинений наибольшее значение имели «Государственное хозяйство» («Staatwirthschaft», 1755), «Финансовая система» («System des Finanzwesens», 1766) и двухтомный труд «Основы силы и благоденствия государства» («Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten», 1760—1761). Однако самому Юсти не удалось благоденствовать в государстве всеобщего благоденствия по причине нежелания соблюдать законы королевства. За подтасовки в отчетности по управлению прусскими шахтами он был посажен в тюрьму, где и умер.

Другим первостепенным представителем немецкого камерализма XVIII в. был последователь Юсти, барон Йозеф фон Зонненфельс (1732—1817). Уроженец Моравии и сын раввина, он переехал в Вену, где стал первым профессором финансов и камералистики, а также главным консультантом при трех сменявших друг друга императорах Австро-Венгрии. Свои воззрения Зонненфельс изложил в книге «Основы науки о полиции, торговле и финансах» («Grundsätze der Polizei, Handlung, und Finanzwissenschaft», 1765—1767). Примечательно, что эта книга оставалась официальным учебником в Австро-Венгерской империи до 1848 г.

Неудивительно, что в этой глубоко пропитанной камерализмом атмосфере «Богатство народов» Смита поначалу с трудом пробивало себе дорогу в Германии. Однако Британия имела там важный плацдарм, поскольку курфюршество Ганновер, располагавшееся в сердце Пруссии, управлялось британской династией и, следовательно, находилось под сильным культурным влиянием Британии. Так что первая немецкая рецензия на «Богатство народов» появилась в официальном журнале Гёттингенского университета в Ганновере. При Гёттингенском универси-

тете был создан самый уважаемый в Германии факультет философии, истории и социальных наук, который к 1790 г. стал цветущим рассадником идей Смита во враждебном немецком климате¹¹.

Миссию внедрения Адама Смита в немецкую мысль взял на себя Фридрих Георг Сарторий, Фрайхерр фон Вальтерхаузен (1765—1828). Сарторий родился в Касселе, изучал теологию и историю в Гёттингенском университете. Потом он начал преподавать там историю, а в 1790-х гг. расширил свой репертуар курсами по политологии и экономической теории. Он опубликовал подборки из сочинений Адама Смита, а «Руководство по государственному хозяйству» («Handbuch der Staatswirthschaft», Берлин, 1796) было чисто экономическим учебником, в котором излагались идеи Адама Смита. Расширенное изложение концепции Смита появилось через 10 лет под названием «Об основах национального богатства и государственного хозяйства согласно Адаму Сми-ту» («Elementen des National-Reichthums, und von der Staatswirthschaft, nach Adam Smith», 1806).

Однако в том же году вышла другая книга Сартория, в которой он изложил свои собственные взгляды в тех пунктах, где они отличались от идей наставника: «Очерки об основах национального богатства и государственного хозяйства» («Abhandlungen, die Elemente des Nationalreichthums und die Staatswirthschaft», 1806). Сарторий не соглашался со странной теорией ценности Смита и утверждал, что главным источником ценности является потребительская полезность. Ценность труда тоже определяется его полезностью, а потому труд не может служить универсальной мерой ценности, равно как не могут служить ею и деньги, поскольку денежные цены подвержены изменениям, зависящим от соотношения спроса и предложения. Сарторий счел трудовую теорию ценности Смита «странным и вводящим в заблуждение заключением». К сожалению, другое главное отклонение от Смита оказалось сильным ослаблением и без того шаткой позиции Смита по вопросу о *laissez faire*, поскольку Сарторий рекомендовал регулярное государственное вмешательство.

Сарторий входил в великий квартал профессоров, которые пропагандировали учение Смита в Германии. Другим его членом был видный философ Христиан Якоб Краус (1753—1807); он родился в Восточной Пруссии, учился в Кёнигсбергском университете у Иммануила Канта, а впоследствии стал его близким другом. Докторскую степень Краус получил в университете Галле, но целый год стажировался в Гёттингене, где приобрел стойкий интерес к экономической теории. После получения докторской степени в 1780 г. Краус стал профессором практической философии и камералистики в Кёнигсбергском университете, где преподавал не только философию, но и древнегреческую классику, историю, английскую литературу и математику. Одним из первых в Германии он приветствовал «Богатство народов», которое объявил «единственно правильной, великой, прекрасной, основательной и благотворной системой». Краус приветствовал Смита без всяких отклонений и колебаний, свой-

ственных Сарторию; «Богатство народов» он превознес как «одну из самых важных и полезных среди когда-либо написанных книг». Краус даже дерзнул уподобить книгу Смита Новому Завету: «Несомненно, что со времен Нового Завета ни одно сочинение не приносило столь благотворных плодов, какие принесет эта книга».

При жизни Краус опубликовал мало работ, что довольно странно для немецкого профессора. Однако он был очень авторитетным наставником; на его лекции в Кёнигсберге всегда собиралось много публики, и он считался самым видным профессором за исключением Канта. После смерти Крауса друзья опубликовали все его рукописи, в том числе самую важную работу, «Государственное хозяйство» («Die Staatswirthschaft», в 5 т., Кёнигсберг, 1808—1811). Первые четыре тома представляют собой по преимуществу переложение «Богатства народов» с заменой британских примеров прусскими.

Пятый том этого труда имел гораздо большее значение, поскольку в нем Краус изложил свои собственные дополнения к учению Смита и в лекционной форме проанализировал прусскую экономическую политику. Весь этот том изобилует призывами к поощрению индивидуализма, свободного рынка, свободной торговли и к резкому уменьшению государственного вмешательства. Краус начинает с базовой презумпции, согласно которой каждый человек хочет улучшить свою участь: «Желание и стремление каждого индивидуума улучшить свою участь есть основа экономики всякого государства и по природе своей подобно существующей в мире силе тяготения». Но если люди хотят улучшить свою участь, тогда государственное принуждение, требующее одни действия и запрещающее другие, неизбежно нарушает и искажает эти стремления к улучшению. Или, если поставить вопрос иначе: почему люди не хотят делать то, чего требует государство, по доброй воле и без принуждения? Но поскольку они явно этого не хотят, они всегда будут искать способы обойти требования и запреты государства. Во всех подобных случаях в резком несогласии с камералистами Краус рассматривает проблемы глазами индивидов, подвластных государственным распоряжениям, а не глазами чиновников, выпускающих эти распоряжения¹².

Добрую память о Христиане Краусе прекрасно выразил его друг, видный государственный деятель и реформатор барон Карл фон Штайн (1757—1831):

Благодаря ему вся прусская земля озарилась светом культуры, его идеи проникли во все сферы жизни, в правительство и законодательство. Если он и не выдвинул никаких блестящих новых идей, то, во всяком случае, не был софистом, ищущим славы. Четко и ясно формулировать и правильно выражать несомненные истины, сообщая их многотысячной аудитории, — дело несравненно более достойное, чем привлекать к себе внимание болтовней и парадоксами... Краус был человеком скромным, но безусловно незаурядным; к нему все внимательно прислушивались, у него бывали яркие прозрения, он вносил

ценные предложения и нередко удивлял нас неожиданными выводами... В его работах все изложено так понятно и просто, что никаких разъяснений не требуется¹³.

Третьим членом смитовского профессорского квадрумвирата в Германии был Август Фердинанд Людер (1760—1819). Людер тоже учился и сформировался в Гёттингене и стал профессором философии. Также он был профессором истории и придворным советником в Брунсвике. Людер основательно занимался исторической и географической статистикой и опубликовал статистические компендиумы «Исторический портфель» («Historische Portefeuille», 1787—1788) и «Репозиторий по истории, статистике и политике» («Repositorium für Geschichte, Staatskunde und Politik», 1802—1805). В перерывах между этими трудами он читал Адама Смита, стал его поклонником и в 1800—1802 гг. опубликовал пропитанную идеями Смита работу «О национальном производстве и государственном хозяйстве» («Über Nationalindustrie und Staatswirthschaft»). Помимо идей Смита Людер страстно пропагандировал свободу во всех ее социальных и политических аспектах, в том числе и в чисто экономической сфере. Как он писал в другом сочинении, «я бы рискнул всем ради свободы, истины и справедливости, ради свободы производства, как и ради свободы мнений, ради свободы рук и свободы духа, свободы личности и свободы собственности».

Августа Людера отличала одна яркая особенность: под влиянием методологии Смита и собственной приверженности к свободе он отверг плоды трудов своей жизни, исследования по национальной статистике. Людер пришел к следующим выводам. Статистика вводит в заблуждение тех, кто принимает политические решения, а правительственные плановики вообще не могут работать, если не располагают статистической базой. Таким образом, статистика не просто обманчива; она является необходимым условием для того самого государственного вмешательства, которое следует прекратить. Свою критическую позицию Людер изложил в двух работах: «Критика статистики и государственной политики» («Kritik der Statistik und Politik», 1812) и «Критическая история статистики» («Kritische Geschichte der Statistik»). В эмоциональном предисловии в «Критике» он писал:

Мне представлялось, что здание статистики и политики покоится на прочнейших опорах и самом надежном основании. Счастливейшие часы моей жизни и самую большую часть моего времени я посвятил статистике и политике... Все во мне восставало против навязываемых мне обратных убеждений. Но время летит слишком быстро. Идеи, которыми я проникся до мозга костей, нужно было пересмотреть и заменить другими. Пришлось выявлять один предрассудок за другим и признавать предрассудком. Все более и более шаткой оказывалась одна прогнившая опора за другой, все больше появлялось дыр и щелей. В конце концов, к немалому моему ужасу, все здание статистики рухнуло, а вместе с ним и здание политики, которая ничего не может сделать

без статистики. По мере того как росло и прояснялось мое понимание, плоды статистики и политики выглядели все более устрашающими. Ведь именно статистика и политика создавали все те помехи на пути производства, из-за которых страдали не только благосостояние, но также культура и человеческая природа. Они создавали помехи естественному ходу событий, требовали приносить жертвы неведомому идолу, именуемому благополучием государства или народа и выставляли на посмешище все принципы философии, религии и здравого смысла к большому вреду для нравственности и добродетели¹⁴.

Если учесть это справедливое понимание вредоносности статистики и «политики», просто в дрожь бросает от мысли о том, какова была бы реакция Людера на современный мир, где статистика и политика, во времена Людера пребывавшие еще в детском возрасте, заполонили и фактически подчинили себе всю землю.

Четвертым видным последователем Смита был Людвиг Генрих фон Якоб (1759—1827). Он учился в Галле, а затем преподавал в Харьковском университете в России. В результате Якоб стал консультантом нескольких комиссий в Санкт-Петербурге и способствовал распространению экономического учения Смита в России. Однако большую часть жизни он преподавал политическую экономию и философию в университете Галле и, подобно Христиану Краусу, объединил Канта и индивидуализм Смита в единое экономико-философское целое. Как и Краус, Якоб давал важные рекомендации при проведении либеральных реформ Штайна—Гарденберга в Пруссии. Самой важной его работой были «Основы экономической теории» (1805).

Как бы то ни было, под влиянием квартета Сартория, Крауса, Людера и Якоба сторонники Смита начали довольно быстро вытеснять с одного экономического факультета за другим прежних камералистов, которые вернулись туда, где для них было более подходящее место, — на факультеты права и управления. Идеи Смита проникли также в ряды государственных служащих и послужили одним из стимулов не удавшихся либеральных реформ Штайна—Гарденберга в начале XIX в. Следует добавить, что и Штайн, и Гарденберг учились в Гёттингенском университете. Таким образом, за десятилетие с небольшим учение Смита восторжествовало над камерализмом в Германии.

17.5. ИДЕИ СМИТА В РОССИИ

Идеи Смита начали проникать и в русскую политическую культуру. В середине XVIII в. интеллектуальная жизнь еще только пробуждалась в этой отсталой и деспотической империи. Первый в России университет был основан в Москве только в 1755 г. Идеи Просвещения распространялись в России, и, как мы видели, Екатерина Великая, по крайней мере некоторое время, заигрывала с физиократами. Языком император-

ского двора был французский, и поэтому все идеи, господствовавшие во Франции, на родине Просвещения, серьезно воспринимались в Москве и Санкт-Петербурге. Кроме того, шотландская версия Просвещения XVIII в. проникала в Россию в результате того, что там жили и работали многочисленные шотландские специалисты — врачи, военные, инженеры. Книги шотландских просветителей публиковались в России, как правило, во французских переводах.

В 1750-х гг. императрица Елизавета, дочь Петра Великого, завела правило отбирать самых способных студентов для завершения образования за границей. В 1761 г. императрица совершила судьбоносный выбор и послала в Шотландию двух студентов, которые потом наиболее активно содействовали распространению идей Смита в России. Из этих двоих первое место принадлежало Семену Ефимовичу Десницкому <1740—1789>, сыну украинского мещанина; его неизменным другом на всю жизнь и однокашником по университету был Иван Андреевич Третьяков (1735—1776), сын армейского офицера. В Глазго они пробыли шесть лет и особенно охотно учились у Адама Смита — до тех пор пока тот не покинул кафедру в 1764 г. В Университете Глазго Десницкий и Третьяков слушали лекции Смита, предвосхищавшие «Богатство народов», а также учились у коллеги и бывшего студента Смита Джона Миллара. Когда у русских студентов возникли денежные затруднения, Смит давал им займы на прожитие. Наполненные идеями Смита, Десницкий и Третьяков в 1768 г. вернулись в Москву и быстро стали первыми русскими профессорами права в Московском университете. Однако там они столкнулись с враждебностью профессорско-преподавательского состава. Профессора Московского университета в большинстве своем были немцами и сильно не одобряли успешные попытки молодых русских профессоров вести преподавание на русском, а не на латыни. Но еще больше им претили либеральные, реформаторские и антиклерикальные взгляды этих молодых последователей Смита.

В первый же год по возвращении в Россию Десницкий и Третьяков опубликовали каждый по книге с изложением учения Смита. Книги эти в основном представляли собой дословные записи лекций Смита, причем Десницкий фактически написал и книгу Третьякова. Из них двоих Третьяков был верным последователем Смита, тогда как Десницкий показал себя более самостоятельным мыслителем. Оба они заняли ведущее положение на юридическом факультете Московского университета, а Десницкий приобрел репутацию выдающегося русского социально-политического теоретика второй половины XVIII в., а также «отца русской юриспруденции». Кроме того, он перевел на русский язык <фрагмент сочинения> знаменитого Блэкстона.

Императрица Екатерина Великая заинтересовалась последней интеллектуальной модой, Шотландским Просвещением, и по возвращении Десницкого в Россию поручила ему составить выдержанный в духе Смита план реформ для России; в 1768 г. Десницкий закончил и отправил Екатерине объемистый труд под названием «Представление». Суть его состояла

в умеренной политической реформе; Десницкий предлагал систему двухпалатного представительства и независимых пожизненно назначаемых судей, которые должны были служить сдержками и противовесами исполнительной и законодательной власти. Императрица прочитала «Представление» и включила политически безобидные предложения в свой декрет о реформе 1768 г., «Наказ», который был переведен на английский, французский и немецкий языки. Само же «Представление» было слишком радикальным, чтобы увидеть свет в то время, и оставалось не опубликованным вплоть до революционного 1905 г., когда оно вдохновило либеральных реформаторов и за короткое время было издано дважды.

Влияние идей Смита в России возросло еще в силу того, что княгиня Екатерина Дашкова жила в Шотландии в конце 1770-х гг., когда ее сын учился в Эдинбургском университете. Дашкова с гордостью писала о своей тесной дружбе с такими «бессмертными», как Адам Смит, преподобный Уильям Робертсон, Адам Фергюсон и Хью Блэр.

Однако несмотря на известность и способности двух профессоров, враждебность государства и церкви, которую в основном разделял и преподавательский состав университета, к их либеральным взглядам, в конечном счете привела к их увольнению из университета. Третьяков был уволен в 1773 г., Десницкий — в 1787 г., и оба они умерли через несколько лет после своего увольнения.

В следующем поколении факелом учения Смита в России стал немец, которого историки обычно называют русским, — прибалтийский дворянин Генрих Фридрих Фрайхерр фон Шторх (1766—1835). Шторх родился в Риге, учился в Йене и Гейдельберге, всю дальнейшую жизнь занимал высокие посты в русской государственной службе, стал профессором в Императорском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, объяснял политэкономические идеи Смита будущему императору Николаю I и его младшему брату. Для популяризации Смита в России Шторх написал по-немецки 9-томную историко-статистическую работу о России (1797—1803), а затем выпустил на французском языке «Курс политической экономии» («Cours d'économie politique», 1815). Эта книга была издана в Петербурге и предназначалась для обучения будущего царя. Шторх был лишь умеренным последователем Смита и вполне обоснованно отвергал представление, согласно которому какой-то труд может быть «непроизводительным», а в своей последней работе (1824) предложил нечто вроде докейнсианского анализа <национального> дохода⁽³⁾.

17.6. СМИТ ПОКОРЯЕТ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ

К началу XIX в. идеи и концепции Адама Смита полностью подчинили себе европейскую экономическую мысль, хотя и не нашли воплощения в политических институтах. Даже во Франции, как мы увидим во втором

томе этой книги, досмитовский субъективистский взгляд на ценность с точки зрения полезности/редкости и акцентирование важности рыночного предпринимательства хотя и сохраняли видное место, но лишь под эгидой формального признания Адама Смита отцом экономической теории и свободной рыночной политики. С подачи Джеймса Милля и Рикардо в Англии, Ж. Б. Сэя во Франции и повсюду в континентальной Европе Адам Смит считался олицетворением новой дисциплины, «политической экономии».

Доминирование Смита в экономической мысли начиная с 1790-х гг. имело свои преимущества, но его недостатки были, пожалуй, больше. С одной стороны, оно подразумевало хотя бы умеренную приверженность свободе внутренней и внешней торговли. Далее, что еще более существенно, оно подразумевало правильную оценку добродетелей сбережения и инвестирования и твердую им приверженность, а также отказ от протокейнсианского беспокойства по поводу «тезаврирования» и недопотребления. Наконец, верность тому, что Шумпетер назвал концепцией сбережения и инвестирования Тюрго—Смита, подразумевала решительную оппозицию открыто инфляционным схемам наращивания денежной массы и кредита.

С другой же стороны, победа Смита дорого обошлась экономической мысли. Даже на денежном фронте Смит пошел против своих коллег XVIII в., поскольку признал основные элементы инфляционной доктрины Джона Ло и, в частности, выступил за расширение банковского кредита и выпуска банкнот в общих рамках металлического стандарта. Тем самым Смит проложил путь для позднейших апологетов Банка Англии и его долговременной политики кредитной экспансии.

Однако гораздо более серьезным, можно сказать фатальным, упущением Смита стало то, что он полностью изменил теорию цены и ценности и завел ее в тупик, из которого она не могла выбраться целое столетие, а в каких-то отношениях так до конца и не выбралась. Главной причиной этого радикального изменения стало, несомненно, кальвинистское презрение Смита к расходам на потребление предметов роскоши. Именно поэтому, с его точки зрения, только производство *материальных* благ (т.е. материальных *капитальных* благ) является производительным. Этим же объясняется приверженность Смита интервенционистским законам о ростовщичестве, с помощью которых он рассчитывал снизить ставку процента в такой мере, чтобы можно было манипулировать сбережениями и перенаправлять их от потребителей роскоши и спекулянтов-«прожектеров» к добросовестным надежным заемщикам. Презрение Смита к потребителям также побудило его дезавуировать освященную веками субъективистскую теорию ценности, основанную на полезности/редкости, и искать причину ценности не в капризах потребителей, а в реальных издержках, или в трудовых усилиях, воплощенных в продукте. Именно поэтому Смит решительно увел экономическую теорию от потребительского спроса и реальных рыночных цен, нацелив

ее на несбыточное долгосрочное равновесие. Ведь теория образования цен на основе издержек, или трудовых усилий, приобретает хоть какую-то видимость правдоподобия лишь в условиях долгосрочного равновесия. Однако концентрация на таком равновесии побудила Смита полностью игнорировать факторы предприимчивости и неопределенности, введенные Кантильоном и Тюрго: при бесконечном конечном равновесии проблема изменений и неопределенности, естественно, исчезает.

Трудовая теория ценности прямо вела к марксизму и всем тем бедствиям, которые породило это мировоззрение, а концентрация на долгосрочном равновесии вела к формалистическому неоклассицизму, доминирующему сейчас в экономической теории и тоже не принимающему в расчет предпринимательскую активность и фактор неопределенности.

По тем же причинам Смит проигнорировал важные (хотя и уступавшие Кантильону) идеи своего друга Давида Юма о международном механизме «цены — переток звонкой монеты», а также вытекающее отсюда представление об экономическом цикле. Если мировая экономика находится в постоянном равновесии, нет никакой необходимости тревожиться по поводу увеличения денежной массы, приводящего к росту цен и оттоку золота и серебра за границу, или учитывать последующее снижение денежной массы и цен.

В сущности, традиционное представление о состоянии экономической мысли после Смита следует полностью пересмотреть. По общепризнанному мнению, Адам Смит, выдающийся первооткрыватель, опираясь на свой теоретический гений и доскональное знание принципиально важных фактов, в одиночку создал научную дисциплину политической экономии, заложил основы политики свободного рынка и тем самым возвысился над мешаниной меркантилистских заблуждений и более ранними схоластическими представлениями о «справедливой цене». Однако в действительности положение дел было диаметрально противоположным. Задолго до Смита схоластика за многие столетия разработала превосходную теорию ценности и теорию денег и вывела из этих теорий заключения о предпочтительности свободного рынка и твердых денег. Экономическая теория, первоначально существовавшая у схоластов в рамках общей концепции прав собственности и контрактного права, основанной на теории естественного права, была преобразована в настоящую науку Кантильоном и Тюрго в XVIII в. Адам Смит отнюдь не создал экономическую дисциплину исключительно своими личными усилиями. Напротив, он сделал шаг назад не только по сравнению со схоластической и французской традициями, но даже по сравнению со своими наставниками, Джершом Кармайклом и непосредственным учителем, Фрэнсисом Хатчесоном, которые занимали характерную для Шотландского Просвещения менее четкую позицию по вопросам естественного права.

Самым прискорбным аспектом полного засилья Смита в экономической науке стало не столько обилие его собственных заблуждений, сколько предание полному забвению знания, добытого богатой традици-

ей экономической мысли, которая существовала до Смита. В результате австрийцам и их предшественникам в XIX в. нередко приходилось заново изобретать колесо и с большими усилиями прокладывать себе дорогу к тому знанию, которым многие теоретики обладали задолго до Смита. Адам Смит и последствия его владычества — классический пример куновской смены парадигм в истории науки: эта история знает слишком много случаев, когда накопление знания в научной дисциплине *не было* равномерным поступательным продвижением к истине, в ходе которого опровергнутые гипотезы аккуратно отбрасываются и непрерывно происходит кумулятивный прирост знания. Напротив, в подобных случаях история дисциплины развивается зигзагообразно, по траектории крупных приобретений и утрат, по траектории прорывов знания, за которыми следуют упадок и ложные шаги, а затем попытки восстановить потерянное знание, стремящиеся, порой на ощупь и в условиях сильнейшего противодействия, вернуть утраченные парадигмы.

17.7. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Предыдущий вариант «Edinburgh Review» был основан в 1752 г. группой лидеров умеренных пресвитериан, включая Адама Смита; однако вышли всего два номера. Следует отметить, что Дугальд Сьюарт был первым биографом самого главного лидера умеренных и основателя первого «Edinburgh Review» ректора Уильяма Робертсона (1721—1793).
- (1) Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 123. — *Прим. изд.*
2. Edwin Cannan, *A History of the Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848* (3rd ed., London: Staples Press, 1917), pp. 110—111.
3. J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), p. 579 <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 760>.
4. Alexander Gray, *The Development of Economic Doctrine* (London: Longmans, Green and Co., 1931), pp. 163—164.
5. Cannan, op. cit., p. 113.
6. Schumpeter, op. cit., p. 580 <Ср.: Шумпетер. Указ соч. С. 760>.
7. Ibid., pp. 581—582 <Там же. С. 763>.
8. Ibid., p. 584 <ср.: Там же. С. 766>.
9. Albion W. Small, *The Cameralists* (1909; New York: Burt Franklin, n.d.), p. VIII.
- (2) Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 369, сн. 10. — *Прим. изд.*
10. Как ни странно, призывавший к обогащению Бехер был также автором малоизвестных сочинений «Нравственное рассуждение» (1669) и «Психософия» (1678), в которых он предстает одним из первых коммунистов и призывает к упразднению денег. Деньги, утверждал он, суть первое из зол; когда их не

станет, все мы будем вынуждены работать, будем получать одинаковый доход и вследствие этого обретем счастье.

11. Самыми влиятельными университетами тогдашней Германии были Гёттингенский университет, Университет Галле в соседней Пруссии и Лейпцигский университет.
12. Так, Кристиан Краус пишет: «Всякий раз, как речь заходит о законе или постановлении, которые заставляют людей либо делать то, чего они раньше не делали, либо не делать того, что они раньше делали, во втором случае первый вопрос таков: почему люди не прекращают делать это по своей собственной воле? <...> Затем встает второй вопрос: что предпримут люди, чтобы обойти закон, который противоречит их интересам? А за ним и третий: как далеко они зайдут в своих попытках обмануть этот закон? Как только мы поставим себя на место этих людей и войдем в их положение, при ответах на второй и третий вопрос могут возникнуть самые необычные соображения, которые в противном случае нас не посетили бы. А вопрос о запрещении действия даже более важен, чем вопрос о предписании действия, т.е. о такой ситуации, когда людей побуждают посулами или принуждают делать то, чего они прежде не хотели делать» (цит. по: Carl William Hasek, *The Introduction of Adam Smith's Doctrines Into Germany* (New York: Columbia University, 1925), p. 89 n.).
13. Цит. по: Ibid., p. 93.
14. Цит. по: Ibid., p. 83.
- (3). Оба упомянутые сочинения А. Шторха см. в издании: *Шторх А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышление о природе национального дохода. М.: ИД «Экономическая газета», 2009. — *Прим. изд.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Очевидно, что в библиографическом очерке к общей истории экономической мысли невозможно перечислить, а тем более даже кратко охарактеризовать все ее источники, не говоря уже о смежных областях истории общественной, политической и религиозной мысли, а также истории экономической жизни, которые, по моему мнению, следует учитывать при написании картины развития и расхождения взглядов в сфере экономической мысли. Лучшее, что я могу сделать, это описать и охарактеризовать только те источники, преимущественно вторичные, которые принесли наибольшую пользу для данного исследования. Соответственно, библиографическое приложение может служить путеводителем для тех читателей, которые захотят поглубже погрузиться в изучение каких-то отдельных тем и проблем в этой обширной и сложной области, которая во многих отношениях затрагивает всю историю западной цивилизации.

1. БИБЛИОГРАФИИ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

С большим отрывом самым всеобъемлющим библиографически обзором по истории экономической мысли является удивительно полный очерк в исследовании Г. Шпигеля: Henry W. Spiegel, *The Growth of Economic Thought* (3rd ed., Durham, NC: Duke University Press, 1991), — который в последнем издании занимает 161 страницу и является самой ценной частью книги. Четырехтомный *New Palgrave: A Dictionary of Economics* (London: Macmillan and New York: Stockton Press, 1987) содержит много великолепных очерков об отдельных экономистах. На противоположном конце спектра удивительно полезными оказались краткие зарисовки в скромной работе Людвиг Мей: Ludwig H. Mai, *Men and Ideas in Economics: A Dictionary of World Economists, Past and Present* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1977).

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНОСТИ

Joseph J. Spengler, *Origins of Economic Thought and Justice* (Carbondale, Ill., Southern Illinois University Press, 1980) — единственная книга, освещающая всю древнюю экономическую мысль в таких регионах и странах, как Месопотамия, Индия и Китай.

Хотя проф. Шпенглер, возможно, не согласится с нашей оценкой, его исследование показывает, что экономическая мысль этих древних ци-

визаций не породила ничего интересного. Исключением стала китайская политическая философия (в частности даосизм), наиболее авторитетным исследованием по которой является много проясняющая книга: Kung-chuan Hsiao, *A History of Chinese Political Thought, Vol. One: From the Beginnings to the Sixth Century A.D.* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979). О китайских сторонниках laissez faire см.: Joseph J. Spengler, 'Ssu-ma Ch'ien, Unsuccessful Exponent of Laissez Faire', *Southern Economic Journal* (Jan. 1964), pp. 223—243.

Всего две книги по истории экономической мысли отдают должное вкладу древних греков: Spiegel, *The Growth of Economic Thought* и Barry Gordon, *Economic Analysis Before Adam Smith* (New York: Barnes & Noble, 1975). Шпигель особенно хорошо написал про Демокрита, а Гордон — про Гесиода, второй также подробно рассматривает экономическую мысль Древней Греции. Уникальным достоинством книги Гордона является всестороннее освещение еврейской экономической мысли. Однако название книги вводит в заблуждение, так как она заканчивается на поздних схоластах, намного раньше времени Адама Смита.

Всесторонний библиографический обзор по древнегреческой экономической мысли см.: S. Todd Lowry, 'Recent Literature on Ancient Greek Economic Thought', *Journal of Economic Literature*, 17 (March 1979), pp. 65—86. Также см.: Lowry, *The Archaeology of Economic Ideas: The Classical Greek Tradition* (Durham, NC: Duke University Press, 1987). Стандартным изданием сочинений Аристотеля считается вышедшее в издательстве Оксфордского университета под редакцией У. Д. Росса (W. D. Ross). Об увлекательной полемике по поводу смысла Аристотелева уравнения обмена см. статью Соудека — длинное, академичное, но совершенно ошибочное вчитывание Джебонса в Аристотеля: Josef Soudek, 'Aristotle's Theory of Exchange: An Inquiry into the Origin of Economic Analysis', *Proceedings of the American Philosophical Society* 96 (Feb. 1952), pp. 45—75. В свою очередь Барри Гордон настаивает на протомаршалианстве Аристотеля: Barry Gordon, 'Aristotle and the Development of Value Theory', *Quarterly Journal of Economics*, 78 (Feb. 1964), pp. 115—128. Гораздо лучше выступили двое исследователей, у которых хватило мужества признать нелепость уравнения обмена. Один из них — великий интерпретатор Аристотеля Гарольд Джоуким: H. H. Joachim, *Aristotle: The Nichomachean Ethics* (Oxford: The Clarendon Press, 1951), esp. 148—151. Другой — историк античности Мозес Финли: Moses I. Finley, 'Aristotle and Economic Analysis', *Past and Present* (May 1970), pp. 3—25; переиздана в: Finley (ed.), *Studies in Ancient Society* (London: Routledge & Kegan Paul, 1974), pp. 26—52.

Подробная критика различных латинских переводов рассуждений Аристотеля на тему ценности содержится в: Langholm, *Price and Value in the Aristotelian Tradition* (Bergen: Universitetsforlaget, 1979).

В великолепной статье Джозеф Шпенглер показывает, что Аристотелева теория вменения была предшественницей праксеологической и австрийской теории вменения XIX—XX вв.: Joseph J. Spengler,

‘Aristotle on Economic Imputation and Related Matters’, *Southern Economic Journal*, 21 (April 1955), pp. 371—389. Однако сам Шпенглер недооценил результаты своего исследования, так как не понял, что, хотя Аристотель не рассматривал строго экономические материи, его теория вменения была важным вкладом в анализ деятельности и праксеологию.

Также об Аристотеле как предшественнике австрийцев см.: Emil Kauder, ‘Genesis of the Marginal Utility Theory: From Aristotle to the end of the Eighteenth Century’, *Economic Journal*, 43 (Sept. 1953), pp. 638—650.

О тоталитарности Платона см. бескомпромиссную и невероятно влиятельную работу ведущего современного философа Карла Поппера: Karl R. Popper, *The Open Society and Its Enemies* (3rd rev. ed., 2 vols, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957) <Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992>. К сожалению, Поппер смешивает политический тоталитаризм Платона с ложной тиранией, якобы вытекающей из веры Платона в абсолютную истину и рациональную этику.

Для современного невнятно-ситуативного метафизика Поппера любая вера в истину, в черное и белое, отдает «догматизмом» и «деспотизмом». Защита Платона в рамках корректировки отклонения от философской традиции: John Wild, *Plato's Modern Enemies and the Theory of Natural Law* (Chicago: University of Chicago Press, 1953) и Ronald B. Levinson, *In Defense of Plato* (Cambridge: Harvard University Press, 1953). Атаку на тоталитаризм Платона и представление софистов, оппонентов сократической философии, как либералов в политике см. в: Eric A. Havelock, *The Liberal Temper in Greek Politics* (New Haven: Yale University Press, 1957). С другой стороны, более свежая статья подтверждает точку зрения, что древнегреческий полис являлся по своей сути этатистским, не имел понятия о либерализме и свободе личности и был основан на рабском труде: Paul A. Rahe, ‘The Primacy of Politics in Classical Greece’, *American Historical Review* (April 1984), pp. 265—293. О Платоне и разделении труда см.: Williamson M. Evers, ‘Specialization and the Division of Labor in the Social Thought of Plato and Rousseau’, *The Journal of Libertarian Studies*, 4 (Winter, 1980), pp. 45—64; Vernard Foley, ‘The Division of Labor in Plato and Smith’, *History of Political Economy*, 6 (Summer 1974), pp. 220—242; Paul J. McNulty, ‘A Note on the Division of Labor in Plato and Smith’, *History of Political Economy*, 1 (Autumn 1975), pp. 372—378; Foley, ‘Smith and the Greeks: A Reply to Professor McNulty’s Comments’, *ibid.*, pp. 379—389.

О влиянии Платина и о мнимом имманентном отчуждении человека, которое необходимо преодолеть в ходе истории, см. разъясняющее много вопросов обсуждение в книге Лешека Колаковского: Leszek Kolakowski, *Main Currents of Marxism, I: The Founders* (New York: Oxford University Press, 1981), pp. 11—23.

Выразительную цитату Цицерона с определением природного закона можно найти, среди прочего, в: Michael Bertram Crowe, *The Changing Profile of the Natural Law* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1977), pp. 37—38

(Кроуи рассматривает теоретиков естественного закона из числа древних греков и римлян), а его притчу об Александре Македонском и пирате в: Cicero, *On the Commonwealth* (Columbus: Ohio State University Press, 1929), Book III, XIV, p. 210 <Марк Тулий Цицерон. О государстве III, XIV, 24>.

3. СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЫСЛЬ

Ценное исследование общего характера по теме средневековой экономической мысли, включая ранних отцов церкви: Gordon, *Economic Analysis Before Adam Smith*. Две важнейшие статьи по теории справедливой цены: Kenneth S. Cahn, 'The Roman and Frankish Roots of the Just Price of Medieval Canon Law', *Studies in Medieval and Renaissance History*, 6 (1969), pp. 3—52 — о раннем римском и каноническом праве; и объемом с небольшую монографию статья Джона Болдуина — John W. Baldwin, 'The Medieval Theories of the Just Price: Romanists, Canonists, and Theologians in the Twelfth and Thirteenth Centuries', *Transactions of the American Philosophical Society*, 49 (1959). Исчерпывающее авторитетное исследование средневековых и более поздних теорий ростовщичества: John T. Noonan, Jr, *The Scholastic Analysis of Usury* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957).

Коррекция привычного игнорирования и систематического искажения средневековой и позднесcholasticкой экономической мысли началась с великого сочинения Й. Шумпетера: Joseph A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954) <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001>, — в особенности первой половины второй части второй главы. Однако наиболее полное исследование в рамках этой ревизии представляют работы проф. Раймона де Рувера. Его наиболее важная статья с обширными цитатами: Raymond de Roover, 'The Concept of the Just Price: Theory and Economic Policy', *Journal of Economic History*, 18 (Dec. 1958), pp. 418—434; здесь де Рувер разносит в пух и прах искаженные интерпретации в историографии взглядов Генриха фон Лагенштейна. Также см.: Roover, 'Joseph A. Schumpeter and Scholastic Economics', *Kyklos*, 10 (1957—2), pp. 115—146; idem., 'The Scholastics, Usury and Foreign Exchange', *Business History Review*, 41 (Autumn 1967), pp. 257—271; и сборник статей: Raymond de Roover, *Business, Banking, and Economic Thought; In Late Medieval and Early Modern Europe* (ed. J. Kirshner, Chicago: University of Chicago Press, 1974).

Непреходящий вклад в экономическую мысль Петра Иоанна Оливи показан де Рувером: Roover, *San Bernardino of Siena and Sant' Antonino of Florence: The Two Great Economic Thinkers of the Middle Ages* (Boston: Baker Library, 1967), pp. 19—20, 41—42. См. также: Julius Kirshner, 'Raymond de Roover on Scholastic Economic Thought', in de Roover,

Business, Banking and Economic Thought, pp. 28—30. Об Оливи как иоанинитом и лидере францисканцев-спиритуалов см.: Malcolm D. Lambert, *Medieval Heresy* (New York: Holmes & Meier, 1977), pp. 182—206. Об иоханнитской ереси см. также сочинение Нормана Кона с колоритными подробностями: Norman Cohn, *The Pursuit of the Millennium* (3rd ed., New York: Harper & Bros, 1970), pp. 99ff.

Глубокое исследование средневековых теоретиков естественного права: Michael Crowe, *Changing Profile of the Natural Law*. Ричард Так проясняет ключевое различие между теориями активных, или владетельных, прав и пассивными, или притязательными, теориями: Richard Tuck, *Natural Rights: Their Origin and Development* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979).

Академичное, но вполне доступное исследование европейской экономической истории, охватывающее средневековый период: Carlo M. Cipolla (ed.), *The Fontana Economic History of Europe, 1: The Middle Ages* (London: Collins/Fontana, 1972). Об изменениях численности населения в этот период: J. G. Russell, 'Population in Europe, 500—1500', in the *Fontana History*, *ibid.* О Великой депрессии XIV — первой половины XV в. см.: Robert S. Lopez and Harry A. Miskimin, 'The Economic Depression of the Renaissance', *Economic History Review*, 14 (1962); Edouard Perroy, 'At the Origin of a Contracted Economy: the Crises of the 14th Century', in Rondo E. Cameron, (ed.) *Essays in French Economic History* (Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1970), pp. 91—105. Тщательное исследование Европы поздних Средних веков и начала периода Возрождения: Harry A. Miskimin, *The Economy of Early Renaissance Europe, 1300—1460* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969). О роковых последствиях введения регулярного налогообложения во Франции см.: Martin Wolfe, 'French Views on Wealth and Taxes from the Middle Ages to the Old Régime', in D. C. Coleman (ed.), *Revisions in Mercantilism* (London: Methuen & Co., 1969), p. 190ff.

4. ПОЗДНИЕ СХОЛАСТЫ

Незаменимыми источниками о поздних схоластах — XIV—XVI вв. — продолжают оставаться сочинения (см. выше) Кроуи (природный закон), Така (естественные права), Гордона и де Рувера (экономическая мысль) и Нунана (ростовщичество). Классическое обсуждение ревизионистских идей Кроуи относительно того, что оккамит Григорий Риминийский в действительности выступал за объективное естественное право, см. в: Damasus Trapp, 'Augustinian Theology of the 14th Century: Notes on Editions, Marginalia, Opinions and Book-Lore', in *Augustiniana*, 6 (1956), pp. 146—274; *idem*, 'Gregory of Rimini, Manuscripts Editions and Additions', in *Augustiniana*, 8 (1958), pp. 425—443. Главная ревизионистское исследование о Габриэле Биле: Heiko A. Oberman, *The Harvest of Medieval Theology: Gabriel Biel and Late Medieval Nominalism* (Cambridge,

Mass.: Harvard University Press, 1963). Более свежее подтверждение этой ревизии: D. E. Luscombe, 'Natural Morality and Natural Law', in N. Kretzmann, et al. (eds), *The Cambridge History of Later Medieval Philosophy* (Cambridge-Cambridge University Press, 1982), pp. 705—720. Также см.: A. S. McGrade, 'Rights, Natural Rights, and the Philosophy of Law', in *ibid.*, pp. 738—756.

Впервые внимание экономистов на Саламанкскую школу обратила Марджори Грайс-Хатчисон своей превосходной небольшой книжкой: Marjorie Grice-Hutchinson, *The School of Salamanca: Readings in Spanish Monetary Theory, 1544—1605* (Oxford: The Clarendon Press, 1952). Ее предмет гораздо шире, чем подразумевается в подзаголовке, и вдобавок к ясному авторскому тексту, в нее включены экономические фрагменты из работ многих представителей школы. Больше информации о представителях школы и других испанских экономистах можно найти в: Grice-Hutchinson, *Early Economic Thought in Spain, 1177—1740* (London: George Allen & Unwin, 1978). См. также: Roover, 'Scholastic Economies', in *Business, Banking, and Economic Thought*, pp. 306—335. Ясная и хорошо структурированная работа: Frank Bartholomew Costello, S. J., *The Political Philosophy of Luis de Molina, S.J.* (Spokane: Gonzaga University Press, 1974); Бернис Хамилтон исследовал юридические и политические взгляды четырех представителей Саламанкской школы — Витторио, Де Сото, Молины и Суареса: Bernice Hamilton, *Political Thought in Sixteenth-Century Spain* (Oxford: The Clarendon Press, 1963). Интересные идеи относительно политической философии Суареса и других можно найти в соответствующем томе мощного исследования Фредерика Коплстона: Frederick Copleston, S. J., *A History of Philosophy, Volume III: Ockham to Suarez* (Westminster, Md: The Newman Press, 1959). О политической теории Саламанкской школы см. выдающееся сочинение Квентина Скинера: Quentin Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought, Vol. II: The Age of Reformation* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978) <Скиннер К. Истоки современной политической мысли : в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018>.

О распространении после Второй мировой войны «ревизионистских» взглядов на испанских и других схоластов, представленных в настоящем томе, см.: Murray N. Rothbard, 'New Light on the Pre-history of the Austrian School', in E. Dolan (ed.), *The Foundations of Modern Austrian Economics* (Kansas City: Sheed & Ward, 1976), pp. 52—74.

Наиболее современное и проработанное исследование об испанских схоластах: Alejandro Chafuen, *Christians for Freedom: Late-Scholastic Economics* (San Francisco: Ignatius Press, 1986). Сопоставление Саламанкских схоластов и испанских меркантилистов конца XVII в.: Louis Baeck, 'Spanish Economic Thought: the School of Salamanca and the Arbitristas', *History of Political Economy*, 20 (Autumn 1988), pp. 381—408.

Незаменимая книга о невероятном Хуане де Мариана: John Laures, S. J., *The Political Economy of Juan de Mariana* (New York: Fordham Uni-

versity Press, 1928). См. также: Guenter Lewy, *Constitutionalism and Statecraft During the Golden Age of Spain: A Study of the Political Philosophy of Juan de Mariana, S. J.* (Geneva: Librairie E. Droz, 1960). О взглядах Марианы на тираноубийство, наряду с обсуждением других теоретиках XVI в., писавших на эту тему, см.: Oscar Jászi and John D. Lewis, *Against the Tyrant: The Tradition and Theory of Tyrannicide* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1957).

Захватывающий рассказ о борьбе янсенистов с иезуитами по поводу казуистики и ростовщичества см. в: J. Brodrick, S. J., *The Economic Morals of the Jesuits* (London: Oxford University Press, 1934). О иезуитах и их врагах-протестантах также полезно информативное, но иногда небрежное исследование: Hector M. Robertson, *Aspects of the Rise of Economic Individualism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1933). Забавно, что Бродрик написал свою книгу специально для того, чтобы опровергнуть тезис Робертсона о том, что католические, и в особенности иезуитские, мыслители тяготели к поддержке свободного рынка, и все же эти две работы в значительной мере поддерживают друг друга. Бродрик, похоже, считает, Робертсон критикует иезуитов за аморализм, в то время, как, с нашей точки зрения, он просто демонстрирует их проницательность в экономических вопросах и благоразумие.

Общее исследование о католической Контрреформации: Marvin R. O'Connell, *The Counter Reformation: 1559—1610* (New York: Harper & Row, 1974).

О коммерческой экспансии конца XV — начала XVI в. см. в особенности: Harry A. Miskimin, *The Economy of Later Renaissance Europe, 1460—1600* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977); а также см.: С. Cipolla (ed.), *The Fontana Economic History of Europe, Vol. II, The Sixteenth and Seventeenth Centuries* (London: Collins/Fontana 1974).

5. ЛЮТЕР И КАЛЬВИН

Превосходный краткий анализ см. в: Gary North, 'The Economic Thought of Luther and Calvin', *The Journal of Christian Reconstruction*, II (Summer 1975), pp. 76—108. Skinner, *Foundations*, Vol. II <Скиннер К. Истоки современной политической мысли. Т. 2> — превосходно проанализирована социально-политическая философия Лютера и Кальвина (особенно первого) и их последователей, о которых также см.: John N. Figgis, *Political Thought from Gerson to Grotius* (1916, New York: Harper & Bros, 1960), в особенности главу III «Кальвин и Макиавелли». Тезис Вебера обсуждается с разных сторон в: Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (New York: Charles Scribner's, 1930) <Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61—272>; а также в веберовских: Ernst Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Church*, Vol. II (New York:

Macmillan, 1931); Richard H. Tawney, *Religion and the Rise of Capitalism* (1937, New York: New American Library, 1954); и в упомянутых выше книгах Робертсона и Бродрика. См. также критическое исследование: Kurt Samuelsson, *Religion and Economic Action* (New York: Basic Books, 1961). Плодотворное применение тезиса Вебера к Китаю и Японии: Norman Jacobs, *The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia* (Hong Kong: Hong Kong University Press, 1958). Открытие де Рувером флорентийского девиза XIII века «Во имя Бога и прибыли» см. в: De Roover, 'The Scholastic Attitude Toward Trade and Entrepreneurship', in *Business, Banking, and Economic Thought*, p. 345. Об отношении Кальвина и последователей к ростовщичеству см. обсуждающуюся выше великую работу Нунана.

Согласно блистательному тезису Каудера кальвинизм привел к трудовой теории ценности, а аристотелианский томизм удержал Францию и Италию в рамках субъективистской теории ценности, ориентированной на потребителя. Этот тезис можно найти в: Emil Kauder, *A History of Marginal Utility Theory* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), а также в Kauder, 'The Retarded Acceptance of the Marginal Utility Theory', *Quarterly Journal of Economics* (Nov. 1953), pp. 564—569. О таких убежденных кальвинистах, как английские изгнанники Марии и о приверженности пуритан труду см.: Michael Walzer, *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics* (Cambridge: Harvard University Press, 1965).

Возможно, величайшим исследованием по истории экономической мысли из когда-либо написанных является Eugen von Böhm-Bawerk's *Capital and Interest: Vol I, History and Critique of Interest Theories* (1921, South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959) <Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. I: История и критика теорий процента на капитал // Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009>. Бём-Баверк, первый великий систематизатор австрийской экономической школы в 1880-х гг., написал обзор и критику предыдущих теорий процента, прежде чем приступить в разработке собственной теории в следующих томах своего трехтомного шедевра «Капитал и процент». Хотя трактовка Салмазия превосходна и признает все его заслуги, обсуждение предшествовавших авторов значительно пострадала от незнания Бём-Баверком мыслителей-схоластов, которых он с порога отметаает как «канонистов». Позние схоласты были возрождены для экономистов только после Второй мировой войны.

6. АНАБАПТИСТСКИЙ КОММУНИЗМ

Выдающимся исследованием о тоталитарном мессианском коммунизме, проповедовавшемся склонным к насилию крылом анабаптистов является блестящая, язвительная и бескомпромиссная работа Нор-

мана Кона: Norman Cohn, *The Pursuit of the Millennium* (3rd ed., New York: Harper & Row, 1970). Ее следует дополнить книгой Игоря Шафаревича: Igor Shafarevich, *The Socialist Phenomenon* (New York: Harper & Row, 1980) <Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Paris: YMCA-PRESS, 1977>, — в которой, хоть и эпизодически, рассматривается и социализм других эпох и в других местах. Всё это следует рассматривать в общей рамке, заданной заслуженно считающейся классической работой монсеньора Рональда Нокса: Ronald A. Knox, *Enthusiasm* (1950, New York: Oxford University Press, 1961). Полное, пусть и схематичное, описание анабаптисткой теологии см. в: James M. Stayer, *Anabaptists and the Sword* (2nd ed., Lawrence, Kan.: Coronado Press, 1976). Willem Balke's *Calvin and the Anabaptist Radicals* (Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans, 1981) — превосходное исследование. George Huntston Williams, *The Radical Reformation* (Philadelphia: The Westminster Press, 1962) — доскональное классическое исследование, сегодня немного устаревшее ввиду появления новых работ.

7. КАТОЛИКИ-НЕСХОЛАСТЫ

Превосходная статья о денежной теории Коперника: Timothy J. Reiss and Roger H. Hinderliter, 'Money and Value in the Sixteenth Century; the *Monetae Cudendae Ratio* of Nicholas Copernicus', *Journal of the History of Ideas*, 40 (April—June 1979), pp. 293—303. Об описании закона Грешема Коперником, Орезмом и Аристофаном см.: J. Laurence Laughlin, *The Principles of Money* (New York: Charles Scribner's Sons, 1903), pp. 420ff. Лучшее обсуждение Лоттини в Emil Kauder, *A History of Marginal Utility Theory* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965). См. также: Kauder, 'Genesis of the Marginal Utility Theory: From Aristotle to the End of the Eighteenth Century', *The Economic Journal* (Sept. 1953), pp. 638—650. Об отталкивающих деяниях Лоттини см.: Cecily Booth, *Cosimo I: Duke of Florence* (Cambridge: Cambridge University Press, 1921), pp. 131—132. О Даванцатти см.: Kauder, *History*; Grice-Hutchinson, *Early Economic Thought*; Arthur Eli Monroe, *Monetary Theory Before Adam Smith* (1923, Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1965); Joseph A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954) <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001>.

515

8. МОНАРХОМАХИ: ГУГЕНОТЫ И КАТОЛИКИ

Jászi and Lewis, *Against The Tyrant*, and J. W. Allen, *A History of Political Thought in the Sixteenth Century* (1928, 2nd ed., London: Methuen & Co., 1957) — может служить полезным введением в обширную литературу-

ру по этому предмету. Skinner, *Foundations*, Vol. II <Скиннер К. Истоки современной политической мысли. Т. 2> — превосходно о гугенотах и Бьюкенене. Никому не слудет пренебрегать единственной книгой на английском о Католической лиге: Frederic J. Baumgartner, *Radical Reactionaries: The Political Thought of the French Catholic League* (Geneva: Librairie Droz, 1976).

9. АБСОЛЮТИЗМ И ИТАЛЬЯНСКИЙ ГУМАНИЗМ

Лучшее обсуждение политической теории итальянских гуманистов и ее отношения к абсолютизму можно найти в: Quentin Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought, Vol. I: The Renaissance* (Cambridge: Cambridge University Press, 1968) <Скиннер К. Истоки современной политической мысли : в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018>. О Диомеде Карафа см.: Schumpeter, *History of Economic Analysis*, pp. 162—164 <Шумпетер. История экономического анализа. Т. I. С. 206—209>. О Леоне Баттиста Альберти и семье Альберти см.: Raymond de Roover, 'The Story of the Alberti Company of Florence, 1302—1348, As Revealed in Its Account Books', in *Business, Banking and Economic Thought* (Chicago: University of Chicago Press, 1974), pp. 39—84.

Самое ясное и проясняющее больше всего вопросов обсуждение Макиавелли см. в: Skinner, *Foundations*, Vol. I <Скиннер К. Истоки современной политической мысли. Т. 1>. См. также: Isaiah Berlin, 'The Originality of Machiavelli', in M. P. Gilmore (ed), *Studies on Machiavelli* (Florence: G. C. Sansoni, 1972), pp. 147—206 <Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Человек. 2001. №2—4 URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECSE/PRINCE.HTM>>.

10. АБСОЛЮТИЗМ ВО ФРАНЦИИ

Чрезвычайно ясное исследование абсолютистской мысли во Франции в XVI в.: William Farr Church, *Constitutional Thought in Sixteenth-Century France: A Study in the Evolution of Ideas* (1941, New York: Octagon Books, 1969). Особенно хорошо освещены абсолютисты после Бодена. О влиянии гуманизма во Франции и о французской абсолютистской мысли в целом см. превосходные главы в: Skinner, *Foundations*, Vols I and II <Скиннер К. Истоки современной политической мысли. Т. 1—2>. Их следует дополнить более обширным исследованием французской политической мысли в: Nannerl O. Keohane, *Philosophy and the State in France: The Renaissance to the Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980). Особенно пронизательно Кохейн пишет о Бодене.

О Монтене см.: Donald Frame, *Montaigne: A Biography* (New York: Harcourt Brace & World, 1965). Об окситанском языке см.: *Linguistic*

Minorities in Western Europe (Llandysul, Dyfed, Wales: Gomer Press, 1976), pp. 297—308. Удивительно, но литературы о заблуждении Монтеня практически не существует. Классическую, хоть и краткую формулировку см. в: Heckscher, *Mercantilism*, I, 26. Следствия из нее рассмотрены в: Mises, *Human Action: A Treatise on Economics* (3rd rev. ed., Chicago: Henry Regnery, 1966), pp. 664, 687 <Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 623, 643—644>. См. также: Odd Langholm, *Price and Value in the Aristotelian Tradition: A Study in Scholastic Economic Sources* (Bergen: Universitetsforlaget, 1979), pp. 30, 38n.

11. МЕРКАНТИЛИЗМ

Лучшим введением в тему может служить превосходное исследование, демонстрирующее чудеса сжатого изложения: Harry A. Miskimin's *The Economy of Later Renaissance Europe: 1460—1600* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977). Заслуженно считающееся великим классическое сочинение: Eli F. Heckscher, *Mercantilism* (2 vols, 1935, 2nd rev. ed., New York: Macmillan, 1955). В последнее время стремление Хекшера показать меркантилизм как прежде всего построение национального государства, подвергается несправедливой критике. Государственное строительство и акцент Хекшера на меркантилистской идеологии просто необходимо дополнить представлением меркантилизма как системы лоббирования и получения монополии и картельных привилегий и субсидий от государства в обмен на политическую поддержку Короны и/или выплату последней денег. Я пытаюсь начать такой синтез в статье «Mercantilism: A Lesson for Our Time?» (*The Freeman*, 13 (Nov. 1963), pp. 16—27, reprinted in *Ideas on Liberty*, Vol. XI (Irvington-on-Hudson: Foundation for Economic Education, 1964)). Пробел, оставленный Хекшером пытаются заполнить авторы следующей монографии: Robert V. Ekelund, Jr. and Robert D. Tollison, *Mercantilism as a Rent-Seeking Society: Economic Regulation in Historical Perspective* (College Station, Texas: Texas A&M University Press, 1981). И хотя их интерпретация Хекшера порой полезна, Эклунд и Толлисон чрезвычайно схематичны (опираясь на традицию общественного выбора) и недооценивают роль идей в истории, особенно роль свободного рынка и либеральной идеологии. John Ulric Nef, *Industry and Government in France and England, 1540—1640* (1940, New York: Russell and Russell, 1968) — превосходное сравнительное исследование последствий меркантилистской политики на промышленное развитие в Англии и Франции. Для Англии S. T. Bindoff, *Tudor England* (Baltimore: Penguin Books, 1950) — острое и удивительно бескомпромиссное исследование. Для Франции Charles Woolsey Cole, *Colbert and a Century of French Mercantilism* (2 vols, 1939, Hamden, Conn: Archon Books, 1964) — классическая работа о Кольбере и французском

меркантилизме, несмотря на восхищение и тем и другим. Французская история после Кольбера рассказана в: Cole, *French Mercantilism, 1683—1700* (1943, New York: Octagon Press, 1965). Warren C. Scoville, *The Persecution of Huguenots and French Economic Development, 1680—1720* (Berkeley: University of California Press, 1960) — здесь представлена интересная ревизионистская критика масштабов экономического разорения, причиненного отменой Нантского эдикта. Об английской монополии внешнеторговых компаний в елизаветинскую эпоху см.: Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty, Vol. I: The American Colonies in the 17th Century* (New Rochelle, NY: Arlington House, 1975).

Об абсолютизме и повторном закреплении крестьян в Польше и Восточной Европе см.: Miskimin, *Later Renaissance Europe*, pp. 56—64; Robert Millward, 'An Economic Analysis of the Origin of Serfdom in Eastern Europe', *Journal of Economic History*, 42 (Sept. 1982), pp. 513—548. О в чем-то похожем процессе в России в третьей четверти XVI в. см.: Alexander Yanov, *The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible in Russian History* (Berkeley: University of California Press, 1981); Aileen Kelly, 'Russia's Old New Right: Review of Yanov, *Origins of Autocracy*', *New York Review of Books*, 30 (17 Feb. 1983), p. 34ff.

О развитии системы налогообложения во Франции см.: Martin Wolfe, 'French Views on Wealth and Taxes from the Middle Ages to the Old Regime', in D. C. Coleman (ed.), *Revisions in Mercantilism* (London: Methuen & Co., 1969), pp. 190—209. Классическое исследование развития налогообложения при Филипе Красивом: Joseph R. Strayer, 'Consent to Taxation Under Philip the Fair', in J. R. Strayer and C. H. Taylor, *Studies in Early French Taxation* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1939), pp. 3—108. Обсуждение налогообложения во Франции XV—XVI вв., отстаивающее неубедительную ревизионистскую позицию, согласно которой ранний королевский фискализм резко отличается от более позднего меркантилизма: Martin Wolfe, *The Fiscal System of Renaissance France* (New Haven: Yale University Press, 1972). Подробнее о французском налогообложении во второй четверти XIV в.: John Bell Henneman, *Royal Taxation in Fourteenth Century France: The Development of War Financing 1322—1356* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971).

Обзор истории европейского банковского дела в этот период: Murray N. Rothbard, *The Mystery of Banking* (New York: Richardson & Snyder/Dutton, 1983). О приостановке работы казначейства см. многое проясняющую статью: J. Keith Horsefield, 'The Stop of the Exchequer' Revisited', *Economic History Review*, 2nd ser., 35 (Nov. 1982), pp. 511—528.

О процессе складывания в Англии государства, опирающегося на госдолг, см.: P.G.M. Dickson, *The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688—1756* (New York: St Martin's Press, 1967). Также см. замечательную ревизионистское сочинение: John Brewer, *The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688—1783* (New York: Knopf, 1989). Брюер отмечает, что для развития государства,

опирающегося на госдолг, был необходим сопутствующий рост государства с высоким налогообложением со особыми налогами, использовавшимися для фондирования специфического долгосрочного государственного долга в Англии. В частности, налогообложение было косвенным, в особенности акцизы на потребительские товары. См. также важную статью о британском налогообложении: Patrick K. O'Brien, 'The Political Economy of British Taxation, 1660—1815', *Economic History Review*, 2nd ser., 41 (Feb. 1988), pp. 1—32. Также см. ревизионистское сравнение налогообложения в Англии и Франции в тот период, показывающее, что единодушно осуждаемый уровень французского налогообложения был значительно ниже, чем во Франции: Peter Mathias and Patrick K. O'Brien, 'Taxation in Britain and France, 1715—1810. A Comparison of the Social and Economic Incidence of Taxes Collected for the Central Governments', *Journal of European Economic History*, 5 (1976), pp. 601—650.

О судьбоносной претензии Парламента на контроль за доходом короля в 1690 г. см.: Clayton Roberts, 'The Constitutional Significance of the Financial Settlement of 1690', *The Historical Journal*, 20 (1977), pp. 59—76. Интересная статья, написанная с марксистских позиций, в которой также обсуждается Банк Англии: Marvin Rosen, 'The Dictatorship of the Bourgeoisie: England 1688—1721', *Science and Society*, 45 (Spring 1981), pp. 24—51.

12. ФРАНЦУЗСКАЯ МЕРКАНТИЛИСТСКАЯ МЫСЛЬ XVII В.

О взглядах ранних французских меркантилистов, в частности Лаффема и Монкретьена, см.: Charles Woolsey Cole, *French Mercantilist Doctrines Before Colbert* (New York: Richard R. Smith, 1931). О Монкретьене см. также типичное для этого автора острое и искрометное обсуждение: Alexander Gray, *The Development of Economic Doctrine* (London: Longmans, Green and Co., 1933), pp. 80—85. О Сюлли см.: David Buisseret, *Sully: and the Growth of Centralized Government in France, 1598—1610* (London: Eyre & Spottiswoode, 1968). Об экономических взглядах Ришелье, Мазарини и Кольбера см.: Cole, *Colbert and a Century of French Mercantilism*. О политических взглядах Людовика XIV см.: François Dumont, 'French Kingship and Absolute Monarchy in the Seventeenth Century'; Andrew Lossky, 'The Intellectual Development of Louis XIV from 1661 to 1715', in Ragnhild Hatton (ed.), *Louis XIV and Absolutism* (London: Macmillan, 1976).

13. ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ МЕРКАНТИЛИЗМУ

О кроканах («босоногих») и других крестьянских восстаниях во Франции XVII в. см.: Roland Mousnier, *Peasant Uprisings in Seventeenth Century France, Russia, and China* (New York: Harper & Row, 1970). Lionel Rothkrug,

Opposition to Louis XIV: The Political and Social Origins of the French Enlightenment (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965) — незаменима для понимания феномена возникновения и роста либеральной оппозиции меркантилизму. Также крайне полезна: Nannerl O. Keohane's *Philosophy and the State in France*, — особенно о Жюли, Вобане, Фенелоне, Бургундском кружке и Буагильбере. О последнем см. в особенности: Hazel Van Dyke Roberts, *Boisguilbert: Economist of the Reign of Louis XIV* (New York: Columbia University Press, 1935); Joseph J. Spengler, 'Boisguilbert's Economic Views Vis-à-Vis those of Contemporary Réformateurs', *History of Political Economy*, 16 (Spring 1984), pp. 69—88. Charles Woolsey Cole, *French Mercantilism, 1683—1700* (1943, New York: Octagon Books, 1965) — полезна информацией о купцах и совете по торговле.

14. АНГЛИЙСКИЕ МЕРКАНТИЛИСТЫ: XVI — НАЧАЛО XVII В.

Незаменимая отправная точка для знакомства с английскими меркантилистами — классическое исследование Джейкоба Вайнера: Jacob Viner, *Studies In The Theory of International Trade* (New York: Harper & Bros, 1937), pp. 1—118. К сожалению, это всего лишь отправная точка ввиду чрезвычайно сжатого характера исследования, а также из-за того, что он не рассматривает отдельных лиц и групп и не занимается нарративным анализом разных временных периодов или взаимодействия различных лиц и групп.

Об абсолютистах в эпохи Тюдоров и Стюартов см.: W. H. Greenleaf, *Order, Empiricism, and Politics: Two Traditions of English Political Thought* (London: Oxford University Press, 1964). О сэре Роберте Фильмере см.: Peter Laslett (ed.), *Patriarcha and Other Political Works of Sir Robert Filmer* (Oxford: Basil Blackwell, 1949); Carl Watner, "‘Oh, Ye are for Anarchy!’: Consent Theory in the Radical Libertarian Tradition", *Journal of Libertarian Studies*, 8 (Winter 1986), pp. 111—137.

О бесспорном доказательстве того, что сэр Роберт Смит, а не Джон Хейлс был автором «Discourse of the Commonweal of this Realm of England» см.: Mary Dewar, 'The Authorship of the "Discourse of the Commonweal"', *Economic History Review*, 2nd ser., 19 (August 1966), pp. 388—400. Биография Смита: Mary Dewar, *Sir Thomas Smith: A Tudor Intellectual in Office* (London: Athlone Press, 1964). Ревизионистский взгляд на то, что Смит, а не Грэшем написал знаменитый «Memorandum for the Understanding of the Exchange»: Mary Dewar, 'The Memorandum "For the Understanding of the Exchange": Its Authorship and Dating', *Economic History Review*, 2nd ser., 17 (April 1965), pp. 476—487. Раймон де Рувер, хотя формально сохраняет свое исходное мнение о том, что автором был Грэшем, неявно поднимает белый флаг: Raymond de Roover, 'On the Authorship and Dating of "For the Understanding of the Exchange"',

Economic History Review, 2nd ser., 20 (April 1967), pp. 150—152. Дениэл Фасфельд выдвигает шаткий тезис, согласно которому автором был сэр Ричард Мартин: Daniel R. Fusfeld, 'On the Authorship and Dating for "For the Understanding of the Exchange"', *Economic History Review*, 2nd ser., 20 (April 1967), pp. 145—152.

Всесторонний портрет сэра Роберта Кока как меркантилиста и парламентского этактиста: Barbara Malament, 'The "Economic Liberalism" of Sir Edward Coke', *Yale Law Journal* 76 (June 1967), pp. 1321—1358. О том, что раннее общее право не противостояло монополии, см.: William L. Letwin, 'The English Common Law Concerning Monopolies', *University of Chicago Law Review*, 21 (Spring 1954), pp. 355—385.

О Миллсе, Малине, Мисслыдене, Мене и полемике об Ост-Индской компании в первой половине XVII в. см.: Barry E. Supple, *Commercial Crisis and Change In England, 1600—1642* (Cambridge: Cambridge University Press, 1964), pp. 197—224. Также см. интересные идеи в: Jouce Oldham Appleby, *Economic Thought and Ideology in Seventeenth-Century England* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978). Освежающе отличный подход, приближающий к перспективе австрийской школы, можно найти у некоторых авторов в: Chi-Yuen Wu, *An Outline of International Price Theories* (London: George Routledge & Sons, 1939), pp. 13—74. Исследование Ву было его диссертацией на соискание степени PhD под руководством Лайонелла Роббинса в течение австрийского периода последнего.

Приверженность сэра Френсиса Бэкона английскому империализму исследована в статье: Horace B. White, 'Bacon's Imperialism', *American Political Science Review*, 52 (June 1958), pp. 470—489. О Фрэнсисе Бэкоме как мистике, ориентированном на розенкрейцеров, и продвигателя псевдонаучной оккультной древней мудрости см.: Stephen A. McKnight, *Sacralizing the Secular: The Renaissance Origins of Modernity* (Baton Rouge, LA: L.S.U. Press, 1989), pp. 92—97; Frances Yates, 'Francis Bacon "Under the Shadow of Jehova's Wings"', in *The Rosicrucian Enlightenment* (London: Routledge & Kegan Paul, 1972); Frances Yates, 'The Hermetic Tradition in Renaissance Science', in C. Singleton (ed.), *Art, Science and History in the Renaissance* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1967); Paolo Rossi, *Francis Bacon: From Magic to Science* (Chicago: University of Chicago Press, 1968).

Об импорте нескольких европейских бэконянцев в Англию по приглашению пуританского сельского джентри в начале Английской гражданской войны см. захватывающую статью: H. R. Trevor-Roper, 'Three Foreigners and the Philosophy of the English Revolution', *Encounter*, 14 (Feb. 1960), pp. 3—20.

Превосходное живое исследование бэконянцев и английской меркантилистской мысли конца XVII в.: William Letwin, *The Origins of Scientific Economics* (Garden City, NY: Doubleday, 1965). Самая свежая объемная книга, рассматривающая экономическую мысль конца XVII и XVIII в. в общем, но с особым акцентом на английской и шотландской

мысли: Terence Hutchison, *Before Adam Smith: The Emergence of Political Economy, 1662—1776* (Oxford: Basil Blackwell, 1988). Давнее сочинение, но до сих пор имеющее большое значение благодаря прояснению взглядов английских меркантилистов, противоречащих интересам работников, и их приверженность «полной занятости»: Edgar S. Furniss, *The Position of the Laborer in a System of Nationalism: A Study of the Labor Theories of the Later English Mercantilists* (1920, NY: Kelley & Millman, 1957).

Наиболее полное описание «закона спроса Кинга—Давенанта»: John Creedy, *Demand and Exchange in Economic Analysis* (Aldershot, Hants: Edward Elgar, 1992), pp. 7—23; Creedy, 'On the King-Davenant Law of Demand', *Scottish Journal of Political Economy*, 33 (August 1986), pp. 193—212. D.A.G. Waddell, 'Charles Davenant (1656—1714) — A Biographical Sketch', *Economic History Review*, ser. 2, 11 (1958) pp. 279—288 — убедительно ревизионистский взгляд на Давенанта.

15. ЛОКК И ЛЕВЕЛЛЕРЫ

Caroline Robbins, *The Eighteenth-Century Commonwealthman* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959) — новаторское и непревзойденное исследование о либертариански настроенных «людей Содружества» (Commonwealthmen) конца XVII — XVIII в. Bernard Bailyn, *The Ideological Origins of the American Revolution* (1967, Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1992) — непосредственно вдохновленная предыдущим сочинением выдающаяся работа о преваляровавшем влиянии английской либертарианской мысли на Американскую революцию.

К сожалению, акцент на либертарианской природе локковского влияния на Американскую революцию быстро был оттеснен на второй план «тезисом Пококка», который сформировал искусственное различие между якобы «современными» радикальными индивидуалистами, верящими в частную собственность и свободный рынок, и поклонниками «классической республиканской добродетели», которые на самом деле были, по сути, этакристами и коммунитаристами, ориентированными на античные модели. В действительности же ничто не мешает радикальным либертарианцам и сторонникам свободного рынка одновременно быть противниками государственных расходов и «коррупции»; по факту, эти две позиции обычно идут в комплексе. Крупная работа этого направления: J.G.A. Pocock, *The Machiavellian Moment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975). В качестве критики Пококка в дополнение работам Исаака Крамника и Джойса Эпплби см. в особенности опровержение основного тезиса Пококка: якобы «классическая добродетель», а не либертарианство текстов, оказавших наибольшее влияние на деятелей Американской революции, — впечатляющая серия статей Джона Тренчарда и Томаса Гордона

в двух лондонских газетах в начале 1720-х гг.: *Cato's Letters*. О либертарианском, пококковском характере «Писем Катона» см.: Ronald Hamowy, 'Cato's Letters: John Locke and the Republican Paradigm', *History of Political Thought*, II (1990), pp. 273—294.

Левеллеры представлены в сборниках их памфлетов: Don M. Wolfe (ed.), *Leveller Manifestoes of the Puritan Revolution* (1944, New York: Humanities Press, 1967). См. также предисловия редактора к отдельным памфлетам. <На русском языке см.: *Лильберн Дж. Памфлеты*. М.: Соцэкгиз, 1937.> Всестороннее освещение деятельности и идей левеллеров: H. N. Brailsford, *The Levellers and the English Revolution* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1961). Одно из лучших кратких изложений доктрины левеллеров: С. В. Macpherson, *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke* (Oxford: The Clarendon Press, 1962), pp. 137—159.

Richard Ashcraft, *Revolutionary Politics and Locke's Two Treatises of Government* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986) — превосходно показан радикализм Локка и его связь с идеями левеллеров. Эшкрафт также дает объяснение феномена двух Локков (влиянием Шефтсбери): ранний бэкониец-эмпирист и абсолютист «Опыта о человеческом разумении» и поздний систематичный теоретик либертарианства. О раннем бэкониевстве Локка: Neal Wood, *The Politics of Locke's Philosophy: A Social Study of 'An Essay Concerning Human Understanding'* (Berkeley: University of California Press, 1983); и о взглядах Локка как сторонника свободного рынка см.: Karen I. Vaughn, *John Locke: Economist and Social Scientist* (Chicago: University of Chicago Press, 1980). Наиболее авторитетное издание замечательных «Двух трактатов о правлении» Локка: John Locke, *Two Treatises of Government*, Peter Laslett, ed. (1960, Cambridge: Cambridge University Press, 2nd ed., 1968); см. также «Введение» Леслетта.

О локковской теории гомстединга как происхождения частной собственности и ее отношению к протестантским схоластам см.: Karl Olivecrona, 'Appropriation in the State of Nature: Locke on the Origin of Property', *Journal of the History of Ideas* (April—June 1974), pp. 211—230. См. также: Lawrence C. Becker, *Property Rights: Philosophic Foundations* (London: Routledge & Kegan Paul, 1977), pp. 33—48. Более свежая статья о том, что Локкова теория собственности совместима с капитализмом свободного рынка: Neil J. Mitchell, 'John Locke and the Rise of Capitalism', *History of Political Economy*, 18 (Summer 1986), pp. 291—305.

16. АНГЛИЙСКИЕ МЕРКАНТИЛИСТЫ: КОНЕЦ XVII — XVIII В.

Пространное обсуждение роли Исаака Ньютона в деятельности Монетного двора: G. Findlay Shirras and J. H. Craig, 'Sir Isaac Newton and the Currency', *Economic Journal*, 55 (June—Sept. 1945), pp. 217—241.

О либертарианском влиянии сатиры Джонатана Свифта: James A. Preu, *The Dean and the Anarchist* (Tallahassee, Fl.: Florida State University Press, 1959). О «Скромном предложении» Свифта как реакции на учеие Петти: Louis A. Landa, 'A Modest Proposal and Populousness', in *Essays in Eighteenth-Century English Literature* (1942, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), pp. 39—48.

О теориях труда и занятости: Theodore E. Gregory, 'The Economics of Employment in England, 1680—1713', in *Gold, Unemployment, and Capitalism* (1921, London: P.S. King & Sons, 1933), pp. 225—244. О братьях Нортах: Letwin, *Origins*, pp. 196—220, 271—294.

Современная полемика о возникновении и росте в Англии государства, основанного на госдолге: P.G.M. Dickson, *The Financial Revolution in England*, pp. 15—33; о Чайлде, Барбоне и братьях Нортах: Letwin, *Origins of Scientific Economics*, pp. 3—81, 196—220, 271—94.

О Джоне Ло, хоть и старая, но превосходная критика: Charles Rist, *History of Monetary and Credit Theory from John Law to the Present Day* (1940, New York: M. Kelley, 1966), pp. 43—67.

Проясняющее много вопросов исследование о Ло и его влиянии в сравнении с традицией твердых денег, берущей начало от Тюрго: Joseph T. Salerno, 'Two Traditions in Modern Monetary Theory: John Law and A.R.J. Turgot', *Journal des Économistes et des Études Humaines*, 2, nos 2—3 (June—Sept. 1991), pp. 337—379. Дерзкая гипотеза, согласно которой у Ло изменились взгляды в период между написанием его magnum opus и Миссисипской схемой: Antoin E. Murphy, 'The Evolution of John Law's Theories and Policies 1707—1715', *European Economic Review*, 35, no. 5 (July 1991), pp. 1109—1125.

Инфляционистские взгляды епископа Беркли прославляются в: Hutchison, *Before Adam Smith*, pp. 141—148; Salim Rashid, 'Berkeley's *Querist* and Its Influence', *Journal of the History of Economic Thought*, 12 (Spring 1990), pp. 38—60.

Сторонники твердых денег в Англии XVIII в. обсуждаются в: Hutchison, *Before Adam Smith*, — и в важной статье: Thomas T. Sekine, 'The Discovery of International Monetary Equilibrium by Vanderlint, Cantillon, Gervaise, and Hume', *Economia Internazionale*, 26 No. 2 (May 1973), pp. 262—282. О Вандерлинте и Джозефе Харрисе: Wu, *Outline*, pp. 64—65, 70—71.

Значительное место отведено Джозае Такеру в: Hutchison, *Before Adam Smith*, pp. 229—238, — но при этом автор сильно его переоценивает; более трезвый, но сжатый анализ его взглядов: Viner, *Studies, passim*. Единственное монографическое исследование, к сожалению, раздуто и многословно: George Shelton, *Dean Tucker and Eighteenth-Century Economic and Political Thought* (New York: St Martin's Press, 1981).

Проф. Салим Рашид первым привлек внимание и подчеркнул важность английского приверженца *laissez-faire* середины XVIII в. Чарльза 3-го виконта Тауншенда, которого не следует путать с его более из-

вестным сыном и тезкой, автором налогов Тауншенда на американский импорт. См.: Salim Rashid, 'Lord Townshend and the Influence of Moral Philosophy on *Laissez Faire*', *The Journal of Libertarian Studies*, 8, no. 1 (Winter 1986), pp. 69—74.

17. СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: РИЧАРД КАНТИЛЬОН — ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ

Вехой в исследовании Кантильона стал 1931 г., когда увидел свет английский перевод великого «Опыта» Кантильона: *Essai sur la nature du commerce en général*, ed. and trans. by Henry Higgs (1931, New York: A. M. Kelley, 1964). Это издание наряду с английским переводом включало оригинальный французский текст, а также написанную в 1881 г. статью С. Джевонса, заново открывшего Кантильона. Также в 1931 г. Ф. Хайек написал всеобъемлющее введение для немецкого издания Кантильона, где также критически рассмотрел значительную континентальную литературу.

До совсем недавнего времени единственным обзором «Опыта» Кантильона оставалась статья: Joseph J. Spengler, 'Richard Cantillon: First of the Moderns', *Journal of Political Economy*, 62 (August—Oct. 1954), pp. 281—295, 406—424, reprinted in Joseph J. Spengler and William R. Allen (eds), *Essays in Economic Thought: Aristotle to Marshall* (Chicago: Rand, McNally Co., 1960), pp. 105—140. См. также классическую статью: Jevons, 'Richard Cantillon and the Nationality of Political Economy', *Contemporary Review* (January 1881), частично воспроизведенную в: Henry W. Spiegel, (ed.), *The Development of Economic Thought: Great Economists in Perspective* (New York: Wiley, 1952), pp. 43—60.

Наконец-то появилась первая биография Кантильона: Antoin E. Murphy, *Richard Cantillon: Entrepreneur and Economist* (Oxford: The Clarendon Press, 1986). Она надолго останется наиболее полной биографией этого поразительного человека. Мёрфи тщательно прослеживает сложную и запутанную генеалогию Кантильона, семейные связи, пытается выяснить дату рождения и впервые предлагает вниманию читателей яркие детали бурной жизни Кантильона, его отношений с Джоном Ло, незамечаемой связью между Миссисипским пузырем и пузырем Южных морей, и завершает таинственной историей насильственной смерти Кантильона.

Об экономической теории Кантильона см.: Anthony Brewer, *Richard Cantillon: Pioneer of Economic Theory* (London: Routledge, 1992). Роберт Эберт предлагает новый взгляд на полностью игнорируемый вклад Кантильона: Robert F. Hébert, 'Richard Cantillon's Early Contributions to Spatial Economies', *Economica*, 48 (February 1981), pp. 71—77.

Что касается остальных источников, то внимание английских сосредоточено на денежной теории Кантильона, в особенности на его новаторском вкладе в теорию международных денежных платежей и механизм «цены — переток денежного металла». См. в частности: Thomas

T. Sekine, 'The Discovery of International Monetary Equilibrium by Vanderlint, Cantillon, Gervaise, and Hume', *Economia Internazionale*, 26, no. 2 (May 1973), pp. 262—282; and Chi-Yuen Wu, *An Outline of International Price Theories* (London: George Routledge & Sons, 1939). Также см.: Arthur Eli Monroe, *Monetary Theory Before Adam Smith* (1923, Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1965); Charles Rist, *A History of Monetary and Credit Theory: From John Law to the Present Day* (1940, New York: A. M. Kelley, 1966); и в частности: Douglas Vickers, *Studies in the Theory of Money, 1690—1776* (1959, New York: A.M. Kelley, 1968). Выдающееся неопубликованное исследование: Joseph Thomas Salerno, 'The Doctrinal Antecedents of the Monetary Approach to the Balance of Payments' (doctoral dissertation, Rutgers University, 1980).

В августе 1980 г. в г. Пасифик-Гроув, шт. Калифорния, состоялся симпозиум по Кантильону, оставивший после себя большой объем научной информации. Большинство этих ценных статей опубликованы в: *Journal of Libertarian Studies*, 1 (Autumn 1985). В этот номер журнала вошли: F. A. von Hayek's 'Richard Cantillon' — перевод Мишеля О'Сулевана на английский предисловия к немецкому изданию 1931 г.; Vincent Tarascio's 'Cantillon's Essay: A Current Perspective' — подчеркиваются идея Кантильона относительно саморегулируемой природы рыночной экономики, его теория денег, теория народонаселения и особое внимание к неопределенности; David O'Mahony's 'Richard Cantillon — A Man of His Time: A Comment on Tarascio' — отмечается скорее предавстрийский, нежели преднеоклассический характер теорий цены, ценности и денег; Robert F. Hébert, 'Was Cantillon an Austrian Economist?' — указывается на австрийский подход к неопределенности, предпринимательству, деньгам и рынку; Roger W. Garrison, 'A Comment on West' — блистательно показывает, что сомнения Кантильона относительно экономии свободного рынка в аспекте *пространства* уступали критике Смитом рыночных решений в аспекте *времени*. И наконец, Antoin E. Murphy, 'Richard Cantillon — Banker and Economist' — сообщает новейшую информацию о жизни этого удивительного экономиста.

Тонкий анализ Эберта, позволивший ему охарактеризовать Кантильонову теорию предпринимательства как предавстрийскую, получил развитие в: Robert F. Hébert and Albert N. Link, *The Entrepreneur: Mainstream Views and Radical Critiques* (New York: Praeger Books, 1982), pp. 14—22. См. также: Bert F. Hoselitz, 'The Early History of Entrepreneurial Theory', in Spengler and Allen, *Economic Thought*, pp. 234—257.

18. РАННИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЭКОНОМИСТЫ

Новаторский налет Дениэля Бернулли на прежде неизведанную территорию математической экономики переведен на английский Луизой Коммер: Daniel Bernoulli, 'Exposition of a New Theory on the Measurement of Risk', *Econometrica*, 22 (Jan. 1954), pp. 23—36 <Бернулли Д. Опыт но-

вой теории измерения жребия // Вехи экономической мысли. Т. 1: Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 11—27>. Хорошие резюме его теории даны в: Schumpeter, *History*, pp. 303—305 <Шумпетер. История экономического анализа. Т. I. С. 395—398>; Spiegel, *Growth*, pp. 143—144, — но без удовлетворительной критики; здесь суждения даже как правило пронизательного Эмиля Каудера крайне ограничены его неуместным обожанием математической экономики: Emil Kauder, *A History of Marginal Utility Theory* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), pp. 31—35. Дальнейшую критику математической теории предельной полезности см. в: Murray N. Rothbard, *Toward a Reconstruction of Utility and Welfare Economics* (1956, New York: Center for Libertarian Studies, Sept. 1977), pp. 9—12 <Ротбард М. О реконструкции экономической теории благосостояния // Экономическая политика. 2009. №1, с. 190—207; №2, с. 128—147>. См. также: Harro F. Bernardelli, ‘The End of the Marginal Utility Theory?’ *Economica* (May 1938), pp. 192—212; Bernardelli, ‘A Reply to Mr. Samuelson’s Note’, *Economica* (Feb. 1939), pp. 88—89; idem, ‘A Rehabilitation of The Classical Theory of Marginal Utility’, *Economica* (August 1952), pp. 254—268.

19. ФИЗИОКРАТЫ И LAISSEZ FAIRE

Лучшим общим обзором физиократов и их движения до сих пор остается брошюра Генри Хиггса: Henry Higgs, *The Physiocrats* (1897, New York: The Langland Press, 1952) <Хиггс Г. Физиократы. СПб.: О. Н. Попова, 1899>. Ценны также: Joseph J. Spengler, ‘The Physiocrats and Say’s Law of Markets’; Arthur I. Bloomfield, ‘The Foreign-Trade Doctrines of the Physiocrats’, reprinted in Spengler and Allen (eds), *Essays*, pp. 161—214, 215—233. Некоторые полезные идеи есть в написанной с марксистских позиций книги: Elizabeth Fox-Genovese, *The Origins of Physiocracy: Economic Revolution and Social Order in Eighteenth-Century France* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1976). Переводы сочинений Кенэ вместе с очерками редактора-составителя: Ronald L. Meek, *The Economics of Physiocracy: Essays and Translations* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963) <Русские переводы сочинений Кенэ см. в: Кенэ Ф., Тюрго А. Р. Ж., Дюпон де Немур П. С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008>. Полезное исследование последних физиократов: James J. McLain, *The Economic Writings of Du Pont de Nemours* (Newark, Del.: University of Delaware Press, 1977).

526

20. А.Р.Ж. ТЮРГО

Сборник всех экономических сочинений Тюрго, заново переведенных и с превосходными введением и аннотациями: P. D. Groenewegen

(ed.), *The Economics of A.R.J. Turgot* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1977). <Русские переводы большинства экономических сочинений Тюрго см. в: Кенэ Ф., Тюрго А. Р. Ж., Дюпон де Немур П. С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008.> Гроеневеген, главный современный авторитет по Тюрго, предлагает расставляющую все точки над *i* оценку влияния Тюрго на экономическую мысль в статье: Groenewegen, 'Turgot's Place in the History of Economic Thought: A Bicentenary Estimate', *History of Political Economy*, 15 (Winter 1983), pp. 585—616. Отсутствие влияния Тюрго на Адама Смита установлено в: Groenewegen, 'Turgot and Adam Smith', *Scottish Journal of Political Economy*, 16 (Nov. 1969), pp. 271—287.

Подробный анализ и высокую оценку развитой Тюрго теорию ценности и цены см. в: Groenewegen, 'A Reappraisal of Turgot's Theory of Value, Exchange, and Price Determination', *History of Political Economy*, 2 (Spring 1970), pp. 177—196. И о теории процента и капитала Тюрго см.: Groenewegen, 'A Re-interpretation of Turgot's Theory of Capital and Interest', *Economic Journal*, 81 (June 1971), pp. 321—340. Об оценке Тюрго Бём-Баверком и ее критике см.: Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest* (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959), I, pp. 39—45 <Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. I: История и критика теорий процента на капитал // Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009. С. 321—328>; Frank A. Fetter, *Capital, Interest, and Rent: Essays in the Theory of Distribution* (ed. M. Rothbard, Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, 1977), pp. 264-6; Groenewegen, 'Re-interpretation', pp. 327, 337—338. О теории предпринимателя Тюрго: Hébert and Link, *The Entrepreneur*, pp. 27—29. О жизни Тюрго: Douglas Dakin, *Turgot and the Ancient Regime in France* (London: Methuen & Co., 1939).

21. ФЕРДИНАНДО ГАЛИАНИ

О Галиани и Кондильяке см. замечательную статью: Emil Kauder, 'Genesis of the Marginal Utility Theory', *Economic Journal* (Sept. 1953), in Spengler and Allen (eds), *Essays*, pp. 277—287. Не существует полного перевода ни одного из сочинений Галиани. Есть частичные переводы параграфов, посвященных теориям ценности и процента из «Della Moneta»: Arthur Eli Monroe (ed.), *Early Economic Thought* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1924), pp. 280—307. <На русском имеется перевод только одной работы этого автора: Галиани Ф. Беседы о торговле зерном. Киев: тип. Окр. Штаба, 1891.> Много проясняющее обсуждение теории ценности Галиани, к сожалению, опускает его монетарный анализ как якобы менее важный: Luigi Einaudi: 'Einaudi on Galiani', in Henry W. Spiegel (ed.), *The Development of Economic Thought* (New York: Wiley, 1952), pp. 61—82. Этот пробел заполнен статьей: Filippo

Cesarano, 'Monetary Theory in Ferdinando Galiani's *Delia moneta*', *History of Political Economy*, 81 (Autumn 1976), pp. 380—399.

О жизни Галиани в Париже см.: Joseph Rossi, *The Abbé Galiani In France* (New York: Publications of the Institute of French Studies, 1950). Также о Галиани и Дженовезе см.: Franco Venturi, *Italy and the Enlightenment* (New York: New York University Press, 1972). О Дженовезе, Кондильяке и полезности обмена: Oswald St Clair, *A Key to Ricardo* (1957, New York: A.M. Kelley, 1965). О Кондильяке: Hutchison, *Before Adam Smith*, pp. 324—331; Isabel F. Knight, *The Geometric Spirit: The Abbé de Condillac and the French Enlightenment* (New Haven: Yale University Press, 1968).

22. ШОТЛАНДСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Много проясняющее изложение социальной истории Шотландского просвещения и его отношения к умеренному пресвитерианскому клиру: Anand C. Chitnis, *The Scottish Enlightenment: A Social History* (London: Croom Helm, 1976). Острое обсуждение умеренных как сторонников учреждения государственной пресвитерианской церкви см. в: Richard B. Sher, *Church and University in the Scottish Enlightenment: The Moderate Literati of Edinburgh* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985).

О доктринах и личных взаимоотношениях политэкономов Шотландского Просвещения: William Leslie Taylor, *Francis Hutcheson and David Hume as Predecessors of Adam Smith* (Durham, NC: Duke University Press, 1965). См. также сжатое изложение в: Н. М. Robertson and W. L. Taylor, 'Adam Smith's Approach to the Theory of Value', *Economic Journal* (1957), in Joseph J. Spengler and William R. Allen (eds), *Essays in Economic Thought* (Chicago: Rand McNally, 1960), p. 288ff. Отец-основатель этой группы исследован в: W. L. Taylor, 'Gershom Carmichael: A Neglected Figure in British Political Economy', *South African Journal of Economics*, 23 (Sept. 1955), pp. 251—255.

Опровержение хайекианского взгляда на Бернарда Мандевиля как сторонника *laissez faire*: Jacob Viner, *The Long View and The Short* (1953, Glencoe, Ill.: The Free Press, 1958), pp. 332—342. Попытка ответа Хайека Вайнеру базируется на непонимании Хайеком различия между «естественным» (процессы и результаты добровольных действий) и «искусственным» (вмешательством государства в эти процессы), а также очарованность Хайека всеми действиями без разбора, которые якобы дают «непреднамеренные» результаты: F. A. von Hayek, 'Dr. Bernard Mandeville', *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas* (1967, Chicago: University of Chicago Press, 1978), pp. 249—266 <статья перепечатана в: F. A. Hayek, *The Trends of Economic Thinking: Essays on Political Economists and Economic History*, ed. by W. W. Bartley III and Stephen Kresge, vol. 3 of *The Collected Works of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press), pp. 79—100>. Превосходная статья, демон-

стрирующая абсолютный меркантилизм и протокейнсианство Мандевилля: Harry Landreth, *The Economic Thought of Bernard Mandeville*, *History of Political Economy*, 1 (1975), pp. 193—208; см. также расставляющее все по своим местам статью: Salim Rashid, 'Mandeville's *Fable: Laissez-Faire or Libertinism?*' *Eighteenth-Century Studies*, 18 (Spring 1985), pp. 313—330. Лендрет показывает, что, как и в случае других меркантилистов, Мандевиль выступал за полную занятость большого населения, потому что исходил из цели максимизации производства при низких ставках заработной платы. Занятость была «полной», к тому что принуждалась к этому государством.

О влиянии Суареса и испанских схоластов на Гроция: José Ferrater Mora, 'Suarez and Modern Philosophy', *Journal of the History of Ideas* (Oct. 1953), pp. 528—547.

Все очерки Давида Юма, посвященные экономической теории, и небольшая выборка его писем опубликована в: David Hume's *Writings on Economics*, ed. E. Rotwein (Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1970). <Русские переводы: Юм. Бентам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5. М.: Издательство К. Т. Солдатенкова, 1895.> Прояснение вопроса о пренебрежении Юмом эффектом остатков наличности в механизме платежного баланса: Sekine, 'Discovery of International Monetary Equilibrium', pp. 274—282. Также см.: Salerno, 'Doctrinal Antecedents', pp. 150—176. О Юме как инфляционисте, особенно в его «Истории Англии»: Constant Noble Stockton, 'Economics and the Mechanism of Historical Progress in Hume's *History*', in D. W. Livingston and J. T. King (eds), *Hume: A Re-Evaluation* (New York: Fordham University Press, 1976), pp. 309—313.

Как правило, Юма считают великим опровергателем естественного права, однако см.: A. Kenneth Hesselberg, 'Hume, Natural Law and Justice', *Duquesne Review* (Spring 1961), pp. 45—63, — где автор утверждает, что в конечном счете Юм прокрадывается в естественноправовой анализ через черный ход.

В последние годы стало модно считать, что сэр Джеймс Стюарт был здравомыслящим кейнсиански ориентированным классическим либералом, несправедливо погребенным успехом «Богатства народов». Превосходная статья, разрушающая эту позицию до основания: Gary M. Anderson and Robert D. Tollison, 'Sir James Steuart as the Apotheosis of Mercantilism and His Relation to Adam Smith', *Southern Economic Journal*, 51 (Oct. 1984), pp. 456—468. Андерсон и Толлисон указывают на то, что Стюарт пламенно верил в тоталитарную плановую экономику, в которой государство регламентирует и картелирует экономическую деятельность. Стюарт также способствовал появлению марксистской доктрины неустранимого классового конфликта в обществе, а также превозносил и желал воспроизвести экономику Спарты — тоталитарное правление элиты, основанное на рабстве. Его сочинение переиздано с введением Эндрю Скиннера: Steuart, *An*

Inquiry into the Principles of Political Economy (Chicago: University of Chicago Press, 1966).

23. ПРОСЛАВЛЕННЫЙ АДАМ СМИТ

529

Количество исследований, посвященные Адаму Смиту, не поддается исчислению, так что здесь мы можем лишь попытаться сделать краткую и благоразумную выборку. Наиболее полное и качественное собрание всех сочинений Смита теперь доступно в красивом шеститомном Глазговском издании, вышедшем к 200-летию юбилею «Богатства народов». Глазговское издание «Богатства народов» 1976 г. под редакцией Р. Кэмпбелла, Э. Скиннера и У. Тодда, опубликованное издательством Оксфордского университета, было переиздано в двух томах издательством «Liberty Press» (Indianapolis: Liberty Classics, 1981). Введение Кэмпбелла—Скиннера представляет собой последнее слово науки в этой области. Но следует также обратиться к предыдущему стандартному изданию под редакцией Кэннана, даже если лишь для ознакомления со здоровым критическим подходом, на который отважился великий Кэннан в отношении Адама Смита: Smith, *Wealth of Nations*, ed. E. Cannan, New York: Modern Library, 1937.

До сих пор наиболее ясную и пронизательную критику путанных Смитовых теорий ценности и распределения можно найти в: Paul Douglas, 'Smith's Theory of Value and Distribution', in J. M. Clark et al., *Adam Smith, 1776—1926* (Chicago: University of Chicago Press, 1928), pp. 78—115; напечатано в: H. W. Spiegel (ed.), *The Development of Economic Thought* (New York: John Wiley, 1964), pp. 73—102. О поисках неизменной меры ценности Смитом и Рикардо: Richard H. Timberlake, Jr, 'The Classical Search for an Invariable Measure of Value', *Quarterly Review of Economics and Business*, 6 (Spring 1966), pp. 37—44. Критика Эдвином Кэннаном классической экономической теории Смита и Рикардо важна и нюансирована: Edwin Cannan, *A History of the Theories of Production & Distribution in English Political Economy* (3rd ed. 1917, London: Staples Press, 1953). Ловкое и неявное сбивание короны (put-down) можно заметить в его статье, суммирующей достижения Смита, написанной к 150-летию «Богатства народов»: Cannan, 'Adam Smith as an Economist', *Economica*, 6 (June 1926), pp. 123—134. См. также похожее и столь же нюансированное, а также остроумное сбивание короны шотландским историком экономической мысли: Alexander Gray, *Adam Smith* (London: The Historical Association, 1948).

Несмотря на голоса этих диссидентов, агиографическое отношение к Адаму Смиту оставалось в целом непоколебленным до уничтожающей критики в монументальном исследовании Йозефа Шумпетера: Joseph Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), особенно с. 181—194, 323—325, 557—559 <Шум-

петер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. I, с. 231—249, 423—428; Т. II, с. 730—733>. См. также отменную статью Эмиля Каудера: Emil Kauder, 'Genesis of the Marginal Utility Theory', *Economic Journal* (Sept. 1953), pp. 638—650, перепечатана в: Spengler and Allen, *Essays*, pp. 277—287. В комментарии на статью Каудера Ротертсон и Тейлор более благосклонны к Смигу, но фундаментально признают его критику: H. M. Robertson and W. L. Taylor, 'Adam Smith's Approach to the Theory of Value', in Spengler and Allen, *Essays*, pp. 288—304.

К сожалению, трезвое отношение к Смигу в русле шумпетерианского ревизионизма в целом отброшено с середины 1970-х гг. Частично это стало следствием книг, вышедших к 200-летию издания «Богатства народов», сочившихся обожанием Смита, частично — благодаря влиятельной монографии Сэмюэла Холландера: Samuel Hollander, *The Economics of Adam Smith* (Toronto: University of Toronto Press, 1973). Вопреки всем свидетельствам, Холландер предпринимает абсурдные попытки не мытьем, так катаньем загнать Смита в прокрустово ложе совершенно последовательного, формалистического протовальрасианского теоретика современного общего равновесия. В толстом томе статей к Глазговскому изданию — A. Skinner and T. Wilson (eds), *Essays on Adam Smith* (Oxford: The Clarendon Press, 1975) — многие написаны в русле холландерианской агиографии.

Однако приятно обнаружить, что в более свежей монографии Т. Хатчисон признает огромный ущерб, причиненный тем, что Смит отверг всю унаследованную им традицию субъективной полезности и редкости, имплантирование им в экономическую науку теорий объективной и трудовой ценности. К сожалению, Хатчисон приписывает это роковое изменение «случайной, скучной и неуклюжей» путанице со стороны Смита, нежели более глубоким отличиям и проблемам. Хатчисон также явно указывает на прискорбный отказ Смита от идеи предшествовавших экономистов, согласно которой причиной разделения труда служит человеческое разнообразие, утверждение, отрицание которого, как считает Хатчисон, «можно ожидать... от социального инженера или эгалитариста», но не от Смита, считающегося индивидуалистом и либералом. См.: Terence Hutchison, *Before Adam Smith*, pp. 362—366, 370—381.

Стандартной биографией Адама Смита до сих пор остается John Rae's *Life of Adam Smith*, особенно издание 1965 г., включающее в себя подробный вводный очерк Джейкоба Вайнера: Jacob Viner, 'Guide to John Rae's Life of Adam Smith', in John Rae, *Life of Adam Smith* (New York: A. M. Kelley, 1965). Также см.: C. R. Fay, *Adam Smith and the Scotland of His Day* (Cambridge: Cambridge University Press, 1956); William Robert Scott, *Adam Smith as Student and Professor* (Glasgow: Jackson, Son & Co., 1937). Самая свежая краткая биография Смита: R. H. Campbell and A. S. Skinner, *Adam Smith* (London: Croom Helm, 1982). Об интеллектуальном окружении Смита: William Leslie Taylor, *Francis Hutcheson and*

David Hume as Predecessors of Adam Smith (Durham, NC: Duke University Press, 1965); Anand Chitnis, *The Scottish Enlightenment: A Social History* (London: Croom Helm, 1976).

Об отвратительной практике Адама Смита не указывать источники своих идей: Salim Rashid, 'Adam Smith's Acknowledgements: Neo-Plagiarism and the *Wealth of Nations*', *The Journal of Libertarian Studies*, 9 (1990), pp. 1—24. О несправедливом обвинении Смитом своего друга Адама Фергюссона в плагиате: Ronald Hamowy, 'Adam Smith, Adam Ferguson, and the Division of Labour', *Economica*, 35 (August 1968), pp. 249—259. Яркая критика ученых, применяющих особые стандарты, благоприятные для Адама Смита: Salim Rashid, 'Does a Famous Economist Deserve Special Standards? A Critical Note on Adam Smith Scholarship', *Bulletin of the History of Economics Society*, 11 (Autumn 1989), pp. 190—209. О медленности продвижения «Богатства народов» к известности: Salim Rashid, 'Adam Smith's Rise to Fame: A Reexamination', *The Eighteenth Century* (Winter 1982), pp. 64—85.

Познавательная статья о Смите как исполненном энтузиазма высокопоставленном сборщике таможенных пошлин: Gary M. Anderson, William F. Shughart II, and Robert D. Tollison, 'Adam Smith in the Customhouse', *Journal of Political Economy*, 93 (August 1985), pp. 740—759.

О неведении Адама Смита о происходившей вокруг него Промышленной революции: R. Koebner, 'Adam Smith and the Industrial Revolution', *Economic History Review*, 2nd ser. 11 (August 1959); Charles R Kindleberger, 'The Historical Background: Adam Smith and the Industrial Revolution', in T. Wilson and A.S. Skinner (eds), *The Market and the State: Essays in Honor of Adam Smith* (Oxford: The Clarendon Press, 1976), pp. 125. Новейшая критика Смита в этом отношении: Salim Rashid, 'The *Wealth of Nations* and Historical Facts', *Journal of the History of Economic Thought*, 14 (Autumn 1992), pp. 225—243. Неубедительная защита Смита: Ronald Max Hartwell, 'Adam Smith and the Industrial Revolution', in F. Glahe (ed.), *Adam Smith and the Wealth of Nations* (Boulder, Col.: Colorado Associated University Press, 1978), pp. 123—247.

Глубокое внутреннее противоречие между благоприятными и неблагоприятными взглядами Смита на разделение труда, последние из которых предвосхитили марксистские жалобы на «отчуждение», признает даже один из самых преданных современных обожателей Смита: Edwin G. West, 'Adam Smith's Two Views on the Division of Labour', *Economica*, n.s. 31 (Feb. 1964), idem, 'Political Economy of Alienation', *Oxford Economic Papers*, 21 (March 1969), pp. 1—23. См. также: idem, 'Adam Smith and Alienation', in Skinner and Wilson (eds), *Essays on Adam Smith*, pp. 540—552. Из других авторов, указывающих на предвосхищение марксистских стенований по поводу «отчуждения» см.: Nathan Rosenberg, 'Adam Smith on the Division of Labour: Two Views or One?', *Economica*, n.s. 32 (May 1965); Jacob Viner's Introduction to John Rae's *Life of Adam Smith* (1965), p. 35.

О предубежденности Смита против потребления: Roger W. Garrison, 'West's Cantillon and Adam Smith: A Comment', *Journal of Libertarian Studies*, 1 (Autumn 1985), pp. 291—292; Cannan, *History of Theories*, pp. 23—24; Ingrid Hahne Rima, *Development of Economic Analysis* (3rd ed., Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1978), p. 79; Edwin G. West, *Adam Smith* (New Rochelle, NY: Arlington House, 1969), p. 173; Kauder, 'Genesis'; Gerhard W. Ditz, 'The Calvinism in Adam Smith' (unpublished MS, 1983). Важный тезис Натана Розенберга в статье Nathan Rosenberg's 'Adam Smith on Profits — Paradox Lost and Regained', *Journal of Political Economy*, 82 (Nov-Dec. 1977), pp. 1187—1188 состоит в том, что Смит считает высокие прибыли плохими, потому что они подталкивают капиталистов к потреблению роскоши.

Классическая критика необъяснимого нежелания Смита перенести описание юмовского механизма «цены — перетоки денежного металла» из лекций <о юриспруденции> в «Богатство народов»: Jacob Viner, *Studies in the Theory of International Trade* (New York: Harper & Bros, 1937), p. 87. Релистичная оценка неудовлетворительности теории денег Смита: Douglas Vickers, 'Adam Smith and the Status of the Theory of Money', — как ни странно опубликована в агиографическом сборнике: Skinner and Wilson, *Essays*, p. 484. Неубедительные попытки объяснить деградацию Смитовой теории денег: Frank Petrella, 'Adam Smith's Rejection of Hume's Price-Specie-Flow Mechanism: A Minor Mystery Resolved', *Southern Economic Journal*, 34 (Jan 1968), pp. 365—374. Роберт Игли, в духе Сэмюэла Холландера, пытается представить Смита протопальраианским теоретиком общего равновесия, в действительности принявшим юмовскую позицию: Robert V. Eagly, 'Adam Smith and the Specie-Flow Doctrine', *The Scottish Journal of Political Economy*, 17 (Feb. 1970), pp. 61—68. См. также критику смитовского аргумента о звонкой монете как «мертвом запасе»: Charles Rist, *History of Monetary and Credit Theory: From John Law to the Present Day* (1940, New York: A. M. Kelley, 1966), p. 85. Опровержение современных версий этого аргумента, характерного в одинаковой степени как для кейнсианцев, так и для монетаристов: Roger W. Garrison, 'The "Costs" of a Gold Standard', in Llewellyn H. Rockwell, Jr (ed.), *The Gold Standard: Perspectives in the Austrian School* (1985, Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1992), pp. 61—79 <Гаррисон Р. Издержки золотого стандарта // Золотой стандарт: теория, история, политика. Челябинск: Социум, 2011. С. 407—427>.

О «невидимой руке» как метафоре: William B. Grampp, 'Adam Smith and the Economic Man', *Journal of Political Economy* (August 1948), pp. 319—321. О первом использовании концепции «невидимой руки» автором XVII в. Джозефом Гренвиллем и о похожем использовании Смитом этой концепции в философских статьях: Spengler, 'Boisguilbert's Economic Views', p. 73.

О сомнениях в приверженности Адама Смита *laissez faire* см. классическую статью: Jacob Viner, 'Adam Smith and Laissez-faire', in Clark

et al., *Adam Smith, 1776—1926*, pp. 116—179. См. также: Joseph M. Jadlo, 'Adam Smith on Usury Laws', *Journal of Finance*, 32 (Sept. 1977), pp. 1195—1200. Однако странно, что Джедлоу видит здесь мудрую борьбу с «внешними эффектами» («экстерналиями»), а не кальвинистский ужас в отношении потребления и спекулятивного риска. См. также тонкое обсуждение в: Ellen Frankel Paul, 'Adam Smith: The Great Founder', in *Moral Revolution and Economic Science: The Demise of Laissez-Faire in Nineteenth Century British Political Economy* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1979), pp. 9—44. Критику Смитовых так называемых канонов налогообложения см. в: Murray N. Rothbard, *Power and Market: Government and the Economy* (1970, Kansas City, Mo.: Sheed Andrews and McMeel, 1977), pp. 137—138, 144—145.

24. РАСПРОСТРАНЕНИЕ УЧЕНИЯ А. СМИТА

533

О распространении смитианского учения в Шотландии и о влиянии Дугальда Стюарта: Jacob H. Hollander, 'The Dawn of a Science', и в особенности: 'The Founder of a School', in J. M. Clark et al., *Adam Smith, 1776—1926* (Chicago: University of Chicago Press, 1928). Об основании журнала «Edinburgh Review»: Anand C. Chitnis, *The Scottish Enlightenment*; and on Francis Horner, see Frank W. Fetter, 'Introduction', F. W. Fetter (ed.), *The Economic Writings of Francis Horner* (London: London School of Economics, 1957). О распространении смитианства на континенте Европы см. до сих пор непревзойденную статью: Melchior Palyi, 'The Introduction of Adam Smith on the Continent', in Clark, *Adam Smith*, pp. 180—233. О распространении смитианских взглядов в Германии: Carl William Hasek, *The Introduction of Adam Smith's Doctrines Into Germany* (New York: Columbia University Press, 1925). О Людвиге Генрихе фон Якоб см.: Donald G. Rohr, *The Origins of Social Liberalism in Germany* (Chicago: University of Chicago Press, 1963). Об истории и проблемах реформ Штейна—Гарденберга в Пруссии: Walter M. Simon, *The Failure of The Prussian Reform Movement, 1807—19* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1955). О немецких камералистах, оказывавших сопротивление учению Смита: Lewis H. Haney, *History of Economic Thought* (4th ed., New York: Macmillan, 1949), pp. 148—165. Подробное изложение политических взглядов камералистов: Albion W. Small, *The Cameralists* (1909; New York: Burt Franklin, n.d.). О взглядах Иоганна Генриха Готтлиба фон Юсти на отчуждение труда на фабриках и в условиях разделения труда и об их влиянии через сэра Джеймса Денхема Стюарта на Г.В.Ф. Гегеля: Raymond Plant, *Hegel* (Bloomington, Ind.: University of Indiana Press, 1973). О коммунизме Иоганна Иоахима Бехера: Eli F. Heckscher, *Mercantilism* (2nd ed., New York: Macmillan, 1955). О Генрихе Фридрихе Фрайхерр фон Шторхе: Schumpeter, *History*, pp. 502—503 <Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. I. С. 656—

658>; Peter Bernholz, 'Inflation and Monetary Constitutions in Historical Perspective', *Kyklos*, 36, no. 3 (1983), pp. 408—409.

О Семене Десницком и его смитовском влиянии при дворе Екатерины Великой: А. Н. Brown, 'S. E. Desnitsky, Adam Smith, and the *Nakaz* of Catherine II', *Oxford Slavonic Papers*, n.s. 7 (1974), pp. 42—59; idem, 'Adam Smith's First Russian Followers', in Skinner and Wilson (eds), *Essays on Adam Smith*, pp. 247—273.

25. МАЛЬТУС И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Количество исследований о Мальтусе и народонаселении почти бесконечно; здесь мы можем только предложить любое из многочисленных перепечаток 1-го и 6-го изданий его «Опыта о народонаселении» (см. ссылки в: Spiegel, *Growth*, pp. 735—739, 828—829). В качестве дополнения превосходная критика Мальтуса в: Schumpeter, *History*, pp. 250—258, 578—584, 889—891 <Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. I, с. 325—336, т. II, с. 758—766, т. III, с. 1173—1176>; Edwin Cannan, *A History of the Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848* (3rd ed., London: Staples Press, 1953), pp. 103—114, 132—135. См. также острую статью: Gertrude Himmelfarb, 'The Specter of Malthus', in idem., *Victorian Minds* (1968, Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1975), pp. 82—110; и всегда остроумного и пронизательного Александра Грея: Alexander Gray, *The Development of Economic Doctrine* (London: Longmans, Green and Co., 1931), pp. 155—168. Удивительно, что единственная существующая биография полезна и достаточно объемна, но не отличается глубокой аналитичностью: Patricia James, *Population Malthus: His Life and Times* (London: Routledge and Kegan Paul, 1979).

УКАЗАТЕЛЬ*

- Абеляр, Пьер (Abelard, Peter) 47
Абрамс, М. (Abrams, M. H.) 472
Абсолютизм 71-72, 213-214, 249-251, 277-280
– во Франции 179-210, 515-516
– Боден, Жан 204-7
– Монтень, Мишель 201-203
– гуманизм 181-188, 194-196, 199-201
– в Италии 179-210
– Ботеро и распространение макиавеллизма 196-199
– возникновение 179-181
– Макиавелли, 188-194
– государство 137-139
Август, король Польши 346
Августин Аврелий (Augustinus, Aurelius) 34, 35, 63, 64, 132
– августинианцы 139
Австрийская школа 10, 17, 18, 25, 124, 167
– временное предпочтение 399-400
– и Смит 437
– Кантильон 361
– объективная ценность и издержки производства 375
– от Средних веков до Ренессанса 74, 88, 89
– распространение учения А. Смита 502
– Средние века 46, 50, 61
– теоретики полезности 405-406
– теория денег 429, 430
– теория капитала и процента 395, 396, 402
– теория ценности 452, 456
– теория экономического цикла 401
– ценность, обмен и цена 390, 391, 392, 393
См. тж Протоавстрийцы
Австрия 244, 493
Адамиты 163-164
Адриан, папа 43
Азия 225, 260
Азо (Azo) 40, 41
Аквавива, Клавдий (Aquaviva, Claudius) 108, 121
Аккурзий, Франциск (Accursius) 40, 41, 58
Алан Английский (Alanus Anglicus) 41, 45
Алансонский, герцог (d'Alençon, Duc) 173
Александр III, папа (Бандинелли, Роланд) (Alexander III (Bandinelli, Roland)) 39, 40, 44
Александр VI (Alexander VI) 185
Александр Александрийский (Alexander of Alexandria). *См.* Бонини, Александр
Александр Гэльский (Alexander of Hales) 48, 49
Александр Ломбардский (Alexander Lombard). *См.* Бонини, Александр
Александр Македонский/Великий 7, 20, 22, 35
Аллен, Дж. У. (Allen, J. W.) 430, 472, 473, 515
Алчиан, Армен (Alchian, Armen A.) 430
Альберикус (Albericus) 40
Альберт Великий (Albert the Great, Saint) 48, 49, 50-51, 52, 53, 64
Альберт Гогенцоллерн (Albert of Hohenzollern) 138
Альберти, Леон Батиста (Alberti, Leon Battista degli) 184, 515
Альбизески, Альбертолло (Albizzeschi, Albertollo degli) 83
Альма, Жак (Almain, Jacques) 94
Альтузий, Иоганн (Althusius, Johannes) 172
Амальрик из Бена (Амори Шартрский) (Amalric) 160
Америка. *См.* Северная Америка

* В указателе сохранены номера страниц по английскому оригиналу; начало страницы по английскому оригиналу указано на внешних полях под чертой.

- Амиши 146
 Амориты 160
 Анабаптизм 146-150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158
 – и меркантилизм 216, 312, 339
 – коммунизм 159, 514
 – экстремисты 164
 Англия 99, 111, 369, 425, 489
 – абсолютизм 194, 195, 199
 – и меркантилизм во Франции 247, 261, 264
 – и распространение учения А. Смита 479, 480, 481, 500
 – протестантизм и католицизм 138, 142, 167
 – текстиль и монополия 221-226, 240
 – торговля 309
См. тж Банк; меркантилизм
 Андерсон, Гэри (Anderson, Gary M.) 468, 472, 474, 528, 531
 Андрелини, Фаусто (Andrelini, Fausto) 195
 Анжелика, матушка (Angélique, Mère) 132
 Анжéлико, фра Беато (Angélico, Fra) 86
 Аннуитет, договор 107. *См. тж* Censur
 Ансельм Кентерберийский (Anselm of Canterbury, Saint) 43-44
 Ансельм Луккский (Anselm of Lucca) 44
 Античная мысль 507-509. *См. тж* Древние греки
 Антонино Флоренский (Sant'Antonino of Florence) 85-88, 122
 Аристотелианство 4, 5, 48, 50, 51, 79, 80, 92, 140, 141, 143, 166, 362
 Аристотель 3, 6, 7, 9, 19, 20, 21, 50, 52, 54, 57, 102, 182, 410, 425, 508
 – и обмен и ценность 15-18
 – и частная собственность и деньги 13-15
 – «Политика» 53
 – «Риторика» 17
 – «Тописка» 17
 – «Этика» 16, 51, 52, 73
 Аристофан 76, 94, 514
 Арминий, Якоб (Arminius, Jacobus) 340, 418
 Арно, Антуан (Arnauld, Antoine) 132
 Артур, сэр Дэниел (Arthur, Sir Daniel) 345
 Аспилькуэта Навваро, Мартин де (Azpilcueta Navarrus, Martin de) 105-109, 112, 113, 165, 206, 281
 Астежанус (Astesanus) 80
 Астраи́н, отец Антонио (Astrain, Father Antonio) 122
 Ауберино, Кайо (Auberino, Caio) 195
 Аурифекс, Вильем (Aurifex, William) 160
 Африка 99, 261
 Африканская компания 323
 Баварская правда (Bavarian law) 31
 Байанизм 132
 Бакунин, Михаил 483
 Балкли, Шарлотта (Bulkeley, Charlotte) 346
 Бандинелли, Роланд (Bandinelli, Roland). *См.* Александр III, папа
 Банк Англии 229, 230, 321, 500
 Барбаросса, Фридрих (Barbarossa, Frederick) 179
 Барбон, Николас (Barbon, Nicholas) 322, 323, 340, 522
 Барбон, Прейсгод (Barbon, Praisegod) 322
 Барли, лорд (Burghley, Lord). *См.* Сесил, сэр Уильям
 Бартеlemi де Шаснеуз (Chasseneux, Barthélemy de) 200, 201
 Бастиа, Фредерик (Bastiat, Frédéric) 333, 389, 422
 Баумгартнер, Фредерик (Baumgartner, Frederic) J. 515
 Бауэр, П. Т. (Bauer, P.T.) 209
 «Башмачник к строителю» отношение 52
 Баюс, Михаил (Bay, Dr Michael de) 122, 132. *См. тж* Байанизм
 Беза, Теодор (Beza, Theodore) 169, 171
 Безольд, Кристоф (Besold, Christoph) 492
 Бейли, Сэмюэл (Bailey, Samuel) 403, 450
 Бейлин, Бернард (Bailyn, Bernard) 521
 Беккер, Лоуренс (Becker, Lawrence C.) 522
 Белеба, Шарль Поль Юро дель

- Опиталь, сир де (Belesbat, Charles Paul Hurault de l'Hôpital, Seigneur de) 267-269, 271, 272, 368, 369
- Бельгия 132, 169, 216, 221, 223, 224
- Бём-Баверк Ойген (Böhm-Bawerk, Eugen von) 18, 85, 145, 175, 395, 399, 406, 413, 430, 431, 513-514, 526
– «Капитал и процент» 402
- Бенедикт, дьякон (Benedictus Diaconus, Saint) 32
- Беннетт, Генри (Bennett, Henry) 289
- Бентам, Иеремия (Bentham, Jeremy) 314, 413
– «В защиту ростовщичества» 467, 477
– и «Богатство народов» 477
- Берберская компания (Barbary Company) 225
- Беркли, Джордж (Berkeley, Bishop George) 130, 331-332, 523
- Бернарделли, Харро (Bernardelli, Harro F.) 525
- Бернардин Сиенский (San Bernardino of Siena) 62, 81-85, 86, 87, 88, 106, 109, 110, 122
- Бернулли, Даниэль (Bernoulli, Daniel) 310, 379-381, 525
- Бернулли, Жак (Bernoulli, Jacques) 379
- Бернулли, Жан (Bernoulli, Jean) 379
- Бернхольц, Питер (Bernholz, Peter) 533
- Бероальдо, Филиппо (Beroaldo, Filippo) 195
- Бехер, Иоганн (Becher, Johann Joachim) 493, 502, 533
- Биль, Габриэль (Biel, Gabriel) 89, 90, 91, 141, 511
- Биндоф, С. Т. (Bindoff, Professor S. T.) 224-225, 231, 516
- Ближний Восток 261, 289, 323
- Блок, Уолтер (Block, Professor Walter) 329
- Блумфилд, Артур (Bloomfield, Arthur I.) 473, 525
- Блэквуд, Адам (Blackwood, Adam) 207, 208
– последователи 209
- Блэр, Хью (Blair, Reverend Hugh) 424, 440, 499
- Богемия 418
– богемские адамиты 163-164
- Боден, Жан (Bodin, Jean) 129, 204-207, 208, 210, 257, 281, 288, 515
– «Ответ на парадоксы месье де Малеструа» («Response to the Paradoxes of Malestroit») 106, 206
– «Шесть книг о государстве» («Six Books of a Commonwealth») 204
- Бодо де Жюлли, Николя (Baudot de Juilly, Nicholas) 273
- Бодо, Николя (Baudeau, Abbe Nicolas) 366
- Бойл, Роберт (Boyle, Robert) 298, 315
- Бокельсон, Ян (Бокелзон, Бейкельз) (Bockelson, Jan (Bockelszoon, Beukelsz)) 152, 154-159
- Болдуин, Джон (Baldwin, John W.) 509
- Болонский университет 37-42
- Бонавентура, св. (Bonaventure, Saint) 48
- Боначина, Мартино (Bonacina, Martino) 132
- Бони, Этьен (Bauny, Etienne) 132
- Бонини, Александр (Bonini, Alexander) 79-80, 81, 83
- Бонифаций VIII, папа (Boniface VIII) 68, 69
- Борниц, Якоб (Bornitz, Jakob) 492
- Борромео, Карл (Borromeo, Cardinal San Carlo) 107
- Босоногих («кроканов») восстание 255-257
- Боссюэ, Жак-Бенинь, епископ Мо (Bossuet, Jacques-Bénigne, Bishop of Meaux) 251
- Ботеро, Джованни (Botero, Giovanni) 196-199, 302, 482, 485
- Браун (Brown, A. H.) 533
- «Брахилог» («Brachylogus») 39-40
- Браччолини, Поджо (Bracciolini, Poggio) 184
- Брейлсфорд, Г. Н. (Brailsford, H. N.) 339, 521
- Брессион, сир де (Bresson, Sieur de) 258
- Бриджес, Джеймс, герцог Чандос (Brydges, James, Duke of Chandos) 310
- Брирли, Роджер (Brearily, Reverend Roger) 339

- Броджа, Карло Антонио (Broggia, Carlo Antonio) 474
- Бродрик, Дж.С.Дж. (Brodrick, J.S.J) 512, 513
- Брум, Генри (Brougham, Henry) 478, 479
- Бруни, Леонардо (Bruni, Leonardo) 184
- Брюер, Джон (Brewer, John) 517
- Брюер, Энтони (Brewer, Anthony) 524
- Буагильбер, Пьер ле Пезан, сир де (Boisguilbert, Pierre le Pesant, Sieur de) 269-273, 348, 368, 371, 518
– «Детальное описание Франции («A Detailed Account of France»)» 269, 270
- Бульонисты 284-288
- Бургундский кружок 263-267, 518
- Бургундский, герцог (Burgundy, Duke of) 263, 266, 378. *См. тж* Бургундский кружок
- Буридан де Бетюн, Жан (Buridan de Bethune, Jean) 72-77, 80, 89, 94, 167, 325
– «Вопросы» 73
- Бурхард, Вормсский (Burchard of Worms) 37
- Бут, Сесили (Booth, Cecily) 514
- Бьюкенен, Джордж (Buchanan, George) 171-173, 207, 515
- Бьют, лорд (Bute, Lord) 424
- Бэк, Луис (Baecck, Louis) 512
- Бэкон, сэр Николас (Bacon, Sir Nicholas) 295
- Бэкон, Фрэнсис, барон Веруламский, виконт Сент-Альбанский (Bacon, Sir Francis, Baron Verulam, Viscount St Albans) 129-130, 189, 292-296, 305, 411, 520
– «Апология» 295
– «Новая Атлантида» 293
– «Совет сэру Джорджу Вильерсу» 296
См. тж Бэконянцы
- Бэконянцы 309, 314, 315, 480. *См. тж* Петти, Уильям
- Бюде, Гийом (Bude, Guillaume) 200
- Бюссере, Давид (Buisseret, David) 518
- Ваза, Густав, король Швеции (Vasa, Gustav) 138
- Вайнер, Джейкоб (Viner, Jacob) 213, 214, 230, 341, 342, 473, 519, 523, 527, 531, 532
- Вайолет, Томас (Violet, Thomas) 286
- Вальрасианцы (Вальрас, Леон) (Walras, Léon) 349, 351, 437
- Валюта, обмен 79-81, 284-288
- Вексельный обмен. *См.* Валюта, обмен
- Ван Дайк Робертс, Хейзел (Van Dyke Roberts, Hazel) 518
- Вандерлинт, Якоб (Vanderlint, Jacob) 335, 341, 523, 524
- Варфоломеевская ночь 196, 197
- Вебер, Макс (Weber, Max) 141, 142, 168-169, 174, 513
- Веберянцы 175
- Великая депрессия (1930-х гг.) 491
- Великая депрессия XIV в. 67-71
- Великобритания 94, 139, 143, 167, 345, 479, 481. *См. тж* Англия; Уэльс; Шотландия
- Венгрия 226
- Вентури, Франко (Venturi, Franco) 527
- Венусти А. М. (Venusti, A. M.) 110
- Верджеро, Пьетро Паоло (Vergerio, Pietro Paolo) 184, 185
- Вероятностей теория 379
- Верри, граф Пьетро (Verri, Count Pietro) 474
- Верховный суд 128
- «Вздохи поработенной Франции» 260
- Виги 313, 316, 322, 323, 324, 340, 438, 479, 480
- Визиготская правда 31
- Викерс, Дуглас (Vickers, Douglas) 362, 473, 532
- Викселль, Кнут (Wicksell, Knut) 120, 396, 413
- Вильгельм Молчаливый, принц Оранский (William the Silent, Prince of Orange) 170
- Вильгельма и Марии правительство (William and Mary) 228
- Вильерс, Сэр Джон (Villiers, Sir John) 304
- Вильерс, сэр Джордж (Villiers, Sir George) 296

- Вильям Ренский (William of Rennes) 40
 Вирджинская компания 284
 Висконти, семейство (Visconti family) 184, 185-186
 Вителли, Корнелио (Vitelli, Cornelio) 195
 Витт, Ян де (Witt, Johan de) 388
 Виттельс, Кристофер (Vittels, Christopher) 339
 Вобан, Себастьян Лепретр, сеньор де (Vauban, Maréchal Sebastian Le Prestre, Seigneur de) 262-263, 270, 371, 469, 518
 Вон, Карен (Vaughn, Karen I.) 340, 522
 Вон, Райс (Vaughn, Rice) 291, 292
 Восточная компания 225
 Временное предпочтение 399-400
 Вуд, Нил (Wood, Neal) 521
 Вулф, Дон (Wolfe, Don M.) 339, 521
 Вулф, Мартин (Wolfe, Martin) 210, 517
 Вэр, Норман (Ware, Norman J.) 374
- Габель. *См.* Соляной налог
 Габриэлисты 89. *См. тж* Оккамиты
 Гаген, Роберт (Gaguin, Robert) 195
 Галиани, Фердинандо (Galiani, Abbe Ferdinando) 110, 403-409, 409, 410, 526-527
 – «О деньгах» 404, 406, 407, 408
 Гарденберг, Карл Август, Фюрст фон (Hardenberg, Karl August, Fürst von) 498, 533
 Гардинер, Стивен (Gardiner, Stephen) 199, 280
 Гаррисон, Роджер (Garrison, Roger W.) 372, 373, 444, 447, 467-468, 473-474, 525, 531, 532
 Гарсиа, Франциско (Garcia, Francisco) 112, 380
 – «Трактат о сделках» 111
 Гассенди, Пьер (Gassendi, Pierre) 297
 Гегель, Г.В.Ф. (Hegel, G.W.F.) 533
 Гезелль, Сильвио (Gesell, Silvio) 330
 Генрих III, король (Henry III) 46, 119, 173, 204, 217, 244
 Генрих IV (Генрих Наварский) (Henry IV (Henry of Navarre) 119, 173, 174, 208, 209, 217, 236, 238, 239, 241, 242, 244, 255
 Генрих V, король (Henry V) 195
 Генрих VII, император (Henry VII) 179
 Генрих VIII, король (Henry VIII) 138
 Генрих Гессенский (Henry of Hesse). *См.* Лангенштейн, Генрих фон
 Гераклит Эфесский 5-6
 Германия 196
 – абсолютизм 179, 194
 – и меркантилизм 224, 241, 313
 – и распространение учения А. Сми-та 492-498
 – и схоласты 108, 111
 – и Шотландское Просвещение 418
 – католицизм 138, 146, 147, 148, 149, 158, 160, 167, 169
 – от Средних веков до Ренессанса 91, 94
 – Протестантизм 138, 146, 147, 148, 149, 158, 160, 167, 169
 – Тридцатилетняя война 244
См. тж Мюнстер
 Гесиод 8-9, 15, 19, 507
 Гиббон, Эдвард (Gibbon, Edward) 471
 Гиз, герцог де (Guise, Due de) 119, 173
 Гилфорд, Фрэнсис (Guilford, Francis) 323, 340
 Глэнвилль, Джозеф (Glanville, Joseph) 274, 532
 Гоббс, Томас (Hobbes, Thomas) 279, 296, 297, 305, 314, 339, 341
 Годвин, Уильям (Godwin, William) 483-484, 486-487, 489, 492
 – «Вопрошатель» 485
 – «О народонаселении» 488
 – «Политическая справедливость» 483, 485
 Годдард, Джоннатан (Goddard, Jonathan) 299
 Голландия. *См.* Нидерланды
 Гомстединга теория 57
 Гордон, Барри (Gordon, Barry) 507-508, 509, 511
 Гордон, Томас (Gordon, Thomas) 521
 Гостензис де Сегузо, Генрик (Hostiensis de Segusio, Cardinal Henricus) 40, 46, 54, 61, 79, 84
 Государственный абсолютизм 137-139
 Государство, реформа 258
 Гражданская война 298. *См. тж в рубрике* Меркантилизм

- Грайс-Хатчисон, Марджори (Grice-Hutchinson, Marjorie) 511
- Грампп, Уильям (Grampp, William D.) 532
- Граслан, Жак-Жозеф (Graslin, J. J.) 401
- Грассайль, Шарль де (Grassaille, Charles de) 200
- Гратиан, Йоханнес (Gratian, Johannes) 39, 42, 43, 55
- Грегори, Джеймс (Gregory, James) 312
- Грегори, Теодор (Gregory, Theodore E.) 522
- Грегуар, Пьер (Grégoire, Pierre) 207, 208
- Грей, Александр (Gray, Alexander) 460, 472, 473, 489, 502, 518, 529, 534
- Григорий IX, папа (Уголино де Сеньи) (Gregory IX (Ugolino de Segni)) 39
– «Декретаии» 39, 40, 45
- Григорий VIII, папа (Gregory VIII) 36
- Григорий Риминийский (Gregory of Rimini) 72, 89, 511
- Грин, Рой (Green, Roy) 341
- Гринвуд, Мейджор (Greenwood, Major) 301
- Гринлиф, У. (Greenleaf, W.H.) 279, 304, 519
- Гроенвеген, Питер (Groenewegen, Peter D.) 413, 526
- Гросин, Уильям (Grosyn, William) 195, 196
- Гроций, Гуго (Grotius, Hugo) 72, 110, 296, 314, 339, 369-370, 417, 418, 419, 442, 473, 528
- Грэшем, Томас (Gresham, Sir Thomas) 282, 283, 285, 287, 519
- Грэшема закон 75, 76, 165, 282-283, 285, 291, 321, 514
- Гугеноты 167-170, 171, 172, 173, 174, 196-197, 204, 205, 206, 515
– и меркантилизм 216, 219, 241, 263
См. тж Кальвинизм
- Гуго Сен-Викторский (Hugh of St Victor) 44
- Гуманизм 114, 515
– монархисты 184-188
– республиканцы 181-184
– распространение в Европе 194-196
– Франция 199-201
- Гурнэ, Жак Клод Мари Винсент, маркиз де (Gournay, Jacques Claude Marie Vincent, Marquis de) 318, 386, 387, 388, 412, 429
- Гуситы 162-163, 164, 298
- Густав III, король Швеции (Gustavus III) 379
- Гэйдж, Джозеф Эдвард («Красавчик») (Gage, Joseph Edward (Beau)) 346
- Д'Альи, Петр (d'Ailly, Pierre) 93
- Д'Аржансон, Ренэ-Луи де Буае де Полми, маркиз (Argenson, René-Louis de Voyer de Paulmy, marquis d') 368-369
- Дашкова, Екатерина, княгиня 499
- да Витербо Джакомо (da Viterbo, Jacomo) 53
- да Савона, Лоренцо (da Savona, Lorenzo) 195
- да Синья, Бонкампанья (da Signa, Boncampagno) 181
- да Тиферно, Грегорио (da Tiferna, Gregorio) 195
- Даванцатти, Бернардо (Davanzati, Bernardo) 166-167, 404, 514
- Давенант, Чарльз (Davenant, Charles) 309-312, 338, 339, 520
- Дальний Восток 214, 285, 317
- Дания 138
- Данте Алигьери (Dante Alighieri) 179
- Даосизм 23-27
- Дворянство и оппозиция коллективизму 259-262
- де Баньес де Мондрагон, Доминго (de Banez de Mondragon, Domingo) 112, 113, 115, 123
- де Витория, Франциско (de Vitoria, Francisco) 102-103, 105, 109, 112, 114, 115, 511
- де Куртиль де Сандра, Гасьен, сир Дюверже (de Courtilz de Sanras, Gatien, Sieur du Verger) 259-260
- де Луго, Хуан, кардинал (de Lugo, Cardinal Juan) 122-127, 131
- де Лука, Джамбатиста, кардинал (de Luca, Cardinal Giambattista) 132
- де Мариана, Хуан (de Mariana, Juan) 117-122, 133, 168, 172, 314, 512
– «О королевском сане» 117, 119

- «О перемене монеты» 119-120, 121
 де Медина, Хуан (de Medina, Juan) 105-109, 114, 123, 125
 де Меркадо, Томас (de Mercado, Tomas) 111, 112, 380
 де Рибаденейро, Педро (de Ribadeneira, Pedro) 174
 де Сейсель, Клод (de Seyssel, Claude) 199-200
 де Сото, Доминго (de Soto, Domingo) 103, 104, 105, 106, 107, 109, 111, 113, 511
 де Феретти, Феррето (de Ferreti, Ferreto) 180, 182
 де Эскобар-и-Мендоза, Антонио (de Escobar y Mendoza, Father Antonio) 131, 132
 Дедуктивный вывод из аксиом 323-327
 Дейкин, Дуглас (Dakin, Douglas) 526
 Деказо Дюаллэ, Иоаким (Descazeaux du Hallay, Joachim) 262
 Декарт, Рене (Descartes, René) 129-130, 297, 302, 325, 418, 419, 425
 Деккер, сэр Мэттью (Decker, Sir Matthew) 337, 342
 Декларация независимости США 118
 «Декрет» 37-38, 39, 44
 Декреталии 39
 Декреталисты 39
 делла Рива, Бонвесин (della Riva, Bonvesin) 182
 делла Скала, семейство (della Scala family) 180, 182, 185
 дель Монте, Пьетро (del Monte, Pietro) 195
 Демарец, Николя (Desmaretz, Nicolas) 274
 Демокрит 10, 13, 17, 19, 20, 507
 Денег и кредита теория 74
 Денежная теория 73, 100, 105, 112, 329, 358, 401-402, 460-463. *См. также* Количественная теория денег; Международная денежная теория
 Деньги и процессный анализ 354-358
 «Деньги обеспечивают всё» 334, 462
 Десницкий, Семен Ефимович 498-499, 533
 Дечембрио, Пьеро Кандидо (Decembrio, Pier Candido) 186
 Дечембрио, Уберто (Decembrio, Uberto) 186
 Джадд, Эндрю (Judd, Andrew) 225-226
 Джакомо да Витербо (John of Viterbo) 181, 183
 Джарден, Джон (Jardine, John) 424, 440
 Джевонс, Стенли (Jevons, W. Stanley) 16, 312, 347, 361, 523, 524
 Джейкобс, Норман (Jacobs, Norman) 175, 513
 Джеймс, Патриция (James, Patricia) 534
 Женовези, Антонио (Genovesi, Abate Antonio) 410, 482-483, 527
 – «Лекции по гражданской экономике» 409, 483
 Джефферсон, Томас (Jefferson, Thomas) 314, 369
 Джеффри, Френсис (Jeffrey, Francis) 478, 479
 Джонсон, д-р (Johnson, Dr) 342
 Джордж, Генри (George, Henry) 456, 459, 466
 Джэдлоу, Джозеф (Jadlow, Joseph M.) 532
 Ди, Джон (Dee, Dr John) 305
 Диана, Антонио (Diana, Antonino) 132
 Диво, Мэри (Dewar, Mary) 519
 Диггеры 313
 Диксон, Дж.П.М. (Dickson, P.G.M.) 517, 522
 Диоген 20, 21
 Дитц, Герхард (Ditz, Gerhard W.) 531
 Договоры (контракты) 77, 81, 88, 91, 143, 201
 Долга покупка, контракты на 92
 Доминиканцы 113, 115
 Домохозяйство, управление им 12-13, 19
 Донн, Джон (Donne, John) 166
 Доно, Юг (Doneau, Hugues) 169, 196
 Древние греки: философы-экономисты 3-27
 – Аристотель о частной собственности и деньгах 13-15
 – Аристотель об обмене и ценности 15-18
 – Гесиод и проблема редкости 8-9
 – досократики 9-10

- естественное право 3-6
- Ксенофонт и управление домохозяйством 12-13
- Платон и коллективистская утопия 10-12
- политика полиса 6-8
- после Аристотеля 18-23
- Древняя Греция 43
- Дридо, Йоханес (Driedo, Johannes) 115
- Дуглас, Пол (Douglas, Paul H.) 450, 453-454, 455, 456, 457, 472, 473, 529
- Дузентшур (Dusentschur) 156, 158
- дю Фэй, Ноэль (du Fail, Noël) 210
- Дюге де Баньоль (Dugué de Bagnols) 261-262
- Дюмон, Франсуа (Dumont, François) 518
- Дюмулен, Шарль (Карл Молиней) (Du Moulin, Charles (Carolus Molinaeus)) 143, 201, 207
- Дюнуайе, Франсуа сир де Сен-Мартен (Noyer, François de Saint-Martin du) 241-243
- Дюплесси-Морне, Филипп (Mornay, Philippe Du Plessis) 168, 169-170, 171, 172
- Дюпон де Немур, Пьер Самуэль (Du Pont de Nemours, Pierre Samuel) 366, 367, 370, 379

- Евгений III, папа (Eugene III) 44
- Евгений IV, папа (Eugene IV) 86
- Европа Восточная 226-227
- Единый налог 257-259, 262-263, 371-374, 378, 466
- Екатерина Великая 371, 498, 499, 533
- Елизавета I, королева Англии (Elizabeth I) 196, 223, 224, 225, 280, 281, 282, 283, 295
- Елизавета Петровна, императрица Всероссийская 498

- Желательность** (complacibilitas) 60-61
- Жентилле, Энносан (Gentillet, Innocent) 197
- Жервез, Исаак (Gervaise, Isaac) 332, 333, 334, 341, 362, 523, 524
- Жерсон, Жан (Gerson, Jean) 78, 93-94, 168
- последователи 94

- Жид, Шарль (Gide, Charles) 347
- Жижка, Ян (Zizka, John) 163
- Жиль Лессинский (Giles of Lessines) 53, 60, 79
- Жоли, Клод (Joly, Claude) 257, 518

- Закон о ткачах** 1555 г. 222
- Закон переменных соотношений** (law of variable proportions) 393
- Закон природный/естественный** 3-6, 296, 369-371
- Закон спроса** 309-12
- Закон убывающей отдачи** 393
- Закон убывающей полезности денег** 310
- Закон убывающей предельной полезности** 380
- Законы о бедных** 487
- Закрепление в Восточной Европе** 226-227
- «Записки, полезные для истории» 259
- Зекендорф, Фейт Людвиг фон (Seckendorf, Veit Ludwig von) 493
- Земельный налог (taille réelle) 220
- Зенон Китийский (Zeno of Clitium) 21
- Зерновая торговля 408
- «Зерцало для магистратов» 278
- Золотое правило 272, 273
- Золотой век 8, 259
- Зомбарт, Вернер (Sombart, Werner) 78
- Зоммер, Луиза (Sommer, Louise) 525
- Зоннефельс, барон Йозеф фон (Sonnenfels, Baron Joseph von) 494
- Зумменхарт, Конрад (Summenhart, Conrad) 91, 92, 93, 94, 101, 107, 108, 114, 125, 128, 141, 144
- и ростовщичество 104, 105

- Иво Шартский, епископ** (Ivo of Chartres) 37, 43, 44, 55
- Игли, Роберт (Eagly, Robert V.) 473, 532
- Иезуиты 131-133, 138
- Иероним, св. (Jerome, Saint) 33
- Изгнанники Марии (Marian exiles) 167, 168
- Издержек теория 52
- Издержки альтернативные 391
- Издержки производства 52, 374-375, 452

- объективная ценность и издержки производства 374–375
- реальные 391
- теории ценности на основе и. п. 455
- теория естественной цены 453
- Индии 260
- Индия 18, 43, 310, 491
- Иннокентий II, папа (Лотарио Конти, граф де Сеньи) (Innocent II (Lothaire de Segni) 39
- Иннокентий IV, папа (Синебальдо Фиески, граф Лаваньи) (Innocent IV (Sinibaldo Fieschi)) 41, 45, 46
- Иннокентий V, папа (Пьер Тарантез) (Innocent V (Peter of Tarentaise)) 48
- Инфляционисты 327–332
- Инфляция и меркантилизм 227–230
- Иоанн XXII, папа (John XXII) 59, 93
- Иоанн Парижский (Jean Quidort; John of Paris) 57
- Иоанн, апостол 33
- Иоахим Фиорский (Джоаккино да Фьоре) (Joachim of Fiore, Abbot) 62–64, 159
  - последователи 160
- Иоахим X. Г. (Joachim, H. H.) 16, 27, 508
- Иоганн Тевтонский (John Teutonicus) 55
- Иоганн, герцог (John, Duke) 147–148
- Иосиф II, император Австрии (Joseph II) 379
- Исключенного третьего закон 4
- Испания 94, 244, 255, 316
  - меркантилизм 214–216, 224, 284
- Испанская инквизиция 121
- «Испанская ярость» 216
- «Истинное предостережение» (анонимно) 170
- Истории науки теория 438
- Италия 181, 182
  - Болонский университет 37–42
  - гуманизм 515
  - и меркантилизм 221, 289
  - и схоласты 102, 111
  - католицизм 143, 160, 169
  - от Средних веков до Ренессанса 68, 69, 94
  - протестантизм 143, 160, 169
- С. м. тж* Абсолютизм
- Йетс, Фрэнсис (Yates, Frances) 305, 520
- Кавендиш, семейство** (Cavendish family) 296
- Калпевер, Томас (Culpeper, Sir Thomas) 318
- Кальвин, Жан (Calvin, John) 130, 137–139, 140–143, 167, 168, 174, 513–514
- Кальвинизм 112, 115, 140–143, 146, 167, 168, 169, 173, 174
  - и меркантилизм 277, 278
  - и ростовщичество 143–5
  - и схоласты 119, 129, 132
  - и Шотландское Просвещение 418, 423, 425
  - Смит 457, 466
- С. м. тж* Бьюкенен, Джордж; Криптокальвинизм
- Камбоджа 152–3
- Камерализм 437, 492, 493, 494, 498
- Кан, Кеннет (Cahn, Kenneth S.) 509
- Каниш, Петер (Kanisch, Peter) 163
- Канонисты 37–42
  - запрет ростовщичества 42–47
- Каноническое право 31, 36–37, 38–39, 40, 41
- Кант, Иммануил (Kant, Immanuel) 495–496, 498
- Кангильон, Ричард (Cantillon, Richard) 324, 331, 332, 333, 334, 335, 341, 345–362, 367, 372, 375, 379, 386, 395, 411, 412, 413, 426–427, 435, 436, 448, 450, 451, 459, 460, 467, 474, 482, 483, 501, 523–525, 531
  - биография 345–347
  - влияние 360–361
  - деньги и процессный анализ 354–358
  - международные денежные отношения 358–359
  - методология 347–349
  - неопределенность и предприниматель 351–352
  - последователи 428
  - пространственная экономика 354
  - саморегулирование рынка 359–360
  - теория народонаселения 352–353
  - ценность и цена 349–351

- «Опыт о природе торговли вообще» 332, 347, 348, 355, 360, 362, 365, 437
- Кантор, Пьер (Cantor, Peter) 48
- Капитал 61, 402
  - предпринимательство, сбережения и теория процента 395-401
  - и теория процента 395, 396, 402
- Капитализация, понятие 400
- Карафа, Диомеде (Carafa, Diomede) 187, 515
- Кардиналов правление (1624–1661) 243-245
- Карл I, король (Charles I) 220, 228
- Карл II, король (Charles II) 228, 296, 300, 309, 315, 320, 323
- Карл IV, император (Charles IV) 196
- Карл V, император (Charles V) 103, 105, 186, 196, 443
- Карл VIII, король (Charles VIII) 199
- Карл Великий, император (Charlemagne) 36-37, 43
- Карлейль, Александр «Юпитер» (Carlyle, Reverend Alexander («Jupiter»)) 424, 443
- Карломан II, император (Carloman) 37
- Кармайкл, Джершом (Carmichael, Gershom) 335, 417-420, 423, 430, 501, 527
- Каролинги и каноническое право 36-37
- Карсвелл, Джон (Carswell, John) 362
- Кастильоне, Бальдассаре (Castiglione, Baldassare) 186
- Католицизм 515
  - анабаптисты 146-150
  - Бьюкенен 171-173
  - Габсбурги 244
  - государственный абсолютизм 137-139
  - гугеноты 167-170
  - и меркантилизм 244, 277, 298, 316
  - и схоласты 102, 119, 128, 131, 132, 314, 360, 369
  - Кальвин и кальвинизм 137-139, 140-143
  - Кантильон 345
  - Контрреформация 99, 107, 108
  - мессианский коммунизм 159-164
  - Мюнстер и тоталитарный коммунизм 150-159
- не схоластический 164-167, 514
- от Средних веков до Ренессанса 68, 69
- «политики» 173-174
- Шотландское Просвещение 418
- экономические взгляды Лютера 137-140
- См. тж* Лигисты
- Каудер, Эмиль (Kauder, Emil) 142, 143, 175, 413, 450, 457, 471, 472, 508, 513, 514, 525, 526, 529, 531
- Каэтан, кардинал Томас де Вио (Cajetan, Cardinal Thomas De Vio) 99-101, 104, 105, 107, 108, 141
  - «Коментарии» («Commentary») 100
  - «О меняльном деле» («De Cambiis») 100
- Квебек французский 227
- Кёбнер, Р. (Kobner, R.) 531
- Кейл, Джон (Kayll, John) 286
- Кеймс, лорд (Kames, Lord). *См.* Хоум, Генри
- Кейнс, Джон Мейнард (Keynes, John Maynard) 330, 357, 429, 437. *См. тж* Протокейнсианцы
- Кейнсианский 291, 340, 341, 376
- Кейнсианство 422
- Келли, Эйлин (Kelly, Aileen) 517
- Кембриджский статут 1388 г. 71
- Кентерберийский, архиепископ (Canterbury, Archbishop of) 286
- Кенз, Франсуа (Quesnay, Dr François) 365-366, 368, 369, 370, 371, 373-374, 375, 378, 482, 526
  - «Экономическая таблица» 366, 375-377, 394, 396
- См. тж* Физиократы
- Керзон, Роберт, кардинал (Robert of Courçon) 47, 49, 55
- Кивассо, Анжело Карлетти ди (de Clavasio, Angelus Carletus) 90
- Кинг, Грегори, лорд (King, Lord Gregory) 309-312, 339, 480, 520
- Киндлбергер, Чарльз (Kindleberger, Charles P.) 531
- Киники 20, 21
- Киршнер, Джулиус (Kirshner, Julius) 510
- Китай 18, 23-27, 43, 174, 175, 491

- Клément, Жак (Clément, Jacques) 119, 173
- Кларк, Дж. М. (Clark, J. M.) 472, 529, 532, 533
- Клемент VII (Clement VII) 185
- Клемент Александрийский (Clement of Alexandria) 33-34
- Книппердоллинк, Брент (Knipperdollinck, Bernt) 152, 155, 157
- Книс, Карл (Knies, Karl) 413
- Коваррубиас-и-Лейва, Диего де (Covarrubias y Leiva, Diego de) 109, 110, 112
- Кодекс Феодочия 31, 37, 39
- Кодекс Юстиниана 37, 39
- Козимо I, де Медичи, герцог Флоренции (Cosimo I, de Medici, Duke of Florence) 166
- Кок, Эдвард (Coke, Sir Edward) 283-284, 304, 519
- Колаковский, Лешек (Kolakowski, Leszek) 509
- Колет, Джон (Colet, John) 196
- Количества трудовых усилий теория 453
- Количественная теория денег 105-106, 165, 288, 355, 426, 462
- Количественный закон 309
- Коллективизм
– оппозиция ему 259-262
– утопия 10-12
- Колонна, семейство (Colonna family) 185
- Кольбер, Жан-Батист (Colbert, Jean-Baptiste) 217-218, 220, 239, 246-249, 259, 261. *См. тж* Кольбертизм
- Кольбер, М. (Colbert, M.) 274
- Кольбер, Николя (Colbert, Nicolas) 248
- Кольбер, Одар (Colbert, Odart) 248
- Кольбер, Сеньелэ (Colbert, Seinelay) 249
- Кольбертизм 216-220, 249, 259, 260, 262
- «Комеди франсез» 248
- Кóменский, Ян Амос (Comenius, Johann Amos) 298, 299
- Коммунизм
– анабаптизм 159, 514
– мессианский 159-164
– тоталитарный 150-159
- Компаньи, Дино (Compagni, Dino) 182
- Кон, Норман (Cohn, Norman) 160, 510, 514
- Кондильяк, Этьен Бонно, аббат де Мюро Condillac, Etienne Bonnot de, Abbé de Mureaux 409-410, 412, 526, 527
– теория предпринимательства 411
- Кондорсе, Мари Жан Антуан Николя де, маркиз де Карита (Condorcet, Marie Jean Antoine Nicolas de, Marquis de Caritat) 478, 479, 483, 484, 487, 488, 489
- Контракты. *См.* Договоры
- Контрреформация 99, 107, 108, 128, 137, 138
- Конфуций/конфуцианцы 23
- Коперник, Николай (Copernicus, Nicholas) 164-165, 206, 514
- Коплстон, Фредерик (Copleston, Frederick S. J.) 512
- Кордемуа, Жиро де (Cordemoi, Geraud de) 258
- Кормуа, маркиз де (Cormoy, Marquis de) 219
- Королевская компания 242-243
- Королевский монетный двор 287, 462
- Королевское общество 300, 301, 305, 478
- Костелло, Франк Бартоломью (Costello, Frank Bartholomew S. J.) 133, 511
- Коул, Чарльз (Cole, Charles Woolsey) 230, 240, 251, 274, 516, 518
- Кохейн, Наннерл (Keohane, Nannerl O.) 204, 210, 251, 270, 271, 274, 515, 518
- Крамник, Исаак (Kramnick, Isaac) 339, 521
- Краус, Кристиан (Kraus, Christian Jakob) 436, 495-496, 497-498, 502-503
- Крейг, Дж. (Craig, J. H.) 522
- Крестьянские войны 149, 150
- Крецман, Н. (Kretzmann, N.) 511
- Криди, Джон (Creedy, John) 312, 339, 520
- Криптодеизм 273
- Криптокальвинизм 115, 122, 128, 132
- Криптопротестантизм 137
- Крокарт, Пьер (Crockaert, Pierre) 102

- Кромвель, Оливер (Cromwell, Oliver) 298, 299, 305, 313, 314, 345
- Кропоткин, Петр (Kropotkin, Prince Peter) 483
- Кроуи, Майкл (Crowe, Michael Bertram) 509, 510, 511
- Ксенофонт 12-13, 19
- Кун Фу-цзы (Ch'iu Chung-ni). *См.* Конфуций
- Кун, Томас (Kuhn, Thomas Samuel) 438, 502
- Купер, Энтони Эшли (Cooper, Anthony Ashley). *См.* Шефтсбери, граф
- Купцы и оппозиция коллективизму 259-262
- и Совет по торговле 262
- раннее отношение к 32-36
- «Купцы складочного места» 221, 285
- «Купцы-авантюристы» 4, 283, 285, 286, 288, 289, 290, 304
- Кэмпбелл, Р. (Campbell, R. H.) 529, 530
- Кэннан, Эдвин (Cannan, Edwin) 442, 445-446, 472, 486, 489, 502, 529, 531, 533
- Ла Гель, Жак де (La Guesle, Jacques de) 208-209
- ла Мельере, маршал де (la Meilleraye, Marshal de) 245
- Ламберт, Малкольм (Lambert, Malcolm D.) 510
- Лангенштейн, Генрих фон (Langenstein, Heinrich) von 77-79, 89, 510
- последователи 88, 100
- Лангхольм, Одд (Langholm, Odd) 516
- Ланда, Луис (Landa, Louis A.) 305, 522
- Ландрет, Гарри Landreth, Harry) 528
- Ландсдаун, семейство (Landsdowne family) 300
- Лао-Цзы (Lao Tzu) 23-24
- Ласкомб, Д. (Luscombe, D. E.) 511
- Ласлетт, Петер (Laslett, Peter) 304, 519, 522
- Латимер, Уильям (Latimer, William) 195
- Латини, Брунетто (Latini, Brunetto) 181, 182, 183
- Лаундес, Уильям (Lowndes, William) 321-322
- Лафлин, Лоренс (Laughlin, J. Laurence) 95, 514
- Лаффема, Бартелеми (Laffemas, Barthélemy de) 236-239, 242-243, 518
- Лаффема, Исаак (Laffemas, Isaac de) 238-239
- Леблан, Франсуа (Le Blanc, François) 266
- Лебретон, Франсуа (LeBreton, François) 173
- Лев I, папа (Leo I) 43
- Левант 261
- Левантийская компания 225, 323
- Левассер, Мишель (le Vassor, Michel) 260
- Левеллеры 131, 312-317, 339, 369, 521-522
- Леви, Гюнтер (Lewy, Guenter) 512
- Левинсон, Рональд (Levinson, Ronald B.) 509
- Легалисты 23
- Лежандр, Тома (Le Gendre, Thomas) 261, 262, 368
- Леже, Франсуа (Le Jay, François) 208
- Лейбниц, Готтфрид (Leibniz, Gottfried) 302, 418, 419
- Леопольд I, великий герцог Тосканы (Leopold II) 379
- Леопольд I, император Австрии (Leopold I) 493
- Лессий, Леонард (Lessius, Leonard) 122-127, 132
- «О справедливости и праве» 123
- Летвин, Уильям (Letwin, William L.) 301, 303, 305, 325, 338, 340, 341, 519, 520, 522
- Летелье, Мишель (Le Tellier, Michel) 248
- Летрон, Гийом Франсуа (Le Trosne, Guillaume François) 366
- Либерализм экономический 283-284
- Лигисты 132, 173-174, 204, 205, 208, 209, 278
- Лильбурн, Джон (Lilburne, John) 313
- Лингюэ, Симон Николя Анри (Linguet, Simon Nicolas Henri) 377
- Линк, Альберт (Link, Albert N.) 412, 525, 526

- Липс, Жюс (Lipsius, Justus) 199
Литва 226
Ло, Джеймс (Law, James) 329, 341
Ло, Джон из Лоринстона (Law, John of Lauriston) 227, 328, 329-30, 330-333, 345-346, 500, 522, 523, 524
Ловати, Ловато (Lovati, Lovato) 181, 182
Лойола, Игнатий (Loyola, Ignatius) 108
Лок, Каспер (Klock, Kasper) 492-493
Локк, Джон (Locke, John) 56, 57, 118, 130, 279, 312-17, 317-323, 339, 340, 369, 417, 419, 472, 521-522
– количественная теория денег 355
– последователи 426
Ломбарды 68
Лопес, Роберт (Lopez, Robert Sabatino) 67, 510
Лоппин, Исаак (Loppin, Isaac) 257, 258
Лорес, Джон (Laures, John S. J.) 133, 512
Лосски, Эндрю (Lossky, Andrew) 518
Лоттини да Вольтера, Джованни (Lottini da Volterra, Gian Francesco) 165-166, 514
Лоури, Тодд (Lowry, S. Todd) 508
Лулли, Жан Батист (Lulli, Jean Batiste) 247-248
Льюис, Джон (Lewis, John D.) 512, 515
Лэнгтон, Стивен (Langton, Stephen) 47
Людвиг, Карл (Ludwig, Karl) 418
Людер, Август Фердинанд (Lueder, August Ferdinand) 496-497, 498
Людовик XII, король (Louis XII) 199
Людовик XIII, король (Louis XIII) 240, 243, 244, 245, 255, 256
Людовик XIV, король-солнце (Louis XIV (the Sun King)) 174, 218-219, 239, 246-249, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 267, 271, 316, 331, 345, 348, 371, 516, 518
– и абсолютизм 249-251
– «Мемуары» 250
Людовик XV, король (Louis XV) 365
Людовик XVI, король (Louis XVI) 378
Людовик Баварский (Louis of Bavaria) 179
Лютер, Мартин (Luther, Martin) 93, 100, 130, 131, 137-139, 146, 147, 148, 167, 174, 513-514
– его экономические взгляды 139-140
Лютеранство/лютеране 129, 146, 147, 152
Мабли, Габриэль Бонно де (Mably, Gabriel Bonnot de) 409
Мазарини, кардинал Жюль (Mazarin, Cardinal Jules) 244-245, 247, 248, 249, 257, 518
Макгрейд, Артур (McGrade, A. S.) 511
Макиавелли, Николло (Machiavelli, Niccolò) 138, 188-194, 263, 264, 294-295, 515
– «Государь» 188-189, 192-193, 194, 196
– «...о первой декаде Тита Ливия» 189, 192-193, 194
– последователи 202, 250, 257
Макиавеллизм 196-199, 272, 408, 413
Мак-Куллох, Джон (McCulloch, John Ramsay) 324, 457, 478, 480
Маклейн, Джеймс (McLain, James J.) 526
Маклеод, Генри (Macleod, Henry Dunning) 411-412, 413
Макнайт, Стивен «McKnight, Stephen A.» 305, 520
Макналти, Пол (McNulty, Paul J.) 509
Макферсон, Кроуфорд (Macpherson, C. B.) 339, 521
Маламент, Барбара (Malament, Barbara) 519
Малеструа, месье де (Malestroit, M. de) 106, 206
Малине, Жерар де (Malynes, Gerard de) 286-287, 288, 289, 290, 519
Мальгузианцы 197, 458-459
Мальтус, Дэниел (Malthus, Daniel) 483, 485
Мальтус, Томас (Malthus, Reverend Thomas Robert) 197-199, 352, 353, 403
– и атака на население 481-492
– и народонаселение 533-534
– «Опыт о законе народонаселения» 485, 486, 487, 488, 489, 490
Мандевиль, Бернар де (Mandeville, Bernard de) 422, 430, 441, 527, 528
– «Басня о пчелах...» 421, 422
– «Письмо к Диону» 421
Манетти, Джаноццо (Manetti,

- Giannozzo) 184
- Манли, Томас (Manley, Thomas) 340
- Мантуи герцог (Mantua, Duke of) 188
- Марильяк, Рене де (Marillac, René de) 261
- Маркс, Карл (Marx, Karl) 5, 52, 329, 435, 442, 453, 455, 456, 472
– трудовая теория ценности 57
- Марксизм 312, 339, 453, 501
- Марксисты/марксистский 18, 149, 160, 283, 317, 435, 448, 518, 525, 528, 531.
См. тж Протомарксисты
- Мармонтель, Жан Франсуа (Marmontel, Jean François) 412
- Марсилий Падуанский (Marsiglio of Padua) 71, 72, 180
- Мартин, Ричард (Martin, Sir Richard) 283, 519
- Маршалл, Альфред (Marshall, Alfred) 16, 311, 402, 413, 437, 438
- Матвей Краковский (Matthew of Cracow) 78
- Математическая экономическая теория 379-381, 525
- Матиас, Питер (Mathias, Peter) 518
- Матис, Ян (Matthys, Jan (Matthysoon)) 151, 152, 153, 154, 155
- Медичи, Екатерина (de Medici, Catherine) 196-197
- Медичи, Мария (de Medici, Marie) 240, 242, 244
- Медичи, семейство (de Medici family) 185, 189
- Международные денежные отношения 358-359
- Мей, Людвиг (Mai, Ludwig H.) 507
- Мейджор, Джон (Major, John) 93, 94, 102, 168, 169, 171
- Мейтленд, Джеймс, граф Лодердейл (Maitland, James, Earl of Lauderdale) 478
- Меле, месье (Meules, Monsieur) 227
- Мельхиориты/мельхиоризм 151. *См. тж* Хоффман, Мельхиор
- Мен, Джон (Mun, John) 289
- Мен, Томас (Mun, Sir Thomas) 289, 290, 291, 519
– последователи 309, 310
- Менгер, Карл (Menger, Carl) 74, 167, 175, 392, 406
- Меннониты 146
- Ментенон, Франсуаза д'Обинье, маркиза де (Maintenon, Marquise de, Madame Françoise d'Aubigne) 264, 274
- Меркантилизм 213-231, 516-518
– в Испании 214-216
– закрепощение в Восточной Европе 226-227
– и инфляция 227-230
– как экономический аспект абсолютизма 213-214
См. тж Меркантилизм в Англии; Меркантилизм во Франции
- Меркантилизм в Англии 214, 216, 219, 220, 227-228, 229, 230, 231, 519-520, 522-523
– с Гражданской войны до 1750 г. 309-342
– братья Норты 323-327
– Давенант 309-312
– дедукции из аксиом 323-327
– закон спроса 309-312
– инфляционисты 327-332
– левеллеры 312-317
– Локк 312-317, 317-323
– лорд Кинг 309-312
– ответ сторонников твердых денег 332-335
– последователи Петти 309-312
– свобода и собственность 312-317
– ставка процента и чеканка монет 317-323
– Такер 335-338
– Тауншенд 335-338
– тори – сторонники laissez faire 323-327
– Чайлд 317-323
– laissez faire 335-338
– от Тюдоров до Гражданской войны 277-305
– абсолютизм 277-280
– атака буллионистов на вексельный обмен и торговлю с Ост-Индией 284-288
– Бэкон 292-296
– защитники Ост-Индии 288-292
– Кок 283-284
– Петти 296-304
– сэр Томас Смит 280-283

- текстиль и монополии 221–226
- Меркантилизм во Франции 216–220, 221, 222, 223, 224, 230, 231, 235–251, 255–274, 518
- абсолютизм 249–251
- Белеба 267–269
- Буагильбер 269–273
- Бургундский кружок 263–267
- Вобан 262–263
- восстание «босоногих» 255–257
- герцог де Сюли 239–240
- Дюнуайе 241–23
- единый налог 257–259
- Жоли 257
- Кольбер и кольбертизм 216–220, 246–249
- купцы и Совет по торговле 262
- Лаффема 236–239
- Людовик XIV 246–249, 249–251
- Монкретьен 240–241
- оппозиция коллективизму 259–262
- правление кардиналов (1624–1661) 243–245
- правящая элита 235–236
- Фенелон 263–267
- Флери 263–267
- Фронда 257
- laissez faire 267–269, 269–273
- Мерсен, Марен (Mersenne, Father Marin) 297
- Мерсье де ла Ривьер, Пьер Франсуа (Mercier de la Rivière, Pierre François) 366, 370, 371
- Мёрфи, Антуан (Murphy, Antoin E.) 341, 362, 523, 524, 525
- Месопотамия 18, 43
- Меттайер, Ф. (Mettayer, F.) 256
- Мехелен, ван, семейство (Mechelen, van family) 286
- Мизес, Людвиг фон (Mises, Ludwig von) 18, 75, 122, 324, 348, 352, 397, 401, 406, 515
- «Теория денег и кредита» 74
- Мик, Рональд (Meek, Ronald L.) 526
- Миллар, Джон (Millar, John) 498
- Миллворт, Роберт (Millward, Robert) 517
- Миллс, Томас (Milles, Thomas) 285–286, 519
- Милль, Джеймс (Mill, James) 324, 403, 437, 442, 457, 478, 480, 500
- Милль, Джон Стюарт (Mill, John S.) 402
- Мирабо, Виктор Рикети, маркиз де (Mirabeau, Victor Riqueti, Marquis de) 365–366, 375, 378, 379
- «Друг человека» 365, 482
- «Теория налогов» 366
- Мискимин, Гарри (Miskimin, Harry A.) 222, 226, 230, 231, 510, 511, 512, 516, 517
- Миссельден, Эдвард (Misselden, Edward) 288, 289, 290, 519
- Миссисипский пузырь 331, 332, 341, 346
- Митчелл, Нейл (Mitchell, Neil J.) 522
- Михельс, Роберт (Michels, Robert) 205
- Молина, Луис де (Molina, Luis de) 112–113, 114, 115, 116, 117, 121, 122, 123, 125, 131, 133, 511
- Молиней, Карл (Molinaeus, Carolus). *См.* Дюмулен, Шарль
- Монархисты 184–188
- Монархомахи. *См.* Гугеноты; Католицизм
- Монеты и их чеканка 291, 317–323, 335, 462
- Монкретьен, Антуан де (Montchretien, Antoine de) 240–241, 518
- Монополии 221–226
- Монро, Артур (Monroe, Arthur Eli) 357, 362, 514, 524
- Монтень, Мишель Экем де (Montaigne, Michel Eyquem de) 201–203, 204, 210, 290, 325, 411, 515
- заблуждение 236, 246
- «Опыт №22» 203
- скептицизм 250, 263, 269
- Монтозье, Шарль де Сен Мор, герцог де (Montausier, Duc de, Charles de Sainte-Maure) 266
- Мора, Хосе Ферратер (Mora, Jose Ferrater) 528
- Моральные ограничения и народонаселение 488
- Морелле, Андре (Morellet, Abbe Andre) 412, 429
- Морель, Жан (Morel, Father Jean ('Colonel Sandhills')) 256–257

- Мортон, Артур (Morton, A. L.) 339
 Моска, Гаэтано (Mosca, Gaetano) 205
 Московская компания 225
 Музнье, Ролан (Mousnier, Roland) 518
 Муссато, Альберто (Mussato, Alberto) 182
 Мысленный эксперимент 348
 Мэкворт, сэр Хамфри (Mackworth, Sir Humphrey) 341
 Мэри, королева (Mary) 167, 171, 199, 280, 282, 320
 Мюнстер 150-159, 162, 164
 Мюнстерцы 154, 155
 Мюнцер, Томас (Müntzer, Thomas) 146-150, 151, 162, 164, 339
- Навигационный акт** (законы о мореходстве) 299, 342
 Найт, Изабел (Knight, Isabel F.) 527
 Найт, Фрэнк (Knight, Frank) 78, 352
 Налогообложение 300, 301, 303, 366, 389, 469-471. *См. т.ж.* Единый налог
 Нантский эдикт 174
 Народонаселение
 – атака на население 481-492
 – и Кантильон 352-353
 – и Мальтус 481-492, 533-534
 – оптимальное 482, 483
 – положительные/превентивные сдержки 488
 Непротиворечия закон 4
 Неф, Джон (Nef, John Ulric) 516
 Неявного намерения доктрина 108
 Нидер, Иоганнес/Йоханнес (Nider, Johannes) 88, 89, 109
 Нидерланды 94, 194, 264, 318, 418
 – и меркантилизм в Англии 286, 289, 313, 330
 – и меркантилизм во Франции 247, 260, 261
 – католицизм 138, 142, 158, 167
 – меркантилизм 216, 219, 222, 224
 – производство льняных тканей 240
 – протестантизм 138, 142, 158, 167, 316
 – laissez faire и свободная торговля 388
 Никлас, Генри (Niclaes, Henry) 339
 Николай I, царь 500
 Николай III, папа (Nicholas III) 59
- Николай Базельский (Nicholas of Basle) 161
 Новый мир 99, 102, 104, 106, 111, 113, 165
 – абсолютизм 206, 210
 – меркантилизм 214, 261, 270, 288
 Нокс, Джон (Кнох, John) 423
 Нокс, Рональд, монсеньор (Кнох, Monsignor Ronald A.) 146, 175, 514
 Номинализм 71-72, 93-94, 102
 Норт, 4-й барон (North, fourth Baron) 323
 Норт, Гэри (North, Gary) 139, 174, 513
 Норт, Дадли (North, Dudley) 323-327, 340, 522
 Норт, Джон (North, John) 340
 Норт, Роджер (North, Roger) 323-327, 340, 522
 Норт, Чарльз (North, Charles) 340
 Нуан, Джон (Noonan, John T. Jr.) 87, 92, 95, 108, 126, 133, 144, 145, 175, 510, 511, 513
 Ньютон, Исаак (Newton, Sir Isaac) 272, 302, 312, 323, 365, 370, 522
- О, Поль, маркиз дю Шатле** (Hay, Paul, Marquis du Chastelet) 258
 О'Брайен (O'Brien, Patrick K.) 517, 518
 О'Коннел (O'Connell, Marvin R.) 512
 О'Махони, Дэвид (O'Mahony, David) 349-351, 352, 524
 О'Махони, Дэниел (O'Mahony, Count Daniel) 346
 О'Махони, Мэри Энн (O'Mahony, Mary Anne) 346
 О'Сулеван, Мишель (Ó'Súilleabháin, Micháel) 524
 Оберман, Хейко (Oberman, Heiko A.) 511
 Обмен 390-393
 – и ценность 15-18
 Обмен с двумя участниками 390, 392
 Обрехт, Георг фон (Obrecht, Georg von) 492
 Овертон, Ричард (Overton, Richard) 313
 Одофредо, Денари (Odofredus) 40
 Оккам, Уильям (William of Ockham) 72, 93

- Оккамнты 89, 102, 168
 Окситанский язык 515
 Оливекрона, Карл (Olivecrona, Karl) 522
 Оливи, Петр Иоанн (Ольё, Пьер де Жан) (Olivi, Pierre de Jean) 60-61, 62, 79, 81, 82, 88, 510
 Орден тамплиеров 68
 Ордонанс 1349 г. 70
 Орезм, Николя (Oresme, Nicole) 72-77, 89, 165, 514
 Орлеанская, герцогиня (Orleans, Duchess of) 362
 Орлеанский, герцог (Orleans, Duke of) 331, 345-346
 Освальд, из Данникьера, Джеймс (Oswald, of Dunnikier, James) 431, 439
 Ост-Индия 214, 226, 319, 320, 321
 – апологеты 288-292
 – Ост-Индская компания 226, 260, 438, 480
 – меркантилизм от Гражданской войны до 1750 г. 309, 310, 317, 337, 338
 – меркантилизм от Тюдоров до Гражданской войны 284, 285, 288, 289, 290, 304
 – торговля 284-288, 309
 Отман, Франсуа (Hotman, François) 168, 169
 «Ошибочный денежный процент» 319
- Павел, апостол** 33
 Пальи, Мельхиор (Palyi, Melchior) 533
 Пальмерстон, виконт (Palmerston, Viscount) 478
 Пальмьери, Маттео (Palmieri, Matteo) 184
 Панетий Родосский (Panaetius of Rhodes) 22
 Пао Цзинь-янь (Pao Ching-yen) 25-26
 Парадигм теория 438
 Парето, Вильфредо (Pareto, Vilfredo) 205
 Парижский университет 47-51
 Паритета покупательной способности теория 104
 Паскаль, Блез (Pascal, Blaise) 132-133, 297
- Патерсон, Уильям (Paterson, William) 229
 Патрици, Франческо (Patrizi, Francesco) 187-188
 Пелл, Джон (Pell, Dr John) 297, 298
 Пелэмы, семейство (Pelham family) 340
 Перкинс, Уильям (Perkins, Reverend William) 143
 Перрен, аббат (Perrin, Abbe) 247
 Перуа, Эдуар (Perroy, Édouard) 510
 Петр Великий 498
 Петр Ломбардский (Peter Lombard) 48
 – «Сентенции» 51, 54, 59, 90, 94
 Петрелла, Франк (Petrella, Frank) 461, 473, 532
 Петти, Уильям (Petty, Sir William) 296-304, 305, 480
 – последователи 309-312
 – «Политическая арифметика» 301, 302
 – «Трактат о налогах и сборах» 300, 301, 303
 Пий V (Pius V) 107-108
 Пимы (Пим, Джон (Pym, John)) 298
 Пифагор 9
 Пифагорейцы 15, 16
 Плант, Раймонд (Plant, Raymond) 533
 Платон 5, 6, 7, 15, 19, 20, 21, 73, 182, 202, 205, 370, 425, 508-509
 – и коллективистская утопия 10-12
 – «Законы» 10
 – «Государство» 10, 11, 13
 Плацентин (Placentinus) 41
 Плотин 5, 161
 Покок, Джон (Pocock, John G. A.) 314, 339, 521
 – последователи 314, 339
 Пол, Эллен (Paul, Ellen Frankel) 532
 Полезность (utility)
 – и деньги 72-77, 310
 – издержки и распределение 410
 – теория 59-64, 403-412
 – теория ценности на основе полезности и редкости 501
 – и ценность 52, 403
 С.м. тж Пригодность; Тюрго; Францисканцы
 Полис 6-8, 11, 12, 21, 35, 57, 73
 «Политики» 72, 173-174, 180, 204, 205,

- 207, 209, 216
 – и меркантилизм во Франции 244
 Политическая арифметика 296-304, 310
 Политическая теория порядка 277
 Политическая экономия 240, 241, 437-438, 478, 500
 «Политические рассуждения» (анонимные) 168
 Польша 226, 346
 Помпадур, мадам де (Pompadour, Madame de) 365, 366, 378
 Помпоний 31
 Понтано, Джованни (Pontano, Giovanni) 188
 Поппер, Кларк (Popper, Karl R.) 508, 509
 Попхэм, Александр (Popham, Colonel Alexander) 314
 Португалия 99, 102, 105
 Посидоний Родосский (Posidonius of Rhodes) 22
 Поссевино, Антонио (Possevino, Antonio) 174
 Потребности естественные 14
 Потребности неестественные 14
 Поттер, Уильям (Potter, William) 327, 328, 329, 330
 Поул, Реджинальд (Pole, Cardinal Reginald) 196, 199
 Права естественные, активные 93-94
 Права собственности естественные, теория 316
 Право естественное. *См.* Закон природный/естественный
 Праксеология 324
 Предельная полезность 61, 380
 Предпринимательство 395-401
 – и неопределенность 351-352
 – теория 411
 Пресвитерианство 423-425
 Прибавочной ценности теория 455
 Пригодность (usefulness (virtuositas)) 60. *См. тж* Полезность
 Приезак, Даниэль де (Priezac, Daniel de) 250
 Производства и распределения теория 393-395
 Прометей 20
 Промышленная революция 142, 219, 444, 486
 Просвещение 369, 370
 – в России 498
 – во Франции 292
См. тж Шотландское Просвещение
 Пространственная экономическая теория 354
 Протоавстрийцы 52, 356, 395, 451
 Протокейнсианцы 235, 328, 329, 330, 427, 481, 500, 528
 Протомарксисты 438
 Процент 318, 402
 – отдача на инвестиции 394, 396
 – понижение 321
 – ставка 317-323
 – теория 402
См. тж в рубрике Капитал
 Процент, ставка 317-323
 Процессный анализ и деньги 354-358
 Прудон, Пьер-Жозеф (Proudhon, Pierre Joseph) 25
 Пруссия 226
 Прю, Джеймс (Preu, James A.) 305, 522
 Пуритане 141, 142, 146, 277, 313
 Пуфендорф, Самуэль (Pufendorf, Samuel, Baron von) 418-419, 442, 473
 Пьер Пуатье (Peter of Poitiers) 47
 Пьер Тарантез. *См.* Иннокентий V, папа
 Пятой монархии сторонники 313
 Равальяк, Франсуа (Ravailiac, François) 119
 Равновесие
 – теория общего равновесия 349
 – равновесная теория образования цен 349
 Радульфус Арденс (Ardens, Radulphus) 47
 Разбитое окно, заблуждение 422
 Разделение труда 441-444
 Рантеры 313
 Распределение
 – теория 406, 458-460
См. тж Производство и распределение
 Рассел, Бертран (Russell, Bertrand) 20
 Рассел, Дж. Дж. (Russell, J. G.) 510

- Рашид, Салим (Rashid, Salim) 337, 342, 430, 471, 523, 528, 530, 531
- Революция 1688 г. 320
- Регино Прюмский (Regino of Prüm) 37, 43
- Редкость 8-9, 60
- Рейган, Рональд (Reagan, Ronald) 435
- Рейд, Томас (Reid, Thomas) 478
- Рейсс, Тимоти (Reiss, Timothy J.) 514
- Рен, Кристофер (Wren, Christopher) 299
- Ренессанс. См. Средние века до Ренессанса
- Республиканская армия 313
- Республиканцы 181-184
- Реставрация 313
- Реформация 138, 146, 159, 164, 167, 196, 316
- меркантилизм в Англии 284
- См. *тж* Протестантизм
- Ридольфи, Лоренцо ди Антонио (Ridolfi, Lorenzo di Antonio) 80-81
- Рикардо, Давид (Ricardo, David) 317, 326, 345, 349, 351, 353, 361, 375, 403, 407, 428, 437, 438, 453, 455, 457, 458, 472, 480, 490, 500, 529
- рикардянцы 412, 455, 456
- Рима, Инглир (Rima, Ingrid Nahne) 446, 472, 531
- Римское право 31-32, 37, 39, 40, 41, 168
- Рист, Шарль (Rist, Charles) 341, 463, 473, 522, 524, 532
- Ричард из Миддлтона (Richard of Middleton) 60, 73
- Ришелье, Арман Жан дю Плесси, кардинал де (Richelieu, Armand Jean du Plessis, Cardinal de) 239, 243-244, 245, 250, 256, 257, 518
- Робак, Джон (Roebuck, Dr John) 444
- Роббинс, Кэролин (Robbins, Caroline) 305, 521
- Роббинс, Лайонел (Robbins, Lionel) 520
- Робертс, Клейтон (Roberts, Clayton) 518
- Робертсон, Гектор (Robertson, Hector M.) 457, 472, 473, 512, 513, 527, 529
- Робертсон, Уильям (Robertson, Reverend William) 424, 440, 443, 499, 502
- Робинзон, модель в экономической теории 390, 392, 421
- Розен, Марвин (Rosen, Marvin) 518
- Розенберг, Натан (Rosenberg, Nathan) 472, 531
- Розенкрейцеры 294, 305
- Романисты 37-42
- Ромул 193
- Рор, Дональд (Rohr, Donald G.) 533
- Росс, У. Д. (Ross, W. D.) 508
- Росси, Джозеф (Rossi, Joseph) 413, 527
- Росси, Паоло (Rossi, Paolo) 306, 520
- Россия 225, 255, 498-500
- Ростовщичество 79-80, 81, 83, 87, 91, 92, 104, 105, 107, 108, 128, 140, 143, 201, 318
- в XIV в. 79-81
- законы о 318
- запрет 42-47, 88-93, 141
- защита 467, 477
- и кальвинисты 143-145
- Ротбард, Мюррей (Rothbard, Murray N.) 94, 340, 474, 512, 516, 517, 525, 532
- Роткруг, Лайонел (Rothkrug, Lionel) 71, 94, 268, 274, 518
- Ротманн, Бернт (Rothmann, Bernt) 151, 153, 157
- Рошер, Вильгельм (Roscher, Wilhelm) 78
- Рувер, Раймон де (Roover, Raymond de) 79, 87, 95, 510, 511, 513, 515, 519
- Русская компания 284
- Руссо, Жан-Жак (Rousseau, Jean Jacques) 483
- Руссоисты 464
- Руфин Ассизский 38
- Руфин Ассизский, епископ (Rufinus) 38
- Ручеллаи, Козимо (Rucellai, Cosimo) 189
- Ручеллаи, Фра Санти (Rucellai, Fra Santi) 100
- Рынок, саморегулирование 359-360
- Рэй, Джон (Raе, John) 530
- Рэй, Пол (Rahe, Paul A.) 509
- Саймон, Уолтер (Simon, Walter M.) 533
- Сакки (Платина), Бартоломео (Sacchi, Bartolomeo) 188
- Саламанкская школа 131

- Аспилькуэта и Медина 105-109
- первое поколение 101-105
- поздние саламанкцы 112-116, 122-127, 380
- средний период 109-112
- Салерно, Джозеф (Salerno, Joseph Thomas) 341, 359, 362, 429, 430, 431, 473, 522, 524, 528
- Салмазий, Клавдий. *См.* Сомезу, Клод де
- Салютаги, Колуччо (Salutati, Coluccio) 184
- Самуэльссон, Курт (Samuelsson, Kurt) 513
- Сапори, Армандо (Sapori, Armando) 67
- Саплл, Барри (Supple, Barry E.) 305, 519
- Саравиа-де-ла-Калье-Вероньес, Луис (Saravia de la Calle Veronense, Luis) 110, 111
- Сарторий, Фридрих Георг, Фрайхер фон Вальтерсхаузен (Sartorius, Friedrich Georg, Freiherr von Waltershausen) 494-495, 498
- Сбережения. *См. в рубрике* Капитал
- Свифт, Джоантан (Swift, Jonathan) 303-304, 309, 522
- Свобода и собственность 312-317
- Свободная торговля 386-390
- Северная Америка 121, 128, 142, 479, 486, 491
- и Кантильон 353
- и меркантилизм в Англии 331
- и схоласты 111
- колониальная традиция 316
- Массачусетс 227
- население 489
- протестантизм и католицизм 146
- Секине, Томас (Sekine, Thomas T.) 341, 523, 524
- Секуляризм 99
- Семилетняя война 336
- Сен-Жан, Матиас де (Saint-Jean, Mathias de). *См.* Эон, Жан
- Сениор, Нассау (Senior, Nassau W.) 324, 490
- Сен-Клер, Освальд (St Clair, Oswald) 413, 527
- Сен-Мор, Шарль де (Sainte-Maure, Charles de). *См.* Монтазье, герцог де
- Сен-Перави, Герино де (Saint-Péray, Guérineau de) 393, 394, 396
- Сен-Сиран, аббат (Saint-Cyran, Abbe) 132
- Сервен, Луи (Servin, Louis) 208
- Сесил, сэр Уильям (позднее лорд Барли) (Cecil, Sir William (later Lord Burghley)) 280, 281, 283, 295
- Сесил, Томас, 2-й лорд Барли (Cecil, Thomas, second Lord Burghley) 295
- Сигизмунд I, король Польши (Sigismund I) 165
- «Сигнальный колокол» («The Alarm Bell») 197
- Сикст IV, папа (Sixtus IV) 188
- Сикст V, папа (Sixtus V) 119
- Симон из Бизиньяно (Simon of Bosignano) 42, 44
- Симон, Пьер, маркиз де Лаплас (Simon, Pierre, Marquis de Laplace) 381
- Сингх, Рахувер (Singh, Raghuvver) 339
- Ситцевый закон 1720 г. (Calico Act) 224
- Скандинавия 94
- Скачча, Сгизмундо (Scaccia, Sigismundo) 131-132
- Скиннер, Квентин (Skinner, Quentin) 138, 168, 172, 174, 175, 190, 192, 194, 202, 209, 210, 512, 513, 515
- Скиннер, Эндрю (Skinner, A. S.) 473, 529, 530, 532
- Сколвиль, Уоррен (Scoville, Warren C.) 516
- Скот, Джон Дунс (Scotus, John Duns) 59, 72, 78
- Скотт, Уильям Роберт (Scott, William Robert) 530
- Славная революция 1688 г. 228
- Смит, Адам (Smith, Adam) 61, 74, 213, 274, 317, 326, 329, 336, 341, 349, 351, 353, 372, 373, 375, 393, 395, 403, 407, 410-412, 418, 420-425, 428, 430, 431, 435-474, 477, 478, 481, 482, 483, 486, 487, 495, 497-4502, 508, 526, 528-532
- биография 438-441
- «Богатство народов» 345, 352, 361, 366, 409, 435-445, 448, 449, 450, 451, 455, 456, 460, 461, 463, 465, 470, 477, 478, 479, 480, 494, 495, 496, 498

- «Лекции по юриспруденции» 436
- о налогообложении 469-471
- производительный и непроизводительный труд 444-448
- разделение труда 13, 441-444
- тайна 435-438
- теория денег 460-463
- «Теория нравственных чувств» 436, 440, 447, 465
- теория распределения 458-460
- теория ценности 448-457
- laissez faire 463-469
- См. *тж* Распространение учения А. Смита
- Смит, Адам (отец) (Smith, Adam) 438
- Смит, Геркулес Скотт (Smith, Hercules Scott) 439
- Смит, Джон (Smith, John) 471
- Смит, Кэнон (Smith, Canon Sydney) 478, 479
- Смит, Томас (Smith, Sir Thomas) 225-226, 280-283, 285, 519
- Смит, Чарльз (Smith, Charles) 471
- Распространение учения А. Смита 477-503, 533
  - Бенгам 477
  - и экономическая мысль 500-502
  - в Германии 492-498
  - Мальтус и атака на население 481-492
  - в России 498-500
  - Дугальд Стюарт 478-481
- Смолл, Албион (Small, Albion W.) 492, 502, 533
- Собственность
  - и свобода 312-317
  - право с. 31-32, 58, 59, 369-371
  - теория 316
- Протестантизм 99, 137-175
  - анабаптизм 146-150
  - Бьюкенен 171-173
  - государственный абсолютизм 137-139
  - гугеноты 167-170
  - естественное право и права собственности 369
  - и схоласты 102, 114, 128, 129, 130, 369, 417
  - кальвин и кальвинизм 137-139, 140-143
  - лигисты и «политики» 173-174
  - меркантилизм 216, 261, 286, 314
  - мессианский коммунизм 159-164
  - Мюнстер и тоталитарный коммунизм 150-159
  - нешколастические католики 164-167
  - Реформация 99, 131, 194
  - экономические взгляды Лютера 137-140
- Собьер, Самуэль (Corbière, Samuel) 250
- Совет по торговле 262
- Соединенные Штаты. См. Северная Америка
- Сократ 6, 11, 73
- Сократики 7-8, 21
- Соляной налог (габель, gabelle) 220
- Сомезу, Клод де (Салмазий, Клавдий) (Saumaise, Claude (Claudius Salmassius)) 144, 145, 514
- Сомерсет, лорд (Somerset, Lord) 280
- Соммерс, Джон (Somers, Sir John MP) 321, 322, 323
- Соответствия теория 277, 296
- Сорокин, Питирим (Sorokin, Pitirim A.) 9, 302, 305
- Сорренто, архиепископ (Руфин Ассизский) (Sorrento, Archbishop of (Rufinus)) 38
- Соудек, Джозеф (Soudek, Josef) 16, 508
- Спиноза, Барух *или* Бенедикт (Spinoza, Baruch or Benedictus de) 302
- Спрос 309-312
  - график 311
- Средневековая мысль 509-511. См *тж* Христианское Средневековье
- Средние века, до Ренессанса 67-95
  - абсолютизм 71-2
  - активные естественные права 93-94
  - Антонино Флоренский 85-88
  - Бернардин Сиенский 81-85
  - Буридан 72-7
  - великая депрессия XIV в. 67-71
  - запрет ростовщичества 88-93
  - крушение томизма 71-72
  - Лангенштейн 77-9
  - номинализм 71-72, 93-94
  - Орезм 72-77

- полезность и деньги 72-77
- ростовщичество и вексельный обмен (обмен иностранной валюты) 79-81
- швабские либералы 88-93
См. тж Христианское Средневековье
- Статистика 497
- Статут (Закон) о ремесленниках 223, 284
- Статут о монополиях 1623 г. 284
- Статут о работниках 1351 г. 70
- Стейер, Джеймс (Stayer, James M.) 514
- Стивен, Мейи (Stephens, Meie) 515
- Стоики 21, 22
- Стоктон, Констант Нобл (Stockton, Constant Noble) 528
- Столетняя война 67
- Стрейер, Джозеф (Strayer, Joseph R.) 517
- Стюарт, Джеймс Денхэм (Steuart, Sir James Denham) 437-438, 528, 533
- Стюарт, Джеймс, граф Морей (Stewart, James, Earl of Moray) 171
- Стюарт, Дугальд (Stewart, Dugald) 457, 478-481, 502, 533
- Стюарт, Мэттью (Stewart, Matthew) 478
- Стюарты (Stuarts) 313, 316, 320, 345
  - абсолютизм 277-280
  - монархия 300
  - претендент 346
  - Реставрация 303
- Суарес, Франциско (Suarez, Francisco) 115-116, 117, 118, 122, 131, 314, 418, 511, 512, 528
- Суригоне, Стефано (Surigone, Stefano) 195
- Схоласты 59-64, 137, 141, 314, 374
  - поздние 511-513
- Схоласты испанские 99-133
  - иезуиты 131-133
  - Каэтан 99101
  - Мариана 117-122
  - поздние саламанкцы 112-116
  - последние саламанкцы: Лессий и де Луго 122-127
  - расширение торговли в XI в. 99
- упадок 127-131
См. тж Саламанкская школа
- Сыма Цань (Ssu-ma Ch'ien или Sima Qian) 26-27
- Сэй, Жан-Батист (Say, Jean-Baptiste) 324, 403, 437, 500
- Сэя закон 397, 422, 525
- Сюли, Максимилиен де Бетюн, барон де Рони, герцог де (Sully, Maximilien de Béthune, Baron de Rosny, Duc de) 239-240, 518
- Сяо Кунчуань (Hsiao, Kung-chuan) 507
- Табориты 162-163, 164
- Так, Ричард (Tuck, Professor Richard) 58, 59, 64, 95, 115, 133, 305, 339, 510, 511
- Такер, Джошуа (Tucker, Dean Josiah) 335-338, 342, 523
- Талья, налог на землю (taille réelle) 220
- Тарасио, Винсент (Tarascio, Vincent) 349, 352, 353, 524, 525
- Тассии, Джеймс (Tassie, James) 435
- Тауни, Ричард (Tawney, Richard Henry) 52, 64, 78, 139, 141, 174, 513
- Тауншенд, Чарльз (Townshend, Charles, the third Viscount) 335-338, 342, 523
- Тацит 166
- Твердые деньги, ответ сторонников 332-335
- Тейлор, Уильям (Taylor, William Leslie) 457, 472, 473, 527, 529, 530
- Текстиль 221-226
- Теологи 47-51, 51-58
- Терре, аббат (Terray, Abbé) 388-389
- Тертуллиан 33
- Тийо, Гийом дю (Tillot) 409
- Тимберлейк, Ричард (Timberlake, Richard H. Jr.) 529
- Тимолеон, Франсуа, аббат де Шуази (Thimoleon, François, Abbe de Choisy) 267
- Тит, Силий (Titus, Colonel Silius) 319
- Товарищества (societas) 555-556
- Тодд, У. (Todd, W. B.) 529
- Толлисон, Роберт (Tollison, Robert D.) 472, 516, 528, 531

- Томизм 51, 59, 72, 80, 85, 88, 102, 115, 143
 – крах 71-72
 – и схоласты 128, 129, 131
См. тж Каэтан, кардинал; Фома Аквинский
- Торговля 309, 318, 321, 322, 324
 – зерном 408
 – между Англией и Ост-Индией 289, 291
 – свободная 288
 – торговый баланс 309-310, 311
- Торговля мировая 332
- Торговля, расширение в XI в. 99
- Торговля, расширение в XVI в. 99
- Тори, и *laissez-faire* 323-327
- Торнтон, Генри (Thornton, Henry) 480
- Тосканы, герцог (Tuscany, Duke of).
См. Леопольд II
- Тревор-Роупер, Х. (Trevor-Roper, H. R.) 305, 520
- Тренчард, Джон (Trenchard, John) 521
- Третьего мира страны 491
- Третьяков, Иван Андреевич 498-499
- Тридцати тиранов правление 6
- Тридцатилетняя война 244
- Труд
 – производительный и непроизводительный 444-448
 – теория распоряжения трудом 454
 – теория ценности на основе затрат труда (количества труда) 455, 462
 – трудовая теория <ценности> 57, 316
 – теория собственности на основе приложения труда 317
 – теория ценности 16, 57, 317, 438
См. тж Разделение труда; Производительный и непроизводительный труд; Количества трудовых усилий теория
- Тью кружок (Tew circle) 305, 339
- Тюдоры (Tudors) 277-280. *См. тж* Меркантилизм
- Тюрго, Анн Робер Жак, барон де л'Ольн (Turgot, Anne Robert Jacques, baron de L'Aulne) 85, 261, 266, 333, 335, 360, 366, 367, 378, 379, 425, 429, 430, 436, 437, 441, 448, 451, 459, 467, 478, 479, 483, 500, 501, 522, 526
 – биография 385-386
 – влияние 402-403
 – теории капитала, предпринимательства, сбережения и процента 395-401
 – теория денег 401-402
 – теория производства и распределения 393-395
 – ценность, обмен и цена 390-393
 – «Замечания на статью Сен-Перави» 394
 – «Письмо аббату Терре о пошлинах на железо» 388-389
 – «План написания рботы о налогодобложении» 389
 – «Похвальное слово Гурнэ» 386
 – «Размышления о происхождении и распределении богатства» 385, 392, 393, 395, 396, 400, 402, 403, 412
 – «Статья о процентных ссудах» 399
 – «Ценность и деньги» 390, 401
 – *laissez faire* и свобода торговли 386-390
- Тюрго, Мишель-Этьен (Turgot, Michel-Etienne) 385
- У** Чиюэнь (Wu, Chi-Yuen) 341, 362, 473, 520, 523
- Уайлдмен, майор Джон (Wildman, Major John) 316
- Уайлд, Джон (Wild, John) 509
- Уайт, Хорес (White, Horace B.) 520
- Уатт, Джеймс (Watt, James) 444
- Уилкинс, Джон (Wilkins, Dr John) 299, 305
- Уиллер, Джон (Wheeler, John) 286, 289
- Уилсон, Т. (Wilson, T.) 473, 532
- Уильям из Осера (William of Auxerre) 47, 49-50
- Уильямс, Джордж (Williams, George Huntston) 514
- Уоддел, Д. (Waddell, D.A.G.) 310, 338, 520
- Уолвин, Уильям (Walwyn, William) 313
- Уоллер, Эдвард (Waller, Edward) 319
- Уоллес, Роберт (Wallace, Dr Robert) 424, 484, 485
- Уолпол, Роберт (Walpole, Robert) 340

- Уолцер, Майкл (Walzer, Michael) 175, 513
- Уорсли, Бенджамин (Worsley, Dr Benjamin) 299, 301
- Уотли, Ричард (Whately, Dr (Archbishop) Richard) 412
- Уотнер, Карл (Watner, Carl) 304, 519
- Упущенная выгода. См. *lucrum cessans*
- Урбан III, папа (Urban III) 44, 104
- Условия торговли, аргумент 287-288
- Утопия коллективистская 10-12
- Уэввэлл, Уильям (Whewell, William) 312
- Уэддерберн, Александр (Wedderburn, Alexander) 424, 440
- Уэльс 68
- Уэсли, Джон (Wesley, John) 342
- Уэст, Эдвин (West, Edwin G.) 446-447, 468, 472, 474, 531
- Фабер**, Абрам де (Fabert, Abraham de) 258-259
- Фанфани**, Амиторе (Fanfani, Amintore) 78
- Фенелон** (Франсуа де Салиньяк де Ламот-Фенелон) (Fenelon of Cambrai, Archbishop Francois de Salignac de la Mothe) 263-267, 268, 272, 378, 518
- Феодосий**, император (Theodosius) 31
- Фергюсон**, Адам (Ferguson, Adam) 424, 440, 443, 472, 478, 499, 530
- Фердинанд**, король Неаполитанский (Ferdinand, King of Naples) 187, 188
- Феретти**, Феррето (Ferreti, Ferreto) 185
- Ферма**, Пьер де (Fermat, Pierre de) 297
- Фернис**, Эдгар (Furniss, Edgar S.) 305, 520
- Феттер**, Фрэнк А. (Fetter, Frank A.) 413, 526
- Феттер**, Фрэнк У. (Fetter, Frank W.) 533
- Фиггис**, Джон (Figgis, John) 513
- Физиократия** 411
- во Франции 365-381
  - Бернулли и математическая экономика 379-381
  - единый налог на землю 371-374
  - естественное право и права собственности 369-371
  - объективная ценность и издержки производства 374-375
  - секта 365-366
  - стратегия и влияние 377-379
  - «Экономическая таблица» 375-377
  - laissez faire 367-369, 389, 525-526
  - в России 498
- Филип II**, король Испании (Philip II) 117, 199, 215, 216
- Филип III**, король Испании (Philip III) 117, 119-120, 121, 123
- Филип IV Красивый**, король Франции (Philip IV, the Fair) 68, 69, 517
- Филип Гессенский** (Philip of Hesse) 138
- Филип**, король (Philip) 7
- Филмер**, Роберт (Filmer, Sir Robert) 279, 519
- Финли**, Мозес (Finley, Moses I.) 16, 27, 508
- Фитцджереймс**, Джеймс, герцог Бервик (Fitzjames, James, Duke of Berwick) 346
- Фишпер**, Ирвинг (Fisher, Irving) 329
- Фладд**, Роберт (Fludd, Robert) 305
- Фламандцы** 68
- Фландрия** 68, 104, 111, 221
- Флери**, Клод, аббат (Fleury, Abbe Claude) 263-267, 377
- Фокс-Дженовезе**, Элизабет (Fox-Genovese, Elizabeth) 373, 525
- Фоли**, Вернард (Foley, Vernard) 509
- Фома Аквинский** (Saint Thomas Aquinas) 48, 49, 50, 51-58, 59, 60, 64, 72, 73, 74, 77, 79, 81, 92, 101, 115, 126, 168, 369, 425
- «Комментарии» к «Сентенциям» 51, 52, 54
  - теория денег 73
  - теория морали 102
  - «Сумма теологии» 51, 53, 54, 100
- Фома из Чобхема** (Thomas of Chabham) 48, 49
- Форсет**, Эдвард (Forset, Edward) 278, 279
- Франклин**, Бенджмин (Franklin, Benjamin) 482

- Франциск I, король (Francis I) 199, 200
- Франциск Ассизский (Francis of Assisi, Saint) 62
- Францисканцы, и теория полезности 59-64
- Франция 99, 199, 201, 266, 269, 270
 – гуманизм 199-201
 – и меркантилизм в Англии 284, 330-331
 – и распространение учения А. Смита 479, 500
 – и схоласты 102, 105, 106, 132
 – Кантильон 345, 346, 348
 – католичество 138, 142, 143, 167, 174
 – кольбертизм 216-220
 – население 491
 – от Средних веков до Возрождения 68, 69, 72, 94
 – Парижский университет 47-51
 – Просвещение 292
 – протестантизм 138, 142, 143, 167, 174
 – Семилетняя война 336
 – торговля 238-239
 – *laissez faire* 318, 386
См. т.ж. Абсолютизм; Меркантилизм; Физиократия; Французская революция
- Французская революция 255, 378, 379, 478, 483, 485, 488
- Франческо Медичи, Великий герцог Тосканский (Francesco, the Medici Grand Duke of Tuscany) 166
- Фрейм, Дональд (Frame, Donald) 515
- Фридрих, Карл (Friedrich, Carl) 378
- Фронда 257, 267
- Фуггер, Якоб (Fugger, Jacob) 140, 142
- Фусфелд, Дэниел (Fusfeld, Daniel R.) 519
- Фэй, Ч. Р. (Fay, C. R.) 530
- Хаак, Теодор (Haak, Theodore) 299
- Хайек, Фридрих (Hayek, F. A. von) 25, 347, 352, 358, 362, 397, 413, 421, 523, 524, 527
- Хайекианцы 268, 369, 388, 527
- Халл, Джеймс (Hull, James) 196
- Хамови, Рональд (Hamowy, Ronald) 339, 443, 472, 521, 530
- Хансен, Элвин (Hansen, Alvin Henry) 209
- Харви, Уильям (Harvey, William) 328
- Харрис, Джеймс (Harris, James) 441
- Харрис, Джозеф (Harris, Joseph) 335, 342, 462, 523
- Хартвелл, Рональд (Hartwell, Ronald Max) 531
- Хартлиб, Самуил (Hartlib, Samuel) 297-298, 299, 305
- Хартманн, Иоганн (Hartmann, Johann) 162
- Хатт, Уильям (Hutt, W. H.) 427, 431
- Хатчесон, Фрэнсис (Hutcheson, Francis) 419, 420-423, 425, 435, 436, 437, 439, 441, 448-449, 474, 501
 – «Система моральной философии» 420, 422, 423
- Хатчисон, Теренс (Hutchison, Terence W.) 305, 335, 338, 339, 340, 341, 342, 410, 413, 520, 523, 527, 530
- Хейвлок, Эрик (Havelock, Eric A.) 509
- Хейлс, Джон (Hales, John) 280, 281, 282, 519
- Хекшер, Эли (Heckscher, Eli F.) 213, 230, 515, 516, 533
- Хеннеман, Джон (Henneman, John Bell) 517
- Хессельберг, Кеннет (Hesselberg, A. Kenneth) 528
- Хиггс, Генри (Higgs, Henry) 523, 525
- Хилл, Кристофер (Hill, Christopher) 283
- Химмельфарб, Гертруда (Himmelfarb, Gertrude) 534
- Хиндерлитер, Роджер (Hinderliter, Roger H.) 514
- Хирон, Сэмюэл (Hieron, Samuel) 142-143
- Хозелиц, Берт (Hoselitz, Bert F.) 395, 412, 525
- Холландер, Джейкоб (Hollander, Jacob B.) 533
- Холландер, Сэмюэл (Hollander, Samuel) 530, 532
- Хорнер, Фрэнсис (Horner, Francis) 478, 479-480, 533
- Хорниг, Филипп Вильгельм фон (Hornigk, Philipp Wilhelm von) 493

- Хорсфилд, Кит (Horsefield, J. Keith) 517
- Хоум, Генри (лорд Кеймс) (Home, Henry (Lord Kames)) 336, 424, 439, 440, 474
- Хоум, Джон (Home, John) 424
- Хоффман, Мельхиор (Hoffman, Melchior) 151
- Христианство 21, 22
- Христианское Средневековье 31-64
- канонисты 37-42, 42-47
  - каролингское и каноническое право 36-37
  - купцы, раннее отношение к 32-36
  - римское право 33-32
  - романисты 37-42
  - схоласты 59-64
  - теологи 47-51
  - Фома Аквинский 51-58
- Хугуччио (епископ Феррары) (Huguccio (Bishop of Ferrara)) 38, 39, 44-45
- доктрина/линия 40, 49
- Хукер, Ричард (Hooker, Richard) 278
- Хут, Ганс (Hut, Hans) 150
- Хэйсек, Карл (Hasek, Carl William) 533
- Хэмилтон, Бернис (Hamilton, Bernice) 511
- Хэмфри, герцог Глостерский (Humphrey, Duke of Gloucester) 195
- Хэни, Льюис (Haney, Lewis H.) 533
- Цена 390-393
- теория цены 123, 349
  - и ценность 349-351
  - регулирование 77
- Цена естественная 453
- Ценность 390-393
- денег 101
  - и цена 349-351
  - объективная ценность и издержки производства 374-375
  - парадокс 61
  - теория 448-357
- Цицерон, Марк Тулий 22, 25, 35, 53, 181, 509
- Чайлд, Джосайя (Child, Sir Josiah) 317-323, 340, 386, 522
- «Краткие наблюдения о торговле и денежном проценте» 318
  - «Новое рассуждение о торговле» 321, 322
- Чалмерс, Джордж (Chalmers, George) 474
- Частная собственность и деньги 13-15
- Чауфен, Алехандро (Chafuen, Alejandro) 512
- Черная смерть 70
- Чёрч, Уильям Фарр (Church, William Farr) 210, 515
- Чесарано, Филиппо (Cesarano, Filippo) 527
- Чжуан-Цзы 24, 25
- Чикагская школа 78
- Читнис, Ананд (Chitnis, Anand C.) 527, 530, 533
- Шамильяр, Мишель (Chamillart, Michel) 270**
- Шарон, Мари (Charon, Marie) 248
- Шафаревич, Игорь 175, 514
- Швабские либералы и запрет ростовщичества 88-93
- Швейцария 138, 167
- Швеция 298
- Шелберны, семейство (Shelburne family) 300
- Шелтон, Джордж (Shelton, George) 342, 523
- Шер, Ричард (Sher, Richard B.) 527
- Шефтсбери, граф (лорд Эшли, Энтони Эшли Купер) (Shaftesbury, Earl (Lord Ashley, Anthony Ashley Cooper)) 315, 316, 320, 321, 323, 521
- последователи 315
- Ширраз, Финдли (Shirras, G. Findlay) 522
- Шлетвайн, Иоганн Август (Schlettwein, Johann August) 378
- Шотландия 68, 171
- католицизм 138, 142, 167
  - протестантизм 138, 142, 167
  - распространение учения А. Смита 479, 480, 498, 499
- См. тж* Шотландское Просвещение
- Шотландское Просвещение 342, 417-431, 439, 527-528
- Кармаикл 417-420
  - Юм и теория денег 42530

- Хатчесон 420-423
– и пресвитерианство 423-425
– и Россия 498, 499
– и распространение учения А. Смита 479, 501
- Шпенглер, Джозеф (Spengler, Joseph J.) 272-273, 274, 507, 508, 518, 523, 525
- Шпигель, Генри (Spiegel, Henry W.) 340, 373, 431, 507, 525, 533
- Шрёдер, Вильгельм Фрайхерр фон (Schröder, Wilhelm Freiherr von) 493
- Штейн, барон Карл фон (Stein, Baron Karl von) 496, 533
- Штейн, Генрих (Stein, Heinrich) 498
- Шторх, Генрих Фридрих Фрайхерр фон (Storch, Heinrich Friedrich Freiherr von) 499-500, 533
- Шторх, Никлас (Storch, Niklas) 147
- Штраус, Лео (Strauss, Leo) 339
- Шугарт, Уильям (Shughart, William F. II) 472, 531
- Шумпетер, Йозеф (Schumpeter, Joseph A.) 79, 94, 187, 199, 209, 214, 291, 304, 305, 340, 352, 394, 402, 413, 437, 438, 464, 471, 472, 473, 487, 490-491, 493, 500, 502, 510, 514, 515, 525, 529, 533
- Эберт, Роберт (Hébert, Robert F.) 354, 356, 412, 524, 525, 526
- Эверс, Уильямсон (Evers, Williamson M.) 509
- Эгмонт, граф (Egmont, Earl) 347, 362
- Эджворт, Ф. (Edgeworth, F. Y.) 394
- Эдуард I, король Англии (Edward I) 68
- Эдуард III, король (Edward III) 221
- Эйнауди, Луиджи (Einaudi, Luigi) 405, 526
- Экк, Иоганн (Eck, Johann) 93, 140, 141
- Эклунд, Роберт (Ekelund, Robert B. Jr.) 516
- Экономическая мысль 500-502
«Экономическая таблица». См. Кенэ, Франсуа
- Эксперимент мысленный 348
- Экстремизм 117-122
- Эль Греко (El Greco) 109
- Эмпиризм 292-296
- Энгельс, Фридрих (Engels, Friedrich) 149
- «Энциклопедия» 292, 388, 443
- Эон, Жан (Матиас де Сен-Жан) (Éon, Jean (Mathias de Saint-Jean)) 245
- Эпикур/Эпикурейцы 20
- Эпплби, Джойс (Appleby, Joyce Oldham) 304, 305, 339, 521
- Эразм, Дезидерий (Erasmus, Desiderius) 196
- Эскобарщина (escobarderie) 132
- Эшем, Роджер (Ascham, Roger) 196
- Эшкрафт, Ричард (Ashcraft, Richard) 314, 339, 521, 315
- Эшли, лорд (Ashley, Lord). См. Шефтсберри, граф
- Южных морей пузырь** 341
- Юлий II (Julius II) 185
- Юм, Давид (Hume, David) 332, 333, 335, 341, 342, 360-361, 400, 401, 413, 424, 430, 431, 439, 441, 460-461, 501, 523, 524, 528, 532
- и теория денег 425-430
- последователи 462
- «История Англии» 425
- «Политические рассуждения» 426, 430, 440
- «Трактат о человеческой природе» 425
- Юро, Жак (Hurault, Jacques) 209
- Юсти, Иоганн Генрих Готтлиб фон (Justi, Johann Heinrich Gottlieb von) 493-494, 533
- Юстиниан, император 31, 32
- Юэ, Пьер Даниэль (Huet, Pierre Daniel, Bishop of Avranches) 266
- Якоб, Людвиг Генрих фон (Jakob, Ludwig Heinrich von)** 497-498, 533
- Яков I, король (James I) 117, 122, 295
- Яков II, король (James II) 323, 324, 346
- Яков III, король (James III) 346
- Янг, Артур (Young, Arthur) 471
- Янов, Александр 517
- Янсений, Корнелий (Jansen, Cornelius) 132
- Япония 175
- Ярмарки в Шампани 67-68, 69, 99
- Яси, Оскар (Jászi, Oscar) 512, 515

- caentia pecuniae (плата за отсутствие денег) 125-126
- census (покупка аннуитета) 90, 91, 107, 108, 140
- laesio enormis (большой убыток) 39-40, 42, 47, 52
- laissez faire 13, 24, 281, 283
- единый налог на землю 371
  - и испанские схоласты 103, 104, 114
  - и свободная торговля 367-368
  - и Смит 439, 463-469, 471
  - и распространение учения А. Смита 478, 479, 495
  - и Тюрго 385, 386-390, 403
  - и Шотландское Просвещение 421-422, 423
  - меркантилизм в Англии 317-318, 319, 333, 335-338, 340
  - меркантилизм во Франции 261, 264, 265, 266, 267-273
  - ограничение 40
  - производительный и непроизводительный труд 446
- разделение труда 442
  - саморегулирование рынка 359
  - теоретики полезности 408
  - теория денег 425, 429, 430
  - тори-сторонники 323-327
  - физиократия 368-369, 377, 378, 379, 525-536
  - христианское Средневековье 31-32, 37, 39
- «Lo Codi» 40
- lucrum cessans (упущенная выгода)
- в Средние века 46, 61-62
  - от Средних веков до Ренессанса 79-80, 84, 88, 91
  - у протестантов и католиков 140, 144, 145
  - у испанских схоластов 101, 108, 124, 127
- turpe lucrum (постыдная прибыль) 40-41, 43

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
БЛАГОДАРНОСТИ	10
ГЛАВА 1. ПЕРВЫЕ ФИЛОСОФЫ-ЭКОНОМИСТЫ: ДРЕВНИЕ ГРЕКИ	13
ГЛАВА 2. ХРИСТИАНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	43
ГЛАВА 3. ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К РЕНЕССАНСУ	83
ГЛАВА 4. ПОЗДНИЕ ИСПАНСКИЕ СХОЛАСТЫ	117
ГЛАВА 5. ПРОТЕСТАНТЫ И КАТОЛИКИ	159
ГЛАВА 6. АБСОЛЮТИСТСКАЯ МЫСЛЬ В ИТАЛИИ И ВО ФРАНЦИИ	201
ГЛАВА 7. МЕРКАНТИЛИЗМ: НА СЛУЖБЕ У АБСОЛЮТИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА	235
ГЛАВА 8. ФРАНЦУЗСКАЯ МЕРКАНТИЛИСТСКАЯ МЫСЛЬ В XVII СТОЛЕТИИ	255
ГЛАВА 9. ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА МЕРКАНТИЛИЗМ ВО ФРАНЦИИ XVII В.	275
ГЛАВА 10. МЕРКАНТИЛИЗМ И СВОБОДА В АНГЛИИ С ЭПОХИ ТЮДОРОВ ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	297
ГЛАВА 11. МЕРКАНТИЛИЗМ И СВОБОДА В АНГЛИИ СО ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО 1750 Г.	331
ГЛАВА 12. ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: РИЧАРД КАНТИЛЬОН	371
ГЛАВА 13. ФИЗИОКРАТИЯ ВО ФРАНЦИИ СЕРЕДИНЫ XVIII В.	393
ГЛАВА 14. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ТЮРГО	415
ГЛАВА 15. ШОТЛАНДСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ	449
ГЛАВА 16. ПРОСЛАВЛЕННЫЙ АДАМ СМИТ	467
ГЛАВА 17. РОСТ РЯДОВ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ СМИТА	513
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	543
УКАЗАТЕЛЬ	573

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
БЛАГОДАРНОСТИ	10
ГЛАВА 1. ПЕРВЫЕ ФИЛОСОФЫ-ЭКОНОМИСТЫ: ДРЕВНИЕ ГРЕКИ	13
1.1. Природный закон	13
1.2. Политика полиса	16
1.3. Первый «экономист»: Гесиод и проблема редкости благ	19
1.4. Досократики	20
1.5. Правая коллективистская утопия Платона	22
1.6. Ксенофонт о ведении домашнего хозяйства	24
1.7. Аристотель: частная собственность и деньги	25
1.8. Аристотель: обмен и ценность	28
1.9. Крах после Аристотеля	31
1.10. Даосизм и Древний Китай	37
1.11. Примечания	42
ГЛАВА 2. ХРИСТИАНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	43
2.1. Римское право: права собственности и laissez faire	43
2.2. Как ранние христиане относились к торговцам	44
2.3. Каролинги и каноническое право	49
2.4. Канонисты и романисты Болонского университета	50
2.5. Запрет каноников на ростовщичество	56
2.6. Теологи Парижского университета	61
2.7. Философ-теолог: св. Фома Аквинский	66
2.8. Схоласты конца XIII в.: францисканцы и теория полезности	75
2.9. Примечания	81
ГЛАВА 3. ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К РЕНЕССАНСУ	83
3.1. Великая депрессия XIV в.	83
3.2. Абсолютизм и номинализм: крушение томизма	88
3.3. Полезность и деньги: Буридан и Орем	90
3.4. Не такой как все: Генрих фон Лангенштейн	95
3.5. Ростовщичество и сделки с иностранной валютой в XIV в.	97
3.6. Мирской аскет: св. Бернардин Сиенский	99
3.7. Ученик: св. Антонино Флоренский	104
3.8. Швабские либералы и атака на запрет ростовщительства	108
3.9. Номиналисты и активные естественные права	114
3.10. Примечания	115
ГЛАВА 4. ПОЗДНИЕ ИСПАНСКИЕ СХОЛАСТЫ	117
4.1. Расширение торговли в XVI в.	117
4.2. Кардинал Каэтан: либеральный томист	118
4.3. Саламанкская школа: первое поколение	120

4.4. Саламанкская школа, Аспилькуэта и Медина	124
4.5. Саламанкская школа, зрелые годы	129
4.6. Поздние представители саламанкской школы	133
4.7. Ученый «экстремист» Хуан де Мариана	138
4.8. Последние представители саламанкской школы. Лессиус и де Луго	144
4.9. Упадок схоластики	150
4.10. Завершающие ремарки: буря над иезуитами	155
4.11. Примечания.	157
Глава 5. ПРОТЕСТАНТЫ И КАТОЛИКИ	159
5.1. Лютер, Кальвин и государственный абсолютизм	159
5.2. Экономические воззрения Лютера	161
5.3. Экономические воззрения Кальвина и кальвинистов	163
5.4. Кальвинисты о ростовщичестве	166
5.5. Коммунистические фанатики: анабаптисты	169
5.6. Тоталитарный коммунизм в Мюнстере	173
5.7. Истоки мессианского коммунизма	183
5.8. Католики, не принадлежавшие к схоластике	188
5.9. Радикальные гугеноты	191
5.10. Джордж Бьюкенен: радикальный кальвинист	195
5.11. Лигисты и «политики».	197
5.12. Примечания.	199
Глава 6. АБСОЛЮТИСТСКАЯ МЫСЛЬ В ИТАЛИИ И ВО ФРАНЦИИ	201
6.1. Зарождение абсолютистской мысли в Италии	201
6.2. Итальянский гуманизм: республиканцы.	203
6.3. Итальянский гуманизм: монархисты	207
6.4. «Сатана»: проповедник зла	211
6.5. Распространение гуманизма в Европе	217
6.6. Ботеро и распространение макиавеллизма.	219
6.7. Гуманизм и абсолютизм во Франции	223
6.8. Скептик как абсолютист: Мишель де Монтень	225
6.9. Жан Боден: кульминация абсолютистской мысли во Франции.	227
6.10. После Бодена.	231
6.11. Примечания.	233
Глава 7. МЕРКАНТИЛИЗМ: НА СЛУЖБЕ У АБСОЛЮТИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА	235
7.1. Меркантилизм как экономический аспект абсолютизма	235
7.2. Меркантилизм в Испании	237
7.3. Меркантилизм и кольбертизм во Франции	239
7.4. Меркантилизм в Англии: текстиль и монополии	244
7.5. Закабаление на востоке Европы	249
7.6. Меркантилизм и инфляция.	250
7.7. Примечания	254
Глава 8. ФРАНЦУЗСКАЯ МЕРКАНТИЛИСТСКАЯ МЫСЛЬ В XVII СТОЛЕТИИ	255
8.1. Формирование правящей элиты	255

8.2. Первый крупный французский меркантилист: Бартелеми де Лаффема	257
8.3. Первый «Кольбер»: герцог де Сюлли	259
8.4. Эксцентричный поэт: Антуан де Монкретьен	260
8.5. Грандиозный провал Франсуа Дюнуайе	262
8.6. Под властью кардиналов, 1624—1661 гг.	264
8.7. Кольбер и Людовик XIV	267
8.8. Людовик XIV: апогей абсолютизма	270
8.9. Примечания	273
ГЛАВА 9. ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА МЕРКАНТИЛИЗМ ВО ФРАНЦИИ XVII в.	275
9.1. Восстание босоногих	275
9.2. Клод Жоли и Фронда	277
9.3. Единый налог	278
9.4. Рост оппозиции коллективизму со стороны коммерсантов и дворянства	279
9.5. Коммерсанты и совет по торговле	282
9.6. Маршал Вобан: королевский инженер и единый налог	283
9.7. Флери, Фенелон и бургундский кружок	284
9.8. Утилитарист из лагеря laissez faire: сир де Белеба	288
9.9. Буагильбер и laissez faire	290
9.10. Оптимистическое руководство на рубеже столетия	295
9.11. Примечания	296
ГЛАВА 10. МЕРКАНТИЛИЗМ И СВОБОДА В АНГИИ С ЭПОХИ ТЮДОРОВ ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	297
10.1. Абсолютизм Тюдоров и Стюартов	297
10.2. Сэр Томас Смит: меркантилист и сторонник разумной денежной политики	300
10.3. «Экономический либерализм» сэра Эдварда Кока	304
10.4. «Бульонистские» нападки на иностранную валюту и ост-индскую торговлю	306
10.5. Апогеты ост-индской торговли дают отпор	310
10.6. Пророк «эмпиризма»: сэр Фрэнсис Бэкон	314
10.7. Последователи Бэкона: сэр Уильям Петти и «политическая арифметика»	318
10.8. Примечания	327
ГЛАВА 11. МЕРКАНТИЛИЗМ И СВОБОДА В АНГИИ СО ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО 1750 г.	331
11.1. Последователи Петти: Давенант, Кинг и «закон спроса»	331
11.2. Свобода и собственность: левеллеры и Локк	335
11.3. Чайлд, Локк, ставка процента и монетная система	340
11.4. Братья Норты, выводы из аксиом и laissez faire в стане тори	346
11.5. Инфляционисты	351
11.6. Ответ сторонников твердых денег	356
11.7. Laissez faire в середине столетия: Такер и Тауншенд	360
11.8. Примечания	363

ГЛАВА 12. ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: РИЧАРД КАНТИЛЬОН	371
12.1. Биографические сведения	371
12.2. Методология	373
12.3. Ценность и цена	375
12.4. Неопределенность и предприниматель	378
12.5. Теория народонаселения	380
12.6. Пространственная экономика	381
12.7. Деньги и процессный анализ	382
12.8. Международные денежные отношения	386
12.9. Саморегулирование рынка	387
12.10. Влияние	389
12.11. Примечания	390
ГЛАВА 13. ФИЗИОКРАТИЯ ВО ФРАНЦИИ СЕРЕДИНЫ XVIII в.	393
13.1. Секта	393
13.2. Laissez faire и свобода торговли	395
13.3. Предтеча свободного рынка: маркиз д'Аржансон	396
13.4. Естественное право и право собственности	398
13.5. Единый налог на землю	400
13.6. Объективная ценность и издержки производства	403
13.7. Экономическая таблица	405
13.8. Стратегия и влияние	407
13.9. Даниэль Бернулли и начало математической экономики	409
13.10. Примечания	412
ГЛАВА 14. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ТЮРГО	415
14.1. Личность	415
14.2. Laissez faire и свобода торговли	416
14.3. Ценность, обмен и цена	421
14.4. Теория производства и распределения	424
14.5. Теория капитала, предпринимательства, сбережений и процента	426
14.6. Теория денег	434
14.7. Влияние	434
14.8. Другие исследователи теории полезности во Франции и Италии XVIII в.	436
14.9. Примечания	446
ГЛАВА 15. ШОТЛАНДСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ	449
15.1. Основоположник: Джершом Кармайкл	449
15.2. Фрэнсис Хатчесон: учитель Адама Смита	452
15.3. Шотландское Просвещение и пресвитерианство	456
15.4. Давид Юм и теория денег	458
15.5. Примечания	464
ГЛАВА 16. ПРОСЛАВЛЕННЫЙ АДАМ СМИТ	467
16.1. Загадка Адама Смита	467
16.2. Жизнь Смита	471

16.3. Разделение труда	474
16.4. Производительный и непроизводительный труд	477
16.5. Теория ценности	482
16.6. Теория распределения	492
16.7. Теория денег	495
16.8. Миф о laissez faire	499
16.9. О налогообложении	505
16.10. Примечания	508
Глава 17. РОСТ РЯДОВ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ СМИТА	513
17.1. «Богатство народов» и Иеремия Бентам	513
17.2. Влияние Дугальда Стюарта	514
17.3. Мальтус и осуждение перенаселенности	518
17.4. Соппротивление и триумф в Германии	530
17.5. Идеи Смита в России	536
17.6. Смит покоряет экономическую мысль	538
17.7. Примечания	541
Библиографический очерк	543
1. Библиографии общего характера	543
2. Экономическая мысль в древности	543
3. Средневековая мысль	546
4. Поздние схоласты	547
5. Лютер и Кальвин	549
6. Анабаптистский коммунизм	550
7. Католики-несхоласты	551
8. Монархомахи: гугеноты и католики	551
9. Абсолютизм и итальянский гуманизм	552
10. Абсолютизм во Франции	552
11. Меркантилизм	553
12. Французская меркантилистская мысль XVII в.	555
13. Французская либеральная оппозиция меркантилизму	555
14. Английские меркантилисты: XVI — начало XVII в.	556
15. Локк и левеллеры	558
16. Английские меркантилисты: конец XVII — XVIII в.	559
17. Современная экономическая теория: Ричард Кантильон — отец-основатель	561
18. Ранние математические экономисты	562
19. Физиократы и laissez faire	563
20. А.Р.Ж. Тюрго	563
21. Фердинандо Галиани	564
22. Шотландское Просвещение	565
23. Прославленный Адам Смит	567
24. Распространение учения А. Смита	571
25. Мальтус и народонаселение	572
УКАЗАТЕЛЬ	573

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Ротбард Мюррей

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Том 1

От Античности до Адама Смита

Подписано к использованию 04.05.20

Формат 14,5×22,0 см

Гарнитура Journal

Издательство «Социум»

117321, Москва, ул. Островитянова, 26, корп. 1

Тел.: (495) 330-51-98

Сайт: <http://sotsium.ru>

Эл. почта: mail@sotsium.ru

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»

Сайт: <http://www.intermediator.ru>

Телефон: (495) 587-74-81

Эл. почта: info@intermediator.ru

Австрийская школа, начало которой было положено сочинением К. Менгера «Основания политической экономики», — один из трех источников «маржиналистской революции» конца XIX в. В это время в экономической науке произошла смена парадигмы: вместо объяснения цен на основе издержек, свойственного британской политэкономии и марксизму, утвердилось объяснение цены через взаимодействие субъективных оценок экономических агентов.

Различия в подходах, предложенных пионерами «маржиналистской революции» — К. Менгером, С. Джевонсом и Л. Вальрасом, — привели к тому, что в 1940–1950-х гг. в экономической науке выделились два несовместимых течения. Формирование австрийского подхода завершилось в 1940 г., когда Л. фон Мизес подвел прагматологический фундамент под теорию цены и всё здание экономической теории. Второй подход, сложившийся в результате формалистического переворота 1950-х гг., лег в основу доминирующей сегодня математической экономической теории.

В настоящее время австрийская экономическая школа представляет собой полный корпус экономической теории — от теории цены, денег и капитала до теории экономического цикла.

В двухтомной истории экономической мысли от Античности до середины XIX в. Мюррей Ротбард описывает развитие представлений о ключевых экономических понятиях — редкости благ, обмене, торговле, полезности, ценности, издержках, цене, деньгах, проценте — и связывающих их экономических законах, а также об экономической политике.

Автор не ограничивается, как это часто бывает, пунктирным изложением идей Великих Экономистов, а, восстанавливая живую ткань истории, знакомит читателей и с «второстепенными» фигурами, чей вклад в развитие экономической науки иногда более весом, чем у многих знаменитостей.

Ротбард показывает, что экономическая теория — это не постоянно прогрессирующая система взглядов, что она может двигаться и порой движется по зигзагообразной и даже попятной траектории, когда более поздние систематические заблуждения вытесняют более ранние, но правильные парадигмы, тем самым направляя экономическую мысль по ошибочному пути.